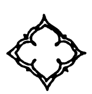
Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Тома V-VIII

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

КНИГА ВТОРАЯ

ТОМА V—VIII

Санкт-Петербург
«ЗОЛОТОЙ ВЕК»
«ДИАМАНТ»
1997

ББК 63.3 (2)
К 21

Карамзин Н. М.

К 21 История государства Российского: В 3 книгах. Кн. 2: История государства Российского. т. V—VIII/Примеч., словарь М. Зиминой; родосл. табл. В. Синельникова; оформление Ю. Амбросова; — СПб: ООО «Золотой век», ТОО «Диамант», 1997. — 720 с., ил.

ISBN 5-89215-035-6
ISBN 5-89215-034-8

ISBN 5-89215-035-6
ISBN 5-89215-034-8

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКОЙ
1363—1389 гг.

Гнев ханский. Стеснение князей удельных. Договор. Усмирение князя нижегородского. Язва. Великий пожар. Каменный Кремль. Частные победы над моголами. Разбои новогородской вольницы. Междоусобия тверских князей. Запустение Херсона. Нашествие Литвы. Война с орденом. Сила Мамая. Вторичное нашествие Ольгерда. Благоразумие Михаила Тверского. Любовь народная к Димитрию. Знамения. Возвращение великого князя из Орды. Война с Олегом. Новое впадение Литвы. Междоусобие. Третье нашествие Ольгерда. Избиение татар в Нижнем. Последний тысячский в Москве. Война с тверским князем. Первая смертная казнь в Москве. Поход в Болгарию. Начало Казани. Нашествие моголов. Пословица. Победа над моголами. Успехи в войне с Литвою. Дела церковные. Нашествие Мамаево. Измена Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерлан. Нашествие Тохтамыша. Мужественный князь Остей. Приступ к столице. Вероломство Тохтамыша. Взятие и разрушение Москвы. Скорбь Димитрия. Изгнание Олега. Восстановление Москвы. Изгнание митрополита. Ненависть князя тверского к Димитрию. Сын Димитриев в Орде. Тяжкая дань. Мир с Олегом. Ссора и мир с Новымгородом. Крещение Литвы. Жестокость князя смоленского. Бегство сына Димитриева из Орды. Смерть князя нижегородского. Вражда между вел. князем и Владимиром. Их примирение. Новый порядок наследства. Кончина великого князя. Свойства Димитриевы. Строение городов и монастырей. Дела церковные. Ересь стригольников. Крещение Пер-

ми. Сношения с Грециею. Путешествие Пимена. Италианцы в нашей службе. Деньги вместо кун. Огнестрельное искусство в России. Кометы. Зима до 20 апреля.

Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою: настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу и народу уничиженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: Судьба испытывает людей и государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастие мужественною твердостию в противностях оного.

Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана Мурутом, желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом царе, Авдуле, сильном Мамаевою Ордою: посол сего хана явился с милостивою грамотою, и Димитрий долженствовал вторично ехать в Владимир, чтобы принять оную согласно с древними обрядами. Хитрость бесполезная: угождая обоим ханам, великий князь оскорблял того и другого; по крайней мере утратил милость Сарайского и, возвратясь в Москву, сведал, что Димитрий Константинович опять занял Владимир: ибо Мурут прислал ему с сыном бывшего владетеля белозерского, Иоанном Феодоровичем, и с тридцатью слугами ханскими ярлык на великое княжение. Но гнев царский[1] уже не казался гневом Небесным: юный внук Калитин осмелился презреть оный, выступил с полками, чрез неделю изгнал Димитрия Константиновича из Владимира, осадил его в Суздале и в доказательство великодушия позволил ему там властвовать как своему присяжнику.

Мысль великого князя или умных бояр его, мало-помалу искоренить систему уделов, оказалась ясно: он выслал князей стародубского и галицкого из их наследственных городов, обязав Константина Ростовского быть в точной и совершенной зависимости от главы России. Изумленные решительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновению древнему и закону отцов их, они жаловались, но повиновались:

---

[1] Царский — то есть ханский.

первые отъехали к князю Андрею Нижегородскому, а Константин в Устюг.

В сие время Димитрий Иоаннович лишился брата и матери [1364 г.]. Тогда он с двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, заключил [1364 г.] договор, выгодный для обоих. Митрополит Алексий был свидетелем и держал в руках святый крест: юные князья, окруженные боярами, приложились к оному, дав клятву верно исполнять условия, которые состояли в следующем: «Мы клянемся жить подобно нашим родителям: мне, князю Владимиру, уважать тебя, великого князя, как отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Димитрию, не обижать тебя и любить, как меньшого брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Димитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас общие. Узнаем ли какое злоумышление? объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить, мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, великому князю, с удела моего известную дань ханскую. Сборы в волостях княгини Иулиании принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в сотни, мы не должны принимать к себе в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам ординским отправлять свою службу, как в старину бывало» (сим именем означались татары, коим наши князья дозволяли селиться в российских городах). «Если буду чего искать на твоем боярине или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье». — Отнимая уделы свойственников дальних, великий князь не хотел поступить так с ближним, и княжение московское оставалось еще раздробленным.

Между тем в Сарае один хан сменял другого: преемник Мурутов, Азис, думал также низвергнуть Калитина внука, и Димитрий Константинович снова получил ханскую грамоту на великое княжение, привезенную к нему из Орды весною сыном

его, Василием, и татарским вельможею Урусмандом; но сей князь, видя слабость свою, дал знать Димитрию Московскому, что он предпочитает его дружбу милости Азиса и навеки отказывается от достоинства великокняжеского. Умеренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродетель; однако ж Димитрий Иоаннович изъявил ему за то благодарность. Андрей Константинович преставился в Нижнем: желая наследовать сию область и сведав, что она уже занята меньшим братом его, Борисом, князь суздальский прибегнул к московскому. Древнее обыкновение употреблять людей духовных в важных делах государственных еще не переменилось: Св. Сергий, игумен пустынной Троицкой обители, был вызван из глубины лесов и послан объявить владетелю нижегородскому, чтобы он ехал судиться с братом к Димитрию Иоанновичу. Борис, утвержденный между тем на престоле ханскою грамотою, ответствовал, что князей судит Бог. Исполняя данное ему от митрополита повеление, Сергий затворил все церкви в Нижнем; но и сия духовная казнь не имела действия. Надлежало привести в движение сильную рать московскую: Димитрий Суздальский предводительствовал ею. Тогда Борис увидел необходимость повиноваться: выехал навстречу к брату, уступил ему Нижний и согласился взять один Городец; а великий князь, благодеянием привязав к себе Димитрия Константиновича, женился после на его дочери, Евдокии: свадьбу праздновали в Коломне со всеми пышными обрядами тогдашнего времени.

Сие происшествие случилось в год ужасный для Москвы. Язва, описанная нами в княжение Симеоново, вторично посетила Россию. Во Пскове она возобновилась через 8 лет (и князь изборский, Евстафий, с двумя сыновьями был ее жертвою); а в 1364 году купцы и путешественники завезли оную из Бездежа в Нижний Новгород, в Коломну, в Переславль, где умирало в день от 20 до 100 человек. Летописцы говорят о свойстве и признаках болезни таким образом: «Вдруг ударит как ножом в сердце, в лопатку или между плечами; огонь пылает внутри; кровь течет горлом; выступает сильный пот и начинается дрожь. У других делаются железы, на шее, бедре, под скулою, пазухою или за лопаткою. Следствие одно: смерть неизбежная, скорая, но мучительная. Не успевали хоронить тел; едва десять здоровых приходилось на сто больных; не-

счастные издыхали без всякой помощи. В одну могилу зарывали семь, восемь и более трупов. Многие домы совсем опустели; в иных осталось по одному младенцу». В 1365 году зараза открылась в Ростове, Твери, Торжке: в первом городе скончались в одно время князь Константин Васильевич, его супруга, епископ Петр, а во втором вдовствующая княгиня Александра Михайловича с тремя сыновьями, Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром,— их жены, также супруга и сын Константина Михайловича, Симеон, множество вельмож и купцов. В 1366 году и Москва испытала то же бедствие. Сия жестокая язва несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза: наконец (в 1387 году) осталось в нем только пять человек; которые, по словам летописи, вышли и затворили город, наполненный трупами.

Москва незадолго до язвы претерпела и другое несчастие: пожар, какого еще не бывало и который слывет в летописях *великим пожаром Всесвятским*, ибо начался церковию Всех Святых. Сей город разделялся тогда на *Кремль, Посад, Загородье* и *Заречье*: в два часа или менее огонь, развеваемый ужасною бурею, истребил их совершенно. Многие бояре и купцы не спасли ничего из своего имения.— Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решился построить *каменный Кремль* и заложил его весною в 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать меры для безопасности отечества и столицы, когда Россия уже явно действовала против своих тиранов: могли ли они добровольно отказаться от господства над нею и простить ей великодушную смелость? Мурза ординский, Тагай, властвуя в земле мордовской или в окрестностях Наровчата, выжег нынешнюю Рязань: Олег соединился с Владимиром Димитриевичем Пронским и с князем Титом Козельским (одним из потомков Св. Михаила Черниговского), настиг и разбил Тагая в сражении кровопролитном. Столь же счастливо Димитрий Нижегородский с братом своим, Борисом, наказал другого сильного могольского хищника, Булат-Темира. Сей мурза, овладев течением Волги, разорил Борисовы села в ее окрестностях, но бежал от наших князей за реку Пьяну; многие татары утонули в ней или были истреблены россиянами;

а сам Булат-Темир ушел в Орду, где хан Азис велел его умертвить. — Сии ратные действия предвещали важнейшие[1].

Великий князь, готовясь к решительной борьбе с ордою многоглавою, старался утвердить порядок внутри отечества. Своевольство новогородцев возбудило его негодование: многие из них, под названием охотников, составляли тогда целые полки и, без всякого сношения с правительством, ездили на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 году) ходили по реке Оби до самого моря с молодым вождем Александром Обакуновичем и сражались не только с иноплеменными сибирскими народами, но и с своими двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число татар, армян, хивинцев, бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычею. Узнав о том, великий князь объявил гнев новогородцам; велел захватить их чиновника в Вологде, ехавшего из Двинской области, и сказать им, что они поступают как разбойники и что купцы иноземные находятся в России под защитою государя. Правительство, извиняясь неведением, нашло способ умилостивить Димитрия.

Самая язва не прекратила междоусобия тверских князей. Василий Михайлович Кашинский, долговременный неприятель Всеволода Холмского, ссорился и с братом его, Михаилом Александровичем (княжившим прежде в Микулине) за область умершего Симеона Константиновича. Дядя хотел быть главою княжения; а племянник доказывал, что он, будучи сыном брата старшего, есть наследник его прав и властелин всех частных уделов. Они хотели решить тяжбу судом духовным: уполномоченный для того митрополитом, тверской епископ обвинил дядю, но долженствовал сам ехать в Москву для ответа: ибо Василий и брат Симеонов, Иеремий Константинович, жаловались на его несправедливость Святому Алексию. Сие дело казалось неважным: открылись следствия несчастные для Твери и Москвы. Юноша Михаил имел достоинства, властолюбие и сильного покровителя в знаменитом Ольгерде Литовском, женатом на его сестре. Зная, что великий князь и митрополит

---

[1] Предвещали важнейшие — то есть были предвестниками более значительных битв.

держат сторону Василиеву — зная также намерение первого господствовать самодержавно над всею Россиею,— Михаил уехал в Литву. Пользуясь его отсутствием, Василий и Иеремий гнали усердных к нему бояр и, предводительствуя данною им от Димитрия московскою ратию, опустошили Михаилову область, в надежде, что он не дерзнет возвратиться. Но Михаил спешил отмстить дяде и брату, ведя с собою войско литовское; взял Тверь, пленил свою тетку и думал осадить Кашин, где заключился Василий; однако ж епископ примирил их, с условием, что дядя уступит старейшинство племяннику и будет довольствоваться областию Кашинскою.

Князь московский участвовал в сем мире и подтвердил его. Но прозорливые советники Димитриевы, боясь замыслов Михаила — который назвался *великим князем тверским* и хотел восстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, как вероятно, наученный, Иеремий Константинович приехал к Димитрию с новыми жалобами, требуя, чтобы он взял на себя распорядить уделы в Твери. Михаила позвали в Москву дружелюбно и ласково: сам Св. Алексий обнадежил его в безопасности, уверяя, что суд великого князя навсегда утвердит тишину в тверских владениях. Слово митрополита и святость гостеприимства не дозволяли страшиться обмана. Михаил желал видеть столицу Димитрия (уже славную тогда в России), узнать его лично, беседовать с благоразумными вельможами московскими: он въехал гостем, но сделался невольником [1368 г.]. Нарядили третейский суд; хотели предписывать законы Михаилу; удалили от него бояр тверских и содержали их как пленников в разных домах с князем. Обман, недостойный правителей мудрых! и виновники не воспользовались оным. Летописцы говорят, что прибытие ханского вельможи, Карача, заставило советников Димитриевых освободить утесненного князя: сей мурза, как вероятно, вступился за него; вероятно и то, что Св. Алексий, невольно вовлеченный в дело, противное совести, удержал их от дальнейшего насилия. Михаил спешил удалиться, громогласно обвиняя Димитрия и митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольным и не жаловаться! Он уступил, без сомнения также невольно, Городок или область Симеона Константиновича князю Иеремию, с коим отправился туда чиновник московский.

Надлежало довершить оружием, что начали коварством. Василий Кашинский умер: великий князь, как бы желая только защитить сына его, Михаила, от притеснений, послал войско в Тверь; а Михаил Александрович ушел к Ольгерду. Сей литовский государь, более двадцати лет воюя непрестанно с немецким орденом, с поляками, россиянами, купил славу героя кровию бесчисленного множества людей и пеплом городов: равнодушно смотрел на изнурение своих подданных и, бодрый в летах старости, все еще искал новых приобретений. В 1363 году он ходил с войском к Синим водам, или в Подолию, и к устью Днепра, где кочевали три орды могольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей и похитил церковные сокровища: с того времени, как вероятно, опустел сей древний город и татары заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы. Поход к берегам Черного моря не препятствовал Ольгерду беспокоить Россию: военачальники его взяли Ржев, а сын, Андрей Полоцкий (в 1368 году) старался овладеть другими пограничными местами нашими. Россияне также действовали наступательно, и юный князь Владимир Андреевич ознаменовал свое мужество счастливым успехом, изгнав литву из города Ржева. В сих обстоятельствах Ольгерд должен был ревностно вступиться за шурина, который предлагал ему идти прямо к Москве и смирить дерзкого юношу, уже столь решительного в замыслах самовластия. Собрав многочисленные полки, он выступил к пределам России с братом Кестутием, также поседевшим в битвах, и с сыном его, отроком Витовтом, будущим героем, грозным для всех народов соседственных. Летописцы рассказывают, что Кестутий, возвращаясь однажды с войском из Пруссии, увидел в Полонге красавицу, именем Бириту, и влюбился в нее: дав идолам своим обет вечно сохранить девство и за то слывя богинею в народе, она не хотела быть женою храброго князя; но Кестутий насильно сочетался с нею браком. От сей Бириты родился знаменитый Витовт.

Князь смоленский, добровольно или принужденно, соединил дружину свою с полками литовскими, которые шли, не зная куда: ибо Ольгерд умел хранить тайну в важных предприятиях, чтобы нападать внезапно, и любил побеждать хитростию еще более, нежели силою. Он был окружен россиянами и купцами иноземными; но цель его похода оставалась неиз-

вестною в Москве до самого того времени, как сей завоеватель приблизился к нашим границам. Изумленный великий князь отправил гонцов во все области для собрания войска и, желая остановить стремление неприятеля, велел боярину, Димитрию Минину, идти вперед с одними полками московскими, коломенскими и дмитровскими. Вторым начальником был воевода князя Владимира Андреевича, именем Иакинф Шуба. Уже Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города; убил князя стародубского, Симеона Димитриевича Кропиву, а в Оболенске князя Константина Юрьевича, происшедшего от Св. Михаила Черниговского, и близ Тростенского озера ударил всеми силами на воеводу Минина. Многие наши князья, бояре легли на месте, и полки московские были истреблены совершенно. Ольгерд, истязая пленников, спрашивал: где великий князь? и есть ли у него войско? Все ответствовали единогласно, что Димитрий в столице и еще не успел соединить сил своих. Победитель спешил к Москве, где великий князь с братом, Владимиром Андреевичем, с митрополитом Алексием, со всеми знаменитейшими людьми затворился в Кремле, велев обратить в пепел окрестные здания. Три дня Ольгерд стоял под стенами, грабил церкви, монастыри, не приступая к городу: каменные стены и башни устрашали его; а зимние морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстию[1] и множеством пленников, он удалился, гоня перед собою стада и табуны, отнятые у земледельцев и городских жителей; вышел из России и хвалился тем, что она долго не забудет сделанных им в ней опустошений. В самом деле, великое княжество не видало подобных ужасов в течение сорока лет, или со времен Калиты, и сведало, что не одни татары могут разрушать государства.

Как скоро сия буря миновалась, великий князь отправил брата, Владимира Андреевича, защитить псковитян от немцев. Оскорбленные убиением некоторых россиян на границах Ливонии в мирное время, псковитяне (в 1362 году) остановили у себя гостей немецких, а жители Дерпта новогородских. Были съезды и переговоры. Новгород посылал бояр своих в Дерпт: наконец с обеих сторон задержанным купцам дали свободу;

---

[1] Корысть — добыча.

однако ж псковитяне взяли с немцев немало серебра за их вероломство и не могли долго ужиться с ними в мире. Открылась новая ссора за границы: посол от великого князя ездил в Дерпт и не успел ни в чем. Вслед за ним явилось войско немецкое, предводимое магистром Вильгельмом Фреймерзеном, архиепископом Фромгольдом и многими командорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки под его стенами и ночью ушло. «К несчастию (говорит тамошний летописец), князь Александр и главные чиновники наши были в разъезде по селам, а мы ссорились с Новымгородом». Прибытие князя Владимира Андреевича восстановило согласие между ими; с того времени новогородцы действовали заодно с своими братьями, псковитянами; принудили немцев бежать от Изборска и вторично от Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузен, и (в 1371 году) заключили с орденом мир.

Потрясенная нашествием Литвы Москва имела нужду в отдохновении: великий князь возвратил Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлил снова объявить ему войну: принудил его вторично бежать в Литву, взял Зубцов, Микулин и пленил множество людей, чтобы ослабить державу опасного противника. Раздраженный бедствием своего невинного народа, Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством татар. Уже Мамай силою или хитростию соединил так называемую *Золотую*, или Сарайскую Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую; объявил ханом Мамант-Салтана и господствовал под его именем. Вероятно, что он был недоволен Димитрием или, находясь в дружелюбном сношении с Ольгердом, хотел угодить ему; по крайней мере, выслушав благосклонно Михаила, дал ему грамоту на сан великого князя: посол ханский долженствовал ехать с ним в Владимир. Но времена безмолвного повиновения миновались: конные отряды московские спешили занять все пути, чтобы схватить тверского князя, и Михаил, ими гонимый из места в место, едва мог пробраться в Вильну.

Одержав победу над крестоносцами немецкими, седой Ольгерд наслаждался или скучал тогда миром. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрий сделал Литве новую, чувствительную досаду, посылав воевод московских осаждать Брянск и тревожить владения союзника ее, князя смоленского. Ольгерд решился вторично идти к Москве,

как скоро болота и реки замерзли от первого холода зимнего. Несколько тысяч земледельцев шли впереди, прокладывая прямые дороги. Войско не останавливалось почти ни днем, ни ночью; не смело ни грабить, ни жечь селений, чтобы не тратить времени, и в исходе ноября приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал храбрый, опытный муж, Василий Иванович Березуйский, один из князей смоленских, верный слуга Димитриев. Три дня бились под стенами, и рать многочисленная не могла одолеть упорства осажденных, так что Ольгерд, потеряв терпение, с досадою удалился от ничтожной деревянной крепости; ибо время казалось ему дорого. Но россияне оплакивали своего знаменитого начальника: неприятельский воин скрылся во рву и, видя князя березуйского стоящего перед городскими воротами, ударил его сквозь мост копием. Сей верный сын отечества, довольный спасением города, посвятил Небу последние минуты жизни: он скончался монахом.

6 декабря [1370 г.] Ольгерд и правая рука его, мужественный Кестутий, расположились станом близ Москвы; с ними был и князь смоленский Святослав. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада и вторично не дерзнули приступить к Кремлю, где сам Димитрий начальствовал: митрополит Алексий находился тогда в нижнем Новегороде, к сожалению народа, всегда ободряемого в опасностях присутствием святителя. Но великий князь и бояре, предвидя следствие взятых ими мер, спокойно ожидали оного. Брат Димитриев, Владимир Андреевич, стоял в Перемышле с сильными полками, готовый ударить на литовцев с тылу; а князь Владимир Димитриевич Пронский вел к Москве рязанское войско. Ольгерд устрашился и требовал мира; уверял, что, не любя кровопролития, желает быть *вечно* нашим другом, и в залог искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за князя Владимира Андреевича. Великий князь охотно заключил с ним *перемирие* до июля месяца. Несмотря на то, сей коварный старец шел назад с величайшею осторожностию, боясь тайных засад и погони: столь мало верил он святости государственных договоров и чести народа, имевшего причину ненавидеть его, как жестокого злодея России!

Не только страх быть окруженным полками российскими, но и другие обстоятельства вселяли в Ольгерда сие нетерпеливое желание мира: а именно, новые неприятельские замыслы

немецкого ордена, о коих слегка упоминается в наших летописях, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледельцам убрать хлеба; в декабре и генваре было удивительное тепло: в начале же февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлеб, осенью засыпанный снегом. Сия оттепель, испорченные дороги, разлитие рек и трудность доставать съестные припасы могли иметь гибельные следствия для войска в земле неприятельской.— Одним словом, Ольгерд, думая только о себе, забыл пользу своего шурина и не включил его в договор мирный.

Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю и выехал из Орды с новым ярлыком на великое княжение владимирское. Хан предлагал ему даже войско; но сей князь не хотел оного, боясь подвергнуть Россию бедствиям опустошения и заслужить справедливую ненависть народа: он взял только ханского посла, именем Сарыхожу, с собою. Узнав о том, Димитрий во всех городах великого княжества обязал бояр и чернь клятвою быть ему верными и вступил с войском в Переславль Залесский. Тщетно враг его надеялся преклонить к себе граждан владимирских; они единодушно сказали ему: «У нас есть государь законный; иного не ведаем». Тщетно Сарыхожа звал Димитрия в Владимир слушать грамоту хана: великий князь ответствовал: «К ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, послу, даю путь свободный». Наконец сей вельможа татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где, осыпанный дарами и честию, пируя с князьями, с боярами, славил Димитриево благонравие. Михаил же, видя свое бессилие, возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных областей великокняжеских.

Между тем грамота ханская оставалась еще в его руках: сильный Мамай не мог простить Димитрию двукратное ослушание, имея тогда войско готовое к впадению в Россию, к убийствам и грабежу. Великий князь долго советовался с боярами и с митрополитом; надлежало или немедленно восстать на татар, или прибегнуть к старинному уничижению, к дарам и лести. Успех великодушной смелости казался еще сомнительным: избрали второе средство, и Димитрий — без сомнения зная расположение Мамаево — решился ехать в Орду, утвержденный в сем намерении моголом Сарыхожею, который взялся предупредить хана в его пользу. Народ ужаснулся, воображая,

что сей юный, любимый государь будет иметь в Орде участь Михаила Ярославича Тверского и что коварный Сарыхожа, подобно злодею Кавгадыю, готовит ему верную гибель. По крайней мере никто не мог без умиления видеть, сколь Димитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных. Митрополит Алексий провожал его до берегов Оки: там усердно молился Всевышнему, благословил Димитрия, бояр, воинов, всех княжеских спутников и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь государя доброго; он сам желал разделить с ним опасности: но присутствие его было нужно в Москве, где оставался Совет боярский, который уже по отбытии Димитрия заключил мир с литовскими послами вследствие торжественного обручения Елены, Ольгердовой дочери, за князя Владимира Андреевича: свадьба совершилась чрез несколько месяцев.

С нетерпением ожидали вестей из Орды; суеверие, устрашенное необыкновенными явлениями естественными, предвещало народу государственное бедствие. В солнце видны были черные места, подобные гвоздям, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днем в двух саженях нельзя было разглядеть лица человеческого; птицы, не смея летать, станицами[1] ходили по земле. Сия тьма продолжалась около двух месяцев. Луга и поля совершенно иссохли; скот умирал; бедные люди не могли за дороговизною купить хлеба. Печальное уныние царствовало в областях великокняжеских: думая воспользоваться оным, Михаил Тверской хотел завоевать Кострому; однако ж взял одну Мологу, обратив в пепел Углич и Бежецк.

В исходе осени усердные москвитяне были обрадованы счастливым возвращением своего князя: хан, царицы, вельможи ординские и в особенности темник Мамай, не предвидя в нем будущего грозного сопротивника, приняли Димитрия с ласкою; утвердили его на великом княжении, согласились брать с оного дань гораздо умереннейшую прежней и велели сказать Михаилу: «Мы хотели силою оружия возвести тебя на престол владимирский; но ты отвергнул наше предложение, в надежде на собственное могущество: ищи же покровителей, где хочешь!» Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу кня-

[1] Станица — стая.

зей московских и тем дороже ценили покорность Димитрия. В Орде находился сын Михаилов, Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен царю. Димитрий, желая иметь столь важный залог в руках своих, выкупил Иоанна и привез с собою в Москву, где сей юный князь жил несколько времени в доме у митрополита; но, согласно с правилами чести, был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра; Михаил же оставался неприятелем великого князя: воеводы московские, убив в Бежецке наместника Михаилова, опустошили границы тверские.

Тогда явился новый неприятель, который хотя и не думал свергнуть Димитрия с престола владимирского, однако ж всеми силами противоборствовал его системе единовластия, ненавистной для удельных князей: то был смелый Олег Рязанский, который еще в государствование Иоанна Иоанновича показал себя врагом Москвы. Озабоченный иными делами, Димитрий таил свое намерение унизить гордость сего князя и жил с ним мирно: мы видели, что рязанцы ходили даже помогать Москве, теснимой Ольгердом. Не опасаясь уже ни литвы, ни татар, великий князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною ратию московскою вступил в Олегову землю и встретился с полками сего князя, не менее многочисленными и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. «Друзья! — говорили рязанцы между собою: — Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян». *Рязанцы*, прибавляет летописец, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* москвитяне, устроенные вождем искусным, побили их наголову. Олег едва ушел. Великий князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал все свои области [1372 г.]; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

Михаил, все еще имея тесную связь с Литвою, всячески убеждал Ольгерда действовать с ним заодно против великого князя, без сомнения представляя ему, что время укрепит Ди-

митрия в мужестве и властолюбии; что сей государь, столь еще юный, рано или поздно отмстит ему за двукратную осаду Москвы и захочет возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России; что надобно низвергнуть опасного неприятеля или по крайней мере частыми нападениями ослаблять его силу. *Вечный мир*, клятвенно утвержденный в Москве литовскими послами, и новый брачный союз с домом ее князей произвели единственно то, что Ольгерд не захотел сам предводительствовать войском, а послал Кестутия, Витовта, Андрея, сына своего, и князя Димитрия Друцкого разорять наше отечество. Не уступая брату ни в скорости, ни в тайне воинских замыслов, Кестутий весною осадил Переславль, столь внезапно, что схватил многих земледельцев на полях и бояр, выехавших в села для хозяйственных распоряжений. В такое время, когда едва сошел снег и глубокие реки находились в полном разливе, никто не ожидал неприятеля внутри России. Впрочем, сие литовское впадение было одним быстрым набегом: Кестутий выжег предместие, но снял осаду и соединился с войском Михаила, который опустошил села вокруг Дмитрова, взяв окуп с города. Обе рати двинулись к Кашину; истребили селения вокруг его и также взяли дань с граждан, а князя Михаила Васильевича, преданного Димитрию, обязали клятвою быть подвластным Тверскому. На возвратном пути литовцы злодействовали и в самых владениях их союзника; Михаил же, оставив наместников в Торжке, величал себя победителем.

Но победа еще ожидала его. Не зная, кто останется главою России, Михаил или Димитрий, новогородцы (в 1370 году) дали на себя грамоту первому, обещая ему повиноваться как своему законному властителю, *если* хан утвердит его в великокняжеском достоинстве. Когда же Димитрий возвратился из Орды с царскою милостию, тогда они заключили с ним договор противиться общими силами Михаилу, литве и рижским немцам: великий князь обязывался самолично предводительствовать войском или прислать к ним брата, Владимира Андреевича. Сведав, что Михаил занял Торжок, новогородцы спешили выгнать оттуда его наместников, ограбили всех купцов тверских и взяли с жителей клятву быть верными их древнему правительству. Немедленно обступив Торжок, Михаил требовал, чтобы виновники сего насилия и грабежа были ему выданы и чтобы жители снова приняли к себе тверского наместника.

Бояре новогородские ответствовали надменно; сели на коней и выехали в поле с гражданами. Мужество и число тверитян решили битву: смелый воевода новогородский, Александр Абакумович, победитель сибирских народов, и знаменитые товарищи его пали мертвые в первой схватке; другие бежали и не спаслися: конница Михаилова топтала их трупы, и князь, озлобленный жителями, велел зажечь город с конца по ветру. В несколько часов все здания обратились в пепел, монастыри и церкви, кроме трех каменных; множество людей сгорело или утонуло в Тверце, и победители не знали меры в свирепости: обдирали донага жен, девиц, монахинь; не оставили на образах ни одного золотого, ни серебряного оклада и с толпами пленных удалились от горестного пепелища, наполнив 5 скудельниц мертвыми телами. Летописцы говорят, что злодейства Батыевы в Торжке не были так памятны, как Михаиловы.

Совершив сей подвиг, тверской князь готовился к важнейшему. Набег Кестутиев, прервав мирную связь между Литвою и Россиею, долженствовал иметь следствие, и старец Ольгерд хотел предупредить Димитрия: зная твердо путь к его столице, со многочисленным войском устремился к оной; шел, по своему обыкновению, без отдыха и, соединясь с Михаилом близ Калуги, думал, что москвитяне увидят его только на Поклонной горе. Но знамена великого князя уже развевались в поле: передовой отряд московский, быстро ударив на Ольгердов, гнал бегущих до самого их главного войска. Российское стало против литовского, готовое к бою; числом одно не уступало другому: надлежало одолеть искусством или храбростию. Между двумя станами находился крутой овраг и глубокая дебрь: ни те, ни другие не хотели сойти вниз, чтобы начать битву, и несколько дней миновало в бездействии, коим воспользовался Ольгерд для предложения мира. С обеих сторон желали оного: если бы россияне одержали верх, то литовцы, удаленные от своих границ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгерд победил, то Димитрий предал бы ему Россию в жертву. Первый имел выгоду опытности; но самая сия опытность не позволяла ему верить слепому случаю, от коего нередко зависит успех или бедствие на войне. Зная же, что так называемый ***вечный*** мир есть пустое слово, они заключили единственное перемирие от 1 августа до 26 октября, и вельможи литовские именем Ольгерда, Кестутия и союзника их, Святослава Смоленского,

а бояре российские именем великого князя и брата его, Владимира Андреевича, написали договор, включив в него с одной стороны князей тверского и брянского, с другой же рязанских, названных *великими*. Главные условия были таковы: «Нет войны между нами. Путь нашим послам и купцам везде свободен. Князь Михаил должен возвратить все похищенное им в областях великого княжения во время трех бывших перемирий и вывести оттуда своих наместников; а буде они не выедут, то Димитрий может их взять под стражу и сам управиться с Михаилом в случае новых его насилий: Ольгерду же в таком случае не вступаться за шурина. Когда люди московские, посланные в Орду жаловаться на князя тверского, успеют в своем деле, то Димитрий поступит, как угодно Богу и царю: чего Ольгерд не должен ставить ему в вину. Михаилу нет дела до великого княжения, а Димитрию до Твери; они ведаются только чрез послов.— Князь литовский обязан возвратить Димитрию сию договорную грамоту, буде вздумает по истечении срока возобновить неприятельские действия».

Таким образом старец Ольгерд заключил свои впадения в Россию, которые могли бы иметь гораздо вреднейшее следствие для ее целости, если бы он нашел в Димитрии менее бодрости и неустрашимости. Историк литовский, вместо трех походов, описывает только один, рассказывая следующие обстоятельства, несогласные с известиями наших современных летописцев: «Димитрий, надменный успехами своего оружия, хотел отнять у Литвы Витебск, Полоцк и Киев; прислал Ольгерду *кремень, огниву, саблю* и велел объявить, что россияне намерены в Светлую неделю похристосоваться с ним в Вильне огнем и железом. Ольгерд немедленно выступил с войском в средине Великого поста и вел с собою послов Димитриевых до Можайска; там отпустил их и, дав им зажженный фитиль, сказал: *Отвезите его к вашему князю. Ему не нужно искать меня в Вильне: я буду в Москве с красным яицом прежде, нежели этот фитиль угаснет. Истинный воин не любит откладывать: вздумал и сделал.*— Послы спешили уведомить Димитрия о предстоящей опасности и нашли его в день Пасхи, идущего к Заутрене; а восходящее солнце озарило на Поклонной горе стан литовский. Изумленный великий князь требовал мира: Ольгерд благоразумно согласился на оный, взяв с россиян много серебра и все их владения до реки Угры. Он вошел с боярами литов-

скими в Кремль, ударил копьем в стену на память Москве и вручил *красное яицо* Димитрию».— Не говоря о хронологических ошибках сего историка, заметим только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовым государством и Россиею, пока Смоленск оставался еще княжеством особенным или не присоединенным к Литве.

Ольгерд не рассудил за благо нарушить перемирия и года два не беспокоил России. Иные опасности явились; медленно, но грозно восходила туча над великим княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником моголов, однако ж не хотел терпеть насилия с их стороны. Вопреки, может быть, слову, данному ханом, послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошнего князя, Димитрия Константиновича, и граждан [1364 г.]: сей князь, исполняя, как вероятно, предписание московского, велел или дозволил народу умертвить послов, с коими находилось более тысячи мамаевых воинов: главного из них, мурзу Сарайку, заключили в крепости с его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайке, что он должен проститься с товарищами и что их будут содержать в разных домах. Испуганный сею вестию мурза ушел от приставов, вбежал в дом епископский, зажег оный и с помощию слуг своих оборонялся: они пустили несколько стрел и едва не ранили самого суздальского епископа, Дионисия; но скоро были все жертвою народной злобы.

Неизвестно, старался ли Димитрий Константинович или великий князь оправдать сие дело перед судилищем ханским: по крайней мере гордый Мамай не стерпел такой явной дерзости и послал войско опустошить пределы нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал боярин Парфений и где через несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов.

Сия месть не могла удовлетворить гневу Мамаеву: он клялся погубить Димитрия, и российские мятежники взялись ему в том способствовать. Мы упоминали о знаменитости московских чиновников, называемых тысячскими, которые, подобно князьям, имели особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно с древним обычаем, чтобы предводительствовать их людьми военными. Димитрий уничтожил сей важный сан, неприятный для самовластия государей и для бояр, обязанных уступать первенство чиновнику

народному. Последний московский тысячский, Василий Васильевич Вельяминов, умерший схимником, оставил сына, именем Ивана, хотевшего, может быть, заступить место отца: недовольный великим князем, он вместе с богатым купцом Некоматом ушел к Михаилу Тверскому и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, чтобы отнять Владимир у московского князя. Отправив коварного Вельяминова и Некомата к хану, Михаил сам ездил в Литву и, возвратясь в Тверь, получил из Орды грамоту на великое княжение. Мамай обещал ему войско: Ольгерд также. Не дав им времени исполнить столь нужное обещание, легкомысленный князь тверской объявил войну Димитрию, послал своих наместников в Торжок и сильный отряд к Угличу.

Великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с тверитянами, и с литвою, и с моголами: гонцы его скакали из области в область; полки вслед за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинах Волока. — Все князья удельные, или служащие московскому, находились под его знаменами: Владимир Андреевич, внук Калитин; Димитрий Константинович Суздальский с двумя братьями и сыном; князья ростовские, Василий и Александр Константиновичи, с двоюродным их братом, Андреем Феодоровичем; Иоанн Смоленский, Василий Ярославский, Феодор Михайлович Моложский, Феодор Романович Белозерский, Василий Михайлович Кашинский (сын умершего Михаила Васильевича), Андрей Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Симеонович Новосильский, Симеон Константинович Оболенский и брат его, Иоанн Торусский. Некоторые из сих князей — например, смоленский и брянский — не были владетельными: ибо в Смоленске господствовал Святослав, дядя сего Иоанна, а в Брянске сын Ольгердов. В Стародубе и Белозерске уже властвовали наместники московские. Оболенск, Торусса и Новосиль, древние уделы черниговские в земле вятичей, подобно Ярославлю, Мологе и Ростову, зависели тогда от великого княжения; однако ж имели своих особенных владетелей, потомков Св. Михаила Черниговского.

Димитрий, взяв Микулин, 5 августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу и весь город окружить тыном. Начались приступы кровопролитные. Верные тверитяне никог-

да не изменяли князьям своим: говели, пели молебны и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество туров[1], защиту осаждающих. Все Михаиловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди отведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели; но тверитяне мужественно умирали на стенах, повинуясь князю и надеясь на Бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал новогородцев, которые явились наконец в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности: литовцы действительно шли к нему в помощь; но, узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: он избрал последнее средство, и владыка Евфимий со всеми знатнейшими тверскими боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения.

Великий князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною политикою. Главные из оных были следующие: «По благословению отца нашего, Алексия митрополита всея Руси, ты, князь тверской, дай клятву за себя и за наследников своих признавать меня *старейшим* братом, никогда не искать великого княжения Владимирского, нашей отчины, и не принимать оного от ханов, также и Новагорода Великого; а мы обещаемся не отнимать у тебя наследственной Тверской области. Не вступайся в Кашин, отчину князя Василия Михайловича; отпусти захваченных бояр его и слуг, также и всех наших, с их достоянием. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые в Торжке, вместе с имением граждан, ныне свободных от данной ими тебе присяги: да будут свободны и те, кого ты закабалил из них грамотами. Но предаем забвению все действия нынешней тверской осады: ни тебе, ни мне не требовать возмездия за убытки, понесенные нами в сей месяц. — Князья ростовские и ярославские *со мною один человек*: не обижай их, или мы за них вступимся. — Откажись от союза с

---

[1] Тур — сооружение для укрытия нападающих от обстрела (корзина без дна, заполненная землей).

Ольгердом: когда литва объявит войну смоленскому» — тогда уже союзнику Димитриеву — «или другим князьям, нашим братьям: мы обязаны защитить их, равно как и тебя. — В рассуждении татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решимся ли платить им дань, и ты плати оную. — Когда я и брат мой, князь Владимир Андреевич, сядем на коней, будь нам товарищ в поле; когда пошлем воевод, да соединятся с ними и твои».

В других статьях сей договорной грамоты сказано, что Михаил, в исполнение прежних условий, освободит всех людей великокняжеских, задержанных в Твери им или его боярами по долгам, искам и ручательству; что бояре вольны отъехать для службы от московского князя к тверскому или от тверского к московскому, но лишаются в таком случае своих жалованных поместьев; что села изменников Ивана Вельяминова и Некомата принадлежат Димитрию; что земли и воды новогородцев, из чести служащих Михаилу, остаются под ведением Новагорода; что тамошние купцы могут безопасно ездить чрез области тверские; что гражданин свободный обязан платить дань князю той области, где живет: хотя бы и находился в службе другого, но подсуден единственно своему государю; что в делах спорных бояре московские и тверские съезжаются для суда на границе, а в случае несогласия избирают князя Олега Рязанского в посредники; что беглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые московские люди не платят в Твери ничего, кроме законных, издавна уставленных пошлин; что всякий насильственный перевод жителей из одной земли в другую воспрещается, и проч. Довольный смирением гордого соперника, Димитрий оставил ему все права князя независимого и название *великого*, подобно смоленским и рязанским князьям. Новогородцы же заключили особенный договор с Михаилом, который обязался дать свободу их пленникам, *житым* (или нарочитым) и простым людям; возвратить товары, отнятые у купцов новогородских, восстановить древние границы между обеими землями, наблюдать правила доброго соседства, не стоять за беглых рабов, должников, и проч. — Сия междоусобная война, счастливая для великого князя, была долгое время оплакиваема в тверских областях, разоренных без милосердия: ибо воевать значило тогда свирепствовать, жечь и грабить. Димитрий, руководствуясь обычаем как уставом народным, не за-

служил упреков от современников, которые, напротив того, славили его великодушие: ибо он не захотел совершенно истребить Твери и свергнуть Михаила с наследственного престола. Летописцы тем более клянут истинных виновников сего бедствия, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнув чрез несколько лет возвратиться в великое княжение, были казнены всенародно, к устрашению подобных им злодеев. Народ московский, долго уважав и любив отца Иванова, чиновника столь знаменитого, с горестию смотрел на казнь сего несчастного сына, прекрасного лицом, благородного видом; она совершилась на древнем *Кучкове поле*, где ныне монастырь Сретенский.

[1376 г.] Великий князь, распустив часть войска, послал другую на болгаров с воеводою, князем Димитрием Михайловичем Волынским, женатым на его сестре, Анне. Сей князь — один из потомков Святополка II, как вероятно, или Романа Галицкого,— выехав из Волыни служить государю московскому, усердствовал отличаться подвигами мужества. Казанская Болгария, еще прежде России покоренная Батыем, с того времени зависела от ханов, и жители смешались с моголами. Мурза Булактемир, как мы упоминали, овладел ею в 1361 году: после властвовал там Осан, неприятель Димитрия Константиновича Суздальского, сверженный им в 1370 году. Взяв с собою посла ханского — следственно, действуя с согласия Мамаева,— сын Димитриев, Василий, и брат, князь городецкий, ходили с войском в Болгарию: приняли дары от Осана, но возвели на его место другого князя. Новый поход россиян в сию землю имел важнейшую цель: великий князь, уже явный враг моголов, хотел подчинить себе Болгарию. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками московскими и приближились к *Казани*, городу славному в нашей истории: сообщим любопытное предание о начале его. «Сын Батыев,— так говорит один летописец XVI века, бывший любимым слугою царя Казанского,— сын Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но, обезоруженный смирением и дарами ее князей, остановился: тут он вздумал завести селение, где бы чиновники татарские, посылаемые для собрания дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, *пчелисто* и *пажитно*[1]: но страшные змии обитали в оном: сыскался волхв, который

---

[1] Пажить — пастбище с густой сочной травой.

обратил их в пепел. Хан основал город *Казань* (что значит *котел* или *золотое дно*) и населил его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими из областей ростовских во время крещения земли Русской; любил сие место, где сближаются ее пределы с Болгариею, Вяткою, Пермию, и часто сам приезжал туда из Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновым Юртом*». Сей хан *Саин* был или Сартак, единственный Батыев сын, известный по летописям, или сам Батый, коего историк татарский, Абульгази, обыкновенно именует *Сагином*.

Казанцы встретили россиян в поле: многие из них выехали на вельблюдах, думая видом и голосом сих животных испугать наших коней; другие надеялись произвести то же действие стуком и громом: но видя неустрашимость россиян, побежали назад. Войско российское, истребив огнем села их, зимовища, суда, заставило двух болгарских владетелей, Осана и Махмат-Салтана, покориться великому князю. Они дали ему и Димитрию Суздальскому 2000, а на воинов 3000 рублей, и приняли в свой город московского чиновника или таможенника: следственно, обязались быть данниками России. Ободренная сим успехом, она готовилась к дальнейшим подвигам.

Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против великого князя (ибо в Орде снова свирепствовала тогда язва), однако ж не упускал случая вредить россиянам. Соседы Нижегородской области, мордва, взялись указать моголам безопасный путь в ее пределы, и царевич, именем Арапша, с берегов Синего, или Аральского моря пришедши служить Мамаю, выступил с ханскими полками [1377 г.]. Димитрий Суздальский известил о том великого князя, который немедленно собрал войско защитить тестя, но, долго ждав моголов и надеясь, что они раздумали идти к Нижнему, послал воевод своих гнаться за ними, а сам возвратился в столицу. Сие ополчение состояло из ратников переславских, юрьевских, муромских и ярославских: князь Димитрий Константинович присоединил к ним суздальцев под начальством сына, Иоанна, и другого князя, Симеона Михайловича. К несчастию, ум предводителей не ответствовал числу воинов. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности: утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежду с

плеч, искали прохлады; другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах. Погибло множество воинов и бояр: князь Симеон Михайлович был изрублен, князь Иоанн Димитриевич утонул в реке, которая прославилась сим несчастьем (осуждая безрассудность воевод Димитриевых, древние россияне говорили в пословицу: *за Пьяною люди пьяны*). — Татары, одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею и на третий день явились под стенами Нижнего Новагорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Димитрий Константинович ушел в Суздаль; а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город, и таким образом наказав его за убиение послов Мамаевых, удалился, обремененный корыстию. Сын Димитрия Константиновича, чрез несколько дней приехав на сие горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорелую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить в ней тело своего несчастного брата, Иоанна, утонувшего в реке.

В то же время моголы взяли нынешнюю Рязань: князь Олег, исстреленный, обагренный кровию, едва мог спастися. Впрочем, они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пеплом, в особенности берега Суры, где Арапша не оставил в целости ни одного селения. Многие бояре и купцы лишились всего имения; в том числе летописцы именуют одного знаменитого гостя, Тараса Петрова: моголы разорили шесть его цветущих, многолюдных сел, купленных им у князя за рекою Кудимою; видя, что собственность в сих местах ненадежна, он навсегда переехал в Москву. — Чтобы довершить бедствие Нижнего Новагорода, мордовские хищники по следам татар рассеялись злодействовать в его

уезде; но князь Борис Константинович настиг их, когда они уже возвращались с добычею, и потопил в реке Пьяне, где еще плавали трупы россиян. Сей князь городецкий вместе с племянником, Симеоном Димитриевичем, и с воеводою великого князя, Феодором Свиблом, в следующую зиму опустошил без битвы всю землю мордовскую, истребляя жилища и жителей. Он взял в плен жен и детей, также некоторых людей чиновных, казненных после в Нижнем. Народ в злобном остервенении влачил их по льду реки Волги и травил псами.

[1378 г.] Сия бесчеловечная месть снова возбудила гнев Мамаев на россиян: ибо земля мордовская находилась под властию хана. Нижний Новгород, едва возникнув из пепла, вторично был взят татарами: жители бежали за Волгу.— Князь Димитрий Константинович, будучи тогда в Городце, прислал объявить Мамаевым воеводам, чтобы они удовольствовались окупом и не делали зла его княжению. Но, исполняя в точности данное им повеление, они хотели крови и развалин: сожгли город, опустошили уезд и, выходя из наших пределов, соединились еще с сильнейшим войском, посланным от Мамая на самого великого князя.

Димитрий Иоаннович, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретил татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза Бегич предводительствовал ими. Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы; ехали вперед легкою рысью. Великий князь стоял в середине, поручив одно крыло князю Даниилу Пронскому, а другое *окольничему*, или ближнему княжескому чиновнику, Тимофею. По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля и дружным, быстрым нападением решило дело: моголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами. Несколько именитых мурз находилось в числе убитых. Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день великий князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами. Довольный столь блестящим успехом, он возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною россиянами над татарами с 1224 года, и не стоила

им ничего, кроме труда убивать людей: столь изменился воинственный характер Чингисханова потомства! Юный герой Димитрий, торжествуя оную вместе со всеми добрыми подданными, мог сказать им словами Библии: *Отступило время от них: Господь же с нами!*

Мамай — истинный властелин Орды, во всем повелевая ханом — затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска; собрал новое и столь быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь, Олег, не имел времени ни ждать вспоможения от великого князя, ни приготовиться к отпору; бежал из столицы за Оку и предал отечество в жертву варварам. Но Мамай, кровопролитием и разрушениями удовлетворив первому порыву мести, не хотел идти далее Рязани и возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени [1378 г.].

Димитрий успел между тем смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от Веры Иисусовой. Некоторые летописцы повествуют, что он гнал христиан и замучил в Вильне трех усердных исповедников Спасителя, включенных нашею церковию в лик Святых; но литовский историк славит его терпимость, сказывая, что Ольгерд казнил 500 виленских граждан за насильственное убиение семи францисканских монахов и торжественно объявил свободу Веры. Смерть сего опасного властолюбца обещала спокойствие нашим юго-западным границам, тем более, что она произвела в Литве междоусобие. Любимый сын и преемник Ольгердов, Ягайло, злодейски умертвив старца Кестутия, принудил сына его, младого Витовта, искать убежища в Пруссии. Андрей Ольгердович Полоцкий, держав сторону дяди, ушел во Псков, дал клятву быть верным другом россиян и приехал в Москву служить великому князю. Перемирие, заключенное с Литвою в 1373 году, было давно нарушено: ибо москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржев. Пользуясь раздором его сыновей, Димитрий в начале зимы [1379 г.] отрядил своего брата, Владимира Андреевича, князей волынского и полоцкого, Андрея Ольгердовича, с сильным войском к Стародубу и Трубчевску, чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России. Оба города сдалися; но полко-

водцы Димитриевы, как бы уже не признавая тамошних обитателей единокровными братьями, дозволяли воинам пленять и грабить. В Трубчевске княжил брат Андреев, Димитрий Ольгердович: ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча на россиян, дружелюбно встретил их с женою, с детьми, со всеми боярами и предложил свои услуги великому князю, который в благодарность за то отдал ему Переславль Залесский *с судом и с пошлиною**.— Таким образом Димитрий мог надеяться в одно время и свергнуть иго татар, и возвратить отечеству прекрасные земли, отнятые у нас Литвою. Сия великая мысль занимала его благородную душу, когда он сведал о новых грозных движениях Орды и долженствовал остановить успехи своего оружия в Литве, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описания знаменитейшего из воинских подвигов древней России предложим читателю церковные дела сего времени, коими Димитрий, несмотря на величайшую государственную опасность, занимался с особенною ревностию.

Еще в 1376 году патриарх Филофей сам собою поставил Киприана, ученого сербина, в митрополиты для России; но великий князь, негодуя на то, объявил, что церковь наша, пока жив Св. Алексий, не может иметь другого пастыря. Киприан хотел преклонить к себе новогородцев и сообщил им избирательную грамоту Филофееву: архиепископ и народ ответствовали, что воля государя московского в сем случае должна быть для них законом. Отверженный россиянами, Киприан жил в Киеве и повелевал литовским духовенством, в надежде скоро заступить место Св. Алексия: ибо сей добродетельный старец уже стоял на пороге смерти. Но великий князь в мыслях своих назначил ему иного преемника.

Между всеми московскими иереями отличался тогда священник села Коломенского, Митяй, умом, знаниями, красноречием, острою памятию, приятным голосом, красотою лица, величественною наружностию и благородными поступками, так, что Димитрий избрал его себе в отцы духовные и в *печатники*, то есть вверил ему хранение великокняжеской печати: сан важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость государева к сему человеку, наставнику, духовнику всех бояр,

* То есть с правом решить дела тяжебные и пользоваться доходами. (V, 52.)

равно сведущему в делах мирских и церковных. Он величался как царь, по словам летописцев: жил пышно, носил одежды драгоценные, имел множество слуг и отроков. Прошло несколько лет: Димитрий, желая возвести его на степень еще знаменитейшую, предложил ему заступить место спасского архимандрита, Иоанна, который в глубокой старости посвятил себя тишине безмолвия. Хитрый Митяй не соглашался и был силою введен в монастырь, где надели на него клобук инока вместе с мантиею архимандрита, к удивлению народа, особенно к неудовольствию духовных. «Быть до обеда бельцем (говорили они), а после обеда старейшиною монахов есть дело беспримерное»[1].

Сей новый сан открывал путь к важнейшему. Великий князь, предвидя близкую кончину Св. Алексия, хотел, чтобы он благословил Митяя на митрополию. Алексий, искренний друг смирения, давно мыслил вручить пастырский жезл свой кроткому игумену Сергию, основателю Троицкой лавры: хотя Сергий, думая единственно о посте и молитве, решительно ответствовал, что никогда не оставит своего мирного уединения, но святый старец, или в надежде склонить его к тому, или не любя гордого Митяя (названного в иночестве Михаилом), отрекся исполнить волю Димитриеву, доказывая, что сей архимандрит еще *новоук*[2] в монашестве. Великий князь просил, убеждал митрополита: посылал к нему бояр и князя Владимира Андреевича; наконец успел столько, что Алексий благословил Митяя, как своего наместника, прибавив: «*если* Бог, патриарх и Вселенский Собор удостоят его править Российскою церковию».

Св. Алексий (в 1378 году) скончался, и Митяй, к изумлению духовенства, самовольно возложил на себя *белый* клобук; надел мантию с источниками и скрижалями; взял посох, печать, казну, ризницу[3] митрополита; въехал в его дом и начал судить

---

[1] Быть бельцем — то есть новичком (белец — живущий в монастыре, но еще не постриженный в монахи).

[2] Новоук — новичок, вновь наученный.

[3] Клобук — монашеский головной убор (высокая шапка с покрывалом); источники — три струистые (В. Даль) полосы на архиерейской мантии вниз от скрижалей; скрижаль — нагрудник на мантии архиерея; ризница — церковная утварь, священнослужительские облачения.

дела церковные самовластно. Бояре, отроки служили ему (ибо митрополиты имели тогда своих особенных светских чиновников), а священники присылали в его казну известные оброки и дани. Он медленно готовился к путешествию в Царьград, желая, чтобы Димитрий велел прежде святителям российским поставить его в епископы, согласно с уставом апостольским, или номоканоном[1]. Великий князь призвал для того всех архиереев в Москву: никто из них не смел ослушаться, кроме Дионисия Суздальского, с твердостию объявившего, что в России один митрополит законно ставит епископов. Великий князь спорил и наконец уступил, к досаде Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между сим нареченным митрополитом и Дионисием, ибо они имели наушников, которые старались усилить их вражду. «Для чего,— сказал первый архиерею суздальскому,— ты до сего времени не был у меня и не принял моего благословения?» Дионисий ответствовал: «Я епископ, а ты поп: и так можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепетал от гнева; грозил, что не оставит Дионисия и *попом*, когда возвратится из Царяграда, и что собственными руками спорет скрижали с его мантии. Епископ суздальский хотел предупредить врага своего и ехать к патриарху; но великий князь приставил к нему стражу. Тогда Дионисий решился на бесчестный обман: дал клятву не думать о путешествии в Константинополь и представил за себя порукою мужа, славного добродетелию, троицкого игумена Сергия; получив же свободу, тайно уехал в Грецию и ввел невинного Сергия в стыд. Сей случай ускорил отъезд Митяя, который уже 18 месяцев управлял церковию, именуясь наместником. В знак особенной доверенности великий князь дал ему несколько белых хартий[2], запечатанных его печатию, дабы он воспользовался ими в Константинополе сообразно с обстоятельствами, или для написания грамот от имени Димитриева, или для нужного займа денег. Сам государь, все бояре старейшие, епископы проводили Митяя до Оки; в Грецию же отправились с ним 3 архимандрита, московский протопоп Александр, несколько игуменов, 6 бояр митрополитских, 2 переводчика и *целый полк*, как говорят летописцы, всякого рода людей, под главным начальством *большого*

[1] Номоканон — сборник церковных правил; Кормчая книга.

[2] Белая хартия — чистый пергамент.

2 Зак. № 39

великокняжеского боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинского, собственного посла Димитриева. Казну и ризницу везли на телегах.

За пределами рязанскими, в степях половецких, Митяй был остановлен татарами и не испугался, зная уважение их к сану духовному. Приведенный к Мамаю, он умел хитрою лестию снискать его благоволение, получил от нового тогдашнего хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлык, — достиг Тавриды и в генуэзской Кафе сел на корабль. Уже Царьград открылся глазам российских плавателей; но Митяй, как второй Моисей (по выражению летописца), долженствовал только издали видеть цель своего путешествия и честолюбия: занемог и внезапно умер, может быть, весьма естественно; но в таких случаях обыкновенно рождается подозрение: он был окружен тайными неприятелями; ибо, уверенный в особенной любви великого князя, излишнею своею гордостию оскорблял и духовных и светских чиновников. Тело его свезли на берег и погребли в Галате.

Вместо того, чтобы уведомить великого князя о происшедшем и ждать от него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить в митрополиты кого-нибудь из бывших с ними духовных: одни хотели Иоанна, архимандрита Петровского, который первый учредил в Москве общее житие братское; а другие Пимена, архимандрита Переславского. Долго спорили: наконец бояре избрали Пимена и, будучи озлоблены укоризнами Иоанна, грозившего обличить их несправедливость пред великим князем, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пимен торжествовал и, нашедши в ризнице Митяевой белую хартию Димитрия, написал на оной письмо от государя московского к императору и патриарху такого содержания: «Посылая к вам архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть митрополитом российским: ибо не знаю лучшего». Царь и патриарх Нил изъявили сомнение. «Для чего (говорили они) князь ваш требует нового митрополита, имея Киприана, поставленного Филофеем?» Но Пимен и бояре достигли своей цели щедрыми дарами, посредством других белых хартий Димитриевых заняв у купцов италиянских и восточных столь великое количество серебра, что сей государь долго не мог выплатить оного. Смягченный корыстию, патриарх сказал: «Не

знаю, верить ли послам российским; но совесть наша чиста» — и посвятил Пимена в Софийском храме.

Оскорбленный вестию о кончине Митяевой, великий князь едва верил самовольству послов своих; объявил Пимена наглым хищником святительства и, призвав в Москву Киприана заступить место Св. Алексия, встретил его с великими почестями, с колокольным звоном, со всеми знаками искреннего удовольствия; а Пимена велел остановить на возвратном пути, в Коломне, и за крепкою стражею отвезти в Чухлому. С него торжественно сняли белый клобук: столь власть княжеская первенствовала у нас в делах церковных! Главный боярин, Юрий Олешинский, и все сообщники Пименовы были наказаны заточением. Сие случилось уже в 1381 году, то есть после славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Мамай пылал яростию и нетерпением отомстить Димитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи; но видя, что россияне уже не трепещут имени могольского и великодушно решились противоборствовать силе силою, он долго медлил, набирая войско из татар, половцев, харазских турков, черкесов, ясов, буртанов, или жидов кавказских, армян и самых крымских генуэзцев: одни служили ему как подданные, другие как наемники. Наконец, ободренный многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех князей ординских и торжественно объявил им, что идет, по древним следам Батыя, истребить государство Российское [1380 г.]. «Казним рабов строптивых! — сказал он в гневе: — да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Желая еще более обнадежить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к московским князьям, жестокосердый в юности и зрелым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велеречив*, сделался ему другом, советником в общих делах государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах великого княжения с тверским. Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить

Россию — страшась быть первою жертвою оного и надеясь хитрым предательством не только спасти свое княжество, но и распространить его владения падением московского, Олег вошел в переговоры с моголами и с Литвою чрез боярина рязанского, Епифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале сентября месяца на берегах Оки. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в великом княжении, с тем, чтобы они, получив сию награду, были верными данниками ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне. «Мамай *со всем царством* идет в землю Рязанскую против меня и тебя, — писал он к великому князю: — Ягайло также: *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся!» В обстоятельствах столь важных, решительных, первою мыслию Димитрия было спешить в храм Богоматери и молить Всевышнего о заступлении. Облегчив сердце излиянием набожных чувств, он разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтобы собирать войско и немедленно вести оное в Москву. Повеление его было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья ростовские, белозерские, ярославские, с своими слугами, — бояре владимирские, суздальские, переславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, серпуховские с *детьми боярскими**, или с воинскими дружинами, составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали в ворота кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и Веру. Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна: долговременный ужас имени татарского, как бы от действия сверхъестественной силы, исчез в их сердце. Они напоминали друг другу славную победу Вожскую; исчисляли все бедствия, претерпенные ими от варваров в течение ста пятидесяти лет, и дивились постыдному терпению своих отцов. Князья, бояре, граждане, земледельцы были воспламенены равным усердием, ибо тиранство ханов равно всех угнетало, от престола до хижины. Какая война была праведнее сей? Счаст-

* Прежде они назывались *детскими* или *отроками боярскими*. (V, 66.)

лив государь, обнажая меч по движению столь добродетельному и столь единодушному! Народ, до времен Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами моголов, в бедности, в отчаянии, не смел и думать о свободе: отдохнув под умным правлением князей московских, он вспомнил древнюю независимость россиян и, менее страдая от ига иноплеменников, тем более хотел свергнуть оное совершенно. Облегчение цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

Каждый ревновал служить отечеству: одни мечом, другие молитвою и делами христианскими. Между тем, как юноши и мужи блистали оружием на стогнах Москвы, жены и старцы преклоняли колена в святых храмах; богатые раздавали милостыню, особенно великая княгиня, супруга нежная и чувствительная; а Димитрий, устроив полки к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем, со всеми князьями и воеводами принять благословение Сергия, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя. Сей святой старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие: летописцы говорят, что он предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но победу — смерть многих героев православных, но спасение великого князя; упросил его обедать в монастыре, окропил святою водою всех бывших с ним военачальников и дал ему двух иноков в сподвижники, именем Александра Пересвета и Ослябю, из коих первый был некогда боярином брянским и витязем мужественным. Сергий вручил им знамение креста на схимах и сказал: «Вот оружие нетленное! Да служит оно вам вместо шлемов!» Димитрий выехал из обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь Небесную.

В тот час, когда полки с распущенными знаменами уже шли из Кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские, будучи провождаемы духовенством с крестами и чудотворными иконами, великий князь молился над прахом своих предместников, государей московских, в церкви Михаила Архангела, воспоминая их подвиги и добродетели. Он нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями, и сказав ей: «Бог наш заступник!», сел на коня. Одни жены плакали. Народ стремился вслед за воинством, громогласно желая ему победы. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливым предзнаменованием.— В Москве остался

воеводою Феодор Андреевич, блюсти столицу и семейство княжеское.

В Коломне соединились с Димитрием верные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрий, предводительствуя сильною дружиною полоцкою и брянскою. Великий князь хотел осмотреть все войско; никогда еще Россия не имела подобного, даже в самые счастливые времена ее независимости и целости: *более ста пятидесяти тысяч* всадников и пеших стало в ряды, и Димитрий, выехав на обширное поле Девичье, с душевною радостию видел ополчение столь многочисленное, собранное его монаршим словом в городах одного древнего Суздальского княжения, некогда презираемого князьями и народом южной России. Скоро пришла весть, что Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского. В то же время явился в Коломне посол ханский, требуя, чтобы Димитрий заплатил моголам ту самую дань, какую брал с его предков царь Чанибек. Еще не доверяя силам своим и боясь излишнею надменностью погубить отечество, Димитрий ответствовал, что он желает мира и не отказывается от дани *умеренной*, согласно с прежними условиями, заключенными между им и Мамаем; но не хочет разорить земли своей налогами тягостными в удовлетворение корыстолюбивому тиранству. Сей ответ казался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечом.

Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского и тайные сношения его с моголами и с Литвою; не ужаснулся, но с видом горести сказал: «Олег хочет быть новым Святополком!» — и, приняв благословение от коломенского епископа, Герасима, 20 августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его князь Владимир Андреевич, внук Калитин, и великий воевода[1] Тимофей Васильевич со всеми остальными полками московскими. 26 августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую, а на другой день сам Димитрий и *двор* княжеский, к изумлению Олега, уверившего своих союзников, что великий князь не дерзнет им противоборствовать и захочет спастися бегством в Новгород или в пустыни Двинские. Слыша о силах Димитрия, равно боясь его и Мамая, князь рязанский не знал, что ему делать; скакал из места в место; отправлял

---

[1] Великий воевода -- главный военачальник.

гонцов к татарам, к Ягайлу, уже стоявшему близ Одоева; трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасностям Димитрия, ободряемого чистою совестию, Верою и любовию всех добрых россиян.

6 сентября войско наше приближилось к Дону, и князья рассуждали с боярами, там ли ожидать моголов, или идти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства; что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр Невский шведов. Еще и другое важнейшее обстоятельство было опорою сего мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий князь решился — и, к ободрению своему, получил от Св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с татарскими и гнали их. Димитрий собрал воевод и, сказав им: «Час суда Божия наступает», 7 сентября велел искать в реке удобного броду для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующее утро был густой туман, но скоро рассеялся: войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве. В середине находились князья литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, Феодор Романович Белозерский и боярин Николай Васильевич; в собственном же полку великокняжеском бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Брянок, князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле князь Андрей Феодорович Ростовский, князь стародубский того же имени и боярин Феодор Грунка; на левом князь Василий Васильевич Ярославский, Феодор Михайлович Моложский и боярин Лев Морозов; в сторожевом полку боярин Михаил Иоаннович, внук Акинфов, князь Симеон Константинович Оболенский, брат его князь Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгаров, муж славный доблестию и разумом, — Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Димитрий, стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия

и доспехов, озаряемых осенним солнцем,— слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и *милыми братьями*, утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось, и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностию служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя,— говорили они,— смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Димитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: *братья! умрем за отечество?* Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию: громогласно читая псалом: *Бог нам прибежище и сила*, первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст[1] лилася кровь христиан и неверных. Ряды смешались: инде[2] россияне теснили моголов, инде моголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали; так некоторые московские неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим, или княжеским знаменам и едва

---

[1] Карамзин пишет в Примечаниях, что древняя верста составляла 1000 саженей, то есть примерно 2 км.

[2] Инде — иногда.

не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «Теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «велик Бог христианский!» и бежал вслед за другими. Полки российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях*, или на поле битвы, под черным знаменем княжеским и велел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «Где брат мой и *первоначальник* нашей славы?» Никто не мог дать об нем вести. В беспокойстве, в ужасе воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого; долго не находили: наконец два воина увидели великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! ты победил врагов!» Димитрий встал: видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъявил благодарность Небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов и сел на коня, здравый веселием духа и не чувствуя изнурения сил.— Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровию неверных: Бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишнею пылкостию подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрий, провождаемый князьями и

боярами, объехал поле Куликово, где легло множество россиян, но вчетверо более неприятелей, так, что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч. Князья белозерские, Феодор и сын его Иоанн, торусские Феодор и Мстислав, дорогобужский Димитрий Монастырев, первостепенные бояре Симеон Михайлович, сын тысячского Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили головы за отечество: а в числе их и Сергиев инок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости сего и другого Сергиева священновитязя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова. Останавливаясь над трупами мужей знаменитейших, великий князь платил им дань слезами умиления и хвалою; наконец, окруженный воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещая наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела россиян. После, в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставил праздновать вечно их память в Субботу Дмитровскую, доколе существует Россия.

Ягайло в день битвы находился не более как в 30 или в 40 верстах от Мамая: узнав ее следствие, он пришел в ужас и думал только о скором бегстве, так что легкие наши отряды нигде не могли его настигнуть. Со всех сторон счастливый Димитрий, одним ударом освободив Россию от двух грозных неприятелей, послал гонцов в Москву, в Переславль, Кострому, Владимир, Ростов и другие города, где народ, сведав о переходе войска за Оку, денно и нощно молился в храмах. Известие о победе столь решительной произвело восхищение неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствие нашего отечества утверждены ею навеки; что Орда пала и не восстанет; что кровь христиан, обагрившая берега Дона, была последнею жертвою для России и совершенно умилостивила Небо. Все поздравляли друг друга, радуясь, что дожили до времен столь счастливых, и славили Димитрия, как второго Ярослава Великого и нового Александра, единогласно назвав его *Донским*, а Владимира Андреевича *Храбрым* и ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского. Увидим, что оно, к сожалению, не имело тех важных, прямых следствий, каких Димитрий и

народ его ожидали; но считалось знаменитейшим в преданиях нашей истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих.

Для чего Димитрий не хотел воспользоваться победою, гнать Мамая до берегов Ахтубы и разрушить гнездо тиранства? Не будем обвинять великого князя в оплошности. Татары бежали, однако ж все еще сильные числом, и могли в волжских улусах собрать полки новые; надлежало идти вслед за ними с войском многолюдным: каким образом продовольствовать оное в степях и пустынях? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а россияне долженствовали бы везти хлеб с собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имея лошадей, не приученных питаться одною иссохшею травою. Множество раненых требовало призрения, и победители чувствовали нужду в отдохновении. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнет восстать на Россию, Димитрий не хотел без крайней необходимости подвергать судьбу государства дальнейшим опасностям войны и, в надежде заслужить счастие умеренностию, возвратился в столицу. Шествие его от поля Куликова до врат Кремлевских было торжеством непрерывным. Везде народ встречал победителя с веселием, любовию и благодарностию; везде гремела хвала Богу и государю. Народ смотрел на Димитрия как на Ангела-хранителя, ознаменованного печатию Небесного благоволения. Сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых россиян: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой и сведав еще, что сей изменник старался вредить московским полкам на возвратном их пути чрез области рязанские, истреблял мосты, даже захватывал и грабил слуг великокняжеских, Димитрий готовился наказать его. Тогда именитейшие бояре рязанские приехали в Москву объявить, что князь их ушел с своим семейством и двором в Литву; что Рязань поддается герою Донскому и молит его о милосердии. Димитрий отправил туда московских наместников; но хитрый Олег, быв несколько месяцев изгнанником, умел тронуть его чувствительность знаками раскаяния и возвратился на престол, с обещанием отказаться от Ягайловой

дружбы, считать великого князя старшим братом и быть с ним заодно в случае войны или мира с литвою и татарами. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между княжениями московским и рязанским; что места, отнятые у татар, бесспорно принадлежат тому, кто их отнял; что город *Тула*, названный именем царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и некогда управляемый ее баскаками, остается собственностию Димитрия, равно как и бывшая мордовская область, Мещера, купленная им у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича. Великодушие действует только на великодушных: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия и воспользовался первым случаем нанести ему вред.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнув своих улусов в виде робкого беглеца, скрежетал зубами и хотел еще отведать сил против Димитрия; но судьба послала ему иного неприятеля. Тохтамыш, один из потомков Чингисхановых, изгнанный из Орды Капчакской ханом Урусом, снискал дружбу славного Тамерлана, который, смиренно называясь эмиром, или князем моголов чагатайских, уже властвовал над обеими Бухариями. С помощию сего второго Чингиса Тохтамыш, объявив себя наследником Батыева престола, шел к морю Азовскому. Мамай встретил его близ нынешнего Мариуполя, и на том месте, где моголы в 1224 году истребили войско наших соединенных князей, был разбит наголову; оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю или завладеть Мамаевою казною. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать всем князьям российским, что он победил *их врага общего*. Димитрий принял ханских послов с ласкою, отпустил с честию и вслед за ними отправил собственных с богатыми дарами для хана; то же сделали и другие князья. Но дары не дань и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамыш не мог удовольствоваться приветствиями: он хотел властвовать как Батый или Узбек над Россиею.

В следующее лето [1381 г.] хан послал к Димитрию царевича Акхозю и с ним 700 воинов требовать, чтобы все князья наши, как древние подданные моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. «Давно ли,— говорили они,—

мы одержали победу на берегах Дона? Неужели кровь христианская лилась тщетно?» Государь думал согласно с народом, и царевичу в Нижнем Новегороде сказали, что великий князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною. Акхозя возвратился к хану, отправив в Москву некоторых из своих товарищей. Даже и сии люди, устрашенные знаками народной ненависти россиян к моголам, не посмели туда ехать; а Димитрий, излишно надеясь на слабость Орды, спокойно занимался делами внутреннего правления.

Прошло около года: хан молчал, но в тишине готовился действовать. Вдруг услышали в Москве, что татары захватили всех наших купцов в земле Болгарской и взяли у них суда для перевоза войска ханского чрез Волгу; что Тохтамыш идет на Россию; что вероломный Олег встретил его близ границы и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды. Сия весть, привезенная из улусов некоторыми искренними доброхотами россиян, изумила народ: еще великодушная решимость правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донской с мужественным братом своим, Владимиром Андреевичем, спешили выступить в поле; но другие князья изменили чести и славе. Сам тесть великого князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми военными: наконец советники Димитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска и надеясь, что бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю.

Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни бояр, ни митрополита и при звуке колоколов стекался на вече, вспомнив древнее право граждан российских в важных случаях решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали

уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный государем и митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к боярам.

В сие время явился достойный воевода, юный князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов, посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию,— иноки, священники требовали оружия. Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и благоустройстве. Дым и пламя вдали означали приближение моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни и 23 августа обступили город. Некоторые их чиновники подъехали к стене и, зная русский язык, спрашивали, где великий князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг Кремля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления и выбирали места для приступов; а москвитяне, в ожидании битвы, молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: «Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость и сведают, что великий князь с сильными полками заходит им в тыл». Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число татар, смеялись над ними; а татары издали грозили им обнаженными саблями и ввечеру, к преждевременной радости москвитян, удалились от города.

Сие войско было только легким отрядом: в следующий день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел

немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими. Татары стреляли с удивительною меткостию, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед. Они приставили к стене лестницы; но россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами и к вечеру отразили. Три дня продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более: ибо не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины и граждане московские, одушевляемые примером князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе героев летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого мурзу ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали москвитянам, что хан любит их как *своих* добрых *подданных* и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом великого князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в сию столицу осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий и Симеон: обманутые уверениями Тохтамыша или единственно исполняя волю его, они как россияне и христиане дали клятву, что хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла москвитянам. Храбрый Остей советовался с боярами, с духовенством и народом: все думали, что ручательство нижегородских князей надежно; что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их. Отворили ворота: князь литовский вышел первый из города и нес дары; за ним духовенство с крестами, бояре и граждане. Остея повели в стан ханский — и там умертвили. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи моголов в одно мгновение обагрились кровию россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в Кремль: варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену. Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства:

люди бегали толпами по улицам, вопили как слабые жены и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию летописцев, несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших, у купцов знаменитых, наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и домы, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников.

Не будем подробно описывать всех ужасов сего несчастного для России дня: легко представить себе оные. И в наше время, когда неприятель, раздраженный упорством осажденных, силою входит в город, что может превзойти бедствие жителей? ни язва, ни землетрясение. А татары со времен Батыевых не смягчились сердцем и, в своей азовской роскоши утратив отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирепость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодействами, наполнив трупами город, они зажгли его и вышли отдыхать в поле, гоня перед собою толпы юных россиян, избранных ими в невольники.— «Какими словами,— говорят летописцы,— изобразим тогдашний вид Москвы? Сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою*: в один день погибла ее красота; остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые, обгорелые церкви. Ужасное безмолвие смерти прерывалось одним глухим стоном некоторых страдальцев, иссеченных саблями татар, но еще не лишенных жизни и чувства».

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему великому княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на средину озера и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, князь Владимир Андреевич: отпустив

мать и супругу в Торжок, он внезапно ударил на сильный отряд моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный князь рязанский увидел, сколь милость татар, купленная гнусною изменою, ненадежна: они поступали в его земле как в неприятельской; жгли, убивали, пленяли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, послом к князю суздальскому.

С какою скорбию Димитрий и князь Владимир Андреевич, приехав с своими боярами в Москву, увидели ее хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенные отечеством и столь неожидаемые после счастливой Донской битвы! «Отцы наши,— говорили они, проливая слезы,— не побеждали татар, но были *менее* нас злополучны!» Действительно *менее* со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в ханах для пользы государственной; но великий князь, чистый в совести пред Богом и народом, не боялся ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однако ж не терял бодрости и надеялся умилостивить Небо своим великодушием в несчастии.

Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел: что составило 300 рублей; следственно, в Москве погибло тогда 24 000 человек, кроме сгоревших и потонувших: ибо многие, чтобы спастись от убийц, бросались в реку. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал воевод московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие великого княжения. Подданные должны были ответствовать за своего князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Димитриево, остервененное злобою, вконец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу.— Вторым попечением Димитрия было возобновление Москвы; стены и башни Кремлевские стояли в целости: хан не имел времени разрушить оные. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте; но прежнее многолюдство в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

В то время, когда надлежало дать церкви новых иереев вместо убиенных моголами, святить оскверненные злодействами храмы, утешать, ободрять народ пастырскими наставлениями, митрополит Киприан спокойно жил в Твери. Великий князь послал за ним бояр своих, но объявил его, как малодушного беглеца, недостойным управлять церковию, и, возвратив из ссылки Пимена, поручил ему Российскую митрополию; а Киприан с горестию и стыдом уехал в Киев, где господствовал сын Ольгердов, Владимир, христианин греческой Веры. Столь решительно поступал Димитрий в делах церковных, живо чувствуя достоинство государя, любя отечество и желая, чтобы духовенство служило примером сей любви для граждан! Он мог досадовать на Киприана и за дружескую связь его с Михаилом Александровичем Тверским, который, вопреки торжественному обету и письменному договору 1375 года, не хотел участвовать ни в славе, ни в бедствиях московского княжения и тем изъявил холодность к общей пользе россиян. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его к Димитрию: как бы обрадованный несчастием Москвы и в надежде воспользоваться злобою Тохтамыша на великого князя, он с сыном своим, Александром, уехал в Орду, чтобы снискать милость хана и с помощию моголов свергнуть Донского с престола.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: разоренное великое княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честию принял в Москве ханского мурзу, Карача, объявившего ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников в раскаянии. Сын великого князя, Василий, со многими боярами поехав Волгою на судах в Орду, знаками смирения столь угодил хану, что Михаил Тверской не мог успеть в своих происках и с досадою возвратился в Россию. Но милость Тохтамышева дорого стоила великому княжению: кровопийцы ординские, называемые послами, начали снова являться в его пределах и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром, города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению государя и народа, хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного князя Василия Димитриевича, вместе с сыновьями князей нижегородского и тверского. Одним словом,

казалось, что россияне долженствовали проститься с мыслию о государственной независимости как с мечтою; но Димитрий надеялся вместе с народом, что сие рабство будет не долговременно; что падение мятежной Орды неминуемо и что он воспользуется первым случаем освободить себя от ее тиранства.

Для того великий князь хотел мира и благоустройства внутри отечества; не мстил князю тверскому за его вражду и предлагал свою дружбу самому вероломному Олегу. Сей последний неожиданно разграбил Коломну, пленив тамошнего наместника, Александра Остея, со многими боярами: Димитрий послал туда войско под начальством князя Владимира Андреевича, но желал усовестить Олега, зная, что сей князь любим рязанцами и мог быть своим умом полезен отечеству. Муж, знаменитый святостию, игумен Сергий, взял на себя дело миротворца: ездил к Олегу, говорил ему именем Веры, земли Русской, и смягчил его сердце так, что он заключил с Димитрием искренний, вечный союз, утвержденный после семейственным: Феодор, сын Олегов, (в 1387 году) женился на княжне московской, Софии Димитриевне.

Великий князь долженствовал еще усмирить новогородцев. Они (в 1384 году) дали князю литовскому, Патрикию Наримантовичу, бывший удел отца его: Орехов, Кексгольм и половину Копорья; но тамошние жители изъявили негодование. Сделался мятеж в Новегороде: Славянский конец, обольщенный дарами Патрикия, стоял за сего князя на вече двора Ярославова; другие концы взяли противную сторону на вече Софийском. Вооружались; шумели, писали разные грамоты или определения и наконец согласились, вместо упомянутых городов, отдать Патрикию Ладогу, Русу и берег наровский, не считая нужным требовать на то великокняжеского соизволения. Сие дело могло оскорбить Димитрия: он имел еще важнейшие причины быть недовольным. В течение десяти лет оставляемые в покое соседями, новогородцы, как бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именем *молодечества*, и многочисленными толпами ездили грабить купцов, селения и города по Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а в 1375 вторично явились под стенами первой, где начальствовал воевода Плещей: их было 2000, а вооруженных костромских граждан 5000; но малодушный Плещей, с двух сторон обойденный неприятелем,

бежал: разбойники взяли город и целую неделю в нем злодействовали; пленяли людей, опустошали домы, купеческие лавки и, бросив в Волгу, чего не могли увезти с собою, отправились к Нижнему; захватили и там многих россиян и продали их как невольников восточным купцам в Болгарах. Еще недовольные богатою добычею, сии храбрецы, предводительствуемые каким-то Прокопием и другим смоленским атаманом, пустились даже вниз по Волге, к Сараю, и грабили без сопротивления до самого *Хазиторокань*, или Астрахани, древнего города козаров; наконец, обманутые лестию тамошнего князя могольского, именем Сальчея, были все побиты, а вятчане (в 1379 году) истребили другую шайку таких разбойников близ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрий терпел сию дерзость новогородцев и видел, что она возрастала: правительство их захватывало даже его собственность, или доходы великокняжеские, и (в 1385 году) отложилось от церковного суда московской митрополии: посадник, бояре, *житые* (именитые) и черные люди всех пяти концов торжественно присягнули на вече, чтобы ни в каких тяжбах, подсудных церкви, не относиться к митрополиту, но решить оные самому архиепископу новогородскому по греческому номоканону, или Кормчей книге, вместе с посадником, тысячским и четырьмя посредниками, избираемыми с обеих сторон из бояр и людей житых. Испытав бесполезность дружелюбных представлений и самых угроз, огорчаемый строптивостию новогородцев и явным их намерением быть независимыми от великого княжения, Димитрий прибегнул к оружию, чтобы утвердить власть свою над сею знаменитою областию и со временем воспользоваться ее силами для общего блага или освобождения России.

Двадцать шесть областей соединили своих ратников под знаменами великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигород, Можайск, Волок Ламский, Ржев, Серпухов, Боровск, Дмитров, Переславль, Владимир, Юрьев, Муром, Мещера, Стародуб, Суздаль, Городец, Нижний, Кострома, Углич, Ростов, Ярославль, Молога, Галич, Белозерск, Устюг. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бежецка, Торжка (кроме знатнейших бояр сего последнего) взяли сторону Димитрия. Зимою, пред самым Рождеством Христовым, он с братом Владимиром Андреевичем и другими князьями выступил из Москвы; не хотел слушать послов новогородских и в день Богоявления рас-

положился станом в тридцати верстах от берегов Волхова, обратив в пепел множество селений. Там встретил его архиепископ, старец Алексий, с убедительным молением простить вину новогородцев, готовых заплатить ему 8000 рублей. Великий князь не согласился, и новогородцы, извещенные о том, готовились к сильному отпору, под начальством Патрикия и других князей, нам неизвестных; оградили вал тыном, сожгли предместия, двадцать четыре монастыря в окрестностях и все домы за рвом в трех концах города, в Плотинском, в Людине и в Неревском; два раза выходили в поле для битвы, ожидая неприятеля, и возвращались, не находя его. Имея войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалев ни домов, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотели отвратить кровопролитие и послали двух архимандритов, 7 иереев и 5 граждан, от имени пяти концов, чтобы склонить Димитрия к миру. С одной стороны знаки раскаяния и смирения, с другой твердость, но соединенная с умеренностию, произвели наконец желаемое действие. Великий князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор*, или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новогородцы тогда же вынули из Софийского сокровища[1] и прислали к Димитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч: ибо двиняне, имев также участие в разбоях волжских, долженствовали участвовать и в наказании за оные. Димитрий возвратился в Москву с честию и без всякого урона, оставив в областях новогородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо москвитяне по заключении мира освободили не всех пленников); другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах. — К несчастию, новогородцы не приобрели и внутреннего спокойствия: ибо великий князь, довольный их покорностию, не отнял у них древнего права избирать главных чиновников и решить дела государственные приговором веча. Так

---

[1] Софийское сокровище — сокровищница, казна Дома Святой Софии (Новгород).

(в 1388 году) три конца Софийской стороны восстали на посадника Иосифа и, злобствуя на Торговую, где сей чиновник нашел друзей и защитников, более двух недель не имели с нею никакого сообщения. Исполняя, кажется, волю Димитриеву, новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикия Наримантовича; а чрез два года отдали их другому князю литовскому, Лугвению-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны со шведами или немцами иметь в нем полководца и жить с его братьями в союзе.

В сие время Литва была уже в числе держав христианских. Ягайло (в 1386 году) с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери и единственной наследнице их умершего короля Людовика, принял Веру латинскую в Кракове вместе с достоинством государя польского и крестил свой народ волею и неволею. Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками: священники кропили их святою водою и давали имена христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами, и так далее; а Ягайло ездил из места в место толковать на своем отечественном языке Символ Веры. Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне; святые рощи были срублены или обращены в пепел, и новые христиане славили милость государя, дарившего им белые суконные кафтаны: «ибо сей народ (говорит Стриковский) одевался до того времени одними кожами зверей и полотном». Происшествие, столь благословенное для Рима, имело весьма огорчительные следствия для россиян: Ягайло, дотоле покровитель греческой Веры, сделался ее гонителем; стеснял их права гражданские, запретил брачные союзы между ими и католиками и даже мучительски казнил двух вельмож своих, не хотевших изменить православию в угодность королю. К счастию, многие князья литовские — Владимир Ольгердович Киевский, братья его Скиригайло и Димитрий, Феодор Волынский, сын умершего Любарта, и другие — остались еще христианами нашей церкви и заступниками единоверных.

Впрочем, несмотря на разномыслие в духовном законе, Ягайловы родственники служили королю усердно, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Димитриева и москвитян. Между тем как сей князь делил с Димитрием опасности и славу на поле Куликове, Скиригайло господствовал в Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, по-

садив его на кобылу, с бесчестием и насмешками вывезли из города), он прибегнул к магистру ливонскому, Конраду Роденштеину, и вместе с ним 3 месяца держал (в 1382 году) Полоцк в осаде. Напрасно жители молили новогородцев как братьев о защите; напрасно предлагали магистру быть данниками ордена, если он избавит их от Скиригайла: новогородцы отправили только мирное посольство к Ягайлу, а Конрад Роденштеин ответствовал: «Для кого оседлал я коня своего и вынул меч из ножен, тому не изменю вовеки». Мужество осажденных заставило неприятеля отступить, и любимый ими Андрей с радостию к ним возвратился; но Скиригайло в 1386 году, предводительствуя войском литовским, взял сей город, казнил в нем многих людей знатных и, пленив самого Андрея, отослал его в Польшу, где он три года сидел в тяжком заключении.

Сей несчастный сын Ольгердов имел верного союзника в Святославе Иоанновиче, смоленском князе: желая отмстить за него, Святослав вступил в нынешнюю Могилевскую губернию и начал свирепствовать, как Батый, в земле, населенной россиянами, не только убивая людей, но и вымышляя адские для них муки: жег, давил, сажал на кол младенцев и жен, веселяся отчаянием сих жертв невинных. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но летописцы говорят о сих злодействах Святослава с живейшим омерзением: он получил возмездие. Войско его, осаждая Мстиславль, бывший город смоленский, отнятый Литвою, увидело в поле знамена неприятельские: Скиригайло Ольгердович и юный герой Витовт, сын Кестутиев, примирившийся с Ягайлом, шли спасти осажденных. Святослав мужественно сразился на берегах Вехри, и жители мстиславские смотрели с городских стен на битву, упорную и кровопролитную. Она решилась в пользу литовцев: Святослав пал, уязвленный копием навылет, и чрез несколько минут испустил дух. Племянник его, князь Иоанн Васильевич, также положил свою голову; а сыновья, Глеб и Юрий, были взяты в плен со многими боярами. Победители гнались за россиянами до Смоленска: взяли окуп с жителей сего города, выдали им тела убитых князей и, посадив Юрия, как данника Литвы, на престоле отца его, вышли из владения смоленского. Глеб Святославич остался в их руках аманатом.

Сии происшествия долженствовали быть крайне оскорбительны для великого князя: ибо Святослав, отстав от союза с

Литвою, усердно искал Димитриевой дружбы и вместе с Андреем Ольгердовичем служил щитом для московских границ на западе. Но Димитрий, опасаясь Литвы, еще более опасался моголов и, готовясь тогда к новому разрыву с Ордою, имел нужду в приязни Ягайловой. Сын великого князя Василий, три года жив невольником при дворе ханском, тайно ушел в Молдавию, к тамошнему воеводе Петру, нашему единоверцу, и мог возвратиться в Россию только чрез владения польские и Литву. Димитрий отправил навстречу к нему бояр, поручив им, для личной безопасности Василиевой, склонить Ягайла к дружелюбию. Они успели в деле своем: Василий Димитриевич прибыл благополучно в Москву, провождаемый многими панами польскими.

Вероятно, что бегство его из Орды было следствием намерения Димитриева свергнуть иго Тохтамышево: другие случаи также доказывают сие намерение. Тесть Донского, Димитрий Константинович, преставился схимником в 1383 году, памятный сооружением каменных стен в Нижнем Новегороде и любовию к отечественной истории (ибо мы ему обязаны древнейшим харатейным списком Нестора). Сыновья его и дядя их, Борис Городецкий, находились тогда в Орде, споря о наследстве: хан отдал Нижегородскую область дяде, а племянникам, Симеону и Василию, Суздаль, удержав последнего аманатом в Сарае. Скучав долго неволею и праздностию — тщетно хотев, подобно сыну Донского, бежать в Россию — Василий умилостивил наконец Тохтамыша и приехал с его жалованною грамотою княжить в Городце. Но сия милость ханская казалась ему неудовлетворительною: с помощию великого князя он и брат его, Симеон Суздальский, (в 1388 году) отняли Нижний у дяди и, презрев грамоты ханские, обязались во всяком случае верно служить Димитрию: Борис же остался князем городецким, в зависимости от московского, который, действуя таким образом против воли Тохтамыша, явно показывал худое к нему уважение.

В то время, как россияне великого княжения с надеждою или страхом могли готовиться ко второй Донской битве, они были изумлены враждою своих двух главных защитников. Димитрий и князь Владимир Андреевич, братья и друзья, казались дотоле одним человеком, имея равную любовь к отечеству и ко славе, испытанную общими опасностями, успехами и про-

тивностями рока. Вдруг Димитрий, огорченный, как надобно думать, старейшими боярами Владимира и его к ним пристрастием, велел их взять под стражу, заточить, развезти по разным городам. Сей поступок, доказывая власть великокняжескую, мог быть согласен с законами справедливости, но крайне огорчил народ, тем более, что татары начинали уже действовать против России, взяв нечаянно Переславль Рязанский: единодушие первых ее героев было всего нужнее для безопасности государства. Явив пример строгости, Димитрий спешил удовлетворить желанию народа и собственного сердца: чрез месяц, в день Благовещения, обнял брата как друга и новою договорною грамотою утвердил искренний с ним союз. В ней сказано, что Владимир признает Димитрия отцом, сына его, Василия братом *старшим*, Георгия Димитриевича *равным*, а меньших сыновей великого князя *младшими* братьями; что они будут жить в любви неразрывной, подобно как их отцы жили с Симеоном Гордым, и должны взаимно объявлять друг другу наветы злых людей, желающих поселить в них вражду; что ни Димитрию, ни Владимиру без общего согласия не заключать договоров с иными владетелями; что первому не мешаться в дела братних городов, второму в дела великого княжения, но судить тяжбы москвитян обоим вместе чрез наместников, а в случае их несогласия прибегать к суду митрополита или третейскому, коего решение остается законом и для князей; что великому князю, ни боярам его, не покупать сел в уделе Владимировом, ни Владимиру в областях, ему не принадлежащих; что если Димитрий, удовлетворяя нуждам государственным, обложит данию своих бояр поместных, то и Владимировы обязаны внести такую же в казну великокняжескую; что гости, *суконники* и *городские люди* свободны от службы[1], и проч. Далее сказано, что Владимир, если Богу не угодно будет *избавить Россию от моголов*, участвует во всех ее тягостях и дает ханам *триста двадцать* рублей в число *пяти тысяч* Димитриевых, по сей же соразмерности платя и долги государственные.

Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, от-

---

[1] Суконники — торговцы сукном; городские (т. е. не дворовые) люди — ремесленники.

меняя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Димитриевой смерти, законными наследниками великого княжения.

Примирение державных братьев казалось истинным торжеством государственным. Народ веселился, не предвидя несчастия, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрию едва исполнилось сорок лет: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения, ручались за долголетие. Вдруг, к общему ужасу, разнеслася весть о тяжкой болезни великого князя; к успокоению народа сказали, что опасность ее миновалась; но Димитрий, не обольщая себя надеждою, призвал игуменов Сергия и Севастиана, вместе с девятью главными боярами, и велел писать духовное завещание. Объявив Василия Димитриевича наследником великокняжеского достоинства, он каждому из пяти сыновей дал особенные уделы: Василию Коломну с волостями, Юрию Звенигород и Рузу, Андрею Можайск, Верею и Калугу, Петру Дмитров, Иоанну несколько сел, а великой княгине Евдокии разные поместья и знатную часть московских доходов. Сверх областей наследственных, Димитрий отказал второму сыну Галич, третьему Белозерск, четвертому Углич, купленные Калитою у тамошних князей удельных: сии города дотоле не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению.

Несколько дней бояре и граждане утешались мнимым выздоровлением любимого их государя. В сие время супруга его родила шестого сына, именем Константина, окрещенного старшим братом, Василием Димитриевичем, и Мариею, вдовою последнего тысячского. Но скоро болезнь вновь усилилась, и великий князь, чувствуя свой конец, желал видеть супругу, еще слабую от следствия родов; изъявляя удивительную твердость, долго говорил с нею и с детьми; приказывал им быть во всем ей послушными и действовать единодушно, любить отечество и верных слуг его. Бояре в безмолвной горести стояли вдали: он велел им приближиться и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался

ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: *умрем за тебя и детей твоих.* Служите верно моей супруге и юным сыновьям: делите с ними радость и бедствия». Представив им семнадцатилетнего Василия Димитриевича как будущего их государя, он благословил его; избрал ему девять советников из вельмож опытных; обнял Евдокию, каждого из сыновей и бояр; сказал: *Бог мира да будет с вами!* сложил руки на груди и скончался [19 мая 1389 г.]. На другой день погребли Димитрия в церкви Архангела Михаила. Трапезундский митрополит Феогност, приехавший на то время гостем в Москву, совершил сей печальный обряд вместе с некоторыми епископами и святым игуменом Сергием.

Нельзя, по сказанию летописцев, изобразить глубокой душевной скорби россиян в сем случае: долго стенание и вопль не умолкали при дворе и на стогнах[1]: ибо никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных, словами и примером вливал мужество в сердца воинов и, будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за отечество и ближних? Но Димитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к Богу Всетворящему.— Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость и, ревностный в благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Таин и носил власяницу на голом теле; однако ж не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда иноками: ибо думал, что несколько дней или часов мо-

---

[1] Стогны — площади, улицы.

нашества перед кончиною не спасут души и что государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом летописцы изображают нам добрые свойства сего князя; и славя его как *первого победителя татар*, не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить великое княжение, не успев собрать войска сильного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука.

Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить великодушное бескорыстие? Но добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели. Может быть, он не хотел изгнанием Михаила Тверского, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думал, что Олег, хитрый, деятельный, любимый подданными, лучше московских наместников сохранит безопасность юго-восточных пределов России, если искренно с ним примирится для блага отечества.— Димитрий прибавил к московским владениям одну купленную им Мещеру и, подчинив себе князей ярославских, не хотел отнять у них наследственого удела, довольный правом предписывать им законы.

В княжение Донского были основаны города Курмыш и Серпухов; первый (в 1372 году) Борисом Константиновичем Городецким, а второй (в 1374 году) князем Владимиром Андреевичем, который, чтобы приманить туда людей, дал жителям многие выгоды и льготу, оградил его дубовыми стенами и сделал в нем наместником своего окольничего, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, в 1384 году начав строить каменную крепость Яму на берегу Луги (ныне Ямбург), совершили оную в 33 дня; а в 1387 обвели Порхов также кирпичными стенами, вместо прежних деревянных.— Знаменитые монастыри Чудов, Андроньев, Симоновский в Москве, Высоцкий близ Серпухова и другие остались также памятниками времен Донского. Первые два основаны митрополитом Алексием (который, обогатив Чудовскую обитель драгоценными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завещал погребсти себя в оной), последние Святым Сергием Радонежским. Игумен Симонова монастыря, Феодор, племянник Сергиев и духовник великого князя, отличаясь умом и знаниями, несколько раз ездил в Константинополь: поставленный там в архимандриты, он исходатайствовал у патриарха Нила, чтобы его обитель называлась Патриаршею

и ни в чем не зависела от митрополита российского. Исполняя волю князя Владимира Андреевича, своего друга, Св. Сергий избрал прекрасное место в двух верстах от нового города Серпухова и, собственными руками заложив монастырь Высоцкий, оставил в нем игуменствовать любимого ученика, именем Афанасия, который после выехал навсегда из отечества, недовольный изгнанием митрополита Киприана, и представился в Цареграде.

Церковные дела, важные по тогдашнему времени, заботили великого князя не менее государственных. Он просил митрополита Пимена единственно в досаду Киприану, но не мог иметь к нему ни любви, ни уважения, и желал дать церкви иного, достойнейшего пастыря. Мы говорили о епископе Дионисии, враге Митяя: обманом уехав в Константинополь, он нашел милость в патриархе и возвратился оттуда с саном *архиепископа* суздальского, нижегородского и городецкого. Будучи хитр, ласков, благотворителен, Дионисий умел оправдать себя в глазах Димитрия и заслужил его доброе мнение достохвальным подвигом христианского учителя. Еще во время Алексия митрополита открылась в Новегороде ересь *стригольников*, названных так от имени Карпа Стригольника, человека простого, но ревностного суевера, утверждавшего, что иереи российские, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важного сана и что истинные христиане должны от них удалиться. Многие люди, думая согласно с ним, перестали ходить в церковь, и народ, озлобленный их нескромными, дерзкими речами, утопил в Волхове трех главных виновников раскола, Карпа и диакона Никиту с товарищем. Сия излишняя строгость, как обыкновенно бывает, не уменьшила, но втайне умножила число еретиков: архиепископ новогородский Алексий писал о том к патриарху Нилу, который уполномочил Дионисия искоренить зло средствами благоразумного убеждения. Дионисий отправился в Новгород, во Псков, где стригольники имели также своих учеников; доказывал им, что плата, определенная законом, не есть лихоимство, и наконец примирил их с церковию, к удовольствию всех правоверных. Отдавая справедливость сей заслуге, великий князь желал видеть Дионисия на месте Пимена и велел ему ехать в Константинополь для поставления, будучи уверен в согласии патриарха. Воля Димитриева действительно исполнилась; но Владимир Ольгердович Киевский остановил нового

митрополита на возвратном пути из Греции в Москву, объявив, что Киприан есть глава всей российской церкви — и честолюбивый Дионисий умер в Киеве под стражею. Таким образом великий князь два раза не имел успеха в избрании митрополитов и, как бы обезоруженный неблагоприятностию судьбы, хотел по крайней мере, чтобы древняя столица Св. Владимира и Москва имели одного пастыря духовного. Начался суд между Пименом и Киприаном в Цареграде, куда великий князь, вслед за первым, отправил симоновского архимандрита, Феодора, с грамотами и дарами. Прошло около трех лет, и дело решилось ничем: Киприан остался митрополитом киевским, а Пимен, возвратясь в Москву, через год уехал опять в Грецию, тайно от великого князя, расположенного к нему весьма немилостиво: что случилось за месяц до кончины Димитриевой.

Важнейшим происшествием для церковной истории сего времени было обращение пермян в христианскую Веру. Вся обширная страна от реки Двины до хребта гор Уральских издревле платила дань россиянам; но, довольные серебром и мехами, там собираемыми, они не принуждали жителей к перемене закона. Юный монах, сын одного устюжского церковника, именем Стефан, воспламенился ревностию быть апостолом сих идолопоклонников; выучился языку пермскому, изобрел для него новые особенные буквы, числом 24, и перевел на оный главные церковные книги с славянского; хотел также узнать язык греческий и долго жил в ростовском монастыре Св. Григория Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библиотекою. Изготовив себя ко званию народного учителя, он взял благословение от коломенского епископа, Герасима, наместника митрополии, и великокняжеские грамоты для своей безопасности; отправился в Пермь и начал проповедывать Бога истинного людям грубым, невеждам, но добродушным. Они слушали его с изумлением; некоторые крестились охотно; другие, в особенности жрецы или кудесники пермские, встревоженные сею новостию, говорили: «Как верить человеку, из Москвы пришедшему? Не россияне ли издревле угнетают Пермь тяжкими данями? От них ли ждать нам истины и добра? Служа многим богам отечественным, изведанным благодеяниями долговременными, безумно променять их на одного, чуждого и неизвестного. Они посылают нам соболей, куниц и рысей, коими вельможи русские украшаются, торгуют и дарят ханов,

греков и немцев. Народ! твои учители суть опытные старцы; а сей иноплеменник юн летами, следственно и разумом». Но Стефан под защитою княжеских грамот, Неба и своей кротости более и более успевал в душеспасительном деле; умножив число новых христиан до тысячи, он построил церковь близ устья реки Выми и славил Творца вселенной на языке пермском; а жители, самые упорные в язычестве, с любопытством смотрели на обряды христианского Богослужения, дивяся красоте храма. Наконец, желая доказать им бессилие идолов, Стефан обратил в пепел одну из их знаменитейших кумирниц. Народ видел и безмолвствовал в ужасе, кудесники вопили, святой муж проповедывал. Тщетно главный волхв, именем Пама, хотел защитить свою Веру: кумиры, разрушенные пламенем, свидетельствовали их ничтожность. Он вызвался пройти невредим сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефан сделал то же. «Я не повелеваю стихиями,— ответствовал смиренный инок,— но Бог христианский велик: иду с тобою». Пама думал только устрашить его: видя же смелость противника, отказался от испытания и тем довершил торжество истинной Веры. Убежденные мудрым учением Стефана, жители целыми толпами крестились и вместе с ним сокрушали идолов, в домах, на улицах, дорогах и в рощах, бросая в огонь драгоценные кожи зверей, приносимые в дар сим деревянным богам, и полотняные тонкие пелены, коими их обвивали. Пишут, что главными идолами народа пермского и обдорского были *Воипель* и так называемая *Золотая баба*, или каменное изображение старухи с двумя младенцами; что суеверные, убивая лучших своих оленей в честь ее, кровию оных мазали рот и глаза истукану, отвечавшему на вопросы любопытных о тайнах судьбы; что близ того места, в горах, часто раздавался звук, подобный трубному, и проч. Создав еще две церкви, Стефан завел при оных училища, чтобы образовать молодых людей для сана иерейского, и поехал в Москву требовать учреждения особенной епископии Пермской. Великий князь лично знал и любил его. Митрополит Пимен также. Они нашли Стефана достойным епископского сана, и сей новый святитель, возвратясь в землю, им просвященную, заслужил имя отца пермян: учил, благодетельствовал; во время голода доставлял им хлеб из Вологды и ездил в Новгород ходатайствовать за них у правительства. Одним словом, введение христианства в сих местах, утвержденного одною

Апостольскою проповедию и силою добродетели, было счастливою эпохою для обитателей и в самом их гражданском состоянии: народ благодарный доныне с любовию говорит там о делах своего первого наставника, описанных иноком Епифанием, учеником Св. Сергия. Употребив всю жизнь на благотворение, Стефан хотел закрыть глаза в Москве, где и преставился в княжение Василия Димитриевича (в 1396 году) с названием Святого; тело его погребено в Кремле, в церкви Преображения.

Между достопамятностями Димитриева времени должно заметить частые путешествия греческих духовных сановников, особенно из Палестины, в Москву для собрания милостыни. Знаменитейший из них был иерусалимский архимандрит Нифонт, который посредством золота, вывезенного им из России, достиг патриаршества. Утесняемые неверными, греки пользовались усердием наших предков к Святым Местам и, требуя денег для восстановления храмов разоренных, употребляли оные более на мирские, нежели на церковные нужды. — Вообще Греция, приближаясь к своему конечному падению и недоброжелательством Рима как бы исключенная из системы держав христианских, была в самой тесной связи с единоверною Россиею, которая начинала воскресать в Москве, и хотя не могла защитить Константинополя, но уделяла ему часть своего избытка, посылая дары императору и патриарху. Житель цареградский во глубине нашего Севера, как прежде в Киеве, находил для себя второе отечество, где люди ученые столько любили язык его, что Алексий митрополит даже в русских грамотах подписывал имя свое по-гречески. В Константинополе обитало всегда множество россиян, привлекаемых купечеством или набожностию и живших там обыкновенно в монастыре Св. Иоанна Предтечи. Чтобы дать читателю ясное понятие о тогдашнем пути от Москвы до Царяграда, приведем здесь некоторые места из записок одного российского духовного сановника, бывшего в Греции вместе с митрополитом Пименом.

«Мы выехали из Москвы, — пишет он, — 13 апреля в 1389 году, во Вторник Страстной Недели, и митрополит велел епископу смоленскому, Михаилу, вместе с архимандритом спасским Сергием записывать все достопамятности сего путешествия. Пробыв великую субботу в Коломне, отправились мы Окою в день Пасхи к Рязани, где, за несколько верт от Переславля, встретили нас сыновья Олеговы: наконец и сам князь со всеми

боярами и со крестами. Дружелюбно угостив Пимена, он проводил его из города в Фомино Воскресение; а воевода княжеский, Станислав, долженствовал охранять нас в пути до реки Дона: ибо в сих местах бывают частые разбои. За нами везли на колесах три струга с большою лодкою, и в Четверток спустили их на реку Дон. В Пятницу мы приехали к урочищу Кир-Михаилову, где прежде находился город. Тут откланялись митрополиту бояре Олеговы и епископы, Ермий Рязанский, Феодор Ростовский, Евфросин Суздальский, Даниил *Звенигородский*. Исаакий же Черниговский и Михаил Смоленский в воскресенье сели с Пименом на суда и поплыли вниз рекою Доном.

Нельзя вообразить ничего унылее сего путешествия. Везде голые, необозримые пустыни; нет ни селения, ни людей; одни дикие звери, козы, лоси, волки, медведи, выдры, бобры смотрят с берега на странников как на редкое явление в сей стране; лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили над нами. Там существовали некогда города знаменитые: ныне едва приметны следы их.

В понедельник миновали мы реку Мечу и Сосну, во вторник Острую Луку, в среду Кривой Бор, а в шестой день плавания устье Воронежа. 9 маия встретил нас князь Юрий Елецкий» (потомок Михаила Черниговского) «с своими боярами и со множеством людей. Исполняя данное ему Олегом повеление, он изъявил митрополиту искреннее дружелюбие и снабдил его всем нужным.

Оттуда приплыли мы к Тихой Сосне и на ее берегах увидели ряд белых каменных столпов, подобных малым стогам*: работа и вид прекрасны!

Оставив за собою реки Червленный Яр, Битюг и Хопер, в пятое воскресение после Светлого миновали мы устье Медведицы и других рек, а во вторник *Серклию* (Саркел?), город древний, а ныне только развалины. Тут в первый раз на обеих сторонах Дона показались татары Сарыхозина улуса и бесчисленное множество их скота, овец, коз, волов, вельблюдов, коней. Мысль, что мы уже вступили в землю сих варваров, приводила нас в трепет; но они не сделали никому обиды, а только спрашивали везде, куда едем, и давали нам молока. Таким образом проплыв еще мимо улуса Вулатова и Акбугина,

* Не было ли тут кладбища татарского?

мы накануне Вознесения достигли Азова, города фряжского и немецкого; а в неделю Святых Отцов перегрузились в корабль на устье Дона». Тут путешественник рассказывает, что генуэзцы, у коих Пимен (в 1380 году) занимал деньги в Греции на имя великого князя, схватили его как неисправного должника и хотели заключить в темницу; однако ж митрополит откупился серебром и благополучно отправился в свой путь Азовским и Черным морем.

Осыпая в Москве единоверных греков благодеяниями, Димитрий привлекал в Россию и других европейцев. Между его грамотами находим одну, данную Андрею *Фрязину* (вероятно, генуэзцу)[1] на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матфеем Фрязиным. В грамоте сказано, чтобы жители ему повиновались и что он, следуя древним уставам, должен блюсти там общее спокойствие. Димитрий, глава новогородцев, имел, как видно, право давать наместника печерянам, их подданным. Таким образом Москва и в XIV веке не чуждалась иностранцев, которые могли быть нужны для ее гражданского образования, и мнение, что до времен Иоанна III она не имела никакого сношения с Западом Европы, есть ложное. Азовские и таврические генуэзцы служили посредниками между Италиею и нашим Севером.

В государствование Донского россияне великого княжения оставили куны, заменив оные мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцом татарская. Моголы в древнем своем отечестве и в Китае вместо денег употребляли древесную кору и лоскутки кожаные с клеймом ханским; но в Бухарии и в Капчаке имели собственную серебряную и медную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою*. Россияне сим именем назвали и свою, то есть, серебряную, *деньгами*, а медную *пулами*. Последние уже ходили и при отце Донского; а древнейшие из серебряных, доныне нам известных, биты в княжение Димитрия, весом $^1/_4$ золотника, с изображением всадника. В мирном условии тверского князя с Димитрием, заключенном в 1375 году, еще упоминается о *резанях*, или мелких кунах; но в позднейших договорах цены вещей определяются только *алтынами* и *деньгами* (коих считалось 6 в алтыне).

---

[1] Фрязин, фряг, фряз — старинное наименование итальянцев.

Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России. Пишут, что монах францисканский, Константин Ангклицен или Бартольд Шварц, изобрел порох около половины XIV века и сообщил сие важное открытие венециянам, воевавшим тогда с генуэзцами. Французы в 1338 году уже знали оное, и король английский Эдуард III, в славной битве при Креси (в 1346 году), разил неприятелей пушками. Вероятно, что аравитяне еще гораздо ранее употребляли порох. Восточные историки XIII столетия описывают его действие, и гренадский владетель, Абалвалид Исмаил Бен Ассер, в 1312 году имел снаряд огнестрельный. Нет сомнения, что и монах Рогер Бакон[1] за 100 лет до Бартольда Шварца умел составлять порох: ибо ясно говорит, в своем творении De nullitate Magiae[2], о свойстве и силе оного. Сказание нашего собственного летописца, что в 1185 году князь половецкий Кончак возил с собою харазского турка, *стрелявшего живым огнем*, также заставляет думать, что оружие сего человека могло быть огнестрельное. Но в России оно не употреблялось до 1389 года, когда, по известию одной летописи, вывезли к нам из земли немецкой *арматы*[3] и *стрельбу огненную*, с того времени сведанную россиянами. Хотя еще в описании московской осады 1382 года упоминается о *пушках*; но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы, или махины, коими осажденные бросали камни в осаждающих.— При сыне Донского, Василии, уже делали в Москве и порох.

Наконец, описав историю времен Димитрия, прибавим, что летописцы наши, согласно с другими, говорят о явлении комет зимою в 1368 и весною в 1382 годах: вторая, по их мнению, предвестила грозное Тохтамышево нашествие. Достойно замечания, что в следующий год около Москвы снег лежал целый месяц после Святой Пасхи и люди ездили на санях до 20 апреля. Разные небесные знамения, чудесные для невежества, также засухи и великие пожары были весьма обыкновенны в государствование Димитрия.

---

[1] Рогер Бакон — Роджер Бэкон.

[2] «О ничтожестве магии» (*лат.*).

[3] Арматы — пушки.

Глава II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ 1389—1425 гг.

Великое княжение сделалось наследием владетелей московских. Характер аристократии. Договор. Политика Василиева. Брак. Великий князь в Орде. Разорение Вятки. Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. Дела с Новымгородом. Нашествие Тамерлана. Славная икона Владимирская. Бедствие Азова. Дела литовские. Взятие Смоленска. Свидание великого князя с Витовтом. Россия литовская. Дела новогородские. Происшествия в Орде. Замыслы Витовта. Наши завоевания в Болгарии. Война Витовта с моголами. Эдигей. Кончина князя тверского. Временная независимость великого княжения. Удача и неблагоразумие князя смоленского. Политика Витовта. Неудовольствие новогородцев. Злодейство князя смоленского. Разрыв с Литвою. Свидригайло. Войны с Ливониею. Нашествие Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владимира Храброго. Происшествия в Орде. Дела новогородские. Язва. Голод. Мысль о преставлении света. Кончина и характер Василия. Завещание. Договор с рязанским князем. Дары, посланные в Грецию. Дочь Василиева за императором. Дела церковные. Судная грамота. Разные известия. Добродетель супруги Донского.

Димитрий оставил Россию готовую снова противоборствовать насилию ханов: юный сын его, Василий, отложил до времени мысль о независимости и был возведен на престол [15 августа 1389 г.] в Владимире послом царским, Шахматом. Таким образом достоинство великокняжеское сделалось наследием владетелей московских. Уже никто не спорил с ними о сей чести. Хотя Борис Городецкий, старейший из потомков Ярослава II, немедленно по кончине Донского отправился в Сарай; но целию его исканий был единственно Нижний Новгород, отнятый у него племянниками. Тохтамыш, неблагодарно предприяв воевать сильную империю Тамерланову, велел ему ехать за собою к границам Персии; наконец дозволил остаться в Сарае и, разорив многие города бывшего своего заступника, по возвраще-

нии в улусы отпустил Бориса в Россию с новою жалованною грамотою на область Нижегородскую.

Великий князь, едва вступив в лета юношества, мог править государством только с помощию Совета: окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцатишестилетнее княжение и которая бывает свойством аристократии, движимой более заботливыми предвидениями ума, нежели смелыми внушениями великодушия, равно удаленной от слабости и пылких страстей. Опасаясь прав дяди Василиева, князя Владимира Андреевича, основанных на старейшинстве и на славе воинских подвигов, господствующие бояре стеснили, кажется, его власть и не хотели дать ему надлежащего участия в правлении: Владимир, ни в чем не нарушив договора, заключенного с Донским — был всего ревностным стражем отечества и довольный жребием князя второстепенного — оскорбился неблагодарностию племянника и со всеми ближними уехал в Серпухов, свой удельный город, а из Серпухова в Торжок. Сия несчастная ссора, как и бывшая с отцом Василия, скоро прекратилась возобновлением дружественной грамоты 1388 года. Владимир, сверх его прежнего удела и трети московских доходов, получил Волок и Ржев: за то обещал повиноваться юному Василию как старейшему, ходить на войну с ним или с полками великокняжескими, *сидеть в осаде*, где он велит, и проч.; а с Волока платить ханам 170 рублей в число пяти тысяч Василиевых.

Обстоятельство, что Владимир Андреевич во время раздора с племянником жил в области Новогородской, достойно замечания. Владетели московские, присвоив себе исключительное право на сан великокняжеский, считали и Новгород наследственным их достоянием, вопреки его древней, основанной на грамотах Ярославовых свободе избирать князей. Оттого сыновья Калитины, Симеон, Иоанн, при восшествии на престол были в раздоре с сим гордым народом: Василий также; и новогородцы охотно дали убежище недовольному Владимиру, чтобы иметь в нем опору на всякий случай; но, видя искреннее примирение дяди с племянником, желали и сами участвовать в оном. Дело шло единственно о чести или обряде. «Мы рады повиноваться князю московскому,— говорили они: — только прежде напишем условия как люди вольные». Сии условия по

обыкновению состояли в определении известных прав княжеских и народных. Василий не захотел спорить и в присутствии бояр новогородских, в Москве, утвердив печатию договорную грамоту, отправил к ним в наместники вельможу московского, Евстафия Сыту. — Заметим, что со времен Калиты новогородцы уже не имели собственных, особенных князей, повинуясь великим или московским, которые управляли ими чрез наместников: ибо Наримант, Патрикий, Лугвений и другие князья, литовские и российские, с того времени находились у них единственно в качестве воевод, или частных властителей.

Три предмета долженствовали быть главными для политики государя московского: надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные ханами на Россию, — удержать стремление Литвы на ее владения, усилить великое княжение присоединением к оному уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с не́усыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своим преемникам дальнейшие успехи в славном деле государственного могущества.

На семнадцатом году жизни он сочетался браком с юною Софиею, дочерью Витовта, сына Кестутиева. Изгнанный Ягайлом из отечества, сей витязь жил в Пруссии у немцев. В одной из летописей сказано, что Василий, в 1386 году бежав из Орды в Молдавию, на пути в Россию был задержан Витовтом в каком-то немецком городе, и наконец, освобожденный с условием жениться на его дочери, чрез пять лет исполнил сие обещание, согласно с честию и пользою государственною. Уже Витовт славился разумом и мужеством; имел также многих друзей в Литве и по всем вероятностям не мог долго быть изгнанником. Василий надеялся приобрести в нем или сильного сподвижника против Ягайла, или посредника для мира с Литвою. Бояре московские, Александр Поле, Белевут, Селиван, ездили за невестою в Пруссию и возвратились чрез Новгород. Князь литовский, Иван Ольгимонтович, проводил ее до Москвы, где совершилось брачное торжество к общему удовольствию народа.

Скоро великий князь отправился к хану [1392 г.]. За несколько месяцев перед тем царевич Беткут, посланный Тохтамышем от берегов Волги и Казанки сквозь дремучие леса к северу, разорил Вятку, где со времен Андрея Боголюбского

обитали новогородские выходцы в свободе и независимости, торгуя или сражаясь с чудскими соседственными народами. Слух о благосостоянии сей маленькой республики вселил в моголов желание искать там добычи и жертв корыстолюбия. Изумленные внезапным их нашествием, жители не могли отстоять городов, основанных среди пустынь и болот в течение двухсот лет: одни погибли от меча, другие навеки лишились вольности, уведенные в плен Беткутом: многие спаслися в густоте лесов и предприяли отмстить татарам. Новогородцы, устюжане соединились с ними и, на больших лодках рекою Вяткою доплыв до Волги, разорили Жукотин, Казань, болгарские, принадлежащие ханам города и пограбили всех купцов, ими встреченных. Однако ж не сии случаи заставили великого князя ехать в Орду: намерение его обнаружилось в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении московского княжения. Он был принят в Орде с удивительною ласкою. Еще никто из владетелей российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил хана. Утвердив Нижегородскую область за князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее государем. Великий князь хотел еще более, и получил все по желанию: Городец, Мещеру, Торусу, Муром. Последние две области были древним уделом черниговских князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамыш, начав гибельную для себя войну с грозным Тамерланом, боялся, чтобы россияне не пристали к сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарного повелителя Золотой Орды, шел от моря Аральского и Каспийского к пустыням северной Азии. Хотя летописцы не говорят того, однако ж вероятно, что Василий, требуя милостей хана, обещал ему не только верность, но и сильное вспоможение: как глава князей российских, он мог ручаться за других и тем обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбие вельмож ординских и богатые дары Василиевы решили всякое сомнение. Уже Тохтамыш двинулся с полками навстречу к неприятелю за Волгу и Яик: великий князь спешил удалиться от кровопролития; а посол ханский, царевич Улан, долженствовал возвести его на престол нижегородский.

Три месяца Василий был в отсутствии: народ московский праздновал возвращение юного государя [26 октября 1392 г.] как особенную милость Небесную. Еще не доехав до столицы, великий князь из Коломны отправил бояр своих с ханскою грамотою и с послом царевым в Нижний, где князь Борис, недоумевая, что ему делать, собрал вельмож на совет. Но знатнейший из них, именем Румянец, оказался предателем. Князь хотел затворить ворота городские. «Посол царев (сказал Румянец) и бояре московские едут сюда единственно для утверждения любви и мира с тобою: впусти их и не оскорбляй ложным подозрением. Окруженный нами, верными защитниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно увидел измену. Бояре московские, въехав в город, ударили в колокола, собрали жителей, объявили Василия их государем. Тщетно Борис звал к себе дружину свою. Коварный Румянец ответствовал: «Мы уже не твои»,— и с другими единомышленниками предал Бориса слугам великокняжеским. Сам Василий с боярами старейшими прибыл в Нижний, где, учредив новое правление, поручил сию область наместнику, Димитрию Александровичу Всеволожу. Так рушилось, с своими уделами, особенное княжество Суздальское, коего именем долго называлась сильная держава, основанная Андреем Боголюбским, или все области северо-восточной России между пределами новогородскими, смоленскими, черниговскими и рязанскими.— Борис чрез два года умер. Его племянники, Василий, прозванием Кирдяпа, и Симеон, бежав в Орду, напрасно искали в ней помощи. Хотя царевич Эйтяк вместе с Симеоном (в 1399 году) приступал к Нижнему и взял город обманом; но имея у себя едва тысячу воинов, не мог удержать оного. Супруга Симеонова, быв долго под стражею в России, нашла способ уйти в землю мордовскую, подвластную татарам, и жила в каком-то селении у христианской церкви, сооруженной хивинским турком Хазибабою: бояре великого князя, посланные с отрядом войска, взяли сию несчастную княгиню и привезли в Москву. Между тем ее горестный супруг, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лет скитался с моголами по диким степям, служил в разные времена четырем ханам и наконец прибегнул к милости великого князя, который возвратил ему семейство и позволил избрать убежище в России. Симеон, изнуренный печалями, добровольно удалился в независимую область Вятскую, где и скончался чрез

пять месяцев (в 1402 году), быв жертвою общей пользы государственной. Старший брат Симеонов, Василий Кирдяпа, умер также в изгнании. Сыновья Василиевы и Борисовы то служили при дворе московском, то уходили в Орду; а внук Кирдяпин, Александр Иванович Брюхатый, женился после на дочери великого князя, именем Василисе.

Руководствуясь правилами государственного блага, Василий и в других случаях не боялся казаться ни излишно властолюбивым, ни жестоким. Так, вследствие вторичного несогласия с новогородцами, не хотевшими платить ему *черной*, или народной дани, изъявил он строгость необыкновенную, хитро соединив выгоды казны своей с честию главы духовенства. Митрополит Киприан, бесспорно заступив место умершего в Цареграде Пимена, ездил (в 1392 году) из Москвы в Новгород; с пышными обрядами служил Литургию в Софийском храме; велегласно учил народ с амвона и две недели пировал у тамошнего архиепископа, Иоанна, вместе с знаменитейшими чиновниками, которые, в знак особенного уважения, от имени всего города подарили ему несколько дворов. Но сие дружелюбие изменилось, когда митрополит в собрании граждан объявил, чтобы они, следуя древнему обыкновению, относились к нему в делах судных. Посадник, тысячский и все ответствовали единодушно: «Мы клялися, что не будем зависеть от суда митрополитов, и написали грамоту». *Дайте мне оную*, сказал Киприан: *я сорву печать и сниму с вас клятву*. Народ не хотел, и Киприан уехал с великою досадою. Зная, сколь митрополиты пребыванием своим в Москве способствовали знаменитости ее князей и нужны для их дальнейших успехов в единовластии, Василий с жаром вступился за пастыря церкви. Посол великокняжеский представил новогородцам, что они, с 1386 года платив Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать митрополита судиею в делах гражданских, или испытают гнев государев. Новогородцы отвечали, что народная дань издревле шла обыкновенно в общественную казну, а князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требование Василия, касательно митрополита, противно их совести. Сей ответ был принят за объявление войны [1393 г.]. Полки московские, коломенские, звенигородские, дмитровские, предводимые дядею великого князя, Владимиром Андреевичем Храбрым, и сыном Донского, Юрием, взяли Тор-

жок и множество пленников в областях Новагорода, куда сельские жители с имением, с детьми бежали от меча и неволи. Уже рать московская, совершив месть, возвратилась, когда Василий узнал, что Торжок, оставленный без войска, бунтует и что ревностный доброхот великокняжеский, именем Максим, убит друзьями новогородского правительства. Тут он решился неслыханною у нас дотоле казнию устрашить мятежников: велел боярам снова идти с полками в Торжок, изыскать виновников убийства и представить в Москву. Привели семьдесят человек. Народ собрался на площади и был свидетелем зрелища ужасного. Осужденные на смерть, сии преступники исходили кровию в муках: им медленно отсекали руки, ноги и твердили, что так гибнут враги государя Московского!.. Василий еще не имел и двадцати лет от рождения: действуя в сем случае, равно как и в других, по совету бояр, он хотел страхом возвысить достоинство великокняжеское, которое упало вместе с государством от разновластия. — Новогородцы с своей стороны искали себе удовлетворения в разбоях: взяли Кличен, Устюжну; сожгли Устюг, Белозерск, не щадя и Святых храмов, обдирая иконы и книги церковные: пытали богатых людей, чтобы узнать, где скрыты их сокровища; пленяли граждан, земледельцев и, наполнив добычею множество лодок, отправили все вниз по Двине. Два князя предводительствовали сими хищниками: Роман Литовский и Константин Иоаннович Белозерский, коего отец и дед пали в славной Донской битве. Сей юный князь, не захотев быть подручником государя московского, вступил в службу Новагорода, его неприятеля. Но война не продолжилась; ибо новогородцы, изведав твердый характер Василия, разочли, что лучше уступить ему требуемую им дань, нежели отказаться от купеческих связей с московскими владениями и подвергать опасностям свою торговлю двинскую, которой он, господствуя над Устюгом и Белымозером, легко мог препятствовать: обстоятельство всегда решительное в их ссорах с великими князьями. Надлежало удовольствовать и митрополита, тем необходимее, что патриарх константинопольский, Антоний, взял его сторону и велел им сказать: «Повинуйтеся во всем главе церкви российской». И так они прислали знатнейших людей в Москву умилостивить государя смиренными извинениями и вручить Киприану судную грамоту. Митрополит благословил их, а великий князь отправил бояр в Новгород

для утверждения мира. С ними ездил и посол митрополитов, коему чиновники и народ дали там 350 рублей в знак дружелюбия.

В то время, когда юный Василий, приобретениями и строгостию утверждая свое могущество, с радостию взирал издали на внешние и внутренние опасности Капчакской ненавистной Орды,— в то самое время он увидел новую тучу варваров, готовую истребить счастливое творение Иоанна Калиты, героя Донского и его собственное, то есть вторично обратить Россию в кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерлане, Тимуре, или Темир-Аксаке: будучи сыном одного ничтожного князька в империи чагатайских моголов и рожденный во дни ее падения, когда безначалие, раздоры, властолюбие эмиров предали оную в жертву хану кашгарскому и гетам или калмыкам, он в первом цвете юности замыслил избавить отечество от неволи,— восстановить величие оного, наконец покорить вселенную и громом славы жить в памяти веков. Вздумал и совершил. Явление сих исполинов в мире, безжалостно убивающих миллионы, ненасытимых истреблением и разрушающих древние здания гражданских обществ для основания новых, ничем не лучших, есть тайна Провидения. Движимые внутренним беспокойством духа, они стремятся от трудного к труднейшему, губят людей и в награду от них требуют себе названия великих. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: под защитою гор и пустынь собирая верных товарищей, приучая их и себя к воинской доблести, неутомимо тревожа гетов, он бесчисленными успехами купил славу Героя. Враги побежденные удалились; держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить врагов внутренних, эмиров властолюбивых, и самого бывшего друга и главного сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сейм единодушно возгласил Тимура, на тридцать пятом году его жизни, монархом Чагатайской державы и Сагеб-Керемом, или *владыкою мира*. Сидя в златом венце на престоле сына Чингисханова, опоясанный царским поясом, осыпанный, по восточному обыкновению, золотом и каменьями драгоценными, Тимур клялся эмирам, стоящим пред ним на коленах, оправдать делами свое новое достоинство и победить всех царей земли. Боясь казаться народу хищником, сей лукавый властолюбец жаловал потомков Чингисовых в великие ханы, держал их при себе и повелевал будто

бы только именем сих законных государей могольских. Война следовала за войною, и каждая была завоеванием. В 1352 году, за семь лет до его восшествия на престол чагатайский, укрываясь в пустынях от неприятелей, он не имел в мире ничего, кроме одного тощего коня и дряхлого вельблюда; а чрез несколько лет сделался монархом двадцати шести держав в трех частях мира. Овладев восточными берегами моря Каспийского, устремился на Персию, или древний Иран, где, между реками Оксом[1] и Тигром, долго царствовал род Чингисов, но тогда, вместо монарха, господствовали многие князья слабые: одни смиренно облобызали ковер Тимурова престола; другие сражались и гибли. Богатый Ормус заплатил ему дань золотом: Багдад, некогда столица великих калифов, покорился. Уже вся Азия от моря Аральского до Персидского залива, от Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравии, признавала Тимура своим повелителем, когда он, собрав эмиров, сказал им: «Друзья и сподвижники! счастие, благоприятствуя мне, зовет нас к новым победам. Имя мое привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии нам отверсты: сокрушу, что дерзнет противиться, и буду владыкою оных». Эмиры изумились: цепи гор высоких, глубокие реки, пустыни, огромные слоны и миллионы воинственных жителей устрашали их воображение. Но Тимур, уверенный в своем счастии, шел смело по следам Героя Македонского в сию цветущую страну мира, где история полагает колыбель человеческого рода и куда искони стремились завоеватели, от Вакха до Семирамиды, от Сезостриса до Александра Великого, в страну, славнейшую древностию преданий, но менее других известную по летописям. Тимур перешел Инд, взял Дели (где уже более трех веков властвовали султаны магометанской веры) и, на берегах Гангеса истребив множество гебров-огнепоклонников, остановился у той славной скалы, которая, имея вид телицы, извергает из недр своих сию знаменитую в баснословии Востока реку. Там сведал он о бунте христиан грузинских, о блестящих успехах Баязетова оружия и возвратился; смирил первых, невзирая на их неприступные горы, и, не терпя равного себе в воинской славе, хотел, чтобы султан турецкий удержал быстрое стремление своих завоеваний, которые в окрестностях Евфрата сближались

[1] Окс — Аму-Дарья.

с могольскими. «Знай,— писал он к Баязету,— что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого; что цари служат мне телохранителями и стоят рядами пред шатром моим; что судьба у меня в руках и счастие всегда со мною. Кто ты? муравей туркоманский: дерзнешь ли восстать на слона? Если ты в лесах Анатолии одержал несколько побед ничтожных; если робкие европейцы обратили тыл пред тобою: славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных, или погибнешь». Гордый Баязет ответствовал равнодушно: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой!» Баязет имел время изготовиться к сей войне: ибо враг его, раздраженный тогда султаном египетским, устремился к Средиземному морю. Сирия, Египет, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеванием лестным. Разбив мамелюков под стенами Алепа, в тот самый час, когда свирепые моголы лили кровь единоверцев в сем городе, Тимур спокойно беседовал с учеными мужами алепскими и красноречиво доказывал им, что он друг Божий; что одни упрямые враги его будут ответствовать Небу за претерпеваемые ими бедствия. Сей хитрый лицемер действительно при всяком случае изъявлял набожность, пред битвами обыкновенно совершал молитву на коленах, за победы торжественно благодарил Всевышнего и на пути к Дамаску, где надлежало ему сразиться с войском египетским, остановил многочисленные полки свои, чтобы в глазах их смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для мусульманов. Султан египетский, Фаруч, заключил в темницу послов могольских: Тимур писал к нему: «Великие завоеватели собирают воинства, ищут опасностей и битв единственно для чести и памяти бессмертной. Сей грозный шум ополчений, где миллионы людей бывают в движении, производим любовию ко славе, а не к стяжанию: ибо человек может насытиться в день одною половиною хлеба. Ты дерзнул оскорбить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы тебя осторожности». Победив Фаруча, он с ласкою угостил в шатре своем ученого кади[1] Веледдина, присланного жителями Дамаска умилостивить его; говорил с ним

---

[1] Кади -- судья у мусульман, принимающий решения исходя из законов шариата.

об истории народов (ибо все происшествия мира, Востока и Запада, по словам современного арабского писателя, были ему известны); хвалил государей милосердых и так мало заботился о снискании сей добродетели, что оставил в Дамаске одни кучи пепла. Нигде татары не находили столько богатства, золота и всяких драгоценностей, как в сем городе, где шесть веков цвела торговля.— Скоро решилась и судьба Баязетова. Страшные янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастию моголов. Пленив Баязета, Тимур обнял его, посадил на ковре царском рядом с собою и старался утешить рассуждениями о тленности мирского величия: отняв у него корону, подарил ему одежду драгоценную и хвастовством великодушия еще более, нежели своею победою, унизил сего бывшего знаменитого монарха.— Обложив данию султана мамелюков, османов, императора греческого; властвуя от моря Каспийского и Средиземного до Нила и Гангеса, Тимур жил в Самарканде и называл себя главою лучшей половины мира. В сию столицу возвращался он после всякого завоевания наслаждаться кратковременным отдохновением; украшал великолепно мечети, разводил сады и, желая слыть благотворителем людей, соединял каналами реки, строил новые города, в надежде, что слабые умы, ослепляемые призраками лицемерных государственных добродетелей, простят ему множество разрушенных им городов древних, убиение миллионов и высокие пирамиды голов человеческих, коими его моголы знаменовали свои победы на месте кровопролития, на пепелищах Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимур не совершил всех описанных нами завоеваний, когда, оскорбленный неблагодарностию Тохтамыша, он в первый раз приблизился к границам России. Войско его шло от Самарканда и реки Сигона через Ташкент, Ясси или Туркестан, за коим уже начиналось владение Капчакской Орды, в нынешних степях киргизских. Стоя на высоком холме, Тимур долго с удивлением смотрел на их необозримые, гладкие равнины, подобные морю, и велел тут, в память векам, соорудить высокую каменную пирамиду с означением эгиры[1] и дня, когда он вступил в сии ужасные пустыни. Четыре месяца шли татары к северу, питаясь наиболее мясом диких коз, сайгаков, птичь-

[1] С означением эгиры (хиджры) — с указанием года по мусульманскому календарю.

ими яицами и травою. Звериная ловля представляла в сих пустынях зрелище шумной войны. Рассыпаясь на великом пространстве, моголы составляли круг и гнали зверей прямо к ставке императорской при звуке оружия и труб. Тимур выезжал на коне и, встречая целые стада всякого рода животных, стрелял любых; наконец, утомленный охотою, входил в шатер свой обедать. Тогда воины бросались на зверей, убивали всех без остатка, разводили бесчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для них в сих безводных местах самым счастливейшим открытием.— Достигнув пятидесятого градуса широты, между реками Эмбою и Тоболом, войско остановилось. Тимур в богатой одежде и в царском венце сел на коня; имея в руке златую державу, объехал все полки и, довольный их исправностию, вооружением, бодрым духом, велел идти далее, к берегам Урала. Там показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей хан презрел совет умных вельмож, которые говорили ему, что страшно быть врагом счастливого: ненавидя в Тимуре хищника власти, принадлежащей потомкам Чингисхановым, он грозился свергнуть его с трона. Ежедневные сшибки передовых отрядов заключились кровопролитным сражением в степях Астраханской губернии: разбитый Тохтамыш бежал за Волгу; а Тимур на ее берегах великолепно праздновал свою победу, среди обширного луга, где прекрасные невольницы разносили яства в золотых и серебряных чашах; окруженный своими женами, он сидел на престоле Капчакском и с удовольствием внимал песням, коими стихотворцы могольские славили сей блестящий успех его оружия и которые были названы *фатенамей капчак*, или *торжеством капчакским*; двадцать шесть дней эмиры и воины пировали, наслаждаясь всеми утехами роскоши. Но Тимур не хотел быть долее в сей завоеванной им стране и тем же путем, чрез 11 месяцев, возвратился в Самарканд.

Прошло около трех лет. Тохтамыш, оставленный в покое неприятелем, снова господствовал над Ордою Капчакскою и снова послал войско разорять северную Персию. «Во имя всемогущего Бога,— писал к нему Тамерлан,— спрашиваю, с каким намерением ты, хан капчакский, управляемый демоном гордости, выступаешь из своих пределов? Разве забыл ты последнюю войну, когда рука моя обратила в прах твои силы, богатства и владения? Неблагодарный! вспомни, сколь некогда

оказал я тебе милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? Хочешь ли войны? Избирай; мне все едино. Но самая глубина морская не скроет врага от нашей мести». Тохтамыш хотел войны и расположился станом на берегу Терека [1395 г.]: ибо монарх чагатайский был уже в Дербенте. Между Тереком и Курою, близ нынешнего Екатеринограда, произошло славное в восточных летописях кровопролитие. Потомки Чингисхановы сражались между собою в ужасном остервенении злобы и гибли тьмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замешались; но сей свирепый герой, рожденный быть счастливым, умел твердостию исторгнуть победу из рук Тохтамышевых: окруженный врагами, изломав копие свое, уже не имея ни одной стрелы в колчане, хладнокровно давал вождям повеление сломить густые толпы неприятельские. Стрелки его, чтобы остаться неподвижными, целыми рядами бросались на колена, и левое крыло шло вперед. Еще хан Золотой Орды мог бы новым усилием решить битву в свою пользу; но прежде времени ослабев духом, бежал. Тамерлан гнался за ним до Волги, где, объявив Койричака Аглена, сына Урусова, властителем Орды Капчакской, надел на него венец царский.

Сии удары, нанесенные моголами моголам, изнурили силы волжских[1] и долженствовали веселить россиян мыслию о близкой счастливой свободе отечества. Надеялись, что Тамерлан, сокрушив неприятеля, вторично отступит к границам своей империи, и что внутренние междоусобия Орды Капчакской довершат его гибель. Но грозный завоеватель Востока вслед за бегущим Тохтамышем устремился к северу; перешел Волгу, степи саратовские и, вступив в наши юго-восточные пределы, взял Елец, где господствовал князь Феодор, отрасль карачевских владетелей и данник Олега Рязанского. Весть о нашествии сего нового Батыя привела в ужас всю Россию. Ожидали такого же общего разрушения, какое за 160 лет перед тем было жребием государства нашего; рассказывали друг другу о чудесных завоеваниях, о свирепости и несметных полках Тамерлановых; молились в церквах и готовились к христианской смерти, без надежды отразить силу силою. Но великий князь бодрствовал в совете бояр мудрых и в сие решительное время явил себя достойным сыном Димитрия: не устрашился ни славы Тамер-

[1] В о л ж с к и е — то есть волжские орды, татары.

лана, ни четырех его сот тысяч моголов, которые, по слуху, шли под его знаменами; велел немедленно собираться войску и сам принял начальство, в первый раз украсив юношеское чело свое шлемом бранным и напомнив москвитянам те незабвенные дни, когда герой Донской ополчался на Мамая. Уже многие из воевод Димитриевых скончали жизнь; другие, служив отцу, хотели служить и сыну; старцы сели на коней и явились пред полками в доспехах, обагренных кровию татарскою на Куликове поле. Народ ободрился: войско шло охотно, тем же путем, которым вел оное Донской против Мамая, и великий князь, поручив Москву дяде своему, Владимиру Андреевичу, стал за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встретить неприятеля.

Между тем все церкви московские были отверсты с утра до глубокой ночи. Народ лил слезы пред алтарями и постился. Митрополит учил его и вельмож христианским добродетелям, торжествующим в бедствиях. Но слабые трепетали. Желая успокоить граждан любезной ему столицы, великий князь писал к митрополиту из Коломны, чтобы он послал в Владимир за иконою девы Марии, с коею Андрей Боголюбский переехал туда из Вышегорода и победил болгаров. Сие достопамятное перенесение славного в России образа из древней в ее новую столицу было зрелищем умилительным: бесчисленное множество людей на обеих сторонах дороги преклоняло колена, с усердием и слезами взывая: *Матерь Божия! Спаси землю Русскую!* Жители владимирские провождали икону с горестию: московские приняли с восхищением, как залог мира и благоденствия. Митрополит Киприан, епископы и все духовенство в ризах служебных, с крестами и кадилами; за ними Владимир Андреевич Храбрый, семейство великокняжеское, бояре и народ встретили святыню вне града на *Кучкове поле*, где ныне монастырь Сретенский; увидев оную вдали, пали ниц и в радостном предчувствии уже *благодарили* Небо. Поставили образ в соборном храме Успения и спокойнее ждали вестей от великого князя.

Тамерлан, пленив владетеля елецкого со всеми его боярами, двинулся к верховью Дона и шел берегами сей реки, опустошая селения. Знаменитый персидский историк сего времени, Шерефеддин, любя хвалить добродетели своего героя, признается, что Тамерлан, подобно Батыю, усы́пал трупами поля в России,

убивая не воинов, а только людей безоружных. Казалось, что он хотел идти к Москве; но вдруг остановился и, целые две недели быв неподвижен, обратил свои знамена к югу и вышел из российских владений. Без сомнения, не одно смелое, великодушное ополчение князя московского произвело сие удивительное для современников действие: надлежит искать и других причин вероятных. Хотя историки восточные повествуют, что моголы чагатайские обогатились у нас несметною добычею и навьючили вельблюдов слитками золота, серебра, мехами драгоценными, кусками *тонкого полотна антиохийского* и *русского*; однако ж вероятнее, что сокровища, найденные ими в Ельце и в некоторых городках рязанских, не удовлетворяли их корыстолюбию и не могли наградить за труды похода в земле северной, большею частию лесистой, скудной паствами и в особенности теми изящными произведениями человеческого ремесла, коих употребление и цену сведали татары в образованных странах Азии. Наступала дождливая осень: с людьми, обыкшими кочевать в местах плодоносных и теплых, благоразумно ли было идти далее к северу, чтобы встретить зиму со всеми ее жестокостями? И путь к Москве надлежало еще открыть битвою с войском довольно многочисленным, которое умело победить Мамая. Завоевание Индии, Сирии, Египта, богатых природою и торговлею, славных в истории мира, пленяло воображение Тамерлана: Россия, к счастию, не имела для него сей прелести. Он спешил удалиться от непогод осенних и по течению Дона спустился к его устью.

Сия весть радостно изумила наше войско. Никто не думал гнаться за врагом, который, еще не видав знамен великого князя, не слыхав звука воинских труб его, как бы в смятении бежал к Азову. Юный государь мог бы приписать спасение отечества великодушной своей твердости, но вместе с народом приписал оное силе сверхъестественной и, возвратясь в Москву, соорудил каменный храм Богоматери с монастырем на древнем *Кучкове поле*: ибо, как пишут современники, Тамерлан отступил в самый тот день и час, когда жители московские на сем месте встретили Владимирскую икону. Оттоле церковь наша торжествует праздник Сретения Богоматери 26 августа, в память векам, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россию от ужаснейшего из всех завоевателей.

Что Тамерлан готовил Москве, то испытал несчастный Азов, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное посольство, составленное из купцов египетских, венециянских, генуэзских, каталонских и бискайских, встретило монарха чагатайского на берегу Дона с дарами и ласками. Он успокоил их на словах и, в то же время велев одному из эмиров осмотреть городские укрепления, внезапно приступил к оным. Азов и богатства его исчезли. Ограбив лавки и домы, умертвив или окова̀в цепями всех тамошних христиан, которые не успели спастися бегством на суда, моголы обратили город в пепел.— Завоевав землю черкесскую и ясскую, взяв самые неприступные крепости в Грузии, Тамерлан у подошвы Кавказа дал праздник войску. В огромном шатре, окруженном блестящими столпами, среди вельмож и полководцев, он сидел на золотом троне, украшенном драгоценными каменьями, и при звуке шумных мусикийских орудий[1] пил грузинское вино, желая здравия и дальнейших побед своим неутомимым сподвижникам. Уведомленный о непокорстве жителей астраханских, Тамерлан, презирая холод зимний и глубокий снег, пошел к сему городу, укрепленному, сверх каменных, *ледяными стенами*; срыл его до основания; разрушил огнем и столицу ханскую, Сарай; наконец удалился к границам своей империи, предав, как он сказал, державу Батыеву *губительному ветру истребления*. Орда Капчакская находилась тогда в жалостном состоянии: утратив бесчисленное множество людей в битвах с моголами чагатайскими, она была еще феатром кровопролитных междоусобий. Три хана спорили о господстве над нею: Тохтамыш, Койричак и Тимур Кутлук. Сей последний, будучи также рода Батыева и служив Тамерлану, в противность его воле остался в степях Капчакских, набирал войско и величал себя истинным царем ординским.

Сии происшествия, благоприятные для России, успокоив великого князя в рассуждении моголов, позволили ему обратить внимание на Литву, которою несколько лет управлял Скиригайло, наместник своего брата, короля польского. Но с 1392 года там уже властвовал независимо тесть Василиев, Витовт Александр, вследствие мира и договора с королем Ягайлом, уступившим ему и Волынию с Брестом. Одаренный от природы

[1] Мусикийские орудия — музыкальные инструменты.

умом хитрым, Витовт пылал властолюбием и, приняв от немцев Веру христианскую, сохранил в душе всю жестокость язычника; не только, подобно другим завоевателям, равнодушно жертвовал в битвах бесчисленным множеством людей для приобретения новых земель, но смело нарушал и все святейшие уставы нравственности: играл клятвами, изменял; безжалостно лил кровь своих ближних; умертвил трех сыновей Ольгердовых: Вигунта Кревского отравил ядом; Нариманта повесил на дереве и расстрелял; Коригайлу отсек голову. В Новегороде Северском господствовал их брат, Корибут: Витовт пленил его и, выгнав Владимира Ольгердовича из Киева, отдал нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владимиру, исповедывал Веру греческую, был щедр к народу, но свиреп нравом, любил вино до крайности и жил недолго. Единственно ли по личной ненависти или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себе Киев, архимандрит монастыря Печерского зазвал Скиригайла в гости, напоил и дал ему отраву столь явно, что весь город знал причину его смерти. Народ жалел об нем: следственно, не имел участия в злодействе; а Витовт, прислав туда князя Иоанна Ольшанского в качестве своего наместника, не думал о наказании сего злодейства и тем как бы объявил себя тайным совиновником оного. Скоро присоединил он к Литовской державе и всю Подолию, где княжил внук Феодора Кориятовича, именем также Феодор, присяжник Ягайлов. Слабый король польский не дерзал ни в чем противиться мужественному, решительному сыну Кестутиеву и даже предавал ему единокровных братьев. Вдовствующая супруга Ольгердова, Иулиания, скончала дни свои в Витебске, и меньший сын ее, Свидригайло, заняв сей город силою, велел тамошнего наместника королевского сбросить с высокой стены: оскорбленный тем Ягайло молил Витовта о мести. Она совершилась, но только в пользу государя литовского, который, завоевав Друцк, Оршу и Витебск *с помощью огнестрельного снаряда*, отправил к королю плененного им Свидригайла, а владение его взял себе. Кроме Литвы, господствуя в лучших областях древней России, Витовт хотел похитить и самый остаток ее достояния.

Князь смоленский, Юрий Святославич, шурин сего князя, служил ему при осаде Витебска как данник Литвы; но Витовт, желая совершенно покорить сие княжение, собрал войско многочисленное и, распустив слух, что идет на Тамерлана, вдруг

явился под стенами Смоленска, где Юриевы братья ссорились друг с другом об уделах; сам Юрий находился тогда в Рязани у тестя своего, Олега. Глеб Святославич, старший из братьев, приехал с боярами в стан литовский: Витовт, обласкав его как друга, сказал, что слыша о раздоре князей смоленских, желает быть посредником между ими и за каждым утвердить наследственную собственность. Легковерные Святославичи спешили к нему с дарами, провождаемые всеми знатнейшими боярами, так что в крепости не оставалось ни одного воеводы, ни стражи. Ворота городские были отворены; народ, вслед за князьями, стремился толпами видеть героя Литовского, готового бороться с великим Тамерланом. Но как скоро несчастные князья вступили в шатер Витовтов, сей коварный объявил их своими пленниками; велел зажечь предместие и в ту же минуту устремился на город. Никто не противился: литовцы грабили, пленяли жителей и, взяв крепость, провозгласили Витовта государем сей области российской. Народ был в изумлении. Отправив князей смоленских в Литву, а Глебу Святославичу дав в удел местечко Полонное, Витовт старался утвердить за собою столь важное приобретение: жил несколько месяцев в Смоленске; поручил его наместнику, князю литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожил легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался с великим князем.

Нет сомнения, что Василий Димитриевич с прискорбием видел сие новое похищение российского достояния и не мог быть ослеплен ласками тестя; но ему казалось благоразумнее соблюсти до времени приязнь его и целость хотя Московского княжества, нежели подвергнуть гибели сию единственную надежду отечества войною с государем сильным, мужественным, алчным ко славе и к приобретениям. Василий, осторожный, рассмотрительный, имел отважность, но только в случае необходимости, когда слабость и нерешительность ведут к явному бедствию; он сразился бы с Тамерланом, сокрушителем империй: но с Витовтом еще можно было хитрить, и великий князь сам поехал к нему в Смоленск, где, среди веселых пиров наружного дружелюбия, они утвердили границы своих владений [1396 г.]. В сие время уже почти вся древняя земля вятичей (нынешняя Орловская губерния с частию Калужской и Тульской) принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белев с другими удельными городами князей черниговских, потомков Святого

Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту. Захватив Ржев и Великие Луки, властвуя от границ псковских с одной стороны до Галиции и Молдавии, а с другой до берегов Оки, до Курска, Сулы и Днепра, сын Кестутиев был монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север, так что Можайск, Боровск, Калуга, Алексин уже граничили с литовским владением.— Дела ординские были также предметом совещания сих двух государей, из коих один мыслил только избавиться от ига, а другой возложить оное на самих ханов или столь обессилить их, чтобы они ни в коем случае не могли быть опасны для его областей полуденных.— Вместе с великим князем находился в Смоленске митрополит Киприан, ходатайствуя за пользу нашей церкви или собственную. Дав слово не притеснять Веры греческой, Витовт оставил Киприана главою духовенства в подвластной ему России, и митрополит, поехав в Киев, жил там 18 месяцев.

Вероятно, что великий князь взял обещание с тестя своего не беспокоить и пределов рязанских; по крайней мере, сведав, что Олег сам вошел в литовские границы и начал осаду Любутска (близ Калуги), Василий послал туда боярина представить ему, сколь безрассудно оскорблять сильного. Олег возвратился; но Витовт уже хотел мести: вступил в его землю; истребил множество людей; заставив Олега укрыться в лесах, вышел с добычею и пленом. Сие действие не нарушило доброго согласия между им и Василием Димитриевичем. Обагренный кровию бедных рязанцев, он заехал в Коломну видеться с великим князем и весело праздновал там несколько дней, осыпаемый ласками и дарами. Непосредственным, явным следствием сего вторичного свидания было общее их посольство к новогородцам с требованием, чтобы они прервали дружескую связь с немцами, врагами Литвы. Витовт с неудовольствием видел также, что сын убитого им Нариманта Ольгердовича, Патрикий, и князь смоленский, Василий Иоаннович, нашли в Новегороде убежище от его насилия; а великий князь мог досадовать на чиновников новогородских за то, что они, в противность договору, опять не хотели зависеть в судных делах от митрополита. Киприан, вторично быв у них в 1395 году вместе с послом константинопольского патриарха, бесполезно доказывал им, сколь такое нарушение обета несогласно с доброю совестию и с честию. Впрочем, смягченный дарами жи-

телей, выехал оттуда мирно, благословив архиепископа и народ. Имел ли Василий Димитриевич какую-нибудь досаду на ливонских немцев, требуя от Новагорода разрыва с ними, или желал сего единственно в угодность тестю, неизвестно: вероятнее, что он только искал предлога для исполнения своих замыслов, которые обнаружились впоследствии. Новогородцы с удивлением выслушали посольство московское и Витовтово. Быв семь лет в вражде с немцами по делам купеческим, они в 1391 году примирились торжественно на общем съезде в Изборске, где находились депутаты Любека, Готландии, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду в свободной торговле, условились предать вечному забвению взаимные обиды, и немцы, приехав в Новгород, восстановили там свою контору, церковь и дворы. Сия торговля процветала тогда более, нежели когда-нибудь; из самых отдаленных мест Германии купцы ежегодно являлись на берегах Волхова со всеми ремесленными произведениями Европы; и новогородцы, нимало не расположенные исполнить волю государя московского, еще менее Витовтову, ответствовали: «Господин князь великий! У нас с тобою мир, с Витовтом мир и с немцами мир»; не хотели слушать угроз, но с честию отпустили послов назад.

Великий князь — чаятельно, предвидев сей отказ — немедленно *объявил гнев*, то есть войну Новугороду, и спешил воспользоваться ее правом. Земля Двинская издавна имела богатую торговлю, получая так называемое серебро *закамское* и лучшие меха с границ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, в особенности птицеловством, для коего великие князья, в силу договоров с Новымгородом, ежегодно отправляли туда *сокольников*[1], предписывая в грамотах земскому начальству давать им подводы и корм. Еще Иоанн Калита замышлял овладеть совершенно Двинскою землею: правнук его желал исполнить сие намерение и сделал то без всякого кровопролития. Нередко утесняемые новогородским корыстолюбивым правительством, двиняне дружелюбно [в 1397 г.] встретили рать московскую, охотно поддалися Василию Димитриевичу и приняли от него наместника, князя Феодора Ростовского.

---

[1] Сокольник (соколятник) — соколиный охотник, приставленный к ловчим птицам для ухода за ними, обучения и охоты; позднее образовалась придворная должность — сокольничий.

Самые воеводы новогородские, там бывшие, вследствие тайных сношений с Москвою объявили себя верными слугами великого князя, который в сие время занял Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вместе с Заволочьем они лишались способа не только иметь из первых рук важные произведения климатов сибирских, но и выгодно торговать с немцами, которые всего более искали у них мехов драгоценных. Архиепископ новогородский Иоанн, посадник Богдан и знаменитейшие чиновники спешили в Москву; но великий князь, лично оказав им ласку, не хотел слышать о возвращении Двинской земли.

Тогда отчаяние пробудило воинственный дух в новогородцах. Они собралися на вече [1398 г.] и требовали благословения от архиепископа, сказав ему: «Когда великий князь изменою и насилием берет достояние Святой Софии и Великого Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего *Господина, за Великий Новгород*». Архиепископ благословил их, и все граждане дали клятву быть единодушными. Посадник Тимофей Юрьевич, предводительствуя осьмью тысячами воинов, обратил в пепел *старый* Белозерск, а жители *нового* откупились шестидесятью рублями. Князья белозерские и воеводы московские, там бывшие, приехали в стан новогородский с изъявлением покорности. Разорив богатые волости Кубенские близ Вологды, новогородцы три недели без успеха осаждали Гледен, сожгли посады Устюга, даже Соборную в нем церковь, и, взяв там славную чудотворную икону Богоматери, в насмешку именовали ее своею пленницею. Войско их разделилось: 3000 пошли к Галичу грабить и пленять людей; 5000, вступив в Двинскую землю, осадили крепость Орлец, где заключился наместник великокняжеский с двинскими новогородскими воеводами, которые передались к государю московскому. Нападали и оборонялись с равным усилием близ месяца; наконец осажденные принуждены были сдаться: чем решилась судьба всех Двинских областей. Посадник Тимофей Юрьевич в одной руке держал меч казни для изменников, в другой милостивую грамоту для жителей, готовых раскаяться в вине своей: толпами стекаясь к его знаменам, они смиренно *били челом*, в надежде на милосердие Великого Новагорода. Посадник оковал цепями главного двинского воеводу, новогородского боярина Иоанна с братьями, Айфалом, Герасимом и Родионом; великокняжеского

наместника, Феодора Ростовского, отняв у него казну, отпустил к государю со всеми людьми воинскими; обложил московских купцов тремя стами рублей, а двинских жителей двумя тысячами; взял у них еще 3000 коней и возвратился с торжеством в Новгород. Окованные изменники были представлены народу: Иоанна скинули с моста в Волхов; братья его, Герасим и Родион, постриглись в монахи, с дозволения архиепископа и граждан; Айфал ушел с дороги.— Зная меру сил своих и нимало не ослепленные удачею мести, новогородцы предложили мир великому князю. Посадник Иосиф и тысячский явились во дворце его с дарами и с видом хитрого смирения; не могли обольстить государя проницательного, но успели во всем: ибо Василий знал, что новогородцы в то же время имели сношения с Витовтом, предлагая ему на некоторых условиях быть их главою и покровителем. Великий князь не сомневался, что они могли действительно, в случае крайности, приступить к Литве и, скрыв внутреннюю досаду, отказался от Двинской земли, Вологды и других владений новогородских; дал им мир и послал брата своего, Андрея, для исполнения всех условий оного. Тогда Витовт, считая себя осмеянным, немедленно отослал [1399 г.] к новогородцам мирный договор, заключенный с ними в самый первый год восшествия его на престол литовский. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявлением войны и называлось посылкою *разметных грамот*. Но Витовт отсрочил сию войну, занимаясь приготовлениями к другой, важнейшей.

Тохтамыш, по отшествии Тамерлана, собрал новые силы: еще большая часть Орды признавала его своим ханом. Он вступил в Сарай, отправил посольства к державам соседственным и называл себя единственным повелителем Батыевых улусов. Но Тимур Кутлук — или, по нашим летописям, Темир Кутлуй — напал на него внезапно, победил и взял Сарай. Тохтамыш с своими царицами, с двумя сыновьями, с казною и с двором многочисленным бежал в Киев искать защиты сильного Витовта, который с удовольствием объявил себя покровителем столь знаменитого изгнанника, гордо обещая возвратить ему царство. Уже Витовт отведал счастия против моголов и, в окрестностях Азова пленив целый улус, населил ими разные деревни близ Вильны, где потомство их живет и доныне. Он утешался мыслию слыть победителем народа, коего ужасалась

Азия и Европа,— располагать троном Батыевым, открыть себе путь на Восток и сокрушить самого Тамерлана. Готовя удар решительный, Герой литовский желал, как вероятно, склонить и великого князя к содействию: по крайней мере в сие время приезжал от него посол в Москву, князь Ямонт, наместник смоленский. Ничто не могло быть для России благоприятнее войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевесу того или другого? Ханы ординские требовали от нас дани: литовцы совершенного подданства. Великое княжество Московское, отсылая серебро в улусы, еще гордилось независимостию в сравнении с бывшими княжествами днепровскими, и благоразумный Василий Димитриевич, несмотря на мнимую дружбу тестя, знал, что он, захватив Смоленскую область, готов взять и Москву. И так, вместо полков великий князь отправил в Смоленск, где находился Витовт, супругу свою с боярами и приветливыми словами. Лукавый отец ее не уступал в ласках зятю; великолепно угостил дочь, наших бояр и в знак родительской нежности дал ей множество икон с памятниками страстей Господних, выписанными из Греции одним князем смоленским.

Не хотев участвовать в замышляемой борьбе Литвы с моголами, Василий в то же время не устрашился сам поднять на них меч, чтобы отмстить им за разорение Нижнего Новагорода, о коем мы выше упоминали. Он послал брата своего, князя Юрия Димитриевича, в Казанскую Болгарию с сильным войском, которое взяло ее столицу (и ныне известную под именем *Болгаров*), Жукотин, Казань, Кременчуг; три месяца опустошало сию торговую землю и возвратилось с богатою добычею. Летописцы говорят, что никогда еще полки российские не ходили столь далеко в ханские владения, и Василий Димитриевич слыл с того времени *завоевателем Болгарии*; но время истинных, прочных завоеваний для России еще не наступило.

Может быть, хитрый великий князь в дружелюбных сношениях с Витовтом представлял ему сей счастливый поход как действие союза, заключенного ими против моголов; но государь литовский, не менее хитрый, видел в зяте тайного, опасного врага, который только до случая оставлял его спокойно владеть наследием Ярославова потомства. Безопасность литовских приобретений в России требовала гибели княжения Московского, уже сильного; и Витовт, обещаясь восстановить власть Тохта-

мыша над Золотою Ордою, Заяицкою[1], Болгариею, Тавридою и Азовом, именно поставил в условие, как уверяют наши летописцы, чтобы сей хан отдал Москву Литве.

Долго Витовт готовился к важному походу, собирая войско в Киеве. Тщетно польская королева Ядвига, хваляся проницанием будущего, предсказывала ему бедствие: слабый Ягайло дал брату знатнейших воевод своих: Спитка Краковского, Сандивогия Остророгского, Доброгостия Самотульского, Иоанна Мазовского и других с отборными ратниками. Знамена литовские развевались пред самыми стенами Киева, украшенные трофеями побед Гедимина, Ольгерда и Кестутия. Дружины наших князей, данников Витовта, стояли в рядах с литовцами, жмудью, волохами, а моголы Тохтамышевы полком особенным, равно как и 500 богато вооруженных немцев, присланных великим магистром прусского ордена. Пятьдесят князей, российских и литовских, под верховным начальством Витовта предводительствовали ратию, многочисленною и бодрою.

В сие время явился посол Тимура Кутлука. Именем своего хана он говорил князю литовскому: «Выдай мне Тохтамыша, врага моего, некогда царя великого, ныне беглеца презренного: так непостоянна судьба жизни!» Витовт сказал: «иду видеться с Тимуром» — и пошел к югу тем самым путем, коим некогда ходил Мономах разить диких половцев. За реками Сулою и Хоролем, на берегах Ворсклы стоял Тимур Кутлук с моголами, более желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на меня? — велел он сказать Витовту: — я не вступал никогда в землю твою с оружием». Князь литовский ответствовал: «Бог готовит мне владычество над всеми землями. Будь моим сыном и данником, или будешь рабом». Тимур неотступно предлагал мир; признавал Витовта *старейшим*; соглашался даже, по словам наших летописцев, платить ему ежегодно некоторое количество серебра. Гордый князь литовский, подражая хвастовству восточному, хотел еще, чтобы моголы изображали на своих деньгах знамение, или печать его: в таком случае обещал не помогать Тохтамышу. Хан требовал срока на три дня и между тем дарил, чествовал, ласкал Витовта посольствами. Сие удивительное смирение было, кажется, одною хитростию, чтобы

---

[1] Заяицкий — зауральский (Яик — р. Урал).

продлить время и соединиться с остальными полками татарскими.

Все переменилось, когда пришел в стан к моголам седой князь Эдигей, славный умом и мужеством. Он был вторым Мамаем в Орде и повелевал ханом; некогда служил Тамерлану и носил на себе знаки его милостей. Сведав от Тимура о мирных условиях, предложенных Витовтом, Эдигей сказал: «Лучше умереть», и требовал свидания с князем литовским. Они съехались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый! — говорил вождь татарский: — Царь наш справедливо мог признать тебя отцом: ты его старее летами, но моложе меня: и так изъяви мне покорность, плати дань и на деньгах литовских изобрази печать мою». Сия насмешка привела Витовта в ярость: он громогласно возвестил битву и привел полки в движение. Благоразумнейший из воевод его, Спитко Краковский, видя множество татар, еще советовал искать мира на условиях честных для обеих сторон; но юные витязи литовские кричали: «сокрушим неверных!», и знаменитый пан Щуковский, гордый сердцем, дерзкий языком, сказал ему: «Если по любви к жене прекрасной и к наслаждениям роскоши ты боишься смерти, то не охлаждай других, готовых отдать жизнь за славу». Великодушный Спитко ответствовал: «Несчастный! Я паду в битве, а ты обратишь тыл». Войско литовское перешло за Ворсклу и сразилось [12 августа 1399 г.].

Рать ханская была многочисленнее. Витовт надеялся на свои пушки и пищали; но сии орудия, как говорят летописцы, действовали слабо в открытом поле, где татары, рассыпаясь, могли нападать на ряды литовские сбоку: скажем лучше, то искусство огнестрельное находилось тогда во младенчестве; не умели заряжать скоро, ни с легкостью обращать пушку во все стороны. Однако ж литовцы привели в смятение толпы Эдигеевы и считали себя уже победителями, когда Тимур Кутлук, ученик Тамерланов, зашел им в тыл и стремительным ударом сломил полки их. Тохтамыш прежде всех оставил место сражения; за ним Витовт и надменный пан Щуковский; а великодушный Спитко умер героем. Ужасное кровопролитие продолжалось до самой глубокой ночи: моголы резали, топтали неприятелей или брали в плен, кого хотели. Ни Чингисхан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей. Едва ли третия часть войска литовского спаслася. Множество князей

легло на месте, и в том числе Глеб Святославич Смоленский, Михаил и Димитрий Данииловичи Волынские, потомки славного Даниила, короля Галицкого — сподвижник Димитрия Донского, Андрей Ольгердович, который, бежав от Ягайла, несколько времени жил во Пскове и возвратился служить Витовту — Димитрий Брянский, также сын Ольгердов и также верный союзник Донского — князь Михайло Евнутиевич, внук Гедиминов — Иоанн Борисович Киевский — Ямонт, наместник смоленский, и другие. Хан Тимур Кутлук гнал остатки неприятельского войска к Днепру, взял с Киева 3000 рублей серебра литовского в окуп, а с монастыря Печерского особенно 30 рублей; оставил там своих баскаков и, погромив Витовтовы области до самого Луцка, возвратился в улусы. — Так литовский Герой, хотев удивить мир великим подвигом, снискал один стыд, лишился войска, открыл моголам путь в свои владения и должен был опасаться еще дальнейших худых следствий.

Весть о несчастии его произвела в Москве, в Новегороде, в Рязани действие двоякое: жалели о многих россиянах, падших под знаменами литовскими; с изумлением видели, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, нового тиранства ханов и вместе утешались мыслию, что силы опасной Литвы ослабели. Но Витовт имел в России истинного друга, который огорчился бы его бедствием, если бы успел сведать оное. Сей друг, князь Михаил Тверской, преставился почти в самое время, когда хан разбил литовцев. Бесполезно истощив все способы вредить Донскому, Михаил Александрович жил наконец мирно, ибо видел, что правление юного Василия не уступает Димитриеву ни в силе, ни в мудрости; оставив намерение лишить владетелей московских великокняжеского сана и вообще противиться успехам их могущества, он заключил даже оборонительный союз с Василием на случай впадения в Россию моголов, немцев, ляхов, литвы, но тайно держался Витовта как естественного недоброжелателя или завистника Москвы, и (в 1397 году) посылал к нему сына, Иоанна, женатого на Марии, сестре Витовтовой, без сомнения не столько для родственного свидания, сколько для важных государственных переговоров.

Хотя Василий не изъявлял никаких враждебных намерений в рассуждении Твери, однако ж князь ее с беспокойством видел, что он весьма ласково принял его племянника, Иоанна Всеволодовича Холмского, который, не хотев зависеть от дяди,

уехал в Москву, сочетался браком с Анастасиею, сестрою великого князя, и был наместником в Торжке. Имея 66 лет от рождения, Михаил еще бодрствовал духом и телом; но вдруг занемог столь жестоко, что в несколько дней все его силы исчезли. Он написал духовную грамоту: отдал старшему сыну, Иоанну, Тверь, Новый Городок, Ржев, Зубцов, Радилов, Вобрын, Опоки, Вертязин; другому сыну, Василию, и внуку Иоанну Борисовичу Кашин с Коснятином; а меньшому, Феодору, два городка Микулина, повелевая им жить в любви и слушаться брата старшего. Обстоятельства кончины его достопамятны. К нему возвратились тогда послы из Константинополя, тверской протопоп Даниил и церковники, которые ездили с милостынею в Грецию и привезли от патриарха в дар князю икону Страшного суда. Забыв болезнь и слабость, он встал с ложа, встретил сию икону на дворе, целовал оную с великим усердием и пригласил к себе на пир знатнейшее духовенство вместе с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними и, водимый слугами, каждому из гостей поднес так называемую *прощальную чашу* вина, моля их, чтобы они благословили его. Никто не мог удержаться от слез. Облобызав детей, бояр, слуг, Михаил пошел в Соборную церковь, поклонился гробу отца и деда, указал место для своей могилы и стал на паперти, где собралося множество людей, которые смотрели на него с горестным умилением. Сей некогда величественный князь, быв необыкновенно высок и дороден, казался уже тению; бледный, слабый, едва передвигал ноги, народ плакал и безмолвствовал; но когда Михаил, смиренно преклонив голову, сказал: «Иду от людей к Богу: братья! отпустите меня с искренним благословением!» — тогда все зарыдали, единодушно восклицая: «Господь благословит тебя, князь добрый!» Он сошел с ступеней. Сыновья и бояре хотели вести его во дворец: но Михаил, к изумлению их, указал рукою на лавру Св. Афанасия; приведенный в сей монастырь, был там пострижен епископом Арсением, назван Матфеем и в седьмой день скончался, с именем князя умного, милостивого и *грозного* в похвальном смысле: ибо он, как сказано в летописи, *не потакал боярам*, любя правосудие; истребил в своем княжении разбои, воровство, ябеду; уничтожил *злые налоги торговые*; утвердил города, успокоил села так, что жители других областей тысячами переселялись в Тверскую.— С жизнию Михаила исчезло и благо-

денствие сего княжения: начались боярские смуты и раздоры между его сыновьями [1400 г.]. Иоанн, узнав о торжестве хана и несчастии своего шурина, отправил посольство к первому, смиренно моля, чтобы он дал ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую. Послы уже не застали Тимура Кутлука: он умер; но сын его, Шадибек, исполнил желание Иоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками ханскими, вопреки советам матери стал утеснять братьев и племянника. Они искали защиты в Москве. Великий князь бескорыстно старался мирить их, хотя и ненадолго. Два раза Иоанн приступал к Кашину и держал брата, Василия Михайловича, как пленника в Твери; освободил его, но послал в Кашин своих наместников. В сем междоусобии летописцы обвиняют наиболее невестку Иоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родом смолянку; впрочем, он гнал и сына ее, желая быть единовластным. В угодность, может быть, государю московскому Иоанн примирился с зятем его, князем Холмским, и не мешал ему спокойно жить в уделе отцовском; но сей князь, скоро умерший схимником и бездетным, должен был отказать свою наследственную область сыну Иоаннову, Александру. Одним словом, удельная система вообще клонилась тогда в России к падению.

Несмотря на ослабление литовских сил, князь тверской желал остаться другом Витовта и возобновил с ним прежний союз, одобренный и согласно с их волею утвержденный государем Василием Димитриевичем, который не думал объявить себя врагом тестя (уважая льва, хотя и раненого), особенно потому, что имел причину опасаться Орды: ибо со времени нашествия Тамерланова прервал все сношения с нею, как бы не зная, кого признавать ее главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренние раздоры моголов, не утишенные и славною их победою над Литвою, не дозволяли им обратить внимания на Москву. — Витовт с своей стороны более нежели когда-нибудь искал дружбы великого князя, чтобы удалить его от союза с Олегом и с изгнанником смоленским, Юрием Святославичем, который выдал дочь свою, Анастасию, за Василиева брата, Юрия; тогда же сын Владимира Храброго, Иоанн, женился на внучке Олеговой. Легко было предвидеть, что князь смоленский захочет воспользоваться несчастием Литвы; в самом деле он неотступно убеждал тестя возвратить ему престол: чего желал тайно и Василий Димитриевич, однако

ж не согласился помогать им. Уверенные по крайней мере в его искреннем доброхотстве, Олег и Юрий, собрав войско, внезапно осадили Смоленск [1401 г.], где жители, ненавидя литовское правление, отворили ворота и с восхищением приняли своего законного князя. К сожалению, день народного торжества и веселия обратился в день лютого кровопролития: Юрий Святославич, ослепленный местию, умертвил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича Брянского, происшедшего от Св. Михаила Черниговского, и множество бояр смоленских, которые держали сторону Литвы. Он не знал, что милость в таких случаях благоприятствует не только человеколюбию, но и собственным выгодам государя. Головы отцов и мужей пали: жены, дети и друзья убиенных остались, возбуждали в народе ненависть к свирепому князю и могли говорить: «Иноплеменный Витовт здесь властвовал мирно; князь российский возвратился лить нашу кровь». Одна жестокость рождает часто необходимость другой. Когда Витовт, узнав о взятии Смоленска, явился пред стенами оного с войском, с пушками, многие из граждан хотели сдаться Литве. Умысел их открылся: Юрий казнил всех без пощады и, на сей раз отразив неприятеля, заключил с ним перемирие.

Ободренный своим успехом и неудачами Литвы, князь рязанский послал сына, именем Родслава, воевать Брянск [1402 г.], имея намерение, если можно, освободить и сей древний черниговский удел от власти иноплеменников. Но Витовт успел взять меры. Одним из лучших его полководцев был Лугвений-Симеон Ольгердович: еще в 1392 году он возвратился в Литву из Новагорода и женился на сестре Василия Димитриевича, Марии (которая, жив с ним пять лет, преставилась в Мстиславле, откуда тело ее привезли в Москву). Лугвений, отряженный Витовтом, соединился с Александром Патрикиевичем Стародубским, встретил рязанцев у Любутска и, побив их наголову, пленил самого Родслава. Сей успех в тогдашних обстоятельствах был весьма важен для Витовта: ободрил Литву, устрашил россиян. Ненавидя Олега, Витовт мстил ему жестоким заключением сына его в оковы и в темницу, в которой он томился три года и наконец за 2000 рублей получил свободу. Старец Олег не мог пережить сего несчастья и скончался иноком: князь ума редкого и славнейший из всех рязанских владетелей; долговременный, лукавый враг Донского и Москвы,

но любимый своим народом и достохвальный в его последних усилиях возвратить отечеству литовские завоевания. Имев христианское имя Иакова, он назван в монашестве Иакимом и погребен в обители Солотчинской, им основанной близ Рязани. Сын его, Феодор, сел на престоле отца, утвержденный в сем наследстве грамотою хана Шадибека. (Чрез некоторое время он был изгнан князем пронским, Иоанном Владимировичем; а после, заключив с ним мир, княжил спокойно, будучи в тесной связи с шурином своим, государем московским.)

Витовт еще несколько времени оставлял Юрия Смоленского в покое. Собрав силы, он послал [1403 г.] Лугвения на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и доверенность к нему россиян, которые любили его как единоверного. Лугвений овладел Вязьмою без кровопролития, пленив ее князя, Иоанна Святославича. Тогда Витовт со всеми полками двинулся [1404 г.] к Смоленску; целые семь недель осаждал его с величайшим усилием, ежедневно стреляя из пушек, но отступил без малейшего успеха: столь крепок был город и столь упорно защищаем Юрием. Потерпели одни волости смоленские, разоренные Литвою. Юрий, опасаясь нового нападения, желал видеться с великим князем; оставил в Смоленске супругу, бояр и, дав им слово возвратиться немедленно, спешил в Москву. Василий Димитриевич принял его дружелюбно. «Будь моим великодушным покровителем,— говорил Юрий: — Витовт тебя уважает: примири нас или защити меня, если он презрит твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь государем моим и смоленским. Желаю лучше служить тебе, нежели видеть иноплеменника на престоле Мономахова потомства». Предложение казалось лестным. Но, зная твердое намерение Витовта снова покорить Смоленск чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сие княжение к Москве есть объявить ему войну, великий князь не соглашался быть ни ходатаем, ни защитником, ни государем Смоленска, следуя правилу жить в мире с Литвою, пока Витовт не касался собственных московских владений. Так говорят летописцы; однако ж долговременное пребывание Юрия в Москве свидетельствует по крайней мере, что он не терял надежды успеть в своем искании: изменники предупредили его.

Будучи врагом опасной Литвы, сей князь, к несчастию, имел врагов еще опаснейших между смоленскими боярами,

4 Зак № 39

озлобленными казнию их ближних: пользуясь его отсутствием, они тайно призвали Витовта и сдали ему город. Полки литовские без малейшего сопротивления вступили в крепость, обезоружили воинов, взяли некоторых верных бояр под стражу, впрочем не делая жителям никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юриева была отправлена в Литву, и Витовт, заняв всю Смоленскую область, везде определил своих чиновников, к неудовольствию изменников российских, которые надеялись управлять ею; но гражданам и сельским жителям даровал особенную льготу, желая отвратить народ от Юрия и привязать к себе: в чем успел совершенно и чрез несколько лет в кровопролитной с немцами битве, где более 60 000 человек легло на месте, одержал победу единственно храбростию верных ему смоленских воинов. — Таким образом, взяв древний город российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт благоразумною политикою утвердил его за Литвою на 110 лет и тем заключил ее важные присвоения в России. Время счастливых возвратов было для нас уже недалеко.

Нечаянная весть о взятии Смоленска поразила Юрия Святославича; изумила и великого князя так, что он вообразил себя обманутым и, призвав Юрия, осыпал его укоризнами, говоря: «Ты хотел единственно обольстить меня лукавыми предложениями: Смоленск не мог сдаться Литве без твоего повеления». Напрасно сей несчастный князь уверял, что виною тому измена бояр: Василий остался в подозрении, и Юрий, не находя в Москве ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, решился искать той и другой в вольном Новегороде.

Государствование Василия Димитриевича было для новогородцев временем беспокойным: они никак не могли долго жить с ним в мире, видя его непрестанные покушения на их свободу и достояние. Так он (в 1401 году) велел митрополиту задержать в Москве новогородского архиепископа Иоанна, который ревностно ходатайствовал за гражданские права своей духовной паствы. Так, чрез несколько месяцев, воины великокняжеские схватили в Торжке двух знаменитых бояр, неприятных государю, и взяли все их имение. Так рать московская без объявления войны вступила в Двинскую землю, будучи предводима новогородскими изменниками, Айфалом и братом его, Герасимом расстригою, ушедшим из монастыря: они пленили двин-

ского посадника, многих бояр и везде грабили без милосердия; но, разбитые в Колмогорах, оставили пленников и бежали. (Сей мятежник Айфал, не успев в замыслах против отечества, разбойничал после на Каме и Волге, имея у себя до 250 судов; был в плену у татар и наконец убит на Вятке Михайлом Рассохиным, подобным ему беглецом новогородским.) — Хотя великий князь освободил взятых в Торжке бояр и архиепископа Иоанна, более трех лет сидевшего в келье Николаевского монастыря; однако ж Новгород ждал и впредь с его стороны таких же утеснений, будучи готов противиться оным.

Юрий Святославич с сыном Феодором, братом Владимиром и князем Симеоном Мстиславичем Вяземским явился там среди народа и смиренно просил убежища. Новогородцы любили казаться великодушными в таких случаях. Мысль быть покровителем одного из знаменитейших князей российских, гонимого Витовтом, отверженного великим князем, льстила их гордости. Они приняли изгнанника с ласкою и сделали еще более: дали ему 13 городов в управление: Русу, Ладогу и другие, с условием, чтобы он, как воин мужественный, ревностно блюл целость их владений, не щадя ни трудов, ни жизни. Взаимные клятвы утвердили сей договор, равно неприятный Витовту и Василию Димитриевичу. Первый, будучи тогда уже в мире с Новымгородом, жаловался, что его злодей снискал там дружбу и доверенность; а великий князь с неудовольствием видел, что сей народ в случае столь важном действует самовластно, без всякого сношения с Москвою. Впрочем, Юрий недолго жил в области Новогородской: привыкнув господствовать неограниченно, он скучал своею зависимостию от народного веча и возвратился в Москву с новою надеждою на покровительство Василия Димитриевича, который, начиная тогда ссориться с Витовтом за впадение Литвы в границы Пскова, принял Юрия весьма дружелюбно и сделал наместником в Торжке. Но сей несчастный изгнанник скоро лишился и милости великого князя и сожаления людей, в глазах целой России возложив на себя знамение[1] гнусного преступника [1406 г.].

Князь Симеон Мстиславич Вяземский разделял с ним бедствие изгнания как друг и знаменитый слуга его. Он имел прекрасную, добродетельную супругу, именем Иулианию.

---

[1] Знамение. — Здесь: печать.

Равно жестокий и сластолюбивый, Юрий пылал вожделением осквернить ложе Симеоново; не успел в том ни соблазном, ни коварными хитростями и дерзнул на явное злодеяние: в своем доме, среди веселого пира, убил князя Вяземского и думал воспользоваться ужасом несчастной супруги. Но любя непорочность более всего в мире, она схватила нож и, хотев ударить им насильника в горло, уязвила в руку. Одно чувство уступило место другому: любострастие гневу. Юрий, обнажив меч, догнал Иулианию на дворе, изрубил ее в куски и велел бросить в реку. Такая гнусность могла постыдить век: впечатление, произведенное оною в сердцах современников, оправдало его. Юрий, подобно Каину ознаменованный печатию злодейства, гонимый всеобщим презрением, не смея показаться ни князьям, ни народу, уехал в Орду; скитался в степях несколько месяцев и кончил жизнь в одном пустынном монастыре области Рязанской. Он был последним из владетельных князей смоленских, происшедших от внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Наконец пришло время явной вражды между государем московским и Литвою. Псков, освобожденный новогородцами от всех обязанностей подданства, был управляем собственными законами; принимал наместников от Василия Димитриевича, но избирал себе чиновников и князей или воевод, иногда чужеземных: так Андрей Ольгердович и сын его, Иоанн, несколько времени начальствовали в оном. Сия вольность не даровала благоденствия псковитянам: угрожаемые с одной стороны ливонским орденом, с другой Витовтом, напрасно требовали они защиты от своих братьев, новогородцев, которые завидовали успехам их счастливой торговли и не только отказывались помогать им, не только в мирных договорах с немцами, с литвою умалчивали о Пскове, но даже сами теснили и приходили осаждать его; не имея успеха в сих нападениях, мирились, и всегда неискренно. Сверх того он вторично был жертвою язвы, которая несколько раз возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастием, коварный Витовт, будто бы честно объявляя войну, послал *разметную* псковскую *грамоту* к новогородцам, напал неожидаемо на владения псковитян, взял город Коложе и пленил 11 000 россиян. В то же время магистр ливонский опустошил селения вокруг Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, псковитяне немедленно отмстили Витовту разорением Великих Лук и Новоржева, ему подвластных: отняли

у Литвы коложское знамя и разбили немцев близ Киремпе: но, ведая меру сил своих, прибегнули к государю московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имели свою особенную систему политическую и в самом деле мало зависели от великого князя: однако ж Василий, называясь их государем, решился доказать истину сего названия; отправил к ним брата, Константина Димитриевича, и, требуя удовлетворения от Витовта, начал собирать полки. Его *система осторожности* не переменилась: он хотел мира, но хотел доказать и готовность к войне в случае необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остаток независимости России.

Витовт ответствовал гордо. Призвав в союз к себе Иоанна Михайловича Тверского, великий князь послал воевод на литовские города: Серпейск, Козельск и Вязьму. Воеводы возвратились без успеха: огорченный сим худым началом и думая, что Витовт со всеми силами устремится на Москву, Василий Димитриевич решился возобновить дружелюбную связь с Ордою, вопреки мнению старых бояр; требовал вспоможения от Шадибека и представлял, что Литва есть общий их враг. Не было слова о дани и зависимости: Василий искал только союза татар, и юный Шадибек, управляемый доброхотами государя московского, действительно прислал ему несколько полков. Выступив в поле, великий князь сошелся с Витовтом близ Крапивны (в Тульской губернии). Вместо битвы начались переговоры: ибо ни с которой стороны не хотели отважиться на случай решительный, и Герой литовский, помня претерпенное им бедствие на берегах Ворсклы, уже научился не верить счастию. Заключили перемирие и разошлися.

Мира не было. Литовцы чрез несколько месяцев сожгли и присоединили к своим владениям Одоев [1407 г.], где княжили потомки Св. Михаила Черниговского, быв в некоторой зависимости от сильнейших владетелей рязанских; а великий князь взял Дмитровец, но снова заключил перемирие с тестем под Вязьмою, и также ненадолго. Еще за год до сего времени выехал в Москву из Литвы сын князя Иоанна Ольгимонтовича, Александр Нелюб, со многими единоземцами: вступив в нашу службу, он получил себе во владение город Переславль Залесский. Вслед за ним прибыл в Москву Свидригайло Ольгердович, который, будучи недоволен данным ему от Витовта уделом Северским, Брянским, Стародубским и замышляя господство-

вать над всею Литвою, вздумал предложить услуги свои великому князю. Ему сопутствовали епископ черниговский Исаакий, князья звенигородские, Александр и Патрикий, Феодор Александрович Путивльский, Симеон Перемышльский, Михайло Хотетовский, Урустай Минский и целый полк бояр черниговских, северских, брянских, стародубских, любутских, рославских, так что дворец московский весь наполнился ими, когда они пришли к государю. Московитяне с любопытством смотрели на своих единоплеменников, уже принявших обычаи иноземные; а бояре южной России дивились величию Москвы (за сто лет едва известной по имени), красоте ее церквей, святых обителей и пышности двора Василиева, напомнившей им древние предания о блестящем дворе Ярослава Великого. Всего же более дивились они в ней благоустройству гражданскому, необыкновенному в их странах, где троны Владимирова потомства стояли пусты и где паны литовские, искажая язык славянский, давали чуждые законы народу. Великий князь осыпал пришельцев милостями и к общему удивлению отдал Свидригайлу в удел не только Переславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны, но даже столицу владимирскую с селами, доходами и людьми, как сказано в летописи: столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло уверительно говорил о тайных связях своих с вельможами литовскими; хвалился завоевать с помощью москвитян в несколько месяцев всю землю Витовтову; обещал Василию Новгород Северский и склонил его к возобновлению неприятельских действий против тестя. Великий князь не был легковерен; но мог надеяться, что, имея с собою Ягайлова брата, или подлинно найдет друзей в Литве, или приобретет мир выгодный. В последнем отчасти и не обманулся. Витовт встретил зятя на берегах Угры. Многочисленное войско его состояло, кроме литвы, из полков киевских (предводимых Олельком Владимировичем, внуком Ольгердовым), смоленских и даже из немцев, присланных к нему великим магистром прусским. Тщетно Свидригайло искал изменников в стане литовском: самые россияне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки великокняжеские. Но зять и тесть наблюдали ровную осторожность; с обеих сторон действовали только легкими отрядами, избегая главного сражения; наконец, вследствие многих переговоров, согласились в мирных условиях, назначив Угру пределом

между Литвою и московскими владениями в нынешней Калужской губернии. Города Козельск, Перемышль, Любутск возвратились к России и были с того времени уделом Владимира Андреевича *Храброго*. Сохраняя честь свою, великий князь не хотел выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязал тестя не беспокоить впредь области псковитян, которые после заключили с Литвою мир особенный.

Впрочем, покровительство Василия Димитриевича не доставило Пскову безопасности. Брат его, Константин, взяв за Наровою немецкий городок Порх, уехал назад в Москву; а магистр ливонский, Конрад Фитингоф, соединясь с курляндцами, разбил псковитян: три посадника и 700 лучших граждан легло на месте. Еще два раза входил он в их владения, жег села, пленял людей, не щадя и новогородцев, которые, злобствуя на псковитян, отказались и тогда действовать с ними заодно против общих неприятелей. Сии частые войны с Ливониею обыкновенно не имели никаких важных следствий. Хотя немцы мыслили присоединить Псков к своим владениям с согласия Витовта и Свидригайла (как то видно из договора, заключенного между ими в 1402 году): но имея более властолюбия, нежели силы, они только грабили, убивали несколько сот человек и чувствовали нужду в мире для выгод торговли. Народное право с обеих сторон так мало уважалось, что иногда умерщвляли послов: в Нейгаузене (в 1414 году) изрубили псковского, во Пскове дерптского. Сия вражда прекратилась в 1417 году мирным договором на 10 лет, и великий князь участвовал в оном как посредник. Но псковитяне, честно соблюдая мир с немцами, снова возбудили на себя гнев Витовта, который принуждал их объявить войну Ливонии. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу посольствами в Литву и в Москву. Витовт грозил им непрестанно; однако ж не сделал ничего более, вероятно из уважения к зятю, коего псковитяне всегда признавали своим верховным государем и который давал им князей или наместников. Три раза начальствовал там Константин, брат Василиев; после князья ростовские, Андрей и Феодор Александровичи, сын последнего Александр и Феодор Патрикиевич Литовский.

Доселе государствование Василия было славно и счастливо: он усилил великое княжение знаменитыми приобретениями без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство,

избыток граждан в областях своих; обогатил казну доходами; уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым. Хотя послы ханские от времени до времени являлись в Москве (царевич Эйтяк в 1403 году и мирза, казначей Шадибеков, в 1405): но вместо дани получали единственно маловажные дары и возвращались с ответом, что великое княжение Московское будто бы оскудело и не в силах платить серебра ханам. Напрасно Тимур Кутлук и Шадибек звали к себе Василия: он не хотел послать к ним никого из своих братьев или бояр старейших, ожидая, чем кончатся междоусобия ординские. Еще Тохтамыш, отверженный Витовтом, скитался по отдаленным улусам, искал друзей и надеялся возвратить себе царство; когда же, настигнутый в пустынях, близ Тюменя, отрядом войска Шадибекова, он пал в сражении: великий князь, с намерением питать мятеж в Орде, дал в России убежище сыновьям его. Слабый хан молчал, а знаменитый Эдигей, сподвижник Тамерланов, победитель Витовта, князь всемогущий в улусах, находился в дружеских сношениях с Василием; давал ему ласковое имя сына и коварный совет воевать Литву, в то же время советуя Витовту искоренить Московское княжение. Так моголы, некогда страшные одною силою, уже начали хитрить в слабости, стараясь производить вражду между государями, для них опасными. В 1407 году, когда князь тверской, Иоанн Михайлович, приехал Волгою на судах в ханскую столицу (чтобы судиться там с Юрием Всеволодовичем, братом умершего Иоанна Холмского, желавшим присвоить себе Тверское княжение), сделалась в Орде перемена: Булат-Салтан изгнал Шадибека, зятя Эдигеева, и сел на царство, но еще более своих предшественников зависел от Эдигея. Сей хитрый старец — видя, что государь московский и Витовт никак не хотят отважиться на решительную войну между собою — предпринял наконец оружием смирить первого; готовя рать многочисленную, все еще уверял его в своей ревностной дружбе и писал к нему, выступив в поход: «Се идет царь Булат с Великою Ордою наказать литовского врага твоего за содеянное им зло России. Спеши изъявить царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына, или брата, или вельможу». С сею грамотою приехал в Москву один из чиновников татарских. Василий имел друзей в Орде и знал о ратных ее движениях; но по всем известиям думал, что моголы действительно хотят воевать Литву: ибо Эди-

гей умел скрыть свою истинную цель от самых вельмож ханских. Никто не беспокоился в Москве, где, по сказанию одного летописца, уже мало оставалось бояр старых и где юные советники великокняжеские мечтали в гордости, что они могут легко обманывать старца Эдигея и располагать в нашу пользу силами моголов. Однако ж Василий Димитриевич был изумлен скорым походом ханского войска и немедленно отправил боярина Юрия в стан оного, чтобы иметь вернейшее сведение о намерении татарского полководца; велел даже собирать войско в городах, на всякий случай. Но Эдигей, задержав Юрия, шел вперед с великою поспешностию — и чрез несколько дней услышали в Москве, что полки ханские стремятся прямо к ней.

Сия весть поколебала твердость великокняжеского Совета: Василий не дерзнул на битву в поле и сделал то же, что его родитель в подобных обстоятельствах: уехал с супругою и с детьми в Кострому, оставив защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храброго, братьев Андрея и Петра со множеством бояр и духовных сановников (митрополит Киприан уже скончался). Великий князь надеялся на крепость стен московских, на действие своих пушек и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагоприятную для осады долговременной. Не одна робость, как вероятно, заставила его удалиться. Он мог скорее боярина или наместника подвигнуть северные города российские к единодушному восстанию против неприятеля для избавления столицы, и татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что великий князь собирает там войско. Но граждане московские судили иначе и роптали, что государь предает их врагу, спасая только себя и детей. Напрасно князь Владимир, украшенный сединою честной старости и славною памятью Донской битвы, ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности: слабые унывали. Чтобы татары не могли сделать примета[1] к стенам кремлевским, сей князь велел зажечь вокруг посады. Несколько тысяч домов, где обитали мирные семейства трудолюбивых граждан, запылали в одно время. Жители не думали спасать имения и толпами бежали к городским воротам. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся детей,

---

[1] Примёт — кучи хвороста, дров, бревен от раскатанных строений, которые осаждающие наваливали снаружи на деревянные крепостные стены и поджигали.

молили единственно о том, чтобы их впустили в оные: необходимость предписывала жестокий отказ, ибо от излишнего многолюдства опасались голода в крепости. Зрелище было страшно: везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию.

Ноября 30, ввечеру, татары показались, но вдали, опасаясь действия огнестрельных городских орудий. Декабря 1 пришел сам Эдигей с четырьмя царевичами и многими князьями, стал в Коломенском, отрядил 30 000 вслед за Василием к Костроме и послал одного из царевичей, именем Булата, сказать Иоанну Михайловичу Тверскому, чтобы он немедленно шел к нему со всею его ратию, самострелами и пушками. Между тем полки татарские рассыпались по областям великого княжения; взяли Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец: то есть сожгли их, пленив жителей, ограбив церкви и монастыри. Счастлив, кто мог спастися бегством! Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц пред варварами; ждали решения судьбы своей, и моголы отсекали им головы или расстреливали их в забаву; избирали любых в невольники, других только обнажали: но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и метелям, большею частию умирали. Пленников связывали и вели как псов на смычках: иногда один татарин гнал пред собою человек сорок. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя в Владимире и в пяти других городах, имея воинскую многочисленную дружину, обязанный милостию великого князя, которая не изменилась и со времени неудачного похода литовского, бежал и скрылся в лесах от моголов. (Сей мнимый герой, обличив свое малодушие, скоро выехал из России с великим богатством и стыдом, ограбив на пути наши села и пригороды.)

Эдигей, обложив Москву, нетерпеливо ждал к себе князя тверского с орудиями стенобитными и не предпринимал ничего против города; но Иоанн Михайлович поступил в сем случае как истинный россиянин и друг отечества: он гнушался мыслию способствовать гибели Московского княжения, хотя и весьма

опасного для независимости Тверского; поехал к Эдигею один с немногими боярами и возвратился из Клина, будто бы от нездоровья. Сие великодушие могло стоить ему дорого: к счастию, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки ханские, которые гнались за великим князем, не могли настигнуть его и, к досаде Эдигея, пришли назад. Несмотря на ослушание Иоанна Тверского и недостаток в нужных для осады снарядах, сей вождь ординский упорствовал взять Москву, если не приступом, то голодом, и хотел зимовать в Коломенском. Но вести, полученные им от хана, расстроили его намерение. Уже прошел тот век, когда наследники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тьмами, и могли в одно время громить Восток и Запад: внутренние несогласия, кровопролития, язва, герой Донской и Тамерлан столь уменьшили многолюдство в улусах, что Булат, отправив войско в Россию, остался беззащитным и едва не был пленен каким-то мятежным ординским царевичем, хотевшим овладеть его столицею. Хан заклинал полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства действительно были таковы, что Эдигей не мог терять времени, с одной стороны опасаясь великого князя, собиравшего в Костроме войско, а с другой еще страшнейших врагов в Орде; призвал вельмож на совет и положил чрез несколько часов отступить от нашей столицы; но, желая казаться победителем, а не бегущим, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послал объявить московским начальникам, что соглашается не брать их города, если они дадут ему окуп.

Москва представляла зрелище и ратной деятельности и ревностных подвигов благочестия; с утра до ночи воины стояли на стенах, священники в отверстых храмах пели молебны, народ постился. «Богатые,— говорит летописец,— обещали Небу наградить бедных, сильные не теснить слабых, судии быть правосудными,— и солгали пред Богом!» Владимир Андреевич, князья, бояре целые три недели тщетно ждали приступа и, не имея запасов хлебных, страшились голода. Удивленные предложением Эдигея и не зная, что сделало его миролюбивым, они с радостию дали ему 3000 рублей и прославили милость Божию, когда сей князь, отправив вперед добычу с обозом, 21 декабря выступил из Коломенского; взял еще на возвратном пути Рязань и скоро удалился от пределов российских. Но следы сего ужасного нашествия остались надолго не-

изгладимы в оных. «Вся Россия,— пишут современники,— от реки Дона до Белаозера и Галича, была потрясена сею грозою. Целые волости опустели. Кто избавился от смерти и неволи, тот оплакивал ближних или утрату имения. Везде *туга* и скорбь, предсказанные некоторыми книжниками[1] года за три или за четыре. Многие удивительные знамения также возвестили гнев Божий: со многих святых икон текло миро[2] или капала кровь», и проч. Суеверие всегдашнее в таких случаях: люди слабые, пораженные внезапным ударом, обыкновенно ищут сверхъестественных предзнаменований его в минувшем времени, как бы надеясь впредь лучшим вниманием к таинственным указаниям Судьбы отвращать подобные бедствия.

Впрочем, Эдигей, кроме добычи и пленников, не приобрел ничего важного сим подвигом, к коему он несколько лет готовился, и грозное письмо, отправленное им с пути к великому князю, не имело никаких следствий. Оно достопамятно: предлагаем его содержание.

«От Эдигея поклон к Василию, по думе с царевичами и князьями.— Великий хан послал меня на тебя с войском, узнав, что дети Тохтамышевы нашли убежище в земле твоей. Ведаем также происходящее в областях Московского княжения: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самых послов царских осмеиваете. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев: земля Русская была нашим верным улусом; *держала страх*, платила дань, чтила послов и гостей ординских. Ты не хочешь знать того — и что же делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово: Шадибек 8 лет властвовал: ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год: ты, старейший князь в улусе Русском, не являешься в Орде! Все дела твои не добры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Феодор Кошка и напоминал тебе о ханских благотворениях. Ныне сын его недостойный, Иоанн, казначей и друг твой: что скажет, тому веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что вышло? разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови в совет бояр старейших: Илию Иоанновича,

---

[1] Книжники — предсказатели, мудрецы.

[2] Миро — благовоние, употребляемое в христианских обрядах.

Петра Константиновича, Иоанна Никитича и других, с ними согласных в доброй думе; пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, да не погибнет вконец держава твоя. Все, писанное тобою к ханам о бедности народа русского, есть ложь: мы ныне сами видели улус твой и сведали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох: куда ж идет серебро? Земля христианская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил ханскую дань; а ныне бегаешь как раб!.. Размысли и научися!» — Но великий князь не хотел слушаться ни приказаний, ни советов его, сведав о новом мятеже в Орде; возвратился в столицу и с любовию обнял дядю своего, Владимира Андреевича, довольный по крайней мере тем, что он, не имев способа защитить другие города, сдал ему Москву в целости.

Сей знаменитый внук Калитин жил недолго и преставился с доброю славою князя мужественного, любившего пользу отечества более власти [1410 г.]. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства и был из князей российских *первым дядею, служившим племяннику*. Кратковременные ссоры его с Донским и Василием происходили не от желания присвоить себе великокняжеский сан, а только от смут боярских. Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть и России. В архиве наших древностей хранятся договоры сего князя с Василием и завещание. Он возвратил племяннику города Волок и Ржев, взяв от него в замену Углич, Городец на Волге, Козельск, Алексин, не в удел временный, а в наследственное владение, или в отчину, с обязательством, в случае смерти Василиевой, повиноваться его сыну как государю верховному, ходить с ним самим на войну и посылать детей своих с полками московскими. В духовной записи Владимир Андреевич поручает супругу и детей великому князю; отказывает свою треть Москвы всем пяти сыновьям вместе, так, чтобы они ведали ее погодно; старшему сыну, Иоанну, дает Серпухов, Алексин, Козельск (а буде сей город снова отойдет к Литве, то Любутск) — Симеону Боровск и половину Городца: другую половину Ярославу, вместе с Малоярославцем (названным так от имени сего Владимирова сына) — Андрею Радонеж — Василию Перемышль и Углич — супруге Елене Ольгердовне множество сел

(в том числе Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устье Яузы); ей же с меньшими детьми большой двор московский (другим сыновьям особенные домы и сады). Свидетелями духовной были игумены Никон Радонежский, Савва Спасский и 5 бояр Владимировых. Как сия, так и договорные, вышеупомянутые грамоты свидетельствуют, что великий князь и Владимир, надеясь избавиться от ига моголов, еще не были в том уверены: ибо последний обязывается делить с первым ординские тягости и платить ему за Углич 105 рублей на семь тысяч рублей ханской дани, а за Городец 160 р. на 1500 р.

В самом деле великий князь, при новой перемене в Орде, еще на время отказался от государственной независимости [1411—1412 гг.]. Темир, неизвестный по летописям восточным, свергнул Булата и, прогнав Эдигея к берегам Черного моря, должен был уступить престол Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислал в Россию грозных послов и в досаду Василию Димитриевичу хотел восстановить княжение Новогородское, объявив сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наследниками: чего они искали в Орде, и смелейший из них, Даниил Борисович, за год до того времени с дружиною князей болгарских разбил в Лыскове брата Василиева, Петра Димитриевича; а воевода Даниилов с казанским царевичем, Талычем, ограбил Владимир, имея у себя не более пяти сот моголов и россиян: столь унизилась знаменитая столица Боголюбского! Летописцы, в объяснение сего случая, сказывают, что она тогда не имела стен; что ее наместник, Юрий Васильевич Щека, был в отсутствии, и что неприятели тайно пришли лесом из-за реки Клязьмы в самый полдень, когда все граждане спали! Сам митрополит, преемник Киприанов, Фотий, будучи в сие время близ Владимира, на Святом озере, едва мог спастися от татар бегством в непроходимые пустыни сенежские. Впрочем, ни Лысковская победа, ни опустошение домов и церквей владимирских не могли возвратить Даниилу родительского престола: союзники его, казанские моголы, немедленно ушли назад с добычею. Но ярлык хана в руках князей нижегородских, дружба Зелени-Салтана с Витовтом, новый тесный союз Иоанна Михайловича Тверского с государем литовским, у коего сын его, Александр, гостил в Киеве, и намерение Иоанново ехать в Орду казались Василию Димитриевичу столь опасными,

что он решился сам искать благосклонности хана и, провождаемый всеми знатнейшими вельможами, с богатыми дарами отправился в столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сын Тохтамышев, Керимбердей, застрелил сего недруга россиян и воцарился. Сей новый хан, как вероятно, по смерти отца имел с другими братьями убежище в областях московских и, следовательно, основанное на признательности благорасположение к Василию: по крайней мере великий князь, им обласканный, достиг своей цели; то есть возвратился с уверением, что бывшие владетели суздальские не найдут в нем (хане) покровителя, а Витовт друга, особенно ко вреду России. Иоанн Михайлович Тверской, также милостиво принятый Керимбердеем, с его согласия удержал за собою Кашин, несмотря на все искания брата, Василия Михайловича. Сей бедный князь, взятый под стражу наместниками тверскими, ушел из заключения, скитался по лесам, был в Москве, у хана, и не мог нигде найти защиты. Василий Димитриевич хотя привез его с собою из Орды, однако ж не хотел в угодность изгнаннику ссориться с Иоанном, который изъявил столько великодушия в бедственное для Москвы время, и в личном с ним знакомстве, при дворе хана, доказал ему искренними объяснениями, что не имеет никаких вредных для великого княжения замыслов.

Нет сомнения, что Василий, будучи в ханской столице, снова обязался платить дань моголам: он платил ее, кажется, до самого конца жизни своей, несмотря на внутренние беспорядки, на частые перемены в Орде. Керимбердей, друг россиян, был неприятелем Витовта, который, желая свергнуть его с престола, объявил царем капчакским князя могольского, именем Бетсабулу, и в Вильне торжественно возложил на него знаки царского достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукном багряным. Керимбердей, победив сего Витовтова хана, отсек ему голову; но скоро погиб от руки своего брата, Geремфердена, бывшего усердным союзником государя литовского. Кроме сего главного хана непрестанно являлись в улусах иные цари, воевали между собою или грабили наши пределы: так (в 1415 году) один из них, взяв Елец, убил тамошнего князя; так царь Барак, сын Койричака, победив другого, именем Куйдадата, приступал (в 1422 году) к Одоеву и пленил множество людей, но должен был оставить их, настиженный в степях кня-

зем Юрием Романовичем Одоевским и мценским воеводою, Григорием Протасьевичем, которые после, соединясь с друцкими князьями, разбили и Куйдадата. Сей князь тревожил набегами и литовские и российские области: почему Витовт, сведав о приближении его к Одоеву, требовал содействия от великого князя; и хотя москвитяне не успели взять участия в битве: однако ж Витовтовы полководцы, пленив двух жен Куйдадатовых, одну отправили к своему государю, а другую в Москву.— Между тем и старец Эдигей, уступив Орду Капчакскую, или Волжскую, сыновьям Тохтамышевым, властвовал как государь независимый в улусах Черноморских. Будучи врагом Витовта, он (в 1416 году) разорил многие литовские области; не мог взять укрепленного киевского замка, но ограбил и сжег все тамошние церкви вместе с Печерскою лаврою, пленив несколько тысяч граждан, так что с сего времени, по словам историка Длугоша, Киев опустел совершенно. Наконец Эдигей, желая спокойствия, прислал в дар Витовту трех вельблюдов, покрытых красным сукном, и 27 коней, с следующею грамотою: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застигла нас обоих унылая старость: посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролиянная нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, коими мы друг друга огорчали, развеяны ветром; пламя войны очистило сердца наши от злобы; вода угасила пламя». Они заключили мир.

Имея долговременную рать[1] с прусским орденом, Витовт жил мирно с Василием Димитриевичем, который даже не отказался помогать ему войском. В 1422 году, при осаде *Голуба*, или Кульма, были у Витовта союзные дружины московская и тверская, или *великие россияне*, как сказано в тогдашней переписке ордена. Уверяя зятя в своей приязни, Витовт в то же время грозил новогородцам как державе особенной. Желая быть в дружбе и с литовским государем и с московским, они вторично приняли к себе Ольгердова сына, Лугвения, начальствовать в их областных городах, а брата Василиева, Константина Димитриевича, наместником великокняжеским в столицу; но сия политика не имела совершенного успеха. Примирясь с немцами, Витовт и король Ягайло велели Лугвению ехать в Литву, и все трое вместе возвратили мирные грамоты нового-

---

[1] Рать.— Здесь: война, военные действия.

родцам. Лугвений писал, что он, быв у них только на жалованье, разрывает сию связь, неприятную его братьям, которые составляют с ним одного человека. «Да будет война между нами! — сказали вечу послы королевские и Витовтовы именем двух государей: — вы обещали и не хотели действовать с нами против немцев; вы торжественно злословите нас и называете *погаными*; вы благотворите сыну врага нашего, Юрия Святославича». Феодор Юрьевич Смоленский действительно жил там и пользовался великодушною защитою правительства: сей юный князь спешил объявить своим покровителям, что не хочет быть для них виною опасной вражды; он немедленно удалился в Немецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться к великому князю; но не имея к нему доверенности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миром (в 1414 году), *на старых условиях*, как сказано в летописи: ибо государь литовский не думал прямо воевать с ними, а только искушал их твердость угрозами, в надежде, что сия народная держава согласится иметь одну политическую систему с Литвою, одних друзей и неприятелей: то есть давать ему или войско или серебро в случае войны с немцами. Властолюбие его тогда не простиралось далее: ибо Василий Димитриевич, уступив тестю Смоленск, без кровопролития не уступил бы Новагорода, который издревле считался областию великокняжескою. Однако ж новогородцы поставили на своем, удержав право мириться и воевать по собственной воле, а не в угодность государю литовскому.

Во все княжение Василия Димитриевича они не имели никакой *важной* рати с неприятелями внешними. Толпы шведов грабили иногда в окрестностях городка Ямы (ныне Ямбурга), в Корелии и на берегах Невы, но уходили немедленно: россияне, в наказание за то, сожгли предместие Выборга и несколько сел в окрестностях. Двинский посадник, Яков Стефанович, ходил с малочисленною дружиною воевать пределы Норвегии; а *мурмане*[1], или норвежцы, числом до пяти сот, приплыв в лодках к тому месту, где ныне Архангельск, обратили в пепел 3 церкви и злодейски умертвили иноков монастырей Николаевского и Михайловского. — С ливонскими немцами (в 1420 го-

[1] Мурман — название происходит от скандинавского названия норманнов.

ду) был у новогородцев дружелюбный съезд на берегу Наровы: именем первых сам магистр Сиферт, ландмаршал Вильрабе, ревельский командор Дидрих и фогт[1] венденский Иоанн, от россиян же наместник московский, князь Феодор Патрикеевич, два посадника и три боярина утвердили вечный мир на древних условиях времен Александра Невского касательно границ и торговли. Госвин, феллинский командор, и ругодивский, или нарвский фогт, Герман, приезжали для того в Новгород.

Сия вольная держава долее обыкновенного наслаждалась тогда и внутренним гражданским спокойствием. Только один случай возмутил оное. Расскажем его в доказательство, какие маловажные причины могут иногда волновать общество народное. Некто людин, или простой гражданин, именем Стефан, злобствуя на боярина Данила Божина, схватил его на улице, крича: «Добрые люди! помогите мне управиться с злодеем». Народ взял сторону людина и без всякого исследования сбросил Данила с мосту. Один добродушный рыболов не дал утонуть невинному боярину, а народ в неистовстве разграбил дом сего человека. Дело могло бы тем кончиться; но Данило, желая мести, посадил своего обидчика в темницу: о чем узнав, все граждане Торговой стороны взволновались, ударили в вечевой колокол, надели доспехи, взяли знамя и пришли в Кузьмодемьянскую улицу, где жил боярин Данило: в несколько минут дом его был сравнен с землею и Стефан освобожден. Завидуя избытку бояр и приписывая им дороговизну хлеба, они разграбили множество дворов и монастырь Св. Николая, утверждая, что в нем боярские житницы. Сторона Софийская, где обитали граждане знатнейшие, противилась их злодеяниям и также вооружилась. Звонили в колокола, бегали, вопили и, стараясь занять Большой мост, стреляли друг в друга. Одним словом, казалось, что свирепый неприятель вошел в город и что жители, по их древнему любимому выражению, умирают *за Святую Софию*. В сие самое время сделалась ужасная гроза: от непрестанной молнии небо казалось пылающим; но мятеж народа был еще ужаснее грозы. Тогда архиепископ новогородский Симеон, возведенный на сию степень по жребию из простых иноков (не будучи даже ни священником, ни диаконом), муж редких добродетелей, собрал все духовенство в храме Со-

---

[1] Фогт — светский правитель церковной вотчины.

фийском, облачился в ризы святительские и, провождаемый клиросом, вышел к народу, стал посреди мосту и, взяв в руки животворящий крест, начал благословлять обе стороны. В одно мгновение шум и волнение утихли; толпы сделались неподвижны; оружие и шлемы упали на землю, и вместо ярости изобразилось на лицах умиление. «Идите в домы свои с Богом и с миром!» — вещал добродетельный пастырь — и граждане в безмолвии, в тишине, в духе смирения и братства разошлися. Сей достопамятный случай прославил архиепископа Симеона.

С великим князем жили новогородцы в мире, более притворном, нежели искреннем: они не преставали ни опасаться Василия, ни досаждать ему. В 1417 году изменники, беглецы новогородские, Симеон Жадовский и Михайло Рассохин, собрав толпы бродяг на Вятке, в Устюге, вместе с боярином брата Василиева, Юрия Димитриевича, из областей великокняжеских нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то бояре новогородские, выгнав сих разбойников, сами ограбили Устюг, будто бы без ведома правительства, так же, как Рассохин и Жадовский действовали будто бы без всякого сношения с Москвою. Ссора Василия Димитриевича с братом Константином, в 1420 году, подала новогородцам случай сделать немалую досаду первому. Следуя новому уставу в правах наследственных, великий князь требовал от братьев, чтобы они клятвенно уступили старейшинство пятилетнему сыну его, именем Василию. Константин не хотел сделать того и лишился удела; бояр его взяли под стражу; имение их описали. Злобствуя на великого князя, он уехал в Новгород, где правительство, нимало не боясь Василиева гнева, с отменными ласками приняло Константина Димитриевича, дало ему в удел все города, бывшие за Лугвением, и какой-то особенный денежный сбор, именуемый *коробейщиною*. Великий князь должен был оскорбиться; но скрыл гнев и примирился с братом, огорчаемый тогда ужасными естественными бедами отечества.

Язва, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала Россию, ужаснее прежнего открылась в княжение Василия Димитриевича: во Пскове и в Новегороде была четыре раза и дважды в областях Московских, Тверских, Смоленских, Рязанских. Признаки и следствия оказывались те же: а именно, железа, кровохаркание, озноб, жар — и смерть неминуемая.

Иногда приходила сия гибельная чума во Псков из ливонского Дерпта, иногда из других мест, или возобновлялась от употребления вещей зараженных. Опустошив Азию, Африку, Европу, она нигде не свирепствовала так долго, как в нашем отечестве, где от 1352 года до 1427 в разные времена бесчисленное множество людей было ее жертвою: в одном Новегороде, по известию немецкого историка Кранца, умерло 80 000 человек в 6 месяцев: «Люди (говорит он) ходя падали на улицах и в одну минуту испускали дух; здоровые шли погребать усопших и, внезапно лишаясь жизни, в той же могиле были сами погребаемы». Ни посты, ни чин Ангельский[1] не спасали: алчная смерть, в городах и селах наполняя скудельницы трупами, искала добычи и в святых обителях душевного мира. Строили церкви; отказывали имение монастырям: иных средств не употребляли. Суеверные псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимых ведьм и, зная по преданию, что древнейшая церковь христианская, в их городе созданная, была посвящена Св. Власию, возобновили оную на старом месте, в надежде, что Господь скорее услышит там их моление о конце сего бедствия. Еще не довольно: в 1419 году выпал глубокий снег 15 сентября, когда еще хлеб не был убран; сделался общий голод и продолжался около трех лет во всей России; люди питались кониною, мясом собак, кротов, даже трупами человеческими; умирали тысячами в домах и гибли на дорогах от зимнего необыкновенного холода в 1422 году. Сперва продавался оков ржи (или 8 осьмин) по рублю, в Костроме по два, в Нижнем по шести рублей (что составляло фунт с ¹⁄₄ серебра); наконец негде было купить осьмины. Зная, что во Пскове находилось много ржи запасной, жители новогородские, тверские, московские, чудь, корела толпами устремились в сию область, богатые покупать и вывозить хлеб, а скудные кормиться милостынею. Скоро цена там возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двух рублей. Псковитяне, запретив вывоз хлеба, изгнали всех пришельцев, и сии бедные с женами, с детьми умирали на большой дороге. Кроме того, Москва и Новгород были приводимы в ужас частыми пожарами. В 1421 году необыкновенное наводнение затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровлях; множество домов и церквей

---

[1] Чин ангельский — шествие с образами и песнопениями.

обрушилось. К сим страшным явлениям надлежит еще прибавить зимы без снега, бури неслыханные, дожди *каменные* и *славную* комету 1402 года, для суеверов Италии предвестницу смерти миланского герцога, Иоанна Галеаса. Одним словом, россияне ждали конца миру, и сию мысль имели самые просвященные люди тогдашнего времени. «Иисус Христос,— говорили они,— сказал, что в последние дни будут великие знамения Небесные, глад, язвы, брани и неустройства; восстанет язык на язык, царство на царство: все видим ныне. Татары, турки, фряги, немцы, ляхи, литва воюют вселенную. Что делается в нашем православном отечестве? Князь восстает на князя, брат острит меч на брата, племянник *кует* копие на дядю». В самых делах государственных о том упоминалось. Когда псковитяне (в 1397 году) заключали мир с новогородцами, архиепископ Иоанн, будучи между ими посредником, склонил их к дружелюбию словами: «Дети! видите уже последнее время!»

Среди общего уныния и слез, как говорят летописцы, Василий Димитриевич преставился [1425 г.] на 53 году от рождения, княжив 36 лет, с именем властителя благоразумного, не имев любезных свойств отца своего, добросердечия, мягкости во нраве, ни пылкого воинского мужества, ни великодушия геройского, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый князьями, народом, уважаемый друзьями и неприятелями. Присвоив себе Нижний Новгород, Суздаль, Муром,— вместе с некоторыми из бывших уделов черниговских в древней земле вятичей: Торусу, Новосиль, Козельск, Перемышль, равно как и целые области Великого Новагорода: Бежецкий Верх, Вологду и проч., сей государь утвердил в своем подданстве Ростов, коего владетели, со времен Иоанна Даниловича зависев от Москвы, сделались уже действительными слугами Василия, посылаемые им в качестве наместников управлять другими городами. В Хлыновской летописи сказано, что он посылал войско на Вятку с князем Симеоном Ряполовским, но не мог овладеть ею: современные же грамоты доказывают, что Василий действительно присоединил ее к московским областям и что брат его, Юрий, князь галицкий, господствовал над оною. Впрочем, сия народная держава еще сохраняла свои древние уставы гражданской вольности. Не хотев мечом покорять ни Рязани, ни Твери, Василий имел решитель-

ное большинство над князьями их и следственно приближался к единовластию в России; усилив державу Московскую приобретениями важными, сохранил ее целость от хищности литовской и менее всех своих предшественников платил дань моголам. Может быть, он сделал ошибку в политике, дав отдохнуть Витовту, разбитому ханом; может быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь с Ордою и вместе с Олегом Рязанским ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северною, а после тем удобнее свергнуть иго ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Успех предприятия столь великого и смелого был ли действительно вероятен? Князь московский, государь шести или семи нынешних губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который, властвуя над ее лучшею, многолюднейшею половиною и над всею Литвою, располагая также силами Польши, легко мог, утратив одно войско на берегах Ворсклы, собрать другое? Великий князь, без сомнения, не думал щадить тестя и не жертвовал отечеством какой-нибудь семейственной слабости (быв несколько раз готов сразиться с Витовтом в поле); но действовал так по лучшему своему государственному разумению. Смелость оправдывается только успехом; безвременная, неудачная губит державы — и часто благодарность отечества принадлежит тому, кто без крайности не дерзал на опасность и не искал имени *великого*.

Довольно, что Василий умел обуздывать тестя и не дал ему поглотить остальных владений независимой России. С 1408 года они жили в непрерывном согласии, и года за два до кончины великого князя супруга его ездила к отцу в Смоленск, может быть не только для свидания, но и для важных государственных переговоров. Василий, кажется, чувствовал себя близким к смерти; хотел заблаговременно взять меры к утверждению сына на престоле великокняжеском и в завещании своем говорит, что он поручает его, вместе с материю, дружескому заступлению тестя и брата, государя литовского, который именем Божиим ему в том обязался. Вероятно, что княгиня София в сем важном деле была посредницею между отцом и супругом. Василий оставлял сына младенцем; знал честолюбие братьев, в особенности Юрия и Константина; предвидел, что они могут воспротивиться новому уставу наследства, подчинявшему дядей племяннику, и надеялся, что сильный и не менее

гордый Витовт, признательный к лестной его доверенности, захочет оправдать ее ревностию к пользе юного внука, согласной с нашею государственною: ибо древний, многосложный, неясный закон родового старейшинства более всего питал междоусобие в России. Мог ли великий князь действительно ожидать бескорыстных услуг от тестя, поседевшего в кознях властолюбия? Но сия доверенность кажется более хитростию, нежели слабодушным легковерием: она состояла только в словах и, возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василиева в случае насилия со стороны дядей, не давала Литве никаких способов поработить Москву: ибо Совет великокняжеских бояр, пестунов государя-отрока, знал, чего требовать от иноплеменного покровителя и до чего не допускать его.

В сем завещании Василий, *благословляя* сына *великим княжением* и поручая матери, отказывает ему все родительское наследие и собственный *примысл* (Нижний Новгород, Муром), *треть Москвы* (ибо другие две части принадлежали сыновьям Донского и Владимира Андреевича), Коломну и села в разных областях; сверх того *большой луг* за Москвою-рекою, Ходынскую мельницу, двор Фоминский у Боровицких ворот и загородный у Св. Владимира; а из вещей драгоценную золотую шапку, бармы, крест патриарха Филофея, каменный сосуд Витовтов, хрустальный кубок, дар короля Ягайла, и проч.; все иные вещи отдает супруге, также и многие волости, прибавляя: «там княгиня моя господствует и судит до кончины своей; но должна оставить их в наследство сыну: села же, ею купленные, вольна отдать, кому хочет. Дочерям отказываю каждой по пяти семей из рабов моих; княгинины холопы остаются служить ей; прочих освобождаю». Грамота скреплена восковыми печатями, четырьмя боярскими и пятою великокняжескою с изображением всадника; а внизу подписана митрополитом Фотием (греческими словами). Заметим, что Василий Димитриевич уже именно объявляет здесь сына преемником своим в достоинстве великокняжеском; но при жизни старшего сына, Иоанна, умершего отроком, написав подобное же завещание, говорит в оном: «а даст Бог князю Ивану великое княжение держати», — следственно еще предполагает необходимость ханского на то согласия. Сия первая духовная сочинена около 1407 года и скреплена одною серебряною, вызолоченною печатию с изображением Св.

Василия Великого и с надписью: *Князя Великого Василия Димитриевича всея Руси.*

В числе грамот сего времени сохранился также договор великого князя с Феодором Ольговичем Рязанским, писанный в 1403 году. Феодор, обязываясь чтить Василия старейшим братом, называет Владимира Андреевича и Юрия Димитриевича равными себе, а других сыновей Донского меньшими братьями; дает слово не иметь никаких сношений с ханами и с Литвою без ведома Василиева, уведомлять его о всех движениях или намерениях Орды, жить в любви с князьями торусскими и новосильскими, слугами великого князя; признает Оку границею своих и московских владений, и проч. Василий же, уступив ему Тулу, обещает не подчинять себе ни земли Рязанской, ни ее князей; именует Феодора *великим* князем, но вообще говорит языком верховного, хотя и снисходительного или умеренного в властолюбии повелителя.

К блестящим для России деяниям Василиева государствования принадлежит услуга, оказанная сим великим князем императору греческому, Мануилу. Уже славное царство Константина Великого находилось при последнем издыхании. Уступив всю Малую Азию, Фракию и другие владения османским туркам, которые осаждали и Царьград, спасенный единственно Тамерланом, счастливым врагом Баязетовым; утратив почти все, кроме столицы, Мануил находился в крайности и, не имея казны, не мог иметь и войска, нужного для своей защиты. Сведав о сем жалостном оскудении монарха единоверного, Василий Димитриевич не только сам отправил к нему (в 1398 году) знатное количество серебра с монахом Ослябею, бывшим любутским боляричем, но уговорил и других князей российских сделать то же. Сии дары были приняты в Константинополе с живейшею благодарностию: царь, патриарх, народ прославили великодушие россиян; и Мануил, чтобы еще более утвердить дружелюбную связь с Москвою, женил (в 1414 году) сына своего, Иоанна, на дочери Василия Димитриевича, Анне. И так брачные союзы между государями восточной империи и российскими начались и заключились невестами одного имени. Брак первой Анны, супруги Владимира Святого, имел счастливые действия для Греции; но внука Донского видела там одни бедствия и чрез три года скончалась от морового повет-

рия. Супруг ее царствовал под именем Иоанна Палеолога и не оставил детей.

Церковные дела сего времени особенно достопамятны в нашей истории. Мы видели, что при Димитрии Россия имела двух митрополитов: северная Пимена, южная Киприана. Кончина первого соединила обе митрополии, и Киприан, быв для того в Цареграде, выехал оттуда с великою пышностию, провождаемый двумя греческими митрополитами, адрианопольским и гаанским, тремя архиепископами (Феодором Ростовским, Евфросином Суздальским, Исаакием Черниговским), епископом Михаилом Смоленским, греком Иеремиею Рязанским и Феодосием Туровским. Великий князь, бояре и народ с великою честию встретили Киприана в Котлах, радуясь, что глава всего духовенства российского снова будет обитать в московской столице и зная уже личные его достоинства. В самом деле, сей митрополит имел жаркое усердие к Вере и нравственность непорочную, строго судил неправды епископов и не дозволял им противиться власти княжеской. Так он справедливо наказал епископа тверского, Евфимия Вислена, обвиняемого князем, духовенством и народом в разных беззакониях; свел его с епископии и велел ему жить в келье Чудова монастыря; а епископа туровского, Антония, в угодность Витовту лишив и сана святительского, отняв у него *белый* клобук, ризницу, источники и скрижали, заключил в Симоновской обители. Другой епископ литовской России, Савва Луцкий, (в 1401 году) призванный на Собор девяти архиереев в Москве, долженствовал отказаться от своей епархии: вероятно, также имев несчастие заслужить гнев Витовтов. Мы говорили о судьбе архиепископа новогородского Иоанна, около трех лет сидевшего в монастыре Николаевском единственно по негодованию великого князя на сего ревностного ходатая прав новогородских. Действуя всегда согласно с пользою или волею государственных властителей, Киприан сохранил под своим начальством епархии южной России и был отменно любим Василием Димитриевичем. Мы должны упомянуть здесь о грамоте, будто бы данной Киприану сим государем на суды церковные и внесенной в некоторые новейшие летописи, с прибавлением, что она выписана из старого московского номоканона. В ней сказано: «Се аз князь великий Василий Димитриевич, размыслив с отцом своим, митрополитом Киприаном, возобновляю древние уставы церковные прадеда

моего, Св. Владимира, и сына его, Ярослава, согласно с греческим номоканоном... В лето 6911» (1403). Сии два устава, мнимый Владимиров и Ярославов, суть явно подложные: мог ли благоразумный Василий Димитриевич верить их истине? Мог ли сам митрополит предложить государю законы столь нелепые, по которым надлежало платить за бранное слово, сказанное женщине, во сто раз более, нежели за гнуснейшие преступления и злодейства? Киприан славился не только благочестием, но и дарованиями разума. Уважаемый константинопольским духовенством, он был призван им на Собор, чтобы торжественно низвергнуть беззаконного патриарха Макария, и вместе с знаменитейшими греческими святителями подписал имя свое на *свитке* Макариева *осуждения*. Любя уединение, он жил большею частию вне Москвы, в селе Голенищеве, между Воробьевыми горами и Поклонною, где, наслаждаясь приятными видами и тишиною, переводил книги с греческого и сочинил житие Св. Петра митрополита, в коем, говоря о себе весьма скромно, описывает виденные им мятежи и бедствия в Греции. Как ревностный учитель веры, он имел удовольствие обратить трех знаменитых вельмож ханских: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выехали от Орды в Москву и, просвещенные его беседами, захотели креститься. Сей торжественный обряд совершился на берегу Москвы-реки, в присутствии великого князя и всего двора, при колокольном звоне и радостных восклицаниях бесчисленного народа. Москвитяне плакали от умиления, видя древних гордых врагов своих смиренно внимающих гласу митрополита, и веселились мыслию, что торжество нашей Веры предзнаменует и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трех святых отроков, Анании, Азарии и Мисаила, сии новокрещенные ходили вместе по городу, дружелюбно кланялись народу и были им приветствуемы как братья.— Уважаемый и любимый, Киприан скончался в маститой старости, за несколько дней до смерти (в 1406 году) написав грамоту к Василию Димитриевичу, ко всем князьям российским, боярам, духовенству, мирянам, благословляя их и требуя христианского прощения. Архиепископ ростовский, Григорий, читая оную вслух над гробом его в Успенском соборе, произвел общее рыдание. С того времени все новейшие митрополиты московские списывали сию грамоту и приказывали читать ее на своем погребении.

Преемником Киприановым был (в 1409 году) Фотий, морейский грек, который знал хорошо язык славянский, хотя обыкновенно писал имя свое по-гречески: муж разумный и добродетельный, как говорят летописцы, но весьма несчастливый в своем церковном правлении. Приехав в северную Россию, опустошенную тогда Эдигеем, он с великою ревностию старался о восстановлении митрополитского достояния, расхищенного и неприятелем и корыстолюбцами. Стяжания[1] церковные были захвачены мирянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать их и тягаться с людьми сильными, с князьями, с боярами: чем Фотий возбудил на себя досаду многих; говорили, что он печется более о мирском, нежели о духовном; винили его в излишнем корыстолюбии, может быть отчасти и справедливо; по крайней мере сам великий князь ему не доброхотствовал и, не любя митрополита, смотрел по-видимому равнодушно и на вред, скоро претерпенный митрополиею.

Хитрый Витовт без сомнения издавна видел с неудовольствием свои российские земли под духовною властию святителя инодержавного. Митрополиты наши именовались киевскими, но жили в Москве, усердствовали ее государям и, повелевая совестию людей, питали дух братства между южною и северною Россиею, опасный для правления литовского; сверх того, собирая знатные доходы в первой, истощали ее богатство и переводили оное в Московское великое княжение. Благоразумная политика Киприанова удаляла исполнение Витовтова замысла: сей пастырь, выехав из литовских владений в Москву, как в столицу государя правоверного, следственно и митрополии, не оставлял Киева; посетив его в 1396 году, жил там около осьмнадцати месяцев; ездил и в другие южные епархии; вообще угождал Витовту. Фотий, монах от юности, мало сведущий в делах государственных и воспитанный в ненависти к латинской церкви, не искал милости в Витовте, усердном католике; не хотел даже быть в областях его и требовал единственно доходов оттуда. Тогда Витовт, созвав епископов южной России, предложил им избрать особенного митрополита и велел подать себе жалобу на Фотия как на пастыря нерадивого. Тщетно Фотий хотел отвратить удар: он спешил в Киев, чтобы примириться с Витовтом или ехать в Константинополь к патриарху; но,

---

[1] С т я ж а н и я — владения.

ограбленный в Литве, долженствовал возвратиться в Москву. Наместники его были высланы из южной России, волости и села митрополитские описаны на государя и розданы вельможам литовским. Согласно с желанием духовенства, Витовт послал в Константинополь ученого болгарина, именем Григория Цамблака, ласковыми письмами убеждая императора и патриарха поставить сего достойного мужа в митрополиты киевские. Когда же, доброхотствуя Фотию, патриарх не исполнил его воли: все епископы южной России съехались в Новогродок и сами собою, в угодность государю, посвятили Цамблака в митрополиты, написав во всенародное известие следующую достопамятную грамоту:

«Всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше исходяй от Отца светом. И мы прияли сей дар Небесный; и мы утешились оным, епископы стран российских, друзья и братья по Духу Святому, смиренный *Архиепископ* Полоцкий и Литовский, Феодосий, епископ Исаакий Черниговский, Дионисий Луцкий, Герасим Владимирский, Севастиан Смоленский, Харитоний Хельмский, Евфимий Туровский. Видя запустение Церкви Киевской, главной в Руси, имея пастыря только именем, а не делом, мы скорбели душою: ибо митрополит Фотий презирал наше духовное стадо; не хотел ни править оным, ни видеть его; корыстовался единственно нашими церковными доходами и переносил в Москву древнюю утварь киевских храмов. Бог милосердный подвигнул сердце великого князя Александра Витовта, Литовского и многих русских земель государя: он изгнал Фотия и просил иного митрополита от царя и патриарха; но ослепленные неправедною мздою, они не вняли молению праведному. Тогда великий князь собрал нас, епископов, всех князей литовских, русских и других подвластных ему, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, священников — и мы в Новом Граде Литовском, в храме Богоматери, по благодати Святого Духа и преданию Апостольскому посвятили киевской церкви митрополита, именем Григория, и свергнули Фотия, представив его вины патриарху, да не рекут люди сторонние: *государь Витовт иной Веры; он не печется о киевской церкви*, которая есть мать русским, ибо Киев есть мать всем градам нашим. Епископы издревле имели власть ставить митрополитов и при великом князе Изяславе посвятили Климента. Так и болгары, древнейшие нас в христианстве, имеют

собственного первосвятителя; так и сербы, коих земля не может равняться ни величеством, ни множеством народа с областями Александра Витовта. Но что говорить о болгарах и сербах! Мы последовали уставу Апостолов, которые предали нам, ученикам своим, благодать Св. Духа, равно действующую на всех епископов. Собираясь во имя Господне, святители везде могут избирать достойного учителя и пастыря, самим Богом избираемого. Да не скажут легкомысленные: *отлучимся от них, когда они удалились от церкви греческой!* Нет: мы храним предания Святых Отцов, клянем ереси, чтим патриарха константиноградского и других; имеем одну Веру с ними, но отвергаем только беззаконную в церковных делах власть, присвоенную царями греческими: ибо не патриарх, но царь дает ныне митрополитов, торгуя важным первосвятительским саном. Так Мануил, любя не славу церкви, а корысть свою, в одно время прислал нам трех митрополитов: Киприана, Пимена и Дионисия. Сие было виною многих долгов, убытков, мятежа, убийства,— и что всего хуже — бесчестия для нашей митрополии. Рассудив же, что не подобает царю-мирянину ставить митрополитов за деньги, мы избрали достойного первосвятителя... В лето 6924 Индикта, ноября 15» (в 1415 году).

Тщетно Фотий писал грамоты к вельможам и народу южной России, опровергая незаконное посвящение Григория как дело одной мирской власти или *иноверного мучителя*, врага истинной церкви; древняя единственная митрополия наша разделилась оттоле на две, и московские первосвятители оставались только по имени киевскими. Григорий Цамблак, муж ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить церковь греческую с латинскою, ездил для того с литовскими панами в Рим и в Константинополь, но возвратился без успеха и скончался в 1419 году, хвалимый в южной России за свое усердие к Вере и проклинаемый в Московской Соборной церкви как отступник. Он уставил торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написал ее житие вместе со многими христианскими поучениями. Преемником его в киевской митрополии был Герасим, смоленский епископ, поставленный константинопольским патриархом в 1433 году.

Отвергая мнимую Василиеву грамоту о суде церковном, между памятниками его княжения нашли мы другую, гораздо несомнительнейшую, о суде гражданском. Она тем любопытнее,

что со времен Ярослава Великого до XV века не встречалось нам ни в летописях, ни в архивах ничего относительного к древнему российскому законодательству. Сия судная грамота писана к двинским жителям, когда они в 1397 году признали себя подданными государя московского, и содержит следующее:

«Буде я, великий князь, определю к вам в наместники своего боярина, или двинского, то они должны поступать согласно с сим предписанием.

Ежели сделается убийство, то сыскать убийцу; ежели не найдут его, то волость платит наместнику 10 рублей; за рану кровавую 30 белок, за синюю 15 белок; а преступник наказывается особенно.

Кто обесчестит боярина словами или ударит, с того взыскивают наместники пеню по чину или роду обиженного.

Буде драка случится в пиршестве и там же прекратится миром: то наместникам и дворянам нет дела; а буде мир сделается уже после, то наместник берет куницу *шерстью*[1].

Перепахав или перекосив межу на одном поле или на одном лугу, виновный дает барана, за перепаханную межу сельскую 30 белок, за княжескую 120 белок; но его не вязать.— Вообще все судимые, дающие порук, остаются свободны. С человека скованного дворянам судейским не просить ничего; всякое обещание в таком случае недействительно.

У кого найдется краденое, но кто сведет с себя татьбу[2] и доищется вора: тому нет наказания. Вор же платит в первый раз цену украденного; за преступление вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а в третий раз виселицею. Тать во всяком случае должен быть заклеймен.

Уличенный в *самосуде* платит 4 рубля; а самосуд есть то, когда гражданин или земледелец, схватив татя, отпустит его за деньги, а наместники о сем узнают.

Кто, будучи вызываем к суду, не явится, на того наместники дают грамоту *правую бессудную* или обвинительную.

Господин, ударив холопа своего и нечаянно убив до смерти, не ответствует за то наместникам.

В тяжбах со всякого рубля наместнику полтина.

---

[1] Куница шерстью — то есть шкурка куницы, а не кожаные деньги, куны.

[2] Татьба — воровство.

Обиженные наместником приносят жалобу мне, великому князю. Я потребую его к ответу; и буде в срок не явится, то велю приставу княжескому поступить с ним как с виновным.

Двинские купцы не должны быть судимы ни в Устюге, ни в Вологде, ни в Костроме. Если будут обличены в татьбе, то представить их ко мне, великому князю, и ждать моего суда или жаловаться на них двинским моим наместникам.

Двиняне торгуют без пошлины, во всех областях великого княжения, платя единственно устюжским и вологодским наместникам две меры соли с ладии, а с воза две белки» и проч. Далее определяется платеж дворянам или судейским отрокам (как они в древней Русской Правде именуются) за труд и переезды.

Сии законы уже не сходствуют с Уставом Ярослава Великого, определяя смертную казнь за воровство, наказываемое у нас в старину одною денежною пенею.— Под именем *белок*, упоминаемых здесь в означении цен, должно разуметь не древние векши, или кожаную монету, а действительные бельи шкуры, так же, как в другом месте сей грамоты сказано, что наместник за драку берет куницу *шерстью*: следственно, кунью шкуру. Нет вероятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепахание межи платил только 30 *векшей*; сумму ничтожную по цене древних кожаных денег. Впрочем, сии деньги, или *куны*, тогда еще ходили в Двинской земле: ибо новогородское правительство отменило их уже в 1410 году, заменив оные медными грошами литовскими и шведскими ортугами, а в 1420 году серебряною монетою, подобною московской и другим российским, продав медную немцам. То же сделали и псковитяне; и с сего времени во всей России начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконец столь унизились в цене, что в 1407 году псковитяне давали ими 15 гривен за полтину серебра.

В прибавление к истории Василия Димитриевича сообщим следующие известия:

В его княжение россияне начали счислять годы мироздания с сентября месяца, оставив древнее летосчисление с марта. Вероятно, что митрополит Киприан первый ввел сию новость, подражая тогдашним грекам.

Уже при Димитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам и фамилиям, вместо прозвищ, коими различались прежде люди одного имени и отчества: при Василии сие обыкновение утвердилось, и древние славянские имена вышли из употребления.

В сие время Москва славилась иконописцами, Симеоном Черным, старцем Прохором, городецким жителем Даниилом и монахом Андреем Рублевым, столь знаменитым, что иконы его в течение ста пятидесяти лет служили образцом для всех иных живописцев. В 1405 году он расписал церковь Св. Благовещения на дворе великокняжеском, а в 1408 соборную Св. Богоматери в Владимире, первую вместе с греком Феофаном и с Прохором, а вторую с Даниилом. — И в литейном художестве Москва имела искусных мастеров: один из них (в 1420 году) научил псковского гражданина Феодора лить свинцовые доски для кровли церковной: за что псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптские немцы, скрывая от россиян все успехи полезных художеств, никак не хотели присылать к ним своих мастеров.

В 1404 году монах Афонской горы, именем Лазарь, родом сербин, сделал в Москве первые боевые часы, которые были поставлены на великокняжеском дворе, за церковию Благовещения, и стоили более полутораста рублей, то есть около тридцати фунтов серебра. Народ удивлялся сему произведению искусства как чуду.

В 1394 году великий князь, желая более укрепить столицу, велел копать ров от Кучкова поля, или нынешних Стретенских ворот, до Москвы-реки, глубиною в человека, а шириною в сажень. Для сего, к неудовольствию граждан, надлежало разметать многие домы: ибо ров шел сквозь улицы и дворы. Следственно, Москва была тогда уже обширнее нынешнего Белого города.

В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне *на игрушке*, как сказано в летописи: сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей.

В послании митрополита Фотия, писанном в 1410 году к новогородскому архиепископу Иоанну, находим некоторые до-

стопамятные черты относительно к тогдашним понятиям, обыкновениям и нравам. Фотий велит наказывать эпитимиею[1] мужа и жену, которые совокупились браком без церковного, иерейского благословения, и венчать свадьбы после Обедни, а не в полдень, не ночью; дозволяет третий брак единственно молодым людям, не имеющим детей, и с условием не входить в церковь пять лет или заслужить прощение искренним, ревностным покаянием, слезами и сокрушением сердца; возбраняет девицам замужество прежде двенадцати лет; всех, дерзающих пить вино до обеда, лишает причащения; строго осуждает непристойную брань именем отца или матери; запрещает духовенству торговать и лихоимствовать, инокам и черницам жить в одном монастыре, вдовым иереям быть в женских обителях, людям легковерным слушать басни и принимать *лихих баб с узлами*, с ворожбою и с зелием. Сей митрополит изъявлял отменное усердие к истинному христианскому просвещению и писал многие учительные послания к духовенству, князьям и народу.

Василий Димитриевич за 18 лет до кончины своей оплакал смерть матери, Евдокии, славной умом, а еще более христианскими добродетелями, и сравниваемой летописцами с Мариею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великого, в ревности к украшению церквей. Она построила Вознесенский девический монастырь в Кремле, церковь Рождества Богоматери и другие, расписанные греком Феофаном и Симеоном Черным. Сия княгиня набожная сколь любила добродетель, столь ненавидела ее личину: изнуряя тело свое постами, хотела казаться тучною; носила на себе несколько одежд; украшалась бисером, являясь везде с лицом веселым, и радовалась, слыша, что злословие представляет ее целомудрие сомнительным. Говорили, что Евдокия желает нравиться и даже имеет любовников. Сия молва оскорбила сыновей, особенно Юрия Димитриевича, который не мог скрыть своего беспокойства от матери. Евдокия призвала их и свергнула с себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу, совершенно иссохшую от неумеренного воздержания. «Верьте,— сказала она,— что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайною для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за

[1] Эпитимия, епитимья — церковное наказание длительным постом, многократным повторением молитв и т. п.

5 Зак. № 39

онуючь. Но злословие скоро умолкло: Евдокия, незадолго до кончины оставив мир и названная в монашестве Евфросиниею, преставилась с именем Святой Угодницы Божией.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛИЕВИЧ ТЕМНЫЙ 1425—1462 гг.

Чудо. Междоусобие. Язва. Нашествие Литвы. Съезд в Литве. Характер Витовта. Происшествия литовские. Набеги татар. Суд в Орде. Междоусобия. Злодейство. Распря с Новымгородом. Рождение Иоанна Великого. Дань ординская. Изгнанный хан в Белеве. Царство Казанское. Смерть Димитрия Красного. Собор Флорентийский. Новая вражда. Дела новогородские. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествие царя казанского. Плен великого князя. Ужас и бедствие Москвы. Разбой князя тверского. Освобождение Василия. Землетрясение. Злодейство Шемякино. Ослепление великого князя. Безрассудность Шемяки. Пословица. Вероломство. Смирение Василия. Обручение юного Иоанна. Изгнание Шемяки. Клятва. Благоразумное правление Василиево. Булла папы. Иоанн — соправитель. Договоры. Достопамятное послание. Последняя из знаменитых битв княжеского междоусобия. Нашествие татар. Смерть Шемяки. Успехи единовластия. Усмирение Новагорода. Рязанский князь воспитывается в Москве. Неблагодарность Василиева. Покорение Вятки. Дела псковские. Набеги татар. Кончина и свойства Василиевы. Жестокость тогдашних нравов. Суеверие. Перемена монеты в Новегороде. Дела церковные. Взятие Константинополя турками. Начало Крымской Орды.

Новый великий князь имел не более десяти лет от рождения. Подобно отцу и деду в начале их государствования, он зависел от Совета боярского, но не мог равняться с ними ни в счастии, ни в душевных способностях. Не быв еще никогда жертвою внутреннего междоусобия, великое княжение Москов-

ское при Василии Темном долженствовало испытать сие зло и видеть уничижение своего венценосца, им заслуженное. Только Провидение, обстоятельства и верность народная, как бы вопреки худым советникам престола, спасли знаменитость Москвы и Россию.

Сей князь еще в колыбели именовался *великим* по следующему происшествию, коего истину утверждают летописцы. Мать его не скоро разрешилась от бремени и терпела ужасные муки. Беспокойный отец просил одного Святого инока Иоанновской обители молиться о княгине Софии. «Не тревожься! — ответствовал старец: — Бог дарует тебе сына и наследника всей России». Между тем духовник великокняжеский, священник Спасского Кремлевского монастыря, сидел в своей келье и вдруг услышал голос: «Иди и дай имя *великому князю Василию*». Священник отворил дверь и, не видя никого, удивился; спешил во дворец и сведал, что София действительно в самую ту минуту родила сына. Невидимого вестника, приходившего к духовнику, сочли Ангелом; младенца назвали Василием, и народ с сего времени видел в нем своего будущего государя, ожидая от него, как вероятно, чего-нибудь необыкновенного. Надежда осталась без исполнения, но могла быть причиною особенного усердия москвитян к сему внуку Донского.

Василий Димитриевич преставился ночью: митрополит Фотий в тот же час послал своего боярина, Иакинфа Слебятева, в Звенигород к князю Юрию Димитриевичу с требованием, чтобы он, вместе с меньшими братьями, признал племянника великим князем. Но Юрий, всегда имев надежду, в противность новому уставу, быть преемником старшего брата, не захотел ехать в Москву, удалился в Галич и, сведав о торжественном восшествии юного Василия на великокняжеский престол, отправил к нему посла с угрозами. Ни дядя, ни племянник не думал уступить старейшинства; и хотя заключили перемирие до Петрова дня, однако ж Юрий, не теряя времени, собирал войско в городах своего удела. Великий князь предупредил его и вместе с другими дядями выступил к Костроме. Юрий ушел в Новгород Нижний; наконец за реку Суру, откуда Константин Димитриевич, отправленный вслед за ним с полками великокняжескими, возвратился в Москву без всякой битвы. Юрий требовал нового перемирия на год; а Василий по совету матери, дядей и самого Витовта Литовского, послал

к нему в Галич митрополита Фотия, который, быв встречен за городом всем княжеским семейством, с изумлением увидел там множество собранного из разных областей народа. Юрий думал похвалиться бесчисленностью своих людей и густыми толпами их усыпал всю гору при въезде в Галич с московской стороны; но митрополит, отгадав его мысль, с насмешкою дал ему чувствовать, что крестьяне не воины и сермяги не латы. Начали говорить о мире: Юрий не хотел оного, требуя единственно перемирия, и столь разгневал Фотия, что сей первосвятитель, не благословив ни князя, ни города, немедленно уехал. В летописи сказано, что в самый день митрополитова отбытия сделался мор в Галиче; что Юрий, приведенный тем в ужас, верхом поскакал вслед за Фотием и, догнав его за озером, в селе Пасынкове, слезами и раскаянием убедил возвратиться; что благословение пастыря, данное народу, прекратило болезнь, и князь послал в Москву двух вельмож заключить мир, обещав не искать великого княжения, пока царь ординский решит, кому принадлежит оное.

Смутное начало Василиева княжения предвещало бедствия государственные России, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали в истории отца его и которая с Троицына дня возобновилась [1426 г.] в Москве, завезенная туда из Ливонии через Псков, Новгород и Тверь, где в один год скончались князь Иоанн Михайлович, сын Иоаннов Александр и внук Юрий Александрович, княжив месяц. Брат Юриев, Борис, сел на тверском престоле, отдав племяннику, Иоанну Юрьевичу, город Зубцов и взяв под стражу дядю своего, Василия Михайловича Кашинского. В Москве преставились дядя великого князя Петр Димитриевич и три сына Владимира Храброго, Андрей, Ярослав и Василий. В Торжке, Волоке, Дмитрове и в других городах умерло множество людей. Отличным знаком сей новой язвы был синий или багровый пузырь на теле: синий предзнаменовал неизбежную смерть в третий день, а багровый выгнивал, и недужные оставались живы. Летописец говорит, что с сего времени, как некогда с Ноева потопа, век человеческий сократился в России и предки наши сделались щедушнее, слабее; что в разных местах были страшные явления; что от великой засухи (в 1430 году) воды истощились; земля, боры горели; люди среди густых облаков дыма не могли видеть друг друга; звери, птицы и рыбы в реках умирали; везде голод и болезни свирепствовали. Одним словом, последние годы Васи-

лия Димитриевича и первые сына его составляют печальнейшую эпоху нашей истории в XV веке. Язва возобновлялась еще во Пскове и в Москве около 1442 и 1448 года.

Неприятели внешние также беспокоили Россию. Корыстолюбивый Витовт, не боясь малолетнего Василия, (в 1426 году) приступил к Опочке, городу псковскому, с войском многочисленным, в коем были даже богемцы, волохи и дружина хана татарского, Махмета. Жители употребили хитрость: сделали тонкий мост перед городскими воротами, укрепив его одними веревками и набив под ним, в глубоком рве, множество острых кольев; а сами укрылись за стенами. Неприятели, не видя никого, вообразили, что крепость пуста, и толпами бросились на мост: тогда граждане подрезали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали в муках; другие же, взятые в плен, терпели еще лютейшие: граждане сдирали с них кожу, в глазах Витовта и всего осаждающего войска. Сие варварство имело счастливый успех: ибо князь литовский — уверенный, что россияне будут обороняться до последнего издыхания — отступил к Вороначу. Тут сделалась страшная буря с грозою, столь необыкновенная, что литовцы ожидали преставления света, и сам Витовт, обхватив руками шатерный столп, в ужасе вопил: *Господи помилуй!* Сие худое начало расположило его к миру. Псковитяне, тревожимые немцами, оставленные новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество великого князя, коего посол не мог ничего для них сделать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрез два года он посетил и богатых новогородцев, которые спорили с ним о границах и дерзнули назвать его изменником. Современный историк польский описывает их людьми мирными, преданными сластолюбию и роскоши: в надежде на свои непроходимые болота они смеялись над угрозами Витовта и велели ему сказать, что варят мед для его прибытия; но сей старец, еще бодрый и деятельный, со многочисленным войском открыл себе путь сквозь опасные зыби так называемого *Черного леса*. Десять тысяч работников шли впереди с секирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которые служили мостом для пехоты, конницы и снаряда огнестрельного, пищалей, *тюфяков*[1] и пушек. Витовт осадил

---

[1] Тюфяк — сплетенная из хвороста подстилка, которую укладывали по бездорожью.

Порхов. Летописцы рассказывают, что самая огромная из его пушек, сделанная немецким мастером Николаем, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадях, одним выстрелом сразила каменную городскую башню и стену в церкви Св. Николая; но разлетелась на части и своими обломками умертвила множество литовцев, в том числе и самого мастера вместе с воеводою полоцким. В городе начальствовал посадник Григорий и знаменитый муж Исаак Борецкий: не имея ни малой надежды отстоять крепость, они выехали к неприятелю и предложили ему 5000 рублей; а новогородцы, прислав архиепископа Евфимия с чиновниками в стан литовский, также старались купить мир серебром. Витовт мог бы без сомнения осадить и Новгород; однако ж — рассуждая, что верное лучше неверного — взял 10 000 рублей, за пленников же особенную тысячу, и, сказав: «Впредь не смейте называть меня ни изменником, ни бражником», возвратился в Литву. Сия дань, составляя не менее пятидесяти пяти пуд серебра, была тягостна для новогородцев, которые собирали ее по всем их областям и в Заволочье; каждые десять человек вносили в казну рубль: следственно, в Новогородской земле находилось не более ста десяти тысяч людей или владельцев, плативших государственные подати.

Несмотря на сии неприятельские действия Витовта в северо-западной России, он жил мирно с юным внуком своим, великим князем; обязал его даже клятвою не вступаться ни в новогородские, ни в псковские дела и в 1430 году дружески пригласил к себе в гости. С Василием отправился в Литву и митрополит Фотий. В Троках нашли они седого, осьмидесятилетнего Витовта, окруженного сонмом вельмож литовских. Скоро съехались к нему многие гости знаменитые: князья Борис Тверской, рязанский, одоевские, мазовские, хан перекопский, изгнанный государь волошский Илия, послы императора греческого, великий магистр прусский, ландмаршал ливонский с своими сановниками и король Ягайло. Летописцы говорят, что сей торжественный съезд венценосцев и князей представлял зрелище редкое; что гости старались удивить хозяина великолепием своих одежд и многочисленностию слуг, а хозяин удивлял гостей пирами роскошными, каких не бывало в Европе и для коих ежедневно из погребов княжеских отпускалось

700 бочек меду, кроме вина, романеи[1], пива,— а на кухню привозили 700 быков и яловиц[2], 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов. Праздновали около семи недель, в Троках и в Вильне; но занимались и важным делом: оно состояло в том, что Витовт, по совету цесаря Сигизмунда (имевшего с ним, в генваре 1429 года, свидание в Луцке) хотел назваться *королем* литовским и принять венец от руки посла римского. К досаде сего величавого старца, вельможи польские воспротивились его намерению, боясь, чтобы Литва, сделавшись особенным королевством, не отделилась от Польши, к их вреду обоюдному: чего действительно тайно желал хитрый цесарь. Тщетно грозил Витовт: сам папа, взяв сторону Ягайловых вельмож, запретил ему думать о венце королевском, и веселые пиры заключились болезнию огорченного хозяина. Все разъехались: один Фотий жил еще несколько дней в Вильне, стараясь, как вероятно, о присоединении киевской митрополии к московской; наконец, отпущенный с ласкою, сведал в Новогродке о смерти Витовта. Сей князь, тогда славнейший из государей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедимина и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на юге и западе; в теле малом вмещал душу великую; умел пользоваться случаем и временем, повелевать народом и князьями, награждать и наказывать; за столом, в дороге, на охоте занимался делами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несметное множество серебра, золота, расточал оные щедро, но всегда с пользою для себя; человеколюбия не ведал; смеялся над правилами государственного нравоучения; ныне давал, завтра отнимал без вины; не искал любви, довольствуясь страхом; в пирах отличался трезвостию и подобно Ольгерду не пил ни вина, ни крепкого меда, но любил жен и нередко, оставляя рать в поле, обращал коня к дому, чтобы лететь в объятия юной супруги. С ним, по словам историка польского, воссияла и затмилась слава народа литовского, к счастию России, которая без сомнения погибла бы навеки, если бы Витовтовы преемники имели его ум и славолюбие: но Свидригайло, брат Ягай-

---

[1] Романея — красное столовое вино, ввозилось из Франции.

[2] Яловица — яловая корова или овца.

лов, и Сигизмунд, сын Кестутиев, один после другого властвовав над Литвою, изнуряли только ее силы междоусобием, войнами с Польшею, тиранством и грабительством. Свидригайло, зять князя тверского, Бориса, всегда омраченный парами вина, служил примером ветрености и неистовства, однако ж был любим россиянами за его благоволение к Вере греческой. Брат Витовтов, Сигизмунд, изгнав Свидригайла — бывшего потом несколько лет пастухом в Молдавии — господствовал как ужаснейший из тиранов и, палимый страстию златолюбия, губил вельмож, купцов, богатых граждан, чтобы овладеть их достоянием; не веря людям, вместо стражи держал при себе диких зверей и не мог спастися от ножа убийц: князья Иоанн и Александр Черторижские, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемником был (в 1440 году) сын Ягайлов, Казимир; а добродушный сын Сигизмундов, Михаил, умер изгнанником в России, отравленный каким-то злодеем по наущению вельмож литовских, как думали.— Новогородцы в 1431 году заключили мирный договор с Свидригайлом, а в 1436 с Сигизмундом.

Что в сие время происходило в Орде, о том не имеем никакого сведения. В 1426 году татары пленили несколько человек в украйне рязанской[1], другая многочисленная толпа их, предводительствуемая царевичем и князем, чрез три года опустошила Галич, Кострому, Плесо и Луг. Единственною целию сих впадений был грабеж. Настигнув хищников, рязанцы отняли у них и добычу и пленных; а дяди князя великого, Андрей и Константин Димитриевичи, ходили вслед за царевичем до Нижнего. Они не могли догнать неприятеля; но князь Стародубский-Пестрый и Феодор Константинович Добрынский, недовольные их медленностию, тайно отделились от московского войска с своими дружинами и наголову побили задний отряд татарский. Осенью в 1430 году князь ординский Айдар воевал литовскую Россию и приступал ко Мценску; отраженный тамошним храбрым начальником, Григорьем Протасьевым, употребил обман: дав ему клятву в дружестве, вызвал его из города и взял в плен. Золотая Орда повиновалась тогда хану Махмету, который, уважая народное право, осыпал Айдара укоризнами,

---

[1] Украйна рязанская — южная окраина рязанских земель.

а мужественного воеводу, Григория, ласками и возвратил ему свободу; пример чести, весьма редкий между варварами! В том же году, весною, великий князь посылал воеводу своего, князя Феодора Давидовича Пестрого, на Волжскую и Камскую Болгарию, где россияне взяли немало пленников.

Миновало около шести лет после заключенного юным Василием мира с дядею его, Юрием: условие решить спор о великом княжении судом ханским оставалось без исполнения: для того ли, что цари непрестанно менялись в мятежной Орде, или Василий хотел уклониться от сего постыдного для наших князей суда, в надежде смирить дядю? Они действительно в 1428 году клятвою утвердили договор, чтобы каждому остаться при своем; но Юрий, года три жив спокойно, объявил войну племяннику. Тогда великий князь предложил дяде ехать к царю Махмету: согласились, и Василий, раздав по церквам богатую милостыню, с горестным сердцем оставил Москву; в прекрасный летний день, августа 15, обедал на лугу близ Симонова монастыря и не мог без слез смотреть на блестящие главы ее храмов. Никто из князей московских не погибал в Орде: бояре утешали юного Василия рассказами о чести и ласках, оказанных там его родителю; но мысль отдать себя в руки неверным и с престола знаменитого упасть к ногам варвара омрачала скорбию душу сего слабого юноши. За ним отправился и Юрий. Они вместе прибыли в улус баскака московского, Булата, друга Василиева и неприятеля Юриева. Но сей последний имел заступника в сильном мурзе Тегине, который увез его с собою зимовать в Тавриду и дал слово исходатайствовать ему великокняжеское достоинство. К счастию Василия, был у него боярин хитрый, искательный, велеречивый, именем Иоанн Димитриевич: он умел склонить всех ханских вельмож в пользу своего юного князя, представляя, что им будет стыдно, если Тегиня один доставит Юрию сан великокняжеский; что сей мурза необходимо присвоит себе власть и над Россиею и над Литвою, где господствует друг Юриев, Свидригайло; что сам царь ординский уже не посмеет ни в чем ослушаться вельможи толь сильного и что все другие сделаются рабами Тегини. Такие слова уязвили *как стрела*, по выражению летописца, сердце вельмож ханских, в особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у царя за Василия и чернить Тегиню так, что легковерный Махмет наконец обещал им казнить смер-

тию сего мурзу, буде он дерзнет вступиться за Юрия. Весною [1432 г.] дядя Василиев приехал из Тавриды в Орду; а с ним и Тегиня, который, сведав о расположении царя, уже не смел ему противоречить. Махмет нарядил суд, чтобы решить спор дяди с племянником, и сам председательствовал в оном. Василий доказывал свое право на престол новым уставом государей московских, по коему сын после отца, а не брат после брата, долженствовал наследовать великое княжение. Дядя, опровергая сей устав, ссылался на летописи и на завещание Димитрия Донского, где он (Юрий), в случае кончины Василия Димитриевича, назван его преемником. Тут боярин московский, Иоанн, стал пред Махметом и сказал: «Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правам российским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской? Не она ли утвердила завещание Василия Димитриевича, отдавшего Московское княжение сыну? Шесть лет Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, следственно, сам признавал государем законным». Сия действительно хитрая речь имела успех совершенный: Махмет объявил Василия великим князем и велел Юрию *вести под ним коня*: древний обряд азиатский, коим означалась власть государя верховного над его подручниками или зависимыми князьями. Но Василий, уважая дядю, не хотел его уничижения; а как в сие время восстал на Махмета другой царь могольский, Кичим-Ахмет, то мурза Тегиня, пользуясь смятением хана, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего князя Петра Димитриевича. Племянник и дядя благополучно возвратились в Россию, и вельможа татарский, Улан-царевич, торжественно посадил Василия на трон великокняжеский в Москве, в храме Богоматери у златых дверей. С сего времени Владимир утратил право города столичного, хотя в титуле великих князей все еще именовался прежде Москвы.

Суд ханский не погасил вражды между дядею и племянником. Опасаясь Василия, Юрий выехал из Дмитрова, куда великий князь немедленно прислал своих наместников, изгнав Юриевых. Скоро началась и явная война от следующих двух причин. Московский вельможа Иоанн, оказав столь важную

услугу государю, в награду за то хотел чести выдать за него дочь свою. Или невеста не нравилась жениху, или великий князь вместе с материю находил сей брак неприличным: Иоанн получил отказ, и Василий женился на Марии, дочери Ярослава, внуке Владимира Андреевича Храброго. Надменный боярин оскорбился. «Неблагодарный юноша обязан мне великим княжением и не устыдился меня обесчестить»,— говорил он в злобе и выехал из Москвы, сперва в Углич к дяде Василиеву, Константину Димитриевичу, потом в Тверь и наконец в Галич к Юрию. Обоюдная ненависть к государю московскому служила для них союзом: забыли прошедшее и вымышляли способ мести. Боярин Иоанн не сомневался в успехе войны: положили начать оную как можно скорее. Между тем сыновья Юриевы, Василий Косой и Димитрий Шемяка, дружески пируя в Москве на свадьбе [1433 г.] великого князя, сделались ему неприятелями от странного случая, который на долгое время остался памятным для москвитян. Князь Димитрий Константинович Суздальский некогда подарил нареченному зятю своему, Донскому, золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными каменьями; тысячский Василий, в 1367 году, во время свадьбы Донского, тайно обменял его на другой, гораздо меньшей цены, и дал сыну Николаю, женатому на Марии, старшей дочери князя суздальского. Переходя из рук в руки, сей пояс достался Василию Юриевичу Косому и был на нем в час свадебного великокняжеского пиршества. Наместник ростовский, Петр Константинович, узнал оный и сказал о том матери Василия, Софии, которая обрадовалась драгоценной находке и, забыв пристойность, торжественно сняла пояс с Юриевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гневом, бежали из дворца, клялись отмстить за свою обиду и немедленно, исполняя повеление отца, уехали из Москвы в Галич.

Прежде они хотели, кажется, быть миротворцами между Юрием и великим князем: тогда же, вместе с боярином Иоанном, старались утвердить родителя в злобе на государя московского. Не теряя времени, они выступили с полком многочисленным; а юный Василий Василиевич ничего не ведал до самого того времени, как наместник ростовский прискакал к нему с известием, что Юрий в Переславле. Уже Совет великокняжеский не походил на Совет Донского или сына его: беспечность и малодушие господствовали в оном. Вместо войска

отправили посольство навстречу к галицкому князю с ласковыми словами. Юрий стоял под стенами Троицкого монастыря; он не хотел слышать о мире: вельможа Иоанн и другие бояре его ругали московских и с бесчестием указали им возвратный путь. Тогда великий князь собрал несколько пьяных воинов и купцов; в двадцати верстах от столицы, на Клязьме, сошелся с неприятелем и, видя силу оного, бежал назад; взял мать, жену; уехал в Тверь, а из Твери в Кострому, чтобы отдаться в руки победителю: ибо Юрий, вступив в Москву и всенародно объявив себя великим князем, пошел туда и пленил Василия, который искал защиты в слезах. Боярин Иоанн, думая согласно с сыновьями галицкого князя, считал всякое снисхождение неблагоразумием. Юрий также не славился мягким сердцем; но имел слабость к одному из вельмож своих, Симеону Морозову, и, приняв его совет, дал в удел племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновал сей мир веселым пиршеством и с дарами отпустил Василия в его удельный город.

Открылось, что Морозов или обманул своего князя, или сам обманулся. Приехав в Коломну, Василий начал отовсюду сзывать к себе народ, бояр, князей: все шли к нему охотно, ибо признавали его законным государем, а Юрия хищником, согласно с новою системою наследства, благоприятнейшею для общего спокойствия. Сын, восходя на трон после отца, оставлял все, как было, окруженный теми же боярами, которые служили прежнему государю: напротив чего брат, княживший дотоле в каком-нибудь особенном уделе, имел своих вельмож, которые, переезжая с ним в наследованную по кончине брата землю, обыкновенно удаляли тамошних бояр от правления и вводили новости, часто вредные. Столь явные выгоды и невыгоды вооружили всех против старой мятежной системы наследственной и против Юрия. В несколько дней Москва опустела: граждане не пожалели ни жилищ, ни садов своих и с драгоценнейшим имуществом выехали в Коломну, где недоставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. Одним словом, сей город сделался истинною столицею великого княжения, многолюдною и шумною. В Москве же царствовали уныние и безмолвие: человек редко встречался с человеком, и самые последние жители готовились к переселению. Случай единственный в нашей истории и произведенный не столько любовию к особе Василия,

сколько усердием к правилу, что сын должен быть преемником отца в великокняжеском сане!

Юрий укорял своего любимца, Морозова, неблагоразумным советом; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокого, не удовольствовались словами: пришли к сему боярину в набережные сени и, сказав: «Ты погубил нашего отца!» — собственною рукою умертвили его. Боясь гнева родительского, они выехали в Кострому. Князь же Юрий, видя невозможность остаться в Москве, сам отправился в Галич, велел объявить племяннику, что уступает ему столицу, где Василий скоро явился с торжеством и славою, им не заслуженною, провождаемый боярами, толпами народа и радостным их кликом. Зрелище было необыкновенное: вся дорога от Коломны до Москвы представлялась улицею многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за государем, как *пчелы за маткою*, по старому, любимому выражению наших летописцев.

Но бедствия Василиева княжения только что начинались. Хотя Юрий заключил мир, возвратил племяннику Дмитров, взяв за то Бежецкий Верх с разными волостями, и дал слово навсегда отступиться от больших сыновей, признав их в договорной грамоте врагами общего спокойствия: однако ж скоро нарушил обещание, послав к детям свою галицкую дружину, с которою они разбили московское войско на реке Куси. Великий князь разорил Галич. Юрий ушел к Белуозеру: собрав же силы и призвав вятчан, вместе с тремя сыновьями, Косым, Шемякою, Димитрием Красным, одержал в ростовских пределах столь решительную победу над Василием, что сей слабодушный князь, не смев возвратиться в столицу, бежал в Новгород, оттуда на Мологу, в Кострому, в Нижний; а Юрий, осадив [1434 г.] Москву, через неделю вступил в Кремль, пленил мать и супругу Василиеву. Народ был в горести. «Не изменяй мне в злосчастии»,— писал великий князь к двоюродному брату, Иоанну, сыну умершего Андрея Можайского. Иоанн ответствовал ему: «Государь! Я не изменю тебе в душе; но у меня есть город и мать: я должен мыслить об их безопасности; и так еду к Юрию». Уже Шемяка и Димитрий Красный стояли с войском в Владимире, готовясь идти к Нижнему: Василий трепетал и думал бежать в Орду: на сей раз счастие услужило ему лучше москвитян.

Юрий, снова объявив себя великим князем, договорными грамотами утвердил союз с племянниками своими, Иоанном и Михаилом Андреевичами, владетелями Можайска, Белаозера, Калуги, и с князем Иоанном Феодоровичем Рязанским, требуя, чтобы они не имели никакого сношения с изгнанником Василием. Достойно замечания, что сии грамоты начинаются словами: *Божиею милостию*, которые прежде не употреблялись в государственных постановлениях... В грамоте рязанской сказано, что Тула принадлежит Иоанну и что он не должен принимать к себе мещерских князей в случае их неверности или бегства: сии князья, подданные государя московского, происходили, как вероятно, от Александра Уковича, у коего Димитрий Донской купил Мещеру. — Юрию было около шестидесяти лет от рождения: не имея ни ума проницательного, ни души твердой, он любил власть единственно по тщеславию и без сомнения не возвысил бы великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле московском. Но Юрий внезапно скончался [6 июня 1434 г.], оставив духовную, писанную, кажется, еще задолго до его смерти: деля между сыновьями только свои наследственные города, он велит им платить *великому князю* с Галича и Звенигорода 1026 рублей в счет ординской *семитысячной* дани: следственно, или Василий тогда еще не был изгнан, или Юрий мыслил возвратить ему великое княжение (что менее вероятно). Сын Юриев, Косой, немедленно принял на себя имя государя московского и дал знать о том своим братьям; они же, не любя и презирая его, ответствовали: «Когда Бог не захотел видеть отца нашего на престоле великокняжеском, то мы не хотим видеть на оном и тебя»; примирились с Василием и выгнали Косого из столицы. В знак благодарности великий князь, возвратясь на московский престол, отдал Шемяке Углич со Ржевом, наследственную область умершего дяди их, Константина Димитриевича, а Красному Бежецкий Верх, удержав за собою Звенигород, удел Косого, и Вятку. Мы имеем их договорную грамоту, наполненную дружескими с обеих сторон уверениями. Шемяка, следуя обыкновению, именует в оной Василия старейшим братом, отдает себя в его покровительство, обязывается служить ему на войне и платить часть ханской дани, с условием, чтобы великий князь один сносился с Ордою, не допуская удельных владетелей ни до каких хлопот.

Сие дружество между князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истинным. Мы уже видели характер Шемяки, который не устыдился обагрить собственных рук кровию вельможи Морозова: увидим и Василиев в деле гнусном, достойном азиатского варвара.

Но брат Шемякин, Косой, еще превосходил их в свирепости: имея товарища в бегстве своем, какого-то князя Романа, он велел отрубить ему руку и ногу за то, что сей несчастный хотел тайно оставить его! Напрасно искав заступников в Новегороде, ограбив берега Мсты, Бежецкую и Двинскую область, Косой с толпами бродяг вступил в северные пределы великого княжения; разбитый близ Ярославля, ушел в Вологду, пленил там чиновников московских и с новым войском явился на берегах Костромы, где великий князь заключил с ним мир, отдав ему город Дмитров. Они не долго жили в согласии: чрез несколько месяцев Косой выехал из Дмитрова в Галич, призвал вятчан и, взяв Устюг на договор, вероломно убил Василиева наместника, князя оболенского, вместе со многими жителями. В сие время Шемяка приехал в Москву звать великого князя на свадьбу, помолвив жениться на дочери Димитрия Заозерского: злобясь на его брата, Василий оковал Шемяку цепями и сослал в Коломну. Действие столь противное чести не могло быть оправдано подозрением в тайных враждебных умыслах сего Юриева сына, еще не доказанных и весьма сомнительных. Наконец в Ростовской области встретились неприятели: Косой предводительствовал вятчанами и дружиною Шемяки; с Василием находились меньший брат Юрьевичей, Димитрий Красный, Иоанн Можайский и князь Иоанн Баба, один из друцких владетелей, пришедший к нему с полком литовских копейщиков. Готовились к битве; но Косой, считая обман дозволенною хитростию, требовал перемирия. Неосторожный Василий заключил оное и распустил воинов для собрания съестных припасов. Вдруг сделалась тревога: полки вятские во всю прыть устремились к московскому стану в надежде пленить великого князя, оставленного ратниками. Тут Василий оказал смелую решительность: уведомленный о быстром движении неприятеля, схватил трубу воинскую и, подав голос своим, не тронулся с места. В несколько минут стан наполнился людьми: неприятель вместо оплошности, вместо изумления увидел пред собою блеск оружия и стройные ряды воинов, которые одним ударом смяли

его, погнали, рассеяли. Несчастный Юрьевич, готовив плен Василию, сам попался к нему в руки: воевода Борис Тоболин и князь Иоанн Баба настигли Косого в постыдном бегстве. Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второго надесять века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного. Чтобы успокоить совесть, он возвратил Шемяке свободу и города удельные. В договорной грамоте, тогда написанной, Шемяка именует старшего брата недругом великого князя, обязываясь выдать все его имение, в особенности святые иконы и кресты, еще отцом их из Москвы увезенные; отказывается от Звенигорода, предоставляя себе полюбовно разделить с меньшим братом, Димитрием Красным, другие области наследственные и данные ему великим князем в Угличе и Ржеве.— Несчастный слепец жил после того 12 лет, в уединении, как бы забвенный всеми и самыми единокровными братьями. Великий князь будет наказан за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобного ему варвара.

Спокойный внутри московского владения, сей юный государь имел тогда распрю с новогородцами, которые в самом начале его княжения посылали войско наказать устюжан за их грабительство в Двинской земле, и взяли с сего города в окуп 50 000 белок и шесть сороков соболей, к досаде Василия. Но он, не желая явной войны с ними, вызвался отдать им все родителем его захваченные новогородские земли в уездах Бежецкого Верха, Волока Ламского, Вологды, с условием, чтобы и бояре их возвратили ему собственность княжескую; однако ж не исполнял обещания и не присылал дворян своих для развода земель, пока новогородцы не уступили ему *черной дани*[1], собираемой в Торжке. В договорной грамоте, написанной по сему случаю, именно сказано, что великий князь берет по новой гривне с четырех земледельцев, или с сохи, в которую впрягаются две лошади, а третья на подмогу; что плуг и ладья считаются за две сохи: невод, лавка, кузница и чан кожевный за одну; что земледельцы, работающие из половины, платят только за полсохи; что наемники месячные, лавочники и старосты новогородские свободны от всякой дани; что если кто, оставив свой двор, уйдет в господский или утаит соху, то платит за вину вдвое, и проч.— Сей договор заключен был един-

---

[1] Черная дань — подушное.

ственно на год: после чего новогородцы опять ссорились с Василием, смеясь над мнением тех людей, которые советовали им не раздражать государей московских. Летописцы повествуют, что внезапное падение тамошней великолепной церкви Св. Иоанна наполнило сердца ужасом, предвестив близкое падение Новагорода: гораздо благоразумнее можно было искать сего предвестия в его нетвердой системе политической, особенно же в возрастающей силе великих князей, которые более и более уверялись, что он под личиною гордости, основанной на древних воспоминаниях, скрывает свою настоящую слабость. Одни непрестанные опасности государства Московского, со стороны моголов и литвы, не дозволяли преемникам Иоанна Калиты заняться мыслию *совершенного* покорения сей народной державы, которую они старались только обирать, зная богатство ее купцов. Так поступил и Василий: зимою в конце 1440 года двинулся с войском к Новугороду и на пути заключил с ним мир, взяв 8000 рублей. Между тем псковитяне, служа великому князю, успели разорить несколько селений в областях новогородских, а заволочане в московской.— В сей самый год (1440), генваря 22, родился у Василия сын, Тимофей-Иоанн, коему провидение, сверх многих великих дел, назначило сокрушить Новгород. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба государя столь чрезвычайного утаиться от мудрых гадателей? Пишут, что новогородский добродетельный старец, именем Мисаил, в час Иоаннова рождения пришел к архиепископу Евфимию и сказал: «Днесь великий князь торжествует: Господь даровал ему наследника. Зрю младенца, ознаменованного величием: се игумен Троицкой обители, Зиновий, крестит его, именуя Иоанном! Слава Москве: Иоанн победит князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падет к ногам Иоанновым и не восстанет!» Летописцы не сомневались в истине сего чудесного сказания, изобретенного без сомнения уже в то время, когда сын Василиев совершил бессмертные свои подвиги.

Василий старался жить дружно с ханом и по верному свидетельству грамот платил ему обыкновенную дань, вопреки некоторым летописцам, сказывающим, что царь Махмет, любя его, освободил Россию от всех налогов. Впадения татар в Рязанские области не тревожили москвитян; но перемена, случившаяся в Орде, нарушила спокойствие великого княжения. Мах-

мет (в 1437 году) был изгнан из улусов братом своим, Кичимом, искал убежища в России и занял Белев, город литовский. Оказав некогда благодеяние Василию, он надеялся на его дружбу и крайне изумился, услышав, что великий князь приказывает ему немедленно удалиться от пределов российских. Сей хан, в самом изгнании гордый, не хотел повиноваться, имея у себя около трех тысяч воинов. Надлежало прибегнуть к оружию. Василий послал туда многочисленную рать, вверив оную братьям, Шемяке и Димитрию Красному, вождям столь недостойным, что они казались народу атаманами разбойников, от Москвы до Белева не оставив ни одного селения в целости: везде грабили, отнимали скот, имение и нагружали возы добычею. Конец ответствовал началу. Приступив к Белеву, московские воеводы отвергнули все мирные предложения Махмета, устрашенного их силою, и вогнали татар в крепость, убив зятя царева. На другой день хан выслал трех князей для переговоров. «Отдаю в залог вам моего сына, Мамутека,— велел он сказать нашим полководцам: — сделаю все, чего требуете. Когда же Бог возвратит мне царство, обязываюсь блюсти землю Русскую и не брать с вас никакой дани». Воеводы московские не хотели ничего слушать. «И так смотрите!» — сказали князья Махметовы, возвысив голос и перстом показывая им на российских воинов, которые в сию минуту толпами бежали от городских стен, гонимые каким-то внезапным ужасом. Вся рать московская дрогнула и с воплем устремилась в бегство: Шемяка и другие князья также. Моголы едва верили глазам своим; наконец поскакали за россиянами, секли их, топтали и возвратились к хану с вестию, что многочисленное войско великокняжеское исчезло как дым. Успех столь блестящий не ослепил Махмета: сей благоразумный хан предвидел, что ему, отрезанному от улусов, нельзя удержаться в России и бороться с Василием: он выступил из Белева и чрез землю мордвы прошел в Болгарию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 году опустошенная россиянами. Около сорока лет сей город состоял единственно из развалин и хижин, где укрывалось несколько бедных семейств. Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и представил оную в убежище болгарам, черемисам, моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян. В несколько месяцев Казань

наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета царем и защитником. Таким образом сей изгнанник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового. Моголы смешались в оном с болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне татарами казанскими и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области российские. Уже в следующий год Махмет с легким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу, оставив в столице начальником князя Юрия Патрикиевича Литовского. К счастию, татары не имели способа овладеть оною: удовольствовались грабежом, сожгли Коломну и возвратились с добычею.— Между тем в Большой, или Золотой, Орде господствовал брат Махметов, Кичим, среди опасностей, мятежей и внутренних неприятелей. Моголы, ослепленные безрассудною злобою, терзали друг друга, упиваясь собственною кровию. Первейший из князей ординских, именем Мансуп, погиб тогда от руки хана Кичима.

После несчастного приступа к Белеву Василий не мог иметь доверенности ни к усердию, ни к чести сыновей Юриевых, Шемяки и Димитрия Красного; однако ж (в 1440 году) возобновил дружественный союз с ними на прежних условиях: то есть оставил их мирно господствовать в отцовском уделе и пользоваться частию московских доходов. Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Таин и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Димитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул — и казался мертвым. Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по нескольку стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло и, не открывая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дня князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слыхал ничего, наконец действительно умер с именем Святого: ибо — как сказывают ле-

тописцы — тело его, чрез 23 дня открытое для погребения в московском соборе Архангела Михаила, казалось живым, без всяких знаков тления и без синеты.— Шемяка наследовал удел Красного и еще несколько времени жил мирно с великим князем.

В сии два года [1439—1440 гг.] внутреннего спокойствия москвитяне и вся Россия были тревожимы соблазном в важном деле церковном, о коем летописцы говорят весьма обстоятельно и которое, минутно польстив властолюбию Рима, утвердило отцов наших в ненависти к папам. Митрополит Фотий преставился в 1431 году, написав умилительную грамоту к великому князю и ко всему народу: он весьма красноречиво изображает в ней претерпенные им в святительстве печали; жалеет о днях своей мирной, уединенной юности; оплакивает разделение митрополии, безвременную кончину Василия Димитриевича, бедствия и междоусобия великого княжения. Шесть лет по смерти Фотия церковь наша сиротствовала без главы, от внутренних смятений государства Московского. Сими обстоятельствами думал воспользоваться митрополит литовский, Герасим, и старался подчинить себе епископов России, но без успеха: он посвятил в Смоленске только новогородского архиепископа, Евфимия; другие не хотели иметь с ним никакого дела. Наконец Василий созвал святителей и велел им назначить митрополита: все единодушно выбрали знаменитого Иону, архиерея рязанского. «Таким образом,— говорят летописцы,— исполнилось достопамятное слово блаженного Фотия, который, посетив однажды Симоновскую обитель и видя там юного инока, мирно спящего, с удивлением смотрел на его кроткое, величественное лицо; долго расспрашивал об нем архимандрита и сказал, что сей юноша будет первым святителем в земле Русской: то был Иона». Но предсказание исполнилось уже после: ибо константинопольский патриарх, еще до прибытия Ионы в Царьград, посвятил нам в митрополиты грека Исидора, родом из Фессалоники, славнейшего богослова, равно искусного в языке греческом и латинском, хитрого, гибкого, красноречивого. Исидор незадолго до сего времени был в Италии и снискал любовь папы: вероятно даже, что он по согласию с ним домогался власти над российскою церковию, дабы тем лучше способствовать важным намерениям Рима, о коих теперь говорить будем.

Супруг княжны московской, Анны, Иоанн Палеолог, царствовал в Константинополе, непрестанно угрожаемом силою турецкою; лишенный едва не всех областей славной державы своих предков — стесненный в столице и на берегах самого Воспора видя знамена Амуратовы — сей государь искал покровителя в римском первосвященнике, коего воля хотя уже не была законом для государей Европы, однако ж могла еще действовать на их советы. Старец умный и честолюбивый, Евгений IV, сидел тогда на апостольском престоле: он именем Св. Петра обещал императору Иоанну воздвигнуть всю Европу на турков, если греки, мирно, беспристрастно рассмотрев догматы обеих церквей, согласятся во мнениях с латинскою, чтобы навеки успокоить совесть христиан и быть единым стадом под началом единого пастыря. Евгений требовал не безмолвной покорности, но торжественного прения: истина, объясненная противоречиями, долженствовала быть общим уставом христианства. Император советовался с патриархами. Еще древние предубеждения сильно отвращали их от духовного союза с надменным Римом; но Амурат II уже измерял оком Царьград как свою добычу: предубеждения умолкли. Положили, да будет *осьмой* Собор Вселенский в Италии. Там, кроме царя и знатнейшего духовенства обеих церквей, надлежало собраться всем государям Европы в духе любви христианской; там Иоанн Палеолог, вступив с ними в братский союз единоверия, долженствовал убедительно представить им опасности своей державы и церкви православной, гремя в их слух именем Христа и Константина Великого: успех мог ли казаться сомнительным? Евгений ручался за оный и сделал еще более: взял на себя все расходы, коих требовало путешествие императора и духовенства греческого в Италию: ибо Византия, некогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменников! Вооруженные суда Евгениевы явились в пристани Царяграда: император с братом своим, Димитрием Деспотом, с константинопольским патриархом Иосифом и с семьюстами первейших сановников греческой церкви, славных ученостию или разумом, сели на оные (24 ноября 1437 года) в присутствии бесчисленного множества людей, которые громогласно желали им, чтобы они возвратились с миром церковным и с воинством крестоносцев для отражения неверных.

Между тем Иона возвратился в свою рязанскую епархию, хотя бесполезно съездив в Грецию, но обласканный царем и патриархом, которые, отпуская его с честию, сказали ему: «Жалеем, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно обещаем тебе российскую митрополию, когда она вновь упразднится[1]». За ним прибыл в Москву и новый митрополит, не только именем, но и делом иерарх *всей* России: ибо Герасима Смоленского уже не было (Свидригайло, господствуя над Литвою, в 1435 году сжег его на костре в Витебске, узнав, что он находился в тайных сношениях с Сигизмундом Кестутиевичем, врагом сего неистового сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами царя и патриарха, Василий встретил Исидора со всеми знаками любви, дарил, угощал в Кремлевском дворце; но изумился, сведав, что митрополит намерен ехать в Италию. Сладкоречивый Исидор доказывал важность будущего осьмого Собора и необходимость для России участвовать в оном. Пышные выражения не ослепили Василия. Напрасно ученый грек описывал ему величие сонма, где Восток и Запад, устами своих царей и первосвятителей, изрекут неизменяемые правила Веры. Василий ответствовал: «Отцы и деды наши не хотели слышать о соединении Законов греческого и римского; я сам не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебе. Помни только чистоту Веры нашей и принеси оную с собою!» Исидор клялся не изменять православию и в 1437 году, сентября 8, выехал из Москвы с епископом суздальским Аврамием, со многими духовными и светскими особами, коих число простиралось до ста. Сие *первое* путешествие россиян в Италию описано одним из них с великою подробностию: сообщим здесь некоторые обстоятельства оного.

Новогородский архиепископ Евфимий, быв тогда в Москве, проводил Исидора до своей епархии; а князь тверской, Борис, послал с ним в Италию вельможу Фому. Митрополит от Вышнего Волочка плыл рекою Мстою до Новагорода, где, равно как и во Пскове, духовенство и гражданство изъявило усердную к нему любовь дарами и пиршествами. Доселе он казался ревностным наблюдателем всех обрядов православия; но, выехав из России, немедленно обнаружил соблазнительную наклонность к латинству. Встреченный в Ливонии дерптским

---

[1] Упразднится.— Здесь: освободится.

епископом и нашими священниками (ибо в сем городе находились две русские церкви), Исидор с благоговением приложился к крестам духовенства католического и потом уже к образам греческим: сопутники его ужаснулись и с того времени не имели к нему доверенности. Архиепископ, чиновники рижские также осыпали митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Там он получил письмо от великого магистра немецкого, учтивое, ласковое: сей знаменитый властитель предлагал ему свои услуги и советы для безопасного путешествия чрез орденские владения. Но Исидор сел в Риге на корабль, отправив более двухсот лошадей сухим путем, и (19 маия 1438 года) пристал к берегу в Любеке, откуда чрез Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Эрфурт, Бамберг, Нюренберг, Аугсбург и Тироль проехал в Италию, везде находя гостеприимство, дружелюбие, почести и везде осматривая с любопытством не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбия, искусств, ума гражданского. С каким удивлением россияне, дотоле не выезжав из отечества, загрубевшего под игом варваров, видели в Немецкой земле города цветущие, здания прочные, удобные и красивые, обширные сады, каменные водоводы, или, по их словам, рукою человека пускаемые реки! Достойно замечания, что Эрфурт показался им самым богатейшим в Германии городом, наполненным всякими товарами и хитрыми произведениями рукоделия. Горы Тирольские изумили наших путешественников своими снежными громадами, современными рождению оных (как говорит автор) и превышающими течение облаков: зрелище в самом деле разительное для жителей плоской земли, в особенности непонятное для них смешением климатов: ибо россияне в одно время видели там и вечное царство зимы, на вершинах гор, и плодоносное лето со всеми его красотами, неизвестными в нашем северном отечестве: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущие на отлогостях Тирольских, среди цветников естественных. — Августа 18 Исидор прибыл в Феррару.

В сем городе уже несколько месяцев ожидали его император и папа как главу российской знаменитой церкви, мужа ученейшего и друга Евгениева. Кроме духовных сановников, кардиналов, митрополитов, епископов, там находились послы трапезундские, иверские, армянские, волошские; но, к удивлению Иоанна Палеолога, не было ни императора немецкого, ни дру-

гих венценосцев западных. Латинская церковь представляла тогда жалостное зрелище раздора; уже семь лет славный в истории *Собор Базельский*, действуя независимо и в противность Евгению, смеялся над его буллами, давал законы в делах Веры, обещал искоренить злоупотребления духовной власти и преклонил к себе почти всех государей европейских, которые для того отказались участвовать в италиянском Соборе. Однако ж заседания начались с великою торжественностию в Ферраре, в церкви Св. Георгия, после долговременного спора между императором Иоанном и папою о местах: Евгений желал сидеть среди храма как глава Веры; Иоанн же хотел сам председательствовать, подобно царю Константину во время собора Никейского. Решили тем, чтобы в средине церкви, против алтаря, лежало Евангелие; чтобы на правой стороне папа занимал первое, возвышенное место между католиками, а ниже его стоял трон для отсутствующего императора немецкого; чтобы царь Иоанн сидел на левой, также на троне, но далее папы от алтаря. Надлежало согласиться в четырех мнениях: 1) об исхождении Св. Духа, 2) о чистилище, 3) о квасных просфорах, 4) о первенстве папы. С обеих сторон выбрали ораторов: римляне — кардиналов Альбергати, Иулиана, епископа родосского и других; греки — трех святителей, Марка Ефесского (мужа ревностного, велеречивого), Исидора Российского и юного Виссариона Никейского, славного ученостию и разумом, но излишно уклонного в рассуждении догматов Веры. Пятнадцать раз сходились для прения о Св. Духе: наши единоверцы утверждали, что он исходит единственно от Отца; а римляне прибавляли: *и Сына*, ставя в доказательство некоторые древние рукописи Святых Отцов, отвергаемые греками как подложные. Умствовали, истощали все хитрости богословской диалектики и не могли согласиться в сей части символа: выражение Filioque оставалось камнем претыкания. Уже Марко Ефесский гремел против латинской ереси, и вместо духовного братства ежедневно усиливался дух раздора. Греки скучали в отдалении от домов своих и жаловались на худое содержание: Евгений также, не видя успеха, скучал бесполезными издержками и в конце зимы уговорил императора переехать во Флоренцию, будто бы опасаясь язвы в Ферраре, но в самом деле для того, что флорентийцы дали ему немалую сумму денег за честь видеть Собор в их городе.

Нельзя без умиления читать в истории о последних тайных беседах Иоанна Палеолога, в коих сей несчастный государь изливал всю душу свою пред святителями греческими и вельможами, изображая с одной стороны любовь к правоверию, а с другой бедствия империи и надежду спасти ее посредством соединения церквей. «Думаю только о благе отечества и христианства,— говорил он: — после долговременного отсутствия возвратимся ли без успеха, с единым стыдом и горестию? Не мышлю о своих личных выгодах: жизнь кратковременна, а детей не имею; но безопасность государства и мир церкви для меня любезны». Митрополит российский осуждал упрямство Марка Ефесского и других святителей, говоря: «Лучше соединиться с римлянами душою и сердцем, нежели без всякой пользы уехать отсюда: и куда поедем?» Виссарион еще убедительнее представлял жалостное состоянии империи. Наконец, по многих прениях, греки уступили, и согласились, 1) что Св. Дух исходит от Отца и Сына; 2) что опресноки и квасной хлеб могут быть равно употребляемы в священнодействии; 3) что души праведные блаженствуют на небесах, грешные страдают, а средние между теми и другими очищаются, *или* палимые огнем, *или* угнетаемые густым мраком, *или* волнуемые бурею, *или* терзаемые иным способом; что все люди телесно воскреснут в День суда и явятся пред судилищем Христовым дать отчет в делах своих; 4) что папа есть наместник Иисуса Христа и глава церкви; что патриарх константинопольский занимает вторую степень, и так далее. 6 июля (1439 года) было последнее заседание Собора в кафедральном храме флорентийском, где обе церкви совокупили торжественность и великолепие своих обрядов, чтобы тем сильнее действовать на сердца людей. В присутствии бесчисленного народа, между двумя рядами папских телохранителей, вооруженных палицами, одетых в латы серебряные и держащих в одной руке пылающие свечи, Евгений служил обедню; гремела музыка императорская; пели славу Вседержителя на языке греческом и латинском. Папа, воздев руки на небо, проливал слезы радости и, величественно благословив царя, князей, епископов, чиновников республики Флорентийской, велел кардиналу Иулиану и архиепископу Виссариону читать с амвона *Хартию соединения*, написанную следующим образом: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостение между Восточною и Западною церковию; мир воз-

вратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляют единый, мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихий свет вожделенного согласия сияет паки. Да ликует мать наша, церковь, видя чад своих, после долговременного разлучения, вновь совокупленных любовию; да благодарит Всемогущего, который осушил ее горькие об них слезы. А вы, верные сыны мира христианского, благодарите мать вашу Церковь кафолическую, за то, что отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути дальнего и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на сем святом Соборе и воскресить любовь, коея уже не было между христианами». Следуют упомянутые статьи примирения и согласия в догматах Веры, подписанные Евгением, осмью кардиналами, двумя патриархами латинскими (иерусалимским и градским), осмью архиепископами, пятидесятью епископами и другими сановниками; а от имени греков — императором, тремя местоблюстителями престолов патриарших (ибо Иосиф, патриарх константинопольский, скончался за несколько дней до того во Флоренции), семнадцатью митрополитами, архиепископами и всеми бывшими там святителями, кроме одного Марка Ефесского, неумолимого старца, презрителя угроз и корысти. Сведав, что сей твердый муж не подписал хартии, папа гневно воскликнул: «И так мы ничего не сделали!» — и требовал, чтобы император или принудил его к согласию, или наказал как ослушника; но Марко тайным отъездом спасся от гонения.

Выгоды, приобретенные уступчивостию греков, состояли для них в том, что Евгений дал им несколько тысяч флоринов, обязался прислать в Константинополь 300 воинов с двумя галерами для охранения сей столицы, и в случае нужды обещал Иоанну именем государей европейских гораздо сильнейшее вспоможение. Греки хотели еще, чтобы толпы богомольцев, ежегодно отправляясь из Европы морем в Палестину, всегда приставали в Цареграде для выгоды тамошних жителей: папа включил и сию статью в договор; наконец с великою честию отпустил императора, который, быв два года в отсутствии, возвратился в Грецию оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Марии, и видеть общий мятеж духовенства. Узнав происшедшее на Флорентийском Соборе, оно разделилось во мнениях: некоторые хотели держаться его постановлений; другие, и большая часть, вопили, что истинная церковь гибнет и

что не пастыри верные, но изменники, ослепленные златом римским, заключили столь беззаконный, столь унизительный для греков союз с папою; что один Марко Ефесский явил себя достойным служителем Христовым, и проч. Сии последние одержали верх. Вопреки императору и новому патриарху Митрофану, ревностному защитнику соединения, народ бежал из храмов, где священнодействовали их единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, так что несмотря на усилия папы Евгения и преемника его, несмотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, греки захотели лучше умереть, нежели согласиться на исхождение Св. Духа от Сына, на опресноки и чистилище. Достопамятный пример твердости в богословских мнениях! Впрочем, сомнительно, чтобы папа мог тогда спасти империю, если бы восточная церковь и покорилась его духовной власти. Веки крестовых ополчений миновали; ревностный дух христианского братства уступил место малодушной политике в Европе: каждый из венценосцев имел свою особенную государственную систему, искал пользы во вреде других и не доверял им. Немецкая земля, быв феатром жестокой войны, произведенной расколом Иоанна Гусса, более и более слабела в долговременное, ничтожное царствование Фридерика III. Англия и Франция с величайшим усилием боролись между собою. Испания, еще разделенная, не простирала мыслей своих далее собственных ее пределов. Португалия занималась единственно мореплаванием и новыми открытиями в Африке: Италия церковными делами, торговлею и внутренними распрями. Дания и Швеция, бедные людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному и, непрестанно опасаясь друг друга, не мешались в дела иных держав европейских. Только Венгрия и Польша несколько времени бодрствовали на берегах Дуная, изъявляя ревность противиться успехам Амуратова оружия; но Варнская битва, столь несчастная для короля Владислава, надолго отвратила их от войны с мужественными турками. Еще духовная власть сильно действовала над умами и в советах государственных; но уже не имела прежнего единства. Мнимая божественность пап исчезла: соборы, Костницкий и Базельский, судили и низвергали их. Сии шумные сонмы церковной аристократии издали готовили падение духовной и совершенную независимость мирской власти. Иерархи разных земель уже разнствовали и в мыслях, во многих отношениях

предпочитая особенные выгоды своих государств папиным. В сих обстоятельствах Европы мог ли Евгений ручаться за единодушие венценосцев ее, чтобы сокрушить Оттоманскую державу или погибнуть на берегах Воспора для спасения Византии? Устрашенные победами Амурата и Магомета II, государи западные трепетали в бездействии. Тщетно герой Албании, знаменитый Скандербег, давал им пример великодушия, один с горстию людей отражая многочисленное воинство султанское: нимало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его в их собственные междоусобия, к удовольствию неверных. — Одним словом, Иоанн Палеолог не только не успел, но, по всем вероятностям, и не мог успеть в своем намерении, чтобы соединением двух церквей отвратить конечную гибель империи Греческой.

Главные орудия сего мнимого соединения, архиепископ Виссарион и митрополит Исидор, были награждены от папы кардинальскими шапками: первый остался в Италии; второй с именем легата апостольского для всех земель северных отправился из Флоренции 6 сентября; сел на корабль в Венеции, переехал Адриатическое море и чрез Далмацию и Кроатскую землю прибыл в столицу Венгрии, в Будин, откуда написал грамоты во все подведомые ему епархии литовские, российские, ливонскую, изъясняясь таким образом: «Исидор, милостию Божиею преосвященный митрополит киевский и всея Руси, *легат от ребра* (à latere) *апостольского*, всем и всякому христианину вечное спасение, мир и благодать. Возвеселитеся ныне о Господе: церковь восточная и римская навеки совокупилися в древнее мирное единоначалие. Вы, добрые христиане церкви константинопольской, русь, сербы, волохи, и все верующие во Христа! Приимите сие святое соединение с духовною радостию и честию. Будьте истинными братьями христиан римских. Един Бог, едина Вера: любовь и мир да обитают между вами! А вы, племена латинские, также не уклоняйтесь от греческих, признанных в Риме истинными христианами: молитеся в их храмах, как они в ваших будут молиться. Исповедуйте грехи свои тем и другим священникам без различия; от тех и других принимайте тело Христово, равно святое и в пресном и в кислом хлебе. Так уставила общая мать ваша, церковь кафолическая», и проч.

Исидор спешил в Киев, где духовенство встретило его как единственного митрополита всех российских епархий, и весною 1440 году прибыл в Москву, с грамотою от папы к великому князю. Евгений извещал его «о благословенном успехе Флорентийского Собора, славном в особенности для России: ибо архипастырь ее более других способствовал оному». Письмо от начала до конца было ласково и скромно. Папа молил Василия быть милостивым к Исидору и давать ему те церковные оброки, коими издревле пользовались наши митрополиты. Духовенство и народ с нетерпением ожидали своего первосвятителя в кремлевском храме Богоматери. Исидор явился окруженный многими сановниками: пред ним несли крест латинский и три серебряные *палицы*. Россияне удивились сей новости, и еще более, когда митрополит в Литургии помянул Евгения папу, вместо вселенских патриархов. Когда же, по окончании службы, диакон Исидоров, в стихаре и с орарием став на амвоне, велегласно прочитал грамоту Флорентийского осьмого Собора, столь несогласную с древним учением нашей церкви: тогда все, духовные и миряне, в изумлении смотрели друг на друга, не зная, что мыслить о слышанном. Имя Собора Вселенского, царя Иоанна и согласие знатнейших православных иерархов Греции, искони наших учителей, заграждали уста: безмолвствовали епископы и вельможи.

В сем общем глубоком молчании раздался только один голос — князя великого. С юных лет зная твердо уставы церкви и мнения Святых Отцов о Символе Веры, Василий увидел отступление греков от ее правил, воспылал ревностию обличить беззаконие, вступил в прение с Исидором и торжественно наименовал его лжепастырем, губителем душ, еретиком; призвал на совет епископов, бояр, искусных в книжном учении, и велел им основательно рассмотреть флорентийскую Соборную грамоту. Все прославили ум великого князя. Святители и вельможи сказали ему: «Государь! Мы дремали; ты один за всех бодрствовал, открыл истину, спас Веру: митрополит *отдал ее на злате* римскому папе и возвратился к нам с ересью». Исидор силился доказать противное, но без успеха: Василий посадил его за стражу в Чудове монастыре, требуя, чтобы он раскаялся, отвергнув соединение с латинскою церковию. Таким образом хитрость, редкий дар слова и великий ум сего честолюбивого грека, имев столь много действия на Флорентийском Соборе,

где ученейшая Греция состязалась с Римом, оказались бессильными в Москве, быв побеждены здравым смыслом великого князя, уверенного, что перемены в Законе охлаждают сердечное усердие к оному и что неизменяемые догматы отцов лучше всяких новых мудрований. Узнав же, что Исидор чрез несколько месяцев тайно ушел из монастыря, благоразумный Василий не велел гнаться за ним, ибо не хотел употребить никаких жестоких мер против сего сверженного им митрополита, который, въехав в Россию гордо, пышно и величаво, бежал из нее как преступник, в страхе, чтобы москвитяне не сожгли его под именем еретика на костре.

Исидор благополучно достиг Рима с печальным известием о нашем упрямстве и в награду за свой ревностный подвиг занял одно из первых мест в думе кардиналов, еще именуясь *российским*; а великий князь, с согласия всех епископов, вторично избрав Иону в митрополиты, (в 1443 году) отправил боярина Полуехта в Константинополь с грамотою к царю и патриарху, в коей описывает всю историю нашего христианства со времен Владимира и говорит далее: «По кончине блаженного Фотия земля Русская несколько лет оставалась без духовного пастыря, волнуемая нашествием варваров и внутренним междоусобием: наконец мы послали к вам епископа рязанского, Иону, мужа от юных лет благочестивого и добродетельного, желая, да поставите его в митрополиты; но вы или от замедления нашего, или следуя единственно прихоти самовластия, дали нам Исидора. Богу известно, что я долго колебался и мыслил отвергнуть его; но ласковая грамота патриархова, моление посла вашего и сладкоречивое смирение Исидорово тронули мое сердце... Когда же он, вопреки своей клятве, изменил православию: тогда мы созвали боголюбивых Святителей нашей земли, да изберут нового достойнейшего митрополита, как и прежде, в чрезвычайных случаях, у нас бывало. Но хотим соблюсти обряд древний: требуем твоего царского согласия и патриаршего благословения, уверяя вас, что никогда произвольно не отлучимся от церкви греческой, доколе стоит держава Русская. И так ожидаем, что вы исполните мое прошение и не замедлите уведомить нас о вашем здравии, да возвеселимся духом ныне и присно и во веки веков. Аминь». Сей посол не доехал до Константинополя: ибо Василий приказал ему возвратиться, сведав тогда, как говорит летописец, совершенное

отступление императора греческого от истинной Веры. С того времени Иона первенствовал, кажется, в делах нашей церкви, хотя еще и не был торжественно признан ее главою; а епископы южной России снова имели особенного митрополита, посвященного в Риме, именем Григория Болгарина, ученика Исидорова, вместе с ним ушедшего из Москвы. Они держались Флорентийского соединения, которое в Литве и в Польше доставило им все выгоды и преимущества духовенства латинского, подтвержденные в 1443 году указом Владислава III. Преемник Владиславов, Казимир, даже уговаривал великого князя признать киевского иерарха главою и московских епископов, представляя, как вероятно, что духовное единоначалие утвердит благословенный союз между северною и южною Россиею; но святители наши предали Григория анафеме. Московская митрополия осталась независимою, а киевская подвластною Риму, будучи составлена из епархий брянской, смоленской, перемышльской, туровской, луцкой, владимирской, полоцкой, хельмской и галицкой.

Такие следствия имел славный Собор Флорентийский. Еще несколько лет защитники и противники его писали, спорили, опровергали друг друга; наконец бедствие, постигшее Константинополь, пресекло и споры и долговременные усилия властолюбивого Рима для подчинения себе византийской церкви. Духовенство же московское, отвергнув соблазн, тем более укрепилось в догматах православия.

Россияне имели нужду в мире церковном, чтобы великодушнее сносить несчастия государственные, коими Небо скоро посетило наше отечество.

Уже осенью в 1441 году открылась новая вражда между великим князем и Димитрием Шемякою, который, сведав о приближении московского войска к Угличу, бежал в Новогородскую область и, собрав несколько тысяч бродяг, вместе с князем Александром Черторижским, выехавшим к нему из Литвы, внезапно подступил к Москве: хотя игумен троицкий, Зиновий, примирил их; но Шемяка, боясь Василия, дал знать новогородцам, что желает навсегда к ним переселиться. Они гордо сказали: «Да будет, князь, твоя воля! Если хочешь к нам, мы тебе рады; если не хочешь, как тебе угодно». Сей ответ или не полюбился ему, или тогдашние обстоятельства

Новагорода отвратили его от намерения искать там убежища: Шемяка остался в своем уделе.

Новгород, волнуемый внутри, угрожаемый извне, не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы. В 1442 году народ, без всякого доказательства обвиняя многих людей в зажигательстве, жег их на кострах, топил в Волхове, побивал каменьем. Худые урожаи и десятилетняя дороговизна приводили граждан в отчаяние. «Вопль и стенание (говорит летописец) раздавались на площадях и на улицах; бедные шатались как тени, падали, умирали, дети пред родителями, отцы и матери пред детьми; одни бежали от голода в Литву, или в землю Немецкую, или во Псков; другие из хлеба шли в рабство к купцам магометанской и жидовской Веры. Не было правды ни в судах, ни во граде. Восстали ябедники, лжесвидетели, грабители; наши старейшины утратили честь свою, и мы сделались поруганием для соседов». К сим народным бедствиям присоединились внешние опасности. Слабая держава может существовать только союзом с сильными: ослепленный Новгород досаждал всем и не имел друзей. Один из князей суздальских, Василий Юрьевич, внук Кирдяпин и наследственный враг Москвы, был ласково принят новогородцами и начальствовал у них в Яме. К неудовольствию же великого князя они вызвали из Литвы внука Ольгердова, Иоанна Владимировича, и дали ему свои пригороды в угодность Казимиру; между тем не угодили и последнему. Казимир хотел, чтобы они взяли от него наместников в свою столицу и явно отложились от Василия Василиевича, говоря: «Для вас единственно я не заключил с ним мира: поддайтесь мне, и вы будете со всех сторон безопасны». Новогородцы, еще не расположенные изменить русскому отечеству, посмеялись над властолюбием Казимира: отпустили Иоанна в Литву и вторично приняли к себе Лугвениева сына, Юрия, бывшего в Москве. Тщетно псковитяне искали их дружбы и давали им пример благоразумия, стараясь быть в тесной связи с Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти северо-западную Россию от хищности иноплеменников. Князья — иногда российские, иногда литовские — начальствовали во Пскове, но всегда именем великого князя, с его согласия, и присягали в верности сперва ему, а потом народу. Следуя иным правилам, новогородцы видели в гражданах сей области уже не братьев, а слуг московских и своих совмест-

ников в выгодах немецкой торговли. Те и другие воевали, мирились, заключали договоры, особенно с державами иноземными, не думая о благе общем. Новогородцы в 1442 году взяли всех немецких купцов под стражу: псковитяне дружелюбно торговали с Ганзою. В шведской Финляндии властвовал тогда государственный маршал, Карл Кнутсон, получив ее в удел от Верховного совета и короля: он жил в Выборге и, стараясь ничем не оскорблять новогородцев, злобился на псковитян, которые повесили несколько чухонцев за воровство в земле своей: мстил им, без объявления войны брал людей в плен и требовал окупа. В 1443 году магистр ливонского ордена, Финке фон-Оберберген, возобновил мир с областию Псковскою на 10 лет и был неприятелем новогородцев: сжег предместие Ямы и велел сказать им как бы в насмешку, что не он, а герцог Клевский из заморья воюет Россию.

Так сказано в нашей летописи: бумаги Немецкого ордена, хранящиеся в древнем Кенигсбергском архиве, объясняют для нас сей предлог войны с ее достопамятными обстоятельствами. Еще в 1438 году великий магистр немецкий писал к новогородскому князю Юрию, чтобы он благосклонно принял юного принца Клевского, Эбергарда, едущего в Палестину через Россию, и доставил ему все способы для пути безопасного; но Эбергард возвратился в Ригу с жалобами на претерпенные им в Новогородской земле оскорбления. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, без их ведома, начало неприятельские действия. Финке уверял, что орден желает единственно удовлетворения за обиду принца Клевского и за многие другие, сделанные немцам *беспокойными, наглыми россиянами, любящими отнимать чужое и жаловаться*. Великий герцог литовский, Казимир, был между ими посредником, величаясь именем *государя новогородцев*, единственно потому, что они со времен Гедиминовых принимали к себе литовских князей в областные начальники; но Финке, благосклонно встретив Казимировых послов, не устыдился взять под стражу новогородского, даже ограбил его и выслал *нагого* из Ливонии. — Раздраженные новогородцы опустошили ливонские селения за Наровою: немцы землю Водскую, берега Ижоры и Невы; опять приступили к Яме и хотели пушками разрушить ее стены, но через пять дней сняли осаду. Немецкие летописцы прибавляют, что россияне заманили магистра в

какое-то ущелье и побили у него множество воинов; что он, желая отмстить им новым впадением в их пределы, возвратился с новою неудачею и стыдом. Несмотря на то, гордый Финке вторично отвергнул мирные предложения новогородцев, сказав их послам в Риге, что не заключит мира, если они не уступят ему всей реки Наровы с островом. Доселе действовав только собственными силами, ливонцы предприяли. наконец вооружить на россиян знатную часть Европы, посредством великого магистра прусского, бывшего в тесной связи с Римом и с государями северными; хотели уже не грабежа, не маловажных сшибок, но решительного удара. В 1447 году орден заключил договор с королем Дании, Норвегии и Швеции, Христофором, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую: немцам взять Копорье и Нейшлот, шведам — Орехов, Ландскрону, и проч. Великий магистр прусский убеждал папу содействовать молитвою и деньгами к усмирению *неверных* россиян; писал к императору, к курфирстам[1] и вызывал из Германии всех православных витязей служить Богу и его матери, казнить *отступников злочестивых* на берегах Волхова; писал также ко всем городам ганзейским, к Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцам своим возить хлеб в Новгород. Вооруженные ливонские суда заняли Неву и брали в добычу всякий нагруженный съестными припасами корабль, идущий в Ладожское озеро, не исключая ни союзных шведских, ни прусских. Войско Немецкого ордена отправилось морем из Данцига и сухим путем из Мемеля к Нарве: пехота, конница и пушкари, с рыцарем Генрихом, искусным в употреблении огнестрельного снаряда. В Бранденбурге, Эльбинге, Кенигсберге и во всех городах прусских народ торжественно молился о счастливом успехе *христианского оружия против язычников* (contra paganos) новогородских и союзников их, *москвитян, волохов и татар*: латинские обедни и церковные ходы долженствовали склонить Небо к совершенному истреблению сей Российской народной державы, более именем, нежели силами *Великой*, опустошенной тогда голодом и болезнями.

---

[1] Курфирст, курфюрст (букв.: князь-избиратель) — князь в Священной Римской империи; духовное или светское лицо, обладавшее правом избирать императора.

Какие были следствия мер столь важных и грозных? В наших летописях сказано единственно, что ливонские рыцари, король шведский и *прусский* (то есть великий магистр Немецкого ордена), в 1448 году имев битву с новогородцами на берегах Наровы, ушли назад; а двиняне близ Неноксы разбили шведов, которые приходили туда морем из Лапландии. — Ни *татары*, ни *волохи*, ни *москвитяне* не помогали Новугороду: «Я даю ему князей, но без войска», — писал Казимир к немцам. В бумагах орденских упоминается только о каком-то знаменитом человеке, который в 1447 году ехал из Моравии с *шестьюстами всадников* на помощь к новогородскому князю Юрию, сыну Лугвениеву.

В сие время новогородцы имели еще двух неприятелей: князь Борис Тверской безжалостно грабил их землю, и народ югорский, угнетаемый ими, объявил себя независимым. Воеводы двинские, Василий Шенкурский и Михайло Яковлев, пришли к ним с тремя тысячами воинов. Жители употребили хитрость. «Дайте нам время собрать дань, — говорили они: — сделав расчет между собою, мы покажем вам урочища и станы»; но, усыпив россиян обещаниями и ласками, побили их наголову. Новогородцы оружием усмирили сих бунтующих данников, а князя тверского старались усовестить сло́вами дружелюбными; заключили наконец союз с добрыми псковитянами и перемирие с немцами на 25 лет.

Гораздо важнейшие происшествия ожидают нас в московском великом княжении. Смерть Витовта, деда, опекуна Василиева, уничтожив связь притворного дружества между Литвою и нашим государством, возобновила их естественную взаимную ненависть друг к другу, еще усиленную раздором церковным. Неприятели Казимировы искали убежища в Москве: сын Лугвениев, князь Юрий, выехав из Новагорода и заняв вооруженною рукою Смоленск, Полоцк, Витебск, но будучи не в силах противиться Казимиру, бежал к великому князю. Однако ж войны не было до 1444 года: в сие время, зимою, Василий послал двух служащих ему царевичей могольских на Брянск и Вязьму. Нечаянность их впадения благоприятствовала успеху, если можно назвать успехом грабеж и кровопролитие бесполезное: татары и москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 литовцев, предводимых семью панами, разорили беззащитные окрестности Козельска,

Калуги, Можайска, Вереи. Собралось несколько сот россиян под начальством воевод можайского, верейского и боровского: презирая многочисленность неприятеля, они смело ударили на Казимировых панов в Суходрове и были разбиты. Впрочем, литовцы, не взяв ни одного города, удалились с пленниками.

Великий князь не мог отразить их для того, что имел дело с другим неприятелем. Царевич Золотой Орды, именем Мустафа, желая добычи, вступил в Рязанскую область, пленил множество безоружных людей и, взяв за них окуп, ушел; но скоро опять возвратился к Переславлю, требуя уже не денег, а только убежища. Настала зима необыкновенно холодная, с глубокими снегами, жестокими морозами и вьюгами: татары не могли достигнуть улусов, лишились коней и сами умирали в поле. Граждане переславские, не смея отказать им, впустили их в свои жилища; однако ж ненадолго: ибо Василий послал князя оболенского с московскою дружиною и с мордвою выгнать царевича из наших пределов. Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати великокняжеской, по требованию первых вышел из города, стал на берегах речки Листани и спокойно ожидал неприятелей. С одной стороны наступили на него воеводы московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами*, или палицами, топорами и рогатинами; с другой рязанские *казаки* и мордва на лыжах, с сулицами[1], копьями и саблями. Татары, цепенея от сильного холода, не могли стрелять из луков и, несмотря на свою малочисленность, смело пустились в ручной бой. Они, конечно, не имели средства спастися бегством; но от них зависело отдаться в плен без кровопролития: Мустафа не хотел слышать о таком стыде и бился до изнурения последних сил. Никогда татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались, как исступленные и бросались грудью на копья. Мустафа пал героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсем застыла в сердце моголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненые, и победители, к чести своей, завидовали славе побежденных.— Чрез несколько времени татары Золотой Орды — желая, как вероятно, отмстить за Мустафу — воевали области рязанские и мордовские; но не сделали ничего важного.

---

[1] Сулица — короткое металлическое копье, дротик.

Неприятель опаснейший явился с другой стороны, царь казанский, Улу-Махмет; взял старый Новгород Нижний, оставленный без защиты, и шел к Мурому. Великий князь собрал войско: Шемяка, Иоанн Андреевич Можайский, брат его Михаил Верейский и Василий Ярославич Боровский, внук Владимира Храброго, находились под московскими знаменами. Махмет отступил: передовой отряд наш разбил татар близ Мурома, Гороховца и в других местах. Не желая во время тогдашних зимних холодов гнаться за царем, великий князь возвратился в столицу. Весною пришла весть, что Махмет осадил Нижний Новгород, послав двух сыновей, Мамутека и Ягупа, к Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать их. Василий Василиевич с одною московскою ратию пришел в Юрьев, где встретили его воеводы нижегородские: долго терпев недостаток в хлебе, они зажгли крепость и ночью бежали оттуда. Чрез несколько дней присоединились к москвитянам князья можайский, верейский и боровский, но с малым числом ратников. Шемяка обманул Василия: сам не поехал и не дал ему ни одного воина; а царевич Бердата, друг и слуга россиян, еще оставался назади. Великий князь расположился станом близ Суздаля, на реке Каменке: слыша, что неприятель идет, воины оделись в латы и, подняв знамена, изготовились к битве: но долго ждав моголов, возвратились в стан. Василий ужинал и пил с князьями до полуночи; а в следующий день, по восхождении солнца отслушав Заутреню, снова лег спать. Тут узнали о переправе неприятеля через реку Нерль: сделалась общая тревога. Великий князь, схватив оружие, выскочил из шатра и, в несколько минут устроив рать, бодро повел оную вперед, при звуке труб, с распущенными хоругвями. Но сие шумное ополчение, предводимое внуками Донского и Владимира Храброго, состояло не более как из 1500 россиян, если верить летописцу; силы государства Московского не уменьшились: только Василий не умел подражать деду и словом творить многочисленные воинства; земля оскудела не людьми, но умом правителей.

Впрочем, сия горсть людей казалась сонмом героев, текущих к верной победе. Князья и воины не уважали татар; видели их превосходную силу и, вопреки благоразумию, схватились с ними на чистом поле близ монастыря Евфимиева. Неприятель был вдвое многочисленнее; однако ж россияне первым

ударом обратили его в бегство, может быть, притворное: он хотел, кажется, чтобы наше войско расстроилось. По крайней мере так случилось: москвитяне, видя тыл неприятельской рати, устремились за нею без всякого порядка: всякий хотел единственно добычи; кто обдирал мертвых, кто без памяти скакал вперед, чтобы догнать обоз царевичей или брать пленников. Татары вдруг остановились, поворотили коней и со всех сторон окружили мнимых победителей, рассеянных, изумленных.

Еще князья наши старались восстановить битву; сражались толпы с толпами, воин с воином, долго, упорно; везде число одолело, и россияне, положив на месте 500 моголов, были истреблены. Сам великий князь, личным мужеством заслужив похвалу — имея простреленную руку, несколько пальцев отсеченных, тринадцать язв на голове, плечи и грудь синие от ударов — отдался в плен вместе с Михаилом Верейским и знатнейшими боярами. Иоанн Можайский, оглушенный сильным ударом, лежал на земле: оруженосцы посадили его на другого коня и спасли. Василий Ярославич Боровский также ушел; но весьма немногие имели сие счастие. Смерть или неволя были жребием остальных. Царевичи выжгли еще несколько сел, два дня отдыхали в монастыре Евфимиеве и, сняв там с несчастного Василия златые кресты, послали оные в Москву, к его матери и к супруге, в знак своей победы.

Столица наша затрепетала от сей вести: двор и народ вопили. Москва видала ее государей в злосчастии и в бегстве, но никогда не видала в плену. Ужас господствовал повсюду. Жители окрестных селений и пригородов, оставляя домы, искали убежища в стенах кремлевских: ибо ежечасно ждали нашествия варваров, обманутые слухом о силе царевичей. Новое бедствие довершило жалостную судьбу москвитян и пришельцев: ночью сделался пожар внутри Кремля, столь жестокий, что не осталось ни одного деревянного здания в целости: самые каменные церкви и стены в разных местах упали; сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имения. Мать и супруга великого князя с боярами спешили удалиться от сего ужасного пепелища: они уехали в Ростов, предав народ отчаянию в жертву. Не было ни государя, ни правления, ни столицы. Кто мог, бежал; но многие не знали, где найти пристанище, и не хотели пускать других. Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство;

ослушников наказывали и вязали; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища. Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия, и Москву из пепла, надеясь, что Бог возвратит ей и государя.— Между тем, пользуясь ее сиротством и несчастием, хищный князь Борис Александрович Тверской прислал воевод своих разграбить в Торжке все имение купцов московских.

Несмотря на пороки или недостатки Василия, россияне великого княжения видели в нем единственного законного властителя и хотели быть ему верными: плен его казался им тогда главным бедствием. Царевичи, хотя и победители, вместо намерения идти к Москве — чего она в безрассудном страхе ожидала — мыслили единственно как можно скорее удалиться с добычею и с важным пленником, имея столь мало войска. От Суздаля они пришли к Владимиру; но только погрозив жителям, через Муром возвратились к отцу в Нижний. Сам Махмет опасался россиян и не рассудил за благо остаться в наших пределах: зная расположение Шемяки, отправил к нему посла, именем Бигича, с дружескими уверениями; а сам отступил к Курмышу, взяв с собою великого князя и Михаила Верейского.

Шемяка радовался бедствию Василия, которое удовлетворяло его властолюбию и ненависти к сему злосчастному пленнику. Он принял царского мурзу с величайшею ласкою: угостил и послал с ним к Махмету дьяка Федора Дубенского для окончания договоров. Дело шло о том, чтобы Василию быть в вечной неволе, а Шемяке великим князем под верховною властию царя казанского. Но Махмет, долго не имев вести о Бигиче, вообразил или поверил слуху, что Шемяка убил его и хочет господствовать в России независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемене в судьбе Василия. Один из князей болгарских или могольских, именем Либей, завладел тогда Казанью (после он был умерщвлен сыном ханским, Мамутеком). Желая скорее возвратиться в Болгарию, царь советовался с ближними, призвал великого князя и с ласкою объявил ему свободу, требуя от него единственно умеренного окупа и благодарности. Василий, прославив милость Неба и царскую, выехал из Курмыша с князем Михаилом, с боярами и со многими послами татарскими, коим надлежало проводить его до столицы; отправил гонца в Москву к великим княгиням

и сам вслед за ним спешил в любезное отечество. Между тем дьяк Шемякин и мурза Бигич плыли Окою от Мурома к Нижнему: услышав о свободе великого князя, они возвратились от Дудина монастыря в Муром, где наместник, князь оболенский, взял Бигича под стражу.

В тот самый день, когда царь отпустил Василия в Россию — 1 октября [1445 г.] — Москва испытала один из главных естественных ужасов, весьма необыкновенный для стран северных: землетрясение. В шестом часу ночи поколебался весь город, Кремль и посад, домы и церкви; но движение было тихо и непродолжительно: многие спали и не чувствовали оного; другие обеспамятели от страха, думая, что земля отверзает недра свои для поглощения Москвы. Несколько дней ни о чем ином не говорили в домах и на Красной площади; считали сей феномен предтечею каких-нибудь новых государственных бедствий и тем более обрадовались нечаянному известию о прибытии великого князя. Не только в столице, но и во всех городах, в самых хижинах сельских добрые подданные веселились, как в день Светлого Праздника, и спешили издалека видеть государя. В Переславле нашел Василий мать, супругу, сыновей своих, многих князей, бояр, детей боярских и вообще столько ратных людей, что мог бы смело идти с ними на сильнейшего из врагов России. Сия усердная, великолепная встреча напомнила величие героя Димитрия, приветствуемого народом после Донской битвы: дед пленял россиян славою, внук трогал сердца своим несчастием и неожидаемым спасением.— Но Василий (17 ноября) с горестию въехал в столицу, медленно возникающую из пепла; вместо улиц и зданий видел пустыри; сам не имел дворца и, жив несколько времени за городом в доме своей матери, на Ваганкове, занял в Кремле двор князя литовского, Юрия Патрикиевича.

Еще мера зол, предназначенных судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новою договорною грамотою утвердил с ним мир. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердым, легкомысленным, и без труда уве-

рил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство Московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитриевича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 [1446 г.] ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре.

Великий князь, ничего не зная, слушал обедню у гроба Св. Сергия. Вдруг вбегает в церковь один дворянин, именем Бунко, и сказывает о происшедшем. Василий не верит. Сей дворянин служил прежде ему, а после отъехал к Шемяке, и тем более казался вестником ненадежным. «Вы только мутите нас,— ответствовал Василий: — я в мире с братьями»,— и выгнал Бунка из монастыря; но одумался и послал несколько человек занять гору на московской дороге. Передовые воины Иоанновы, увидев сих людей, известили о том своего князя: он велел закрыть 40 или 50 саней циновками и, спрятав под ними ратников, отправил их к горе. Стражи Василиевы дремали, не веря слуху о неприятеле, и спокойно глядели на мнимый обоз, который, тихо взъехав на гору, остановился: циновки слетели с саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — уверенные, что жертва в их руках — они сели на

коней и пустились во всю прыть к селу Клементьевскому. Уже Василий не мог сомневаться в опасности, собственными глазами видя скачущих всадников: бежит на конюшенный двор, требует лошадей и не находит ничего готового; все люди в изумлении от ужаса; не знают, что говорят и делают. Уже всадники пред вратами монастырскими. Великий князь ищет убежища в церкви: пономарь, впустив его, запирает двери. Чрез несколько минут монастырь наполнился людьми вооруженными: сам Иоанн Можайский подъехал на коне к церкви и спрашивал, где великий князь? Услышав его голос, Василий громко закричал: «Брат любезный! помилуй! Не лишай меня Святого места: никогда не выйду отсюда: здесь постригуся; здесь умру». Взяв с гроба Сергиева икону Богоматери, он немедленно отпер южные ворота церковные, встретил Иоанна и сказал ему: «Брат и друг мой! Животворящим Крестом и сею иконою, в сей церкви, над сим гробом преподобного Сергия клялися мы в любви и верности взаимной, а что теперь делается надо мною, не понимаю». Иоанн ответствовал: «Государь! если захотим тебе зла, да будет и нам зло. Нет, желаем единственно добра христианству и поступаем так с намерением устрашить Махметовых слуг, пришедших с тобою, чтобы они уменьшили твой окуп». Великий князь поставил икону на ее место, пал ниц пред ракою Св. Сергия и начал молиться громогласно, с таким умилением, с таким жаром, что самые злодеи его не могли от слез удержаться; а князь Иоанн, кивнув головою пред образами, спешил выйти из церкви и тихо сказал боярину Шемякину, Никите: «Возьми его!» Василий встал и спросил: «Где брат мой, Иоанн?» *Ты пленник великого князя, Димитрия Юрьевича*, отвечал Никита, схватив его за руки. «Да будет воля Божия!» — сказал Василий. Жестокий вельможа посадил несчастного князя в голые сани вместе с каким-то монахом и повез в столицу; а московских бояр всех оковали цепями: других же слуг великокняжеских ограбили и пустили нагих.

На другой день привезли Василия в Москву прямо на двор к Шемяке, который жил в ином доме; на четвертый день, ночью, ослепили великого князя, от имени Димитрия Юрьевича, Иоанна Можайского и Бориса Тверского, которые велели ему сказать: «Для чего любишь татар и даешь им русские города в кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпаешь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для

чего ослепил ты брата нашего, Василия Косого?» — Вместе с супругою отправили великого князя в Углич, а мать его Софию в Чухлому. Сыновья же Василиевы, Иоанн и Юрий, под защитою своей невинности спаслися от гонителей: пестуны сокрыли их в монастыре и ночью уехали с ними к князю ряполовскому, Ивану, в село Боярово, недалеко от Юрьева. Сей верный князь с двумя братьями, Симеоном и Димитрием, вооружился, собрал людей, сколько мог, и повез младенцев, надежду России, в Муром, укрепленный и безопаснейший других городов.

Ужас господствовал в великом княжении. Оплакивали судьбу Василия, гнушались Шемякою. Князь боровский, Василий Ярославич, брат великой княгини Марии, не хотев остаться в России после такого злодеяния, отъехал в литовскую землю, где Казимир дал ему в удел Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Но дворяне московские, хотя и с печальным сердцем, присягнули Димитрию Шемяке, все, кроме одного, именем Федора Басенка, торжественно объявившего, что не будет служить варвару и хищнику. Димитрий велел оковать его: Басенок ушел из темницы в Литву со многими единомышленниками к Василию Ярославичу, который сделал его и князя Симеона Ивановича Оболенского начальниками в Брянске. Шемяка, приняв на себя имя великого князя, отдал Суздаль презрительному сподвижнику своему, Иоанну Можайскому; но скоро взял у него назад сию область и вследствие письменного договора уступил, вместе с Нижним, с Городцом и даже с Вяткою, как законную наследственную собственность, внукам Кирдяпиным, Василию и Феодору Юрьевичам; то есть бессмысленно хотел уничтожить полезное дело Василия I, присоединившего древнее Суздальское княжение к Москве. В договорной грамоте Шемяка, предоставив себе единственно честь старейшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно их прадеду Димитрию Константиновичу, тестю Донского, господствовали независимо и сами управлялись с Ордою; обе стороны равно обязываются не входить ни в какие особенные переговоры с несчастным слепцом Василием; села и земли, купленные московскими боярами вокруг Суздаля, Городца, Нижнего, долженствовали безденежно возвратиться к прежним владельцам, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклонным к двум изгнанникам, которые, не хотев служить Василию Темному, скитались

по России из места в место? Он боялся народной ненависти и малодушно искал опоры в сих братьях, из коих старший, служа Новугороду, отличился в битве с немцами и славился храбростию. Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице *о суде Шемякине*, доныне употребительной.

Он не умертвил великого князя единственно для того, что не имел дерзости Святополка I; лишив его зрения, оправдывался законом мести и собственным примером Василия, который ослепил Шемякина брата. Но москвитяне — соглашаясь, что несчастие Василиево было явным попущением Божиим,— усердно молили Небо избавить их от властителя недостойного; воспоминали добрые качества слепца: его верность в правоверии, суд без лицеприятия, милость к князьям удельным, к народу, к самому Шемяке. Лазутчики Димитрия в столице, на площади, в домах бояр и граждан видели печаль, слышали укоризны; даже многие города не поддавались ему. В сих обстоятельствах надлежало Шемяке показать смелую решительность: к счастию, злодеи не всегда имеют оную; устрашаются крайности и не достигают цели. Он боялся младенцев великокняжеских, хранимых в Муроме князьями ряполовскими, верными боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотел употребить насилия: призвал в Москву рязанского епископа Иону и сказал ему: «Муж Святый! обещаю доставить тебе сан митрополита; но прошу твоей услуги. Иди в свою епископию, в город Муром; *возьми* детей великого князя *на свою епитрахиль* и привези ко мне: я готов на всякую милость; выпущу отца их; дам им удел богатый, да господствуют в оном и живут в изобилии». Иона, не сомневаясь в его искренности, отправился в Муром и ревностно старался успеть в Димитриевом поручении. Бояре колебались. «Если не послушаем святителя,— думали они,— то Димитрий силою возьмет Муром и детей великокняжеских: что будет с ними, с несчастным их родителем и с нами?» Бояре требовали клятвы от Ионы и привели младенцев в храм Богоматери, где епископ, отпев молебен, торжественно принял их с церковной пелены на свою

епитрахиль, в удостоверение, что Димитрий не сделает им ни малейшего зла. Князья ряполовские и друзья их, успокоенные обрядом священным, сами поехали с драгоценным залогом к Шемяке, бывшему тогда в Переславле. Сей лицемер плакал будто бы от умиления: ласкал, целовал юных невинных племянников; угостил обедом и дарами, а на третий день отправил с тем же Ионою к отцу в Углич. Иона возвратился в Москву и занял дом митрополитский; но Василий и семейство его остались под стражею. Шемяка не исполнил обета.

Сие вероломство изумило бояр: добрые князья Ряполовские были в отчаянии. «Не дадим веселиться злобе»,— сказали они и решились низвергнуть Димитрия. К ним пристали князь Иван Стрига-Оболенский, вельможа Ощера и многие дети боярские: условились с разных сторон идти к Угличу; в один день и час явиться под его стенами, овладеть городом, освободить Василия. Заговор не имел совершенного успеха; однако ж произвел счастливое действие. Узнав намерение Ряполовских, тайно выехавших из Москвы, Димитрий отправил воеводу своего вдогон за ними; но сии мужественные витязи разбили дружину Шемякину и видя, что умысел их открылся, поехали в Литву к Василию Ярославичу Боровскому, чтобы вместе с ним взять меры в пользу великого князя. Они проложили туда путь всем их многочисленным единомышленникам; из столицы и других городов люди бежали в Малороссию, проклиная Шемяку, который трепетал в московском дворце, ежедневно получая вести о всеобщем негодовании народа. Призвав епископов, он советовался с ними и с князем Иоанном Можайским, освободить ли Василия? чего неотступно требовал Иона, говоря ему: «Ты нарушил устав правды; ввел меня в грех, постыдил мою старость. Бог накажет тебя, если не выпустишь великого князя с семейством и не дашь им обещанного удела. Можешь ли опасаться слепца и невинных младенцев? Возьми клятву с Василия, а нас епископов во свидетели, что он никогда не будет врагом твоим». Шемяка долго размышлял; наконец согласился.

Должны ли вероломные надеяться на верность обманутых ими? Но злодеи, освобождая себя от уз нравственности, мыслят, что не всем дана сила попирать ногами святыню, и сами бывают жертвою легковерия. Димитрий хотел, по тогдашнему выражению, *связать душу* Василиеву Крестом и Евангелием так, чтобы не оставить ему на выбор ничего, кроме рабского

смирения или Ада; приехал в Углич со всем двором, с князьями, боярами, епископами, архимандритами; велел позвать Василия, обнял его дружески, винился, изъявлял раскаяние, требовал прощения великодушного. «Нет! — ответствовал великий князь с сердечным умилением: — я один во всем виновен; пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и преступал клятвы; гнал вас, моих братьев; губил христиан и мыслил еще изгубить многих; одним словом, заслуживал казнь смертную. Но ты, государь, явил милосердие надо мною и дал мне средство к покаянию». Слова лились рекою вместе со слезами; вид, голос подтверждали их искренность. Шемяка был совершенно доволен: все другие плакали, славя Ангельское смирение души Василиевой. Может быть, великий князь действительно говорил и чувствовал одно в порыве христианской набожности, которая питается уничижением земной гордости. Обряд крестного целования заключился великолепною трапезою у Шемяки: Василий обедал у него с супругою и с детьми, со всеми вельможами и епископами; принял богатые дары и Вологду в удел; пожелал Димитрию благополучно властвовать над Московским государством и с своими домашними отправился к берегам Кубенского озера.

Скоро увидел Шемяка свою ошибку. Василий, пробыв несколько дней в Вологде как в печальной ссылке, поехал на богомолье в Белозерский Кириллов монастырь, где умный игумен Трифон, согласно с его желанием, объявил ему, что клятва, данная им в Угличе, не есть законная, быв действием неволи и страха. «Родитель оставил тебе в наследие Москву, — говорил Трифон: — да будет грех клятвопреступления на мне и на моей братии! Иди с Богом и с правдою на свою отчину; а мы за тебя, государя, молим Бога». Игумен и все иеромонахи благословили Василия на великое княжение. Он успокоился в совести. Ежедневно приходило к нему множество людей из разных городов, требуя чести служить Верою и правдою истинному государю России; в том числе находились знатнейшие бояре и дети боярские. Василий уже не хотел ехать назад в Вологду, но прибыл в Тверь, где князь Борис Александрович, оставив прежнюю злобу, вызвался помогать ему с условием, чтобы он женил сына своего, семилетнего Иоанна, на его дочери, Марии. Торжественное обручение детей утвердило союз

между отцами, и тверская дружина усилила великокняжескую. Василий решился идти к Москве.

С другой стороны спешили туда князья Боровский, Ряполовские, Иван Стрига-Оболенский, Федор Басенок, собрав войско в Литве. На пути они нечаянно встретили татар и готовились к битве с ними; но открылось, что сии мнимые неприятели шли на помощь к Василию, предводимые царевичами Касимом и Ягупом, сыновьями царя Улу-Махмета. «Мы из земли Черкасской и друзья великого князя, — говорили татары, — знаем, что сделали с ним братья недостойные; помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность». Князья российские дружески обнялися с царевичами и пошли вместе.

Шемяка, сведав о намерении Василия и желая не допустить его до Москвы, расположился станом у Волока Ламского; но великий князь, уверенный в доброхотстве ее граждан, тайно отправил к ним боярина Плещеева с малочисленною дружиною. Сей боярин умел обойти рать Шемякину и ночью, накануне Рождества, был уже под стенами Кремлевскими. В церквах звонили к Заутрене; одна из княгинь ехала в собор: для нее отворили Никольские ворота, и дружина великокняжеская, пользуясь сим случаем, вошла в город. Тут раздался стук оружия: наместник Шемякин убежал из церкви; наместник Иоанна Можайского попался в руки к Василиевым воеводам, которые в полчаса овладели Кремлем. Бояр неприятельских оковали цепями; а граждане с радостию вновь присягнули Василию.

Димитрий Шемяка услышал в одно время [1447 г.], что Москва взята и что от Твери идет на него великий князь, а с другой стороны Василий Ярославич Боровский с татарами: не имея доверенности ни к своему войску, ни к собственному мужеству, Димитрий и Можайский ушли в Галич, оттуда в Чухлому и в Каргополь, взяв с собою мать Василиеву, Софию. Великий же князь соединился близ Углича с Василием Боровским и завоевал сей город, под коим убили одного из храбрейших его воевод, литвина Юрия Драницу; в Ярославле нашел царевичей, Касима с Ягупом, и при восклицаниях усердного народа вступил в Москву, послав боярина Кутузова сказать Шемяке: «Брат Димитрий! какая тебе честь и хвала держать в неволе мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнейшей мести, буде хочешь: я сижу на престоле великокняжеском!» Димитрий советовался с боярами. Видя изнеможение своих

людей, утомленных бегством — желая смягчить великого князя и чувствуя в самом деле бесполезность сего залога — он велел знатному боярину своему, Михайлу Сабурову, проводить великую княгиню до Москвы. Василий встретил мать в Троицкой лавре; а боярин Сабуров, им обласканный, вступил к нему в службу.

Князья Шемяка и Можайский искали мира посредством Василия Ярославича Боровского и Михаила Андреевича, брата Иоаннова; винились, давали обеты верности. Шемяка отказывался от Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Иоанн от Козельска и разных волостей; тот и другой обязывался возвратить все похищенное ими в Москве: казну, богатые кресты, иконы, имение княгинь и вельмож, древние грамоты, ярлыки ханские, требуя единственно, чтобы Василий оставил их обоих мирно господствовать в уделах наследственных и не призывал к себе до избрания митрополита, который один мог надежно ручаться за личную для них безопасность в столице. Великий князь простил Иоанна и дал ему Бежецкий Верх, из уважения к его брату, Михаилу Андреевичу, и сестре Анастасии, супруге Бориса Тверского; но еще не хотел примириться с Шемякою. Полки московские шли к Галичу. Наконец, убежденный ходатайством их общих родственников, Василий простил и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искренним другом, славить милость его до последнего издыхания и никогда не мыслить о великом княжении. Крестная или клятвенная грамота Димитриева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обеты свои, да лишуся милости Божией и молитвы Святых Угодников земли нашей, митрополитов Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; не буди на мне благословения епископов русских», и проч.— Великий князь с торжеством возвратился из Костромы в Москву, отпраздновав мир и Пасху в Ростове у епископа Ефрема.

Своим последним несчастием как бы примиренный с судьбою и в слепоте оказывая более государственной прозорливости, нежели доселе, Василий начал утверждать власть свою и силу Московского княжения. Восстановив спокойствие внутри оного, он прежде всего дал митрополита России, коего мы восемь лет не имели от раздоров константинопольского духовенства и от собственных наших смятений. Епископы Ефрем Ро-

стовский, Аврамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский съехались в Москву; а новогородский и тверской прислали грамоты, изъявляя свое единомыслие с ними. Они, в угодность государю, посвятили Иону в митрополиты, ссылаясь будто бы, как сказано в некоторых летописях, на данное ему (в 1437 году) патриархом благословение; но Иона в грамотах своих, написанных им тогда же [1438 г.] ко всем епископам литовской России, говорит, что он избран по уставу апостолов российскими святителями, и строго укоряет греков Флорентийским Собором. По крайней мере с того времени мы сделались уже совершенно независимы от Константинополя по делам церковным: что служит к чести Василия. Духовная опека греков стоила нам весьма дорого. В течение пяти веков, от Св. Владимира до Темного, находим только шесть митрополитов-россиян; кроме даров, посылаемых царям и патриархам, иноземные первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, как вероятно, меры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали их в Грецию. Они не могли иметь и жаркого усердия к государственным пользам России; не могли и столько уважать ее государей, как наши единоземцы. Сии истины очевидны; но страх коснуться Веры и переменою в ее древних обычаях соблазнить народ не дозволял великим князьям освободиться от уз духовной греческой власти; несогласия же константинопольского духовенства по случаю Флорентийского Собора представили Василию удобность сделать то, чего многие из его предшественников хотели, но опасались. — Избрание митрополита было тогда важным государственным делом: он служил великому князю главным орудием в обуздании других князей. Иона старался подчинить себе и литовские епархии: доказывал тамошним епископам, что преемник Исидоров, Григорий, есть латинский еретик и лжепастырь; однако ж не достиг своей цели и возбудил только гнев папы Пия II, который нескромною буллою (в 1458 году) объявил Иону *злочестивым сыном, отступником*, и проч.

Вторым попечением Василия было утвердить наследственное право юного сына: он назвал десятилетнего Иоанна соправителем и *великим князем* [1449—1450 гг.], чтобы россияне заблаговременно привыкли видеть в нем будущего государя: так именуется Иоанн в договорах сего времени, заключенных с Новымгородом и с разными князьями. Во время несчастия

Василиева новогородцы признали Шемяку своим князем и заставили его клятвенно утвердить все древние права их: Василий, желая тогда отдохновения и мира, также дал им крестный обет не нарушать сих прав, довольствоваться старинными княжескими пошлинами и не требовать народной, или черной дани. Знатнейшие сановники Новагорода приезжали в Москву и написали договор, во всем подобный тем, какие они заключали с Ярославом Ярославичем и другими великими князьями XIII века.— Столь же снисходительно поступил Василий и со внуками Кирдяпы: оставил их господствовать в Нижнем, в Городце, в Суздале, с условием, чтобы они признавали его своим верховным повелителем, отдали ему древние ярлыки ханские на сей удел, не брали новых и вообще не имели сношений с Ордою.— Князь рязанский, Иоанн Феодорович, обязался грамотою не приставать ни к литве, ни к татарам; быть везде заодно с Василием и судиться у него в случае раздоров с князем пронским; а великий князь обещал уважать их независимость, возвратив Иоанну многие древние места рязанские по берегам Оки; Бориса же Тверского называет в грамоте *равным себе братом*, уверяя, что ни он, Василий, ни сын его не будет мыслить о присоединении Твери к московским владениям, хотя бы татары и предложили ему взять оную. Из благодарности к верным своим друзьям и сподвижникам, Василию Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Иоанна Можайского, великий князь утвердил за первым Боровск, Серпухов, Лужу, Хотунь, Радонеж, Перемышль, а за вторым Верею, Белоозеро, Вышегород, оставив им обоим часть в московских сборах и даже освободив некоторые области Михаилова удела на несколько лет от ханской дани, то есть взял ее на себя. Сии грамоты были все подписаны митрополитом Ионою, который способствовал и доброму согласию Василиеву с Казимиром. Посол литовский, Гарман, был тогда в Москве с письмами и с дарами; а великий князь посылал в Литву дьяка своего, Стефана. Иона, называясь отцом обоих государей, уверял Казимира, что Василий искренно хочет жить с ним в любви братской.

Новое вероломство Шемяки нарушило спокойствие великого княжения. Еще в конце 1447 года епископы российские от имени всего духовенства писали к нему, что он не исполняет договора: не отдал увезенной им московской казны и драго-

ценной святыни; грабит бояр, которые перешли от него в службу к Василию; сманивает к себе людей великокняжеских; тайно сносится с Новымгородом, с Иоанном Можайским, с Вяткою, с Казанью. Над *Синею*, или Ногайскою Ордою, рассеянною в степях между Бузулуком и Синим, или Аральским морем, отчасти же между Черным и рекою Кубою, господствовал Седи-Ахмет, коего послы приезжали к великому князю: Шемяка не хотел участвовать в издержках для их угощения, ни в дарах ханских, ответствуя Василию, что Седи-Ахмет не есть истинный царь. «Ты ведаешь,— писали святители к Димитрию,— сколь трудился отец твой, чтобы присвоить себе великое княжение, вопреки воле Божией и законам человеческим; лил кровь россиян, сел на престоле и должен был оставить его; выехал из Москвы только с пятью слугами и сам звал Василия на государство; снова похитил оное — и долго ли пожил? Едва достиг желаемого, и се в могиле, осужденный людьми и Богом. Что случилось и с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал христиан, иноков, священников: благоденствует ли ныне? Вспомни и собственные дела свои. Когда безбожный царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною христианской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмов, поругано девиц и монахинь? Ты, ты будешь ответствовать Всевышнему. Напал варвар Мамутек: великий князь *сорок раз* посылал к тебе, молил идти с ним на врага; но тщетно! Пали верные воины в битве крепкой: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи: ослепленный властолюбием и презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил, злодейски истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал? и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, пореваемый страхом, спешил из места в место, томимый в день заботами, в нощи сновидениями и мечтами? Хотел большего, но изгубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле и в новой славе: ибо данного Богом человек не отнимает. Одно милосердие Василиево спасло тебя. Государь еще поверил клятве твоей и паки[1] видит измену. Пленяемый честию великокняжеского имени, суетною, если она не Богом дарована; или движимый златолюбием, или уловленный пре-

---

[1] Паки — опять, снова.

лестию женскою, ты дерзаешь быть вероломным, не исполняя клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь войска от новогородцев, будто бы для изгнания татар, призванных Василием и доселе им не отсылаемых. Но ты виною сего: татары немедленно будут высланы из России, когда истинно докажешь свое миролюбие государю. Он знает все твои происки. Тобою наущенный казанский царевич Мамутек оковал цепями посла московского. Седи-Ахмета не признаешь царем; но разве не в сих же улусах отец твой судился с великим князем? Не те ли же царевичи и князья служат ныне Седи-Ахмету? Уже миновало шесть месяцев за срок, а ты не возвратил ни святых крестов, ни икон, ни сокровищ великокняжеских. И так мы, служители алтарей, по своему долгу молим тебя, господин князь Димитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками и клевретами». — Сие послание не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года без кровопролития, с одной стороны в убеждениях миролюбия, с другой в тайных и явных кознях. Наконец Димитрий решился воевать. Он хотел нечаянно[1] взять Кострому; но князь Стрига и мужественный Феодор Басенок отразили приступ. Узнав о том, Василий собрал и полки и епископов, свидетелей клятвы Шемякиной, чтобы победить или устыдить его. Сам митрополит провождал войско к Галичу. Как усердный пастырь душ, он еще старался обезоружить врагов: успел в том, но ненадолго. Шемяка не преставал коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что один гроб может примирить их — Василий уже хотел действовать решительно; призвал многих князей, воевод из других городов, и составил ополчение сильное. Шемяка, думая сперва уклониться от битвы, пошел к Вологде; но, вдруг переменив мысли, расположился станом близ Галича: укреплял город, ободрял жителей и всего более надеялся на свои пушки. Василий, лишенный зрения, не мог сам начальствовать в битве: князь Обо-

---

[1] Нечаянно — неожиданно.

ленский предводительствовал московскими полками и союзными татарами. Оставив государя за собою, под щитами верной стражи, они стройно и бодро приближались к Галичу. Шемяка стоял на крутой горе, за глубокими оврагами; приступ был труден. То и другое войско готовилось к жестокому кровопролитию с равным мужеством: москвитяне пылали ревностию сокрушить врага ненавистного, гнусного злодеянием и вероломством: а Шемяка обещал своим первенство в великом княжении со всеми богатствами московскими. Полки Василиевы имели превосходство в силах, Димитриевы выгоду места. Князь Оболенский и царевичи ожидали засады в дебрях; но Шемяка не подумал о том, воображая, что москвитяне выйдут из оврагов утомленные, расстроенные и легко будут смяты его войском свежим: он стоял неподвижно и смотрел, как неприятель от берегов озера шел медленно по тесным местам. Наконец москвитяне достигли горы и дружно устремились на ее высоту; задние ряды их служили твердою опорою для передних, встреченных сильным ударом полков галицких. Схватка была ужасна: давно россияне не губили друг друга с таким остервенением. Сия битва особенно достопамятна, как *последнее* кровопролитное действие княжеских междоусобий... Москвитяне одолели: истребили почти всю пехоту Шемякину и пленили его бояр: сам князь едва мог спастися: он бежал в Новгород. Василий, услышав о победе, благодарил Небо с радостными слезами; дал галичанам мир и своих наместников; присоединил сей удел к Москве и возвратился с веселием в столицу.

Новогородцы не усомнились принять Димитрия Шемяку, величаясь достоинством покровителей знаменитого изгнанника и надеясь чрез то иметь более средств к обузданию Василия в замыслах его самовластия; не хотели помогать Димитрию, однако ж не мешали ему явно готовиться к неприятельским действиям против великого князя и собирать воинов, с коими он чрез несколько месяцев взял Устюг. Шемяка мыслил завоевать северный край московских владений, хотел приобрести любовь жителей и для того не касался собственности частных людей, довольствуясь единственно их присягою; но те, которые не соглашались изменить великому князю, были осуждены на смерть: бесчеловечный Шемяка навязывал им камни на шею и топил сих добродетельных граждан в Сухоне. Не теряя времени, он пошел к Вологде, чтобы открыть себе путь в Галицкую

землю; но не мог завладеть ни одним городом и возвратился в Устюг, где великий князь около двух лет оставлял его в покое.

В сие время татары занимали Василия. Казань уже начала быть опасною для московских владений: в ней царствовал Мамутек, сын Махметов, злодейски умертвив отца и брата. В 1446 году 700 татар Мамутековой дружины осаждали Устюг и взяли окуп с города мехами, но, возвращаясь, потонули в реке Ветлуге. Отрок великокняжеский, десятилетний Иоанн Васильевич, чрез два года ходил с полками для отражения казанцев от муромских и владимирских пределов. Другие шайки хищников ординских грабили близ Ельца и даже в Московской области: царевич Касим, верный друг Василиев, разбил их в окрестностях Похры и Битюга [1451 г.]. Гораздо более страха и вреда претерпела наша столица от царевича Мазовши: отец его, Седи-Ахмет, хан Синей, или Ногайской Орды, требовал дани от Василия и хотел принудить его к тому оружием. Великий князь шел встретить царевича в поле; но сведав, что татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился в столицу, приказав князю звенигородскому не пускать их через Оку. Сей малодушный воевода, объятый страхом, бежал со всеми полками и дал неприятелю путь свободный; а Василий, вверив защиту Москвы Ионе митрополиту, матери своей Софии, сыну Юрию и боярам — супругу же с меньшими детьми отпустив в Углич — рассудил за благо удалиться к берегам Волги, чтобы ждать там городских воевод с дружинами.

Скоро явились татары, зажгли посады и начали приступ. Время было сухое, жаркое; ветер нес густые облака дыма прямо на Кремль, где воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видеть, до самого того времени, как посады обратились в пепел, огонь угас и воздух прояснился. Тогда москвитяне сделали вылазку; бились с татарами до ночи и принудили их отступить. Несмотря на усталость, никто не мыслил отдыхать в Кремле: ждали нового приступа; готовили на стенах пушки, самострелы, пищали. Рассветало; восходит солнце, и москвитяне не видят неприятеля: все тихо и спокойно. Посылают лазутчиков к стану Мазовшину: и там нет никого; стоят одни телеги, наполненные железными и медными вещами: поле усеяно оружием и разбросанными товарами. Неприятель ушел ночью, взяв с собою единственно

легкие повозки, а все тяжелое оставив в добычу осажденным. Татары, по сказанию летописцев, услышав вдали необыкновенный шум, вообразили, что великий князь идет на них с сильным войском, и без памяти устремились в бегство. Сия весть радостно изумила москвитян. Великая княгиня София отправила гонца к Василию, который уже перевозился за Волгу, близ устья Дубны. Он спешил в столицу, прямо в храм Богоматери, к ее славной Владимирской иконе; с умилением славил Небо и сию заступницу Москвы; облобызав гроб чудотворца Петра и приняв благословение от митрополита Ионы, нежно обнял мать, сына, бояр; велел вести себя на пепелище, утешал граждан, лишенных крова; говорил им: «Бог наказал вас за мои грехи: не унывайте. Да исчезнут следы опустошения! Новые жилища да явятся на месте пепла! Буду вашим отцом; даю вам льготу; не пожалею казны для бедных». Народ, утешенный сожалением и милостию государя, *почил* (как сказано в летописи) *от минувшего зла*; и где за день господствовал неописанный ужас, там представилось зрелище веселого праздника. Василий обедал с своим семейством, митрополитом, людьми знатнейшими: граждане, не имея домов, угощали друг друга на стогнах и на кучах обгорелого леса.

Видя снова мир и тишину в великом княжении [1452 г.], Василий не хотел долее терпеть Шемякина господства в Устюге: немало времени готовился к походу; наконец выступил из Москвы: сам остановился в Галиче, а сына своего, Иоанна, с князьями боровским, оболенским, Феодором Басенком и с царевичем Ягупом (братом Касимовым) послал разными путями к берегам Сухоны. Шемяка, по-видимому, не ожидал сего нападения: не дерзнул противиться, оставил в Устюге наместника и бежал далее в северные пределы Двины; но и там, гонимый отрядами великокняжескими, не нашел безопасности: бегал из места в место и едва мог пробраться в Новгород. Воеводы московские не щадили нигде друзей сего князя: лишали их имения, вольности и, посадив наместников Василиевых в области Устюжской, возвратились к государю с добычею. Но еще Шемяка был жив и в непримиримой злобе своей искал новых способов мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, от коего он скоропостижно умер [1453 г.]. Виновник дела, столь противного Вере и законам нравственности, остался неизвестным. Новогородцы по-

гребли Шемяку с честию в монастыре Юрьевском. Подьячий, именем Беда, прискакал в Москву с вестию о кончине сего жестокого Василиева недруга и был пожалован в дьяки. Великий князь изъявил нескромную радость.

Как бы ободренный смертию опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия. Иоанн Можайский не хотел вместе с ним идти на татар: великий князь объявил ему войну и заставил его бежать со всем семейством в Литву, куда ушел из Новагорода и сын Шемякин. Жители Можайска требовали милосердия. «Даю вам мир вечный,— сказал великий князь,— отныне навсегда вы мои подданные». Наместники Василиевы остались там управлять народом.

Новогородцы давали убежище неприятелям Темного, говоря, что Святая София никогда не отвергала несчастных изгнанников. Кроме Шемяки, они приняли к себе одного из князей суздальских, Василия *Гребенку*, не хотевшего зависеть от Москвы. Великий князь имел и другие причины к неудовольствию: новогородцы уклонялись от его суда, утаивали княжеские пошлины и называли приговоры веча вышним законодательством, не слушаясь московских наместников и следуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно в случае крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василий готовится к походу; слышали угрозы; получили наконец [1456 г.] *разметные грамоты* в знак объявления войны — и все еще думали быть непреклонными. Великий князь, провождаемый двором, прибыл в Волок, куда, несмотря на жестокую зиму, полки шли за полками, так, что в несколько дней составилась рать сильная. Тут новогородцы встревожились, и посадник их явился с челобитьем в великокняжеском стане: Василий не хотел слушать. Князь Оболенский-Стрига и славный Феодор Басенок, герой сего времени, были посланы к Русе, городу торговому, богатому, где никто не ожидал нападения неприятельского: москвитяне взяли ее без кровопролития и нашли в ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться к великому князю: оно шло с пленниками; за ним везли добычу. Воеводы остались назади, имея при себе не более двухсот боярских детей и ратников: вдруг показалось 5000 конных новогородцев, предводимых князем суздальским. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Феодор

Басенок сказали дружине, что великий князь ждет победителей, а не беглецов; что гнев его страшнее толпы изменников и малодушных; что надобно умереть за правду и за государя. Новогородцы хотели растоптать неприятеля: глубокий снег и плетень остановили их. Видя, что они с головы до ног покрыты железными доспехами, воеводы московские велели стрелять не по людям, а по лошадям, которые начали беситься от ран и свергать всадников. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умели владеть ими; передние смешались: задние обратили тыл, и москвитяне, убив несколько человек, привели к Василию знатнейшего новогородского посадника, именем Михаила Тучу, взятого ими в плен на месте сей битвы.

Известие о том привело Новгород в страх несказанный. Ударили в вечевой колокол; народ бежал на двор Ярославов; чиновники советовались между собою, не зная, что делать; шум и вопль не умолкал с утра до вечера. Граждан было много, но мало воинов смелых; не надеялись друг на друга; редкие надеялись и на собственную храбрость: кричали, что не время воинствовать и лучше вступить в переговоры. Отправили архиепископа Евфимия, трех посадников, двух тысячских и 5 выборных от людей житых; велели им не жалеть ласковых слов, ни самых денег в случае необходимости. Сие посольство имело желаемое действие. Архиепископ нашел Василия в Яжелбицах; обходил всех князей и бояр, склоняя их быть миротворцами; молил самого великого князя не губить народа легкомысленного, но полезного для России своим купечеством и готового загладить впредь вину свою искреннею верностию. Обещания не могли удовлетворить Василию: он требовал серебра и разных выгод. Новогородцы дали великому князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему черную, или народную дань, виры, или судные пени; отменили так называемые *вечевые грамоты*, коими народ стеснял власть княжескую; клялися не принимать к себе Иоанна Можайского, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его и никого из лиходеев Василиевых; отступились от земель, купленных их согражданами в областях Ростовской и Белозерской; обещали употреблять в государственных делах одну печать великокняжескую, и проч.; а Василий в знак милости уступил им Торжок. В сем мире участвовали и псковитяне, которые, забыв долговременную

злобу новогородцев, давали им тогда помощь и находились в раздоре с Василием. Таким образом великий князь, смирив Новгород, предоставил сыну своему довершить легкое покорение оного.

В то время [1456 г.] умер в монашестве князь рязанский Иоанн Феодорович, внук славного Олега, поручив осьмилетнего сына, именем Василия, и дочь Феодосию великому князю. Сия доверенность была весьма опасна для независимости рязанского княжения: Василий Темный, желая будто бы лучше воспитать детей Иоанновых, взял их к себе в Москву, но, послав собственных наместников управлять Рязанью, властвовал там как истинный государь.

Властолюбие его, кажется, более и более возрастало, заглушая в нем святейшие нравственные чувства. Внук славного Владимира *Храброго*, Василий Ярославич Боровский, шурин, верный сподвижник Темного, жертвовал ему своим владением, отечеством; гнушаясь злодейством Шемяки, не хотел иметь с ним никаких сношений; осудил себя на горькую участь изгнанника, искал убежища в земле чуждой и непрестанно мыслил о средствах возвратить несчастному слепцу свободу с престолом. Какая вина могла изгладить память такой добродетельной заслуги? И вероятно ли, чтобы Ярославич, усердный друг Василия, сверженного с престола, заключенного в темнице, изменил ему в счастии, когда сей государь уже не имел совместников и властвовал в мирном величии? Доселе князь боровский не изъявлял излишнего честолюбия, довольный наследственным уделом и частию московских пошлин; охотно уступил Василию области деда своего, Углич, Городец, Козельск, Алексин, взяв за то Бежецкий Верх со Звенигородом, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наследниками великого княжения. Вероятнее, что Василий, желая сделаться единовластным, искал предлога снять с себя личину благодарности, тягостной для малодушных: клеветники могли услужить тем государю, расположенному быть легковерным,— и великий князь, без всяких околичностей взяв шурина под стражу, сослал его в Углич. Удел сего мнимого преступника был объявлен великокняжеским достоянием; а сын Ярославича, Иоанн, ушел с мачехою в Литву и вместе с другим изгнанником, Иоанном Андреевичем Можайским, вымышлял средства отмстить их гонителю. Они заключили тесный союз между собою, написав

следующую грамоту (от имени юного князя боровского): «Ты, князь Иван Андреевич, будешь мне старшим братом. Великий князь вероломно изгнал тебя из наследственной области, а моего отца безвинно держит в неволе. Пойдем искать управы: ты владения, я родителя и владения. Будем одним человеком. Без меня не принимай никаких условий от Василия. Если он уморит отца моего в темнице, клянися мстить; если освободит его, но с тобою не примирится, клянуся помогать тебе. Если Бог дарует нам счастие победить или выгнать Василия, будь великим князем: возврати моему отцу города его, а мне дай Дмитров и Суздаль. Не верь клеветникам и не осуждай меня по злословию; что услышишь, скажи мне и не сомневайся в истине моих крестных оправданий. Что завоюем вместе, городов или казны, из того мне треть; а буде по грехам не сделаем своего доброго дела, то останемся и в изгнании неразлучными: в какой земле найдешь себе место, там и я с тобою», и проч. Сбылося только последнее их чаяние: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги государя московского имели убежище в Литве, но не находили там ни сподвижников, ни денег. Казимир отправлял дружелюбные посольства к Василию, думая единственно о безопасности своих российских владений. — Напрасно также верные слуги Ярославича, с горестию видя несколько лет заточение своего князя, мыслили освободить его: взаимно обязались в том клятвою, условились тайно ехать в Углич, вывести князя из темницы и бежать с ним за границу. Умысел открылся. Сии люди исполняли долг усердия к законному их властителю, несправедливо утесненному; но великий князь наказал их как злодеев, и притом с жестокостию необыкновенною: велел некоторым отсечь руки и голову, другим отрезать нос, иных *бить кнутом*. Они погибли без стыда, с совестию чистою. Народ жалел об них.

Присвоив себе удел галицкий, можайский и боровский, Василий оставил только Михаила Верейского князем владетельным; других не было, внуки Кирдяпины, несколько лет правив древнею Суздальскою областию в качестве московских присяжников, волею или неволею выехали оттуда. Уже все доходы московские шли в казну великого князя; все города управлялись его наместниками. Одна Вятка, быв частию Галицкой области, не хотела повиноваться Василию: жители ее, как мы видели, помогали Юрию, Шемяке, Косому и за несколько лет

до того времени сами собою выжгли устюжскую крепость Гледен. Князь Ряполовский, посланный смирить вятчан, долго стоял у Хлынова и возвратился [1458 г.] без успеха: ибо они задобрили воевод московских дарами. В следующий год пошло туда новое сильное войско с великокняжескою дружиною, со многими князьями, боярами, детьми боярскими; присоединив к себе устюжан, взяло городки Котельнич, Орлов и покорило вятчан государю московскому. Однако ж дух вольности не мог вдруг исчезнуть в сей народной державе, основанной на законах новогородских. Василий удовольствовался данию и правом располагать ее воинскими силами.

Любя умножать власть свою, он еще не дерзал коснуться Твери, где князь Борис Александрович, сват его, скончался независимым (в 1461 году), оставив престол сыну, именем Михаилу.— Василий не теснил более и новогородцев и дружелюбно гостил у них (в 1460 году) около двух месяцев, изъявляя милость к ним и псковитянам, которые прислали ему в дар 50 рублей, жаловались на немцев и требовали, чтобы он позволил князю Александру Черторижскому остаться у них наместником. Василий согласился; но Черторижский сам не захотел того и немедленно уехал в Литву. Псковитяне желали иметь у себя Василиева сына, Юрия: отпущенный родителем из Новагорода, сей юноша был встречен ими с искреннею радостию и возведен на престол в храме Троицы; ему вручили славный меч Довмонта: Юрий взял его и клялся оградить им безопасность знаменитого Ольгина отечества. Надлежало отмстить ливонским немцам, которые, утвердив мир с россиянами на 25 лет, сожгли их церковь на границе. Но дело обошлось без войны: орден требовал перемирия, заключенного потом с *согласия великокняжеского* на пять лет в Новегороде, куда приезжали для того послы архиепископа рижского и дерптские; а князь Юрий вслед за родителем возвратился в Москву, получив в дар от псковитян 100 рублей и вместо себя оставив у них наместником Иоанна Оболенского-Стригу.

Нет сомнения, что Василий в последние годы [1455—1461 гг.] жизни своей или совсем не платил дани моголам, или худо удовлетворял их корыстолюбию: ибо они, несмотря на собственные внутренние междоусобия, часто тревожили Россию и приходили не шайками, но целыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой орды вступало в наши пределы: воевода мос-

ковский, князь Иван Юрьевич, победил татар на сей стороне Оки, ниже Коломны; а сын великого князя, Иоанн, мужественно отразил их от берегов ее: после чего Ахмат, хан Большой Орды, сын Кичимов, осаждал Переславль Рязанский, но с великою потерею и стыдом удалился, виня главного полководца своего, Казата улана, в тайном доброхотстве к россиянам.— Царь казанский также был неприятелем москвитян: великий князь хотел сам идти на Казань; но, встреченный его послами в Владимире, заключил с ними мир.

Василий еще не достиг старости: несчастия и душевные огорчения, им претерпенные, изнурили в нем телесные силы. Он явно изнемогал, худел и, думая, что у него сухотка[1], прибегнул ко мнимому целебному средству, тогда обыкновенно употребляемому в оной: жег себе тело горящим трутом; сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть монахом: ему отговорили. Василий написал духовную: утвердил великое княжение за старшим сыном, Иоанном, вместе с третию московских доходов (другие же две отказал меньшим сыновьям); Юрию отдал Дмитров, Можайск, Серпухов и все имение матери своей, Софии (которая преставилась инокинею в 1453 году); третиему сыну, Андрею Большому, Углич, Бежецкий Верх, Звенигород; четвертому, именем Борису, Волок Ламский, Ржев, Рузу и села прабабы его, Марии Голтяевой, по ее завещанию; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери их Ростов (с условием не касаться собственности тамошних князей), городок Романов, казну свою, все удельные волости, которые бывали прежде за великими княгинями, и все, им купленные или отнятые у знатных изменников (что составляло великое богатство); сверх того клятвою обязал сыновей слушаться родительницы не только в делах семейственных, но и в государственных. Таким образом он снова восстановил уделы, довольный тем, что государство московское (за исключением Вереи) остается подвластным одному дому его, и не заботясь о дальнейших следствиях: ибо думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе; отнимал города у других князей только для выгод собственного личного властолюбия; следовал древнему

---

[1] Сухотка — болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело.

обыкновению, не имев твердости быть навеки основателем новой, лучшей системы правления, или единовластия. Всего страннее то, что Василий в духовном завещании *приказывает* супругу и детей своих королю польскому, Казимиру, называя его братом. Оно подписано митрополитом Феодосием, который за год до того времени был поставлен нашими святителями из архиепископов ростовских на место скончавшегося Ионы. — Василий преставился на сорок седьмом году жизни [17 марта 1462 г.], хотя несправедливо именуемый первым самодержцем российским со времен Владимира Мономаха, однако ж действительно приготовив многое для успехов своего преемника: начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и державу, но оставил государство Московское сильнейшим прежнего: ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского.

Кроме междоусобия, государствование Темного ознаменовалось разными злодействами, доказывающими свирепость тогдашных нравов. Два князя ослеплены, два князя отравлены ядом. Не только чернь в остервенении своем без всякого суда топила и жгла людей, обвиняемых в преступлениях; не только россияне гнусным образом терзали военнопленных: даже законные казни изъявляли жестокость варварскую. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина, Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре вместе с женою за мнимое волшебство. Москва в первый раз увидела так называемую торговую казнь, неизвестную нашим благородным предкам: самых именитых людей, обвиняемых в государственных преступлениях, начали всенародно *бить кнутом*. Сие унизительное для человечества обыкновение заимствовали мы от моголов.

Суеверие и нелепые понятия о случаях естественных господствовали в умах, и летописи сего времени наполнены известиями о чудесных явлениях: то небо пылало в огнях разноцветных, то вода обращалась в кровь; образа слезили; звери переменяли свой вид обыкновенный. В 1446 году генваря 3, по баснословному сказанию новогородского летописца, шел сильный дождь и сыпались из тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, так, что все пространство между рекою Мстою и Волховцем, верст на пятнадцать, покрылось хлебом, собранным крестьянами и принесенным в Новгород, к радостному изум-

лению его жителей, угнетаемых дороговизною в съестных припасах.

Сей же летописец, изображая тогдашние несгодья своей отчизны, причисляет к оным и перемену в деньгах. Посадник, тысячский и знатные граждане, избрав пять мастеров, велели им перелить старую серебряную монету и вычитать за труд по деньге с двух гривен; а скоро отменили и старые рубли, или куски серебра, к великому огорчению народа, который долго волновался и кричал, что правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать им работу, не думая об его убытке. Несколько человек, оговоренных в делании подложной монеты, утопили в Волхове; других ограбили.

Мы описали святые подвиги Стефана Пермского, который водворил христианство на берегах северной Камы: преемниками его в епископстве сей еще малоизвестной страны были Исаакий и Питирим, ревностные наставники и благотворители тамошних обитателей. Дикие народы соседственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидели новых христиан пермских и тревожили их своими набегами: так князь вогуличей, именем Асыка, с сыном Юмшаном приходил (в 1455 году) воевать берега Вычегды и, вместе с другими пленниками захватив епископа Питирима, злодейски умертвил сего добродетельного святителя.— Здесь в первый раз упоминается о вогуличах в деяниях нашей истории.

В сие время был основан знаменитый монастырь Соловецкий, на диком острове Белого моря, среди лесов и болот. Еще в 1429 году благочестивый инок Савватий водрузил там крест и поставил уединенную келию; а Св. Зосима, чрез несколько лет, создал церковь Преображения, устроил общежительство и выходил в Новегороде жалованную грамоту на весь остров, данную ему от архиепископа Ионы и тамошнего правительства за осмью свинцовыми печатями. Как в иных землях алчная любовь к корысти, так у нас христианская любовь к тихой, безмолвной жизни расширяла пределы обитаемые, знаменуя крестом ужасные дотоле пустыни, неприступные для страстей человеческих.

Россияне при Василии Темном были поражены несчастием Греции как их собственным. Народ, именуемый в восточных летописях гоцами, в византийских огузами или узами, единоплеменный с торками, которые долго скитались в степях ас-

траханских, служили Владимиру Святому, обитали после близ Киева и до самого нашествия татар составляли часть российского конного войска — сей народ мужественный, способствовав в Азии основанию и гибели разных держав (Гасневидской, Сельчукской, Харазской), наконец под именем *турков османских* основал сильнейшую монархию, ужасную для трех частей мира и еще доныне знаменитую. Осман, или Отоман, эмир султана иконийского, воспользовался падением его державы, разрушенной моголами: сделался независимым; захватил около 1292 года некоторые места в Вифинии, в Пафлагонии, в Архипелаге и дал наследникам своим пример счастливого властолюбия, коим они столь удачно воспользовались, что в конце XIV века уже господствовали над всею Малою Азиею и Фракиею, обложив данию Константинополь. Тамерлан и междоусобие сыновей Баязетовых могли только на время удержать быстрое стремление османских завоеваний: оно возобновилось при Амурате и, наконец, при Магомете II увенчалось падением Византии, которое не было внезапностью: Европа долго ожидала его с беспокойством; но победы, одержанные турками над королями венгерскими, Сигизмундом и Владиславом, вселяли ужас в государей европейских, нечувствительных к воплю греков, над коими восходила туча разрушения. Самые греки — когда Магомет явно готовился осадить их столицу, распоряжал полки, строил крепости на берегах Воспора — в безумном отчаянии проклинали друг друга за богословские мнения! Славный кардинал Исидор, бывший митрополит российский, находился тогда в стенах Византии и предлагал царю Константину именем папы сильное вспоможение, с условием, чтобы духовенство греческое утвердило постановление Флорентийского Собора. Царь, вельможи, иерархи согласились: народ не хотел о том слышать; ревностные иноки, монахини восклицали на стогнах: «Горе латинской ереси! Образ Богоматери спасет нас!..» Но знамя султанское уже развевалось пред вратами Св. Романа. Магомет с двумястами тысячами воинов и с тремястами судов приступил к Царюграду, где считалось 100 000 жителей, а вооружилось только пять тысяч, граждан и монахов, для его защиты: другие единственно плакали, молились в церквах и звонили в колокола, чтобы менее трепетать от грома Магометовых пушек! Сия горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцев под начальством храброго генуэзского витязя Джус-

тиниани, представляла все могущество Восточной империи! Греки ожидали чуда для их спасения; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магомет, разрушив стены, по трупам янычаров вошел в город, и славная смерть великодушного царя Константина достойно завершила бытие империи: он пал среди неприятелей, сказав: «Для чего не могу умереть от руки христианина?» ...Вероятно, что некоторые из наших единоземцев были очевидными тому свидетелями: по крайней мере летописец московский рассказывает весьма подробно о всех обстоятельствах осады и взятия константинопольского, с ужасом прибавляя, что храм Святой Софии, где послы Владимировы в десятом веке пленились величием и красотою истинного богослужения, обратился в мечеть Лжепророка. Греция была для нас как бы вторым отечеством: россияне всегда с благодарностию воспоминали, что она сообщила им и христианство, и первые художества, и многие приятности общежития. В Москве говорили о Цареграде так, как в новейшей Европе со времен Людовика XIV говорили о Париже: не было иного образца для великолепия церковного и мирского, для вкуса, для понятия о вещах. Однако ж, соболезнуя о греках, летописцы наши беспристрастно судят их и турков, изъясняясь следующим образом. «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждою; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют смертию в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме Русского. Так исполнилось предсказание Св. Мефодия и Льва Мудрого, что измаильтяне овладеют Византиею; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят измаильтян и на седьми холмах ее воцарятся». О сем древнем пророчестве мы упоминали в истории Ярослава Великого: оно служило тогда утешением для россиян. Другие народы европейские, не имея тесных связей с Грециею, оставались почти равнодушными к ее бедствию; а папа, Николай V, хвалился, что он предсказал ей гибель за нарушение Флорентийского договора. Хотя кардинал Исидор, плененный в Цареграде турками, но ушедший из неволи, по возвращении в

Италию писал ко всем государям западным, что они должны восстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны*: однако ж сие красноречивое послание (внесенное в летописи латинской церкви) осталось без действия. Награжденный за свое усердие и страдание милостию папы, Исидор умер в Риме с именем константинопольского патриарха и был погребен в церкви Св. Петра, до конца жизни сетовав о падении Греческой империи, любезного ему отечества, коего спасению хотел он пожертвовать чистою Верою своих предков.

Впрочем, россияне, жалея о Греции, нимало не думали, чтобы могущество новой Турецкой империи было и для них опасно. Тогдашняя политика наша не славилась прозорливостию и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности; ливонские немцы и шведы занимали единственно новогородцев и псковитян; все прочее составляло для нас предмет одного любопытства, а не государственного внимания.

С Василиева времени сделалась известною *Крымская Орда*, составленная Эдигеем из улусов черноморских. Повествуют, что сей знаменитый князь, готовясь умереть, заклинал многочисленных сыновей своих не делиться: но они разделились и все погибли в междоусобии. Тогда моголы черноморские избрали себе в ханы осьмнадцатилетнего юношу, одного из потомков Чингисовых (как уверяют), именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем в тишине сельской. Сей юноша, из благодарности к своему благотворителю приняв *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: в память чего и все ханы крымские до самых позднейших времен назывались *Гиреями*. Другие же историки пишут, что Ази-Гирей, сын или внук Тохтамышев, родился в литовском городе Троках и что Витовт доставил ему господство в Тавриде; по крайней мере сей хан был всегда усердным другом Литвы и не тревожил ее владений, которые простирались до самого устья рек Днепра и Днестра. Покорив многие улусы в окрестностях Черного моря, Ази-Гирей основал новую независимую Орду Крымскую, обложил данию города генуэзские в Тавриде, имел сношение с папою и, желая наказать татар волжских за частые их впадения в области Казимировы, разбил врага нашего, хана Седи-Ахмета, который, спасаясь от него бегством, искал пристанища в Литве и был там заключен в темницу: «Дело

весьма несогласное с государственным благоразумием, — пишет историк польский, — способствуя уничижению Волжской Орды, мы готовили себе опасных неприятелей в россиянах, дотоле слабых под ее игом». — Сие новое гнездо хищников, славных под именем татар крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество.

Глава IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими державами. Следствие нашего ига. Введение смертной казни и телесных наказаний. Благое действие Веры. Изменение гражданского порядка. Начало самодержавия. Медленные успехи единодержавия. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имеет и добрые следствия. Выгоды духовенства: характер нашего. Мы не приняли обычаев татарских. Правосудие. Искусство ратное. Происхождение козаков. Купечество. Изобретения. Художества. Словесность. Пословицы. Песни. Язык.

Наконец мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества. Предложим читателю некоторые мысли о тогдашнем состоянии России, следствии ее двувекового порабощения.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам, основанным на развалинах Западной империи народами германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам варяжскими или немецкими князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодою быть под влиянием Греции, единственной державы, не испроверженной варварами. Правление Ярослава Великого есть без сомнения сие счастливое для России время: утвержденная и в христианстве и в порядке государственном, она имела наставников совести, училища, за-

коны, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? Феатром поместного (феодального) тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но ненадолго; осталась их память: благодетельные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали россиян и в успехах гражданского образования: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению. Крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; оживили, распространили ее торговлю. Селения и города откупались от утеснительной власти баронов; государи по собственному движению давали гражданам права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая исправа (полиция) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностию пути, жизнь и собственность. Обретение Иустинианова кодекса в Амальфи было счастливою эпохою для европейского правосудия: понятия людей о сем важном предмете гражданства сделались яснее, основательнее. Всеобщее употребление языка латинского доставляло способ и духовным и мирянам черпать мысли и познания в творениях древних, уцелевших в наводнение варварства. Одним словом, с половины XI века состояние Европы явно переменилось в лучшее; а Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий, так что в XIII веке мы уже отставали от держав западных в государственном образовании.

Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре: дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости.

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для

взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для вышних наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство уже стыдилось разбоев, и благородные витязи славились милосердием к слабым, великодушием, честию; обходительность, людскость[1], учтивость сделались известны и любимы. В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!

Если бы моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии или что турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города: то могли бы существовать и доныне в виде государства. К счастию, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от князей. Но так называемые *послы ординские* и баскаки, представляя в России лицо хана, делали, что хотели; самые купцы, самые бродяги могольские обходились с нами как с слугами презрительными[2]. Что долженствовало быть следствием? Нравственное уничижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил; не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало и закон, душа гражданских обществ, воспрянул от мертвого сна: тогда надлежало прибегнуть к строгости, неизвестной древним россиянам. Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец

---

[1] Людскость — человечность, гуманность; пристойность, светскость.

[2] Презрительный — презренный.

и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «Не убивайте виновного; жизнь христианина священна»: не менее добросердечный победитель Мамаев, Димитрий, уставил торжественную смертную казнь, ибо не видал иного способа устрашать преступников. Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства; но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке: иго татарское ввело телесные наказания; за первую кражу клеймили, за вины государственные секли кнутом. Был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе? — Мы видели злодеяния и в нашей древней истории: но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях княжеской и народной злобы; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством моголов.

Некоторые думали, что суеверие обезоруживало нас против сих тиранов; что россияне видели в них бич гнева Небесного и не дерзали восстать на исполнителей Вышней мести, подобно как чернь доныне мыслит, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведенного молниею. История не доказывает того: россияне неоднократно изъявляли самую безрассудную дерзость в усилиях свергнуть иго; недоставало согласия и твердости. Но заметим, что вместе с иными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде князья действовали мечом: в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде. Древние полководцы наши, воспаляя мужество в воинах, говорили им о стыде и славе: Герой Донской битвы о венцах Мученических. Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну Православия.

Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем царя верховного. Совершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевой колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяноpоссов. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих знаменитость возникла при моголах. Только однажды упоминается в летописях о вече московском как действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать тысячских, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях.

Происхождение наших бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в славянских республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным; хотя в России давалось после государем: но каждый из древних городов имел своих особенных бояр, как знатнейших чиновников народных, и самые княжеские бояре пользовались каким-то правом независимости. Так, в договорных грамотах XIV и XV века обыкновенно подтверждалась законная свобода бояр переходить из службы одного князя к другому; недовольный в Чернигове, боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения. Одним словом, сии государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая везде первые места вокруг престолов, составляли у нас некоторую аристократию. Но когда южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть государева сделалась неограниченнее в отношении к народу: тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Где боярин Васи-

лия Темного, им оскорбленный, мог искать иной службы в отечестве? Уже и слабая Тверь готовилась зависеть от Москвы.— Власть народная также благоприятствовала силе бояр, которые, действуя чрез князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось средины и никакого законного способа противиться князю.— Одним словом, рождалось самодержавие.

Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием Судьбы для России. Удержав некоторые обыкновения свободы, естественной только в малых областях, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавного, каков был Владимир Святой или Ярослав Великий, но пользовались оными во время раздробления государства, и борение двух властей, княжеской с народною, еще более ослабляло силу его. Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли оным способом оживиться и воскреснуть в величии? Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные сонмы народные, ни медленные думы аристократии не произвели бы сего действия. Народ и в самом уничижении ободряется и совершает великое, но служа только орудием, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у нас *боярские смуты*. Совет вельмож иногда внушает мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре нередко питали междоусобие князей российских: нередко даже судились с ними в Орде, обнося их пред ханами. Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости, и таким образом возникало вместе с единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков россияне не могли живо увериться в том, что соединение княжений необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности, достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как медленно и недружно двигалась к государственной целости! Уставилось лучшее право на-

следственное; древние уделы возвращались к великому княжению: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Иоанна Калиты, в истинном смысле все еще не было единым государством; даже судное право, пошлины, доходы московские принадлежали им совокупно. Так называемое *братское старейшинство* великого князя состояло в том, что удельные владетели, имея свои особенные гражданские уставы, законы, войска, монету, обязывались иметь с ним одну политическую систему, давать ему войско и серебро для ханов. Но сие обязательство было условное: если он нарушал договор, всегда обоюдный; если утеснял их, то они могли, возвратив крестные грамоты, законно искать управы мечом. Народ, граждане, бояре удельные знали только своего князя, не присягали государю московскому и в случае междоусобной войны лили кровь его подданных, не заслуживая имени бунтовщиков. Так было еще и при Василии Темном. Однако ж великий князь имел уже столько перевеса в силах, что мог легко сделаться единовластным: все зависело от решительной воли и твердого характера; все изготовилось к счастливой перемене: теперь означим или напомним читателю, какими средствами?

Москва, будучи одним из беднейших уделов владимирских, ступила первый шаг к знаменитости при Данииле, которому внук Невского, Иоанн Димитриевич, отказал Переславль Залесский и который, победив рязанского князя, отнял у него многие земли. Сын Даниилов, Георгий, зять хана Узбека, присоединил к своей области Коломну, завоевал Можайск и выходил себе в Орде великое княжение Владимирское; а брат Георгиев, Иоанн Калита, погубив Александра Тверского, сделался истинным главою всех иных князей, обязанный тем не силе оружия, но единственно милости Узбековой, которую снискал он умною лестию и богатыми дарами.

Предложим замечание любопытное: *иго татар обогатило казну великокняжескую* исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростию князей обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы при-

обретения, чтобы удовлетворять корыстолюбию Иоанна Даниловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *окупные князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами. Углич, Белоозеро, Галич, Ростов, Ярославль сделались снова городами великокняжескими, как было при Всеволоде III.

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его, Димитрий, дерзнул на битву с ханом... Сей Герой не приобрел почти ничего, кроме славы; но слава умножает силы — и наследник Димитриев, ласкаемый, честимый в Орде, возвратился оттуда с милостивым ярлыком, или с жалованною грамотою на Суздаль, Городец, Нижний; восстановил таким образом *древнее Суздальское великокняжение Боголюбского* во всей полноте оного, и мирным присвоением бывших уделов черниговских — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространил Московскую державу, которая, с прибавлением Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной России Ярослава Великого, будучи сверх того усилена внутри твердейшим началом самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечом: князья московские поклонами в Орде — действие, оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России! Ярослав обуздывал народ и бояр своим величием: смиренные тиранством ханов, они уже не спорили о правах с государем московским, требуя от него единственно покоя и безопасности со стороны моголов; видели прежних владетельных князей слугами Донского, Василия Димитриевича, Темного и менее жалели о своей древней вольности.

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, куча пепла и трупов, неволя, рабство толь долговременное составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств; однако ж и благотворные следствия

оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастие восстановлением единовластия в России и правилами самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину: но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием ханам.

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церковь и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Мы видели, как Св. Алексий митрополит успокоивал отечество своим ходатайством в Орде. Знатнейшие люди, отвращаемые от мира всеобщим государственным бедствием, искали мира душевного в святых обителях и, меняя одежду княжескую, боярскую на мантию инока, способствовали тем знаменитости духовного сана, в коем даже и государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Всякий, готовясь умереть, что-нибудь отказывал церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россию. Владения церковные, свободные от налогов ординских и княжеских, благоденствовали: сверх украшения храмов и продовольствия епископов, монахов, оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. Новогородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную; но митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудость: иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин.— Кроме тогдашней набожности, соединенной с высоким понятием о достоинстве монашеской жизни, одни мирские преимущества влекли людей толпами из сел и городов в тихие, безопасные обители, где слава благочестия награждалась не только уважением, но и

достоянием; где гражданин укрывался от насилия и бедности, не сеял и пожинал! Весьма немногие из нынешних монастырей российских были основаны прежде или после татар: все другие остались памятником сего времени.

Однако ж, несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного духовенству западной церкви, и, служа великим князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского*, сей обыкновенной угрозы пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые*. Одним словом, церковь наша вообще не изменялась в своем главном, первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и христианские и государственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей: они в Батыево время благословляли россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец митрополит Иона взял на себя отстоять Кремль или погибнуть с народом и наконец, будем верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России. — История подтверждает истину, предлагаемую всеми политиками-философами и только для одних легких умов сомнительную, что Вера есть особенная сила государственная. В западных странах европейских духовная власть присвоила себе мирскую оттого, что имела дело с народами полудикими — готфами, лонгобардами, франками, — которые, овладев ими и приняв христианство, долго не умели согласить оного с своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями: а греческая церковь воссияла в державе благоустроенной, и духовенство

* Так Дмитрий Иоаннович изгнал Киприана, а Василий Темный Исидора. Мы видели, что митрополит в угодность Иоанну Калите наложил клятву на [illegible] 208.)

не могло столь легко захватить чуждых ему прав. К счастию, Святой Владимир предпочел Константинополь Риму.

Таким образом, имев вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовав власти государей и выгодам духовенства, господство моголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали в улусах, а вельможи и купцы ординские в Москве и в других городах. Но татары были сперва идолопоклонники, после магометане: мы называли их обычаи *погаными*; и чем удобнее принимали византийские, освященные для нас христианством, тем более гнушались татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зловерием. К тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером. Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были. Ее путешественники XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и западных народов: то же без сомнения могли бы сказать и в рассуждении других обычаев. Как в Италии, Франции, Англии с падения Рима, так у нас с призвания князей варяжских все в главных чертах сделалось немецким, смешанным с остатками первобытных обычаев славянских: к чему после присоединилось занятое нами от греков. Древний характер славян являл в себе нечто азиатское; являет и доныне: ибо они, вероятно, после других европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов. Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов восточных: но их находим и в других славянских наречиях; а некоторые особенные могли быть заимствованы нами от козаров, печенегов, ясов, половцев, даже от сарматов и скифов: напрасно считают оные татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре российском. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?

Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Во всех московских владениях государь давал законы и судил чрез своих наместников и дворян: недовольные ими жаловались ему; ни в летописях, ни в грамотах сего времени не упоминается о приказах. От наместника зависели дворские и сотники: первые судили холопей, вторые поселян; так было и в уделах. Тяжбы между подданными двух разных княжений решились боярами, с обеих сторон избираемыми: в случае их несогласия назначался посредник, или *третейский суд*, коего решение уже всегда исполнялось. Правосудие тогдашнее не имело, по-видимому, твердого основания и большею частию зависело от произвола судящих. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давали судьям наказы, или грамоты княжеские, весьма краткие, неопределительные. Кроме Двинской судной грамоты Василия Димитриевича мы имеем еще две пятого-надесять века: Псковскую и Новогородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. Такое странное обыкновение господствовало в целой Европе несколько веков, заступив место *искушений посредством огня и воды*. В *Русской Правде* нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями и назывались *полем*. Искусство и сила казались действием суда Небесного: одолеть в бою значило оправдаться. Тщетно духовенство противилось столь несогласному с христианскою верою уставу: митрополит Фотий (в 1410 году) писал к новогородскому архиепископу Иоанну, что поединщики не должны вкушать тела и крови Христовой; что всякий, кто умертвит человека в бою, отлучается от церкви на 18 лет и что иереи не могут отпевать убитых: но древний обычай был сильнее убеждений духовенства, церковной казни и рассудка. В грамоте Псковской определены некоторые судные пени; например, за вырывание бороды надлежало платить 2 рубля. Далее назначаются разные денежные взыскания: например, за барана хозяину 6 денег, за овцу десять, а судье три; объявляются недействительными купля, продажа и мена, совершаемые в пьянстве; запрещается княжеским людям держать корчмы и продавать мед, а женщинам нанимать за себя судных поединщиков, и проч. Сия грамота есть только отрывок или прибавление к иным уставам; Новогородская же именно ссылается на другие,

нам неизвестные грамоты, и содержит в себе единственно особенные постановления, из коих явствует, что архиепископ в судах церковных руководствовался номоканоном, а посадник и наместники великокняжеские старыми уставами новогородскими; что они брали пошлину с дел; что тысячский имел свою особенную управу; что судьи ездили по городам, обязанные решить всякое дело в определенный срок или заплатить пеню; что вместе с судьями и *докладчиками* заседали присяжные, знаменитые граждане, бояре и житые люди; что дело предлагалось так называемыми *расскащиками*, или стряпчими, а записывалось дьяком, или секретарем, с приложением их печатей; что мужья ответствовали в судах за жен, а за вдов сыновья; что жены боярские и людей житых присягали дома; что холопи могли свидетельствовать только на холопей, а *псковитяне* никогда; что прежде законного осуждения никто не мог быть лишаем свободы и всякому обвиняемому давался срок; что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей; что уличенный в насильственном владении платил пеню великому князю и Новугороду, боярин 50 рублей; житый двадцать, а *младший* гражданин десять: следственно, наказание умножалось по мере знатности или богатства преступников. К суду святительскому относились, кроме церковных преступлений, все дела иереев, иноков, людей монастырских и проч.; а буде они имели дело с мирянами, то наместники и судьи епископские решили оное вместе с княжескими или городскими чиновниками. В Новегороде святительские денежные пени были гораздо тягостнее иных; например, от судного рубля получал владыка, наместник или ключник его за печать гривну, а посадник, тысячские и судьи их только семь денег. Так ли было и в других княжениях российских, мы не знаем; но видим, что духовенство наше везде старалось умножать свои права судебные, доказывая их древность мнимыми церковными уставами Св. Владимира и Ярослава Великого. Последним решителем в судах церковных был митрополит: новогородцы в 1385 году отняли у него сие доходное право, уставив, чтобы архиепископ и главные их чиновники вершили все дела независимо или без отчета.

Вообще с XI века мы не подвинулись вперед в гражданском законодательстве; но, кажется, отступили назад к первобытному невежеству народов в сей важной части государственного бла-

гоустройства: чему виною были замешательства и непостоянство в правлении внутреннем. Князья, не уверенные в твердости своих престолов, судя народ по необходимости и для собственного прибытка, старались уменьшать для себя затруднения: совесть, присяга, здравый ум естественный казались самым простейшим способом решить тяжбы, согласно с древними обыкновениями и без всяких письменных, общих правил. Законодатель определял единственно род наказаний и денежные пени для главных преступлений: смертоубийства, воровства и проч. Суд духовный, основанный на Кормчей книге, или номоканоне, был не лучше гражданского: ибо сии законы греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях европейских около десятого века; но в пятомнадесять, имея училища законоведения и римское право, Европа в сем отношении и уже далеко нас опередила.

Не менее отстали мы и в искусстве ратном: крестовые походы, дух рыцарства, долговременные войны и наконец образование строевых, всегдашних войск произвели великие успехи оного во Франции и в других землях; а мы, кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового. Состав нашей рати мало изменился. Все главные чиновники государственные: бояре *старшие, большие, путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *окольничие* или ближние к государю люди, и дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска, и собственно именовались *двором великокняжеским*. Второй многочисленный род записных людей воинских называли *детьми боярскими*: в них узнаем прежних боярских отроков; а княжеские обратились в дворян. Всякий древний областной город, имея своих бояр, имел и детей боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда. Герой Донской умел вывести в поле 150 000 ратников; но для сего требовалось усилий необыкновенных. Часто войско не успевало собраться, когда неприятель уже стоял под Москвою. Древние обычаи не скоро уступают место лучшим. Чтобы иметь всегда полки готовые и не распускать их, надлежало бы определить им жалование: государи наши скупились или не могли сделать того без отягощения подданных налогами.

Иностранные писатели говорят, что россияне сего времени сражались подобно моголам: «не стоя на месте, а на скаку действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая». Но летописи наши доказывают противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда из конницы, однако ж мы имели и пехоту: становились в ряды сомкнутые; отделяли часть войска вперед, чтобы открыть или удерживать неприятеля, а другую скрывали в засаде; одни полки начинали битву, другие ждали времени и случая ударить на врага; в средине находились так называемые *большие*, или княжеские, знамена под защитою дворян. Мы умели пользоваться местом; располагались станом за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смелую решительность великого ума воинского, как Герой Донской, быстрым движением предупредив соединение Мамая с Ягайлом. Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусством. Александр Невский также показал оное в сражении со шведами и с ливонскими меченосцами. Летописцы отменно славят ратный ум Димитрия Волынского, победителя болгаров, Олегова и Мамаева: чем в государствование Темного отличались князь Василий Оболенский и московский дворянин Феодор Басенок. Однако ж россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками своими в опытности воинской, когда частые битвы с неприятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечах и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига ханского, но редко в битвах: видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов.

Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о *козаках* рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. Итак, козаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известно по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских козаков. Торки и берендеи назывались *черкасами*: козаки также. Вспомним *касогов*, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну *Казахию*, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что оссетинцы и ныне именуют черкесов *касахами*: столько обстоятельств вместе за-

ставляют думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами*, назывались и *козаками*; что некоторые из них, не хотев покориться ни моголам, ни литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем *козаков* составили один народ, который сделался совершенно русским тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, козаки образовали воинскую христианскую республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками литовских владений со стороны крымцев, турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше днепровских порогов, где город *Черкасы* назван их именем. Они разделились на *сотни* и *полки*, коих глава, или гетман, в знак уважения получил от государя польского, Стефана Батори, знамя королевское, бунчук, булаву и печать. Сии-то природные воины, усердные к свободе и к Вере греческой, долженствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного.— Собственно, так называемые козаки *запорожские* были частию малороссийских: сеча их, или земляная крепость ниже днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа.— Вероятно, что пример украинских козаков, всегда вооруженных и готовых встретить неприятеля, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению ординских хищников, имела и более нужды в таких защитниках. Люди молодые, бездомовные записывались в козаки, побуждаемые к тому или некоторыми особенными, гражданскими выгодами — может быть, освобождением от всяких податей,— или прелестию добычи воинской. В истории следующих времен увидим *козаков ординских, азовских, ногайских* и других: сие имя означало тогда *вольницу, наездников, удальцов*, но не *разбойников*, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно без сомнения не бранное, когда

витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Веру добровольно так назвалися.

Россия, несмотря на все бедствия, нанесенные ей моголами, в XIV и в XV веке имела знатное купечество. Древний, славный *путь Греческий* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, с Востоком чрез Орду, с Константинополем и с Западом чрез Азов посредством реки Дона. Купцы, торгующие шелковыми тканями, назывались в Москве *сурожанами*, по имени Сурожского, или Азовского моря: ибо они привозились к нам из Азова. Сии купцы были главными, вместе с *суконниками*, которые продавали немецкие сукна, получая оные из Новагорода, где цвела торговля ганзейская. За сии иностранные произведения мы платили мехами. Россия была тогда привольем зверей, птиц и ловцов. Еще непроходимые, дремучие леса осеняли большую часть земли: тишина, царствуя в глубоком уединении пустынь, благоприятствовала размножению всякого рода животных. Как в XI столетии дикие кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли в лесах южной России, так в северной около пятого-надесять века бобры, козы, лоси витали на свободе: лебеди стаями плавали на реках и озерах. Россия, скудная людьми — от недавности своего населения, от меча, от пленения, от частых голодов и язвы — тем более изобиловала дикими сокровищами природы, коих источники всегда иссякают от возрастающего многолюдства.

Ординские купцы живали в Москве, в Твери, в Ростове; они доставляли нам товары ремесленной Азии и лошадей, а брали в обмен (сверх драгоценных мехов, наших собственных и пермских) множество ловчих птиц, соколов, кречетов, привозимых в великое княжение из Двинской земли. Вероятно, что россияне передавали моголам и немецкие сукна так же, как немцам плоды азиатского ремесла. Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с Востоком.— Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили ординскую дань. Славный венециянский путешественник, Марко Пауло[1], быв около 1270 года в Великой

---

[1] Марко Пауло — Марко Поло.

Татарии, в Персии и на берегах Каспийского моря, говорит о *хладной* России, сказывая, что ее жители белы, вообще хороши лицом, и что она богата *собственными серебряными рудниками*: мы не имели их, но действительно могли хвалиться знатным количеством серебра, получаемого нами от немецких купцов и через Югру из Сибири. Новогородцы обещали Михаилу Тверскому 6000 фунтов серебра, а Витовту действительно заплатили около шестидесяти пудов: что прежде открытия Америки было весьма много. Не знаем заподлинно, сколько мы ежегодно давали ханам; однако ж известно, что в 1384 году с каждой *деревни* собиралось для них около 12 золотников серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно из двух или трех дворов. Города платили иногда и золотом. Кроме сего земледельцы вносили в казну великокняжескую по гривне с сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривне (что составляло более двух золотников серебра). Дань ханская отчасти возвращалась к нам из Орды торговлею. Наконец мы столько имели серебра, что могли отменить мордки, или *куны*, древние наши *ассигнации*, бывшие не менее пятисот лет в обращении и весьма полезные для успехов промышленности[1] за недостатком в металлах. Казна, соблюдая умеренность в выпуске сих кожаных знаков, умела держать их в цене до самого нашествия Батыева: тогда упали куны, ибо моголы не брали их вместо серебра; они ходили еще несколько времени в Новегороде и Пскове, не имевших тесной связи с Ордою; но скоро и там исчезли от затруднения в торговых счетах с другими россиянами, которые уже не признавали достоинства *мордок*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* — и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Нет сомнения, что сия перемена имела вредные следствия для внутренней торговли, вдруг уменьшив в России количество денег. Города купеческие имели серебро; но другие, менее торговые, долженствовали нуждаться в знаках для оценки вещей: так, в земле Двинской, по уничтожении кожаных лоскутков, называемых кунами и векшами, опять ходили действительные

---

[1] Промышленность.— Здесь: промыслы, торговля, ремесла — вообще любая деятельность.

шкуры куниц и белок вместо денег, как было у нас в самую глубокую древность; то есть возобновилась непосредственная мена вещей, обыкновенная в состоянии полудиких народов.

Касательно нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений. Владетельные князья, определяя легкие законные пошлины с купеческих возов и лодок, прибавляли в договорных грамотах: «а купцам торговать без *рубежа* или без *зацепок*». Кроме перевоза иностранных вещей из места в место, жители некоторых областей промышляли своими особенными произведениями; новогородские хмелем и льном, новоторжские кожами, галичане и двиняне солью. Соль галицкая уже славилась при Донском. Псковитяне в 1364 году также завели было соляные варницы, но скоро оставили. Хлеб и рыба составляли знатнейший из торгов внутренних. Частые неурожаи, бедственные для народа, обогащали купцов прозорливых.

Хотя моголы как бы заградили нас от Европы; хотя уже венценосцы ее не вступали с нашими в брачные союзы и, кроме Иннокентиева посольства к Александру Невскому, кроме Исидорова путешествия в Италию, не было у нас никаких государственных сношений с Западом; хотя вообще иностранные летописи сего времени почти не упоминают о России: однако ж, через торговые связи Новагорода с Германиею, московитяне довольно скоро узнавали важнейшие европейские открытия, как то изобретение бумаги и пороха. В XV веке мы уже перестали употреблять хартию, или пергамен, заменив его гораздо дешевейшею тряпичною бумагою, покупаемою у немцев, которые доставляли нам снаряд огнестрельный. Москва и Галич оборонялись пушками; но в описании полевых битв говорится только о стрелах, мечах и копьях: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городов. — К художествам русским прибавилось еще одно новое: монетное; по крайней мере со времен Ярослава или со XII века мы, кажется, не имели оного. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашнего зодчества остались некоторые довольно красивые церкви, в Москве и в других местах. По летописям известно, что Св. Ольга жила в каменном дворце: в Москве же, кроме церквей и городских стен, не было ни одного каменного здания до XV века: ибо князья и вельможи предпо-

читали деревянные домы как благоприятнейшие для здоровья. Сверх того частые мятежи и государственные неустройства отвращали самых богатых людей от мысли строить долговременно и прочно; где нет твердого порядка гражданского, там редко бывают и твердые здания. Новогородский архиепископ Евфимий в 1433 году поставил у себя на дворе *каменную с тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а митрополит Иона такую же в 1449 году, с домовым храмом Положения Риз; первую строили немецкие архитекторы.— Среди нынешней Москвы находилось еще немало рощей и лугов. Князья, бояре имели свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множестве слуг, в богатой одежде, в высоком доме, в глубоких погребах, наполненных бочками крепкого меда; а всего более в созидании храмов и в драгоценных окладах икон. Упомянув о слугах, заметим, что великие князья, умирая, обыкновенно давали своим холопьям волю: так поступали и другие знатные люди.

Нет сомнения, что древний Киев, украшенный памятниками византийских художеств, оживляемый стечением купцов иностранных, греков, немцев, италиянцев, превосходил Москву пятого-надесять века во многих отношениях. Мы загрубели, однако ж не столько, чтобы ум лишился всей животворной силы своей и не оказывал ни в чем успехов. Греция до самого ее падения не преставала действовать на Россию: брала от нас серебро, но давала нам вместе с мощами и книги. Основанием московской патриаршей библиотеки, известной в ученой Европе, была митрополитская, заведенная во время господства ханского над Россиею и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности. Знание еллинского языка составляло ученость, почти необходимую для знатнейшего духовенства, которое находилось в непрестанных сношениях с Царемградом. Таким образом церковная наша зависимость, вредная в смысле политики, благоприятствовала у нас просвещению; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мере в духовенстве. Любопытные миряне искали сведений в монастырях: вопрошали иноков о предметах христианства и нравственности, о самых государственных деяниях времен минувших: ибо там жила история российская, как и прежде, там, усердным пером черноризцев, она изображала

плачевную судьбу отечества, мешая повествование с наставлениями. Волынский летописец приводит места из Гомера: московский упоминает о Пифагоре и Платоне. Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести; например: о *храбрости Александра Македонского*, перевод Арриана — о *Синагрипе, царе адоров* — о *витязях древности* — о *богатствах Индии*, и проч. Вторая из сих повестей есть арабская (изданная на французском языке в продолжение *Тысячи одной ночи*): вероятно, что она в XIII или в XIV веке была переведена на русский с греческого. Между тогдашними произведениями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное рязанцем, иереем Софронием, многими чертами напоминает *Слово о полку Игореве*, хотя и менее стихотворно. Например: «Князь Владимир так говорит Димитрию: воеводы наши крепки, витязи русские славны, кони их борзы, доспехи тверды, щиты червленые, копья злаченые, сабли булатные, *курды* ляцкие[1], колчаны фряжские, сулицы немецкие; все пути знакомы им, берега Оки сведомы. Хотят витязи положить свои головы за веру христианскую и за обиду великого князя Димитрия... Великая княгиня Евдокия с женами воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит вслед супругу милому, льет слезы ручьями и, приложив руки к персям, так вещает: Боже великий! Умоляю Тебя смиренно: сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, князя Димитрия! Помоги ему на врагов рукою крепкою! Да не падут христиане от Мамая неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и да славит имя Твое святое! Уныла земля Русская: только на Тебя уповаем, Око Всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствуют вовеки!..

Славный Волынец, муж, исполненный ратной мудрости, накануне битвы, в глубокую ночь, зовет великого князя в чистое

---

[1] Л я ц к и й — польский.

поле, да узнает там судьбу отечества. Впереди стан Мамаев: за ними российский. *Внимай!* сказал Волынец... и Димитрий, обратяся к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища или созидаемого града, или звуку труб бесчисленных. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную. *Обратися к стану русскому!* — говорит Волынец,— *что слышишь?.. Все тихо*,— ответствует Димитрий: — *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями...* Волынец сходит с коня; ухом приникает к земле; слушает долго; встает и безмолвствует. Великий князь требует отповеди. *Добро и зло ожидает нас*,— говорит ему сей мудрый витязь: — *плачут обе страны, единая как вдовица, другая как дева жалобным гласом свирели. Ты победишь, Димитрий; но много, много падет наших!* Димитрий пролил слезы...

Сходятся рати под густою мглою. Знамена христианские воспрянули; кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко, татарские глухо. Стонет земля на восток до моря, на запад до реки Дуная. Поле от тягости перегибается; воды из берегов выступают... Час настал. Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *Господи! помози христианам!* и быстро вперед устремился... Сразились, не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга*; умирали под ногами конскими; задыхались от тесноты на поле Куликовом. Зари кровавые блистают от сияния мечей; лес копий трещит и ломается. Удалые витязи наши как величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо над полками Димитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат лучезарные венцы для победителей... И се воины князя Владимира рвутся из засады на Мамая, как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *Увы тебе, Мамай! вознесся до небес, и в ад нисходишь?»* и проч.

В похвальном слове Димитрию есть сила и нежность. Описывая добродетели сего великого князя, сочинитель говорит: «Некоторые люди заслуживают похвалу в юношестве, другие в лета средние или в старости: Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от Бога, он с Богом возвеличил землю

Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечом; кротко-повелителен с князьями, тих, *уветлив* с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красный, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста; благотворя всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности*... Когда же великий *царь* земли Русския, Димитрий, заснул сном вечным: тогда *аэр*[1] возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*[2], день мрака и бедствия, вопля и захлипания! Народ вещал: *О горе нам, братие! Князь князей преставился; звезда, сияющая миру, склонилась к западу!*» — О супружеской взаимной любви Димитрия и великой княгини Евдокии сказано так: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица[3] с умилением смотряся в чистое зерцало совести... Видя же его мертвого на одре, княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненные*; глас ее как утреннее шептание ластовицы, как органы сладкозвучные. Так вещает горестная: «Зашел свет очей моих; погибло сокровище моей жизни! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?.. Цвет прекрасный! для чего увядаешь столь рано? Виноград многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душе моей!.. Воззри, воззри на меня; обратися ко мне на одре своем; промолви слово! Неужели забыл меня? Се жена и дети твои!.. Кому супругу приказываешь? На кого сирот оставляешь?.. Царь мой милый! Как обниму тебя? Как послужу тебе?.. Где честь твоя и слава? Был государем всей земли Русской: ныне мертв и ничем не владеешь! Победитель народов побежден смертию! Изменилась твоя слава вместе с лицом твоим! О жизнь души моей! Не знаю, как ласкать, как миловать тебя!.. Багряницу многоценную променял ты на сии ризы бедные! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!..

---

[1] Аэр — воздух.

[2] Туга — тоска, горе.

[3] Ластовица — ласточка.

Отвергнув княжеский венец, худым платом главу покрываешь! Из палаты красной в сей гроб переселяешься!.. Ах! если бы Господь услышал молитву мою!.. Молися и ты за свою княгиню, да умру с тобою, быв неразлучна с тобою в жизни!.. Еще юность нас не оставила; еще старость нас не постигла! Ах! недолго я радовалась моим другом! За веселие пришли слезы, за утехи скорбь несносная!.. Почто я родилася? Или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!.. Не слышишь жалких речей моих; не умиляешься моими слезами горькими! Крепко уснул, царь мой; не могу разбудить тебя! С какой войны пришел ты, любезный? От чего столь утомился? Звери земные идут на ложе свое, а птицы небесные летят ко гнездам: ты же, любезный, отходишь навеки от своего дому!.. Кому уподоблю, как назову себя? Вдовою ли? ах! не знаю сего имени! Женою ли? но царь оставил меня!.. Вдовы старые! утешайте меня! Вдовы юные! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнее всех горестей... Боже великий, царь царей! Ты един буди мне истинным утешителем!» — Сии приведенные нами места суть, кажется, лучшие памятники тогдашнего красноречия. Люди всегда находили сильные черты для описания воинских ужасов и горестей любви: воображение и сердце действуют и в то время, когда ум дремлет.

Сверх церковного наставления и мудрых изречений Св. Писания, которые врезывались в память людей, Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах. Многие из оных несомнительно относятся к сему времени; например: *где царь, там и Орда*; или: *такали, такали новогородцы, да и протакали*[1]. Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах: тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение лю-

[1] Та́кать — потакать, поддакивать.

бопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею или сквозь камни сочится мелкими ручейками.— Вероятно, что и некоторые народные песни русские, в особенности исторические о благословенных временах Владимира Святого, были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы отечества. Русский поет в веселии и в печали.— Вообще язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Оставляя употребление собственного русского, необразованного наречия, писатели тщательнее держались грамматики церковных книг или древнего сербского, коего памятник есть наша Библия[1] и коему следовали они не только в склонениях и в спряжениях, но и в выговоре или в изображении слов; однако ж, подобно летописцу Нестору, сшибались иногда и на употребление: отчего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию, так что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем *злато* и *золото*, *глад* и *голод*, *младость* и *молодость*, *пию* и *пью*. Еще не время было для россиян дать языку ту силу, гибкость, приятность, тонкость, которые соединяются с выспренними успехами разума в мирном благоденствии гражданских обществ, с богатством мыслей и знаний, с образованием вкуса или чувства изящности: по крайней мере видим, что предки наши трудились над яснейшим выражением своих мыслей, смягчали грубые звуки слов, наблюдали в их течении какую-то плавность. Наконец, не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако ж не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно *живуще*[2] под самыми сильными ударами варварства!

---

[1] Наша Библия — то есть переведенная на славянский язык.
[2] Живущий — живучий.

Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии так, что история едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что Оно назначило России быть долговечною.

Конец V тома

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛИЕВИЧ 1462—1472 гг.

Вступление. Князь рязанский отпущен в свою столицу. Договор с князьями тверским и верейским. Дела псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.

Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устрояются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха Российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками из-

влекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастие властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариею, тверскою княжною; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого*, а на двадцать втором сделался государем. Но в лета пылкого юношества он изъявил осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить единодержавие в России, он не вдруг предприял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. Московские наместники управляли Рязанью; малолетний князь ее, Василий, воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к великому княжению, но не хотел того и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани [1464 г.], выдав за него меньшую сестру свою, Анну. Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и *равным ему великим* князем; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в *Дом Святого Спаса*[1], не принимать ни Твери, ни Кашина от хана, утвердил границы их владений, как они были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурин условились действовать заодно против татар, Литвы, Польши и немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами первого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского и с можайскими; а великий князь обещал не покровительствовать врагов тверского. Михаил Андреевич Верейский по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из своего удела и признал себя *младшим* в отношении к самым меньшим его братьям; впрочем удержал все старинные права князя владетельного.

Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный незадолго до кончины своей дал им в наместники, без их воли, князя

---

[1] Дом Святого Спаса — Спасо-Преображенский собор (в Твери).

Владимира Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече. Владимир поехал жаловаться в Москву, куда вслед за ним прибыли и бояре псковские. Три дня великий князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя. Псковитяне избрали князя звенигородского, Ивана Александровича: Иоанн утвердил его в сем достоинстве и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать немцев за нарушение мира: ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцов в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от передового отряда российского; а псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен и посредством магистра ливонского скоро заключили перемирие на девять лет, с условием, чтобы епископ дерптский, по древним грамотам, заплатил какую-то дань великому князю, не утесняя в сем городе ни жителей русской слободы, ни церквей наших. Воевода Иоаннов, князь Федор Юрьевич, возвратился в Москву, осыпанный благодарностию псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним бояр ратных.

Новогородцы не взяли участия в сей войне и даже явно доброжелательствовали ордену: в досаду им псковитяне отложились от их архиепископа, хотели иметь своего особенного святителя и просили о том великого князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее государя: благоразумный Иоанн ответствовал псковитянам: «В деле столь важном я должен узнать мнение митрополита и всех русских епископов. Вы и старшие братья ваши, новогородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня воеводы, чтобы смирить вас оружием: я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судиею между вами». Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли архиепископу Ионе и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с новогородцами. Чрез несколько лет духовенство псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по номоканону и с согласия гражданских чиновников написало

судную для себя грамоту; но великий князь вторично вступился за древние права архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, как было.

Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени данника ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от хана на достоинство великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так что царь Ахмат, повелитель волжских улусов, решился прибегнуть к оружию; соединил все силы и хотел идти к Москве [1465 г.]. Но счастие, благоприятствуя Иоанну, воздвигло орду на орду: хан крымский, Ази-Гирей, встретил Ахмата на берегах Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных [1466—1467 гг.]. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях *железою*, еще искала жертв в России, особенно в новогородских и псковских владениях, где, если верить исчислению одного летописца, в два года умерло 250 652 человека; в одном Новегороде 48 402, в монастырях около 8000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Огорчаясь вместе с народом, великий князь сверх того имел несчастие оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги, Марии. Она скончалась внезапно [1467 г.]: Иоанн находился тогда в Коломне: мать его и митрополит погребли ее в кремлевской церкви Вознесения (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить княгинь). Сию неожидаемую кон-

чину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили великого князя в истине предполагаемого злодейства; однако ж Алексей Полуевктов шесть лет не смел показываться ему на глаза.

К горестным случаям сего времени летописцы причисляют и то, что первосвятитель Феодосий, добродетельный, ревностный, оставил митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором преставлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и священнослужителей: всякий богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в диаконы и в попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнию. Митрополит думал пресечь зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без священников. Сделался ропот на Феодосия, и сей пастырь строгий, но не весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий князь призвал в Москву своих братьев, всех епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали суздальского святителя, Филиппа, в митрополиты; а Феодосий заключился в Чудове монастыре и, взяв в келию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы. Россияне жалели о пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление Святого мужа.

Наконец Иоанн предприял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в россиянах дух бодрости. Царевич Касим, быв верным слугою Василия Темного, получил от него в удел на берегу Оки мещерский городок, названный с того времени *Касимовым*; жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с вельможами казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть их нового царя, Ибрагима, его пасынка, требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впадениям ее хищного, воинственного народа. Князь Иван Юрьевич Патрикеев и Стрига-Оболенский выступили из Москвы с полками: Касим

указывал им путь и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать казанская, предводимая царем, уже стояла на берегу Волги и принудила московских воевод идти назад. В сем неудачном осеннем походе россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, уморили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где татары не могли сделать важного вреда: ибо великий князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич.

Немедленно другая рать московская с князем Симеоном Романовичем пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую губернию) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности [1468 г.]. Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом — управляемую собственными князьями, но подвластную царю казанскому,— россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране считалось законным.— Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя.— Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал казанских разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский побил другую шайку их близ Мурома: только немногие спаслися бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собрал всех князей, бояр и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата, Андрея. По древнему обыкновению наших князей он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно при-

учить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии литовского, Казимирова посла, Якова писаря, то есть секретаря государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переславль и ехать назад к королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где казанские татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратию, Иоанн дал повеление воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми боярскими и козаками. Главными начальниками были Руно Московский и князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и перевоза татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных казанцев, полководцы московские устыдились действовать против них всеми силами и выбрали охотников, которые истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, россияне с знатною добычею возвратились через великую Пермь к Устюгу и в Москву. — С другой стороны ходил на казанцев воевода нижегородский, князь Федор Хрипун-Ряполовский с московскою дружиною и, встретив на Волге отряд царских телохранителей, побил его наголову. В числе пленников, отосланных к Иоанну, в Москву, находился знаменитый князь татарский, Хозюм Бердей.

Но казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их, вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к государям московским, без сопротивления объявили себя подданными царя Ибрагима. Сие легкое завоевание было непрочно: Казань не могла бороться с Москвою.

В следующую весну [1469 г.] Иоанн предприял нанести важнейший удар сему царству. Не только двор великокняжеский с боярскими детьми всех городов и всех уделов, но и московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого. Главным предводителем был назначен

князь Константин Александрович Беззубцев, а местом соединения Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, можайцы, угличане, ростовцы, ярославцы, костромичи плыли Волгою; другие Окою, и в одно время сошлися при устье сих двух величественных рек. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для северной России, которая еще не видала подобных.

Уже главный воевода, князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился идти далее; но Иоанн, вдруг переменив мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новегороде и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и великий князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил князьям и чиновникам волю государеву: они единогласно ответствовали: «мы все хотим казнить неверных» — и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести*, имея более ревности, нежели благоразумия; подняли паруса, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту старого Нижнего Новагорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. Им не велено было ходить к Казани; но Руно сделал по-своему: не теряя времени, спешил к царской столице и, перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо: казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы: грабили, резали; освободили бывших там пленников московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских и зажгли предместие со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, россияне, усталые, обремененные до-

бычею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела: чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом татар, сквозь пламя и дым предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять откуп с царя. По крайней мере никто не понимал, для чего сей воевода, имея славу разума необыкновенно, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице: наконец, русский пленник, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки камские, сыплинские, костяцкие, беловолжские, вотяцкие, башкирские и готовится в следующее утро наступить на россиян конною и судовою ратию. Воеводы московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них: однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками казанским и, прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и государя.

Тут прибыл к ним главный воевода, князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новагорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к Казани. Доселе успех служил им оправданием: Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцов в Москву, с вестию о происшедшем, и в Вятку, с повелением, чтобы ее жители немедленно шли к нему под Казань. Он еще не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал князю Даниилу Ярославскому с отрядом детей боярских и с полком устюжан, а другому воеводе, Сабурову, с вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей, годных к ратному делу, и с ними идти на царя казанского. Но правители вятских городов, мечтая о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: «Мы сказали царю, что не будем помогать ни великому князю против него, ни ему против великого

князя; хотим сдержать слово и остаемся дома». У них был тогда посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи князю ярославскому, вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: «Когда братья великого князя пойдут на царя, тогда и мы пойдем». Около месяца тщетно ждав полков вятских, не имея вести от князя ярославского и начиная терпеть недостатков в съестных припасах, воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему.

На пути встретилась ему вдовствующая царица казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что великий князь отпустил ее с честию и с милостию; что война прекратится и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обедню и пировать. Но вдруг показалась рать казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготовиться. Сражались до самой ночи: казанские суда отступили к противному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути, и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те, ни другие не думали возобновить битвы; и князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был князь ярославский. Видя непослушание вятчан, он решился идти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с московскою ратию. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из вождей московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но князь Василий Ухтомский одолевал многочисленность храбростию: сцеплялся с Ибрагимовыми судами, разил неприятелей ослопом и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь казанцев, достигли Новагорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который, в знак особенного благоволения, прислал им *две золотые деньги* и несколько кафтанов. Устюжане отдали *деньги* своему иерею, сказав ему: «Молись Богу за государя и Православное воинство: а мы готовы и впредь так сражаться».

Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими воеводами, Иоанн предприял новый поход в ту же осень [1469 г.], вручив предводительство своим братьям Юрию и Андрею. Весь двор великокняжеский и все князья *служивые* находились с ними. В числе знатнейших воевод летописцы именуют князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Даниил Холмский вел передовой полк; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили татар в вылазке, отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* государя Московского: то есть исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет.

Сей подвиг был первым из знаменитых успехов государствования Иоаннова: второй имел еще благоприятнейшие следствия для могущества великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил новогородцам Торжок: но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостью их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новагорода; презирали Иоанновых наместников и послов; властию веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды московитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву новогородский посадник, Василий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю,— говорил посадник боярам московским,— Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи новогородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старине*, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится».

Великий князь в то же время написал к верным ему псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости новогородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников. Наместником его во Пскове был тогда князь Феодор Юрьевич, знаменитый воевода, который с московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с немцами: из отменного уважения к его особе псковитяне дали ему судное право во всех *двенадцати* своих пригородах; а дотоле князья судили и рядили только в *семи*: прочие зависели от народной власти. Боярин московский, Селиван, вручил псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от новогородцев; однако ж, следуя внушениям благоразумия, отправили к ним посольство с предложением быть миротворцами между ими и великим князем. «Не хотим кланяться Иоанну и не просим вашего ходатайства,— ответствовали тамошние правители: — но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия московского». Псковитяне сказали: «увидим» — и дали знать великому князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

Между тем, по сказанию летописцев, были страшные знамения в Новегороде [1470 г.]: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились Богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда-нибудь мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром и принял от него воеводу, князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честию и славою, *подобно древним князьям Владимирова племени*, как говорят летописцы. Множество панов и витязей литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался новогородский владыка Иона: народ избрал в архиепископы протодиакона Феофила, коему нельзя было ехать в Москву для поставления без согласия Иоаннова: новогородцы чрез боярина своего, Никиту, просили о том великого князя, мать его и митрополита. Иоанн дал *опасную грамоту*[1] для приезда Феофилова в столицу и, мирно отпуская

---

[1] Опасная грамота — охранная грамота.

посла, сказал ему: «Феофил, вами избранный, будет принят с честию и поставлен в архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений и готов вас жаловать, как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались великими князьями владимирскими, *Новагорода и всея Руси*» [1471 г.] Посол, возвратясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с великим князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприяла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном или, по-тогдашнему, *чудном* доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так, Св. Зосима, игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новегороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних приказчиков боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще не довольная всеобщим уважением и тем, что великий князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин боярина московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению летописцев, выйти замуж за какого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от князей литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славила Казимира, убеждая граждан в необходимости искать защиты против утеснений Иоанновых. В чис-

ле ревностных друзей посадницы был монах Пимен, архиепископский ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны святительской, им расхищенной. Правительство сведало о том и, заключив сего коварного инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на избранного владыку Феофила, на митрополита Филиппа; желал присоединения новогородской епархии к Литве и, лаская себя мыслию получить сан архиепископа от Григория Киевского, Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что посольство боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с государем Московским, Марфа предприяла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе властелин: что жители его суть вольные люди и не *отчина* князей московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир и что не московский, а киевский митрополит должен дать архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «Не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!» — служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «Да исчезнет Москва!» Благоразумнейшие сановники, старые посадники, тысячские, житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! что замышляете? изменить Руси и православию? поддаться королю иноплеменному и требовать святителя от еретика латинского? Вспомните, что предки наши, славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли варяжской; что более шестисот лет его потомки законно княжили на престоле новогородском; что мы обязаны истинною Верою Святому Владимиру, от коего происходит великий князь Иоанн, и что латинство доныне было для нас ненавистно». Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них каменьями, звонили в вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «Хотим за короля!» Другие: «Хотим к Москве православной, к великому князю Иоанну и к отцу его, митрополиту Филиппу!» Несколько дней город представлял

картину ужасного волнения. Нареченный владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «Или не изменяйте православию, или не буду никогда пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовские и чем Новгород стращал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве. Многочисленное посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был главою Новогородской державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написал [1471 г.] грамоту следующего содержания:

«*Честный* король польский и князь великий литовский заключили дружественный союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысячскими новогородскими, с боярами, людьми житыми, купцами и со всем Великим Новымгородом; а для договора были в Литве посадник Афанасий Евстафиевич, посадник Димитрий Исакович (Борецкий)... от людей житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович... Ведать тебе, честному королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего наместника греческой Веры, вместе с дворецким и тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с посадником на дворе архиепископском как бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд тысячского, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с посадником; а тиуну вершить дела с нашими приставами. Если государь Московский пойдет войной на Великий Новгород, то тебе, господину честному королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам скорую помощь.— Ржева, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями новогородскими; но платят дань

тебе, честному королю.— Новогородец судится в Литве по вашим, литвин в Новегороде по нашим законам без всякого притеснения... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов и не принимать их в дар, ни королеве, ни панам литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новогородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками.— В Луках будет твой и наш тиун: торопецкому не судить в новогородских владениях. В Торжке и Волоке имей тиуна; с нашей стороны будет там посадник. — Купцы литовские торгуют с немцами единственно чрез новогородских. Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его.— Ты, честный король, не должен касаться нашей православной Веры: где захотим, там и посвятим нашего владыку (в Москве или в Киеве); а римских церквей не ставить нигде в земле Новогородской.— Если примиришь нас с великим князем московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в новогородских областях; но в другие годы не требуй оной. — В утверждение договора целуй крест к Великому Новугороду за все свое княжество и за всю Раду Литовскую *вправду, без извета*; а послы наши целовали крест *новогородскою душою* к честному королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского. Хотя наместники московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на городище, уведомляя великого князя о всех происшествиях. Несмотря на свое явное отступление от России, новогородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его боярам, но послали суздальского князя, Василья Шуйского-Гребенку, начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать московская не овладела сею важною для них страною.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, великий князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди новогородские! Рюрик, Св. Владимир и великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества». В то же время митрополит Филипп писал к ним: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захариею, не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: *беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина*. Сия *прелесть* есть латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, греки славились во благочестии: соединились с Римом и служат ныне туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтеся от *Святой, великой старины*, и не забывайте слов Апостола: *Бога бойтеся, а князя чтите.* — Смиритеся, и Бог мира да будет с вами!» — Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала что хотела в Новегороде. Устрашаемые их дерзостию, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на вече, где клевреты[1] или наемники Борецких вопили: «Новгород государь нам, а король покровитель!» Одним словом, летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовится предать его в руки Титовы[2]. Страсти господствовали над умом, и совет правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол московский возвратился к государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить новогород-

---

[1] Клеврет. — Здесь: единомышленник.

[2] В 70 г. н. э. император Тит подавил народное восстание в Иудее и разрушил Иерусалим.

цев. Великий князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с митрополитом и призвал в столицу братьев, всех епископов, князей, бояр и воевод. В назначенный день и час они собралися во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл Государственную думу и предложил ей на суд измену новогородцев. Не только бояре и воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь! возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «Да будет война!» — и еще хотел слышать мнение Совета о времени благоприятнейшем для ее начала, сказав: «Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие князья, мои предки, страшились ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей». С другой стороны поспешность обещала выгоды: новогородцы не изготовились к войне, и Казимир не мог скоро дать им помощи. Решились не медлить, в надежде на милость Божию, на счастие и мудрость Иоаннову. Уже сей государь пользовался общею доверенностию: московитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, властителем богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу.

Иоанн послал *складную грамоту*[1] к новогородцам, объявляя им войну [23 мая 1471 г.] с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского действовать с ним заодно и велел псковитянам идти к Новугороду с московским воеводою, князем Феодором Юрьевичем Шуйским; устюжанам и вятчанам в Двинскую землю под начальством двух воевод, Василья Федоровича Образца и Бориса Слепого-Тютчева; князю Даниилу Холмскому с детьми боярскими из Москвы к Русе, а князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стриге с татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами Святых Угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от митрополита и епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. С ним находились все князья, бояре, дворяне мос-

---

[1] Складная грамота — грамота, слагающая все прежние дружеские мирные условия, объявление войны.

ковские и татарский царевич Данияр, сын Касимов. Сын и брат великого князя, Андрей Меньший, остались в Москве: другие братья, князья Юрий, Андрей, Борис Васильевич и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к новогородским границам; а воеводы тверские, князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке. Началося страшное опустошение. С одной стороны воевода Холмский и рать великокняжеская, с другой псковитяне, вступив в землю Новогородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъявили остервенение неописанное: новогородцы-изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от маия до сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, новогородцы послали сказать великому князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него *опасной грамоты* для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней: других на суда. Пехоте велели плыть озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, идти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота новогородская приближилась тайно к его стану, вышла из судов и, не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на ополошных москвитян. Но Холмский и товарищ его, боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в до-

бычу ими, говоря, что войско великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новогородцы приписали сие несчастие тому, что конное их войско не соединилось с пехотным и что особенный *полк архиепископский* отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на великого князя, а велел сражаться только с неверными псковитянами». Желая обмануть Иоанна, новогородские чиновники отправили к нему второго посла, с уверением, что они готовы на мир и что войско их еще не действовало против московского. Но великий князь уже имел известие о победе Холмского и, став на берегу озера Коломны, приказал сему воеводе идти за Шелонь навстречу к псковитянам и вместе с ними к Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что москвитяне изумились. Их было 5000, а новогородцев от 30 000 до 40 000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. Но воеводы Иоанновы, сказав дружине: «Настало время послужить государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега и в глубоком месте; однако ж никто из москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились в бой с восклицанием: *Москва!* Новогородский летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитян отступить, но что конница татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим известиям новогородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!* На пространстве двенадцати верст полки великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших посад-

ников, Василия-Казимира с Димитрием Исаковым Борецким; наконец, утомленные, возвратились на место битвы. Холмский и боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость Неба. Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новагорода; что неприятель истреблен, а рать московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту новогородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную. С какой радостию великий князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник новогородской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. Тогда великий князь послал *опасную грамоту* к новогородцам с боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезеневу-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, архиепископскому чашнику[1], ревностным благоприятелям Литвы; Василия-Казимера, Матвея Селезенева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозою мести, отличая главных деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони.

В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские воеводы, Образец и Борис Слепой, предводительствуя устюжанами и вятчанами, на берегах Двины сразились с князем Василием Шуйским, верным слугою новогородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч двинских и печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва продолжалась целый

---

[1] Чашник — придворная должность; прислуживал за столом, ведал медоварением.

день с великим остервенением. Убив трех двинских знаменосцев, москвитяне взяли хоругвь новогородскую и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский раненый едва мог спастися в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в новогородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира и с нетерпением ждали вестей от своего посла, отправленного к нему через Ливонию, с усильным требованием, чтобы король спешил защитить их; но сей посол возвратился и с горестию объявил, что магистр ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени иметь помощи, ни сил противиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя великому князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новегороде: правители казнили сего человека; несмотря на все несчастия, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженности к Литве и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город, стесненный великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от москвитян, терпел недостаток в съестных припасах; дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бедные вопили, что правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из великих князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых бояр новогородских. Народ рассуждал, что времена переменились; что Небо покровительствует Иоанна и дает ему смелость вместе со счастием; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личною безопаснос-

тию правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против великого князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: немного времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный инок со многими посадниками, тысячскими и людьми житыми всех пяти концов отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан московский. Не смея вдруг явиться государю, они пошли к его вельможам и просили их заступления: вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Чрез несколько дней он дозволил послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники новогородские, вступив в шатер великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом бояр, имел вид грозный и суровый. «Господин, князь великий! — сказал Феофил: — утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огнь, палящий страну новогородскую; удержи меч, лиющий кровь ее жителей!» Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях дьяка, именем Стефана Бородатого, коему надлежало исчислить перед новогородскими послами все древние их измены; но послы не хотели оправдываться и требовали единственно милосердия. Тут братья и воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно. Наконец государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют летописцы, внушениям христианского человеколюбия и совету митрополита Филиппа помиловать новогородцев, если они раскаются; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего властителя, коего правилом было: *не отвергать хорошего для лучшего*, не совсем верного.

Новогородцы за вину свою обещали внести в казну великокняжескую 15 500 рублей или около осьмидесяти пуд сереб-

ра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи: возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные Василию Темному, но после отнятые ими; обязались в назначенные времена платить государям московским *черную*, или народную, дань, также и митрополиту судную пошлину; клялися ставить своих архиепископов только в Москве, у гроба Св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с королем польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых; князя можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые вечевые грамоты; признали верховную судебную власть государя московского, в случае несогласия его наместников с новогородскими сановниками; обещались не издавать впредь судных грамот без утверждения и печати великого князя, и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет нравить Новымгородом согласно с древними уставами оного, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести тогда написанных грамотах, от 9 и 11 августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, великим князем всей России. Помирив еще Новгород с псковитянами, Иоанн уведомил своих полководцев, что война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех послов; отпустил их с милостию и вслед за ними велел ехать боярину Феодору Давидовичу, взять присягу с новогородцев на вече. Дав слово забыть прошедшее, великий князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрикова, он с честию, славою и богатою добычей возвратился в Москву. Сын, брат, вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы, народ за семь, митрополит с духовенством перед Кремлем на площади. Все приветствовали государя как победителя, изъявляя радость.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области новогородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения,

произведенного не только ратию великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия, 9000 человек, призванных в Новгород из уездов для защиты оного, возвращаясь осенью в свои домы на 180 судах, утонули в бурном Ильмене. Зимою священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в архиепископы. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными новогородскими пленниками, Василем-Казимером и другими, которые еще сидели в московских темницах: великий князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а владыку своего с благодарностию, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость веча и правила благоразумнейшей политики исцелят глубокие язвы отечества.

В исходе сего года явилась комета, в начале следующего — другая; народ трепетал, ожидая чего-нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслил о важном завоевании. Древняя славная Биармия, или Пермь уже в XI веке платила дань россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новагорода, в церковных — от нашего митрополита, но всегда имела собственных властителей и торговала с москвитянами как держава свободная. Присвоив себе Вологду, великие князья желали овладеть и Пермию, однако ж дотоле не могли: ибо новогородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось *закамским* и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. В самом Шелонском договоре новогородцы включили Пермь в число их законных владений; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

Полки выступили из Москвы зимою [1472 г.], на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотах до местечка Айфаловского, сели на коней и близ городка Искора

встретились с пермскою ратию. Победа не могла быть сомнительною: князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их воевод, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынью, схватив тамошнего князя христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и князь Феодор прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов*[1] немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало государя и народ, обещая важные торговые выгоды и напомнив России счастливую старину, когда Олег, Святослав, Владимир брали мечом чуждые земли, не теряя собственных.— Вероятно, что пермский князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым *российским* наместником великой Перми был в 1505 году князь Василий Андреевич Ковер.

Доселе великий князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с царем Большой или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году, нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти далее: ибо в упорной битве с тамошними воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на великого князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук, Кирей, рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу и снискал особенную милость Казимирову. Сей государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами, и предлагал Ахмату тесный союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хорошо и татар и Москву: доказывал хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть самовластителем независимым; подкупал вельмож ординских и

---

[1] Постав — штука ткани, 25 аршин (17,5 м).

легко склонил их на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали великому князю за его к ним презрение или скупость. Уже Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже послы наши не пресмыкались в улусах с мешками серебра и золота. Главный из вельмож ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия татар не дозволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда посол литовский твердил ему о древнем величии ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батыем, не мог защитить себя от набега смелых вятчан: приплыв Волгою и слыша, что хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они врасплох взяли сей город, захватили все товары, несколько пленников и с добычею ушли назад, сквозь множество татарских судов, которые хотели преградить им путь. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности улусов, отправил с Киреем собственного посла к Казимиру, обещал немедленно начать войну и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе московского чиновника, который был послан к нему от государя с мирными предложениями.

Великий князь, узнав о том, отрядил боярина Феодора Давидовича с коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, князя Оболенского-Стригу и братьев своих с иными полками; услышал о приближении хана к Алексину и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, царевич Данияр, с своею дружиною: таким образом политика великих князей вооружала моголов против моголов. Но еще сильно действовал ужас ханского имени: несмотря на 180 000 воинов, которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство ста пятидесяти верст; несмотря на общую доверенность к мудрости и счастию государя, Москва страшилась, и мать великого князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день татары сожгли город вместе с жителями; бегущих взяли в плен и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд московитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего

отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имев перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Московитяне прогнали татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше (говорят летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали гонимые одним страхом: ибо никого из московитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразительной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске. — Великий князь послал воевод своих вслед за неприятелем; но татары в шесть дней достигли до своих *катунов*, или улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель; россияне не могли или не хотели нагнать их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а великий князь распустил войско, удостоверенный, что хан не скоро осмелится предприять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с государем венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный король предал Ахмата так же, как и новогородцев. Иоанн возвратился в Москву с торжеством победителя.

Скоро после того он и все москвитяне были огорчены преждевременною кончиною князя Юрия Васильевича. Меньшие братья его и сам великий князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дня стояло в церкви Архангела Михаила. Великий князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился. — Юрий скончался холостым на тридцать втором году жизни и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, княгине рязанской, поручив им выкупить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна немецкие:

ибо на нем осталось более семисот рублей долгу. О городах своих — Дмитрове, Можайске, Серпухове — он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к великому княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов: великий князь уступил Борису Вышегород, а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные уделы за ними и за детьми их.

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1472—1477 гг.

Брак Иоаннов с греческою царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, посла венецияндского. Прение легата папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие греки. Братья Софиины. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен кремлевских. Льют пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею, с Литвою, с Крымом, с Большою Ордою, с Персиею. Посол венецианский Контарини в Москве.

В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием оного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний император греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем деспотов, господствуя в Пелопоннесе, или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал

милости в султане, отдал ему дочь в сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими греками ушел из Корфу в Рим, где папа, Пий II, и кардиналы, уважая в нем остаток древнейших государей христианских и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотою и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всех государей европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на великого князя Иоанна, по совету, может быть, славного кардинала Виссариона: сей ученый грек издавна знал единоверную Москву и возрастающую силу ее государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким орденом и в особенности по Флорентийскому Собору, где митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез царевну Софию, воспитанную в правилах Флорентийского Соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, отправил грека, именем Юрия, с письмом к великому князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери деспота морейского, которая будто бы отказала двум женихам, королю французскому и герцогу медиоланскому, не желая быть супругою государя латинской Веры. Вместе с Юрием приехали в Москву два венециянина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана Фрязина, денежника, или монетчика, который уже давно находился в службе великого князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды и приняв Веру греческую.

Сие важное посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, митрополита Филиппа, знатнейших бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила* некогда *все христианство*, православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих. — Великий князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему венециянскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от папы для свободного проезда наших послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к королю польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, государем *Московии*, Новагорода, Пскова и других земель. — Между тем сей папа умер, и слух пришел в Москву, что на место его заступил Калист: великий князь в 1472 году, генваря 17, отправил того же Ивана Фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезти оттуда царевну Софию, и дал ему письмо к новому папе. Но дорогою узнали послы, что преемник Павлов называется Сикстом: они не хотели возвратиться для переписывания грамоты; вычистив в ней имя Калиста, написали Сикстово и в мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 мая, в торжественном собрании кардиналов, Сикст IV объявил им о посольстве и сватовстве Иоанна, великого князя *Белой России*[1]. Некоторые из них сомневались в православии сего монарха и народа его; но папа ответствовал, что россияне участвовали в Флорентийском Соборе и приняли архиепископа или митрополита от латинской церкви; что *они желают ныне иметь у себя легата римского, который мог бы исследовать на месте обряды Веры их и заблуждающимся указать путь истинный*; что ласкою, кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери,

---

[1] Белая Россия — западная Россия.

т. е. к Церкви; что Закон не противится бракосочетанию царевны Софии с Иоанном.

25 мая послы Иоанновы были введены в тайный Совет папский, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русском языке грамоту с золотою печатию и поднесли в дар шестьдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сиксту, первосвятителю римскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам». Именем государя они приветствовали папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он, как добрый христианин, *не отвергает Собора Флорентийского* и не принимает митрополитов от патриархов константинопольских, избираемых турками; что хочет совокупиться браком с христианкою, воспитанною в столице апостольской, и что *изъявляет приверженность к главе церкви.* В заключение святой отец благодарил великого князя за дары. — Тут находились послы неаполитанские, венециянские, медиоланские, флорентийские и феррарские. Июня 1 София в церкви Св. Петра была обручена государю Московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Июня 12 собралися кардиналы для дальнейших переговоров с российскими послами, *которые уверяли папу о ревности их монарха к благословенному соединению церквей.* Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы государь Московский склонил хана Золотой Орды воевать Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть татар на султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары хану, коему удобно сделать впадение в султанские области чрез Паннонию; но что король венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою державу; что сии вероломные наемники, в случае неисправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа татар оказалась бы равно бедственною и для турков и для христиан. Одним словом, послы московские старались доказать, что неблагоразумно искать помощи в Орде, и папа удовольствовался надеждою на собственные силы Иоанна, единоверца греков и естественного неприятеля их утеснителей.

Так говорят церковные летописи римские о посольстве московском. Действительно ли великий князь манил папу обещаниями принять устав Флорентийского Собора или Иван Фрязин клеветал на государя, употребляя во зло его доверенность? Или католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил посол наш? Сие остается неясным. — Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию легата, именем Антония, провождаемого многими римлянами; а царевичи Андрей и Мануил отправили послом к Иоанну грека Димитрия. Невеста имела свой особенный двор, чиновников и служителей: к ним присоединились и другие греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали царевну с надлежащею честию, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей московских. 24 июня она выехала из Рима, сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение ордена. Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем государя и России.

Между тем вся область Псковская была в движении: правители готовили дары, запас, мед и вина для царевны; рассылали всюду гонцов; украшали суда, лодки и 11 октября выехали на Чудское озеро, к устью Эмбаха, встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей великой княгине. Достигнув наконец земли Русской, где провидение судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердные приветствия россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу ливонском: степенный посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дня плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях и 13 октября остановились в монастыре Богоматери: там игумен с братиею отпел за Софию молебен; она оделась в *царские ризы* и, встреченная псковским духовенством у ворот, пошла в Соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на папского легата, Антония, на его червленную одеж-

ду, высокую епископскую шапку, перчатки и на серебряное литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну[1] наших христиан правоверных, сей легат, вступив в церковь, не поклонился Святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более народ пленился царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все обряды греческого Закона. Из церкви повели ее в великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению гостеприимство изъявлялось дарами: бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию псковитян, она, чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: «Спешу к моему и вашему государю; благодарю чиновников, бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим». — В Новегороде была ей такая же встреча от архиепископов, посадников, тысячских, бояр и купцов; но царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда великий князь призвал бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат папский, желая иметь более важности в глазах россиян, во всю дорогу ехал с латинским *крыжем*: то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий князь не хотел оскорбить легата, но опасался, чтобы москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение бояр. Некоторые думали, согласно с нашим послом, Иваном Фрязиным, что не должно запрещать того из уважения к папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей латинской Вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти. Иоанн отнесся к митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром ответствовал: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить Веру чуждую есть унижать собственную». Великий князь немедленно послал боярина, Феодора Давидовича, взять крест у легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая мит-

---

[1] Соблазн — волнение, беспокойство, смущение.

рополита. «В Италии (говорил он) честили послов великокняжеских: следственно, в Москве надо честить папского». Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену Веры своей, сказывался католиком и, в самом деле приняв греческий Закон в России только для мирских выгод, внутренно исповедывал латинский, считая нас суеверами. Но боярин Феодор Давидович исполнил повеление государя.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано поутру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали Обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополит служил со всем знатнейшим духовенством и великолепием греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества князей и бояр, легата Антония, греков и римлян. На другой день легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

В то время, когда двор и народ в Москве праздновали свадьбу государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь великим боярином московским, он был обласкан дожем, Николаем Троно, который, узнав от него о тесных связях россиян с моголами Золотой Орды, вздумал отправить туда посла чрез Москву, чтобы склонить хана к нападению на Турцию. Сей посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от дожа к великому князю и с просьбою, чтобы он велел проводить его к хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду и, пришедши с ним к великому князю, назвал сего посла купцом венециянским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: легат папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана — зная также, с чем он послан в Москву, — сказали о том государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а

9 Зак № 39

Тревизана казнить смертию. Едва легат папский и греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив государя, чтобы он прежде обослался[1] с сенатом и дожем венециянским.

Ласкаемый в Москве, посол римский, согласно с данным ему от папы наставлением, домогался, чтобы Россия приняла устав Флорентийского Собора. Может быть, Иоанн во время сватовства искав благосклонности папы, давал сию надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. Летописец говорит, что легат Антоний имел прения с нашим митрополитом Филиппом, но без малейшего успеха; что митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, московского книжника, ясно доказал истину греческого исповедания, и что Антоний, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: «нет книг со мною». — Пробыв одиннадцать недель в Москве, легат и посол Софииных братьев отправились назад в Италию с богатыми дарами для папы и царевичей от великого князя, сына его и Софии, которая, по известию немецких историков, обещав Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила западной церкви, обманула его и сделалась в Москве ревностною христианкою Веры греческой.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтила в Софии племя древних императоров византийских и, так сказать, провождала его глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие греки, приехавшие к нам с царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийского, так что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву. Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию. — Некоторые

---

[1] Обослался — обменялся посланиями.

знатные греки выехали к нам после из самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с детьми, а в 1495 *боярин* Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехал в Царьград и там, осыпанный благодеяниями султана, провел остаток жизни в изобилии: Андрей же, совокупившись браком с одною распутною гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за князя Василия Михайловича Верейского; однако ж возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцовских в храме Св. Петра). Кажется, что он был не доволен великим князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную империю не ему, а иноверным государям Кастиллии, Фердинанду и Елисавете, хотя Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: «*Великий Князь, Божиею милостию Господарь всея Руси*».

Вслед за легатом римским великий князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобою на Тревизана, велев сказать дожу: «Кто шлет посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дож и сенат, услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы великий князь освободил его для общего блага христиан и отправил к хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к республике, которая с благодарностью заплатит сей долг. Иоанн умилостивился, освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей и, вместе с ним послал в Орду дьяка своего возбуждать хана против Магомета II, уведомил о том венецианского дожа. Сие новое посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был уже не иноземец, но россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно

действует на воображение людей и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками византийских искусств: Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный Св. митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу владимирского. Долго готовились: вызывали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего двора; перенесли в оную из старой гробы князя Георгия Данииловича[1] и всех митрополитов (сам государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи Св. чудотворца Петра, особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп митрополит скоро после Иоаннова бракосочетания преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его кремлевский дом; обливаясь слезами над гробом Св. Петра и с любовию утешаемый великим князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его Геронтий (бывший коломенский епископ, избранный в митрополиты Собором наших святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению государя и народа. Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви. Вероятно даже, что сие дело было главною виною его посольства. Уже Италия, пробужденная зарею наук, умела ценить памятники древней римской изящной архитектуры, презирая готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и арабскую,

[1] Князь Георгий Данилович — брат Ивана Калиты, зарезанный в Орде в 1325 г.

расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но италиянские архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

Принятый в Венеции благосклонно от нового дожа, Марчелла, и взяв с республики семьсот рублей за все, чем снабдили Тревизана в Москве из казны великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, болонского уроженца, именем Фиоравенти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение государю московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плит, он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним москвитянам и называемою *бараном*, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный храм Успения, доныне стоящий пред нами как знаменитый памятник греко-италиянской архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величием. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12, митрополитом Геронтием с епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею — на площади, где стоял терем — огромную палату, основанную Марком Фрязиным в

1487 году и совершенную им в 1491 с помощию другого италиянского архитектора, Петра Антония. Она долженствовала быть местом торжественных собраний двора, особенно в случае посольств иноземных, когда государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю монархов византийских. Сия палата есть так называемая *Грановитая*, которая в течение трехсот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон венценосцев российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на вельмож и народ. — Дотоле великие князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на Песках до поля за Москвою-рекою и за Сретенскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы великого князя и митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под коею хранилась казна великой княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Яузу, к церкви Св. Николая Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года медиоланским архитектором, Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным*. Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцовом поле. Угождая государю, знатные люди также начали строить себе каменные домы: в летописях упоминается о палатах митрополита, Василия Федоровича Образца, и головы московского, Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин в 1485 году, июля 19, заложил на Москве-реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками, или подземельным ходом; италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две, над Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третию

Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным архитектором. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и великий князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти саженей. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего царствования, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными европейскими зданиями пятого-надесять века. — Последним делом италиянского зодчества при сем государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних князей московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою и тогда разобранной. — Кроме зодчих, великий князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебреников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские серебреники начали искусно чеканить русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так, на многих деньгах Иоанна Васильевича видим надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый архитектор славился и монетным художеством (сверх того лил пушки и колокола). — Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставлял Вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России. — Теперь обратимся к государственным происшествиям.

Запад России, немцы и Литва были предметом Иоаннова внимания. Князь Феодор Юрьевич Шуйский, несколько лет властвовав во Пскове как государев наместник и сведав, что тамошние граждане, не любя его, послали к великому князю требовать себе иного правителя, уехал в Москву. Псковитяне желали вторично иметь своим князем Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата князя Ярослава: государь дал им последнего, сказав, что первые нужны ему самому для ратного дела. В то же время псковитяне известили Иоанна о неприятельском расположении Ливонского ордена. Еще не минул срок перемирия, заключенного ими с магистром в 1463 году

на девять лет, когда немцы, подведенные русскими лазутчиками, сожгли несколько деревень на берегах Синего озера: псковитяне, казнив своих изменников, удовольствовались жалобами на вероломство ордена. В 1471 году магистр прислал брата своего сказать им, что он намерен переселиться из Риги в Феллин и желает соблюсти дружбу с ними, требуя, чтобы они не вступались в землю и воды за Красным городком. Псковитяне ответствовали, что магистр волен жить, где ему угодно; что мир с их стороны не будет нарушен, но что упомянутые места издревле суть достояние великих князей. Условились решить спор на общем съезде и назначили время. Уже Иоанн, замышляя быть истинным государем всей России, не считал дел псковских или новогородских как бы чуждыми для Москвы: он послал своего боярина выслушать требования ордена; но переговоры, бывшие в Нарве и в Новегороде, не имели успеха: немецкие послы уехали назад с досадою, и великий князь, исполняя желание псковитян, отправил к ним войско, составленное из городских полков и детей боярских, коими предводительствовал славный муж, князь Даниил Холмский, имея под своим начальством более двадцати князей. Чиновники псковские, встретив сию знатную рать с хлебом и с медом, удивились ее многочисленности, так, что она едва могла поместиться в городе, за рекою Великою. Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастию, сделалась оттепель в декабре месяце; реки вскрылись; не было ни зимнего, ни летнего пути; воины скучали праздностию, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. С москвитянами пришло несколько сот татар: сии наемники силою отнимали у жителей скот и разные запасы, пока Холмский строгостию не унял их, определив, что город обязан ежедневно давать на содержание полков.

Но сей убыток был вознагражден счастливыми следствиями. Слух о прибытии московской рати столь испугал магистра и епископа дерптского, что они немедленно прислали своих чиновников для возобновления мира: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лет, с условием, чтобы немцам не вступаться в земли псковитян, давать везде свободный путь их купцам и не пропускать в Россию из Ливонии ни меда, ни пива. В сем договоре участвовали и новогородцы, коих войско также готовилось действовать против ордена вместе с велико-

княжеским. Так Иоанн вводил единство в систему внешней политики российской, к крайнему беспокойству наших западных соседей, видевших, что Новгород, Псков и Москва делаются одною державою, управляемою государем благоразумным, миролюбивым, но решительным в намерениях и сильным в исполнении. Получив известие, что магистр и правительство дерптское клятвою утвердили мирные условия, князь Холмский возвратился в Москву с честию и с даром двухсот рублей от признательных псковитян, которые особенною грамотою, отправленною с гонцом, изъявили благодарность Иоанну за его милостивое вспоможение.

Но великий князь не был доволен ни ими, ни Холмским: ими за то, что они дерзнули, вместо знатных людей, прислать к нему гонца; а князь Холмский заслужил гнев Иоаннов какою-то виною, вероятно, не умышленною: ибо сей государь, строгий по нраву и правилам, скоро простил ему оную, взяв с него *клятвенную грамоту* следующего содержания: «Я, князь Данило Дмитриевич Холмский, бил челом государю за мою вину посредством господина Геронтия митрополита и епископов: во уважение чего он простил меня, слугу своего; а мне, князю Данилу, быть ему верным до конца жизни и не искать службы в иных землях. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божией и благословения пастырского в сей век и в будущий: государь же и дети его вольны казнить меня», и проч. Сверх того вельможи дали восемь *поручных грамот* за Холмского, обязываясь, в случае его измены, внести в казну две тысячи рублей. Иоанн же, в знак искреннего прощения, пожаловал князя Даниила боярином.

Псковитяне, услышав о гневе государя, немедленно отправили к нему князя Ярослава Васильевича с тремя посадниками и многими боярами: Иоанн не пустил их к себе на глаза, даже в город, так что они, простояв пять дней в шатрах на поле, должны были ехать обратно; наконец, смягченный их скорбию и новым торжественным посольством, сей хитрый государь принял от них в дар сто пятьдесят рублей и милостиво объявил, что будет править своею псковскою отчиною согласно с древними грамотами великих князей: то есть он хотел, наблюдая во всем достоинство монарха, приучить и вельмож и граждан к благоговению пред его священным саном и, грозя внешним

неприятелям, умножал внутреннюю силу России строгим действием самодержавной власти.

Доселе Иоанн не имел никаких известных дел, ни сношений с Литвою, сильным ударом меча исхитив из ее рук Новгород и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россию. Одни псковитяне пересылались с сим королем, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владениями. С обеих сторон честили и дарили послов, съезжались сановники на рубеже и не могли согласиться в прениях. Сам Казимир был в Полоцке, обещался собственными глазами осмотреть все спорные места, но не сдержал слова. Лаская псковитян, он давал им чувствовать, что признает их народом вольным, независимым от Москвы и готов всегда жить в дружбе с ними. Осенью в 1473 году открылись неприятельские действия между москвитянами и Литвою. Первые, ограбив город Любутск, ушли назад с добычею и с пленниками; а любчане напали на князя Симеона Одоевского, российского подданного, убили его в сражении, но не могли ничего завоевать в наших пределах. Вероятно, что сей случай заставил Казимира отправить в Москву посла, именем Богдана, или с жалобами, или с дружественными предложениями, на которые Иоанн ответствовал ему чрез своего посла, Василия Китая: следствием было то, что сии государи остались только внутренне неприятелями, не объявляя войны друг с другом.

Хитрая политика Иоаннова еще яснее видна в делах ординских сего времени. Царь казанский жил тогда спокойно и не тревожил России, однако ж был опасным для нас соседом: чтобы иметь в руках своих орудие против Казани, великий князь подговорил одного из ее царевичей, Муртозу, сына Мустафы, к себе в службу и дал ему Новогородок Рязанский с волостями.

Хан таврический, или крымский, знаменитый Ази-Гирей, умер около 1467 года, оставив шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана, из коих старший, Нордоулат, заступил место отца, но, сверженный братом, Менгли-Гиреем, искал убежище в Польше. Сие обстоятельство и союз Казимиров с неприятелем Таврической Орды, ханом волжским, Ахматом, возбудив в Менгли-Гирее недоверие к королю польскому, дали мысль прозорливому Иоанну искать дружбы нового царя крымского, посредством

одного богатого жида, именем Хози Кокоса, жившего в Кафе, где купцы наши часто бывали для торговли с генуэзцами. Зная по слуху новое могущество России и личные достоинства государя ее, Менгли-Гирей столь обрадовался предложению Иоаннову, что немедленно написал к нему ласковую грамоту, привезенную в Москву Исупом, шурином Хози Кокоса. Так началася дружелюбная связь меду сими двумя государями, непрерывная до конца их жизни, выгодная для обоих и еще полезнейшая для нас: ибо она, ускорив гибель Большой, или Золотой Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величию России.

Иоанн послал в Крым толмача своего Иванчу, желая заключить с ханом торжественный союз; а Менгли-Гирей в 1473 году прислал в Москву чиновника Ази-Бабу, который именем его клятвенно утвердил предварительный мирный договор между Крымом и Россиею, состоящий в том, что царю Менгли-Гирею, *уланам* и князьям его быть с Иоанном в братской дружбе и любви, против недругов стоять заодно, не воевать государства Московского, разбойников же и хищников казнить, пленных выдавать без окупа, все насилием отнятое возвращать сполна и с обеих сторон ездить послам свободно без платежа купеческих пошлин. — Вместе с Ази-Бабою отправился в Крым послом боярин Никита Беклемишев, коему, сверх упомянутого мирного договора, даны были еще прибавления: первое в таких словах: «Ты, великий князь, обязан слать ко мне, царю, *поминки*, или дары ежегодные». Государь велел Беклемишеву согласиться на сие единственно в случае неотступного ханского требования. Во втором прибавлении Иоанн обещался действовать с Менгли-Гиреем совокупно против хана Золотой Орды, Ахмата, если он (Менгли-Гирей) сам будет помогать России против короля польского. — Никита Беклемишев должен был увериться в приязни ближних князей царевых, одарить их соболями, заехать в Кафу, изъявить благодарность Хозе Кокосу за оказанную им услугу в сношениях с крымским царем и требовать от тамошнего консула, чтобы генуэзцы выдали российским купцам отнятые у них товары на две тысячи рублей и впредь не делали подобного насилия, вредного для успехов взаимной торговли.

Беклемишев возвратился в 1474 г. в Москву с крымским послом, Довлетеком мурзою, и с клятвенною ханскою грамо-

тою, на коей Иоанн в присутствии сего мурзы целовал крест в уверение, что будет точно исполнять все условия союза. — Довлетек жил в Москве четыре месяца и поехал назад в Тавриду с великокняжеским чиновником, Алексеем Ивановичем Старковым, коего наказ состоял в следующем: «*Сказать хану*: князь великий Иоанн *челом бьет*. Ты пожаловал меня себе братом и другом, чтобы нам иметь общих приятелей и врагов: благодарствую за твое желанье. — Ты хочешь, чтобы я принял к себе Зенебека царевича: в минувшее лето он просился в мою службу; но я отказал ему, считая его твоим недругом: ныне послал за ним в Орду, чтобы сделать тебе угодное. — Мы взаимно обязались крепким словом любви по нашей Вере: не преступай клятвы; я исполню свою». Но в сем заключенном между Россиею и Крымом договоре не упоминалось именно ни об Ахмате, ни о Казимире: Иоанн не обязывался воевать с первым, ибо Менгли-Гирей не дал клятвы действовать вместе с Россиею против последнего. Старков долженствовал объявить хану, что одно не может быть без другого. Сверх того ему велено было жаловаться на кафинских генуэзцев, ограбивших какого-то российского посла и наших купцов: в случае неудовлетворения Иоанн грозил силою управиться с сими разбойниками. — Наконец посол московский имел приказание вручить дары манкупскому князю *Исайку* (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и разведать чрез Хозю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей владетель в приданое за своею дочерью, которую он предлагал в невесты сыну великого князя, Иоанну Иоанновичу. Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой неприступной горе), был прежде знаменитою крепостию и назывался *городом готфским*: ибо там с третьего века обитали готфы тетракситы, христиане греческой веры, данники козаров, половцев, моголов, генуэзцев, но управляемые собственными властителями, из коих последний был сей Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменилось в Тавриде. Брат ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный турецкий флот под начальством визиря Магометова, Ахмета паши; сей искусный вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый

раз кровь русская пролилася от меча оттоманов: там находилось множество наших купцов; некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но визирь осадил и сию крепость. Пишут, что ее начальник, выехав на охоту, был взят в плен турками и что осажденные, потеряв бодрость, искали спасения в бегстве, гонимые, убиваемые неприятелем. Истребив до основания державу генуэзскую в Тавриде, более двух веков существовавшую, и покорив весь Крым султану, Ахмет паша возвратился в Константинополь с великим богатством и с пленниками, в числе коих был и Менгли-Гирей с двумя братьями. Султан обласкал сего хана, назвал законным властителем Крыма и, велев изобразить его имя на монете, отправил господствовать над сим полуостровом в качестве своего присяжника. — Но Менгли-Гирей, еще не успев восстановить в Тавриде порядка, разрушенного турецким завоеванием, был вторично изгнан оттуда Ахматом, царем Золотой Орды, которого сын, предводительствуя сильным войском, овладел всеми городами крымскими.

Иоанн, огорченный новым бедствием Менгли-Гирея, в то же время сведал, что Ахмат, добровольно или принужденно, уступил Тавриду царевичу Зенебеку, который прежде искал службы в России. Зенебек, став ханом крымским, не ослепился своим временным счастием, предвидел опасности и прислал в Москву чиновника, именем Яфара Бердея, узнать, может ли он, в случае изгнания, найти у нас безопасное убежище. Великий князь ответствовал ему чрез гонца: «Еще не имея ни силы, ни власти и будучи единственно *козаком*, ты спрашивал у меня, найдешь ли отдохновение в земле моей, если конь твой утрудится в поле? Я обещал тебе безопасность и спокойствие. Ныне радуюсь твоему благополучию; но если обстоятельства переменятся, то считай мою землю верным для себя пристанищем». Сей гонец должен был изъясниться с Зенебеком наедине и предложить ему возобновление союза, заключенного между Россией и Менгли-Гиреем.

В сем сношении не было слова о царе Большой Орды, Ахмате, который, несмотря на свое неудачное покушение смирить Иоанна оружием, еще именовался нашим верховным властителем и требовал дани. Пишут, что великая княгиня София, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга

к свержению ига, говоря ему ежедневно: «Долго ли быть мне рабынею ханскою?» В Кремле находился особенный для татар дом, где жили послы, чиновники и купцы их, наблюдая за всеми поступками великих князей, чтобы извещать о том хана: София не хотела терпеть столь опасных лазутчиков; послала дары жене Ахматовой и писала к ней, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на Ординском подворье (где ныне церковь Николы Гостунского): просит его себе и дает вместо оного другое. Царица согласилась: дом разломали, и татары, выехав из него, остались без пристанища: их уже не впускали в Кремль. Пишут еще, что София убедила Иоанна не встречать послов ординских, которые обыкновенно привозили с собою *басму*, образ или *болван* хана[1], что древние князья московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доныне Спасом *на Болвановке*. Однако ж, в надежде скоро видеть гибель Орды как необходимое следствие внутренних ее междоусобий, великий князь уклонялся от войны с Ахматом и манил его обещаниями; платил ему, кажется, и некоторую дань: ибо в грамотах, тогда писанных, все еще упоминается о *выходе Ординском*. В 1474 году был в улусах наш посол Никифор Басенков, а в Москве ханский, именем Карачук: с последним находилось 600 служителей и 3200 торговых людей, которые привели 40 000 азиатских лошадей для продажи в России. В 1475 году дьяк Иоаннов, Лазарев, возвратился из Большой Орды с известием, что хан отпустил венециянского посла, Тревизана, в Италию морем, не изъявив желания воевать с турками. Изгнав Менгли-Гирея из Крыма, Ахмат, ободренный сим успехом, велел гордо сказать Иоанну чрез мурзу, именем Бочюка, чтобы он вспомнил древнюю обязанность российских князей и немедленно сам ехал в Орду поклониться царю своему: великий князь дружелюбно угостил Бочюка, послал с ним в улусы Тимофея Бестужева, вероятно, и дары, но не думал исполнять требования Ахматова.

В сие время мы имели сношения и с Персиею, где царствовал славный Узун-Гассан, князь племени туркоманского,

---

[1] Басма — изображение, чеканенное в металле; болван — изваяние.

овладевший всеми странами Азии от Инда и Окса до Евфрата. Слыша о знаменитых успехах его оружия, деятельная республика Венециянская отправила к нему посла, именем Контарини, с предложением действовать общими силами против Магомета II. Контарини ехал туда через Польшу, Киев, Кафу, Мингрелию, Грузию и встретил в Экбатане чиновника великокняжеского, Марка Руфа, италиянского или греческого уроженца, который имел переговоры с царем Узуном. Великий князь без сомнения искал дружбы персидского завоевателя, с намерением угрожать ею хану Большой Орды, Ахмату: сие тем вероятнее, что Узун-Гассан, семидесятилетний, но бодрый старец, вообще ненавидел моголов, зависев некогда от Тамерлановых слабых наследников и владея южными берегами Каспийского моря, был в соседстве с Ахматовыми улусами. Посол московский отправился назад в Россию вместе с персидским; в числе их спутников находился и Контарини: ибо — сведав, что Кафа завоевана турками — он уже не хотел прежним путем возвратиться в Италию и вверил судьбу свою Марку Руфу, который взял с собою его и монаха французского, Людовика, называвшегося патриархом антиохийским и послом герцога бургундского. Мы имеем описание их любопытного путешествия. Они ехали из Тифлиса через *Кирополь*, или Шамаху, *богатую шелком*, Дербент и Астрахань, где господствовали три брата, племянники Ахматовы. Город сей состоял из землянок, обнесенных худою стеною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостию оного, сказывая, что ароматы, привозимые некогда в Венецию, шли от них Волгою и Доном. Тамошние купцы доставляли в Москву шелковые ткани, покупая в России меха и седла. Имя великого князя было особенно уважаемо в Астрахани за его щедрость и приязнь к ее ханам, которые ежегодно отправляли к нему посольства. Марко Руф и Контарини с величайшею осторожностию ехали по степям донским и воронежским, боясь хищных татар; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имели недостаток в воде; не находили ни верных дорог, ни мостов; сами делали плоты, где надлежало переправляться через реки, и восхвалили милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лесной, малонаселенной, но обильной хлебом, мясом, медом и совершенно безопасной для путешественников. Выехав из Астрахани 10 авгус-

та, они прибыли в Москву 26 сентября в 1476 году, видев только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный государю и три раза обедав за его столом вместе со многими боярами, Контарини хвалит величественную Иоаннову наружность, осанку, приветливость, умное любопытство. «Когда я,— пишет он,— говоря с ним, из почтения отступал назад, сей монарх всегда сам приближался ко мне, с отменным вниманием слушал мои слова; весьма строго осуждал поступок нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но уверял меня в своем особенном дружестве к Венециянской республике; дозволил мне видеть и великую княгиню Софию, которая обошлась со мною весьма ласково, приказав, чтобы я кланялся от нее нашему дожу и сенату». Контарини жил в доме италиянского зодчего, Аристотеля, но ему велено было переехать в другой. Не имея денег для пути, он ждал их с нетерпением из Венеции. Между тем великий князь ездил осматривать границы юго-восточных областей своих, подверженных набегам степных татар: когда же возвратился, то немедленно приказал, из уважения к Венециянской республике, ссудить его из казны нужною суммою денег. Сверх того Контарини получил в дар тысячу червонцев и шубу. Перед отъездом обедая во дворце, он должен был выпить серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной государевой благосклонности. Иоанн дозволил ему не пить, сказав, что иноземцы могут не следовать русским обычаям, и, прощаясь с ним (в генваре 1477 года) весьма милостиво, желал, чтобы республика Венециянская осталась навсегда другом Москвы. В то же время великий князь отпустил и монаха французского, Людовика, который, называя себя патриархом антиохийским, но исповедуя Веру латинскую, был задержан в Москве как обманщик: ходатайство Контариниево и Марка Руфа возвратило ему свободу.— Одним словом, Контарини, строго осуждая тогдашние нравы россиян, их нетрезвость, грубость, любовь к праздности, говорит о личных свойствах и разуме Иоанна с великою похвалою.

Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1475—1481 гг.

Совершенное покорение Новагорода. Обозрение истории его от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига ханского. Ссора великого князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание архиепископа Вассиана к великому князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшего, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему держав, сей монарх готовил знаменитость внешней своей политики утверждением внутреннего состава России. — Ударил последний час новогородской вольности! Сие важное происшествие в нашей истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул великих князей, которые со времен Симеона Гордого именовались *государями всея Руси*; желал ввести совершенное единовластие, истребить уделы, отнять у князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: великий князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти. Иоанн про-

стил новогородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть княжескую в делах судных и в политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра и обещал более. Если наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцов, то он винил недостаток древних законов новогородских, хотел сам быть там, исследовать на месте причину главных неудовольствий народных, обуздать утеснителей, и (в 1475 году) действительно, призываемый младшими гражданами, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну. Сие путешествие Иоанново — без войска, с одною избранною, благородною дружиною — имело вид мирного, но торжественного величия: государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: старые посадники, тысячские, люди житые, наместник и дворецкий великокняжеские, игумены, чиновники архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна владыка Феофил, князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, посадник и тысячский, степенные, архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с государем. За ними явились старосты улиц новогородских; после бояре и все жители Городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встречали Иоанна перед Городищем, где он слушал литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом владыку, князя Шуйского, посадников, бояр и 23 ноября [1475 г.] въехал в Новгород. Там, у врат Московских, архиепископ Феофил, исполняя государево повеление, со всем клиросом, с иконами, крестами и в богатом святительском облачении принял его, благословил и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храброго — и приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые и, взяв от хозяина в дар 3 постава ипрских сукон, сто корабельников (нобилей,

или двойных червонцев)[1], рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на Городище.

За днем пиршества следовали дни суда. С утра до вечера дворец великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лицо сего монарха и в знак усердия поднести ему дары; другие искали правосудия. Падение держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новегороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклися только о собственных выгодах; торговали властию, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали государевой защиты, обвиняя первейших сановников. «Они не судьи, а хищники», — говорили челобитчики и доносили, что степенный посадник, Василий Ананьин, с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю новогородскому, дал знать вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд и, сам выслушав их оправдания, решил — в присутствии архиепископа, знатнейших чиновников, бояр — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух бояр новогородских, Ивана Афанасьева и сына его, Елевферия, он сказал гневно: «Изыдите! вы хотели предать отечество Литве». Воины Иоанновы оковали их цепями, также посадника Ананьина и бояр, Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило новогородцев; но все, потупив взор, молчали.

На другой день владыка Феофил и многие посадники явились в великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных бояр на поруки, возвратив им свободу. «Нет, — ответствовал государь Феофилу: — тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду из-

---

[1] Корабельник, корабленик — старинная английская и французская монета с изображением розы и корабля.

вестно, что сии люди сделали много зла отечеству и ныне волнуют его своими кознями». Он послал [1476 г.] главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству архиепископа и веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню: чем и заключился грозный суд великокняжеский. Снова начались пиры для государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали его роскошными обедами: архиепископ трижды, другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и проч. Например, князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; владыка — двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и две меда; в другой же раз — триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимер — золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб — двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав *рудожелтого* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того степенный посадник, Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и тысячский Есипов поднесли великому князю от имени всего Новагорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у себя обед архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но великий князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чего-нибудь Иоанну и сам не был одарен милостиво, или одеждою драгоценною, или камкою, или серебряным кубком, соболями, конем и проч.— Никогда новогородцы не изъявляли такого усердия к великим князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции, Стен Стур, прислал к нему своего

племянника, Орбана, с предложением возобновить мир, нарушенный впадением россиян в Финляндию. Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца и велел архиепископу именем Новагорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению. — Послы псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а князь Ярослав, тамошний наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий князь отправил туда бояр, Василия Китая и Морозова, сказать псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям наместника, или будут иметь дело с государем раздраженным. Ярослав получил все желаемое. — Быв девять недель в Новегороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи. Воинская дружина его стояла по монастырям вокруг города и плавала в изобилии; брала, что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископ Феофил и знатнейшие чиновники проводили государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной державы уже была решена в уме его.

Заточение шести бояр новогородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие великокняжеское, противное древнему уставу, по коему новогородец мог бы наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону и нарядили посольство к великому князю: сам архиепископ, три посадника и несколько житых людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных бояр. Два раза владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог умолить Иоанна и с горестию уехал на Страстной неделе [1477 г.], не хотев праздновать Пасхи с государем и с митрополитом.

Между тем решительный суд великокняжеский полюбился многим новогородцам так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; вслед за ними и ответчики, знатные и простые граждане, от посадников до земледельцев: вдовы, сироты, монахини. Других же позвал сам государь: никто не дерзнул ослушаться. «От времен Рюрика (говорят летописцы) не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться новогородцы: Иоанн умел

довести их до сего уничижения». Еще он не сделал всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть истинного монарха, или судию, не причастного низким побуждениям личности: они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренне благоприятствовали самодержавию. Сии многочисленные друзья великого князя, может быть, *сами собою*, а может быть, и по согласию с ним замыслили следующую хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и дьяк веча, Захария, в виде послов от архиепископа и всех соотечественников, явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его *государем* Новагорода, вместо *господина*, как прежде именовались великие князья в отношении к сей народной державе. Вследствие того Иоанн отправил к новогородцам боярина, Феодора Давидовича, спросить, что они разумеют под названием *государя*? хотят ли присягнуть ему как *полному властителю*, единственному законодателю и судии? соглашаются ли не иметь у себя тиунов, кроме княжеских, и отдать ему двор Ярославов, древнее место веча? Изумленные граждане ответствовали: «Мы не посылали с тем к великому князю; это ложь». Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже *законом*; что древняя пословица: *Новгород судится своим судом*, утратит навсегда смысл и что московские тиуны будут решать судьбу их. Древнее вече уже не могло ставить себя выше князя, но по крайней мере существовало именем и видом: двор Ярославов был святилищем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться великому князю, но в угодность собственному внутреннему чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины воспрянули как бы от глубокого сна и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги московского князя суть изменники, коих торжество есть гроб отече-

ства. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схватили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на вече, обвиняя его в том, что он был у великого князя и дал клятву служить ему против отечества. «Нет, — ответствовал Василий: — я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному государю, Великому Новугороду; без измены вам, моим господам и братьям». Сего несчастного изрубили в куски топорами; умертвили еще посадника, Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворе архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми: другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла послу московскому и многочисленной дружине его: сановники честили их, держали около шести недель и наконец отпустили именем веча с такою грамотою к Иоанну: «Кланяемся тебе, *господину нашему*, великому князю; *а государем* не зовем. Суд твоим наместникам будет на Городище по старине; ни твоего суда, ни твоих тиунов у нас не будет. *Дворища Ярославля*[1] не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть *государем* новогородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию». Так писали они и еще сильнее говорили на вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде великий князь не откажется от своих требований.

Но Иоанн не любил уступать и без сомнения предвидел отказ новогородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил митрополиту Геронтию, матери, боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя государя, запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей, верных своему законному монарху, как злодеев, и грозится вторично изменить святейшим клятвам, православию, отечеству. Митрополит, двор и вся Москва думала согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость государева гнева.

---

[1] Дворище Ярославлево — Ярославов Двор.

Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с *грамотою складною*, или с объявлением войны, и полки собралися под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал, или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской, Бежецкой, Новоторжской: ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих тверских и новогородских земель.

Поручив столицу юному великому князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 октября, презирая трудности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя новогородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать *опасных грамот* от великого князя для архиепископа Феофила и посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров. Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым тверским вельможею, князем Микулинским, с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у государя его, Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска московского. Сам великий князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; царевич Данияр и Василий Образец по Замсте; Даниил Холмский пред Иоанном с детьми боярскими, владимирцами, переславцами и костромитянами; за ним два боярина с дмитровцами и кашинцами; на правой стороне князь Симеон Ряполовский с суздальцами и юрьевцами; на левой — брат великого князя, Андрей Меньший, и Василий Сабуров с ростовцами, ярославцами, угличанами и бежичанами; с ними также воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее двором; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою — князья Александр Васильевич и Борис Михайлович Оболенские; первый с колужанами, алексинцами, серпуховцами, хотуничами, москвитянами, радонежцами, новоторжцами; второй с можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами; по дороге Яжелбицкой — боярин Феодор Давидович с детьми боярскими двора великокняжеского и коломенцами, также князь Иван Васильевич Оболенский со всеми его

братьями и многими детьми боярскими. 4 ноября присоединились к войску Иоаннову полки тверские, предводимые князем Михайлом Феодоровичем Микулинским.

В Еглине, ноября 8, великий князь потребовал к себе задержанных новогородских *опасчиков* (то есть присланных за *опасными грамотами*): старосту Даниславской улицы, Федора Калитина, и гражданина житого, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челом, именуя его *государем*. Иоанн велел им дать пропуск для послов новогородских. — Между тем многие знатные новогородцы прибыли в московский стан и вступили в службу к великому князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою.

Ноября 19, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских действий: вверил передовой отряд брату своему, Андрею Меньшему, и трем храбрейшим воеводам: Холмскому с костромитянами, Феодору Давидовичу с коломенцами, князю Ивану Оболенскому-Стриге с владимирцами; *в правой руке* велел быть брату, Андрею Большему, с тверским воеводою, князем Микулинским, с Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с дмитровцами и кашинцами; *в левой* брату, князю Борису Васильевичу, с князем Васильем Михайловичем Верейским и с воеводою матери своей, Семеном Пешком; а в собственном полку великокняжеском — знатнейшему боярину, Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу с боровичами, Симеону Ряполовскому, князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем переславцам и муромцам. Передовой отряд должен был занять Бронницы.

Еще не довольный многочисленностию своей рати, государь ждал псковитян. Тамошний князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном — был даже в явной войне с гражданами, не смевшими выгнать его, и пьяный имев с ними битву среди города — наконец по указу государеву выехал оттуда. Псковитяне желали себе в наместники князя Василья Васильевича Шуйского: Иоанн отправил его к ним из Торжка и велел, чтобы они немедленно вооружались против Новагорода. Обыкновенное их благоразумие не изменилось и в сем случае: псковитяне предложили новогород-

цам быть за них ходатаями у великого князя; но получили в ответ: «Или заключите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без вашего ходатайства». Когда же псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамотою объявили им войну, новогородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними послали чиновников к великому князю; но дьяк московский, Григорий Волнин, приехав во Псков от государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей беде, называли его *царем Русским* и давали ему разуметь, что не время воевать людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ; одним словом, всячески уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новагорода может не устоять и Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и князь Шуйский, взяв осадные орудия — пушки, пищали, самострелы, — с семью посадниками вывел рать псковскую, которой надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23 великий князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии архиепископа Феофила и знатнейших сановников новогородских. Они явились. Феофил сказал: «*Государь* князь великий! Я, богомолец твой, архимандриты, игумены и священники всех семи соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев *на свою отчину*, на Великий Новгород; огнь и меч твой ходят по земле нашей; кровь христианская льется. Государь! смилуйся: молим тебя со слезами: дай нам мир и освободи бояр новогородских, заточенных в Москве!» А посадники и житые люди говорили так: «*Государь* князь великий! Степенный посадник Фома Андреев и старые посадники, степенный тысячский Василий Максимов и старые тысячские, бояре, житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом и молят о мире и свободе наших бояр заключенных». Посадник Лука Федоров примолвил: «Государь! челобитье Великого Новагорода пред тобою: повели нам говорить с твоими боярами». Иоанн не ответствовал ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день послы новогородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшего, требуя его заступления. Иоанн приказал говорить с ними боярину, князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь принял в милость Великий Новгород, мужей вольных, и меч свой

унял». — Феофилакт посадник: «Желаем освобождения бояр новогородских». — Лука посадник: «Желаем, чтобы государь всякие четыре года ездил в свою отчину, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы наместник его судил с посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам великий князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!» — Яков Федоров: «Да не велит государь вступаться своему наместнику в особенные суды архиепископа и посадника!» — Житые люди сказали, что подданные великокняжеские зовут их на суд к наместнику и посаднику в Новегороде, а сами хотят судиться единственно на Городище; что сие несправедливо и что они просят великого князя подчинить тех и других суду новогородскому. — Посадник Яков Короб заключил сими словами: «Челобитье наше пред государем: да сделает, что ему Бог положит на сердце!»

Иоанн в тот же день велел Холмскому, боярину Феодору Давидовичу, князю Оболенскому-Стриге и другим воеводам под главным начальством брата его, Андрея Меньшего, идти из Бронниц к Городищу и занять монастыри, чтобы новогородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду и в одну ночь заняли все окрестности новогородские.

25 ноября бояре великокняжеские, Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи, дали ответ послам. Первый сказал: «Князь великий Иоанн Василиевич всея Руси тебе, своему богомольцу владыке, посадникам и житым людям так ответствует на ваше челобитье». — Боярин Василий Борисович продолжал: «Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника Назария и дьяка вечевого, Захарию, быть вашими государями; а мы послали бояр своих в Новгород узнать, что разумеется под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, великих князей, насилием и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню: *аще согрешит к тебе брат твой, обличи его наедине; аще не послушает, поими с собою два или три свидетеля: аще ли и тех не послушает, повеждь церкви; аще ли и о церкви нерадети начнет, будете яко же язычник и мытарь*. Мы посылали к вам и говорили: *уймитесь, и будем вас жаловать*: но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву

наших предков, великих князей русских, идем наказать дерзость». — Боярин Иван Борисович говорил далее именем великого князя: «Вы хотите свободы бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства: ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцов; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?» — Князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ государев: «Буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия».

Архиепископ и посадники отправились назад с великокняжеским приставом для их безопасности. — 27 ноября Иоанн, подступив к Новугороду с братом Андреем Меньшим и с юным верейским князем, Василием Михайловичем, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуемый Ракомлею; велел брату стать в монастыре Благовещения, князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве, Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления, Ряполовскому на Пидьбе, князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а боярину Феодору Давидовичу и князю Ивану Стриге на Городище. 29 ноября пришел с полком брат Иоаннов, князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневе, селе архиепископа. — 30 ноября государь велел воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 декабря, а 11 число быть всем налицо, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать наместнику псковскому, князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новугороду с огнестрельным снарядом.

Новогородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами: укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали князя Василия Шуйского-Гребенку в военачальники и, не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние и готовы отразить приступ, как

некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития, в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи: прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4 вторично прибыл к государю архиепископ Феофил с теми же чиновниками и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что новогородцы знают, как надобно бить челом великому князю.— В сей день пришли к городу царевич Данияр с воеводою, Василием Образцом, и брат великого князя, Андрей Старший, с тверским воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Волотове, На Деревенице и у Св. Николы на Островке.

Видя умножение сил и непреклонность великого князя — не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной — угрожаемые и мечом и голодом, новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и без надежды спасти вольность, надеялись переговорами сохранить хоть некоторые из ее прав. Декабря 5 владыка Феофил с посадниками и с людьми житыми, ударив челом великому князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! Мы, виновные, ожидаем твоей милости: *признаем* истину посольства Назариева и дьяка Захарии: но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн ответствовал им чрез бояр: «Я доволен, что вы признаете вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новегороде, как властвую в Москве».— Архиепископ и посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день.— Между тем пришло войско псковское, и великий князь, расположив его в Бис-

купицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростию сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостию и красою заслужил похвалу Иоаннову.

7 декабря Феофил возвратился в стан великокняжеский с посадниками и с выборными от пяти концов новогородских. Иоанн выслал к ним бояр. Архиепископ молчал: говорили только посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь велел наместнику своему судить вместе с нашим степенным посадником».— Феофилакт: «Предлагаем государю ежегодную дань со всех волостей новогородских, с двух сох гривну».— Лука: «Пусть государь держит наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине».— Яков Федоров бил челом, чтобы великий князь не выводил людей из владений новогородских, не вступался в отчины и земли боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы государь не требовал новогородцев к себе на службу и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России.

Бояре донесли о том великому князю и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» — Феофил и посадники били челом и сказали: «Не смеем *указывать;* но только желаем ведать, как государь намерен властвовать в своей новогородской отчине: ибо московских обыкновений не знаем». Великий князь велел своему боярину, Ивану Юрьевичу, ответствовать так: «Знайте же, что в Новегороде не быть ни вечевому колоколу, ни посаднику, а будет одна власть государева; что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины бояр и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя. Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился Феофил с чиновниками и сказал боярам великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни веча, ни посадника; молим только, чтобы государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, но с условием не выводить новогородцев в Низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу».

Великий князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою бояр великокняжеских или его будущего наместника новогородского», — сказал Феофил и посадники: но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты*: и той им не дали. Бояре московские объявили, что переговоры кончились.

Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на вече. Новогородцы думали, что великий князь хочет обмануть их и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности бояр, которые не стояли ни за вечевой колокол, ни за посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы! — восклицали тысячи: — умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения: и сии наконец превозмогли. Тогда князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных новогородцев, торжественно сложил с себя чин их воеводы и перешел на службу к великому князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы веча, архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в великокняжеский стан, хотя и не имели *опаса*[1]; изъявили смирение и молили, чтобы государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою новогородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны новогородской». Послы ударили челом и вышли; а бояре великокняжеские напомнили им, что государь требует волостей и сел в земле их. Новогородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей архиепископских и монастырских: не взял и тех. «Избери же, что тебе самому угодно, — сказали они: — полагаемся во всем на Бога и на

---

[1] Опас — опасная, то есть охранная грамота.

тебя». Великий князь хотел половины всех волостей архиепископских и монастырских: новогородцы согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей и в знак милости взял из Феофиловых только десять: что вместе с монастырскими составляло около 2700 *обеж*, или тягол[1], кроме земель новоторжских, также ему отданных.— Прошло шесть дней в переговорах.

Января 8 [1478 г.] владыка Феофил, посадники и житые люди молили великого князя снять осаду: ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе так, что многие умирали. Иоанн велел боярам своим условиться с ними о дани и хотел брать по семи денег с каждого земледельца; но согласился уменьшить сию дань втрое. «Желаем еще другой милости,— сказал Феофил: — молим, чтобы великий князь не посылал к нам своих писцов и даньщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести новогородской: сами исчислим людей и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен». Иоанн обещал.

Января 10 бояре московские требовали от Феофила и посадников, чтобы двор Ярославов был немедленно очищен для великого князя и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новогородцы хотели слышать присягу: государь послал ее к ним в архиепископскую палату с своим подьячим. На третий день владыка и сановники их сказали боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие государей, великих князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от государей, как Бог положит им на сердце и не имея уже иного упования». Дьяк новогородский списал сию клятвенную грамоту, а владыка и пять Концов утвердили оную своими печатями. Января 13 многие бояре новогородские, житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут государь велел сказать им, что пригороды их, заволочане и двиняне будут оттоле целовать крест на имя великих князей, не упоминая о Новегороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоземцам, находящимся у него в службе, ни псковитянам, и в случае

---

[1] Обжа — мера пахотной земли, единица налогообложения в новгородских землях; тягло — пахотный надел.

споров о землях ждали решения от наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы. Новогородцы обещались и вместе с Феофилом просили, чтобы государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: «Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород».

Января 15 рушилось древнее вече, которое до сего дня еще собиралось на дворе Ярослава. Вельможи московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Стрига-Оболенский, вступив в палату архиепископскую, сказали, что государь, вняв молению Феофила, всего священного Собора, бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию. Все знатнейшие граждане, бояре, житые люди, купцы целовали крест в архиепископском доме, а дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с боярских слуг и жен в пяти концах. Новогородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять против него единодушно и которая скреплена была пятидесятью осмью печатями.

Января 18 все бояре новогородские, дети боярские и житые люди били челом Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать великого князя о всяких злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в тайнах государевых. Они обещали то и другое. — В сей день Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями; января 20 отправил гонца в Москву к матери своей (которая без него постриглась в инокини), к митрополиту и к сыну с известием, что он *привел Великий Новгород во всю волю свою*; на другой день допустил к себе тамошних бояр, житых людей и купцов с дарами и послал своих наместников, князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять двор Ярославов; а сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец, 29 января, в Четверток Масляной недели, он с тремя братьями и с князем Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал Литургию, возвратился на Паозерье и пригласил к себе на обед всех знатнейших новогородцев.

10 Зак № 39

Архиепископ пред столом поднес ему в дар панагию[1], обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо[2], окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев. Гости пили, ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1 он велел взять под стражу купеческого старосту, Марка Памфилиева, февраля 2 славную Марфу Борецкую с ее внуком Василием Феодоровым (коего отец умер в муромской темнице), а после из житых людей — Григория Киприанова, Ивана Кузмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозного московского самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья Литвы. Никто не смел за них вступиться. Февраля 3 наместник великокняжеский, Иван Оболенский-Стрига, отыскал все письменные договоры, заключенные новогородцами с Литвою, и вручил их Иоанну.— Все было спокойно; но великий князь прислал в город еще двух иных наместников, Василия Китая и боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велев им занять дом архиепископский.

Февраля 8 Иоанн вторично слушал Литургию в Софийской церкви и обедал у себя в стане с братом Андреем Меньшим, с архиепископом и знатнейшими новогородцами. Февраля 12 владыка Феофил пред обеднею вручил государю дары: цепь, две чары и ковш золотые, весом около девяти фунтов; вызолоченную кружку, два кубка, мису и пояс серебряные, весом в тридцать один фунт с половиною, и 200 корабельников.— Февраля 17, рано поутру, великий князь отправился в Москву; на первом стане, в Ямнах, угостил обедом архиепископа, бояр и житых людей новогородских; принял от них несколько бочек вина и меда; сам отдарил всех, отпустил с милостию в Новгород и приехал в столицу 5 марта. Вслед за ним привезли в Москву славный вечевой колокол новогородский и повесили его на колокольне Успенского собора, на площади.— Если верить сказанию современного историка, Длугоша, то Иоанн приобрел несметное богатство в Новегороде и нагрузил 300 возов

---

[1] П а н а г и я — нагрудный знак епископа, носимый на цепи.

[2] С т р у ф о в о я й ц о — страусиное яйцо.

серебром, золотом, каменьями драгоценными, найденными им в древней казне епископской или у бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей, сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 14 000 000 флоринов: что без сомнения увеличено.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе державою народною, или республикою, и действительно имев образ демократии: ибо вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, сменяло, не только посадников, тысячских, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новагорода, который именовался *Государем*. Не в правлении вольных городов немецких — как думали некоторые писатели, — но в первобытном составе всех держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что князья, посадники, тысячские в Новегороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властию. Сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые люди, то есть домовитые, или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *бояре* или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцов: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью — свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане *младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что

посадники и тысячские избирались только из бояр; а другие сановники из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах веча. Бывшие посадники, в отличие от степенных или настоящих именуясь *старыми*, преимущественно уважались до конца жизни.— Ум, сила и властолюбие некоторых князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу новогородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новагорода составляет любопытнейшую часть древней российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою славянских рыбарей, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей и, будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы Северной и, дав бытие, дав государей нашему отечеству, успокоенный их властию, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть княжескую: воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще в XII посылал корабли в Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и Веры христианской; передавал Европе товары азиатские и византийские, сверх драгоценных произведений дикой натуры; сообщал России первые плоды ремесла европейского, первые открытия искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостию указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными новогородцами победил злочестивого Свя-

тополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение князей суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля ливонские, где орден меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: *кто против Бога и Великого Новагорода?* Жители его хвалились и тем, что они не были рабами моголов, как иные россияне: хотя и платили дань ординскую, но великим князьям, не зная баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умилительное торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискусственной простоте своей являют черты, пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к варягам, рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: «Ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем». Здесь посадник Твердислав, несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его защитою, если невинен; торжествует и навеки заключается в монастырь, жертвуя спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни. Тут достойный архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющих, именует новогородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга. В битвах с врагами иноплеменными посадники, тысячские умирали впереди за Святую Софию. Святители новогородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полк, который назывался *владычным*; будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не боялись ни гнева

митрополитов, ни мести государей московских. Видим также некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастии, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *новогородская честь, новогородская душа* служило иногда вместо клятвы. — Республика держится добродетелию и без нее упадает.

Падение Новагорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и где сражался, там побеждал, в войнах междоусобных и внешних: так было до XIV столетия. Счастием спасенный от Батыя и почти свободный от ига моголов, он более и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты. Богатые новогородцы стали откупаться серебром от князей московских и Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностию умереть за нее: кто откупается, тот признает свое бессилие и манит к себе властелина. Ополчения новогородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и Новгород мог только избирать одного из двух государей, литовского или московского: к счастию, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный; хотя новогородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством моголов: однако ж история должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть

чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, государь московский поставил одну грань своего царства на берегу Наровы, в угрозу немцам и шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями.— Император Гальба сказал: «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею». Историк русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотел твердого блага всей России».

Здесь умолкает *особенная* история Новагорода. Прибавим к ней остальные известия о судьбе его в государствование Иоанна. В 1479 году великий князь ездил туда, сменил архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою, и прислал в Москву, где он через шесть лет умер в обители Чудовской как последний из знаменитых народных владык; преемником его был иеромонах Троицкий, именем Сергий, избранный *по жребию* из трех духовных особ: чем великий князь хотел изъявить уважение к древнему обычаю новогородцев, отняв у них право иметь *собственных* святителей. Сей архиепископ, не любимый гражданами, через несколько месяцев возвратился в Троицкую обитель за болезнию. Место его заступил чудовский архимандрит Геннадий.— Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж Иоанн видел неудовольствие и слышал тайные жалобы новогородцев: надежда, что вольность может воскреснуть, еще жила в их сердце; нередко обнаруживалась природная их строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под стражу знатных людей: Василия Казимера с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на друга; но, приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками: Иоанн велел разослать их по темницам;

другим, явно невинным, дал поместья в областях московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, летописец именует *славную* жену Анастасию и боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал великий князь с двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но, будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть там спокойно.— В 1487 году перевели из Новагорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году наместник новогородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла: иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия митрополитова, роздал все новогородские церковные имения в поместье детям боярским.

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий князь, довольный его содействием в походе новогородском, прислал ему в дар кубок и милостиво обещал *не применять старины*; а сведав, что послы великокняжеские делают там наглые обиды жителям, с гордостию отвергают дары веча, но своевольно берут у граждан и поселян что им вздумается, он строго запретил такие насилия. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им единовластие с уставом естественной справедливости и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспоривал государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом новогородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостию. София была уже материю трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены; хотела сына и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их желания. Для сего ходила она пешком молиться в обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей Св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приблизился к великой княгине и *ввергнул его в ее недра*; София

затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи Святого и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи государем) митрополиту Иоасафу. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию.

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения: следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой, или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы ханов таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца. Сей посол должен был сказать хану, что великий князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало после заключить союз с ханом: для чего и дали ему *шертную*, или клятвенную грамоту с повелением изъяснить вельможам крымским, сколь усердно государь доброжелательствует их царю. Сверх того боярин Звенец имел поручение отдать хану наедине тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатию: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, великий князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на случай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы;

тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей хан отправил в Москву новых послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Спеши объявить царю виденное тобою; что сделалось с его *басмою* и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, князь московский!» — говорил он своим вельможам и начал собирать войско. Другие летописцы, согласные с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей государь послал одного служащего ему князя татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на великого князя за его ослушание и недовольный умеренностию даров его, хан условился с королем, чтобы татарам идти из волжских улусов к Оке, а литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством князей татарских.— К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив наместника, бывшего в Великих Луках, князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большое количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом боярским переходить из службы государя московского к князьям удельным. Иоанн требовал сего беглеца от

брата; но Борис ответствовал: «не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда великий князь приказал наместнику боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святые древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из удела Юриева, ни из областей новогородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец и что они не могут после того жить в государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих уделов; не хотели слушать боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех россиян, устрашенных вероятностию междоусобной войны. Между тем великий князь подозревал мать свою в тайном согласии с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею, и хотел быть великодушным: послал к ним ростовского святителя, Вассиана, с боярином Василием Федоровичем Образцом, и предлагал мир искренний, обещая Андрею, сверх наследственного удела, Алексин и Калугу. Но братья с гордостию отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел крымскому царевичу Нордоулату и воеводе звенигородскому, князю Василью Ноздроватому, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере устрашить хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын великого князя, младой Иоанн, выступил со всеми полками из столицы в Серпухов 8 июня 1480 г.; а дядя его, Андрей Меньший, из своего

удела. Сам государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцам и народу. Кроме митрополита, находился там архиепископ ростовский, Вассиан, старец ревностный ко славе отечества. Супруга Иоаннова выехала с двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к пределам Белаозера; а мать его, инокиня Марфа, вняв убеждениям духовенства, к утешению народа осталась в Москве.

Великий князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Димитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки лучше устроенные, воевод опытнейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностию располагаемый не верить слепому счастию, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею нашего отечества, и единственно *от нетерпения*: ибо Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Димитрий победил Мамая, чтоб видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовт, презирая остатки Капчакского ханства, хотел одним ударом сокрушить их и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолюбие не воина, но государя; а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием великому князю и некоторым из бояр, так что он желал, если можно, удалить решительную битву.

Ахмат, слыша, что берега Оки к рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с королевскими полками или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий князь, дав повеление сыну и

брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебиралися в Кремль с своим драгоценнейшим имением и, видя Иоанна, вообразили, что он бежит от хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас татарам! Отягощал землю налогами и не платил дани ординской! Разгневал царя и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного летописца, столь огорчило великого князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с материю, духовенством и боярами. «Иди же смело на врага!» — сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюся меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска».— Иоанн желал видеть сына и велел ему быть в столице с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «Ждем татар»; а Холмскому: «Лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий князь уступил общему мнению и дал слово крепко противоборствовать хану. В сие время он помирился с братьями, коих послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, митрополит, архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных.— Иоанн взял меры для защиты городов; отрядил дмитровцев в Переславль, москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы и 3 октября, приняв благословение от митрополита, поехал к войску. Никто ревностнее духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечом. Первосвятитель Геронтий, знаменуя государя крестом, с умилением сказал: «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный! как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы: ты не наемник! Избави врученное тебе богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!» Все духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили великого

князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 октября, на восходе солнца, вся сила ханская подступила к сей реке. Сын и брат великого князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов. Между тем многие татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь царю, или он силою дойдет до великого князя, а вам будет худо».

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали великому князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного татарами, не устыдились думать, что государи московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и, не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, государь послал боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и князю ординскому, Темиру. Но царь не хотел слушать их, отвергнул дары и сказал боярину: «Я пришел сюда наказать Ивана за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет

челом и уже девять лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен и что Иоанн должен *у царского стремени* вымолить себе прощение. Великий князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя вельможу, Никифора Басенка, угодника ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и Паисий, игумен троицкий, убедительными грамотами напоминали великому князю обет его стоять крепко за отечество и Веру. Старец Вассиан писал так:

«Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родительницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление!.. Государь! каким советам внимаешь? людей, недостойных имени христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не излияется в слезах от единыя мысли? О государь! кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? *Взыграеши ли яко орел и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? свергнет тебя Господь и оттуду*... Нет, нет! уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости Его! Един пожнет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа Святого: *не суть боги их яко Бог наш!* Господь мертвит и живит:

Он даст силу твоим воинам. Язычник, философ Демокрит, в числе главных царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: *имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде* — но стал в лицо Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и *богоборца*. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует; древле потопил фараона и спас Израиля: спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восставит нам тебя, государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы и одолееши врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет господь: *Аз воздвигох тя, царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость царей разрушиши; и аз пред тобою иду, и горы сравняю, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломлю*... и дарует тебе Всевышний царство славное и сынам сынов твоих в род и род во веки. А мы Соборами Святительскими день и нощь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниею небесною и яко псы гладные да лижут землю языками своими!

Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуду слова Евангельского: *претерпевый до конца, той спасен будет*. Наконец прошу тебя, государь, не осудить моего худоумия; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будет мудрее*. Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоем сыне, на всех боярах и воеводах, на всем христолюбивом воинстве... Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, *исполнился веселия, мужества и крепости*: не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялися с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: россияне и татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к городищу Опакову и велел ей украдкою переплыть Оку: воеводы Иоанновы не пустили татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал литовцев и зимы. О литовцах не было слуха; но в исходе октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и великий князь приказал всем нашим воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на полях боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но бояре и князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам летописцев: татары, видя левый берег Угры оставленный россиянами, вообразили, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, хан спешил удалиться [7 ноября]. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие

ханское на Россию: царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника московского. Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей украйны[1]; но был немедленно изгнан оттуда братьями великого князя, посланными с войском вслед за неприятелем. Один летописец казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово, сказывая, что крымский царевич Нордоулат и князь Василий Ноздроватый счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли юрт Батыев (вероятно, Сарай), множество пленников, добычи и могли бы вконец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. «Что делаешь? — сказал он своему царевичу: — вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы московской: нанес удар Ахмату: довольно; не губи остатков!» Нордоулат удалился; а хан, сведав о разорении улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России, великий князь ждал их действия и для того не хотел битвы. Но все другие летописцы славят единственно милость Божию и говорят: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость государства. Народ веселился; а митрополит уставил особенный ежегодный праздник Богоматери и Крестный ход июня 23 в память освобождения России от ига моголов: ибо здесь конец нашему рабству.

Ахмат имел участь Мамая. Он вышел из Литвы с богатою добычею: князь *шибанских*, или тюменских, улусов, Ивак, желая отнять ее, с ногайскими мурзами, Ямгурчеем, Мусою и с шестнадцатью тысячами козаков гнался за ним и от берегов Волги до Малого Донца, где сей хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих уланов. Ивак приблизился ночью, окружил на рассвете царскую *белую вежу*, собственною ру-

[1] Украйна — окраина, в данном случае — юг Московских земель.

кою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить великому князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях волжских имя царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши князья более двух веков раболепствовали ханам, обратилась в развалины, доныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны.— Отселе татары шибанские и ногайские, коих улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским, являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвою, нередко служа орудием ее политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлуя, а себя истинным царем *Бесерменским*; искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы россияне были природными подданными всякого хана татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и державы, москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от

самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная, и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего духовенства и в особенности Вассиана, коего послание к великому князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался [1481 г.], оплакиваемый всеми добрыми согражданами. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы.— Тогда же преставился и брат великого князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30 000 рублей для платежа в Орды, в Казань и царевичу Данияру; велит выкупить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает государю удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Волге и проч. Таким образом, делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, великий князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем Старшим, за Борисом и за детьми их уделы родительские с частию московских пошлин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается об издержках ординских: хотя великий князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу. Содержание царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в ногайские улусы, требовали немалых расходов, в коих Андрей и Борис Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею боярина Тимофея Игнатьевича Скрябу, с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и Казимира, в случае, если

преемники Ахматовы или король замыслят опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с князем крымским, Именеком, нашим доброжелателем, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* с золотою печатию для свободного пребывания во всех московских владениях: ибо Довлетек, не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Странное действие судьбы: Россия, столь долго губимая татарами, сделалась их покровительницею и верным убежищем в несчастиях!

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1480—1490 гг.

Война с Ливонским орденом. Литовские дела. Хан крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с крымским ханом. Король венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавского. Завоевание Твери. Присоединение удела верейского к Москве. Князья ростовские, ярославские лишены прав владетельных. Происшествия рязанские. Покорение Казани. Сношения с ханом крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков жидовских. Свержение митрополита; избрание нового.

В сие время Иоанн предпринял нанести удар ливонским немцам. Еще в 1478 году, покоряя Новгород, московская рать входила в их нарвские пределы и возвратилась оттуда с добычею. Скоро после того купцы псковские были задержаны в Риге и в Дерпте: у некоторых отняли товары, других заключили в темницу. Псковитяне сделали то же и с купцами дерптскими; но не хотели войны и, считая себя в мире с немцами, удивились, когда рыцари заняли Вышегородок. Сие известие пришло во Псков ночью: ударили в вечевой колокол; граждане собралися и на рассвете выступили против неприятеля. Оставив

Вышегородок, немцы явились под Гдовом. С помощию великого князя и с его воеводою, князем Андреем Никитичем Ногтем, присланным из Новагорода, псковитяне заставили их бежать, сожгли Костер на реке Эмбахе, взяли там несколько пушек, осаждали Дерпт и возвратились обремененные добычею. Сие впадение россиян в Дерптскую землю описано самим магистром ливонским, Бернгардом, в донесении его к главе Прусского ордена; нет лютости, в которой бы он не обвинял их; убиение людей безоружных было легчайшим из злодейств, ими будто бы совершенных. Напомним читателю сказание византийских историков о свирепости древних славян или повествование наших летописцев о набегах татарских; россияне, по словам Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сих варваров. Магистр готовил месть: сведав, что воевода московский, недовольный псковитянами, ушел от них с своею дружиною и что Иоанн занят войною с Ахматом, Бернгард требовал помощи, людей и денег от Прусского ордена; желая действовать всеми силами, но боясь упустить время, приступил к Изборску: не мог взять его и выжег только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дым, жаловались на своего князя, Василия Шуйского, что он пьет и грабит их, а защитить не умеет. Немцы обратили в пепел городок Кобылий, умертвив до четырех тысяч жителей, и наконец (в 1480 году, августа 20) осадили Псков. Войско их, как пишут, состояло из 100 000 человек, большею частию крестьян, худо вооруженных и совсем неспособных к ратным действиям, так, что необозримый стан его за рекою Великою походил на цыганский: шум и беспорядок господствовали в оном. Но псковитяне ужаснулись. Многие бежали, и сам князь Шуйский уже садился на коня, чтобы следовать примеру малодушных: граждане остановили его; делали мирные предложения магистру, с обрядами священными носили вокруг стен одежду своего незабвенного героя Довмонта и наконец исполнились мужества. Бернгард, имея 13 дерптских судов с пушками, старался зажечь город. Немцы пристали к берегу: тут россияне, вооруженные секирами, мечами, камнями, устремились в бой и смяли их в реку. Немцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, сняв осаду, ушли. «Мы тщетно предлагали россиянам битву в поле,— говорит Бернгард в письме к начальнику Прусского ордена: — река Великая не допустила нас до города». Ожидая нового нападения, псковитяне требовали за-

щиты от братьев Иоанновых, Андрея и Бориса, которые ехали тогда из Великих Лук в Москву с сильною дружиною; но сии князья ответствовали, что им не время думать о немцах, и мимоездом ограбили несколько деревень за то, как сказано в одной летописи, что псковитяне, опасаясь Иоаннова гнева, не хотели принять к себе их княгинь, бывших в Литве.

Магистр, испытав неудачу, распустил войско: сия оплошность дорого стоила бедной земле его. Сведав о неприятельских действиях ордена и не имея уже других врагов, Иоанн послал воевод, князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенского, с двадцатью тысячами на Ливонию, кроме особенных полков новогородских, предводимых наместниками, князем Василием Федоровичем и боярином Иваном Зиновьевичем. Псков был местом соединения российских сил, достаточных для завоевания всей Ливонии; но умеренный Иоанн не хотел оного, имея в виду иные, существеннейшие приобретения: желал единственно вселить ужас в немцев и тем надолго успокоить наши северо-западные пределы. В исходе февраля 1481 года рать великокняжеская, конница и пехота, вступила в орденские владения и разделилась на три части: одна пошла к Мариенбургу, другая к Дерпту, третья к Вальку. Неприятель нигде не смел явиться в поле: россияне целый месяц делали что хотели в земле его; жгли, грабили; взяли Феллин, Тарваст, множество людей, лошадей, колоколов, серебра, золота; захватили обоз магистра: едва и сам Бернгард не попался им в руки, бежав из Феллина за день до их прихода. Некоторые города откупались: летописец обвиняет корыстолюбие князей Булгака и Ярослава, тайно бравших с них деньги. Всех более потерпели священники: москвитяне ругались над ними, секли их и жгли, как сказано в бумагах орденских; дворян, купцов, земледельцев, жен, детей отправляли тысячами в Россию и тяжелые обозы с добычею. Весенняя распутица освободила наконец Ливонию: полки наши возвратились во Псков; а Бернгард, оплакивая судьбу ордена, винил во всем великого магистра прусского, не давшего ему помощи; другие же обвиняли епископа дерптского, который, имея свое особенное войско, не хотел действовать совокупно с рыцарями. Но обстоятельства переменились: орден три века боролся с новогородцами и псковитянами, часто несогласными между собою: единовластие давало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности. — В 1483 году

послы Иоанновы заключили в Нарве перемирие с немцами на 20 лет.

С Литвою не было ни войны, ни мира. Иоанн предлагал мир, но требовал наших городов и земель, коими завладел Витовт; а король требовал Великих Лук и даже Новагорода. С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно. Россия имела друзей в Литве между князьями единоверными: трое из них, Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский, правнуки славного Ольгерда, будучи недовольны Казимиром, замыслили поддаться Иоанну с их уделами в земле Северской. Сие намерение открылось: король велел схватить двух первых; а Бельский (в 1482 году) ушел в Москву, оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Так сказано о сем происшествии в наших летописях. Историк польский говорит следующее: «Князья северские, приехав в Вильну, хотели видеть короля; но страж не позволил им войти во дворец и дверью прихлопнул одному из них ногу: Казимир осудил сего воина на смерть, однако ж не мог укротить тем злобы князей: считая себя несносно обиженными и давно имея разные досады на правительство литовское, к ним неблагосклонное за иноверие, они поддалися государю московскому». Иоанн, в надежде воспользоваться услугами Бельского, принял его с отменною милостию и дал ему в отчину городок Демон.

Казимир поставил 10 000 ратников в Смоленске, однако ж не смел начать войны; ласково угостил в Гродне чиновников Пскова и снисходительно удовлетворил всем их требованиям в спорных делах с Литвою; между тем советовал Ахматовым сыновьям, Сеид-Ахмату и Муртозе, тревожить Россию и старался отвлечь хана Менгли-Гирея от нашего союза: в чем едва было и не успел, подкупив вельможу крымского, Именека, который склонил государя своего заключить (в 1482 году) мир с Литвою. Но Иоанн разрушил сей замысел: послы великокняжеские, Юрий Шестак и Михайло Кутузов, сильными представлениями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя неприятелем Казимировым, так что он в 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегах Днепра, взял Киев, пленил тамошнего воеводу, Ивана Хотковича, опустошил город, сжег монастырь Печерский и прислал к великому князю дискос

и потир Софийского храма, вылитые из золота[1]. Сей случай оскорбил православных москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылает варваров на единоверных жечь и грабить Святые церкви, древнейшие памятники нашего христианства; но великий князь, думая единственно о выгодах государственных, изъявил благодарность хану, убеждая его и впредь ревностно исполнять условия их союза. «Я с своей стороны, — приказывал к нему Иоанн, — не упускаю ни единого случая делать тебе угодное: содержу твоих братьев в России, Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей». Великий князь в самом деле поступал как истинный, усердный друг Менгли-Гиреев. Взаимная ненависть ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертию Ахмата, несмотря на то, что султан турецкий, правом верховного мусульманского властителя, запретил им воевать между собою. Скитаясь в донских степях с особенным своим улусом, царь Муртоза, при наступлении жестокой зимы (в 1485 году), искал убежища от голода в окрестностях Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, пленил его, отослал в Кафу и разбил еще улус князя Золотой Орды, Темира; но сей князь в следующее лето, соединясь с другим Ахматовым сыном, нечаянно напал на Тавриду — когда жители и воины ее занимались хлебопашеством, — едва не схватил самого Менгли-Гирея, освободил Муртозу и с добычею удалился в степи. Великий князь, сведав о том, немедленно отрядил войско на улусы Ахматовых сыновей и прислал к Менгли-Гирею многих крымских пленников, выручённых россиянами.

В Венгрии царствовал Матфей Корвин, сын славного Гуниада, знаменитый остроумием и мужеством: будучи неприятелем Казимира, он искал дружбы государя московского и в 1482 году прислал к нему чиновника, именем Яна; а великий князь, приняв его благосклонно, вместе с ним отправил к королю дьяка Федора Курицына, чтобы утвердить договор, заключенный в Москве между сими двумя государствами и разменяться грамотами. Обе державы условились вместе воевать королевство Польское в удобное для того время. — Венгрия, быв некогда в частых сношениях с южною Россиею, уже около двухсот лет как бы не существовала для нашей истории: Иоанн

---

[1] Дискос, потир — предметы церковной утвари, блюдо и чаша.

возобновил сию древнюю связь, которая могла распространить славу его имени в Европе и способствовать нашему гражданскому образованию. Великий князь требовал от Матфея, чтобы он доставил ему: 1) художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных; 2) *размыслов*, или инженеров; 3) серебреников для делания больших и малых сосудов; 4) зодчих для строения церквей, палат и городов; 5) горных мастеров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли. «У нас есть серебро и золото,— велел он сказать королю: — но мы не умеем чистить руду. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моем государстве».— Дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, был задержан турками в Белегороде, но освобожден старанием короля и Менгли-Гирея. Новые взаимные посольства, ласковые письма и дары утверждали сию приязнь. Иоанн (в 1488 году) подарил Матфею черного соболя с коваными золотыми ноготками, обсаженными крупным новогородским жемчугом; в знак особенного уважения допускал к себе послов венгерских, изустно говорил с ними, дозволял им садиться и сам подавал кубок вина. Зная, что дружество государей бывает основано на политике, он внимательно наблюдал Матфееву и предписывал своим послам разведывать о всех его сношениях с Турциею, римским императором, с Богемиею и с Казимиром.

В сие время явилась новая знаменитая держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой политики. Мы говорили о начале Молдавского княжества, управляемого воеводами, коим имена едва нам известны до самого Стефана IV, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшего имя свое в историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастии, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих властителей, российского и молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связию между ими. Стефан, кроме турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от коро-

левства Польского; второй, будучи присяжником султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог содействовать ее независимости и безопасности, обуздывая короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал России усердно. Сей *воевода* и *господарь* — так называет он себя в своих грамотах, — противоборствуя насилиям султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственный: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать великого князя. Боярин Михайло Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери великого князя и до свадьбы имела время познакомиться с женихом. Их обвенчали в самый праздник Крещения. Увидим, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внешнею политикою утверждая безопасность государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осьмидесяти верстах от Москвы видел российское особенное княжество, державу равного себе государя, по крайней мере именем и правами. Со всех сторон окруженная московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурин Иоаннов, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимирова к великому князю, пример бывших тверских владетелей, искони друзей Литвы, и легковерие надежды, вселяемое страхом в ма-

лодушных, обратили Михаила к королю: будучи вдовцом, он вздумал жениться на его внучке и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагая тверским войском, оставлял шурина в покое: узнав же о сем тайном союзе и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей князь, затрепетав, спешил умилостивить Иоанна жертвами: отказался от имени *равного* ему брата, признал себя *младшим*, уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну. Тверской епископ был посредником, и великий князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель сей державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, князя можайского, боровского, ни с другими российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих вовеки не поддаваться Литве; что великий князь обещает не вступаться в Тверь, и проч. Но сей договор был последним действием тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде новогородскую; начал теснить землю и подданных Михаиловых: если они чем-нибудь досаждали москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если москвитяне отнимали у них собственность и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем государе, искали его в московском: князья микулинский и дорогобужский вступили в службу великого князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. Вслед за ними приехали и многие бояре тверские. Что оставалось Михаилу? Готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали и представили Иоанну письмо Михаилово к королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо князь тверской обещался не сноситься с Литвою, а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву епископа и князя холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел наместнику новогородскому, боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 августа со многочисленным войском и с огнестрельным сна-

рядом (вверенным искусному Аристотелю); сентября 8 осадил Михаилову столицу и зажег предместие. Чрез два дня явились к нему все тайные его доброжелатели тверские, князья и бояре, оставив государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спасаться бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву. Тогда епископ, князь Михаил Холмский с другими князьями, боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему монарху России. Великий князь послал бояр своих и дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения и торжественно объявил, что дарует сие княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву. Чрез некоторое время он послал бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новогородок описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей.

Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой державы, которая от времен святого Михаила Ярославича именовалась *великим* княжением и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим россиянам в промышленности, славился мужеством и верностию к государям. Князья тверские имели до 40 000 конного войска; но, будучи врагами московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изгнанником в Литве, не оставив сыновей.

Иоанн известил Матфея, короля венгерского, о покорении Твери и велел сказать ему: «Я уже начал воевать с Казимиром, ибо князь тверской его союзник. Наместники мои заняли разные места в литовских пределах, и хан Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнем и мечом опустошает Казимировы владения. И так помогай мне, как мы условились». Но Матфей, отняв тогда у императора знатную часть Австрии и Вену, хотел отдохновения в старости. «Душевно радуюсь, — писал он к великому князю, — успехам твоего единовластия в России. Я готов исполнить договор и вступить в землю общего врага нашего, когда узнаю, что ты всеми силами против него действуешь. Ожидаю сей вести».

Между тем, возбуждая друг друга к войне польской, они не начинали ее и занимались иными делами.

Взяв Тверь мечом, Иоанн грамотою присвоил себе удел верейский. Единственный сын и наследник князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на гречанке Марии, Софииной племяннице, должен был еще при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семействе великокняжеском, как сказывает летописец. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а великий князь, объявив его навеки лишенным отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославец, Белоозеро, Верею по кончине своей уступить ему, государю московскому, в потомственное владение. Михаил Андреевич умер весною в 1485 году, сделав великого князя наследником и душеприказчиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы государь не пересуживал его судов.

Присоединяя уделы к великому княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с единовластием: они добровольно уступили их государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее великому князю.— Сим восстановилась целость северной Российской державы, как была оная при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также уделов муромского и некоторых черниговских, великое княжение Московское было уже достойно имени государства.— Но Рязань еще сохраняла вид державы особенной: любя сестру свою, княгиню Анну, Иоанн позволял супругу и сыновьям ее господствовать там независимо. Зять его, Василий Иванович, преставился в 1483 году, отказав большему сыну, Ивану, великое

княжение Рязанское, с городами Переславлем, Ростиславлем и Пронском, а Феодору меньшему Перевитеск и Старую Рязань с третию доходов переславских. Сии два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себе четвертую часть их всех казенных пошлин, и в 1486 году заключили между собою договор, чтобы одному наследовать после другого, если не будет у них детей, и чтобы никаким образом не отдавать своего княжества в иной род. Они боялись, кажется, чтоб государь московский не объявил себя их наследником.

Новый блестящий успех прославил оружие Иоанново. Еще в 1478 году царь казанский, нарушив клятвенные обеты, воевал зимою область Вятскую, приступал к ее городам, опустошил села и вывел оттуда многих пленников, будучи обманут ложною вестию, что Иоанн разбит новогородцами и сам-четвёрт[1] шел раненый в Москву. Великий князь отмстил ему весною: устюжане и вятчане выжгли селения в окрестностях Камы; а воевода московский, Василий Образец, на берегах Волги: он доходил из Нижнего до самой Казани и приступил к городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагим просил мира, заключил его и скоро умер, оставив много детей от разных жен. Казань сделалась феатром несогласия и мятежа чиновников: одни хотели иметь царем Магмет-Аминя, меньшего Ибрагимова сына, коего мать, именем Нурсалтан, дочь Темирова, сочеталась вторым браком с ханом таврическим, Менгли-Гиреем; другие держали сторону Алегама, старшего сына, и с помощию ногаев возвели его на престол, к неудовольствию Иоанна, который доброжелательствовал пасынку своего друга, Менгли-Гирея, знал ненависть Алегамову к России и сверх того опасался тесного союза Казани с ногаями. Юный Магмет-Аминь приехал в Москву: великий князь дал ему в поместье Коширу и наблюдал все движения Алегамовы. Воеводы московские стояли на границах; вступали иногда и в Казанскую землю. Царь мирился; нелюбимый подданными, обещал быть нам другом, обманывал и злодействовал. Наконец Иоанн, видя непримиримую его злобу, в апреле 1487 года послал Магмет-Аминя и славного Даниила Холмского с сильною ратию к Казани. Маия 18 Холмский осадил ее: июля 9 взял город и царя. Сию радостную весть привез в Москву князь Федор Ряполовский:

---

[1] Сам-четвёрт — вчетвером.

Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарил Небо, что оно предало ему в руки Мамутеково царство, где его отец, Василий Темный, лил слезы в неволе. Но мысль совершенно овладеть сим древним Болгарским царством и присоединить оное к России еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народ Веры Магометовой, духа ратного, беспокойного, нелегко мог быть обуздан властию государя христианского, и мы еще не имели всегдашнего, непременного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Иоанн только назвался *государем Болгарии*, но дал ей собственного царя: Холмский его именем возвел Магмет-Аминя на престол, казнил некоторых знатных уланов, или князей, и прислал Алегама в Москву, где народ едва верил глазам своим, видя царя татарского пленником в нашей столице. Алегам с двумя женами был сослан в Вологду; а мать, братья и сестры его в Карголом на Белеозере.

Иоанн немедленно уведомил о сем счастливом происшествии Менгли-Гирея и в особенности царицу Нурсалтан, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, из благодарности за ее сына, им возвеличенного, способствовала твердости союза между Россиею и Крымом. Сия искренняя, взаимная приязнь не изменялась. Великий князь уведомлял Менгли-Гирея о замыслах ханов ординских, о частых их сношениях с Казимиром; и, сведав, что они двинулись к Тавриде, отрядил козаков с Нордоулатом, бывшим царем крымским, на улусы Золотой Орды; велел и Магмед-Аминю тревожить ее нападениями; советовал также Менгли-Гирею возбудить ногаев против сыновей Ахматовых. Сообщение между Тавридою и Россиею подвергалось крайним затруднениям, ибо волжские татары хватали в степях, кого встречали, на берегах Оскола и Мерли: для того Иоанн предлагал хану уставить новый путь через Азов с условием, чтобы турки освободили россиян от всякой пошлины. Сия безопасность пути нужна была не только для государственных сношений и купцов, но и для иноземных художников, вызываемых великим князем из Италии и ездивших в Москву через Кафу. Кроме обыкновенных гонцов, отправлялись в Тавриду и знаменитые послы: в 1486 году Семен Борисович, в 1487 боярин Дмитрий Васильевич Шеин, с ласковыми грамотами и дарами, весьма умеренными; например, в 1486 году Иоанн послал царю три шубы — рысью, кунью и беличью,— три соболя

и корабельник, жене его и брату, калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу. За то и сам хотел даров: узнав, что царица Нурсалтан достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, может быть, сей хан похитил в Москве при Димитрии Донском), он неотступно требовал ее в письмах и наконец получил от царицы.— Как истинный друг Мангли-Гирея, Иоанн способствовал его союзу с королем венгерским и не дал ему сделать важной политической ошибки. Сей случай достопамятен, показывая ум великого князя и простосердечие хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдар и Нордоулат, добровольно приехав в Россию, уже не имели свободы выехать оттуда. Хан Золотой Орды, Муртоза, желал переманить Нордоулата к себе и (в 1487 году) прислал своего чиновника в Москву с письмами к нему и к великому князю, говоря первому: «Брат и друг мой, сердцем праведный, величеством знаменитый, опора Бесерменского царства! Ты ведаешь, что мы дети единого отца; предки наши, омраченные властолюбием, восстали друг на друга: немало было зла и кровопролития; но раздоры утихли: следы крови омылися млеком, и пламень вражды погас от воды любовной. Брат твой, Менгли-Гирей, снова возбудил междоусобие: за что господь наказал его столь многими бедствиями. Ты, краса отечества, живешь среди неверных: сего мы не можем видеть спокойно и шлем твоему величеству *тяжелый поклон с легким даром* чрез слугу, Ших-Баглула: открой ему тайные свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестия? Мы напишем о том к *Ивану*. Где ни будешь, будь здрав и люби наше братство». Письмо к великому князю содержало в себе следующее: «Муртозино слово Ивану. Знай, что царь Нордоулат всегда любил меня: отпусти его, да возведу на царство, свергнув моего злодея, Менгли-Гирея. Удержи в залог жену и детей Нордоулатовых: когда он сядет на престол, тогда возьмет их у тебя добром и любовию». Великий князь посмеялся над гордостию Муртозы; задержав его посла, известил о том Менгли-Гирея и прибавил, что король польский тайно зовет к себе другого брата ханского, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеством забот, сам желал уступить Нордоулату половину трона, чтобы он, вместе с ним царствуя, своим умом и мужеством облегчил ему тягость власти. «Отправь его ко мне,— писал Менгли-Гирей к Иоанну,— мы забудем прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идет, куда

11 Зак. № 39

хочет». Великий князь ответствовал, что не может исполнить требования столь неблагоразумного; что властолюбие не знает ни братства, ни благодарности; что Нордоулат, быв сам царем в Тавриде, не удовольствуется частию власти, имея дарования и многих единомышленников; что долг приязни есть остерегать приятеля и не соглашаться на то, что ему вредно. Сии представления образумили и, может быть, спасли Менгли-Гирея.

Несчастная судьба Алегама оскорбила шибанских и ногайских владетелей, связанных с ним родством: царь Ивак, мурзы Алач, Муса, Ямгурчей и жена его прислали в Москву грамоты, убеждая в них освободить сего пленника. Ивак писал к великому князю: «Ты мне брат, я государь бесерменский, а ты христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? Отпусти моего брата, Алегама. Какая тебе польза держать его в неволе? вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь». Мурзы изъявляли в своих письмах более смирения, говоря, что они шлют великому князю *тяжелые поклоны с легким даром* и ждут от него милости; что отцы их жили всегда в любви с государями московскими; что обстоятельства удаляли юрт Иваков от пределов России, но что сей царь, победив недругов, снова к ней приближается и хочет Иоанновой дружбы. Послы ногайские желали еще, чтобы купцы их могли свободно приезжать к нам и торговать везде без пошлин. Государь велел объявить им следующий ответ: «Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженного, не отпускаю; а другом вашим быть соглашаюсь, если царь Ивак казнит разбойников, людей Алегамовых, которые у него живут и грабят землю мою и сына моего, Магмет-Аминя; если возвратит все похищенное ими или не будет впредь терпеть подобных злодейств». В ожидании сего требуемого удовлетворения Иоанн задержал в Москве одного из послов, отпустил других и велел, чтобы ногайцы ездили в Россию всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскою землею, как они приехали. Сии сношения продолжались и в следующие годы, представляя мало достопамятного для истории. Видим только, что Орда Ногайская, кочуя на берегах Яика и близ Тюменя, имела разных царей и сильных мурз, или князей владетельных; называясь их другом, Иоанн говорил с ними языком повелителя; *дозволил* князю Мусе, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмет-Аминя, но не велел последнему

выдавать сестры за сына мурзы ногайского, Ямгурчея, коего люди, вместе с жителями астраханскими, грабили наших рыболовов на Волге; несмотря на все убедительные просьбы ногайских владетелей, держал Алегама в неволе, ответствуя: «из уважения к вам даю ему всякую льготу»; посылал к ним гонцов и дары, ипрские сукна, кречетов, рыбьи зубы, не забывая и жен их, которые в своих приписках именовались его *сестрами*; но, строго наблюдая пристойность в дворских обрядах и различая послов, великий князь изъяснялся с ногайскими единственно через второстепенных сановников, казначеев и дьяков. Главною целию Иоанновой политики в рассуждении сего кочевого народа было возбуждать его против Ахматовых сыновей и не допускать до впадения в землю Казанскую, где Магмет-Аминь царствовал как присяжник и *данник* России: ибо в тогдашних бумагах находим жалобу Магмет-Аминя на чиновника московского, Федора Киселева, который сверх обыкновенных пошлин взял у жителей Цывильской области несколько кадок меда, лошадей, куниц, бобров, лисьих шкур и проч.

Подчинив себе Казань, государь утвердил власть свою над Вяткою. В то время, когда Холмский действовал против Алегама, беспокойный ее народ, не менее своих братьев, новогородцев, привязанный к древним уставам вольности, изъявил непослушание и выгнал наместника великокняжеского. Несмотря на многочисленность войска, бывшего в Казанском походе, Иоанн имел еще иное в готовности и послал воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежников; но вятчане умели обольстить Кутузова: приняв их оправдание, он возвратился с миром. Великий князь назначил других полководцев, князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые с 60 000 воинов приступили к Хлынову. Жители обещались повиноваться, платить дань и *служить службы* великому князю, но не хотели выдать главных виновников бунта: Аникиева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнем: велели окружить город плетнями, а плетни берестом и смолою. Оставалось несколько минут на размышление: вятчане представили Аникиева с товарищами, коих немедленно послали окованных к государю. Народ присягнул в верности. Ему дали новый устав гражданский, согласный с самодержавием, и вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцов с женами и детьми в Москву. Иоанн поселил земских людей в Боровске и в Кре-

менце, купцов — в Дмитрове, а трех виновнейших мятежников казнил: чем и пресеклось бытие сей достопамятной народной державы, основанной выходцами новогородскими в исходе второго-надесять века, среди пустынь и лесов, где в тишине и неизвестноти обитали вотяки с черемисами. Долго история молчала о Вятке: малочисленный ее народ, управляемый законами демократии, строил жилища и крепости, пахал землю, ловил зверей, отражал нападения вотяков и, мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камою и Югом, устьем Вятки и Сысолою; начал торговать с пермяками, казанскими болгарами, с восточными новогородскими и великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих русских норманнов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге. В исходе XIV века уже часто упоминается в летописях о Вятке. Полководец Тохтамыша выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки. Воеводы Иоанновы вместе с Вяткою покорили и землю *Арскую* (где ныне город Арск); сия область древней Болгарии имела своих князей, взятых тогда в плен и приведенных в Москву: государь отпустил их назад, обязав клятвою подданства.

Среди блестящих деяний государственных, ознаменованных мудростию и счастием венценосца, он был поражен несчастием семейственным. Достойный наследник великого князя, Иоанн Младой, любимый отцом и народом, пылкий, мужественный в опасностях войны, в 1490 году занемог ломотою в ногах (что называли тогда *камчюгою*). За несколько месяцев перед тем сыновья Рала Палеолога, быв в Италии, привезли с собою из Венеции, вместе с разными художниками, лекаря, именем Мистра Леона, родом жидовина: он взялся вылечить больного, сказав государю, что ручается за то своею головою. Иоанн поверил и велел ему лечить сына. Сей медик, более смелый, нежели искусный, жег больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давал пить какое-то зелие. Недуг

усилился: юный князь, долго страдав, к неописанной скорби отца и подданных скончался, имев от рождения 32 года. Иоанн немедленно приказал заключить Мистра Леона в темницу и через шесть недель казнил всенародно на Болванове за Москвою-рекою[1]. В сем для нас жестоком деле народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь. Такую же участь имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев, так, что и славный Аристотель хотел немедленно уехать из России: Иоанн разгневался и велел заключить его в доме; но скоро простил.

Строгий в наказании бедных неискусных врачей, сей государь в то же время изъявил похвальную умеренность в случае важном для веры, в расколе столь бедственном, по выражению современника, Св. Иосифа Волоцкого, что благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова. Расскажем обстоятельства. Был в Киеве жид именем Схариа, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород с князем Михайлом Олельковичем, он умел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась жидовская ересь. Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррою и развратил, вместе с Дионисием, многих духовных и мирян, между коими находился протоиерей Софийской церкви, Гавриил, и сын знатного боярина, Григорий Михайлович Тучин. Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников новогородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства[2]: Св. Иосиф Волоцкий дает ему имя *астролога* и *чернокнижника*: и так вероятно, что Схариа обольщал россиян иудейскою каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых

---

[1] Болванов, Болвановка — нынешняя Таганская площадь.

[2] Прославление жидовства — проповедь иудаизма, исповедующего Ветхий Завет и не признающего мессианство Христа.

людей (например, Иоанн Пик Мирандольский[1]) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея; многие уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, и главный источник Соломоновой мудрости; что они знают все тайны природы, могут изъяснить сновидения, угадывать будущее, повелевать духами; что сею наукою Моисей восторжествовал над египетскими волхвами, Илия повелевал огнем небесным, Даниил смыкал челюсти львам; что Ветхий Завет исполнен хитрых иносказаний, объясняемых каббалою; что она творит чудеса посредством некоторых слов Библии, и проч. Неудивительно, если сии внушения произвели сильное действие в умах слабых, и хитрый жид, овладев ими, уверил их и в том, что Мессия еще не являлся в мире. — Внутренно отвергая святыню христианства, новогородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия так, что великий князь в 1480 году взял попов Алексия и Дионисия в Москву как пастырей, отличных достоинствами: первый сделался протоиереем храма Успенского, а второй — Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новегороде. Алексий снискал особенную милость государя, имел к нему свободный доступ и тайным своим учением прельстил архимандрита симоновского, Зосиму, инока Захарию, дьяка великокняжеского Федора Курицына и других. Сам государь, не подозревая ереси, слыхал от него речи двусмысленные, таинственные: в чем после каялся наедине Святому Иосифу, говоря, что и невестка его, княгиня Елена, была вовлечена в сей жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым. Между тем Алексий до конца жизни пользовался доверенностию государя и, всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, был главною виною того, что Иоанн, по смерти митрополита Геронтия, возвел сего архимандрита симоновского (в 1490 году) на степень первосвятителя. «Мы увидели, — пишет Иосиф, — чадо сатаны

---

[1] Иоанн Пик Мирандольский — итальянский философ Джованни Пико делла Мирандола. Его трактат «900 тезисов по философии, каббалистике и теологии» был объявлен еретическим.

на престоле угодников Божиих, Петра и Алексия, увидели хищного волка в одежде мирного пастыря». Тайный жидовин еще скрывался под личиною христианских добродетелей.

Наконец архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде: собрав все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд государю и митрополиту вместе с виновными, большею частию попами и диаконами; он наименовал и московских их единомышленников, кроме Зосимы и дьяка Федора Курицына. Государь призвал епископов, Тихона Ростовского, Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сарского, Филофея Пермского, также многих архимандритов, игуменов, священников и велел Собором исследовать ересь. Митрополит председательствовал. С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту: сам Зосима казался изумленным. Архиепископ новогородский доносил, что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, *грызут оные зубами*, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни Воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных христианах, дерзостно развращают слабых. Призвали обвиняемых: инока Захарию, новогородского протопопа Гавриила, священника Дионисия и других (глава их, Алексий, умер года за два до сего времени). Они во всем заперлися; но свидетельства, новогородские и московские, были не сомнительны. Некоторые думали, что уличенных надобно пытать и казнить: великий князь не захотел того, и Собор, действуя согласно с его волею, проклял ересь, а безумных еретиков осудил на заточение. Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво. Многие из осужденных были посланы в Новгород: архиепископ Геннадий велел посадить их на коней, лицом к хвосту, в одежде вывороченной, в шлемах берестовых, острых, какие изображаются на бесах, с мочальными кистями, с венцом соломенным и с надписью: *се есть Сатанино воинство*! Таким образом возили сих несчастных из улицы в улицу; народ плевал им в глаза, восклицая: *се враги Христовы*! и в заключение сжег у них на голове шлемы. Те, которые хвалили сие действие как достойное ревности христианской, без сомнения, осуждали умеренность великого князя, не хотевшего употребить ни меча, ни огня для истребления ереси. Он думал, что клятва церковная

достаточна для отвращения людей слабых от подобных заблуждений.

Но Зосима, не дерзнув на Соборе покровительствовать своих обличенных тайных друзей, остался в душе еретиком; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредил христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же, в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцов, говорил приятелям: «Что такое Царство Небесное? Что второе пришествие и воскресение мертвых? Кто умер, того нет и не будет». Придворный дьяк Федор Курицын и многие его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им астрологию, иудейскую мудрость, ослабляя в сердцах Веру истинную. Дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах христианства обнаруживался в домах и на торжищах: иноки и светские люди спорили о Естестве Спасителя, о Троице, о святости икон, и проч. Все зараженные ересию составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих священников и диаконов, которые отличались усердием к православию и ненавистию к жидовскому расколу. «Не должно (говорил он) злобиться и на еретиков: пастыри духовные да проповедуют только мир!»

Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского, историк, может быть, не совсем беспристрастный: по крайней мере смелый, неустрашимый противник ереси: ибо он еще во времена Зосимина первосвятительства дерзал обличать ее, как то видим из письма его к суздальскому епископу Нифонту. «Сокрылись от нас, — пишет Иосиф, — отлетели ко Христу древние орлы Веры, Святители добродетельные, коих глас возвещал истину в саду Церкви и которые истерзали бы когтями всякое око, неправо зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его матерь». Он заклинает Нифонта очистить церковь от неслыханного дотоле соблазна, открыть глаза государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Уверился ли великий князь в расколе митрополита, неизвестно; но в 1494 году, без суда и без шума, велел ему как бы добровольно уда-

литься в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь за то, как сказано в летописи, что сей первосвятитель не радел о церкви и любил вино. Благоразумный Иоанн не хотел, может быть, соблазнить россиян всенародным осуждением архипастыря, им избранного, и для того не огласил его действительной вины.

Преемник Зосимы в митрополии был игумен троицкий, Симон. Здесь летописцы сообщают нам некоторые весьма любопытные обстоятельства. Когда владыки российские в великокняжеской думе нарекли Симона достойным первосвятительства, государь пошел с ним из дворца в церковь Успения, провождаемый сыновьями, внуком, епископами, всеми боярами и дьяками. Поклонились иконам и гробам святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего архипастыря за руку и, выходя из церкви, в западных дверях *предал* епископам, которые отвели его в дом митрополитов. Там, отпустив их с благоговением, сей скромный муж обедал с иноками Троицкого монастыря, с своими боярами и детьми боярскими. В день посвящения он ехал на *осляти*, коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый митрополит должен был идти на свое место. Вдруг священнодействие остановилось; пение умолкло: взоры духовенства и вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил и громогласно сказал митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам государство всея Руси, подает тебе сей великий престол архиерейства руковозложением архиепископов и епископов нашего царства. Восприими жезл пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас — и да подаст тебе Господь здравие со многоденством». Тут хор певчих возгласил *Исполлаэти Деспота*[1]. Митрополит ответствовал: «Всемогущая и вседержащая десница вышнего да сохранит мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! Да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здрав, творя добро, о государь самодержавный!» Певчие возгласили Иоанну многолетие.— Великие князья всегда располагали митрополиею, и нет примера в вашей истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное

---

[1] Исполлаэти Деспота (*греч.*) — «На многие лета, Владыко».

священным обрядом: сам указал митрополиту престол и торжественно действовал в храме: чего мы доселе не видали.

К успокоению правоверных новый митрополит ревностно старался искоренить жидовскую ересь; еще ревностнее Иосиф Волоцкий, который, имея доступ к государю, требовал от него, чтобы он велел по всем городам искать и казнить еретиков. Великий князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть; иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства, так что многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверенностью государя и был употребляем в делах посольских.

Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1491—1496 гг.

Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства императора римского и наши к нему. Открытие печорских рудников. Посольство датское, чагатайское, иверское. Первое дружелюбное сношение с султаном. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство князя мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

Обратимся к государственным происшествиям.— Великий князь жил мирно с братьями до кончины матери, инокини Марфы: она преставилась в 1484 году, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая государство Московское, не давал им части в своих приобретениях.

Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы великий князь не отнял у них и наследственных уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии князья не входили в переговоры с Казимиром, с тверским изгнанником Михаилом, с литовскими панами, новогородцами, псковитянами и немедленно сообщали ему все их письма. Следственно, Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми россиянами, которые не любили самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать оную или в противном случае не оставлять братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Василиевичу сказали, что великий князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался и велел московскому боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату и хотел знать вину свою. Великий князь изумился: ставил Небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом. В 1491 году великий князь посылал войско против ординских царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели идти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и князья Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного. В сем походе долженствовали участвовать и братья великого князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у великого князя. Они

казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через дворецкого, князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним и вышел в другую комнату, отослав Андреевых бояр в столовую *гридню*, где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время князь Симеон Иванович Ряполовский со многими иными вельможами явился перед Андреем, хотел говорить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: *Государь князь Андрей Василиевич! поиман еси Богом, да государем великим князем, Иваном Василиевичем, всея Руси, братом твоим старейшим.* Андрей встал и с твердостию ответствовал: «*Волен Бог да государь брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно*». Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу, состоящую из князей и бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе: удел же их родителя присоединили к великому княжению. Чтобы оправдать себя, Иоанн объявил Андрея изменником: ибо сей князь, нарушив клятвенный обет, замышлял восстать на государя с братьями Юрием, Борисом и с Андреем Меньшим, переписывался с Казимиром и с Ахматом, наводя их на Россию; вместе с Борисом уезжал в Литву; наконец ослушался великого князя и не посылал воевод своих против Сеид-Ахмута. Только последняя вина имела вид справедливости: другие, как старые, были заглажены миром в 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что он уже после того писал к Казимиру. Одним словом, Иоанн в сем случае поступил жестоко, оправдываясь, как вероятно, в собственных глазах известною строптивостью Андрея, государственною пользою, требующею беспрекословного единовластия, и примером Ярослава I, который также заключил брата. — Государь тогда же потребовал к себе и Бориса Василиевича: сей князь с ужасом и трепетом явился в московском дворце, но через три дня был с милостию отпущен назад в Волок. Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести великого князя, по уверению летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году), призвав митрополита и епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, заплакал и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной безвременной кончины брата.

Митрополит и епископы сидели: государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с пастырским душеспасительным увещанием.— Борис Василиевич также скоро преставился. Сыновья его, Феодор и Иван, наследовали достояние родителя. В 1497 году они уступили великому князю коломенские и другие села, за них тверские. Иван Борисович, умирая в 1503 году, отказал государю Рузу и половину Ржева, вместе с его *воинскою рухлядью*[1], доспехами и конями. Так в государстве Московском исчезали все особенные наследственные власти, уступая великокняжеской.

Между тем и внешние политические отношения России более и более возвышали достоинство ее монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а немецкие — в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства римских императоров: Генрих IV был женат на княжне российской, и Фридерик Барбарусса уважал Всеволода III: но с того времени мы не имели сообщения с империею, до 1486 года, когда знатный рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. «Я видел,— говорил он, — все земли христианские и всех королей: желаю узнать Россию и великого князя». Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с каким-нибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России и чрез два года возвратился в качестве посла императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, короля римского, Максимилиана, писанною в Ульме 26 декабря 1488 года. Принятый ласково, он в первом свидании с московскими боярами, князем Иваном Юрьевичем, Даниилом Холмским и Яковом Захарьевичем, говорил следующее: «Выехав из России, я нашел императора и князей германских в Нюрнберге; беседовал с ними о стране вашей, о великом князе, и вывел их из заблуждения: они думали, что Иоанн есть данник Казимиров. *Нет*, сказал я: *государь московский сильнее и богатее польского; держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита*. Одним словом, самый усерднейший из слуг Иоанновых не мог

---

[1] Рухлядь — всякая утварь, пожитки.

бы говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно император, в час обеда ежедневно разговаривая со мною. Наконец сей монарх, желая быть союзником России, велел мне ехать к вам послом со многочисленною дружиною. Еще ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть великий князь пошлет собственного чиновника к моему государю: тогда не останется ни малейшего сомнения». Но Иоанн уже верил послу, который именем Фридериковым предложил ему выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, маркграфа баденского, племянника императорова, и желал видеть невесту. Великий князь ответствовал ему через дьяка, Федора Курицына, что вместе с ним отправится в Германию посол российский, коему велено будет изъясниться о сем с императором, и что обычаи наши не дозволяют прежде времени показывать юных девиц женихам или сватам. — Второе предложение Поппелево состояло в том, чтобы Иоанн запретил псковитянам вступаться в земли ливонских немцев, подданных империи. Государь велел ответствовать, что псковитяне владеют только собственными их землями и не вступают в чужие.

Весьма достопамятна третия аудиенция, данная послу Фридерикову в *набережных сенях*[1], где сам великий князь слушал его, отступив несколько шагов от своих бояр. «Молю о скромности и тайне, — сказал Поппель, — ежели неприятели твои, ляхи и богемцы, узнают, о чем я говорить намерен, то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, государь, требовал себе от папы *королевского* достоинства; но знай, что не папа, а только император жалует в короли, в принцы и в рыцари. Если желаешь быть королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от монарха польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным государем, не отнял у него древних земель российских». Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно царскую гордость. Бояре сказали послу так: «Государь, великий князь, Божиею милостию наследовал державу Русскую от своих предков, и *поставление* имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда

[1] Набережные сени — выходящий на Москву-реку дворец.

не хотел и не хочет». Поппель не смел более говорить о том и вторично обратился к сватовству. «Великий князь, — сказал он, — имеет двух дочерей: если не благоволит выдать никоторой за маркграфа баденского, то император представляет ему в женихи одного из саксонских знаменитых принцев, сыновей его племянника (курфирста Фридерика), а другая княжна российская может быть супругою Сигизмунда, маркграфа бранденбургского, коего старший брат есть зять короля польского». На сие не было ответа, и Поппель скоро отправился из Москвы в Данию чрез Швецию, для какого-то особенного императорского дела: государь же послал в Немецкую землю грека, именем Юрия Траханиота, или Трахонита, выехавшего к нам с великою княгинею Софиею, дав ему следующее наставление:

«I. Явить императору и сыну его, римскому королю Максимилиану, верющую[1] посольскую грамоту. Уверить их в искренней приязни Иоанновой. — II. Условиться о взаимных дружественных посольствах и свободном сообщении обеих держав. — III. Ежели спросят, намерен ли великий князь выдать свою дочь за маркграфа баденского? то ответствовать, что сей союз не пристоен для знаменитости и силы государя российского, брата древних царей греческих, которые, переселясь в Византию, уступили Рим папам. Но буде император пожелает сватать нашу княжну за сына своего, короля Максимилиана: то ему не отказывать и дать надежду. — IV. Искать в Германии и принять в службу российскую полезных художников, горных мастеров, архитекторов и проч.» На издержки дано было ему 80 соболей и 300 белок. Иоанн написал с ним дружественные грамоты к бургомистрам нарвскому, ревельскому и любекскому.

Траханиот поехал (22 марта) из Москвы в Ревель, оттуда в Любек и Франкфурт, где был представлен римскому королю Максимилиану, говорил ему речь на языке ломбардском и вручил дары великокняжеские, 40 соболей, шубы горностаевую и беличью. Доктор, Георг Торн, именем Максимилиана отвечал послу на том же языке, изъявляя благодарность и приязнь сего венценосца к государю московскому. Посла осыпали в Германии ласками и приветствиями. Король римский, встречая его, сходил обыкновенно с трона и сажал подле себя; то же делал и сам император. Они стоя подавали ему руку в знак уважения

---

[1] Верющая грамота — верительная грамота.

к великому князю. Более ничего не знаем о переговорах Траханиота, который возвратился в Москву 16 июля 1490 года с новым послом Максимилиановым, Георгом Делатором. Незадолго до того времени умер славный король Матфей, и паны венгерские соглашались избрать на его место Казимирова сына, Владислава, государя богемского, в досаду Максимилиану, считавшему себя законным наследником Матфеевым. Сие обстоятельство соединяло австрийскую политику с нашею: Максимилиан хотел завоевать Венгрию, Иоанн — южную литовскую Россию: они признавали Казимира общим врагом, и Делатор, чтобы тем вернее успеть в государственном деле, объявил желание римского короля (тогда вдового) быть Иоанну зятем: хотел видеть юную княжну и спрашивал о цене ее приданого. Ответ состоял в учтивом отказе: послу изъяснили наши обычаи. Какой стыд для отца и невесты, если бы сват отвергнул ее! Мог ли знаменитый государь с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного властителя скажет об его дочери? Изъяснили также Делатору, что венценосцам неприлично торговаться в приданом; что великий князь, без сомнения, назначит его по достоинству жениха и невесты, но уже после брака; что надобно согласиться прежде в деле важнейшем, а именно в том, чтобы княжна российская, если будет супругою Максимилиана, не переменяла Веры, имела у себя церковь греческую и священников. Для последнего великий князь требовал уверительной записи: но Делатор сказал, что он для сего не уполномочен. И так перестали говорить о браке.

Однако ж союз государственный заключился, и написали договор следующего содержания:

«По воле Божией и нашей любви мы, Иоанн, Божиею милостию Государь всея Русии, Владимирский, Московский, Новогородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский» (то есть Казанский) «и проч. условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Каринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем *добывать* великого княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведомим тебя, и

поможешь нам усердно, без обмана. Если и не успеем обосляться, но узнаем, что война началася с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг ко другу на помощь.— Послы и купцы наши да ездят свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату... В Москве, в лето 6998 (1490), августа 16».

Сей первый договор с Австриею, написанный на хартии, был скреплен золотою великокняжескою печатию. Делатор, видев супругу Иоаннову, Софию, поднес ей в дар от Максимилиана серое сукно и попугая; а государь, пожаловав его в *золотоносцы*[1], дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные *остроги*, или шпоры, как бы в знак рыцарского достоинства. Делатор выехал из Москвы августа 19, вместе с нашими послами, Траханиотом и дьяком Васильем Кулешиным. Наказ, им данный, состоял в следующем: «1) Вручить Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть в верном исполнении условий. 2) Взять с него такую же, писанную языком славянским; а буде напишут оную по-немецки или по-латыни, то изъяснить, что обязательство великого князя не имеет силы, ежели в грамоте будут отмены против русской» (ибо Траханиот и Кулешин не знали сих двух языков). «3) Максимилиан должен утвердить союз целованием креста перед нашими послами. 4) Объявить королю согласие Иоанново выдать за него дочь, с условием, чтобы она не переменяла Закона. 5) Сказать ему, что послам его и московским лучше ездить впредь чрез Данию и Швецию, для избежания неприятностей, какие могут им встретиться в польских владениях. 6) Требовать, чтобы он дал великому князю лекаря искусного в целении внутренних болезней и ран. 7) Приветствовать единственно короля римского, а не императора: ибо Делатор, будучи в Москве, не сказал великому князю ни слова от Фридерика». Несмотря на государственную важность заключаемого с Австрией союза, Иоанн, как видим, строго наблюдал достоинство российского монарха и в сие же время отослал из Москвы без ответа слугу Поппелева, который приезжал в Россию за живыми лосями для императора, но с письмом не довольно учтивым от господина своего. Не взяв даров Поппелевых, богатого мониста с ожерельем, великий князь милостиво принял

[1] Золотоносец — пожалованный золотыми наградами.

от его слуги две обьяри[1] и дал ему за то 120 соболей, ценою в 30 червонцев.

Траханиот и Кулешин писали к государю из Любека, что король датский и князья немецкие, сведав об их прибытии в Германию и желая добра Казимиру, замышляли сделать им остановку в пути; что посол Максимилианов едет вместе с ними и возьмет меры для их безопасности; что римский король уже завоевал многие места в Венгрии. Они наехали Максимилиана в Нюренберге, вручили ему дары от Иоанна и великой княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договор, им одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовстве, ибо слышали, что Максимилиан, долго не имев ответа от великого князя, в угождение своему отцу помолвлен на княжне бретанской. Пробыв там от 22 марта до 23 июня (1491 года), послы Иоанновы возвратились в Москву августа 30 с Максимилиановою союзною грамотою, которую великий князь приказал отдать в хранилище государственное.

Вслед за ними король римский вторично прислал Делатора, чтобы он был свидетелем клятвенного Иоаннова обета исполнять заключенный договор. Государь сделал то же, что Максимилиан: целовал крест перед его послом. Изъявив совершенное удовольствие и благодарность короля, Делатор молил великого князя не досадовать за помолвку его на принцессе бретанской и рассказал длинную историю в оправдание сего поступка. «Король римский, — говорил он, — весьма желал чести быть зятем великого князя; но Бог не захотел того. Разнесся в Германии слух, что я и послы московские, в 1490 году отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в море. Государь наш думал, что Иоанн не сведал о его намерении вступить в брак с княжною российскою. Дальнее расстояние не дозволяло отправить нового посольства, и согласие великого князя было еще не верно. Между тем время текло. Князья немецкие требовали от императора, чтобы он женил сына, и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридерик убедил Максимилиана принять ее руку. Когда же государь наш узнал, что мы живы и что княжна российская могла быть его супругою: то искренне огорчился и доныне жалеет о невесте столь знаменитой». Сия справедливая или выдуманная повесть

---

[1] Обьярь — муар, старинная шелковая ткань.

удовлетворила Иоанновой чести: он не изъявил ни малейшей досады и не отвечал послу ни слова. Делатор, как бы в знак особенной, неограниченной к нему доверенности Максимилиановой, известил великого князя о тайных видах австрийской политики. Долговременная война Немецкого ордена с Польшею решилась (в 1466 году) совершенною зависимостию первого от Казимира, так что великий магистр Лудвиг назвал себя его присяжником, и рыцарство, некогда державное, стенало под игом чужеземной власти. Максимилиан тайно возбуждал орден свергнуть сие иго и снова прибегнуть к оружию; но магистры немецкий и ливонский требовали от него, чтобы он прежде доставил им важное покровительство монарха российского, сильного и грозного. Делатор убеждал великого князя послать московского чиновника в Ливонию для переговоров, дать ее рыцарям вечный мир, не теснить их и *взять орден в его милостивое соблюдение*. — Столь же усердно ходатайствовал посол за Швецию. Государственный ее правитель, Стен-Стур, находился в дружественной связи с Максимилианом и жаловался ему на обиды россиян, которые в 1490 году ужасным образом свирепствовали в Остерботне: жгли, резали, мучили жителей, присвоивая себе господство над Финляндиею. Делатор молил Иоанна оставить сию несчастную землю в покое. Наконец предлагал, чтобы московские послы ездили в империю через Мекленбург и Любек, а не через Данию, где в рассуждении их не соблюдаются уставы чести и гостеприимства: ибо король держит сторону Казимирову. — Заметим, что посол Максимилианов в своих аудиенциях именовал великого князя *царем*; так и наши послы называли Иоанна в Германии: немцы же в переводе дипломатических бумаг употребляли имя Kayser, Imperator, вместо царя.

Ответ великого князя, сообщенный послу казначеем Дмитрием Владимировичем и дьяком Федором Курицыным, был такой: «Я заключил искренний союз с моим братом Максимилианом! Хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии и готовился сам сесть на коня; но слышу, что Владислав, сын Казимиров, объявлен там королем и что Максимилиан с ним примирился: следственно, мне теперь нечего делать. Однако ж вместе с тобою отправлю к нему послов. Не изменю клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. В угодность

Максимилиану буду посредником его союза с господарем молдавским, Стефаном. Что касается до магистров прусского и ливонского, то я готов взять их в мое хранение. Последний желает условиться о мире с моими особенными послами и вместо *челобитья* писать в договорах моление; но да будет все по-старому. Прежде он *бил челом* вольному Новугороду: ныне да имеет дело с тамошними моими наместниками, людьми знатными». — О Швеции не было слова в ответе.

Делатор выехал из Москвы 12 апреля 1492 года, с великокняжеским приставом, коему надлежало довольствовать его всем нужным до самой границы. Так обыкновенно бывало: приставы встречали и провожали послов. Маия 6 снова отправились Траханиот с дьяком Михайлом Яропкиным в Германию. Ему велено было именем Иоанновым *спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона*: ибо Делатор в первой аудиенции не кланялся ни великому князю, ни супруге его от своего короля, а спрашивал только о здравии. Наказ сего посольства был следующий:

«Объявить Максимилиану, что великий князь, вступив с ним в союз, желал верно исполнять условия и для того не хотел говорить о мире с послом литовским, бывшим в Москве: следственно и король римский не должен мириться с Богемиею и Польшею без Иоанна, который готов, в случае его верности, действовать с ним заодно всеми силами, ему Богом данными. — Если он заключил мир с Владиславом, то разведать о тайных причинах оного. Узнать все обстоятельства и виды австрийской политики: имеет ли Максимилиан сильных доброжелателей в Венгрии и кого именно? не для того ли уступает оную Владиславу, чтобы воевать с государем французским, который, по слуху, отнимает у него невесту, Анну Бретанскую? — Ежели брак римского короля не состоялся, то искусным образом внушить ему, что великий князь, может быть, не отринет его вторичного сватовства, когда император и Максимилиан пришлют к нему убедительную грамоту с *человеком добрым*» (то есть знатным). «В таком случае изъясниться о Вере греческой, о церкви и священниках. А буде король женится на принцессе бретанской, то говорить о сыне его, Филиппе, или о саксонском курфирсте Фридерике. Наведаться также о пристойных невестах для сына государева, Василия, из дочерей королевских, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не

повредить государевой чести. — Заехать к саксонскому курфирсту, поднести ему в дар 40 соболей и сказать: великий князь благодарит тебя за охранение его послов в земле твоей: и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из *стран италийских*. Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию: за что великий князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его».

Послы наши имели письма к герцогу мекленбургскому, к бургомистрам и ратманам городов немецких, о свободном их пропуске: в Нарве и в Ревеле они должны были вручить сии грамоты *сидя*. — Донесения, писанные ими к государю в пути, любопытны своею подробностию, вмещая в себя известия не только о главных делах европейской политики, но и купеческие: например, о дороговизне хлеба во Фландрии, где ласт[1] ржи стоил тогда 100 червонцев. Описывая войну Максимилиана с королем французским, Траханиот и Яропкин говорят о союзе первого с Англиею, Шотландиею, Испаниею, Португалиею и со всеми князьями немецкими; о мире его с Владиславом, который обязался ему заплатить за Венгрию 100 000 червонцев, объявив Максимилиана после себя наследником; уведомляют также о походе султанского войска в Сервию; одним словом, представляют все движения Европы очам любопытного Иоанна, который хотел быть сам одним из ее великих монархов.

Приплыв на корабле из Ревеля в Германию, Траханиот и Яропкин жили несколько месяцев в Любеке — не зная, куда ехать к Максимилиану, занятому тогда французскою войною, — и для перевода немецких бумаг, ими получаемых, приняли в государеву службу тамошнего славного *книгопечатника*, Варфоломея, который дал им клятву таить содержание оных. Они нашли Максимилиана в Кольмаре, где и были от 15 генваря до 23 марта. Политика его уже переменилась: сей государь, довольный условиями заключенного с Владиславом мира, не думал более о северном союзе, употребляя все усилия против Франции. Послы наши — не сделав, кажется, ничего — возвратились в Москву в июле 1493 года.

Таким образом прекратились на сей раз сношения великокняжеского двора с империею, хотя и не имев важных государственных следствий, однако ж удовлетворив честолюбию

---

[1] Ласт — около 3 тысяч литров.

Иоанна, который поставил себя в оных наравне с первым монархом Европы. — Связь с Германиею доставила нам и другую существенную выгоду. Новое велелепие двора московского, новые кремлевские здания, сильные ополчения, посольства, дары требовали издержек, которые истощали казну более, нежели прежняя дань ханская. Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и менoю с сибирскими народами через Югру: сей последний источник, как вероятно, оскудел или совсем закрылся: ибо в летописях и в договорах XV века уже нет ни слова о *серебре закамском*. Но издавна был у нас слух, что страны полунощные, близ Каменного Пояса[1], изобилуют металлами: присоединив к московской державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей, сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к королю венгерскому; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. В 1491 году два немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтиным отправились из Москвы искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною, на реке Цыльме, верстах в двадцати от Космы, в трехстах от Печоры и в 3500 от Москвы, на пространстве десяти верст. Сие важное открытие сделало государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 года с изображением Св. Николая: в надписи сказано, что *великий государь* вылил сей *единый талер* из золота для *княгини* (княжны) своей, Феодосии. На серебряных деньгах Иоаннова времени обыкновенно представлялся всадник с мечом.

Может быть, слух о новых, в северной России открытых богатых рудниках скоро дошел до Германии и возбудил там любопытство увериться в справедливости оного (Европа еще не знала Америки и, нуждаясь в драгоценных металлах, долженствовала брать живейшее участие в таком открытии): по крайней мере, в 1492 году приехал в Москву немец Михаил Снупс с письмом к великому князю от Максимилиана и дяди его,

---

[1] Каменный Пояс — Уральские горы.

австрийского эрцгерцога Зигмунда, княжившего в Инспруке: они дружески просили Иоанна, чтобы он дозволил сему путешественнику осмотреть все любопытное в нашем отечестве, учиться языку русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания, нужные для успехов общей истории и географии. Снупс, обласканный великим князем, немедленно изъявил желание ехать в дальнейшие страны полунощные и на восток, к берегам Оби. Иоанн усомнился и наконец решительно отказал ему. Прожив несколько месяцев в Москве, Снупс отправился назад в Германию прежним путем, чрез Ливонию, с следующим письмом от великого князя к Максимилиану и Зигмунду: «Из дружбы к вам мы ласково приняли вашего человека, но не пустили его в страны отдаленные, где течет река Обь, за неудобностию пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для собрания дани, подвергаются немалым трудам и бедствиям. Мы не дозволили ему также возвратиться к вам чрез владения польские или турецкие: ибо не можем ответствовать за безопасность сего пути. Бог да блюдет ваше здравие». Вероятно, что Иоанн опасался сего немца как лазутчика и не хотел, чтобы он видел наши северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России.

Вторым достопамятным посольством описываемых нами времен было датское. Если не Дания, то, по крайней мере, Норвегия издревле имела сношения с Новымгородом, по соседству с его северными областями. Двор Ярослава Великого служил убежищем для ее знаменитых изгнанников; Александр Невский хотел женить сына на дочери Гаконовой; мы упоминали также о договоре Норвегии с правительством новогородским в 1326 году: но отдаленная Москва скрывалась во мраке неизвестности для трех северных королевств до того времени, как великий князь сделался самодержцем всей России, от берегов Волги до Лапландии. Приязнь, бывшая между тогдашним королем датским, Иоанном, сыном Христиановым, и Казимиром, заставила первого нарушить долг гостеприимства в рассуждении послов московских, когда они ехали в Любек чрез его землю: ибо Траханиот и Яропкин жаловались на претерпенные ими в ней обиды; но существенные выгоды государственные переменили образ мыслей сего монарха: будучи врагом шведского правителя, он увидел пользу быть другом великого князя, чтобы страхом нашего оружия обуздывать шведов, и

посол датский (в 1493 году) заключил в Москве союз любви и братства с Россиею. Грек Дмитрий Ралев и дьяк Зайцов отправились в Данию для размена договорных грамот.

Упомянем также о двух посольствах азиатских. Неизмеримая держава, основанная завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в своем величии и разделилась: однако ж имя Чагатайского, составленного из Бухарии и Хорасана, еще гремело в Азии: султан Абусаид, внук Тамерланова сына, Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии и, в 1468 году убитый персидским царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими победами, одержанными им над татарами-узбеками; любил добродетель, науки; слышал о величии государя российского и, желая его дружбы, в 1489 году прислал в Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключения союза с Иоанном. Может быть, он хотел, чтобы великий князь, имея связь с ногаями, возбудил их против узбеков. Но царство Чагатайское отжило век свой: хан узбекский, Шай-Бег, в начале XVI века изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухариею, откуда последний султан Тамерланова рода, Бабор, ушел в Индостан, где судьба определила ему быть основателем империи так называемого *Великого Могола*.

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестию своего народа так, что ни персидское, ни македонское оружие не могло поработить его; славилась также богатством (древние аргонавты искали *златого руна* в соседственной с ней Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в римской истории, которая именует нам ее разных царей, данников Рима. Один из них, Фарасман II, верный друг императора Адриана, удостоился чести приносить богам жертвы в Капитолии и видеть свой изваянный образ в храме Беллоны на берегу Тибра. Но далее не находим уже никаких известий о сей стране до разделения империи; знаем только, что христианская Вера начала там утверждаться еще со времен Константина Великого; что Св. Симеон Столпник способствовал успехам ее; что Иверия, имея всегда собственных царей или князей, зависела то от монархов персидских, то от

императоров греческих, была покорена моголами и в 1476 году подвластна царю персидскому, Узун-Гассану. Нет сомнения, что Россия издревле находилась в связи с единоверною Грузиею: Изяслав I, как известно, был женат на княжне абассинской, а сын Андрея Боголюбского был супругом славной грузинской царицы, Тамари. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: послы князя иверского, Александра, именем Нариман и Хоземарум, в 1492 году приехали к Иоанну требовать его покровительства. Уважаемый в Персии и в странах окрестных, великий князь мог действительно быть заступником своих утесненных единоверцев, которые оплакивали падение Греции и, под игом варваров закоснев в невежестве, имели нужду в советах нашего духовенства для христианского просвещения. Александр в грамоте своей смиренно именует себя холопом Иоанна, его же называет великим царем, *светом зеленого неба, звездою темных, надеждою христиан, подпорою бедных, законом, истинною управою всех государей, тишиною земли и ревностным обетником Св. Николая.*

Занимаясь делами Европы и Азии, мог ли Иоанн оставить без примечания державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира? Как зять Палеологов и сын греческой Церкви, утесняемый турками, он долженствовал быть врагом султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайшие к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриею и Молдавиею, не касался дел турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного. Выгодная торговля купцов московских в Азове и Кафе, управляемой константинопольскими пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнейшего союзника России) от султанов и надежда вредить Казимиру через Оттоманскую Порту склоняли Иоанна к дружбе с нею: он ждал только пристойного случая и тем более обрадовался, узнав, что султанские паши, говоря в Белегороде с дьяком его, Федором Курицыным, объявили ему желание их государя искать Иоанновой приязни. Великий князь поручил Менгли-Гирею основательно разведать о сем предложении, и султан, Баязет II, ответствовал: «Ежели государь московский тебе, Менгли-Гирею, брат, то будет и мне брат». Следующее происшествие служило поводом к первому

государственному сношению между нами и Портою. Купцов российских обижали в Азове и в Кафе, так что они перестали, наконец, ездить в султанские владения. Паша кафинский жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившего россиян от торговли с сим городом; а Менгли-Гирей хотел чтобы Иоанн оправдал его в глазах султана. Удовлетворяя требованию оклеветанного друга и как бы единственно из снисхождения, великий князь написал такую грамоту к Баязету:

«Султану, *вольному* царю государей турских и *азямских*[1], земли и моря, Баязету, Иоанн божиею милостию единый правый, наследственный государь всея Руси и многих иных земель от Севера до Востока. Се наше слово к твоему величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Наконец, в течение минувшего лета, азовский паша принудил их копать ров и носить каменья для городского строения. Сего мало: в Азове и Кафе отнимают у наших купцов товары за полцены; в случае болезни одного из них кладут печать на имение всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные завещания не уважаемы: турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отчего же родилось насилие? знаешь или не знаешь оного?.. Еще одно слово: отец твой (Магомет II) был государь великий и славный: он хотел, как сказывают, отправить к нам послов с дружеским приветствием; но его намерение, по воле Божией, не исполнилось. Для чего же не быть тому ныне? Ожидаем ответа. Писано в Москве, 31 августа» (в 1492 году).— Менгли-Гирей должен был доставить сию грамоту Баязету: увидим следствие.

Тесная связь Иоаннова с ханом таврическим не ослабевала, утверждаемая частыми посольствами и дарами. В 1490 году ездил в Тавриду князь Василий Ромодановский с уверением, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду. Сия

---

[1] Турский — турецкий; азямский — персидский.

тень Батыева царства скиталась из места в место: иногда переходила за Днепр, иногда удалялась к пределам страны Черкесской, к берегам Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вместе с царем астраханским, Абдыл-Керимом, замышляли впадение в Тавриду, оберегаемую с одной стороны россиянами, Магмет-Аминем Казанским и ногаями, а с другой — султаном, который дал Менгли-Гирею 2000 воинов для его защиты. Крымцы отгоняли стада у волжских татар и в одной кровопролитной сшибке убили сына Ахматова, Едигея. — В 1492 году новый посол Иоаннов, Лобан Колычев, убеждал Менгли-Гирея воевать литовские владения, представляя, что ординские цари злодействуют ему единственно по внушениям Казимировым. Хан ответствовал: «Я с братом моим, великим князем, всегда один человек, и строю теперь при устье Днепра, на старом *городище*, новую крепость, чтобы оттуда вредить Польше». Сия крепость была *Очаков*, основанный на каких-то древних развалинах. Брат ханский, Усмемир, и племянник Довлет жили у Казимира: великий князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить их в Россию, но не мог; в угодность ему принял также меньшего пасынка его, Абдыл-Летифа, и с честию отправил к царю казанскому, Магмет-Аминю. Менгли-Гирей желал еще, чтобы он дал Коширу в поместье царевичу Мамытеку, сыну Мустафы; сие требование не было уважено, равно как и другое, чтобы Иоанн заплатил 33 000 алтын, взятых ханом в долг у жителей кафинских для строения Очакова. «Не строением бесполезных крепостей, отдаленных от Литвы,— приказывал великий князь к своему другу,— но частыми впадениями в ее земли должен ты беспокоить общих врагов наших». Хан любил дары; просил кречетов и соболей для турецкого султана: государь давал, однако же небескорыстно, и (в 1491 году) походом воевод московских на улусы Золотой Орды оказав услугу Менгли-Гирею, хотел, чтобы он в знак благодарности прислал к нему свой *большой красный лал*[1]. Заметим еще, что хан крымский, опасаясь Иоаннова подозрения, сносился с царем казанским только чрез Москву; всякую грамоту их переводили и читали государю, который думал, что осторожность не мешает дружбе.

---

[1] Лал — драгоценный камень (рубин, яхонт).

Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменила систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, никоторая не хотела явной войны. Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а великий князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с королем в их взаимных неудовольствиях. С 1487 до 1492 года литовские послы, князь Тимофей Мосальский, смоленский боярин Плюсков, Стромилов, Хребтович и наместник утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами. Со времен Витовта удельные князья древней земли черниговской, в нынешних губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя, наконец, возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников. Уже некоторые одоевские, воротынские, белевские, перемышльские князья служили московскому государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве. Так Василий Кривой, князь воротынский, опустошил несколько мест в земле королевской. Сыновья князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его. Дружина князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от короля. Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; что многие литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч. Иоанн ответствовал ему на словах и чрез собственных послов, что сии жалобы большею частию несправедливы: что Великие Луки и Ржева суть искони новогородские области; что Казимировы подданные сами обижают россиян; что ссорные дела должны быть решены на месте общими судиями; что князья племени Владимирова, добровольно служив Литве, имеют право с наследственным своим достоянием возвратиться под сень их древнего отечества. Государь требовал, чтобы Ка-

зимир отпустил в Россию жену князя Бельского, не обременял наших купцов налогами и возвратил отнятое у них насилием в его земле, казнил обидчиков, дозволил послам великокняжеским свободно ездить чрез Литву в Молдавию, и проч. «Государь наш, — сказал король чиновнику Иоаннову, Яропкину, — любил требовать, а не удовлетворять: я должен следовать его примеру». Однако ж взаимно соблюдалась учтивость: литовские послы обедали у государя; не только он, но и юный сын его, Василий Иоаннович, приказывал с ними дружеские поклоны к Казимиру; в знак приязни великий князь освободил даже многих поляков, которые находились пленниками в Орде. В мае 1492 года был отправлен в Варшаву Иван Никитич Беклемишев с предложением, чтобы король отдал нам городки Хлепен, Рогачев и другие места, издревле российские, и чтобы с обеих сторон выслать бояр на границу для исследования взаимных обид. Но Беклемишев возвратился с известием, что Казимир умер 25 июня; что старший его сын, Алберт, сделался королем польским, а меньший, Александр, — великим князем литовским.

Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды с нами и долженствовала следовать особенной государственной системе. Иоанн немедленно послал Константина Заболоцкого к Менгли-Гирею убедить его, чтобы он воспользовался смертию короля и шел на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочует в отдаленных восточных пределах и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будет лучшего времени отмстить Казимировым сыновьям за все злые козни отца их. — Другой великокняжеский чиновник, Иван Плещеев, отправился к Стефану Молдавскому, вероятно, с такими же представлениями. Начались и неприятельские действия с нашей стороны: князь Федор Телепня-Оболенский, вступив с полком в Литву, разорил Мценск и Любутск; князья перемышльские и одоевские, служащие Иоанну, пленили в Мосальске многих жителей, наместников и князей с их семействами; другой отряд завоевал Хлепен и Рогачев.

Между тем новый государь литовский, Александр, всего более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее самодержца. Вернейшим средством снискать Иоаннову приязнь казалось ему супружество с одною

из его дочерей, и наместник полоцкий, Ян, писал о том к первому воеводе московскому, князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россия и Литва наслаждались счастливым миром, когда дед Иоаннов, Василий Димитриевич, совокупился браком с дочерию Витовта. Скоро явилось в Москве и торжественное посольство литовское. Пан Станислав Глебович, вручив верующую грамоту, объявил Иоанну о смерти Казимира, о восшествии Александра на престол и требовал удовлетворения за разорение Мценска и других городов. Ему ответствовали, что мы должны были отмстить Литве за грабежи ее подданных; что пленники будут освобождены, когда Александр удовольствует всех обиженных россиян, и проч. Станислав, пируя у воеводы Московского, князя Ивана Юрьевича, в веселом разговоре упомянул о сватовстве: он был нетрезв и для того не получил ответа; а на другой день сказал, что литовские сенаторы желают сего брака, но что ему велено тайно разведать о мыслях великого князя. Дело столь важное требовало осторожности: не входя ни в какие изъяснения, послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренний, вечный мир прежде, нежели говорить о сватовстве; что мир легко может быть заключен, если правительство литовское удержится от *лишних речей* и требований неосновательных. То же написал и князь Иван Юрьевич к наместнику полоцкому.

Станислав уехал из Москвы, и неприятельские действия продолжались. Князья Воротынские, Симеон Федорович с племянником Иваном Михайловичем, вступив в нашу службу, засели[1] города литовские, Серпейск и Мещовск: воевода смоленский, пан Юрий, и князь Симеон Можайский выгнали их оттуда; но государь послал сильное войско, московское и рязанское, которое взяло приступом Серпейск и городок Очаков; а Мещовск сдался. В числе пленников находились многие знатные смоляне и паны двора Александрова. Другое наше войско покорило Вязьму: ее князья, присягнув государю, остались в наследованном владении; также и князь мезецкий, выдав Иоанну своих двух братьев, сосланных в Ярославль за их усердие к Литве. Князья воротынские завоевали Мосальск.

В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва

---

[1] Засели — заняли.

не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни. Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами. Кто же установит, что венценосец имеет право тайно убить другого, находя его опасным для своей державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, уставит вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир. Не так рассуждал отец Александров, Казимир: он подослал к Иоанну князя Ивана Лукомского, племени Владимирова, с тем, чтобы злодейски убить или отравить его. Лукомский клялся исполнить сие адское поручение, привез с собою в Москву яд, составленный в Варшаве, и будучи милостиво обласкан государем, вступил в нашу службу; но какою-то счастливою нескромностию обнаружил свой умысел: его взяли под стражу; нашли и яд, коим он хотел умертвить государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодейство столь необыкновенное требовало и наказания чрезвычайного: Лукомского и единомышленника его, латинского толмача, поляка Матиаса, сожгли в клетке на берегу Москвы-реки. Князь Феодор Бельский также впал в подозрение и был сослан в Галич: ибо Лукомский доказывал, что сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать от нас в Литву. Открылись и другие преступники, два брата, Алексей и Богдан Селевины, граждане смоленские: будучи пленниками в Москве, они жили на свободе, употребляли во зло доверенность государеву к их честности, имели связь с Литвою и посылали вести к Александру Литовскому. Богдана засекли кнутом до смерти, Алексею отрубили голову.

Такое происшествие не могло расположить Иоанна к миру: он непрестанно побуждал Менгли-Гирея воевать Литву. Посол Александра, князь Глинский, находился тогда в Крыму и требовал, чтобы хан снес город Очаков, построенный им на литовской земле. В угодность великому князю Менгли-Гирей задержал Глинского, зимою подступил к Киеву и выжег окрестности Чернигова, но за разлитием Днепра возвратился в Перекоп. Между тем воевода черкасский, Богдан, разорил Очаков, к великой досаде хана, истратившего 150 000 алтын

на строение оного. «Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости при устье Днепра»,— писал Менгли-Гирей к великому князю, уведомляя, что Александр посредством султана турецкого предлагал ему мир и 13 500 червонцев за литовских пленников, но что он, как верный союзник Иоаннов, не хотел о том слышать; что сей новый государь литовский, следуя политике отца, возбуждает Ахматовых сыновей против Тавриды и России; что царь ординский, Шиг-Ахмед, женатый на дочери ногайского князя Мусы и за то сверженный с престола, опять царствует вместе с братом Сеид-Махмутом; что войско крымское всегда готово идти на них и на Литву, и проч. В самом деле Менгли-Гирей не преставал тревожить Александровых владений набегами и грабежом.

Новый союзник представился Иоанну, владетельный князь мазовецкий, Конрад, племени древних венценосцев польских. Будучи тогда врагом сыновей Казимировых, он желал вступить в тесную связь с Россиею и прислал в Москву варшавского наместника, Ивана Подосю, сватать за него одну из дочерей великого князя. Сей брак казался пристойным и выгодным для нашей политики; но государь не хотел вдруг изъявить согласия и сам отправил послов в Мазовию для заключения предварительного договора с ее князем: 1) о вспоможении, которое он дает России против сыновей Казимировых; 2) о назначении вена для будущей супруги его: то есть Иоанн требовал, чтобы она имела в собственном владении некоторые города и волости в Мазовии.— Не знаем, с каким ответом возвратились послы; но сие сватовство не имело дальнейших следствий, вероятно, от перемены обстоятельств.

Если и Казимир, государь Литвы и Польши, опасался войны с Иоанном, то Александр, властвуя единственно над первою и не уверенный в усердной помощи брата, мог ли без крайности отважиться на кровопролитие? Менгли-Гирей опустошал, Стефан Молдавский грозил, заключив тесный союз между собою посредством Иоанна и следуя его указаниям. Но всего опаснее был сам великий князь, именем отечества и единоверия призывая к себе всех древних россиян, которые составляли большую часть Александровых подданных. Уже Москва расширила свои пределы до Жиздры и самого Днепра, действуя не столько мечом, сколько приманом. В городах, в

селах и в битвах страшились измены.— Так, Александр решительно хотел искреннего, вечного мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна; все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско, друзей в Литве и счастие, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обещать себе редкую славу и даже христианскую заслугу, то есть возвратить отечеству лучшую его половину, а церкви шесть или семь знаменитых епархий, насилием латинским отторженных от ее истинного, общего пастырства. Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастии; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством великого монарха и благом державы. Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными. Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков, что казалось тогда невозможностию. Союз хана крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном борении с сими тремя государствами. Менгли-Гирей зависел от султана, готового иногда оказывать услуги Венгрии и Польше: хотя не изменял Иоанну, однако ж не во всем удовлетворял ему: например, без его ведома освободил Глинского, ссылался с Александром и действовал против Литвы слабо, недружно. Стефан же имел более ума и мужества, нежели сил, истощаемых им в войнах с турками.— Заметим, наконец, что время уже приучило северную Россию смотреть на литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена, и связь единородства ослабела. Иоанн, отняв у Литвы некоторые области, был доволен сим знаком превосходства сил и лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений.

Вслед за литовскими послами, бывшими в Москве, великий князь отправил дворянина Загряского к Александру с объявлением, что отчины князей воротынских, белевских, мезецких и вяземских, служащих государю, будут впредь частию России,

12 Зак. № 39

и что литовское правительство не должно вступаться в оные. В верующей грамоте, данной Загрянскому, Иоанн по своему обыкновению назвал себя государем *всей России*. Сей посол имел также письмо от юного сына Иоаннова, Василия, к изгнаннику, князю Василию Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться в Москву: ибо великая княгиня София исходатайствовала ему прощение. В Вильне отвечали Загрянскому, что новые послы Александровы будут в Москву: они действительно приехали в исходе июня с требованием, чтобы Иоанн не только отдал их государю все захваченные россиянами литовские области, но и казнил виновников сего насилия; сверх того изъявили негодование, что великий князь употребляет в грамотах титул новый и *высокий*, именуясь государем *всей России* и многих земель; а в заключение сказали воеводе московскому, Ивану Юрьевичу, что Александр, по желанию сенаторов литовских, готов начать переговоры о вечном мире. Ответ Иоанновых бояр состоял в следующем: «Князья воротынские и другие искони были слугами наших государей. Пользуясь *невзгодою России*, Литва завладела их странами: теперь иные времена. — Великий князь не пишет в грамотах своих ничего *высокого*, а называется властителем земель, данных ему богом».

В генваре 1494 года *великие послы* литовские, воевода Троцкий, Петр Янович Белой и Станислав Гастольд, староста жмудский, прибыли в Москву для заключения мира. Они хотели возобновить договор Казимиров с Василием Темным, а наши бояре древнейший Ольгердов с Симеоном Гордым и отцом Донского. Первые уступали Иоанну Новгород, Псков и Тверь в вечное потомственное владение, но требовали всех иных городов, коими завладели россияне в новейшие времена. «Вы уступаете нам не свое, а наше», — сказали бояре. Спорили долго, хитрили и несколько раз прерывали сношения; наконец согласились, чтобы Вязьма, Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстислав, Торуса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынск, Перемышль, Белев, Мещера остались за Россиею; а Смоленск, Любутск, Мценск, Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Лужин и некоторые иные места по Угру — за Литвою. Князьям мезецким, или мещовским, дали волю служить, кому они хотят. Александр обещал признать великого князя *государем всей России*, с тем, чтобы

он не требовал Киева. Тогда послы литовские, вторично представленные Иоанну, начали дело сватовства, и государь изъявил согласие выдать дочь свою, Елену, за Александра, слово, что он не будет нудить ее к перемене Веры. На другой день, февраля 6, в комнатах у великой княгини Софии они увидели невесту, которая чрез окольничего спросила у них о здоровье будущего супруга. Тут, в присутствии всех бояр, совершилось обручение. Станислав Гастольд заступал место жениха, ибо старшему послу, воеводе Петру, *имевшему вторую жену*, не дозволили быть действующим в сем обряде. Иереи читали молитвы. Обменялись перстнями и крестами, висящими на золотых цепях.

Февраля 7 послы именем Александра присягнули в верном соблюдении мира; а великий князь целовал крест в том же. Главные условия договора, написанного на хартии с золотою печатию, были следующие: «1) Жить обоим государям и детям их в вечной любви и помогать друг другу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе князей вяземских, новосильских, одоевских, воротынских, перемышльских, белевских, мещерских, говдыревских, ни великих князей рязанских, остающихся *на стороне* государя московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; 4) двух князей мезецких, сосланных в Ярославль, освободить; 5) в случае обид выслать общих судей на границу; 6) изменников российских, Михаила Тверского, сыновей князя можайского, Шемяки, боровского, верейского, никуда не отпускать из Литвы: буде же уйдут, то вновь не принимать их; 7) послам и купцам ездить свободно из земли в землю», и проч. — Сверх того послы дали слово, что Александр обяжется грамотою не беспокоить супруги в рассуждении веры. Они три раза обедали у государя и получили в дар богатые шубы с серебряными ковшами. Отпуская их, великий князь сказал изустно: «Петр и Станислав! Милостию Божиею мы утвердили дружбу с зятем и братом Александром; что обещали, то исполним. Послы мои будут свидетелями его клятвы».

Для сего князья Василий и Симеон Ряполовские, Михайло Яропкин и дьяк Федор Курицын были посланы в Вильну. Александр, присягнув, разменялся мирными договорами; написал также грамоту о Законе будущей супруги, но вместил слова: «Если же великая княгиня Елена сама захочет принять

римскую Веру, то ее воля». Сие дополнение едва не остановило брака: Иоанн гневно велел сказать Александру, что он, по-видимому, не хочет быть его зятем. Бумагу переписали, и чрез несколько месяцев явилось в нашей столице великое посольство литовское. Воевода виленский, князь Александр Юрьевич, князь Ян Заберезенский, наместник полоцкий, пан Юрий, наместник бряславский, и множество знатнейших дворян приехали за невестою, блистая великолепием в одежде, в услуге и в украшении коней своих. В веряющей грамоте Александр именовал великого князя отцом и тестем. Выслушав речь посольскую, Иоанн сказал: «Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви и дружбы с нами: да будет! Отдаем за него дочь свою. — Он должен помнить условие, скрепленное его печатию, чтобы дочь наша не переменяла Закона ни в коем случае, ни принужденно, ни собственною волею. — Скажите ему от нас, чтобы он дозволил ей иметь придворную церковь греческую. Скажите, да любит жену, как Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастием супругов! — Скажите от нас епископу и панам вашей Думы государственной, чтобы они утверждали великого князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами. Всевышний да благословит сей союз!»

Генваря 13 Иоанн, отслушав Литургию в Успенском храме со всем великокняжеским семейством и с боярами, призвал литовских вельмож к церковным дверям, вручил им невесту и проводил до саней. В Дорогомилове Елена остановилась и жила два дня: брат ее, Василий, угостил там панов роскошным обедом; мать ночевала с нею, а великий князь два раза приезжал обнять любезную ему дочь, с которою расставался навеки. Он дал ей следующую записку: «Память великой княжне Елене. В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь: из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и не прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». — Невесту провожали князь Симеон Ряполовский, боярин Михайло Яковлевич Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, дворецкий Дмитрий Пешков, дьяк и казначей Василий Кулешин, несколько окольничих, стольников, конюших и более сорока знатных детей боярских. В тайном наказе, данном Ря-

половскому, велено было требовать, чтобы Елена венчалась в греческой церкви, в русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос епископа о любви ее к Александру ответствовала: *люб ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болезни, кроме Закона; держать мне греческий, а ему не нудить меня к римскому*. Иоанн не забыл ничего в своих предписаниях, назначая даже, как Елене одеваться в пути, где и в каких церквах петь молебны, кого видеть, с кем обедать и проч.

Ее путешествие от пределов России до Вильны было веселым торжеством для народа литовского, который видел в ней залог долговременного, счастливого мира. В Смоленске, Витебске, Полоцке вельможи и духовенство встречали ее с дарами и с любовию, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется с Гедиминовою; что церковь православная, сирая, безгласная в Литве, найдет ревностную покровительницу на троне; что сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александр выслал знатнейших чиновников приветствовать Елену на пути и сам встретил ее за три версты от Вильны, окруженный двором и всеми думными панами. Невеста и жених, ступив на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку друг другу, сказали несколько ласковых слов и вместе въехали в столицу, он на коне, она в санях, богато украшенных. Невеста в греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебен: боярыни московские расплели ей косу, надели на голову кику[1] с покрывалом, осыпали ее хмелем и повели к жениху в церковь Св. Станислава, где венчал их, на бархате и на соболях, латинский епископ и наш священник Фома. Тут был и виленский архимандрит Макарий, наместник киевского митрополита; но не смел читать молитв. Княгиня Ряполовская держала над Еленою венец, а дьяк Кулешин скляницу с вином.— По совершении обрядов Александр торжественно принял бояр Иоанновых; начались веселые пиры: открылись и взаимные неудовольствия.

Давно замечено историками, что редко брачные союзы между государями способствуют благу государств: каждый венценосец желает употребить свойство себе в пользу; вместо уступчивости рождаются новые требования, и тем чувствительнее

---

[1] Кика — головной убор замужней женщины, кокошник.

бывают отказы. Кажется, что Иоанн и Александр в сем случае не хотели обмануть друг друга, но сами обманулись: по крайней мере первый действовал откровеннее, великодушнее, как должно сильнейшему; не уступал, однако ж и не мыслил коварствовать, с прискорбием видя, что надежда обеих держав не исполнилась и что свойство не принесло ему мира надежного.

Еще во время сватовства Александр с досадою писал в Москву о новых обидах, делаемых россиянами Литве: Иоанн обещал управу; но сам был недоволен тем, что Александр именовал его в грамотах только великим князем, а не *государем всей России*. Весною приехал из Литвы маршалок[1] Станислав с брачными дарами: вручив их государю и семейству его, он жаловался ему на молдавского воеводу, Стефана, разорившего город Бряславль, и на послов московских, князя Ряполовского и Михайла Русалку, которые, едучи из Вильны в Москву, будто бы грабили жителей; требовал еще, чтобы все российские чиновники, служащие Елене, были отозваны назад: «ибо она имеет довольно своих подданных для услуги». Иоанн обещал примирить Стефана с зятем; но досадовал, что Александр не позволил ни православному епископу, ни архимандриту Макарию венчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь греческого Закона, удалил от нее почти всех россиян и весьма худо содержит остальных. Жалоба на московских послов была клеветою: напротив того, они дорогою терпели во всем недостаток. — Отпустив Станислава, великий князь послал гонца в Вильну наведаться о здоровье Елены и дал ему два письма: одно с обыкновенными приветствиями, а другое с тайными наставлениями, желая, чтобы она не имела при себе чиновников, ни слуг латинской Веры, и никак не отпускала наших бояр, из коих главным был тогда князь Василий Ромодановский, присланный в Вильну с женою. Для переписки с родителями Елена употребляла московского подьячего и должна была скрывать оную от супруга: положение весьма опасное и неприятное! Юная великая княгиня, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием и, сохраняя долг покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не

[1] Маршалок — старший боярин.

жаловалась родителю на свои домашние неудовольствия и старалась утвердить его в союзе с Александром. В сие время разнесся слух в Вильне, что хан Менгли-Гирей идет на Литву: Елена вместе с супругом писала к Иоанну, чтобы он, исполняя договор, защитил их; о том же писала и к матери в выражениях убедительных и ласковых.

Великий князь находился в обстоятельствах затруднительных: без ведома и без участия Менгли-Гиреева вступив в тесный союз с Александром, их бывшим неприятелем, он известил хана таврического о сем важном происшествии, уверяя его в неизменной дружбе своей и предлагая ему также помириться с Литвою. Ответ Менгли-Гиреев, сильный искренностью и прямодушием, содержал в себе упреки, отчасти справедливые. «С удивлением читаю твою грамоту, — писал хан к государю, — ты ведаешь, изменял ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои собственные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! *Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его*: так я мыслил и жег Литву, громил улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!.. Сказал ли нам хотя единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом!» Однако ж Менгли-Гирей все еще держался великого князя и даже снова клялся умереть его верным союзником; не отвергал и мира с Литвою, требуя единственно, чтобы Александр удовлетворил ему за понесенные им в войне убытки.

И так Иоанн мог бы легко примирить зятя с ханом; но прежде надлежало удостовериться в искренней дружбе первого: ответствуя ему, что договор с нашей стороны будет исполнен и что войско российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на мир, Иоанн послал в Вильну боярина Кутузова с требованием, чтобы Александр непременно позволил супруге своей иметь домовую церковь, не принуждать ее носить польскую одежду, не давал ей слуг римского исповедания, писал в грамотах весь титул государя согласно с условием, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Россию и чтобы, наконец, отпустил в Москву жену князя Бельского. В угодность зятю великий князь отозвал из Вильны бояр московских, коих Александр считал опасными доносителми и ссорщиками: остались при Елене только священник Фома с двумя

крестовыми дьяками и несколько русских поваров. Несмотря на то, зять не хотел исполнить ни одного из требований Иоанновых, ответствуя на первое, что устав предков его запрещает строить вновь церкви нашего исповедания и что Елена может ходить в приходскую, которая недалеко от дворца. «Какое мне дело до ваших уставов? — возражал государь, — у тебя супруга православной Веры, и ты обещал ей свободу в богослужении». Но Александр упрямился; не отпустил даже и княгини Бельской, говоря, что она сама не едет в Россию.

К сим досадам он присовокупил новую. Султан турецкий, Баязет, получив грамоту великого князя и строго запретив утеснять купцов наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву посла с дружественными уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что никогда султанские послы не езжали в Россию чрез Литву и что они могут быть лазутчиками.

Однако ж великий князь еще изъявлял доброхотство зятю и дал ему знать, что Стефан Молдавский и Менгли-Гирей соглашаются жить в мире с Литвою. Сего не довольно: услышав, что Александр, по совету думных панов, готов отдать в удел меньшему брату, Сигизмунду, Киевскую область, Иоанн писал к Елене, чтобы она всячески старалась отвратить мужа от намерения столь вредного. Повторим собственные слова его: «Я слыхал о неустройствах, какие были в Литве от удельного правления. И ты слыхала о наших собственных бедствиях, произведенных разновластием в княжение отца моего; помнишь, что и сам я терпел от братьев. Чему быть доброму, когда Сигизмунд сделается у вас особенным государем? Советую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно от себя». В сем случае Иоанн явил образ мыслей, достойный монарха сильного и великодушного: имел досаду на зятя, но как искренний друг предостерегал его от гибельной погрешности, несмотря на то, что Россия могла бы воспользоваться ею.

Сие великодушие, по-видимому, не тронуло Александра: он с грубостию ответствовал, что не видит расположения к миру в наших союзниках, Менгли-Гирее и Стефане, непрестанно враждующих Литве; что тесть указывает ему в его делах и не дает никакой управы. Огорченный великий князь, жалуясь

Елене на мужа ее, спрашивал, для чего он не хочет жить с ним в любви и братстве? «Для того, — писал Александр к тестю, — что ты завладел многими городами и волостями, издавно литовскими; что пересылаешься с нашими недругами, султаном турецким, господарем молдовским и ханом крымским, а доселе не помирил меня с ними, вопреки нашему условию иметь одних друзей и неприятелей; что россияне, невзирая на мир, всегда обижают литовцев. Если действительно желаешь братства между нами, то возврати мое и с убытками, запрети обиды и докажи тем свою искренность: союзники твои, увидев оную, престанут мне злодействовать». Елена в сей грамоте приписала только поклон родителю.

Все неудовольствия Александровы происходили, кажется, оттого что он жалел о городах, уступленных им России, и с прискорбием оставлял Елену греческою христианкою. Иоанн не отнял ничего нового у Литвы после заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, брал свои меры. Боярин князь Звенец поехал к Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не уведомил его вовремя о сватовстве Александровом, Иоанн убеждал хана забыть прошедшее. «Не требую, — говорил он, — но соглашаюсь, чтобы ты жил в мире с Литвою; а если зять мой будет опять тебе или мне врагом, то мы восстанем на него общими силами». Вероятно, что Иоанн таким же образом писал и к Стефану Молдавскому: по крайней мере сии два союзника России не спешили мириться с Александром, и великий князь в случае войны мог надеяться на их усердную помощь.

Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1495—1503 гг.

Заложен Иваньгород. Гнев вел. князя на ливонских немцев и заключение всех купцов ганзейских в России. Союз с Даниею. Война со шведами. Иоанн в Новегороде. Поход на Гамскую землю, или Финляндию. Дела казанские. Первое наше посольство в Константинополь. Рязанская княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского.

Гнев Иоанна на супругу и сына, Василия. Великий князь торжественно венчает на царство внука своего, юного Димитрия Иоанновича; мирится с супругою, казнит бояр и называет Василия вел. князем Новагорода и Пскова. Посол из Шемахи. Посольство в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской, или северо-западной Сибири. Послан воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князья черниговский и рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским орденом. Переговоры о мире. Александр избран в польские короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с орденом. Сражение близ Изборска. Болезнь в ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг Ахмет, помогает Литве. Хан крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада хана крымского на великого князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с магистром ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с орденом. Хитрость вел. князя. Александр безрассудно досаждает ему.

Имея Литву главным предметом своей политики, государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. Он велел в 1492 году заложить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени, *Иваньгород*, к великому беспокойству ливонских немцев, которые однако ж не могли ему в том воспрепятствовать и в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет. Чрез несколько месяцев — так пишет немецкий историк — «всенародно сожгли в Ревеле одного россиянина, уличенного в гнусном преступлении, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: *мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же*. Сии безрассудные слова, пересказанные государю московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю и, взглянув

на небо, грозно произнес: *Бог суди мое дело и казни дерзость*». А наш летописец говорит, что ревельцы обижали купцов новогородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, делая несносные грубости послам московским, которые ездили в Италию и в Немецкую землю. Раздраженный государь требовал, чтобы ливонское правительство выдало ему магистрат ревельский, и, получив отказ, велел схватить ганзейских купцов в Новегороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали немецкие гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с Ливонским орденом щадил купцов ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только фламандские сукна и другие немецкие рукоделия, но и соль, медь, пшеницу. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новогородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась материю других: удар столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы великого магистра, семидесяти городов немецких и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец государь умилостивился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресеклась торговля ганзейская в Новегороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: немецкие купцы уже страшились вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного самовластителя лишало

их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели беззаконному насилию правительств. Дворы, божница, лавки немецкие опустели в Новегороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Так великий князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою. Некоторые историки умствуют, что Иоанн видел в ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новегороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к правительству, и, несмотря на покорение Новагорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что великий князь сделал то в угождение королю датскому, ее неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения ганзейской конторы в Новегороде. Сии два монарха, действительно, заключили между собою тесный союз. Наши послы возвратились из Копенгагена с новым послом датским, и скоро воеводы российские, князь Щеня, боярин Яков Захарьевич, князь Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердие, псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника и на шумном вече обесчестили многих иереев, которые доказывали номоканоном, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях. Но россияне около трех месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь, Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество россиян;

другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечом осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти финнов под именем *выборгского треска* и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе. Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего многолюдства, ни величавых бояр, ни купцов именитых; но архиепископ Геннадий и наместники старались пышною встречею удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торжественному: святитель, духовенство, чиновники, народ ждали государя на Московской дороге; радостные восклицания провождали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со двором своим, который состоял из осьми бояр московских, четырех тверских, трех окольничих, великого дворецкого, постельничего, спальничего, трех дьяков, пятидесяти князей и многих детей боярских.

Воеводы, князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на *Гамскую землю, Ямь*, или Финляндию, разбили 7000 шведов. Сам государственный правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской и весною идти на Каянию или *на десять рек*[1]. Сей поход имел важнейшее следствие: князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к российским владениям берега Лименги, коих жители отправили посольство к великому князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Стокгольма в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, князь Юрий Бабич, первый

[1] Речь идет о Карелии.

ушел из крепости; а воеводы, князь Иван Брюхо и Гундоров, стояли недалеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ шведов и не дали никакой помощи гражданам. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оное ливонскому рыцарству; но магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости и спешили удалиться с тремястами пленников.

Война кончилась [1496 г.] тем, что король датский, друг Иоаннов, сделался государем Швеции, согласно с желанием ее сената и духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь великого князя и, может быть, отдал ему некоторые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 годах) послы его были в Москве, а наши в Дании, вероятно, для утверждения бесспорных границ между обеими державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что шведский государственный совет, обвиняя бывшего правителя Стена во многих жестокостях, сказал в манифесте: «Он злодействовал в Швеции, как россияне в Финляндии!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к новогородским наместникам, требуя, чтобы сам великий князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость и желал смирить оную.

Доселе царь казанский верно исполнял обязанность нашего присяжника; но, угождая Иоанну, теснил подданных и был ненавидим вельможами, которые тайно предлагали владетелю шибанскому, Мамуку, избавить их от тирана. Магмед-Аминь, узнав о том, требовал защиты в Москве, и государь прислал к нему воеводу, князя Ряполовского, с сильною ратию. Изменники бежали: Мамук удалился от пределов казанских; все было тихо и спокойно. Магмед-Аминь отпустил Ряполовского, но чрез месяц сам явился в Москве с вестию, что Мамук, внезапно изгнав его, царствует в Казани. Сей новый царь умел только грабить: жадный к богатству, отнимал у купцов товары, у вельмож сокровища и посадил в темницу главных своих доброжелателей, которые предали ему Казань, изменив Магмед-Аминю. Он хотел завоевать городок Арский: не взял его и не мог уже возвратиться в Казань, где граждане стояли на стенах с оружием, велев сказать ему, что им не надобен царь-разбойник. Мамук ушел восвояси; а вельможи казанские отправили по-

сольство к Иоанну [1497 г.], смиренно извиняясь перед ним, но виня и Магмед-Аминя в несносных для народа утеснениях. «Хотим иметь иного царя от руки твоей, — говорили они, — дай нам второго Ибрагимова сына, Абдыл-Летифа». Иоанн согласился и послал сего меньшего пасынка Менгли-Гиреева в Казань, где князья Симеон Данилович Холмский и Федор Палецкий возвели его на царство, заставив народ присягнуть в верности к российскому монарху. — Чтобы удовольствовать и Магмед-Аминя, великий князь дал ему в поместье Коширу, Серпухов и Хотунь, к бедствию жителей, коим он сделался ненавистен своим алчным корыстолюбием и злобным нравом.

Сие происшествие могло обеспокоить Нурсалтан, жену Менгли-Гирееву: Иоанн дал ей знать о том в самых ласковых выражениях, уверяя, что Казань всегда будет собственностию ее рода. Благодаря великого князя, она уведомляла его о своем возвращении из Мекки и намерении ехать в Россию для свидания с сыновьями. Менгли-Гирей прислал Иоанну в дар яхонтовый перстень Магомета II и старался утвердить султана Баязета в благосклонном к нам расположении. Хотя посол турецкий и не доехал до Москвы, однако ж Иоанн решился тогда отправить своего в Константинополь, чтобы изъявить признательность султану за его доброе намерение, и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву: хан крымский дал ему письма и вожатых. Целию посольства было доставить нашим купцам безопасность и свободу в торговле с областями султанскими: по крайней мере в бумагах оного не упоминается ни о чем ином; сказано только, чтобы Плещеев в изъявлениях Иоаннова дружества к Баязету и к юному сыну его, Магмеду Шихзоде, кафинскому султану, строго наблюдал достоинство великого князя; чтобы *правил им поклон стоя, не на коленях*, и никому из других послов не уступал места; чтобы говорил речь единственно султану, а не пашам, и проч. Плещеев, исполняя в точности наказ государев, своею гордостию удивил двор Баязетов. Обласканный пашами в Константинополе и слыша, что его на другой день представят султану, он не хотел ехать к ним на обед, не взял их даров, которые состояли в драгоценной одежде, ни десяти тысяч оттоманских денег, назначенных ему на содержание, и сказал присланному от них чиновнику: «Мне с пашами нет речи; их платья не надену; денег не хочу; будут говорить только с султаном». Однако ж Баязет отпустил Пле-

щеева с ласковою ответною грамотою и сделал все, что требовал Иоанн в рассуждении наших купцов. «Государь Российский, — писал он к Менгли-Гирею, — с коим искренно желаю быть в любви, прислал ко мне какого-то невежду: для сего не посылаю с ним моих людей в Россию, опасаясь, чтобы их там не оскорбили. Уважаемый от востока до запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сын мой, правитель Кафы, сносится с Иоанном». Но, соблюдая учтивость, Баязет не жаловался самому великому князю на его посла и писал к нему следующее: «Ты от чистого сердца прислал *доброго мужа к моему порогу*: он видел меня и вручил мне твою грамоту, которую я приложил к своему сердцу, видя, что желаешь быть нам другом. Послы и гости твои да ездят часто в мою землю[1]: они увидят и скажут тебе нашу правду, равно как и сей, едущий назад в свое отечество. Дай Бог, чтобы он благополучно возвратился *с нашим великим поклоном* и к тебе и ко всем друзьям твоим: ибо кого ты любишь, того и мы любим». — Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с Оттоманскою державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение магометанских царств в мире и первенство христианского оружия!

Плещеев возвратился в Москву тогда, когда двор, вельможи и народ были ужасным образом волнуемы происшествиями, горестными для Иоаннова сердца [1498 г.]. Мы видели, что с XV века установилось новое право наследственности в России, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками великокняжеского достоинства; но кончина старшего Иоаннова сына произвела вопрос: «кому быть наследником государства, внуку ли Димитрию или Василию Иоанновичу?» Великий князь колебался: бояре думали разно, одни доброхотствуя Елене и юному сыну ее, другие Софии и Василию; первых было гораздо больше, отчасти по любви, которую все имели к великодушному отцу Димитриеву, отчасти и потому, что мать его окружали только россияне; Софию же многие греки, неприятные нашим вельможам. Друзья Еленины утверждали, что Димитрий естественным образом наследовал право своего родителя на великое княжение; а Софиины доброжелатели ответствовали, что внук

[1] То есть пусть послы и купцы ездят часто...

не может быть предпочтен сыну — и какому? происшедшему от крови императоров греческих. София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая княгиня рязанская, Анна, гостила тогда в Москве у брата, равно ласкаемая его супругою и невесткою: он мог еще наслаждаться семейственными удовольствиями; продержал сестру несколько месяцев, склонил ее выдать дочь за князя Федора Ивановича Бельского и с любовию отпустил в Рязань, где надлежало быть свадьбе.

Скоро по отъезде Анны донесли государю о важном заговоре. Дьяк Федор Стромилов уверил юного Василия, что родитель его хочет объявить внука наследником: сей дьяк и некоторые безрассудные молодые люди предлагали Василию погубить Димитрия, уйти в Вологду и захватить там казну государеву. Они втайне умножали число своих единомышленников и клятвою обязались усердно служить сыну против отца и государя. Иоанн, узнав о том, воспылал гневом. Обвиняемых взяли в допрос, пытали и, вынудив от них признание, казнили на Мокве-реке: дьякам Стромилову и Гусеву, князю Ивану Палецкому и Скрябину отсекли голову: Афанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многих иных детей боярских посадили в темницу и к самому Василию приставили во дворце стражу. Гнев Иоаннов пал и на Софию: ему сказали, что к ней ходят мнимые колдуньи с зелием; их схватили, обыскали и ночью утопили в Москве-реке. С того времени государь не хотел видеть супруги, подозревая, кажется, что она мыслила отравить ядом невестку Елену и Димитрия. В сем случае наместник московский, князь Иван Юрьевич, и воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софиины.

Елена торжествовала: великий князь немедленно назвал ее сына своим преемником и возложил на него венец Мономахов. Искони духовные российские пастыри благословляли государей при восшествии их на престол, и сей обряд совершался в церкви; но древние летописцы не сказывают ничего более: здесь в первый раз видим царское венчание, описанное со всеми любопытными обстоятельствами. В назначенный день государь, провождаемый всем двором, боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Димитрия в Соборную церковь Успения, где митрополит с пятью епископами, многими архиман-

дритами, игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для государя, Димитрия и митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и митрополит сели: Димитрий стоял пред ними на вышней ступени амвона. Иоанн сказал: «Отче митрополит! издревле государи, предки наши, давали великое княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Димитрия, его сына, при себе и после себя великим княжеством Владимирским, Московским, Новогородским: и ты, отче, дай ему благословение». Митрополит велел юному князю ступить на амвон, встал, благословил Димитрия крестом и, положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от святого жилища Своего благоволит воззреть с любовию на Димитрия; да сподобит его помазатися елеем радости, приять силу свыше, венец и скипетр царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, Вера чистая и правосудие. Тут два архимандрита подали бармы: митрополит, ознаменовав Димитрия крестом, вручил их Иоанну, который возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: «Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Царем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во дни его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!..» Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук первосвятителя и возложил на внука. Митрополит сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Читали Ектению и молитву Богоматери. Великий князь и митрополит сели на своих местах. Архидиакон с амвона возгласил многолетие обоим государям: за ним лик священников и диаконов. Митрополит встал и вместе с епископами поздравил деда и внука: также сыновья государевы, бояре и все знатные сановники. В заключение Иоанн сказал юному князю: «Внук Димитрий! Я пожаловал и благословил тебя великим княжеством; а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость и пекись о всем христианстве». — Великие князья сошли с амвона. После обедни Иоанн возвратился в свой дво-

рец, а Димитрий, в венце и в бармах, провождаемый всеми детьми государевыми (кроме Василия) и боярами, ходил в собор Архангела Михаила и Благовещения, где сын Иоаннов, Юрий, осыпал его в дверях золотыми и серебряными деньгами. — В тот день был великолепный пир у государя для всех духовных и светских сановников. Лаская юного Димитрия, он подарил ему крест с золотою цепию, пояс, осыпанный драгоценными каменьями, и сердоликовую крабию[1] Августа Цесаря.

Несмотря на сии знаки любви ко внуку грозное чело Иоанново изъявляло мучительное смятение его души, так что самые усердные доброжелатели Елены — самые те, которые своими доносами и внушениями возбудили гнев государев на Софию и Василия — не смели радоваться, опасаясь перемены. Страх их был весьма основателен. Иоанн любил супругу, по крайней мере чтил в ней отрасль знаменитого императорского дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами и мог по суеверию, свойственному и великим людям, приписывать счастию Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую греческую хитрость и друзей при дворе. Василий, коего рождение, прославленное чудом, было столь вожделенно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего юного князя — если и несомнительная — находила извинение в незрелости ума и в легкомыслии молодых лет. Но миновал год: Россия уже привыкла к мысли, что Димитрий, любезный, непорочный сын отца, памятного благородным мужеством, и внук двух великих государей, будет ее монархом. Открылось, что дед украсил венцом сего юношу как жертву, обреченную на погибель.

К сожалению, летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказывая только, что Иоанн возвратил, наконец, свою нежность супруге и сыну, велел снова исследовать бывшие на них доносы, узнал козни друзей Елениных и, считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знатнейшими вельможами, князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, двумя его сыновьями и зятем, князем Симеоном Ряполовским, обличенными в крамоле: осудил их на смертную казнь, невзирая на то, что Иван Юрьевич, праправнук славного Ольгерда, был родной племянник Темного, сын

---

[1] Крабия — ларец.

дочери великого князя Василия Димитриевича, Марии, и тридцать шесть лет верно служил государю как первый боярин в делах войны и мира: отец же Ряполовского, один из потомков Всеволода Великого, спасал Иоанна в юности от злобы Шемякиной. Государь по-видимому уверился, что они, усердствуя Елене, оклеветали пред ним и Софию и Василия: не знаем точной истины; но Иоанн, во всяком случае, был обманут кознями той или другой стороны: жалостная участь монархов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным! Князю Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке; но митрополит Симон, архиепископ ростовский и другие святители ревностным ходатайством спасли Патрикеевых от казни: Иван Юрьевич и старший его сын, боярин Василий Косой, постриглись в монахи: первый в обители Св. Сергия, а второй — Св. Кирилла Белозерского; меньший сын Юрьевича, Иван Мынинда, остался под стражею в доме. Сия *первая знаменитая боярская опала* изумила вельмож, доказав, что гнев самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных.

Чрез шесть недель Иоанн назвал Василия *государем, великим князем Новагорода и Пскова*: изъявлял холодность к невестке и ко внуку; однако ж долго медлил и совестился отнять старейшинство у последнего, данное ему пред лицом всей России и с обрядами священными. Еще Димитрий именовался великим князем владимирским и московским; но двор благоговел пред Софиею, удаляясь от Елены и сына ее: ибо предвидели будущее. Мог ли Иоанн, столь счастливо основав единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух князей великих, сына и внука? Могла ли София быть спокойною, не свергнув Димитрия? Одним словом, его падение казалось уже необходимым.— Псковитяне, с удивлением и неудовольствием сведав, что Иоанн дал им государя особенного, послали к нему знатнейших чиновников, жаловались на такую новость и молили, чтобы Димитрий, как будущий наследник Российской державы, остался и главою земли их. Великий князь с гневом ответствовал: «Разве я не волен в моем сыне и внуке? Кому хочу, тому и дам Россию. Служите Василию». Послов заключили в башню, но скоро освободили.

Сие время без сомнения было самым печальнейшим в Иоанновой жизни: однако ж монарх являл и тогда непрестанную

деятельность в отношениях государственных. В Шамахе господствовал султан Махмут, внук Ширван-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его. Слабость и бедствия их преемников, смерть завоевателя персидского, Узун-Гассана, и малодушие его наследников возвратили независимость сей стране Каспийской. Махмут, величаясь достоинством монарха, желал иметь любовь и дружбу с государями знаменитыми, каков был Иоанн. Он прислал в Москву вельможу своего, Шебеддина, с учтивыми и ласковыми словами, на которые ответствовали ему такими же; но государь не счел за нужное отправить собственного посла в Шамаху, сведав, может быть, о завоеваниях Измаила Софи, мнимого потомка Алиева, который около сего времени назвался шахом, овладел Ираном, Багдадом, южными окрестностями моря Каспийского и сделался основателем сильной державы персидских Софиев, во дни отцов наших уничтоженной Тахмасом-Кулы ханом.

Тогда же Иоанн посылал в Венецию грека Дмитрия, Ралева сына, с Митрофаном Карачаровым, и к султану Баязету Алексея Голохватова, с коим отправились многие наши купцы в Азов рекою Доном (они грузились на Мече у Каменного Коня). Голохвастов, имея учтивые письма к Баязету и к сыну его, Магмеду Шихзоде, должен был исходатайствовать разные выгоды московским торговым людям в Баязетовых владениях и сказать пашам султанским следующие слова: «Великий князь не ведает, чем вы обвиняете бывшего у вас российского посла Михаила Плещеева; но знайте, что многие государи шлют послов к нашему, чтущему и жалующему их ради своего имени: султан может в том удостовериться опытом». Голохвастов через несколько месяцев возвратился с ответными грамотами от Баязета и Шихзоды: последний присылал из Кафы в Москву и собственного чиновника, который обедал у великого князя. Но дело шло, как и прежде, единственно о безопасной и свободной торговле.

В сей год Иоанн утвердил власть свою над северо-западною Сибирию, которая издревле платила дань Новугороду. Еще в 1465 году — по известию одного летописца — устюжанин, именем Василий Скряба, с толпою вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних князей, Калпака и Течика: взяли с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих князей в отечество, обложил Югру данию

и милостиво наградил Скрябу. Сие завоевание оказалось недействительным или мнимым: подчинив себе Новгород, Иоанн (в мае 1483 года) должен был отрядить воевод, князя Федора Курбского Черного и Салтыка-Травина, с полками устюжскими и пермскими на вогуличей и Югру. Близ устья реки Пелыни, разбив князя вогульского, Юмшана, воеводы московские шли вниз по реке Тавде мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до великой Оби в землю Югорскую, пленили ее князя Молдана и с богатою добычею возвратились чрез пять месяцев в Устюг. Владетели югорские или *кодские* требовали мира, коего посредником был епископ пермский Филофей; присягнули в верности к России и *пили воду с золота* пред нашими чиновниками, близ устья Выми; а Юмшан Вогульский с епископом Филофеем сам приезжал в Москву и, милостиво обласканный великим князем, начал платить ему дань, быв дотоле, равно как и отец его, Асыка, ужасом Пермской области. Но конечное покорение сих отдаленных земель совершилось уже в 1499 году: князья Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник, предводительствуя пятью тысячами устюжан, двинян, вятчан, плыли разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу. Сражаясь с усилием ветров и засыпаемые снегом, странствующие полки великокняжеские с неописанным трудом всходили на сии, во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где, под мшистыми гранитами, скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные. Там встретили россияне толпу мирных самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей; наконец спустились в равнины и, достигнув городка Ляпина (ныне вогульского местечка в Березовском уезде), исчислили, что они прошли уже 4650 верст. За Ляпином съехались к ним владетели югорские, земли Обдорской, предлагая мир и вечное подданство государю московскому. Каждый из сих князьков сидел на длинных санях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины на собаках, держа в руках огнь и меч для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов (то есть мест, укрепленных острогом), более тысячи пленников и пятьдесят князей; обязали

всех жителей (вогуличей, югорцев или, как вероятно, остяков и самоедов) клятвою верности и благополучно возвратились в Москву к Пасхе. Сподвижники их рассказывали любопытным о трудах, ими перенесенных, о высоте Уральских гор, коих хребты скрываются в облаках и которые, по мнению географов, назывались в древности Рифейскими, или Гиперборейскими; о зверях и птицах, неизвестных в нашем климате; о виде и странных обыкновениях жителей сибирских: сии рассказы, повторяемые с прибавлением, служили источником баснословия о чудовищах и *немых людях*, будто бы обитающих на северо-востоке; о других, которые по смерти снова оживают, и проч. — С того времени государи наши всегда именовались князьями *югорскими*; а в Европе разнесся слух, что мы завоевали древнее отечество *угров*, или венгерцев: сами россияне хвалились тем, основываясь на сходстве имен и на предании, что единоплеменник Аттилин, славный маджарский воевода Альм, вышел из глубины Азии Северной, или Скифии, где много соболей и драгоценных металлов: Югория же, как известно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду. Даже и новейшие ученые хотели доказывать истину сего мнения сходством между языком вогуличей и маджарским, или венгерским.

Иоанн посылал еще войско в Казань [1500 г.] с князем Федором Бельским, узнав, что шибанский царевич Агалак, брат Мамуков, ополчился на Абдыл-Летифа: Агалак ушел назад в свои улусы, и Бельский возвратился; а для защиты царя остались там воеводы, князь Михайло Курбский и Лобан Ряполовский, которые чрез несколько месяцев отразили ногайских мурз, Ямгурчея и Мусу, хотевших изгнать Абдыл-Летифа.

Но дела литовские всего более заботили тогда Иоанна: взаимные неудовольствия тестя и зятя произвели, наконец, разрыв явный и войну, которая осталась навеки памятною в летописях обеих держав, имев столь важные для оных следствия.

Александр мог двумя способами исполнить обязанность монарха благоразумного: или стараясь искреннею приязнию заслужить Иоаннову для целости и безопасности державы своей, или в тишине изготовляя средства с успехом противоборствовать великому князю, умножая свои ратные силы, отвлекая от него союзников, приобретая их для себя: вместо чего он досаждал тестю по упрямству, по зависти, по слепому усердию к латинской Вере; приближал войну и не готовился к оной;

не умел расторгнуть опасной для него связи Иоанновой с Менгли-Гиреем, ни с Стефаном Молдавским, искав только бесполезной дружбы бывшего шведского правителя, Стена, и слабых царей ординских; одним словом, не умел быть ни приятелем, ни врагом сильной Москвы. Великий князь еще несколько времени показывал миролюбие: освобождая купцов ганзейских, говорил, что делает то из уважения к ходатайству зятя; не отвергал его посредничества в делах с Швециею; объяснял несправедливость частых литовских жалоб на обиды россиян. В 1497 году войско султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: султан успел бы взять Вильну прежде, нежели россияне тронулись бы с места. К счастию Александра, турки удалились. Досадуя на Стефана за разорение Бряславля, он хотел воевать Молдавию: великий князь просил его не тревожить союзника Москвы. «Я всегда надеялся,— ответствовал Александр,— что зять тебе дороже свата: вижу иное». В 1499 году приехал в Москву литовский посол, маршалок Станислав Глебович, и, представленный Иоанну, говорил так именем своего князя: «В угодность тебе, нашему брату, я заключил, наконец, союз любви и дружбы с воеводою молдавским Стефаном. Ныне слышим, что Баязет султан ополчается на него всеми силами, дабы овладеть Молдавиею: братья мои, короли венгерский, богемский, польский, хотят вместе со мною защитить оную. Будь и ты нашим сподвижником против общего злодея, уже владеющего многими великими государствами христианскими. Держава Стефанова есть ограда для всех наших: когда султан покорит ее, будет равно опасно и нам и тебе... Ты желаешь, чтобы я в своих грамотах именовал тебя *государем всей России*, по мирному договору нашему: не отрицаюсь, но с условием, чтобы ты письменно и навеки утвердил за мною город Киев... К изумлению и прискорбию моему сведал я, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих тайных сношениях с Менгли-Гиреем. Брат и тесть! вспомяни душу и Веру». Сей упрек имел вид справедливости: Иоанн (в 1498 году), послав в Тавриду князя Ромодановского будто бы для того, чтобы прекратить вражду Менгли-Гирея с Александром, велел наедине сказать хану:

«Мирись, если хочешь; а я всегда буду заодно с тобою на литовского князя и на Ахматовых сыновей». Александр — неизвестно, каким образом — имел в руках своих выписку из тайных бумаг Ромодановского и прислал оную в Москву для улики. Казначей и дьяки великокняжеские ответствовали послу, что Иоанн, будучи сватом и другом Стефану, не откажется дать ему войска, когда он сам того потребует; что государь никогда не утвердит Киева за Литвою и что сие предложение есть нелепость; что Ромодановский действительно говорил Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому сам Александр, будучи в дружбе с неприятелями России, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудные обстоятельства воеводы молдавского, Иоанн не препятствовал ему мириться с Литвою; но тем приятнее было великому князю, что Менгли-Гирей изъявлял постоянную ненависть к наследникам Казимировым, отвергая все Александровы мирные предложения или требуя от него Киева, Канева и других городов, завоеванных некогда Батыем, то есть невозможного. Он убеждал Иоанна немедленно идти на Литву войною, обещая ему даже помощь Баязетову; но в то же время сам не верил султану и писал откровенно к великому князю, что мыслит на всякий случай о безопасном для себя убежище вне Тавриды. Вот собственные слова его: «Султаны *не прямые люди*; говорят то, делают другое. Прежде кафинские наместники зависели от моей воли; а ныне там сын Баязетов: теперь еще молод и меня слушается; но за будущее нельзя ручаться. У стариков есть пословица, что *две бараньи головы в один котел не лезут*. Если начнем ссориться, то будет худо; а где худо, оттуда бегут люди. Ты можешь достать себе Киев и городок Черкасск: я с радостию переселюсь на берег Днепра; наши люди будут твои, а твои наши. Когда же *ни добром, ни лихом* не возьмем Киева, ни Черкасска, то нельзя ли хотя выменять их на другие места? что утешит мое сердце и прославит имя твое». Иоанн отвечал: «Ревностно молю Бога о возвращении нам древней отчины, Киева, и мысль о ближнем соседстве с тобою, моим братом, весьма для меня приятна». Он ласкал Менгли-Гирея во всех письмах как друга, желая располагать его силами против Литвы, в случае явного с нею разрыва.

Но Александр столь мало надеялся на успех своего оружия и великий князь столь любил умеренность в счастии, столь был доволен последним миром с Литвою, что, несмотря на беспрестанные взаимные досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы в распрю не замешалась Вера. Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить православие от латинских фанатиков. Как ни скромно вела себя Елена, как ни таилась в своих домашних прискорбиях, уверяя родителя, что она любима мужем, свободна в исполнении обрядов греческой Веры и всем довольна: однако ж Иоанн не преставал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе и, сведав, что духовник ее, священник Фома, выслан из Вильны, с удивлением спрашивал о вине его. «Он мне неугоден, — сказала Елена, — буду искать другого». Наконец (в 1499 году) уведомили великого князя, что в Литве открылось гонение на восточную церковь; что смоленский епископ, Иосиф, взялся обратить всех единоверцев наших в латинство; что Александр нудит к тому и супругу, желая угодить папе и в летописях римской церкви заслужить имя Святого. Может быть, он хотел и государственного блага, думая, что единоверие подданных утверждает основание державы: сие неоспоримо; но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явною силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедимин, католик Витовт и отец Александров, впрочем суеверный, никогда не касались совести людей в делах Закона. Встревоженный известием, Иоанн немедленно отправил в Вильну боярского сына, Мамонова, узнать подробно все обстоятельства, и велел ему наедине сказать Елене, чтобы она, презирая льстивые слова и даже муки, сохранила чистоту Веры своей. Так и поступила сия юная, добродетельная княгиня: ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, смоленского владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе: она всегда гнушалась латинским, как пишут историки польские.

Между тем гонение на греческую Веру в Литве продолжалось. Киевского митрополита Макария (в 1497 году) злодейски умертвили перекопские татары близ Мозыря: Александр обещал первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему сей

честолюбивый владыка, епископ виленский Альберт Табор и монахи бернардинские ездили из города в город склонять духовенство, князей, бояр и народ к соединению с римскою церковию: ибо по смерти киевского митрополита Григория святители литовской России, отвергнув устав Флорентийского Собора, не хотели зависеть от папы и снова принимали митрополитов от патриархов константинопольских. Иосиф доказывал, что римский первосвятитель есть, действительно, глава христианства; виленский епископ и бернардины вопили: «Да будет едино стадо и един пастырь!» Александр грозил насилием: папа в красноречивой булле изъявлял свою радость, что еретики озаряются светом истины, и присылал в Литву мощи Святых. Но ревностные в православии христиане гнушались латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный князь, Симеон Бельский, первый поддался государю московскому с своею отчиною: за ним князья мосальские и хотетовский, бояре мценские и серпейские; другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении. Принимая к себе литовских князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимостью быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение.

Видя опасность своего положения, Александр прислал в Москву наместника смоленского, Станислава, написав в верющей грамоте весь государев титул и требуя, чтобы Иоанн взаимно исполнил договор, удовлетворил всем жалобам литовских подданных и выдал ему князя Симеона Бельского вместе с другими беглецами, коих он будто бы никогда не мыслил *гнать за Веру* и которые бесстыдным образом на него клевещут. «Поздно брат и зять мой исполняет условия, — ответствовал великий князь, — именует меня, наконец, государем всей России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулы на свою Веру от виленского епископа и нашего отступника, Иосифа. Что делается в Литве? строят латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою *крестят* в Закон римский. То ли называется *не гнать за Веру*? и могу ли видеть равнодушно утесняемое православие? Одним словом, я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет оных».

Новые измены устрашили Александра. Князь Иван Андреевич Можайский и сын Шемякин, Иван Димитриевич, непри-

миримые враги государя московского, пользовались в Литве отменною милостию Казимира так, что он дал им в наследственное владение целые области в южной России: первому Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч; второму Рыльск и Новгород Северский, где, по смерти сих двух князей, господствовали их дети: сын Можайского, Симеон, и внук Шемякин, Василий, верные присяжники Александра до самого того времени, как он вздумал обращать князей и народ в латинство. Сие безрассудное дело рушило узы любви и верности, соединявшие государя с верноподданными. Следуя примеру Бельского, Симеон и Василий Ивановичи, забыв наследственную вражду, предложили великому князю избавить их и подвластные им города от литовского ига. Тогда Иоанн решился действовать силою против зятя: послал чиновника, именем Телешева, объявить ему, чтобы он уже не вступался в отчину Симеона Черниговского, ни Василия Рыльского, которые добровольно присоединяются к московской державе и будут охраняемы ее войском. Телешев должен был вручить Александру и *складную грамоту*: то есть Иоанн, *сложив с себя крестное целование*, объявлял войну Литве за принуждение княгини Елены и всех наших единоверцев к латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет».

Тщетно Александр желал отклонить войну, уверяя, что он всякому дает полную свободу в Вере и немедленно отправит послов в Москву: государь дозволил им приехать, но уже брал города в Литве. Войском нашим предводительствовал бывший царь казанский, Магмед-Аминь, но действовал и всем управлял боярин Яков Захарьевич. Мценск и Серпейск сдалися добровольно. Брянск не мог сопротивляться долго: тамошний епископ и наместник, Станислав Бардашевич, были отосланы в Москву. Князь Симеон Черниговский и внук Шемякин, встретив москвитян на беруг Кондовы, с радостию присягнули Иоанну: то же сделали и князья трубчевские (или трубецкие), потомки Ольгердовы. Усиленный их дружинами, воевода Яков Захарьевич овладел Путивлем, пленил князя Богдана Глинского с его женою и занял без кровопролития всю литовскую Россию от нынешней Калужской и Тульской губернии до Киевской. — Другая московская рать, предводимая боярином Юрием Захарьевичем (прапрадедом царя Михаила Феодоровича), вступила в Смоленскую область и взяла Дорогобуж.

Необходимость защитить свою державу вооружила, наконец, Александра. Обнажив меч с трепетом и чувствуя себя неспособным к ратному делу, он искал полководца между своими вельможами. Незадолго до того времени гетман литовский, Петр Белый, старец, уважаемый двором и любимый народом, будучи на смертном одре, сказал горестному Александру: «Князь острожский, Константин, может заменить меня отечеству, будучи украшен достоинствами редкими». Таков действительно был сей муж, один из потомков славного Романа Галицкого, имея весьма скромную наружность, малый рост, но великую душу. Еще немногие ведали его доблесть, которая оказалась после в тридцати битвах, счастливых для оружия литовского; но все отдавали ему справедливость в добродетелях государственных, гражданских и семейственных: «дома благочестивый Нума (писал об нем легат римский к папе), в сражениях Ромул: к сожалению, он *раскольник*, ослеплен излишним усердием к греческой Вере и не хочет отступить ни на волос от ее догматов». Несмотря на то, Александр возвел Константина на степень гетмана литовского и — что еще важнее — вручил ему главное воеводство против россиян, его братьев и единоверцев: такую доверенность имел к его чести и присяге! В самом деле, никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата россиян в церкви, но страшного врага их в поле. Смелый, бодрый, славолюбивый, сей вождь одушевил слабые полки литовские: знатнейшие паны и рядовые воины шли с ним охотно на битву. Сам Александр остался в Борисове: Константин выступил из Смоленска.

Между тем Иоанн прислал в Дорогобуж князя Даниила Щеню с тверскою силою, велев ему предводительствовать *большим*, или главным полком, а Юрию Захарьевичу — *сторожевым*, или оберегательным, к досаде сего честолюбивого боярина, не хотевшего зависеть от князя Даниила; но государь дал знать Юрию, чтобы он не смел противиться воле самодержца; что всякое место хорошо, где служишь отечеству и монарху; что предводитель сторожевого полку есть товарищ главного воеводы и не должен обижаться своим саном. Здесь видим древнейший пример так называемого *местничества*, столь вредного впоследствии для российских воинств.

Близ Дорогобужа, среди обширного Митькова поля, на берегах реки Ведроши стояли Иоанновы полководцы, Даниил

Щеня и Юрий, готовые к бою. Князь острожский знал от пленников о числе россиян, надеялся легко управиться с ними и смело шел сквозь болотистые, лесистые ущелья к нашему стану. Передовой московский полк отступил, чтобы заманить литовцев на другой берег реки. Тут началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: с обеих сторон сражалось тысяч восемьдесят или более; но воеводы Иоанновы имели тайную засаду, которая внезапным ударом смяла неприятеля. Литовцы искали спасения в бегстве: их легло на месте тысяч восемь; множество утонуло в реке, ибо наша пехота зашла им в тыл и подрубила мост. Военачальник Константин, наместник смоленский Станислав, маршалки Григорий Остюкович и Литавор Хребтович, князья друцкие, мосальские, паны и чиновники были взяты в плен; весь обоз и снаряд огнестрельный достался в руки победителю. С сею счастливою для нас вестию прискакал в Москву дворянин Михайло Плещеев. Государь, бояре, народ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее моголов в течение ста пятидесяти лет. Слыхав от своих дедов, как знамена Ольгердовы развевались перед стенами Кремлевскими, как Витовт похищал целые княжества России и с каким трудом благоразумный сын Донского, Василий Димитриевич, спас ее последнее достояние, ликующие москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! — Князя острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву окованного цепями, по сказанию литовского историка; но Иоанн чтил его и склонял вступить в нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в верности российскому монарху, весьма неискренно; ему дали чин воеводы и земли: но он, литвин душою, не мог простить своих победителей, желал мести и совершил оную чрез несколько лет, как увидим.

Довольный искусством и мужеством наших полководцев, Иоанн в знак чрезвычайной милости послал к ним знатного чиновника *спросить о их здравии* и велел ему сказать *первое слово* князю Даниилу Щене, а *второе* князю Иосифу Дорогобужскому, который отличился в сем деле.— Скоро также пришла весть, что соединенные полки новогородские, псковские и великолуцкие, разбив неприятеля близ Ловати, взяли Торопец. В сем войске были племянники государевы, князья Иван и

Феодор, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именем, подобно царю Магмед-Аминю: новогородский наместник, Андрей Федорович Челяднин, вел *большой полк*, имел знамя великокняжеское, избирал частных предводителей и давал все повеления.— Государь хотел увенчать свои успехи взятием Смоленска; но дождливая осень, недостаток в съестных припасах и зима, отменно снежная, заставила его отложить сие предприятие.

В самом начале войны он спешил известить Менгли-Гирея, что пришло для них время ударить с обеих сторон на Литву. Сообщение между Россиею и Крымом было весьма неверно: азовские козаки разбойничали в степях воронежских, ограбили нашего посла, князя Кубенского, принужденного бросить свои бумаги в воду, а другого, князя Федора Ромодановского, пленили. Несмотря на то, Менгли-Гирей, как усердный наш союзник, уже в августе месяце громил Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Бряславль, несколько городов в польской Галиции и вывели оттуда множество пленников. Желая довершить бедствие зятя, великий князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязанного договорами помогать России в случае войны в Литвою.

В сих несчастных обстоятельствах Александр делал что мог для спасения державы своей: укрепил Витебск, Полоцк, Оршу, Смоленск; писал к Стефану, что ему будет стыдно нарушить мирный договор, заключенный между ими, и служить орудием сильному к утеснению слабого; предлагал свою дружбу Менгли-Гирею, убеждая его следовать примеру отца, постоянного союзника Казимирова, и называя государя московского вероломным, хищником, лютым *братоубийцею*; в то же время отправил посла в Золотую Орду склонять хана, Шиг-Ахмета, к нападению на Тавриду [1501 г.]; в Польше, в Богемии, в Венгрии, в Германии нанимал войско, не жалея казны, и заключил тесный союз с Ливониею. Хотя силы ордена никак не могли равняться с нашими; но тогдашний магистр оного, Вальтер фон-Плеттенберг, был муж необыкновенных достоинств, благоразумный правитель и военачальник искусный: такие люди умеют с малыми средствами делать великое и бывают опасными неприятелями. Воспитанный в ненависти к россиянам, иногда беспокойным и всегда неуступчивым соседям; досадуя на ве-

ликого князя за бедствие, претерпенное немецкими купцами в Новегороде, и за другие новейшие обиды, Плеттенберг требовал помощи от имперского сейма в Ландау, в Вормсе, также от богатых городов ганзейских и, думая, что война литовская не позволит Иоанну действовать против ордена большими силами, обязался быть верным сподвижником Александровым. Написали договор в Вендене, утвержденный епископом рижским, дерптским, эзельским, курляндским, ревельским и всеми чиновниками Ливонии: условились вместе ополчиться на Россию, делить между собою *завоевания* и в течение десяти лет одному не мириться без другого.

Но князь литовский в самом деле не мыслил о *завоеваниях*: изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско и знатную часть своей державы, не хотел без крайности искать новых ратных опасностей и бедствий. В начале 1501 года приехали в Москву послы от королей, его братьев, Владислава Венгерского и Альбрехта Польского, а за ними и чиновник Александров, Станислав Нарбут. Именуя великого князя братом и сватом, короли желали знать, за что он вооружился на зятя; предлагали ему мир; обещали удовлетворение; хотели, чтобы Иоанн освободил литовских пленников и возвратил завоеванные им области. Посол Александров предлагал то же и говорил: «Ты *открыл* лютую войну и *пустил огонь* в нашу землю; *засел* многие области Александровы и прислал грамоту складную поздно; взял в плен гетмана и панов, высланных единственно для обережения границы. Уйми кровопролитие. Большие послы литовские готовы ехать к тебе для мирных переговоров». Казначей и дьяки великокняжеские именем Иоанна ответствовали, что зять его навлек на себя войну неисполнением условий; что государь, обнажив меч за Веру, не отвергает мира пристойного, но не любит даром освобождать пленных и возвращать завоевания; что он ждет больших послов литовских и согласен сделать перемирие. — Послы обедали во дворце; но, отпуская их, государь не подал им ни вина, ни руки.

Прошло несколько времени: Александр молчал, и немецкие воины, им нанятые, грабя жителей в собственной его земле, имели сшибки с нашими отрядами. Великий князь решился продолжать войну, несмотря на то, что его зять, по смерти Альбрехта, сделался королем польским, следственно, мог располагать силами двух держав. Сын Иоаннов, Василий, с на-

местником князем Симеоном Романовичем должен был из Новагорода идти к северным пределам Литвы; а другое войско, под начальством князей Симеона Черниговского или Стародубского, Василия Шемякина, Александра Ростовского и боярина Воронцова, близ Мстиславля одержало знаменитую победу над князем Михаилом Ижеславским и воеводою Евстафием Дашковичем: положив на месте около семи тысяч неприятелей, оно взяло множество пленников и все знамена; впрочем, удовольствовалось только разорением мстиславских окрестностей и возвратилось в Москву.

Уже магистр фон-Плеттенберг действовал как ревностный союзник Литвы и враг Иоаннов. Купцы наши спокойно жили и торговали в Дерпте: их всех (числом более двухсот) нечаянно схватили, ограбили, заключили в темницы. Началась война, славная для мужества рыцарей, еще славнейшая для магистра, но бесполезная для ордена, бедственная для несчастной Ливонии. Исполняя договор и думая, что король Александр также исполнит его, то есть всеми силами с другой стороны нападет на Россию, Плеттенберг собрал 4000 всадников, несколько тысяч пехоты и вооруженных земледельцев; вступил в область Псковскую; жег, истреблял все огнем и мечом. Воеводы, наместник князь Василий Шуйский с новогородцами, а князь Пенко Ярославский с тверитянами и московскою дружиною пришли защитить Псков, но долго не хотели отважиться на битву; ждали особенного указа государева, получили его и сразились с неприятелем 27 августа, в десяти верстах от Изборска. Ливонский историк пишет, что россиян было 40 000: сие превосходство сил оказалось ничтожным в сравнении с искусным действием огнестрельного снаряда немецкого. Приведенные в ужас пушечным громом, омраченные густыми облаками дыма и пыли, псковитяне бежали; за ними и дружина московская, с великим стыдом, хотя и без важного урона. В числе убитых находился воевода, Иван Бороздин, застреленный из пушки. — Беглецы кидали свои вещи и самое оружие; но победители не гнались за сею добычею, взятою жителями изборскими, которые, разделив ее между собою, зажгли предместие, изготовились к битве и на другой день мужественно отразили немцев.

Псков трепетал: все граждане вооружились; от двух третьему надлежало идти с копьем и мечом против гордого магистра, который безжалостно опустошал села на берегу Великой и

13 Зак. № 39

7 сентября сжег Остров, где погибло 4000 людей в пламени, от меча или во глубине реки, между тем как наши воеводы стояли неподвижно в трех верстах, а литовцы приступали к Опочке, чтобы, взяв сию крепость, вместе с немцами осадить Псков. К счастию россиян, открылась тогда жестокая болезнь в войске Плеттенберга: от худой пищи и недостатка в соли сделался кровавый понос; всякий день умирало множество людей. Не время было думать о геройских подвигах. Немцы спешили восвояси: литовцы также удалились. Сам магистр занемог, с трудом достигнул своего замка и распустил войско, желая единственно отдохновения.

Но Иоанн желал мести и поручил оную храброму князю Даниилу Щене, победителю Константина Острожского. В глубокую осень, несмотря на дожди, чрезвычайное разлитие вод и худые дороги, сей московский воевода вместе с князем Пенком опустошил все места вокруг Дерпта, Нейгаузена, Мариенбурга, умертвив или взяв в плен около 40 000 человек. Рыцари долго сидели в крепостях; наконец в темную ночь близ Гельмета ударили на стан россиян: стреляли из пушек; секлись мечами, во тьме и беспорядке. Воевода нашей передовой дружины, князь Александр Оболенский, пал в сей кровопролитной битве. Но рыцари не могли одолеть и бежали. Полк епископа дерптского был истреблен совершенно. «Не осталось ни одного человека для вести,— говорил летописец псковский,— москвитяне и *татары* не *саблями светлыми* рубили поганых, а били их, как вепрей, шестоперами[1]». Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля и зимою [1502 г.] возвратились, причинив неописанный вред Ливонии. Немцы отплатили нам разорением предместия иваногородского, умертвив тамошнего воеводу, Лобана Колычева, и множество земледельцев в окрестностях Красного.

Как мужественный Плеттенберг отвлек знатную часть Иоанновых сил от Литвы, так Шиг-Ахмет, непримиримый злодей Менгли-Гиреев, обуздывал крымцев. Он с двадцатью тысячами своих улусников, конных и пеших, расположился близ устья Тихой Сосны, под Девичьими горами: на другом берегу Дона стоял хан крымский, с двадцатью пятью тысячами, в укреплении, ожидая россиян. «Люди твои,— писал он к великому князю,— ходят в судах рекою Доном; пришли с ними несколь-

[1] Шестопер — булава.

ко пушек, для одной славы: враг уйдет». Как ни занят был Иоанн войною литовскою и немецкою, однако ж немедленно выслал помощь союзнику: Магмет-Аминь вел наших *служилых* татар, а князь Василий Ноздроватый москвитян и рязанцев; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался их, отступил, извиняясь голодом, и ручался Иоанну за скорую гибель Золотой Орды. С того времени крымцы, действительно, не давали ей покоя ни летом, ни зимою и зажигали степи, в коих она скиталась. Напрасно Шиг-Ахмет звал к себе литовцев: подходил к Рыльску и не видал их знамен; видел только наши и войско Иоанново, готовое к бою; жаловался, винил Александра, говоря ему чрез своих послов: «Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду в пустынях ужасных; а ты оставляешь нас без помощи, в жертву гладу и Менгли-Гирею». Новый король посылал хану дары, обещал и войско, но обманывал или медлил, занимаясь тогда празднествами в Кракове. Между тем князья, уланы бежали толпами от Шиг-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла в Тавриду; будучи в ссоре и с братом, Сеит-Махмутом, желавшим тогда иметь пристанище в России; досадуя на короля польского и зная худые успехи его оружия, Шиг-Ахмет решился искать дружбы Иоанновой и в конце 1501 года прислал в Москву вельможу Хаза, предлагая союз великому князю с условием воевать Литву, ежели он ни в каком случае не будет вступаться за Менгли-Гирея. Политика незлопамятна: Иоанн охотно соглашался быть другом Шиг-Ахмета, чтобы отвратить его от Литвы; только не мог пожертвовать ему важнейшим союзником России: для того послал в Орду собственного чиновника с ласковыми приветствиями, но с объявлением, что враги Менгли-Гиреевы не будут никогда нашими друзьями. Ослепленный личною ненавистью, Шиг-Ахмет лучше хотел зависеть от милости своего бывшего данника, государя московского, нежели примириться с единоверным братом, ханом таврическим, и погубил остатки Батыева царства: весною в 1502 году Менгли-Гирей внезапным нападением сокрушил оные; рассыпал, истребил и взял в плен изнуренные голодом толпы, которые еще скитались с Шиг-Ахметом; прогнал его в отдаленные степи ногайские и торжественно известил Иоанна, что древняя Большая Орда уже не существует: «Улусы злодея на-

шего в руке моей,— говорил он: — а ты, брат любезный, слыша столь добрые вести, ликуй и радуйся!»

Заметим, что летописцы наши едва упоминают о сем происшествии: ибо россияне уже презирали слабую Орду, еще недавно трепетав Ахматова могущества.— Поздравляя Менгли-Гирея с одолением их общего врага, Иоанн писал к нему, чтобы он не забывал гораздо важнейшего, то есть короля польского, и, навсегда безопасный от злобы Ахматовых сыновей, довершил победу над Литвою. Имея единственно сию цель, великий князь мыслил даже восстановить Шиг-Ахмета: пересылаясь с ним, обещал ему Астрахань, с условием, чтобы сей изгнанник клятвенно обязался быть врагом Литвы и доброжелателем хана крымского. Таким образом Шиг-Ахмет мог еще остаться царем по милости государя, коему более всех иных надлежало бы ненавидеть племя Батыево! Но, увлеченный судьбою, он с двумя братьями, Козяком и Халеком, поехал в Царьград к султану Баязету. Их остановили. Султан велел им сказать, что для врагов Менгли-Гиреевых нет пути в Турецкую империю. Гонимые царевичами крымскими, они бежали в Киев и вместо помощи нашли там неволю: Шиг-Ахмета, братьев, слуг его взяли под стражу: ибо государь литовский, уже не имея нужды в союзе беглеца, думал, что сей несчастный может быть для него залогом мира с Тавридою. «Враги твои в моих руках,— приказывал он к Менгли-Гирею,— от меня зависит назло тебе освободить Ахматовых сыновей, если не примиришься со мною». Но Иоанн убеждал хана не верить ему и писал: «В противность всем уставам литовцы заключили своего союзника, который долгое время служил им орудием: так некогда поступили и с Седи-Ахматом; так и сия новая жертва их вероломства погибнет в темнице. Будь спокоен: они уже не освободят твоего злодея, ибо должны опасаться его мести». Предсказание великого князя исполнялось: быв еще несколько лет игралищем литовской политики — то с уважением честимый во дворце как знаменитый властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю как преступник — Шиг-Ахмет изъявлял великодушие в бедствии и, представленный на сейм радомский, торжественно обвинял короля, сказав: «Ты льстивыми обещаниями вызвал меня из дальних стран Скифии и предал Менгли-Гирею. Утратив мое войско и все царское достояние, я искал убежища в земле друга, а друг встретил меня как неприятеля и ввергнул

в темницу. Но есть Бог» (примолвил он, воздев руки на небо): «пред ним будем судиться, и вероломство твое не останется без наказания». Ни красноречие, ни истина сих упреков не тронула Александра, коего вельможи ответствовали, что Шиг-Ахмет должен винить самого себя; что его воины грабили в окрестностях Киева; что король советовал ему удалиться к границам российским, к Стародубу, и там искать добычи, что он упрямился, не хотел того сделать, держался в соседстве с опасною для него Тавридою, погубил свою рать и думал тайно уехать к султану, без сомнения, с каким-нибудь вредным для Польши и Литвы намерением. Одним словом, сей именем последний царь Золотой Орды умер невольником в Ковне, не доставив заключением своим ни малейшей выгоды Литве. Самая жестокосердая политика, хваляся иногда злодействами счастливыми, признает бесполезные ошибками. Иоанн лучше своего зятя умел соглашать ее законы с правилами великодушия: в то время, когда сыновья Ахматовы кляли вероломство литовское, племянники сего врага нашего, царевичи астраханские, Исуп и Шигавлияр, хвалились милостию великого князя, вступив к нему в службу.

Не слушая никаких льстивых предложений Александровых, Менгли-Гирей едва было не размолвился с Иоанном по другой причине. Сведав о многих несправедливостях царя казанского, Абдыл-Летифа, государь велел князю Василию Ноздроватому взять его, привезти в Москву и заточил на Белоозеро, а в Казань послал господствовать вторично Магмет-Аминя, отдав ему жену бывшего царя, Алегама. Менгли-Гирей оскорбился и просил, чтобы Иоанн, извинив безрассудную молодость Летифа, или отпустил его, или наградил поместьем. Хан писал: «Если не исполнишь сего, то уничтожится наш союз, весьма для тебя полезный: ибо счастливым действием оного враги твои исчезли и государство твое распространилось. Старые, умные люди твердят, что лучше умереть с добрым именем, нежели благоденствовать с худым: а можешь ли сохранить первое, нарушив святую клятву братства между нами?.. Посылаю тебе перстень из рога *кагерденева*, индейского зверя, коего тайная сила мешает действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу; а свою докажешь мне, когда сделаешь то, о чем молю тебя неотступно». Но великий князь опасался выпустить Летифа из России и, дав ему пристойное содержание, удоволь-

ствовал Менгли-Гирея, так что сей хан не преставал вместе с ним усердно действовать против Литвы. Войско крымское, состоящее из 90 000 человек и предводимое сыновьями ханскими, в августе 1502 года опустошило все места вокруг Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефан Молдавский, пользуясь обстоятельствами, завоевал на Днестре Колымью, Галич, Снятин, Красное и тем ослабил могущество Польши, хотя уже и не думал в сие время содействовать нашим выгодам, ибо имел важную причину к неудовольствию на Иоанна. Около трех лет дочь его, вдовствующая княгиня Елена, среди двора московского находилась с юным сыном, Димитрием, как бы в изгнании, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостию великого князя и ненавистию Софии. Может быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены или нескромные слова, внушенные ей досадою, оскорбили ее свекора, или клевета представила ему невестку в виде опасной заговорщицы; не знаем; но Иоанн вдруг разгневался на Елену и на Димитрия, приставил к ним стражу, запретил внуку именоваться великим князем и даже поминать их в церковных молитвах; а чрез два дня объявил сына, Василия, государем, наследником престола всероссийского. Димитрию едва исполнилось 18 лет: в такой юности он не мог быть важным соумышленником матери, если и действительно виновной. Народ жалел об нем, хотя ни духовенство, ни вельможи не смели осуждать приговора, изреченного самодержцем. Но Россия утратила Стефанову дружбу: седой Герой молдавский, оскорбленный бедствием своей дочери и внука, возненавидел Иоанна, и старания благоразумного Менгли-Гирея не могли примирить их. Великий князь любил исполнять только собственную волю; не терпел гордых требований и в ответ хану крымскому на вопрос: «для чего Димитрий лишен отцовского наследия?» — сказал: «Милость моя возвела внука на степень государя, а немилость свергнула: ибо он и мать его досадили мне. Жалуют того, кто служит или угождает: грубящих за что жаловать?» Елена от горести и тоски скончалась в генваре 1505 года; а несчастный ее сын, бывший наследник российской монархии, остался под стражею как государственный преступник: никто не имел к нему доступа, кроме малого числа слуг и надзирателей.

Впрочем, сей разрыв между Стефаном и великим князем не имел никаких важных следствий, кроме того, что первый задержал наших послов и художников италиянских, которые ехали из Рима в Москву: о чем Иоанн писал не только к Менгли-Гирею, но и к султану кафинскому, Баязетову сыну, убеждая их вступиться за такое нарушение права народного. Стефан отпустил послов. Тщетно король Александр склонял его быть деятельным врагом России и союзником Польши: Стефан не хотел возвратить ему завоеванной им Днестровской области до самой своей кончины. Сей великий муж умер в 1504 году: готовый закрыть глаза навеки, он дал совет сыну Богдану и вельможам покориться Оттоманской империи, сказав: «Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого властителя. Вы не в силах бороться с Баязетом и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете». Богдан признал над собою верховную власть султана, и слава Молдавии исчезла с господарем Стефаном, быв искусственным творением его души великой.

Иоанн не терял времени в бездействии; и, желая увенчать свои победы новым важным приобретением, в июле 1502 года отправил сына, Димитрия, со многочисленною ратию на Литву. С ним находились племянники государевы, Феодор Волоцкий, Иван Торусский; Бельский, зять сестры его Анны; удельный князь рязанский Феодор; князь Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий Рыльский; бояре Василий Холмский, Яков Захарьевич, Шеин; князья Александр Ростовский, Михайло Корамыш-Курбский; Телятевский, Репня и Телепень Оболенские, Константин Ярославский, Стрига-Ряполовский. Целию столь знаменитого ополчения был наш древний, столичный город Смоленск, укрепленный природою и каменными стенами. Осада требовала искусства и больших усилий. Димитрий послал отряды к Березине и Двине. Россияне взяли Оршу, выжгли предместие витебское, все деревни до Полоцка, Мстиславля; пленили несколько тысяч людей, но должны были за недостатком в продовольствии удалиться от Смоленска, где начальствовали воеводы королевские, Станислав Кишка и наместник его, Сологуб, прославленные историком литовским за оказанное ими мужество. — В декабре того же года князья северские, Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий, с московскими и рязанскими воеводами опять ходили на Литву; не завоевали го-

родов, но везде распространили ужас жестокими опустошениями.

Верный союзник Александров, Вальтер Плеттенберг, снова хотел отведать счастия в полях российских и с 15 000 воинов приступил к Изборску: разбил пушками стены, но, боясь терять время, спешил осадить Псков. Он ждал короля, давшего ему слово встретить его на берегах Великой. Сего не сделалось: литовцы остались в своих пределах; однако ж магистр с жаром начал осаду: стрелял из пушек и пищалей; старался разрушить крепость. К счастию жителей, воеводы Иоанновы, Даниил Щеня и князь Василий Шуйский, уже были недалеко с полками сильными. Немцы отступили: воеводы от Изборска зашли им в тыл. Они увидели друг друга на берегах озера Смолина. Плеттенберг, ободрив своих великодушною речью, употребил хитрость: двинулся с войском в сторону, как бы имея намерение спасаться бегством. Россияне кинулись на обоз немецкий; другие устремились за войском и в беспорядке наскакали на стройные ряды неприятеля: смешанные действием его огнестрельного снаряда, хотели мужеством исправить свою ошибку; сразились, но большею частию легли на месте: остальные бежали. Магистр не гнался за ними. Россияне ободрились, устроились и снова напали. Если верить ливонским историкам, то наших было 90 000. Немцы бились отчаянно; пехота их заслужила в сей день славное название *железной*. Оказав неустрашимость, хладнокровие, искусство, Плеттенберг мог бы одержать победу, если бы не случилась измена. Пишут, что орденский знаменосец, Шварц, будучи смертельно уязвлен стрелою, закричал своим: «Кто из вас достоин принять от меня знамя?» Один из рыцарей, именем Гаммерштет, хотел взять его, получил отказ и в досаде отсек руку Шварцу, который схватив знамя в другую, зубами изорвал оное; а Гаммерштет бежал к россиянам и помог им истребить знатную часть немецкой пехоты. Однако же Плеттенберг устоял на месте. Сражение кончилось: те и другие имели нужду в отдыхе. Прошло два дня: магистр в порядке удалился к границе и навеки уставил торжествовать 13 сентября, или день Псковской битвы, знаменитой в летописях ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны как славнейшими для своего оружия.— Заметим, что полководцы Иоанновы гнушались изменою Гаммерштета: недовольный холодностию россиян, он уехал в Данию, искал

службы в Швеции, наконец возвратился в Москву уже при великом князе Василии, где послы императора Максимилиана видели его в богатой одежде среди многочисленных царедворцев.

Несмотря на ревностное содействие и славу Плеттенберга, король польский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленностию войска и великим умом ее государя. Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной. Сам римский первосвященник, Александр VI, взялся быть посредником мира, и в 1503 году чиновник короля венгерского, Сигизмунд Сантай, приехал в Москву с грамотами от папы и кардинала Регнуса. Оба писали к великому князю, что все христианство приведено в ужас завоеваниями Оттоманской империи; что султан взял два города Венециянской республики, Модон и Корон, угрожая Италии; что папа отправил кардинала Регнуса ко всем европейским государям склонять их на изгнание турков из Греции; что короли польский и венгерский не могут участвовать в сем славном подвиге, имея врага в Иоанне; что Святой отец, как глава церкви, для общей пользы христианства молит великого князя заключить мир с ними и вместе с другими государями воевать Порту. Посол вручил ему и письмо от Владислава такого же содержания, требуя, чтобы Иоанн дал *опасную грамоту* для проезда вельмож литовских в Москву. Бояре наши ответствовали, что великий князь рад стоять за христиан против неверных; что он, умея наказывать врагов, готов всегда и к миру справедливому; что Александр, изъявив желание прекратить войну, обманул его: навел на Россию ливонских немцев и хана ординского; что государь дозволяет послам королевским приехать в Москву.

Послы явились, шесть знатнейших сановников королевских, из коих главным был воевода Петр Мишковский. Они предлагали вечный мир, с условием, чтобы Иоанн возвратил королю всю его *отчину*; то есть все завоеванные россиянами города в Литве; освободил пленников, примирился с Ливонским орденом и с Швециею (где властолюбивый Стур, изгнав датчан, снова был правителем государственным). Великий князь хладнокровно выслушал и решительно отвергнул столь неумеренные требования. «*Отчина* королевская,— сказал он,— есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы с Божиею помощиею у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и

многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены». Возражения послов остались без действия: Иоанн был непоколебим. Наконец, вместо вечного мира условились в перемирии на шесть лет, и только из *особенного уважения к зятю* государь возвратил Литве некоторые волости, Рудью, Ветлицы, Щучью, Святые Озерища; велел наместникам, новогородскому и псковскому, заключить такое же перемирие с орденом, а с правителем шведским не хотел иметь никаких договоров. Тогда находились в Москве и послы ливонские: они в письмах своих к магистру жаловались на грубость Иоаннову, бояр наших, а еще более на послов литовских, которые не оказали им ни малейшего вспоможения, ни доброжелательства. Епископ дерптский обязался, за ручательством магистровым, платить нам какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и город его, основанный Ярославом Великим, считались древнею собственностью России. При обнародовании сего условия во Пскове стреляли из пушек и звонили в колокола.

Неприятельские действия прекратились — ибо самая Россия, истощенная наборами многолюдных ополчений, желала на время успокоиться, — но вражда существовала в прежней силе: ибо Александр не мог навсегда уступить нам Витовтовых завоеваний: великий же князь, столь счастливо возвратив оные России, надеялся со временем отнять у него и все прочие наши земли. Потому Иоанн, известив Менгли-Гирея о заключенном договоре, предлагал ему для вида также примириться с Александром на 6 лет; но тайно внушал, что лучше продолжать войну; что Россия никогда не будет в истинном, вечном мире с королем, и время перемирия употребит единственно на утверждение за собою городов литовских, откуда все худорасположенные к нам жители переводятся в иные места и где нужно сделать укрепления; что союз ее с ханом против Литвы остается неизменным.

Великий князь действовал, по крайней мере, согласно с выгодами своей державы: напротив чего Александр, внутренне недовольный условиями перемирия, хотя и весьма нужного для его земли, следовал единственно движениям малодушной досады на врага сильного, счастливого: он задержал в Литве наших бояр и великих послов, Заболоцкого и Плещеева, коим надлежало взять с него присягу в соблюдении договора и требовать уверительной грамоты, за печатию епископов краковского и ви-

ленского в том, что в случае смерти Александра наследники его не будут принуждать королеву Елену к римскому Закону. Иоанн, удивленный сим нарушением общих государственных уставов, желал знать предлог оного: король писал, что послы остановлены за обиды, делаемые россиянами смоленским боярам; но скоро одумался, утвердил перемирие и с честию отпустил их в Москву. Тогда же схватили в Литве гонца нашего, посланного в Молдавию: Александр не хотел освободить его до решительного мира с Россиею; не хотел еще, чтобы королева Елена исполнила волю родителя в деле семейственном: Иоанн велел ей искать невесты для брата, Василия, между немецкими принцессами; но Елена отвечала, что не может думать о сватовстве, пока великий князь не утвердит истинной дружбы с Литвою.

Такими ничтожными способами мог ли король достигнуть желаемого мира? Скорее возобновил бы кровопролитие, если бы Иоанн для государственной пользы не умел презирать маловажных, безрассудных оскорблений: желая временного спокойствия, он терпел их хладнокровно и готовил средства к дальнейшим успехам нашего величия.

Глава VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА 1503—1505 гг.

Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство литовское. Сношение с императором. Василий женится на Соломонии. Измена царя казанского. Впадение его в Россию. Кончина великого князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн — творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил единовластие. Имя Грозного. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и земская полиция. Соборы. Постановление кесарийского митрополита в Москве. Российский монастырь на Афон-

ской горе. Каплан Августинского ордена принимает греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

Сей монарх не слабел ни в проницании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему Небом державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям, необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы и, наконец, долговременная свычка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, государь поехал в лавру Св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль, где находились знаменитые святостию обители. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред Богом, ожидая от него исцеления или мирной кончины; но, вкусив сладость христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России.

Он написал завещание в присутствии знатнейших бояр, князей Василия Холмского, Даниила Щени, Якова Захарьевича, казначея Дмитрия Владимировича и духовника, архимандрита андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником монархии, государем всей России и меньших его братьев. Тут, в исчислении всех областей Василиевых, в первый раз упоминается о *дикой* Лапландии; далее сказано, что Старая Рязань и Перевитеск составляют уже достояние государя московского, быв отказаны Иоанну умершим его племянником, сыном великой княгини Анны, Феодором; именуются также и все города, отнятые у Литвы, Мценск, Белев, Новосиль, Одоев, кроме Чернигова, Стародуба, Новагорода Северского, Рыльска: ибо тамошние князья хотя и поддалися государю московскому, но удержали право владетельных. Другим сыновьям Иоанн дал богатые отчины: Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск, Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу Козельск; Андрею Верею, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм,

Новый Городок. Имея особенных придворных и воинских начальников, пользуясь всеми доходами своих городов и волостей, братья Василиевы не могли в оных судить душегубства, ни делать монеты, и не участвовали в выгоде откупов государственных; однако ж Василий обязывался уделять им часть некоторых московских сборов и не покупать земель в их отчинах, которые оставались наследственными для их сыновей и внуков. То есть меньшие сыновья Иоанновы долженствовали иметь права только частных владельцев, а не князей владетельных. Одна Рязань еще представляла тень вольной державы: князь ее, Иоанн, умер в 1500 году, оставив пятилетнего сына, именем также Иоанна, под опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры великого князя, Анны, которая преставилась в 1501 году, утвердив внука в достоинстве независимого владетеля, но только именем: ибо государь московский был в самом деле верховным повелителем Рязани, ее войска и народа.— Исполняя желание отца, Василий и братья его обязались между собою грамотами жить в согласии по родительскому завещанию.

Иоанн хотел утвердить спокойствие нашей православной церкви. В сие время возобновилось дело *жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресеклась, хотя и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, архиепископ Геннадий в Новегороде неутомимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, второй действовал в своей епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в Немецкую землю и в Литву. Убежденный, наконец, представлениями духовенства или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, великий князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишно снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав епископов, он вместе с ними и с митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судиями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были дьяк Волк Иван Курицын, посыланный к императору Максимилиану с Юрием Траханиотом,— Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов и Кассиан, архимандрит Юрьевского новогородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о Вере; были осуждены на

смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъявляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою христианскою, столь небесночеловеколюбивою, что она ни в коем случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь: таков, по крайней мере, дух Евангелия и книг Апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный соблазн угрожает церкви и государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда не митрополит, не духовенство, но государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по *градскому* закону.

Узнав о болезни Иоанна и думая, что приближение смерти легко может ослабить твердость его в правилах внешней политики, Александр чрез новых великих послов, воеводу Станислава Глебовича, пана Юрья Зиновьевича и *писаря*, или секретаря государственного, Богдана Сапегу, предложил великому князю купить дружество Литвы уступкою ей наших завоеваний. Король именовал Иоанна *отцом* и *братом*: Елена *кланялась* ему с почтением и нежностью. Сей монарх, приближаясь ко гробу, без сомнения желал бы провести остаток своих дней в тишине, тем более что спокойствие его любезной дочери зависело от согласия между ее родителем и супругом; но Иоанн знал свою обязанность: еще сидел на троне, следственно, должен был мыслить только о благоденствии отечества; не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в ее величии. Боярин его, Яков Захарьевич, сказал послам литовским: «Великий князь никому не отдает своего. Желаете ли истинного, прочного мира? уступите России и Смоленск и Киев». По многих прениях паны уехали, и король уверился в невозможности заключить вечный мир с Иоанном на условиях, каких ему хотелось. Предметом дальнейших сношений между ими были единственно дела пограничные: жаловались то наши, то литовские подданные на обиды. С обеих сторон обещали удовлетворение и рождались новые неудовольствия. Знатный королевский чиновник, Евстафий Дашкович, житель Волынии,

Веры греческой, уехал в Москву с великим богатством и со многими дворянами: Александр требовал, чтобы мы, согласно с перемирною грамотою, выдали ему сего человека. Иоанн ответствовал, что грамотою определено выдавать татей, беглецов, холопей, должников и злодеев; а Дашкович был у короля воеводою, не уличен ни в каком преступлении и добровольно вошел к нам в службу, как то и в старину делалось невозбранно. — Чтобы иметь верные известия о внутренних обстоятельствах Литвы, государь посылал гонцов к Елене с дарами, приказывая всегда дружески кланяться ее супругу.

[1504—1505 гг.] Мы видели, что политика Западной Европы уже находилась в связи с нашею: война Литовская, славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости. Император Максимилиан вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, неохотно им уступленной Владиславу; думал возобновить свои требования на сие королевство и послал к великому князю чиновника, именем Гартингера, который, выехав из Аусбурга в августе 1502 года, прибыл в Москву не прежде, как в июле 1504. Слог Максимилианова письма достоин замечания. «Слышу, — говорит император, — что *некоторые* соседственные державы восстали на Россию. Помня клятвенные обеты нашей взаимной любви, я готов помогать тебе, моему брату, советом и делом». Не сказано ни слова о Венгрии; но посол, как надобно думать, говорил о том изустно Иоанновым боярам. В другом особенном письме император просит у великого князя белых кречетов. Милостиво угостив Гартингера обеденным столом во дворце, Иоанн ответствовал Максимилиану, что Россию воевали король польский и магистр ордена, были наказаны и примирились с нею на время; что если император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет россиянам, то и россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгриею. Государь извинялся, что не отправляет собственного посла в Германию: ибо король Александр и магистр Ливонский без сомнения остановили бы его на пути. — В следующем году тот же Гартингер, находясь в Эстонии, чрез Ивангород доставил в Москву новые грамоты от Максимилиана и сына его, Филиппа, короля испанского, к Иоанну и юному Василию: *царям* России. Гартингер просил ответа на языке латинском, сказывая, что Делатор умер и что при дворе их нет уже ни

одного человека, знающего русский язык. Дело шло о ливонских пленниках: Максимилиан и Филипп убеждали великих князей освободить сих несчастных, изнуренных долговременною неволею; а Гартингер ручался за безопасность нашего посольства, если Иоанн велит кому-нибудь из своих придворных ехать в Немецкую землю на Ригу, чтобы сделать тем удовольствие Максимилиану. Но великий князь не сделал сего; сам писал к императору, а Василий к королю Филиппу, учтиво и ласково, с объяснением, что пленники немедленно будут свободны, когда магистр прервет дружественную связь с Литвою. Одним словом, Иоанн, по-видимому, уже худо верил Максимилиану: платил только ласками за ласки и дарил ему кречетов, но не хотел изменить для него своим правилам и жалел денег на бесполезное посольство в Австрию.

Сын и наследник великого князя, Василий, имел уже 25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы государей с подданными, особенно в правлениях самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что государь обязан в них уважать самого себя, то есть честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные докуки вредят драгоценному спокойствию монарха. Зная сию, как и многие другие важные для единовластия истины по внушению собственного гения, Иоанн думал женить сына на принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее королю утвердить их взаимную дружбу свойством: для того, может быть, находился в Москве датский посол около 1503 года; но король — в угождение ли шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха — уклонился от чести быть тестем наследника великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за курфирста бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, государь решился тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий хотел того, уважив совет любимого им боярина, грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную, будто бы из 1500 благородных девиц, представ-

ленных для сего ко двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца ординского, мурзы Чета. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотою, цветущим здравием; но в выборе не участвовала ли и политика? Может быть, Иоанн лучше хотел вступить в свойство с простым дворянином, нежели с князем или с боярином, чтобы иметь более способов наградить родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень боярина уже в царствование Василия. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приближив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели царского дома!

В то время, когда двор и столица ликовали, празднуя свадьбу юного великого князя, государь сведал о злобной измене нашего казанского присяжника, Магмет-Аминя. Сей так называемый царь всего более любил корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая несколько лет жила невольницею в Вологде. Ненавидя россиян как злодеев ее первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно беседовала с вельможами казанскими о средствах и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым владетелем. «Что ты? раб московского тирана,— говорила ему царица,— ныне на престоле, завтра в темнице и подобно Алегаму умрешь невольником. Цари и народы презирают тебя. Воспряни от унижения к величию: свергни иго или погибни достойным славы». Пленительные ласки ее действовали еще сильнее красноречия: она день и ночь, по словам летописца, *висела на шее* у мужа и достигла желаемого. Забыв милости Иоанна, своего названного отца, и присягу, Магмет-Аминь дал ей слово отложиться от России; но еще медлил и послал одного из вельмож, князя уфимского, с какими-то представлениями в Москву. Будучи недоволен оными — угадывая, может быть, и злое его намерение,— Иоанн велел ехать в Казань дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться с царем. Тогда Магмет-Аминь решился действовать явно. Настал праздник Рождества Иоанна Предтечи, день славной ярмонки в Казани, где гости российские съезжались с азиатскими меняться драгоценными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малейшего насилия: ибо Казань

уже 17 лет считалась как бы московскою областию. В сей день схватили там посла великокняжеского и наших купцов: многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев; иных заточили в улусы ногайские; ограбили всех без исключения. Народы не любят господ чужеземных: казанцы, обольщенные и свободою и корыстию, служили усердным орудием воли царской, в исступлении злобы лили кровь москвитян и радовались отнятыми у них сокровищами. «Магмет-Аминь, — сказано в летописи, — наполнил целую палату серебром русским, наделал себе золотых венцов, сосудов, блюд; уже перестал есть из медных котлов, или *опаниц*, являясь на пирах в сиянии драгоценных каменьев и металлов, в убранстве истинно царском. Самые бедные казанские жители разбогатели: носив прежде зимою и летом овчины, украсились тканями шелковыми и в одеждах разноцветных, как павлины, гордо расхаживали пред своими *катунами*, или домами».

Надменный убийством мирных гостей, Магмет-Аминь вооружил 40 000 казанцев, призвал 20 000 ногаев, вступил в Россию, умертвил несколько тысяч земледельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Воеводою был там Хабар Симский: имея мало воинов для защиты города, он выпустил из темницы 300 литовских пленников, взятых на Ведроше; дал им ружья и государевым именем обещал свободу, если они храбростию заслужат ее. Сия горсть людей спасла крепость. Будучи искусными стрелками, литовцы убили множество неприятелей и в том числе ногайского князя, шурина Магмет-Аминева, который, стоя близ стены, распоряжался приступом. Видя его мертвого, ногайские полки уже не хотели биться: сделалась распря между ими и казанцами; началось даже кровопролитие. Царь едва мог смирить их; снял осаду и бежал восвояси. — Литовские пленники немедленно были освобождены, с честию, благодарностию и дарами.

Великий князь не успел наказать Магмет-Аминя: высланные против него московские воеводы худо исполнили свою обязанность; имея около 100 000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно. В сие время болезнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему деду, Герою Донскому, он хотел умереть государем, а не иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России и тихо скончался 27 октября 1505 года, в первом часу ночи,

имев от рождения 66 лет 9 месяцев и властвовал 43 года 7 месяцев. Тело его погребли в новой церкви Св. Архистратига Михаила. Летописцы не говорят о скорби и слезах народа: славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого самодержца!

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов: он есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории. Не теряясь в сомнительных умствованиях метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели или связь между оными для произведения какого-нибудь главного действия, изменяющего состояние рода человеческого. Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной. Власть королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига мавров, сделалась первостепенною державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась, по крайней мере, флотами, купечеством, искусствами, науками и тонкою политикою. Беспечность и равнодушие императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставил дом австрийский на вышнюю степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для христиан властолюбие Баязета. Соединение трех государств северных, обещая им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий короля датского. Республика Швейцарская, основанная любовию к вольности, безопасная в ограде твердынь Альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в распрях монархов сильнейших и заслуживала оную храбростию своих пастырей. Ганза — сей торговый и воинский союз осьмидесяти

пяти городов немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России,— пользовалась всеобщим уважением государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство ордена Ливонского и Немецкого.— Кроме успехов власти монархической и разумной политики, которая произвела сношения между самыми отдаленными государствами — кроме лучшего гражданского состояния, если не всех, то, по крайней мере, многих держав — век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв. Коломб открыл новый мир, привлекательный для хищного корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя там человечество в состоянии дикой природы и все начальные степени ума гражданского, историею Америки объяснил для себя всемирную. Драгоценные произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением, образованием, художествами, скрывалась от европейцев как бы щитом непроницаемым, и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались, наконец, совершенным успехом, и Васко де-Гамо, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел берега Индии, с каким Христофор Коломб Америку. Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу держав. Политика сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных договоров министры смотрели на географические чертежи и вычисляли торговые прибытки, основывая на них государственное могущество; родились новые связи между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастия людей, то, по крайней мере, для ума, для силы правительств и для общественного духа государств благоприятная.

Россия около трех веков находилась вне круга европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия князей московских, от Калиты до

Василия Темного, многое приготовили для единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги ханского. Великодушный Димитрий победил Мамая, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюл единственно целость Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в ханах; а внук не мог противиться горсти хищников татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением уделов подвергнул великое княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недре сокровенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней; силою и хитростию восстановляя свободу и целость России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новогородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как держава незави-

симая, величественно возвысила главу свою в пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устроением войска. Летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал давать земли или поместья боярским детям, обязанным, в случае войны, приводить с собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно доходам поместья (от сего умножилось число ратников); принимал в службу и многих литовских, немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за Москвою-рекою в особенной слободе. С его времени также начинаются *разряды*, которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего обыкновенно из пяти так называемых *полков*; большого, передового, правого, левого и сторожевого, или запасного. Каждый имел своего воеводу: но предводитель большого полку был главным. Не дозволяя вождям считаться между собою в старейшинстве, государь еще менее терпел непослушание воинов: сын великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие дети боярские без его ведома приступали к городу, отлучались из стана и ездили грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию[1]. Силою, устройством, мужеством рати и воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично не имел духа воинского. «Сват мой,— говорил о нем Стефан Молдавский,— есть странный человек: сидит дома, веселится, спит спокойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть Иоанн родился не воином, но монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечом. Имея выспренний ум для государственной науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолюбия; легко может одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы желают сего качества в венценосцах. Одна необходимая для государственной целости и независимости война есть

---

[1] Торговая казнь — публичное наказание плетьми.

законная: так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

Внутри государства он не только учредил единовластие — до времени оставив права князей владетельных одним украинским или бывшим литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене, — но был и первым, истинным самодержцем России, заставив благоговеть пред собою вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием венценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славились титлом бояр, дворецких, окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобретали оное. Василий Темный оставил сыну только четырех великокняжеских бояр, дворецкого, окольничего: Иоанн в 1480 году имел уже 19 бояр и 9 окольничих, а в 1495 и 1496 годах учредил сан государственного казначея, постельничего, ясельничего, конюшего. Имена их вписывались в особенную книгу для сведения потомков. Все сделалось чином или милостию государевою. Между боярскими детьми придворными или младшими дворянами находились сыновья князей и вельмож. — Председательствуя на соборах церковных, Иоанн всенародно являл себя главою духовенства; гордый в сношениях с царями, величавый в приеме их посольств, любил пышную торжественность; уставил обряд *целования* монаршей руки в знак лестной милости; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны самодержавия, сделался как бы земным Богом для россиян, которые с *сего времени* начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле монаршей. Ему первому дали в России имя *Грозного*, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Василиевичу Второму, он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели монархии славятся нежною чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь,

утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового *приказа* веселить его и веселиться.— Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли кнутом ухтомского князя, дворянина Хомутова и бывшего архимандрита чудовского за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова.

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на вышней степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? — Славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовию и гордостию именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествии моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие державы образуются не механическим сцеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в истории славу его: знаменитый летописец польский, Длугош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимирова. Немецкие, шведские историки шестого на-десять века согласно приписали ему имя Великого; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба, без сомнения, велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия, силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли

служить ему орудием в делах посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в истории Петра должно исследовать, кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества. — Между иноземцами, которые искали тогда убежища и службы в Москве, достойны замечания князь таманский, Гуйгурсис, жертва султанского насилия, и кафинский еврей Скарья: государь милостивыми грамотами, скрепленными золотою печатию, дозволил им быть к себе, уверял их в особенном покровительстве и в совершенной свободе выехать из России, если не захотят в ней остаться.

Петр думал возвысить себя чужеземным названием Императора: Иоанн гордился древним именем Великого Князя и не хотел нового; однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя *царя* как почетное титло великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донской назывались *царями*. Сие имя не есть сокращенное латинское Caesar, как многие неосновательно думали, но древнее восточное, которое сделалось у нас известно по славянскому переводу Библии и давалось императорам византийским, а в новейшие времена ханам могольским, имея на языке персидском смысл *трона*, или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен монархов ассирийских и вавилонских: Фал*лассар*, Набон*ассар* и проч. — Исчисляя в титуле своем все особенные владения государства Московского, Иоанн наименовал оное *Белою Россиею*, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках восточных.

Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи и каждого обложив известным количеством сельских хозяйственных произведений и деньгами, что записывалось в особенные книги. Например, два земледельца, высевая для себя 6 *коробей*, или четвертей ржи, давали ежегодно великому князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями. Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четвертую долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, овчины и проч.

Одни давали более, другие менее, смотря по изобилию или недостатку в угодьях. — Торговля также обогащала казну более прежнего. Россия сделалась извне независимою, внутри спокойною: государь любил пышность, дотоле неизвестную, и купцы наши вместе с иноземными стремились удовлетворить новым потребностям Москвы, где находилось для них несколько гостиных казенных дворов и где собиралась пошлина с товаров и с лавок. Иоанн перевел древнюю ярмонку из Холопьего города в Мологу, поместье сына его, Димитрия, и велел ему довольствоваться там старыми купеческими сборами, не умножать их, не вымышлять новых, предписав его братьям, чтобы они не запрещали своим людям ездить на сию важную для России ярмонку. Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром великий князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; недаром послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным драгоценным товаром, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *лунскими* (немецкими, лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту. Богатство *древних* наших государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. Не говоря о дани, взятой Олегом с греков, знаем только, что византийский император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота, если верить Льву Диакону, и что Мономах (как означено *буквою* в рукописи его *Поучения*) привез отцу *триста* гривен сего металла. По крайней мере *новейшие* великие князья не могли равняться богатством с Иоанном. «Каждому из сыновей моих, — говорит он в завещании, — оставляю по нескольку ларцев с казною, за их и моею печатями, у государственного казначея, печатника и дьяков. Все иные сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды — все, что находится в моей казне *постельной*, у дворецкого, конюшего, ясельничих, прикащиков в Москве, в Твери, Новегороде, Белеозере, Вологде и везде — то все сыну моему Василию». — Вспомним, что кроме умножения обыкновенных, поземельных и таможенных доходов, открытие и произведения пермских рудников служили новым источником богатства для государствования Иоаннова.

Сей монарх, оружием и политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, был долгое время жертвою разновластия и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых лишенных сана иереев к суду государева наместника, пишет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как уставил великий князь, по *царским правилам*, или по законам царей греческих, внесенных в Кормчую книгу: следственно, сия книга служила тогда для нас и гражданским уложением в случаях, не определенных Российским правом. Но в 1491 году Иоанн велел дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил, и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно. Главным судиею был великий князь с детьми своими: но он давал сие право боярам, окольничим, наместникам, так называемым *волостелям* и поместным детям боярским, которые, однако ж, не могли судить без старосты, дворского и *лучших людей*, избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и дьякам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд. Все решилось единоборством: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновного, то есть побежденного, казнили смертию: всю собственность его отдавали истцу и судьям. За *первую* татьбу, кроме церковной и *головной* (то есть похищения людей), секли кнутом и лишали имения, делимого между истцом и судьею; преступник бедный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертию, и даже без суда, когда пять или шесть *добрых* граждан утверждали клятвенно, что обвиняемый есть вор известный. Человека *подозрительного*, оговоренного татем, пытали; но *беспорочного* не касались и требовали от него только поруки до объяснения дела. Несправедливое решение судей уничтожалось великим князем, но без всякого для них наказания. С жалобою, с доносом надлежало ехать в Москву, или к наместнику, или к боярину, имевшему судную власть в той области, где жил ответчик, за коим посылали *недельщика*, или пристава. Являлись свидетели. Судья спрашивал: «Можно ли им верить?» *Допросите их, как закон и совесть повелевают*,— ответствовали судимые. Свидетели начинали говорить: обвиняемый возражал, заключая обыкно-

венно речь свою так: «Требую присяги и суда Божия; требую *поля* и единоборства». Каждый вместо себя мог выставить бойца. Окольничий и недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу россиян, одолевали их всегда хитростию.

Сие Уложение, древнейшее после Ярославова, не должно удивлять нас своею краткостию, где все затруднения в тяжбах решились острым железом; где законодатель, так сказать, не распутывал их узла глубокомысленными соображениями, а рассекал его столь чудным уставом: там надлежало единственно дать правила для судебных поединков. Видим, как и в первобытных наших законах, великую доверенность к присяге, к совести людей. Телесные наказания унижали человечество в преступниках; но имя *доброго* гражданина, без всякого иного титла, было правом на государственное уважение; кто имел его, тот в случае свидетельства одним словом спасал невинного или губил виновного.— Несогласные с рассудком, поединки судебные могли, однако ж, утверждать безопасность государства: они питали воинский дух народа.

В Уложении Иоанновом находятся весьма немногие постановления о купле, займе, наследстве, землях, межах, холопях, земледельцах. Например: 1) «Кто купил вещь новую при двух или трех честных свидетелях, тот уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но *кроме лошади*»: следственно, лошадь возвращается хозяину. — 2) «Если деньги или товары, взятые купцом, будут у него в пути отняты, сгорят или утратятся без его вины: то ему дать время для платежа, и без всякого росту; в противном же случае он, как виновный, ответствует всем имением и головою». Сей закон есть древний Ярославов. — 3) «Кто умрет без духовной грамоты, не имея сына, того имение и земли принадлежат дочери; а буде нет и дочери, то ближайшему родственнику». — 4) «Между селами и деревнями должны быть загороды: в случае потравы взыскать

убыток с того, в чью загороду прошел скот. Кто уничтожит межу или грань, того бить крутом и взять с него рубль в удовлетворение истцу» (закон Ярославов).— 5) «Кто три года владеет землею, тому она уже крепка; но если истец — великий князь, то сроку для иска полагается шесть лет: далее нет суда о земле.— 6) Крестьяне (или свободные земледельцы) отказываются из волости в волость, из села в село (то есть переходят от одного владельца к другому) за неделю до Юрьева дня и через неделю после оного. Пожилого за двор назначается рубль в степных местах, а в лесных — 100 денег.— 7) Холоп или раб, с женою и детьми, есть тот, кто дает на себя крепость, кто идет к господину в тиуны» (закон Ярославов) «и ключники сельские (но если дети служат другому господину или живут сами собою, то они не участвуют в судьбе отца); кто женится на рабе; кто отдан в приданое или отказан по духовному завещанию. Если холоп, взятый в плен татарами, уйдет от них: то он уже свободен и не принадлежит своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда действительна: иначе должна быть явлена боярам и наместникам, имеющим судное право, и подписана дьяком.— 8) Попа, диакона, монаха, монахиню, старую вдову (которая питается от церкви Божией) судит святитель; а мирянину с церковным человеком суд общий».— Сии законы, с помощию греческих, или номоканона, были достаточны. Древние обычаи служили им дополнением.

Иоанн учредил лучшую городскую исправу, или полицию: он велел поставить на всех московских улицах *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство; пекся о дорогах: завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ государев. Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости о физиологическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая доныне свирепствует во всех ее странах[1], искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разлила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке.

---

[1] Речь идет о сифилисе.

Историк литовский пишет следующее: «В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь *французскую*. Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и *кардинал* Фридерик». Слух о том дошел до Москвы: великий князь, в 1499 году посылая в Литву боярского сына, Ивана Мамонова, в данном ему наставлении говорит: «Будучи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками и который называют французским?» Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича Небесного.

Мы говорили о важнейших делах церковных. Кроме суда над еретиками, было еще три Собора: первый для уложения церковной Пасхалии на осьмое тысячелетие, которое настало в 31 год Иоаннова государствования. Суеверные успокоились; увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется с исходом *седьмой тысячи*. Митрополит Зосима созвал епископов и поручил Геннадию Новогородскому сделать исчисления Церковного круга. Сей разумный святитель написал введение, где свидетельствами апостолов и правилами истинного христианства опровергает все мнимые предсказания о конце мира, известном Единому Богу. «Нам должно, — говорит он, — не искать таинств, сокровенных от мудрости человеческой, но молить Вседержителя о благоустройстве мира и церкви, о здравии и спасении великого государя нашего, да цветет его держава силою и победою». Сперва изложили Пасхалию только на 20 лет и дали рассмотреть оную пермскому епископу Филофею, которого вычисления утвердили ее верность: после того Геннадий означил на больших листах круги солнечные, лунные, основания, эпакты, *в руце лето и ключи границ* от 533 до 7980 года. Сей Собор утвердил, что год начинается в России вместе с индиктом 1 сентября.

Второй Собор был при Симоне митрополите. В 1500 году раздав новогородские церковные земли детям боярским, великий князь мыслил, что духовенству, и в особенности инокам, непристойно владеть бесчисленными селами и деревнями, которые возлагали на них множество мирских забот. Сие важное дело именем государя было предложено митрополиту и всем епископам в общем их совете. Иоанн не присутствовал в оном. Митрополит послал к нему дьяка Леваша с такими словами «Отец твой, Симон митрополит всея Русии, епископы и весь

освященный Собор говорят, что от равноапостольного великого царя Константина до позднейших времен везде святители и монастыри *держали грады, власти и села*: никогда Соборы Св. Отцов не запрещали сего; запрещали им единственно продавать недвижимое достояние. При самых предках твоих, великом князе Владимире, Ярославе, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Данииловиче, внуке блаженного Александра, современнике чудотворца Петра митрополита, и до нашего времени святители и монастыри имели грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковные. Не Святый ли Владимир, не Великий ли Ярослав сказали в уставе своем: *кто преступит его из детей или потомков моих; кто захватит церковное достояние и десятины святительские, да будет проклят в сей век и будущий*? Самые злочестивые цари ординские, боясь Господа, щадили собственность монастырей и святительскую: *не смели двигнути вещей недвижимых*... И так не дерзаем и не благоволим отдать церковного стяжания: ибо оно есть Божие и неприкосновенно». Великий князь не захотел упорствовать; мыслил, но не совершил того, что в самом осьмом на-десять веке еще казалось у нас смелостию. Екатерина II чрез 265 лет исполнила мысль Иоанна III, присоединив земли и села церковные к государственному достоянию и назначив духовенству денежное жалованье.

На третьем Соборе (в 1503 году) Иоанн уставил с митрополитом, следуя правилам апостольским и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни иереи, ни диаконы вдовые не священнодействовали. «Забыв страх Божий, — сказано в сем приговоре, — многие из них держали наложниц, именуемых *полупопадьями*. Отныне дозволяем им только, буде ведут жизнь непорочную, петь на крылосах и причащаться в алтарях, иереям в епитрахилях, а диаконам в стихарях, и брать четвертую долю из церковных доходов: уличенные же в пороке любострастия да живут в мире и ходят в светской одежде. Еще уставляем, чтобы монахам и монахиням не жить никогда вместе, но быть в особенности монастырям женским и мужеским», и проч. — Грамотою сего же Собора, скрепленного подписями святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Несмотря на то, архиепископ Геннадий дерзнул явно брать деньги с посвящаемых им иереев и диаконов: строгий Иоанн, свергнув его с

престола святительского, запер в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести.

Ревностный ко благу и достоинству церкви, великий князь с удовольствием видел новую честь духовенства российского. Прежде оно искало милости в византийских святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном святительским. В 1464 году митрополит Феодосий поставил в Москве митрополита Кесарии. Патриарх иерусалимский, угнетаемый тиранством египетского султана, оставил Святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных греков, которые хвалились ее православием и величием как бы их собственным. Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними государями киевскими.

Соглашая уважение к духовенству с правилами всеобщей монаршей власти, Иоанн в делах Веры соглашал терпимость с усердием ко православию. Он покровительствовал в России и магометан и самых евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда христиане латинской церкви добровольно обращались в наше исповедание. Вместе с братом великой княгини Софии, с италиянскими и с немецкими художниками в 1490 году приехал в Москву каплан Августинского ордена, именуемый в летописи Иваном *Спасителем*; он торжественно принял греческую Веру, женился на россиянке и получил от великого князя богатое село в награду.

Описав государственные и церковые деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных областях России, Устюге, Новегороде, Пскове. Были неурожаи, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, великий князь сам являлся на коне с детьми боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал домы и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая относится к истории наших старинных обычаев; вторая — к ученой истории древних путешествий.

Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какого-нибудь иноземного принца. В 1500 году он сочетал ее с князем Василием Холмским, боярином и воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер чрез шесть лет по завоевании Казани. Сия свадьба описана в прибавлении разрядных книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник ливонского магистра, Героя Плеттенберга, боярин и полководец, князь Даниил Пенко-Ярославский, был в *тысяцких*, а князь Петр Нагой-Оболенский — *в дружках* с их женами. В поезде с женихом находилось более ста князей и знатнейших детей боярских. У саней великих княгинь, Софии и Елены, шли бояре, греческие и российские. Свадьбу венчал митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда, нужного, как думали, для счастия супругов; все желали его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи. — Счастливые предсказания не сбылись: Феодосия ровно через год скончалась.

Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, тверский житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в королевстве Гольквндском. Мы имеем его записки, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место описывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо татарских городов *Услана* и *Березканы*; из Астрахани в Дербент, Бокару, Мазандеран, Амоль, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица великого султана *Хоросанского*; видел *Индейский Иерусалим*, то есть славный Элорский храм, как вероятно; именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих Веру Брамы; везде тоскует о православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою индейских бо-

14 Зак № 39

гатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало *годного для России*; наконец возвращается в Ормус и, чрез Испагань, Султанию, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо турецкие паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де-Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их Веры.

Конец VI тома

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ 1505—1509 гг.

Тесное заключение и смерть Иоаннова внука, Димитрия. Общий характер Василиева правления. Посольство в Тавриду. Царевич казанский принимает Веру нашу и женится на сестре великого князя. Поход на Казань. Дела литовские. Война с Сигизмундом, Александровым наследником. Мир. Союз с Менгли-Гиреем. Освобождение Летифа. Неудовольствия нашего посла в Тавриде. Мирный договор с Ливониею. Дела Пскова: конец его гражданской вольности.

Василий приял державу отца, но без всяких священных обрядов, которые напомнили бы россиянам о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу*. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастия и своего уничижения, он безжа-

* Герберштейн... рассказывает, что Иоанн, готовясь умереть, призвал Димитрия к себе и сказал: «Любезный внук! Я согрешил пред Богом и тобою, заключив тебя и лишив законного наследия: прости мне сию жестокость. Ты свободен: иди и пользуйся своим правом!» Димитрий, тронутый да глубины сердца, искренно простил деда, но как скоро вышел от умирающего, то Василий приказал отвести его в темницу.— Сие любопытное повествование кажется невероятным. Иоанн, без сомнения, взял бы меры для непременного исполнения воли своей, если бы хотел оставить престол внуку: собрали бы вельмож, обязали бы их присягою служить Димитрию, а не Василию, который в таком случае не мог бы столь легко заключить племянника. Не говорю о твердости Иоаннова характера; не говорю даже о завещании, в коем Василий объявлен наследником монархии: ибо оно сохранилось только в списке; подлинника не имеем. (VII, 1.)

лостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате*. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих, Димитрий преставился в 1509 году, был одною из умилительных жертв лютой политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Димитрию права царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме Св. Михаила и преданного земле подле гроба родителева.

Завещание, писанное сим князем в присутствии духовника и боярина, князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием, как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислив все свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пуд), Димитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том великого князя без унижения и гордости, повинуясь судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решил важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества; менее славился воинским счастием, более опасною для врагов хитростию; не унизил России, даже возвеличил оную, и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василий нетерпеливо желал возобновить его: уведомил хана о кончине родителя и требовал от него новой *шертной*, или клятвенной

---

* Димитрий, сидя в темнице, имел поместья, свою казну, как видно из завещания. (VII, 2.)

грамоты. Менгли-Гирей прислал ее с двумя своими вельможами: бояре московские нашли, что она не так писана, как данная им Иоанну, и предложили иную. Послы скрепили оную печатями, а великий князь отправил знатного окольничего Константина Заболоцкого в Тавриду, чтобы удостовериться в искренней дружбе хана и взять с него присягу.

Измена царя казанского требовала мести. В сие время брат Алегамов, царевич Куйдакул, будучи нашим пленником, изъявил желание принять Веру христианскую. Он жил в Ростове, в доме архиепископа: государь велел ему приехать в Москву; нашел в нем любезные свойства, ум, добронравие и ревность к познанию истинного Бога. Его окрестили торжественно на Москве-реке, в присутствии всего двора; назвали Петром и через месяц удостоили чести быть зятем государевым: великий князь выдал за него сестру свою, Евдокию, и сим брачным союзом как бы дав себе новое право располагать жребием Казани, начал готовиться к войне с нею. Димитрий, Василиев брат, предводительствовал ратию, судовою и конною, с воеводами Феодором Бельским, Шеиным, князем Александром Ростовским, Палецким, Курбским и другими. 22 мая [1506 г.] пехота российская вышла на берег близ Казани. День был жаркий: утомленные воины сразились с неприятельскими толпами перед городом и теснили их; но конница татарская заехала им в тыл, отрезала от судов и сильным ударом смешала россиян. Множество пало, утонуло в Поганом озере или отдалось в плен; другие открыли себе путь к судам и ждали конной рати: она пришла; но государь, сведав о первой неудаче и в тот же день выслав князя Василия Холмского с новыми полками к Казани, не велел Димитрию до их прибытия тревожить города. Димитрий ослушался и посрамил себя еще более. Время славной ярмонки казанской приближалось: Магмет-Аминь, величаясь победою и думая, что россияне уже далеко, 22 июня веселился с князьями своими на лугу Арском, где стояло более тысячи шатров; купцы иноземные раскладывали товары, народ гулял, жены сидели под тению наметов, дети играли. Вдруг явились полки московские: «они как с неба упали на казанцев», говорит летописец: топтали их, резали, гнали в город; бегущие давили друг друга и задыхались в темноте улиц. Россияне могли бы легко взять Казань приступом: она сдалась бы им чрез пять или шесть дней; но утомленные победители хотели отдохнуть

в шатрах: увидели там яства, напитки, множество вещей драгоценных и забыли войну; начался пир и грабеж: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нежились под царскими наметами, любовались сим зрелищем и хвалились, что они ровно через год отмстили казанцам убиение наших купцов; воины пили и шумели; стража дремала. Но Магмет-Аминь бодрствовал в высокой стрельнице: смотрел на ликование беспечных неприятелей и готовил им месть за месть, внезапность за внезапность. 25 июня, скоро по восходе солнца, 20 000 конных и 30 000 пеших ратников высыпало из города и с криком устремилось на россиян полусонных, которых было вдвое более числом, но которые в смятении бежали к судам, как стадо овец, вслед за воеводами, без устройства, без оружия. Луг Арский взмок от их крови и покрылся трупами. Князь Курбский, Палецкий лишились жизни: воевода Шеин остался пленником; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслил о том; в беспамятстве ужаса кидались на суда, отрезывали якори; спешили удалиться. Одна конница московская под начальством Федора Михайловича Киселева и нашего служивого царевича Зеденая, Нордоулатова сына, оказала некоторую смелость: шла сухим путем к Мурому и, в 40 верстах от Суры настиженная казанцами, отразила их мужественно. В войске у Димитрия находилось несколько иноземцев с огнестрельным снарядом: только один из них привез свои пушки в Москву. Товарищи его явились вместе с ним к государю, который, приняв других милостиво, сказал ему гневно: «Ты берег снаряд, а не берег себя: знай же, что люди искусные мне дороже пушек!» Василий не наказал воевод из уважения к брату, главному полководцу, следственно и главному виновнику сего бедствия; но Димитрий с того времени уже не бывал никогда начальником рати.

Таким образом и Василиево государствование, подобно Иоаннову, началось неудачным походом на Казань. Честь и безопасность России предписывали великому князю смирить Магмет-Агминя: уже знаменитый наш полководец Даниил Щеня готовился идти к берегам Волги; но вероломный присяжник изъявил раскаяние: или убежденный Менгли-Гиреем, или сам предвидя худые следствия войны для слабой Казани, он писал к Василию весьма учтиво, прося извинения и мира. Государь

требовал освобождения посла нашего, Михаила Яропкина, также всех захваченных с ним купцов и военнопленных россиян. Магмет-Аминь исполнил его волю. Новою клятвенною грамотою обязался быть ему другом и признал свою зависимость от России, как было при Иоанне.

В сношениях с Литвою Василий изъявлял на словах миролюбие, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Иоанновой, король Александр отправил посла в Москву с обыкновенными жалобами на обиды россиян. Государь выслушал, обещал законное удовлетворение, приветствовал посла, но не дал ему руки, потому что в Литве свирепствовали заразительные болезни. Известие о новом монархе в России обрадовало короля. Все знали твердость Иоаннову: неопытность и юность Василиева казались благоприятными для наших естественных недоброжелателей. Александр надеялся заключить мир, прислав в Москву вельмож Глебова и Сапегу; но в ответ на их предложение возвратить Литве все наши завоевания бояре московские сказали, что великий князь владеет только собственными землями и ничего уступить не может. Глебов и Сапега выехали с неудовольствием; а вслед за ними государь послал объявить зятю о своем восшествии на престол и вручить Елене золотой крест с мощами по духовной родителя. Василий признал жалобы литовских подданных на россиян совершенно справедливыми и, к досаде короля, напомнил ему в сильных выражениях, чтобы он не беспокоил супруги в рассуждении ее Веры. — Одним словом, Александр увидел, что в России другой государь, но та же система войны и мира. Все осталось как было. С обеих сторон изъявлялась холодная учтивость. Король дозволил греку Андрею Траханиоту ехать из Москвы в Италию через Литву, в угодность Василию, который взаимно оказывал снисхождение в случаях маловажных: так, например, отдал митрополиту киевскому, Ионе, сына его, бывшего у нас пленником.

В августе 1506 года король Александр умер: великий князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительною грамотою ко вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно, соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих панов избрать его в короли; что разноверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительст-

вовать римский Закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели государь единоверный. Наумов должен был сказать то же виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивилу и всем думным вельможам. Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную для них обеих истину; и если бы его желание исполнилось, то Север Европы имел бы другую историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о *древних* и *новых* границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелию одного из них; повинуясь государю общему, в духе братства, они сделались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, коими завладели россияне уже после шестилетнего перемирия. Сие требование казалось умеренным; но Василий — досадуя, может быть, что его намерение царствовать в Литве не исполнялось, — хотел удержать все оставленное ему в наследие родителем и, жалуясь, что литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения князей Стародубского и Рыльского, жгут села брянские, отнимают наши земли, послал князя Холмского и боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встретив неприятеля в поле. Королевские послы еще находились тогда в Москве: Сигизмунд упрекал Василия, что он, говоря с ним о мире, начинает войну.

В сие время [1508 г.] славный Константин Острожский, изменив данной им Василию присяге, утвержденной ручательством нашего митрополита, бежал из Москвы в Литву. Любовь к отечеству и ненависть к России заставили его остыдить себя делом презрительным: обмануть государя, митрополита, нарушить клятву, устав чести и совести. Никакие побуждения не извиняют вероломства. — Сигизмунд принял нашего измени-

ка, Константина, с милостию: Василий скоро отмстил Сигизмунду, объявив себя покровителем еще важнейшего изменника литовского.

Никто из вельмож не был в Литве столь знатен, силен, богат поместьями, щедр к услужникам и страшен для неприятелей, как Михаил Глинский, коего род происходил от одного князя татарского, выехавшего из Орды к Витовту. Воспитанный в Германии, Михаил заимствовал обычаи немецкие, долго служил Албрехту Саксонскому, императору Максимилиану в Италии; славился храбростию, умом и, возвратясь в отечество, снискал милость Александрову, так что сей государь обходился с ним как с другом, поверяя ему все тайны сердечные. Глинский оправдывал сию любовь и доверенность своим заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрым нашествием привело Литву в трепет; когда Александр, лежащий на смертном одре почти в виду неприятеля, требовал усердной защиты от вельмож и народа: Глинский сел на коня, собрал воинов и славнейшею победою утешил короля в последние минуты его жизни. Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла им уста: говорили, что он мыслил овладеть престолом и не хотел присягать Сигизмунду. Всех более ненавидел и злословил его вельможа Забрезенский. Михаил неотступно убеждал нового короля быть судиею между ими. Сигизмунд медлил, доброхотствуя неприятелям Глинского, который вышел наконец из терпения и сказал ему: «Государь! Мы оба, ты и я, будем раскаиваться; но поздно». Он вместе с братьями, Иваном и Василием, уехал в свой город Туров; призвал к себе родственников, друзей; требовал полного удовлетворения от Сигизмунда и назначил срок. Слух о том достиг Москвы, где знали все, что в Литве происходило: государь угадал тайную мысль Михаилову и послал к нему умного дьяка, предлагая всем трем Глинским защиту России, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали решительного королевского ответа: не получив его, торжественно объявили себя слугами государя московского, с условием, чтобы Василий оружием укрепил за ними их города в Литве, поместные и те, которые им волею или неволею сдадутся. С обеих сторон утвердили сей договор клятвою. Пылая злобою мести, Михаил нечаянно схватил врага своего, вельможу Забрезенского, в увеселительном его доме близ Гродна: отсек ему голову; умертвил многих других панов;

составил полк из дворян, слуг и наемников; взял Мозырь; заключил союз с Менгли-Гиреем и господарем молдавским, из коих первый обещал завоевать для него Киев. Пишут, что Глинские действительно имели намерение восстановить древнее великое княжение Киевское и господствовать в нем независимо; что многие из тамошних бояр присягнули им в верности; что Михаил думал жениться на вдовствующей супруге Симеона Олельковича, Анастасии, и тем приобрести законное право на сие княжество, но что добродетельная Анастасия, гнушаясь его изменою, не хотела о том слышать.

Глинский ждал московской рати. Воеводы наши, князья Шемякин, Одоевские, Трубецкие, Воротынские пришли к нему на Березину, осадили Минск и разоряли все до самой Вильны; другие воевали Смоленскую область. Желая и надеясь сокрушить Литву, Василий двинул еще полки из Москвы и Новагорода к Орше: первые вел знатный боярин Яков Захарьевич, последние славный князь Даниил Щеня. Глинский, Шемякин, оставив Минск, явились близ Друцка, обязали тамошних князей присягою верности к государю российскому и соединились под Оршею с Даниилом: громили пушками стены ее; замышляли приступ.

Никогда Литва не бывала в опаснейшем положении: Россия восстала, Менгли-Гирей и волохи готовились к нападению; внутри бунт и правление новое, коего все тайны, все способы были известны Глинскому; наемные королевские воины, немцы, требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну. Но Сигизмунд имел твердость, благоразумие и счастие, которое в делах мира нередко смеется над вероятностями ума. С необыкновенною деятельностию собрав, устроив войско, он приближился к Орше, чтобы спасти сию важную крепость. Полководцы Василиевы изумились, сняли осаду и стали на восточному берегу Днепра. Дней шесть неприятели через сию реку смотрели друг на друга: россияне ждали к себе литовцев, литовцы россиян. Наконец воеводы московские пошли к Кричеву, Мстиславлю: разорили несколько сел и спешили назад, защитить собственные пределы: ибо король, вступив в Смоленск, отрядил войско к Дорогубужу, к Белой и к Торопцу. Василий, поручив князьям Стародубскому и Шемякину оберегать Украину, велел боярину Якову Захарьевичу стоять в Вязьме, а Даниилу выгнать литовский отряд из Торопца,

где жители, малодушно присягнув Сигизмунду, с радостию встретили нашего воеводу, который донес государю о бегстве неприятеля.

Хотя Василий, по-видимому, не имел причины славиться успехами своих полководцев, ни важными для России следствиями измены Глинских: однако ж казался доволен первыми и с великою милостию угостил Михаила, который приехал в Москву, пировал во дворце, был одарен щедро, не только одеждами богатыми, доспехом, азиатскими конями, но и московскими селами с двумя поместными городами, Ярославцем и Медынью. Братья Михаиловы оставались в Мозыре, а люди, сокровища и знатнейшие единомышленники, князья Дмитрий Жижерский, Иван Озерецкий, Андрей Лукомский, — в Почепе. Михаил просил у государя воинов для обережения Турова и Мозыря: Василий дал ему воеводу, князя Несвицкого, с Галицкими, костромскими ратниками и с татарами.

Между тем литовцы сожгли Белую и взяли Дорогобуж, обращенный в пепел самими россиянами. Константин Острожский предводительствовал частию Сигизмундовой рати, обещая указать ей путь к Москве. Но великий князь не терял времени: сам распорядил полки и велел им с двух сторон, Холмскому из Можайска, боярину Якову Захарьевичу из Вязьмы, идти к Дорогобужу, где начальствовал воевода королевский, Станислав Кишка: сей гордый пан, имев некоторые выгоды в легких сшибках с отрядами российскими, уже думал, что наше войско не существует и что бедные остатки его не дерзнут показаться из лесов: увидел полки Холмского и бежал в Смоленск. — Таким образом неприятели выгнали друг друга из своих пределов, не быв ни победителями, ни побежденными; но король имел более славы, среди опасностей нового правления и внутренней измены отразив внешнего сильного врага, столь ужасного для его двух предшественников.

Не ослепляясь легкомысленною гордостию, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою державу, благоразумный Сигизмунд снова предложил мир Василию, который не отринул его. Глинский хвалился многочисленностию друзей и единомышленников в Литве; но, к счастию всех правлений, изменники редко торжествуют: сила беззаконная или первым восстанием испровергает законный устав государства, или ежечасно слабеет от нераздельного с нею страха, от естественного угры-

зения совести, если не главных действующих лиц, то по крайней мере их помощников. Тщетно Глинские старались возмутить Киевскую и Волынскую область: народ равнодушно ждал происшествий; бояре отчасти желали успехов Михаилу, но не хотели бунтом подвергуть себя казни; весьма немногие присоединились к нему, и войско его состояло из двух или трех тысяч всадников; начальники городов были верны королю. Счастию Иоаннова оружия в войне литовской способствовал Менгли-Гирей: Василий еще не видал в нем деятельного усердия к пользам России и, несмотря на союзную грамоту, утвержденную в Москве словом и печатию ханских послов, разбойники крымские беспокоили нашу Украйну, так что великий князь должен был защитить оную войском. Надежда возбудить ногаев к сильному впадению в Литву не исполнилась: слуга Василиев, князь Темир, ездил к мурзам, Асану и другим, сыновьям Ямгурчея и Мусы, с предложением, чтобы они, содействуя нам, отмстили королю вероломное заключение хана Шиг-Ахмета, связанного с ними родством и дружбою: Темир должен был вести их к берегам Дона и Днепра; но не мог успеть в своем поручении. Сии обстоятельства, моление вдовствующей королевы Елены, решительность Сигизмунда и сомнительный успех войны склонили Василия к искреннему миролюбию. Король прислал из Смоленска в Москву Станислава, воеводу полоцкого, маршалка Сапегу и Войтеха, наместника перемышльского, которые, следуя обыкновению, сначала требовали всего, а наконец удовольствовались немногим: хотели Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей смоленских, отнятых у Литвы уже в государствование Василиево. Написали договор так называемого вечного мира. Василий и Сигизмунд, именуясь братьями и сватами, обязались жить в любви, доброжелательствовать и помогать друг другу на всякого неприятеля, кроме Менгли-Гирея и таких случаев, где будет *невозможно* исполнить сего условия (которое, следственно, обращалось в ничто). Король утверждал за Россиею все приобретения Иоанновы, а за слугами государя российского, князьями Шемякиным, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Белевскими, Мосальскими все их отчины и города. За то Василий обещал *не вступаться* в Киев, в Смоленск, ни в другие литовские владения. Далее сказано в договоре, что *ве-*

ликий князь рязанский Иоанн Иоаннович с своею землею принадлежит к государству Московскому; что ссоры между литовскими и российскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коих решения исполняются во всей силе; что послам и купцам обеих держав везде *путь чист* и свободен: ездят, торгуют как им угодно; наконец, что литовские и наши пленники освобождаются немедленно. О Глинских не упоминается в сей грамоте; но судьба их была решена: Василий признал Мозырь и Туров, города Михайловы, собственностию королевскою, обещая впредь уже не принимать к себе никого из литовских князей с землями и поместьями. Он удовольствовался единственно словом короля, что Глинские могут свободно выехать из Литвы в Россию.

Послы Сигизмундовы были десять раз у государя и дважды обедали. Разменялись договорными грамотами. Сейм литовский одобрил все условия. Король целовал крест в присутствии наших послов в Вильне. Россияне и литовцы были довольны миром; но Глинские изъявляли негодование, и Сигизмунд уведомил великого князя, что Михаил не хочет ехать в Москву, думая бежать в степи с вооруженными людьми своими и мстить равно обоим государствам; но что войско королевское уже идет смирить сего мятежника. Василий просил короля не тревожить Глинских и дать им свободный путь в Россию. Проливая слезы, они выехали к нам из отечества со всеми ближними. Литва жалела, а более опасалась их. Россия не любила: великий князь ласкал и честил, думая, что сии изменники еще могут быть ему полезны.

Едва ли имея надежды и самое желание долго остаться в мире с Литвою, Василий нетерпеливо ждал вестей из Тавриды, чтобы удостовериться в важном для нас союзе Менгли-Гиреевом. Может быть, сей царь и не участвовал в набеге крымских разбойников на московские пределы, но усердие его к России явно охладело: держав Заболоцкого долее года, он прислал гонца в Москву с требованием, чтобы его пасынок, сверженный царь казанский Абдыл-Летиф, был отпущен в Тавриду. Великий князь не сделал сего, однако ж возвратил Летифу свободу и милость, дозволил быть во дворце, обещал Коширу в поместье. Вероятно, что слух о мирных переговорах Сигизмунда с Василием решил, наконец, Менгли-Гирея утвердить дружбу с нами: по крайней мере он немедленно отпустил тогда Забо-

лоцкого и прислал трех вельмож своих в Москву с шертною *золотою* грамотою: дал клятву за себя, за детей и внучат жить в братстве с великим князем, вместе воевать и мириться с Литвою и с татарами; унимать, казнить своих разбойников, покровительствовать наших купцов и путешественников; одним словом, исполнять все обязанности тесной, взаимной дружбы, как было в Иоанново время.

Государь приказал встретить послов с великою честию, звать во дворец к обеду и *клал на них* руки в знак благоволения. Они представили ему 16 грамот от хана, писанных весьма ласково. Менгли-Гирей убеждал Василия послать судовую рать с пушками для усмирения Астрахани, обещал всеми силами действовать против Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называл любезным сыном; просил ловчих птиц, соболей, рыбьих зубов, лат и серебряной чары *в два ведра*; требовал какой-то дани, платимой ему князьями Одоевскими; а всего более желал, чтобы государь позволил Абдыл-Летифу ехать в Тавриду для свидания с матерью. Сие последнее казалось Василию столь важным, что он собрал Думу Боярскую и хотел знать ее мнение. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велел ему самому явиться в Думу и говорил так: «Царь Абдыл-Летиф! Ты ведаешь, что отец мой лишил тебя свободы за вину не малую. В угодность нашему брату, Менгли-Гирею, забыв твое преступление, я милостиво дарую тебе вольность и город. Выслушай условия». Они состояли в том, чтобы Летиф клятвенно обязался верно служить России, не выезжать самовольно из ее пределов, не иметь сношения с Литвою, ни с другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы послы утвердили сей договор собственною их присягою. Летиф винился, благодарил, считал себя недостойным видеть лицо государево; клялся не угнетать христиан, не ругаться над святынею, доносить великому князю о всяких злодейских умыслах против него или государства. Вместо Коширы, прежде обещанной, ему дали Юрьев. Достойно замечания, что и сам великий князь присягнул в доброжелательстве к Летифу, так же, как и в верности к Менгли-Гирею, исполняя требование послов крымских и совет бояр. Наместник перевицкий, Морозов, был отправлен в Тавриду изъявить благодарность за дружбу хана, уверить его в нашей, известить о заключенном с Литвою мире и сказать наедине, что долгое молчание Менгли-Гиреево бес-

покоило государя; что носился даже слух о присоединении ханских сыновей к Сигизмундовой рати; что сие обстоятельство ускорило для нас мир; но что великий князь остается другом Менгли-Гирея и не боится новой, справедливой войны с их общим естественным недругом; что нам нельзя послать людей с огнестрельным снарядом к Астрахани, ибо нет судов в готовности; что России, утомленной войнами, хотя мирной с Литвою, но угрожаемой ливонскими немцами, нужно отдохновение; что сам Иоанн никогда не посылал туда войска, и проч. Уже ветхий летами и здоровьем, Менгли-Гирей не мог жить долго: Василий приказал Морозову [1509] тайно видеться с ханским старшим сыном, Магмет-Гиреем; обязать его клятвою в дружбе к России и присягнуть ему в нашей именем государя.

Сей посол имел неприятность в Тавриде от своевольства и корыстолюбия ханских вельмож. Государь именно велел Морозову наблюдать свое достоинство и не терпеть ни малейшего для нас унижения в обрядах посольских: ибо крымские мурзы любили величаться перед россиянами, вспоминая старину. «Я сошел с коня близ дворца, — пишет Морозов к великому князю, — у ворот сидели князья ханские и все, как должно, приветствовали посла твоего, кроме мурзы Кудояра, дерзнувшего назвать меня холопом. Толмач не смел перевести сих грубых слов, а мурза в бешенстве хотел зарезать его и силою выхватил шубу из рук моего подьячего, который нес дары. В дверях ясаулы преградили мне путь, бросив на землю жезлы свои, и требовали пошлины: я ступил на жезлы и вошел к царю. Он и царевичи встретили меня ласково; пили из чаши и подали мне остаток. Я также поднес чашу им и всем князьям, но обошел Кудояра и сказал хану: *Царь, вольный человек! сей мурза невежлив: суди нас... Называюсь холопом твоим и государя моего, но не Кудояровым. Говорю с ним пред тобою с очи на очи: как он дерзнул грубить послу и силою брать, что мы несли к тебе?* Менгли-Гирей, выслушав, извинял мурзу; но, отпустив меня, бранил его и выгнал». Морозов не согласился вручить хану своего посольского наказа, ни описи присланных с ним даров, ответствуя гордо вельможам царским: «Речи великого князя вписаны у меня только в сердце, а дары его вам доставлены: более ничего не требуйте». Один из сыновей ханских, жалуясь на скупость Василиеву, грозил Морозову цепями. «Цепей твоих не опасаюсь, — сказал

посол, — боюсь единственно Бога, великого князя и царя, вольного человека... Если оскорбите меня, то государь уже никогда не будет присылать к вам людей знатных». — Однако ж, несмотря на слабость отягченного летами Менгли-Гирея, коему сыновья и вельможи худо повиновались, наш союз с Тавридою остался до времени в своей силе.

Россия заключила тогда мирный договор и с Ливониею. В 1506 году вторично был у нас посол императорский Гартингер с дружественным письмом от Максимилиана, который снова просил великого князя освободить ливонских пленников. Василий сказал, что вольность их зависит от мира. Наконец, магистр, архиепископ рижский, епископ дерптский и все рыцарство прислали чиновников в Москву. Следуя правилу отца, государь не хотел сам договариваться с ними: они поехали в Новгород, где наместники Даниил Щеня, Григорий Федорович Давыдов и князь Иван Михайлович Оболенский дали им мирную грамоту от 25 марта 1509 года впредь на 14 лет. Освободили пленных; возобновили старые взаимные условия о торговле и безопасности путешественников в обеих землях. Важнее всего было то, что немцы отреклись от союза с королем польским. Государь не забыл и наших церквей в Ливонии: магистр обязался блюсти их. В то же время император, ходатайствуя за Ганзу, писал к великому князю, что она издревле к обоюдной пользе купечествовала в России и желает восстановить свою контору в Новегороде, ежели возвратят любчанам товары, несправедливо отнятые Иоанном, единственно по наущению злых людей. Василий ответствовал Максимилиану: «Пусть любчане и союзные с ними 72 города шлют должное челобитье к моим новогородским и псковским наместникам: из дружбы к тебе велю торговать с немцами, как было прежде; но имение отняли у них за вину: его нельзя возвратить, о чем писал к тебе и мой родитель».

Утвердив спокойствие России, Василий решил судьбу древнего, знаменитого Пскова. Какое-то особенное снисхождение Иоанново позволило сей республике пережить Новогородскую, еще иметь вид народного правления и хвалиться тению свободы: могла ли уцелеть она в системе общего самодержавия? Пример Новагорода ужасал псковитян; но, ласкающая себя свойственною людям надеждою, они так рассуждали: «Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце

благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере долее наслаждаться оным». Сии мысли были основанием их политики. Когда наместники великокняжеские действовали беззаконно, псковитяне жаловались государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя князя Ярослава, они снова приняли его к себе наместником: ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение. Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал и легко нашел предлог. Хотя псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие новогородцы: однако ж, подобно всем республикам, имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один посадник лишился жизни, а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство, что они всегда считались данниками и работниками последних. Иоанн обвинил самовольство веча: псковитяне едва смягчили его гнев молением и дарами. При Василии управлял ими в сане наместника князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, не любимый народом: питая несогласие между старшими и младшими гражданами, он жаловался на их строптивость и в особенности на главных чиновников, которые будто бы вмешивались в его права и суды. Сего было довольно для Василия.

Осенью в 1509 году он поехал в Новгород с братом своим Андреем, с зятем, царевичем Петром, царем Летифом, с коломенским епископом Митрофаном, с знатнейшими боярами, воеводами, детьми боярскими. Цель путешествия знали разве одни вельможи думные. Везде народ с радостию встречал юного монарха: он ехал медленно и с величием. Унылый Новгород оживился присутствием двора и войска отборного; а псковитяне отправили к великому князю многочисленное посольство, семьдесят знатнейших чиновников и бояр, с усердным приветствием и с даром ста пятидесяти рублей. Главный из них, посадник Юрий, сказал ему: «Отчина твоя, Псков, бьет тебе челом и

благодарит, что ты, царь всея Руси, *держишь нас в старине*[1] и милостиво обороняешь от всех иноплеменников. Так делал и великий твой родитель: за что мы готовы верно служить тебе, как служили Иоанну и вашим предкам. Но будь правосуден: твой наместник утесняет *добровольных* людей, псковитян. Государь! защити нас». Он милостиво принял дар; выслушал жалобы; обещал управу. Послы возвратились и сказали вечу слова государевы; *но мысли сердечные*, прибавляет летописец, *известны единому Богу*. Василий велел окольничему своему, князю Петру Шуйскому-Великому, с дьяком Долматовым ехать во Псков и на месте узнать истину. Они донесли, что граждане винят наместника, а наместник граждан; что их примирить невозможно и что одна власть государева должна решить сию тяжбу. Новые послы псковские молили великого князя сменить Оболенского: Василий ответствовал, что непристойно сменить его как виновного без суда; что он приказывает ему быть в Новгород вместе со всеми псковитянами, которые считают себя обиженными, и сам разберет их жалобы.

Здесь летописец псковский укоряет своих правителей в неосторожности: они письменно дали знать по всем волостям, чтобы недовольные наместником ехали судиться к великому князю. Сыскалось их множество; немало и таких, которые поехали жаловаться государю друг на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники. Сие обстоятельство предвещало Пскову судьбу Новагорода, где внутренние несогласия и ссоры заставили граждан искать великокняжеского правосудия и служили Иоанну одним из способов к уничтожению их вольности. Василий именно требовал к себе посадников для очной ставки с князем Оболенским, велев написать к вечу, что если они не явятся, то *вся земля будет виновата*. Псковитяне содрогнулись: в первый раз представилась им мысль, что для них готовится удар. Никто не смел ослушаться: девять посадников и купеческие старосты всех рядов отправились в Новгород. Василий приказал им ждать суда и назначил сроком 6 генваря [1510 г.].

В сей день, то есть в праздник Крещения, великий князь, окруженный боярами и воеводами, слушал обедню в церкви

---

[1] Держишь нас в старине — то есть соблюдаешь старый уговор, придерживаешься старой договоренности.

Софийской и ходил за крестами на реку Волхов, где епископ коломенский Митрофан святил воду: ибо Новгород не имел тогда архиепископа. Там вельможи московские объявили псковитянам, чтобы все они шли в архиерейский дом к государю: чиновников, бояр, купцов ввели в палату; младших граждан остановили на дворе. Они готовились к суду с наместником; но тяжба их была уже тайно решена Василием. Думные великокняжеские бояре вышли к ним и сказали: «Вы *поиманы* Богом и государем Василием Иоанновичем». Знатных псковитян заключили в архиепископском доме, а младших граждан, переписав, отдали новогородским боярским детям под стражу.

Один купец псковский ехал тогда в Новгород: узнав дорогою о сем происшествии, он бросил свой товар и спешил известить сограждан, что их посадники и все именитые люди в темнице. Ужас объял псковитян. «От трепета и печали (говорит летописец) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствия, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаянии». Собралось вече. Народ думал, что ему делать? *ставить ли щит против государя? затвориться ли в городе?* «Но война, — рассуждали они, — будет для нас беззаконием и конечною гибелию. Успех невозможен, когда слабость идет на силу. И всех нас немного: что же сделаем теперь без посадников и лучших людей, которые сидят в Новегороде?» Решились послать гонца к великому князю с такими словами: «Бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, неотступны и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине».

Видя смирение псковитян, государь велел снова привести всех задержанных чиновников в архиепископскую палату и выслал к ним бояр, князя Александра Ростовского, Григория Федоровича, конюшего Ивана Андреевича Челяднина, окольничего князя Петра Шуйского, казначея Дмитрия Владимировича, дьяков Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василий, Божиею милостию царь и государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы *держали имя наше честно и грозно,* а наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете наместника, вступаетесь в его суды и пошлины. Еще сведали мы, что ваши посадники и судьи земские

не дают истинной управы, теснят, обижают народ. И так вы заслужили *великую опалу*. Но хотим теперь изъявить милость, если исполните нашу волю: уничтожите вече и примете к себе государевых наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться Святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то *будем делать свое дело* с Божиею помощию, и кровь христианская взыщется на мятежниках, которые презирают государево жалованье и не творят его воли». Псковитяне благодарили и в присутствии великокняжеских бояр целовали крест с клятвою служить верно монарху России, его детям, наследникам, до конца мира. Василий, пригласив их к себе на обед, сказал им, что вместо рати шлет во Псков дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могут писать к согражданам. Знатный купец, Онисим Манушин, поехал с грамотою от чиновников, бояр и всех бывших в Новегороде псковитян к их народу. Они писали: «Пред лицом государя мы единомысленно дали ему *крепкое слово своими душами* за себя и за вас, братья, исполнить его приказание. Не сделайте нас преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что великий князь в гневе и в ярости устремит на вас многочисленное воинство: мы погибнем и вы погибнете в кровопролитии. Решитесь немедленно: последний срок есть 16 генваря. Здравствуйте».

Долматов явился в собрании граждан псковских, сказал им поклон от великого князя и требовал его именем, чтобы они, если хотят жить *по старине*, исполнили *две* воли государевы: отменили вече, сняли колокол оного и во все города свои приняли великокняжеских наместников. Посол заключил речь свою тем, что или сам государь будет у них, добрых подданных, мирных гостем, или пришлет к ним воинство смирить мятежников. Сказав, Долматов сел на ступени веча и долго ждал ответа: ибо граждане не могли говорить от слез и рыдания; наконец, просили его дать им время на размышление до следующего утра. — Сей день и сия ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести. На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга как в последний час жизни. Столь велика любовь граждан к древним уставам свободы! Уже давно псковитяне зависели от государя московского в делах внешней политики и признавали в нем судию верховного; но государь

дотоле уважал их законы, и наместники его судили согласно с оными; власть законодательная принадлежала вечу, и многие тяжбы решились народными чиновниками, особенно в пригородах: одно избрание сих чиновников уже льстило народу. Василий уничтожением веча искоренял все старое древо самобытного гражданства псковского, хотя и поврежденное, однако ж еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народ более сетовал, нежели советовался: необходимость уступить являлась всякому с доказательствами неопровержимыми. Слышны были речи смелые, но без дерзости. Последние торжественные минуты издыхающей свободы благоприятствуют великодушию; но рассудок уже обуздывает сердце. На рассвете ударили в вечевой колокол: сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собралися. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали: «Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали великим князьям в верности: клялися непреложно иметь их своими государями, не соединяться с литвою и с немцами; а в случае измены подвергали себя гневу Божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплеменников. Но сей крестный обет был взаимным: великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику. Ныне волен Бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе! По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на великого князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!» — Генваря 13 граждане сняли вечевой колокол у Святой Троицы и, смотря на него, долго плакали о своей *старине* и *воле*.

Долматов в ту же ночь поехал к государю с сим древним колоколом и с донесением, что псковитяне уже не имеют веча. То же объявили ему и послы их. Он немедленно отправил к ним бояр с воинскою дружиною обязать присягою граждан и сельских жителей; велел очистить для себя двор наместников, а для вельмож своих, дьяков и многочисленных телохранителей так называемый город Средний, откуда надлежало перевести всех жителей в Большой город, и 20 генваря выехал туда сам с братом, зятем, царем Летифом, епископом коломенским, князем Даниилом Щенею, боярином Давыдовым и Михаилом Глин-

ским. Псковитяне шли к нему навстречу: им приказано было остановиться в двух верстах от города. Увидев государя, все они пали ниц. Великий князь спросил у них о здравии. «Лишь бы ты, государь, здравствовал!» — ответствовали старейшины. Народ безмолвствовал. Епископ коломенский опередил великого князя, чтобы вместе с духовенством псковским встретить его пред стеною Довмонтовою. Василий сошел с коня и за крестами вступил в церковь Св. Троицы, где епископ, отпев молебен, возгласил ему многолетие и, благословляя великого князя, громко произнес: «Слава Всевышнему, Который *дал* тебе Псков без войны!» Тут граждане, бывшие в церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! *мы не чужие;* мы искони служили твоим предкам». В сей день, генваря 24, Василий обедал с епископом коломенским, с архимандритом симоновским Варлаамом, с боярами и воеводами; а в воскресенье, генваря 27, приказал собраться псковитянам на дворе своем. К ним вышел окольничий, князь Петр Шуйский: держа в руке список, он перекликал всех чиновников, бояр, старост, купцов, людей житых и велел им идти в большую судебную избу, куда государь, сидя с думными вельможами в передней избе, прислал князя Александра Ростовского, конюшего Челяднина, Шуйского, казначея Дмитрия Владимировича, дьяков Долматова, Мисюря и других. Они говорили так: «Знатные псковитяне! Великий князь, Божиею милостию царь и государь всея Руси, объявляет вам свое жалованье; не хочет вступаться в вашу собственность: пользуйтесь ею, ныне и всегда. Но здесь не можете остаться: ибо вы утесняли народ и многие, обиженные вами, требовали государева правосудия. Возьмите жен и детей, идите в землю Московскую и там благоденствуйте милостию великого князя». Их всех, изумленных горестию, отдали на руки детям боярским; и в ту же ночь увезли в Москву 300 семейств, в числе коих находились и жены бывших под стражею в Новегороде псковитян. Они могли взять с собою только малую часть своего достояния, но жалели единственно отчизны. — Других средних и младших граждан отпустили в домы с уверением, что им не будет *развода*; но ужас господствовал и плач не умолкал во Пскове. Многие, не веря обещанию и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родине.

Государь велел быть наместниками во Пскове боярину Григорию Федоровичу Давыдову и конюшему Челяднину, а дьяку

Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому ямские; определил воевод, тиунов и старост в пригороды; уставил новый чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвестную в земле Псковской, где купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздал деревни сосланных псковитян московским боярам; вывел всех граждан из Застенья, или Среднего города, где находилось 1500 дворов; указал там жить одним государевым чиновникам, боярским детям и московитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь Святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, все устроив в течение месяца, оставив наместникам тысячу боярских детей и 500 новогородских пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправили за ним и вечевой колокол. В замену убылых граждан триста семейств купеческих из десяти низовых городов были переселены во Псков.

«Так, — говорит летописец Ольгиной родины,— исчезла слава Пскова, плененного не иноверными, но своими братьями христианами. О град, некогда великий! ты сетуешь в опустении. Прилетел на тебя орел многокрыльный с когтями львиными, вырвал из недр твоих три кедра ливанские: похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища, или заметал дрязгом; увлек наших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы, ни деды, ни прадеды!»

Более шести веков Псков, основанный славянами-кривичами, имел свои гражданские уставы, любил оные, не знал и не хотел знать лучших; был *вторым Новымгородом*, называясь его *меньшим братом*, ибо в начале составлял с ним одну державу и до конца одну епархию; подобно ему бедный в дарах природы деятельною торговлею снискал богатство, а долговременною связию с немцами художества и вежливость; уступая ему в древней славе побед и завоеваний отдаленных, долее его хранил дух воинский, питаемый частыми бранями с Ливонским орденом. Как в семействах, так и в гражданских обществах видим иногда наследственные добродетели: Псков отличался благоразумием, справедливостию, верностию; не изменял России, угадывал судьбу ее, держался великих князей, желал отвратить гибель новогородской вольности, тесно связанной с его собственною; прощал сему завистливому народу обиды и досады;

будучи осторожен, являл и смелую отважность великодушия, например, в защите Александра Тверского, гонимого ханом и государем московским; сделался жертвою непременного рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих новогородских братьев. — Сии две народные державы сходствовали во всех их учреждениях и законах; но псковитяне имели особенную степень гражданскую, так называемых *детей посадничьих*, ставя их выше купцов и житейских людей[1]: следственно, изъявляли еще более уважения к сану посадников, дав их роду наследственную знатность.

Великий князь хотел сделать удовольствие псковитянам и выбрал из них 12 старост, чтобы они вместе с московскими наместниками и тиунами судили в их бывших двенадцати пригородах по изданной им тогда Уставной грамоте. Но сии старосты не могли обуздывать хищности сановников великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами граждан и земледельцев, не внимали справедливым жалобам и казнили за оные, так что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие домы во Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда. — «Мы одни остались, — прибавляет летописец: смотрели на землю: она не расступалась; смотрели на небо: нельзя было лететь вверх без крыльев». Узнав о корыстолюбии наместников, государь сменил их и прислал достойнейших, князей Петра Шуйского и Симеона Курбского, мужей правосудных, человеколюбивых: они успокоили граждан и народ; беглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалеть о своих древних уставах, но престали жаловаться. С сего времени они, как и все другие россияне, должны были посылать войско на службу государеву.

Так Василий употребил первые четыре года своего правления, страхом оружия, без побед, но не без славы умирив Россию, доказав *наследственное могущество* ее государей для неприятеля внешнего и непременную волю их быть внутри самодержавными.

---

[1] Житейские люди (житые люди) — зажиточные, богатые.

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА 1510—1521 гг.

Взаимные досады Василиевы и Сигизмундовы. Намерение брата Василиева, Симеона, бежать в Литву. Приезд царицы Нурсалтан в Москву. Раскаяние Магмет-Аминя. Разрыв с Менгли-Гиреем. Набеги крымцев. Война с Литвою. Союз с императором Максимилианом. Мирный договор с Ганзою. Посольство турецкое. Взятие Смоленска. Измена Глинского. Битва Оршинская. Измена епископа смоленского. Приступ Острожского к Смоленску. Набег крымцев. Вторичное посольство к султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство от нового хана Магмет-Гирея, и наше к нему. Болезнь и посольство царя казанского. Впадение крымцев. Союз с королем датским и с Немецким орденом. Посольство императора Максимилиана. Послы литовские. Приступ Острожского к Опочке. Переговоры о мире. Посольство к Максимилиану. Новые послы от императора. Смерть Летифа. Возобновление союза с Крымом. Смерть Магмет-Аминя. Шиг-Алей царем в Казани. Крымцы опустошают Литву. Посольство к султану. Сношения с магистром и с папою. Магистр в войне с Польшею. Поход воевод на Литву. Слабость Немецкого ордена. Посольство к султану. Бунт в Казани. Нападение Магмет-Гирея на Россию. Хабар Симский. Суд воевод. Стан под Коломною. Посол Солиманов. Посольство литовское и перемирие. Конец Немецкого ордена в Пруссии. Новое перемирие с Ливонским орденом.

Недолго Россия и Литва могли наслаждаться миром: чрез несколько месяцев по заключении оного возобновились взаимные досады, упреки; обвиняли друг друга в неисполнении договора, подозревали в неприятельских замыслах; между тем хотели удалить войну. Сигизмунд жаловался, что мы освободили не всех пленников и что наместники московские не дают управы его подданным, у коих россияне, вопреки миру, отнимают земли. Василий доказывал, что и наши пленники не все возвратились из Литвы; что король, отпустив московских купцов, удержал их товары; что сами литовцы делают несносные

обиды россиянам. Несколько раз предлагали с обеих сторон выслать общих судей на границу; соглашались, назначали время: но те или другие не являлись к сроку. Беспрепятственно отпустив Глинских, Сигизмунд раскаялся, заключил их друзей в темницу и вздумал требовать, чтобы великий князь выдал ему самого Михаила с братьями. Государь ответствовал, что Глинские перешли в его службу, когда Россия воевала с Литвою, и что он никому не выдает своих подданных. Сношения продолжались около трех лет: гонцы и послы ездили с изъявлением неудовольствий, однако же без угроз до самого того времени, как вдовствующая королева Елена уведомила брата, что Сигизмунд вместо благодарности за ее ревность к пользам государства его оказывает ей нелюбовь и даже презрение; что литовские паны дерзают быть наглыми с нею; что она думала ехать из Вильны в свою местность, в Бряславль, но воеводы Николай Радзивил и Григорий Остиков схватили ее в час Обедни, сказав: *ты хочешь бежать в Москву*, вывели за рукава из церкви, посадили в сани, отвезли в Троки и держат в неволе, удалив всех ее слуг. Встревоженный сим известием, Василий спрашивал у короля, чем Елена заслужила такое поругание? и требовал, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всеми знаками должного уважения. Не знаем ответа. Другое происшествие сего времени умножило досады великого князя на Сигизмунда.

Меньший сын Иоаннов, Симеон Калужский, отличаясь пылким нравом и легкомыслием, с неудовольствием видел себя подданным старшего брата, жаловался на его самовластие, на стеснение древнего права князей удельных, и, внимая советам некоторых мятежных бояр своих, вздумал искать Сигизмундова покровительства, изменить России, бежать в Литву. Государь узнал о том, призвал и хотел заключить Симеона. Раскаяние юного князя, моление братьев, митрополита и всех епископов смягчили гнев Василия: он дал Симеону других, надежных бояр и велел ему быть впредь благоразумнее; но с горестию видел, что Сигизмунд может иметь тайных друзей в самом семействе великокняжеском. Сие расположение не благоприятствовало миру: успех литовских козней в Тавриде довершил необходимость войны.

В 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтан, приехала в Москву с царевичем Саипом и с тремя послами, которые уве-

ряли Василия в истинной к нему дружбе хана. Целию сего путешествия было свидание царицы с ее сыновьями Летифом и Магмет-Аминем. Великий князь угощал ее как свою знаменитую приятельницу и чрез месяц отпустил в Казань, где она жила около года, стараясь утвердить сына в искреннем к нам доброжелательстве, так что Магмет-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданным России и, еще недовольный клятвенными обетами верности, желал во всем открыться государю: для чего был послан к нему боярин Иван Андреевич Челяднин, коему он чистосердечно исповедал тайну прежней измены казанской, обстоятельства и вину ее, не пожалев и своей жены-прелестницы. Одним словом, великий князь не мог сомневаться в его искренности. Царица Нурсалтан по возвращении из Казани жила опять месяцев шесть в Москве, ласкаемая, честимая при дворе, и вместе с нашим послом, окольничим Тучковым, отправилась в Тавриду, исполненная благодарности к Василию, который имел все причины верить дружбе Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Сей хан престарелый, ослабев духом, уже зависел от своих легкомысленных сыновей, которые хотели иной системы в политике, или, лучше сказать, никакой не имели, следуя единственно приманкам грабежа и корыстолюбия. Вельможи льстили царевичам, ждали смерти царя и хватали как можно более золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмунд и сделал, чего ни Казимир, ни Александр никогда не могли сделать: лишил нас важного долголетнего Менгли-Гиреева союза, вопреки умной жене ханской, ревностной в приязни к великому князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15 000 червонцев с условием, чтобы он, изменив своим клятвам, без всякого неудовольствия на Россию, объявил ей войну, то есть жег и грабил в ее пределах. Сей тайный договор исполнился немедленно: в мае 1512 года сыновья хановы, Ахмат и Бурнаш-Гиреи, со многолюдными шайками ворвались в области Белевские, Одоевские: злодействовали как разбойники и бежали, узнав, что князь Даниил Щеня спешит их встретить в поле. Хотя государь совсем не ожидал впадения крымцев, однако ж не имел нужды в долгих приготовлениях: со времен его отца Россия уже никогда не была безоружною; никогда все полки не распускались, сменяясь только одни с другими в действительной службе. За Даниилом Щенею выступили и многие иные

воеводы к границам. Ахмат-Гирей думал в июле месяце опустошить Рязанскую землю; но князь Александр Ростовский стоял на берегах Осетра, князь Булгак и конюший Челяднин на Упе: Ахмат удалился. Более смелости оказал сын ханский, Бурнаш-Гирей: он приступил к самой рязанской столице и взял некоторые внешние укрепления: города не взял. Воеводы московские гнали крымцев степями до Тихой Сосны.

Великий князь знал истинного виновника сей войны и, желая усовестить Менгли-Гирея, представлял ему, что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупе, требующей вероломства и весьма ненадежной; что мы помним услуги, а литовцы помнят долговременную вражду сего хана; что первое, возбуждая признательность, укрепляет связь дружества, а второе готовит месть, которая если не ныне, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвечал, что царевичи без его повеления и ведома воевали Россию. Сие могло быть справедливо: тем не менее постоянный, счастливый для нас союз, дело Иоанновой мудрости, рушился навеки, и Крым, способствовав возрождению нашего величия, обратился для России в скопище губителей.

Скоро сведал Василий, что король готовит полки и неотступно убеждает Менгли-Гирея действовать против нас всеми силами, желая вместе с ним начать войну летом. В Думе Великокняжеской решено было предупредить сей замысел: государь послал к Сигизмунду *складную грамоту*, написал в ней имя королевское без всякого титула, исчислил все знаки его непримиримой вражды, оскорбление королевы Елены, нарушение договора, старание возбудить Менли-Гирея ко впадению в Россию и заключил сими словами: «взял себе Господа в помощь, иду на тебя и хочу стоять, как будет угодно Богу, а крестное целование слагаю». Тогда находились в Москве послы ливонские, которые, быв свидетелями нашего вооружения, известили своего магистра Плеттенберга, что никогда Россия не имела многочисленнейшего войска и сильнейшего огнестрельного снаряда; что великий князь, пылая гневом на короля, сказал: «доколе конь мой будет ходить и меч рубить, не дам покоя Литве». Сам Василий предводительствовал ратию и выехал из столицы 19 декабря [1513 г.] с братьями Юрием и Димитрием, с зятем царевичем Петром и с Михаилом Глинским.

Главными воеводами были князья Даниил Щеня и Репня. Приступили к Смоленску. Тут гонец королевский подал Василию письмо от Сигизмунда, который требовал, чтобы он немедленно прекратил воинские действия и вышел из Литвы, если не хочет испытать его мести. Великий князь не ответствовал, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью, от реки Днепра. Для ободрения людей выкатили несколько бочек крепкого меду: пил, кто и сколько хотел. Сие средство оказалось весьма неудачным. Шум и крик пьяных возвестил городу нечто чрезвычайное: там удвоили осторожность. Они бросились смело на укрепления; но хмель не устоял против ужасов смерти. Встреченные ядрами и мечами, россияне бежали, и великий князь чрез два месяца возвратился в Москву, не взяв Смоленска, разорив только села и пленив их жителей.

В сие время скончалась в Вильне вдовствующая королева Елена, умная и добродетельная, быв жертвою горести, а не яда, как подозревали в Москве от ненависти к литовцам: ибо Сигизмунд имел в ней важный залог для благоприятного с нами мира, коего он желал, или еще не готовый к войне, или не доверяя союзу Менгли-Гирея и не имея надежды один управиться с Россиею. Он тогда же просил *опасных грамот* в Москве для его послов: вельможи литовские писали к нашим боярам, чтобы они своим ходатайством уняли кровопролитие. Письмо от гонца взяли в набережной палате, дали ему *опасную грамоту*, и бояре ответствовали панам, что великий князь сделал то единственно из уважения к их представительству. Срок, назначенный в грамоте, минул: Сигизмунд известил Василия, что виною сего замедления были послы римские, которые едут в Москву от папы, и что вместе с ними будут и литовские. Он просил нового *опаса* и получил его.

Однако ж, не теряя времени, государь вторично выступил из Москвы с полками, отправив наперед к Смоленску знатную часть рати с боярином князем Репнею и с окольничим Сабуровым. Наместник смоленский, пан Юрий Сологуб, имея немало войска, встретил их в поле: битва решилась в нашу пользу; он заключился в городе. Привели многих пленников к Василию в Боровск, и воеводы обложили Смоленск. Государь прибыл к ним в стан 25 сентября. Началась осада; но худое искусство в действии огнестрельного снаряда и положение города, укрепленного высокими стенами, а еще более стремнина-

ми, холмами, делали ее безуспешною. Что мы днем разрушали, то литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно великий князь писал к осажденным или милостиво, или с угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недель. Войско наше усилилось приходом новгородского и псковского. Можно было упорством и терпением изнурить граждан; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили великого князя отступить. Россияне хвалились единственно опустошением земли неприятельской вокруг Смоленска и Полоцка, куда ходил из Великих Лук князь Василий Шуйский, также со многочисленными полками.

Действуя мечом, государь действовал и политикою. Еще в 1508 году — сведав от Михаила Глинского, что венгерский король Владислав болен и что Максимилиан опять замышляет овладеть сею державою, великий князь писал к императору о войне России с Литвою, напоминал ему союз его с Иоанном и предлагал возобновить оный. Михаил взялся тайно переслать Василиеву грамоту в Вену. Дела Италии и другие обстоятельства были виною того, что Максимилиан долго не ответствовал. Наконец в феврале 1514 года приехал в Москву императорский посол, советник Георгий Шницен-Памер, который именем государя своего заключил договор с Россиею, чтобы общими силами и в одно время наступить на Сигизмунда; Василию отнять у него Киев и все наши древние города, а Максимилиану прусские области, захваченные королем. Обязались ни в случае успеха, ни в противном, как в государствование Сигизмунда, так и после, не разрывать сего союза, вечного, непременного; условились также в свободе и безопасности для путешественников, послов и купцов в обеих землях. Максимилиан и Василий именуют друг друга братьями, великими государями и царями. Русскую договорную грамоту перевели в Москве на язык немецкий, и вместо слова царь поставили Kayser. В марте Шницен-Памер отправился назад в Германию с великокняжеским чиновником, греком Дмитрием Ласкиревым, и с дьяком Елезаром Суковым, пред коими Максимилиан 4 августа утвердил договор клятвою, собственноручною подписью и золотою печатию. Немецкий подлинник сей любопытной грамоты, уцелев в нашем архиве, служил Петру Великому законным свидетельством, что самые предки его назывались императорами и что австрийский двор признал их в сем достоинстве. — Чрез несколько месяцев новые послы Максимилиановы, доктор Яков

Ослер и Мориц Бургштеллер, вручили великому князю хартию союза, были приняты с отменною ласкою, и не только в Москве, но и во всех городах пышно угощаемы наместниками: их звали на обеды, дети боярские встречали у лестницы, знатные сановники на нижнем крыльце, наместники у дверей в сенях; сажали в первое место; хозяин, встав, подавал им две чаши пить здоровье государей-братьев, соблюдая однако ж, чтобы гости начинали с российского. Одним словом, никаким иным послам не оказывалось более чести и бесполезнее; ибо Максимилиан, опутанный делами Южной и Западной Европы, скоро переменил систему: выдал свою внучку Марию, дочь Филиппа Кастильского, за племянника Сигизмундова, наследника Владиславова, а юного Фердинанда, Филиппова сына, женил на дочери короля венгерского и только именем остался союзник России.

В сие время новогородские наместники, князь Василий Шуйский и Морозов, заключили также достопамятное мирное условие с семидесятью городами немецкими, или с Ганзою, на десять лет. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю в Новегороде, она решилась забыть претерпенное купцами ее в России бедствие: обязалась не иметь дружбы с Сигизмундом, ни с его друзьями, и во всем доброхотствовать Василию, который велел отдать немцам дворы, места и церковь их в Новегороде; позволил им торговать солью, серебром, оловом, медью, свинцом, серою, медом, сельдями и всякими ремесленными произведениями, обнадежив, что в случае войны с Ливониею или с Швециею ганзейские купцы могут быть у нас совершенно покойны. Уставили, чтобы россиян судить в Германии как немцев, а немцев в Новегороде как россиян по одним законам; не наказывать первых без ведома наместников великокняжеских, а вторых без ведома Ганзы; никого не лишать вольности без суда; разбойника, злодея казнить смертию: только не мстить его невинным единоземцам. Великий князь желал, исправляя ошибку Иоаннову, восстановить сию важную для нас торговлю; но двадцатилетний разрыв и перемена в политическом состоянии Новагорода ослабили ее деятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижский бургомистр Нейштет, около 1570 года будучи в Новегороде, видел там развалины древней каменной немецкой божницы Св. Петра и маленький деревян-

15 Зак. № 39

ный домик с подвалом, где еще складывались некоторые товары ганзейские.

Уже Иоанн, как мы видели, искал приязни Баязета, но единственно для безопасности наших купцов в Азове и Кафе, еще не думая, чтобы Россия могла иметь выгоды от союза с Константинополем в делах внешней политики: Василий хотел в сем отношении узнать мысли султана и, сведав, что несчастный Баязет свержен честолюбивым, жестоким сыном, отправил к Селиму дворянина Алексеева с ласковым поздравлением. «Отцы наши, — писал государь, — жили в братской любви: да будет она и между сыновьями». Послу, как обыкновенно, велено было не унижать себя, не кланяться султану до земли, сложить только перед ним руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать о его здравии, если Селим не спросит о Василиевом. Алексеев, принятый в Константинополе весьма благосклонно, выехал оттуда с послом султановым, князем мангупским, Феодоритом Камалом, знакомцем нашего именитого чиновника Траханиота и, как вероятно, греком. Они были в пути около девяти месяцев (от августа до мая [1514 г.]); терпели недостаток, голод в степях воронежских; лишились всех коней, шли пешком и едва достигли пределов рязанских, где ждали их люди, высланные к ним от великого князя. Сей первый турецкий посол в Москве возбудил любопытство ее жителей, которые с удовольствием видели, что грозные завоеватели Византии ищут нашей дружбы. Его встретили пышно: великий князь сидел в малой набережной палате; вокруг бояре в *саженых* шубах; у дверей стояли *княжата* и дети боярские в *саженых терликах*[1]. Представленный государю князем Шуйским, посол отдал ему султанскую грамоту, писанную на языке арабском, а другую на сербском; целовал у Василия руку; объявил желание Селимова быть с ним в вечной любви, иметь одних друзей и неприятелей; обедал во дворце в средней Златой палате. Великий князь желал заключить с Селимом договор письменный; но Камал отвечал, что не имеет на то приказания. «По крайней мере, — говорили бояре, — государь должен знать, кто друзья и неприятели султану, чтобы, согласно с его предложением, быть им также другом и неприятелем». Посол не

---

[1] Саженый — саженный, до пят; терлик — длинный кафтан с короткими рукавами и перехватом.

смел входить в объяснения столь важные. — Селим убеждал великого князя из дружбы к нему отпустить Летифа в Тавриду, но получил отказ.

Во время переговоров с сим чиновником султанским наше войско выступало из Москвы. Великий князь пылал ревностию загладить неудачу двух походов к Смоленску, думая менее о собственной ратной славе, чем о вреде государственном, который мог быть их следствием: литовцы уже переставали бояться наших многочисленных ополчений и думали, что завоевания россиян были единственно счастием Иоанновым; надлежало уверить и неприятелей и своих в неизменном могуществе России, страхом уменьшить силу первых, бодростью увеличить нашу. Поощряя Василия к неутомимости в войне, Михаил Глинский ручался за успех нового приступа к Смоленску с условием, как пишут, чтобы великий князь отдал ему сей город в удел наследственный. По крайней мере Глинский оказал тогда государю важную услугу, наняв в Богемии и в Германии многих людей, искусных в ратном деле, которые приехали в Москву через Ливонию.

Сам предводительствуя войском, великий князь выехал из столицы 8 июня с двумя братьями, Юрием и Симеоном; третьему, Димитрию, велел быть в Серпухове; четвертого, Андрея, оставил в Москве с царевичем Петром. 220 бояр и придворных детей боярских находилось в государевой дружине. В Туле, на Угре стояли полки запасные. Государь осадил Смоленск, и 29 июля начали стрелять по городу из-за Днепра большими и мелкими ядрами, *окованными свинцом*. Летописец хвалит искусство главного московского пушкаря именем Стефана: от ужасного действия его орудий колебались стены и люди падали толпами; а пушки литовские, разрываясь, били своих. Весь город покрылся густыми облаками дыма; многие здания пылали; жители в беспамятстве вопили и, простирая руки к осаждающим, требовали милосердия. В тысячу голосов кричали со стены: «Государь великий князь! Уйми меч свой! Мы тебе повинуемся». Пальба затихла. Смоленский епископ Варсонофий вышел на мост, объявляя, что воевода, Юрий Сологуб, готов начать переговоры в следующий день. Великий князь не дал ни малейшего срока и приказал снова громить крепость. Епископ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. С одной стороны смерть и пламя, с другой убеждения многих пре-

данных России людей действовали так сильно, что граждане не хотели слышать о дальнейшем сопротивлении, виня Сигизмунда в нерадивости. Воевода Юрий именем королевским обещал им скорое вспоможение: ему не верили, и духовенство, князья, бояре, мещане смоленские послали сказать государю, что они не входят с ним ни в какие договоры, моля его единственно о том, чтобы он мирно взял их под Российскую державу и допустил видеть лицо свое. Вдруг прекратились все действия неприятельские. Епископ, архимандриты, священники с иконами и с крестами, наместник, вельможи, чиновники смоленские явились в стане российском, проливали слезы, говорили великому князю: «Государь! довольно текло крови христианской; земля наша, твоя отчизна, пустеет: приими град с *тихостию*». Епископ благословил Василия, который велел ему, Юрию Сологубу и знатнейшим людям идти в великокняжеский шатер, где они, дав клятву в верности к России, обедали с государем и должны были остаться до утра; а других отпустили назад в город. Стража московская сменила королевскую у всех ворот крепости. Герой Иоаннов, старец князь Даниил Щеня, на рассвете [31 июля] вступил в оную с полками конными: переписав жителей, обязал их присягою служить, доброхотствовать государю российскому, не думать о короле, забыть Литву.

Августа 1 [1514 г.] епископ Варсонофий торжественно святил воду на Днепре и с крестами пошел в город; за духовенством великий князь, воеводы и все воинство в стройном чине. Бояре смоленские, народ, жены, дети встретили Василия в предместии *с очами светлыми*. Епископ окропил святою водою государя и народ. В храме Богоматери отпели молебен. Протодиакон с амвона возгласил многолетие победителю. Благословив великого князя Животворящим Крестом, епископ сказал ему: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь всея Руси, на своей отчине и *дедине* града Смоленска!» Тут братья государевы, бояре, воеводы, чиновники и все жители смоленские, поздравив его, начали целоваться друг с другом; плакали в восхищении сердец, называясь родными, друзьями, единоверными. Окруженный воинскими сановниками, Василий сквозь толпы ликующего народа прибыл во дворец древних князей Мономахова племени и сел на их троне, среди бояр и воевод; призвал знатнейших граждан, объявил им милость, дал грамоту льготную и наместника, князя Шуйского;

утвердил права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы; всех угостил обедом; жаловал соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставив Варсонофия на святительском престоле, он дозволил бывшему градоначальнику Сологубу ехать в Литву, также и всем королевским воинам, выдав на каждого человека по рублю; а тем из них, которые добровольно записались к нам в службу, по два рубля и по сукну лунскому; не отнял земель ни у дворян, ни у церквей: не вывел никого из Смоленска, ни пана, ни гражданина; служивым людям назначил жалованье. Счастливый в душе государь изъявлял только любовь, снисхождение к новым подданным, радуясь, что совершил намерение великого отца своего и к завоеваниям его прибавил столь блестящее. Взятие Смоленска, говорит летописец, казалось светлым праздником для всей России. Отнять чуждое лестно одному славолюбию государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лет находился Смоленск под властью Литвы. Уже обычаи изменялись; но имя русское еще трогало сердце жителей, и любовь к древнему отечеству, вместе с братским духом единоверия, облегчили для великого князя сие важное завоевание, приписанное Сигизмундом измене, козням Михаила Глинского, подкупу, обману. Сологубу отсекли в Литве голову: он, конечно, не был изменником, отвергнув все милостивые предложения Василиевы, не захотев ни за какое богатство, ни за какие чины остаться в России. В делах государственных несчастие бывает преступлением. Но Михаил действительно мог иметь тайные связи в Смоленске: по крайней мере он думал, что ему, из благодарности за его услуги, отдадут сей знаменитый город во владение. Великий князь не сделал того и смеялся, как уверяют, над безмерным честолюбием Глинского, а Глинский, уже опытный в измене, замыслил новую.

Государь немедленно отрядил воевод московских и смоленских к Мстиславлю, где княжил тогда один из потомков Гедиминова сына Евнутия, Михаил: не имея сил противиться, он выехал навстречу к нашему войску, присягнул России, был у великого князя и, милостиво им одаренный, возвратился в свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою нам поддалися. Довольный сими приобретениями, Василий не желал иных: учредил правительство в Смоленске, оставил там часть

войска, другую послал к Борисову, к Минску и сам возвратился в Дорогобуж. Михаил Глинский стоял с вверенным ему отрядом близ Орши. Никто не знал об его злых умыслах. Потеряв надежду видеть себя владетельным князем смоленским, досадуя на Василия и жалея о Литве, он тайно предложил Сигизмунду свои услуги, изъявлял раскаяние, обещал загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть к изменнику уступила явной пользе государственной: король уверил Глинского в милости. Утвердили договор клятвами; согласились, чтобы войско литовское шло как можно скорее к Днепру; ибо Михаил ответствовал королю за победу. Уже сие войско находилось близ Орши: Глинский, узнав о том, ночью сел на коня и бежал из российского стана; но отъехал недалеко. Один из его слуг известил воеводу нашего, князя Булгакова-Голицу, о бегстве изменника: воевода в ту же минуту с легкою дружиною поскакал за ним в обгон, пересек дорогу и ждал в лесу. Глинский ехал впереди; за ним, в версте, толпа вооруженных слуг: их и господина схватили и представили в Дорогобуже великому князю. Глинский не мог запираться: у него вынули из кармана Сигизмундовы письма. Готовясь к смерти, он говорил смело о своих услугах и неблагодарности Василиевой. Государь приказал отвезти его скованного в Москву: а воеводам нашим, князю Булгакову, боярину Челяднину и многим другим, идти навстречу к неприятельской рати. Константин Острожский предводительствовал ею. Пишут, что наших было 80 000, литовцев же только 35 000. Сошлися на берегах Днепра и несколько дней стояли тихо, россияне на левом, литовцы на правом. Чтобы усыпить московских воевод, Константин предлагал им разойтися без битвы и тайно наводил мост в пятнадцати верстах от их стана. Узнав, что половина неприятелей уже на сей стороне реки, гордый боярин Челяднин сказал: «Мне мало половины; жду их всех, и тогда одним разом управлюсь с ними». Конница, пехота литовская перешли, устроились, заняли выгодное место: началась кровопролитная битва. Уверяют, что главные воеводы московские, князь Булгаков-Голица и боярин Челяднин, от зависти не хотели помогать друг другу; что движения нашего войска не имели связи, ни общей цели; что в самом пылу сражения Челяднин выдал Булгакова и бежал. По другим известиям, князь Константин употребил хитрость: отступил притворно, навел россиян на пушки и в то же время

зашел им в тыл. Все говорят согласно, что литовцы никогда не одерживали такой знаменитой победы над россиянами: гнали, резали, топили их в Днепре и в Кропивне; телами усеяли поля между Оршею и Дубровною; пленили Булгакова, Челяднина и шесть иных воевод, тридцать семь князей, более 1500 дворян и чиновников; взяли обоз, знамена, снаряд огнестрельный; одним словом, в полной мере отмстили нам за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысяч воинов: ночь и леса спасли остальных. На другой день Константин торжествовал победу над своими единоверными братьями и русским языком славил Бога за истребление россиян*; пышно угостил знаменитых пленников и немедленно отправил к Сигизмунду, который велел Челяднина и Булгакова оковать цепями: следственно, наказал их за то, что они услужили ему своим неразумием. Сии злосчастные воеводы долго томились в неволе, презираемые Литвою и как бы забвенные отечеством. — Сигизмунд, будучи вне себя от радости, спешил известить всю Европу о славе литовского оружия; дарил государей и папу нашими пленниками**; мыслил, что отнимет у России не только Смоленск, но и все прежние завоевания; что Василий не может собрать новых сильных полков и что ему остается только бежать во глубину московских лесов. Король ошибся: сия блестящая победа не имела никаких важных следствий.

С первою вестию о нашем несчастии прискакали в Смоленск некоторые раненые в битве чиновники великокняжеские. Весь город пришел в волнение. Многие тамошние бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россия уже пала: советовались между собою, с епископом Варсонофием и решились изменить государю. Епископ тайно послал к королю своего племянника с уверением, что если он немедленно пришлет войско, то Смоленск будет его. Но другие верные бояре донесли о сем умысле наместнику, князю Василию Шуйскому, который, едва успев взять изменников и самого епископа под стражу, увидел знамена литовские: сам Константин с шестью тысячами отборных

---

* Константин обещался построить 2 церкви и велел сперва петь молебен на латинском, а после на русском или славянском языке. (VII, 126.)

** Сигизмунд послал к папе 14 дворян московских, но император Максимилиан велел отнять их у посла и чрез Любек отправил в Россию. (VII, 128.)

воинов явился пред городскими стенами. Тут Шуйский изумил его и жителей зрелищем ужасным: велел на стене, в глазах Литвы, повесить всех заговорщиков, кроме святителя, надев на них собольи шубы, бархаты, камки, а другим привязав к шее серебряные ковши или чарки, пожалованные им от великого князя. Константин воспылал гневом: приступил к Смоленску; но изменников уже не было: граждане и воины бились мужественно с Литвою. Константин ушел: россияне захватили немало пленников и часть обоза. Недостойного пастыря Варсонофия отвезли в Дорогобуж к великому князю, который, изъявив удовольствие Шуйскому и дав все нужные повеления для безопасности Смоленска, возвратился в Москву. —Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричев, где жители снова присягнули Сигизмунду.

Король желал отдохновения и распустил войско [1515 г.]; но сын Менгли-Гиреев, Магмет, узнав о победе его, хотел воспользоваться ею, чтобы опустошить южные владения российские с помощию нового изменника нашего, воеводы Евстафия Дашковича. Мы упоминали о сем литовском беглеце, коего милостиво принял Иоанн и который, служив несколько лет Василию, ушел к Сигизмунду вслед за Константином Острожским. Получив от короля во владение Канев и Черкасы, имея воинские достоинства, смелость, мужество, Дашкович прославился в истории днепровских козаков, заслужив имя их Ромула: образовал, устроил сие легкое, деятельное, неутомимое ополчение, коему удивлялась Европа; избрал вождей, ввел строгую подчиненность, дал каждому воину меч и ружье; наблюдал все движения крымцев и преграждал им путь в Литву. Дашкович знал Россию и казался для нас тем опаснее: вместе с киевским воеводою, Андреем Немировичем, он присоединился к толпам Магмет-Гиреевым, думая взять Чернигов, Новгород Северский, Стародуб, где не было ни князей, ни московской рати: Шемякин и князь Василий Стародубский находились тогда у государя. Неприятели сверх многочисленной конницы имели тяжелый снаряд огнестрельный. Но воеводы северские отстояли города: ибо Магмет-Гирей боялся тратить людей на приступах; не слушался литовских предводителей и заключил свой поход бегством.

Тем не менее Василий с огорчением видел, что измена Менгли-Гиреева в пользу Литвы уменьшает силы России. Он искал

нового средства обратить хана к прежней системе. Посол турецкий еще был в Москве: государь отпустил его в Константинополь с своим ближним дворянином, Васильем Коробовым, написав с ним в ответной грамоте к султану о вероломстве Менгли-Гирея и прося, чтобы Селим запретил хану дружиться с Литвою. Коробову надлежало стараться о заключении решительного союза между Россиею и Портою Оттоманскою, с обязательством помогать друг другу во всех случаях, особенно против Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступит от Сигизмунда. — Но Коробов не успел в главном деле: Селим писал к государю, что пришлет в Москву нового посла, и не сдержал слова, будучи занят войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли в Азове и в Кафе для наших купцов. В сие время не стало Менгли-Гирея: Россия могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы он был для Василия то же, что для Иоанна. Сей достопамятный в истории хан пережил самого себя, быв в последние годы только тенью царя, и великий князь мог ждать более успеха в делах с его наследником, старшим сыном Магмет-Гиреем. К несчастию, новый хан не походил на отца ни умом, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану любил пить до чрезмерности, раболепствовал женам, не знал добродетелей государственных, знал одну прелесть корысти, был истинным атаманом разбойников. Сначала он изъявил желание приобрести дружбу России и с честию отпустил великокняжеского посла Тучкова; но скоро, взяв дары от Сигизмунда, прислал в Москву вельможу своего Дувана с наглыми и смешными требованиями: писал, что взятие Смоленска нарушает договор Василиев с Менгли-Гиреем, который будто бы пожаловал Смоленское княжение Сигизмунду; что Василий должен возвратить оное, также и Брянск, Стародуб, Новгород Северский, Путивль, вместе с другими городами, будто бы данными ханом, отцом его, Иоанну в знак милости. Магмет-Гирей требовал еще освобождения всех крымских пленников, дани с Одоева, многих вещей драгоценных, денег; а в случае отказа грозил местию. Великий князь не мог образумить бессмысленного варвара; но мог надеяться на доброхотство некоторых вельмож крымских, в особенности на второго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромого, объявленного *калгою Орды*, или первым чиновником по хане: для того вооружился терпением, честил посла и в удовольствие Магмет-

Гирею освободил Летифа: ибо сей бывший царь казанский опять сидел тогда под стражею за неприятельские действия крымцев. Ему снова позволено было ездить во дворец и на охоту; но великий князь не согласился отпустить его к матери, которая желала отправиться с ним в Мекку. — Боярин Мамонов повез ответные грамоты и дары хану, весьма умеренные. Он должен был сказать Магмет-Гирею, что нелепые его требования суть плод Сигизмундова коварства; что государь не только намерен вечно владеть смоленским княжением, но хочет отнять у короля и все иные древние города наши; что Менгли-Гирей утвердил свое могущество дружбою России, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союз, ежели хан с искреннею любовию обратится к великому князю и престанет нам злодействовать: ибо в то самое время, когда его посол выезжал из Москвы, крымцы нападали на Мещеру и толпились в окрестностях Азова, угрожая пределам рязанским. — Главным поручением Мамонова было преклонить к нам вельмож ханских.

Два обстоятельства помогли сначала его успеху: Магмет-Гирей тщетно ждал новых даров от Сигизмунда и сведал, что султан имеет особенное уважение к великому князю. Хотя Мамонов несколько раз был оскорбляем наглостию царедворцев; хотя Магмет-Гирей жаловался на скупость Василиеву: однако ж изъявил желание отстать от короля и вызвался даже, в залог союза, прислать одного из сыновей на житье в Россию, ежели великий князь пошлет сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою в день Менгли-Гиреева поминовения; но Сигизмунд успел вовремя доставить 30 000 червонцев хану: грамоту забыли, посла московского не слушали, и сын Магмет-Гиреев, царевич Богатырь, устремился на Россию с *голодными* толпами: ибо от чрезвычайных жаров сего лета поля и луга иссохли в Тавриде. Опустошив села мещерские и рязанские, Богатырь ушел; а хан в ответ на жалобы великого князя просил его извинить молодость царевича, который будто бы самовольно тревожил российские владения. Еще мирные сношения не прерывались: место умершего в Тавриде Мамонова заступил боярский сын Шадрин, умный, деятельный. Весьма усердно помогал ему брат ханский, калга Ахмат, ненавистник Литвы и друг России, где он на всякий случай готовил себе верное убежище. «Мы живем в худые времени, — говорил Ахмат пос-

лу московскому: отец наш повелевал всеми, детьми и князьями. Теперь брат мой царь, сын его царь и князья цари». Истину сего доказывал калга собственными поступками: господствуя в Очакове, нападал на литовские пределы, вопреки дружбе Сигизмундовой с Магмет-Гиреем, и писал к Василию: «Не думая ни о чем ином, возьми для меня Киев: я помогу тебе завоевать Вильну, Троки и всю Литву». Другие князья, также доброхотствуя нам, враждовали королю: уверяли, что и хан изменит ему, если великий князь будет только щедрее; а Магмет-Гирею сказывали, что Россия намерена помогать его злодеям, ногаям и астраханцам, если он не предпочтет ее союза литовскому. Сии вельможи и бесстыдное корыстолюбие самого хана произвели наконец то, что он, взяв одною рукою Сигизмундово золото, занес другую с мечом на его землю, не для услуги нам, но единственно для добычи, послав 40 000 всадников разорять южные королевские владения. Сей варвар не боялся мести за свое вероломство, понимая, что Россия и Литва все простят ему в надежде вредить через него друг другу. Между тем открылось новое обстоятельство, которое убеждало его искать Василиевой приязни.

Царь казанский, Магмет-Аминь, занемог жестокою болезнию: от головы до ног, по словам летописца, он *кипел* гноем и червями; призывал целителей, волхвов и не имел облегчения; заражал воздух смрадом гниющего своего тела и думал, что сия казнь послана ему Небом за вероломное убиение столь многих россиян и за неблагодарность к великому князю Иоанну. «Русский Бог карает меня, говорил он ближним: — Иоанн был мне отцом, а я, слушаясь коварной жены, отплатил злом благодетелю. Теперь гибну: не к чему мне сребро и злато, престол и венец, одр многоценный и жены красные? Оставлю их другим». Чтобы умереть спокойнее, Магмет-Аминь желал удостоверить Василия в своей искренности: прислал ему 300 коней, украшенных золотыми седлами и червлеными коврами, царских доспех, щит и шатер, подарок владетеля персидского, столь богатый и хитро вытканный, что немецкие купцы рассматривали его в Москве с удивлением. Послы казанские молили великого князя объявить Летифа их владетелем в случае Магмет-Аминевой смерти, обязываясь вечно зависеть от государя московского и принимать царей единственно от его руки. Написали грамоту: окольничий Тучков ездил с нею в Казань,

где царь, вельможи и народ утвердили сей договор клятвами. Василий, в доказательство своего благоволения к Магмет-Аминю, пожаловал Летифу город Каширу.

Хан крымский принимал живейшее участие в судьбе Казани, опасаясь, чтобы тамошние князья после Магмет-Аминя не взяли к себе на престол кого-нибудь из астраханских, ненавистных ему царевичей. Для сего он послал знатного человека в Москву [1517 г.], дружески писал к великому князю, хвалился разорением Литвы, обещал немедленно дать свободу московским пленникам и заключить союз с нами, если государь возведет Летифа на казанское царство, отнимет городок Мещерский, бывшее Нордоулатово поместье, у своего служивого царевича астраханского Шиг-Алея, уступит оное кому-нибудь из сыновей Магмет-Гиреевых и решится воевать Астрахань. Долго Василий отвергал сие последнее условие: наконец и на то согласился. Казалось, что все препятствия исчезли. В Москву ждали новых послов ханских с договорною грамотою: они не ехали, и великий князь узнал, что Сигизмунд, подобно ему неутомимый в искании Магмет-Гиреевой дружбы, умел опять задобрить хана богатыми дарами. 20 000 крымцев с огнем и мечом нечаянно явились в России и дошли до самой Тулы, где встретили их московские воеводы, князья Одоевский и Воротынский. Хищников наказали: спасаясь бегством, они тонули в реках и в болотах; гибли от руки наших воинов и земледельцев, которые засели в лесах и не давали им ни пути, ни пощады, так что весьма немногие возвратились домой, нагие и босые. Чрез несколько месяцев князь Шемякин выгнал крымцев из области Путивльской и побил их за Сулою.

Не имев успеха в сношениях с ханом, Василий приобрел в сие время двух знаменитых искренних друзей в Европе. Еще в 1513 году посол короля датского, Иоанна, находился в Москве или по делам шведским, или для того, чтобы склонить нас к соединению греческой церкви с римскою, как сам король писал к императору Максимилиану и Людовику XII. Сын Иоаннов, Христиан II, памятный в истории ужасною свирепостью и прозванием Нерона Северного, в 1517 году утвердил приязнь с Россиею торжественным договором воевать общими силами — *где и когда будет возможно* — Швецию и Польшу, хотя наместники великокняжеские в 1510 году заключили с первою шестидесятилетнее перемирие. Посол наш, дворянин

Микушин, был в Копенгагене: Христианов, Давид Герольт, в Москве. Великий князь позволил датским купцам иметь церковь в Новегороде и свободно торговать в России. — Усильно домогаясь властвовать над всею древнею Скандинавиею, Христиан не мог содействовать нам против Сигизмунда, а Василий, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателем Христиана в его борении с шведским правителем Стуром. Однако ж тесная связь между сими двумя государями устрашала их врагов: Сигизмунд должен был опасаться Дании, а Швеция России.

Вторым союзником нашим был великий магистр Немецкого ордена Албрехт Бранденбургский. Пламенный дух сего воинственного братства, освященного Верою и добродетелию, памятного великодушием и славою первых его основателей, угас в странах Севера: богатство не заменяет доблести, и рыцари-владетели, некогда сильные презрением жизни, в избытке ее приятностей увидели свою слабость. Покорители язычников были покорены собратиями-христианами. Казимир и наследники его уже взяли многие орденские города, именуя великого магистра своим присяжником. Рыцарство тосковало в унижении: хотело возвратить свою древнюю славу, независимость и владения; молило папу, Германию, императора о защите и наконец обратилось к России, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Немецкий орден, вступаясь за Ливонию, часто оглашал нас в Европе злодеями, неверными, еретиками; но сии укоризны были преданы забвению, и крестоносные витязи иерусалимские дружественно простерли руку к великому князю. Албрехт прислал в Москву орденского чиновника, Дидриха Шонберга, принятого со всеми знаками уважения. В такое время, когда двор говел и обыкновенно не занимался делами, на первой неделе Великого Поста, Шонберг имел переговоры с боярами, в субботу обедал у государя, в воскресенье вместе с ним слушал Литургию в храме Успения. Заключили наступательный союз против короля. Магистр требовал ежемесячно *шестидесяти тысяч золотых реинских* на содержание десяти тысяч пехотных и двух тысяч конных воинов: государь обещал, если немцы возьмут Данциг, Торн, Мариенвердер, Эльбинг и пойдут на Краков; однако ж не хотел включить в договор, чтобы России не мириться с Сигизмундом до отнятия у него всех прусских и наших

древних городов, сказав Шонбергу: «От вас надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; а мы уже давно в поле и делаем, что можем». Условились хранить договор в тайне, чтобы король не успел изготовиться к обороне. Шонберг, получив в дар бархатную шубу, 40 соболей и 2000 белок, отправился в Кенигсберг с дворянином Загряским. Разменялись клятвенными грамотами. Магистру хотелось, чтобы великий князь немедленно доставил 625 пуд серебра в Кенигсберг, где наши собственные чиновники могли бы обратить оное в деньги и выдавать их, в случае надобности, немецким ратникам. Для сего новый посол орденский, Мельхиор Робенштеин, был в Москве. Василий ответствовал, что серебро готово, но что немцы должны прежде начать войну. — Магистр ливонский, старец Плеттенберг, не участвовал в сем союзе: закоренелая ненависть к россиянам склоняла его, даже вопреки пользам Немецкого ордена, доброжелательствовать королю. В течение войны Литовской он с досадою извещал прусского магистра о наших выгодах, с удовольствием о неудачах, хотя и не мог надеяться на благодарность короля, быв принужден отказаться от его дружбы в угодность великому князю: положение весьма опасное для слабой державы!

Отпуская Загряского в Кенигсберг, государь велел ему разведать там о делах императора Максимилиана с королем французским, с Венециею; узнать, будет ли от него посольство в Москву и в каких сношениях он находится с Сигизмундом? Уже Василий не имел надежды на помощь императора в сей войне, слышав о свидании его с королями венгерским и польским в Вене, о брачных союзах их семейства; напротив того желал, чтобы Максимилиан объявил себя посредником между Литвою и Россиею. Обе державы хотели отдохновения; но первая еще более. Великий князь молчал, а Сигизмунд просил императора доставить мир Литве. Для сего посол венского двора, барон Герберштеин, муж ученый и разумный, прибыл в Москву. Представленный государю, он с жаром, искусством и красноречием описал бедствие междоусобия в Европе христианской и торжество злочестивых султанов, которые, пользуясь ее несогласием, берут земли и царства. «На что, — сказано в сей достопамятной речи польской, — на что монархи державствуют? Ко благу Веры и для спокойствия подданных. Так всегда мыслил император и воевал не ради суетной славы, не

ради приобретений чуждого, но для наказания сварливых, презирая опасность личную, сам впереди, и с меньшим числом побеждая, ибо Господь за добродетель. Уже Максимилиан благоденствует в тишине. Папа и вся Италия с ним в союзе. Королевства испанские, Неаполь, Сицилия и все другие, числом *двадцать шесть*, и все православные признают в его внуке, Карле, своего наследственного, законного монарха. Король Португалии ему родственник, король Англии издавна друг сердечный, датский и венгерский — сыновья и братья, ибо женаты на внуках Максимилиановых; а польский имеет к государю моему неограниченную доверенность. Не буду говорить пред тобою о твоем величестве: ведаешь истинную, взаимную любовь, которая вас соединяет. Оставались только король французский и Венеция вне общего европейского братства: ибо всегда хотели особенных выгод своих, не занимаясь благом христианства; но и те уже изъявили миролюбие: уже, как слышу, и договор подписан. Теперь да обозрит человек вселенную от востока до запада, от юга до севера: кто из венценосцев православных не связан с императором или родством, или дружбою? Все — и все в мире, кроме Литвы и России. Максимилиан послал меня к тебе в надежде, что ты, государь знаменитый, в честь и в славу Божию успокоишь христианство и собственную землю: ибо миром цветут державы, войною изнуряются; победа изменяет — и кто в ней уверен? — Доселе вещал император: прибавлю и мое слово. Будучи в Вильне, я говорил с послом турецким: он сказывал, что султан завоевал Дамаск, Иерусалим и все царство египетское. В истине сего уверял меня также один благородный путешественник, который сам был в тех местах. Государь! мы и прежде опасались султанского могущества: не должны ли ныне еще более опасаться?» — Ученый посол говорил о Филиппе и Александре Македонских: славил миролюбие отца, осуждал сына, ненасытного в кровопролитии, и проч.

Василий имел бы право укорять императора нарушением договора с Россиею; но зная, что такие упреки бесполезны и что политика легко все извиняет, он за доброе намерение изъявил ему благодарность и свою готовность к миру. Обязываясь быть посредником совершенно беспристрастным и даже объявить войну Литве, если король не согласится на предложения умеренные, честные, справедливые, Максимилиан хотел, чтобы

наши уполномоченные съехались для того с литовскими в Дании или на границе, или в Риге: великий князь сказал, что переговоры должны быть в Москве, как всегда бывало, а не иначе, и дал *опасную грамоту* для королевских послов, назвав себя в ней *смоленским*. Они приехали: Ян Щит, наместник могилевский, и Богуш, государственный секретарь, с семидесятью дворянами; но их не впустили в Москву: велели им жить в Дорогомилове: ибо великий князь узнал, что войско Сигизмундово вступило в наши пределы и что сам король находился в Полоцке с запасною ратию.

Сие нападение было местию. За несколько времени пред тем воевода псковский, Андрей Сабуров, без ведома государева ходил с тремя тысячами воинов на Литву: шел мирно, не делал никакой обиды жителям и стал у Рославля, объявив гражданам, что бежит от великого князя к королю. Они поверили и выслали ему, как другу, съестные припасы; но Сабуров нечаянно, в торговый день, взял Рославль, обогатился добычею и вывел оттуда множество пленников, из коих освободил только 18 купцов немецких. Чтобы наказать псковитян, герой Сигизмундов, Константин Острожский, хотел завоевать Опочку, где был наместником Василий Михайлович Салтыков, достойный жить в истории: ибо он редким мужеством удивил своих и неприятелей. Литовцы вместе с наемниками богемскими и немецкими две недели громили пушками сию ничтожную крепость: стены падали; но Салтыков, воины его и граждане не слабели в бодрой защите, отразили приступ, убили множество людей и воеводу Сокола, отняв у него знамя. Между тем воеводы московские спешили к Опочке: из Великих Лук князь Александр Ростовский, из Вязьмы Василий Шуйский. Впереди были князь Феодор Оболенский Телепнев и храбрый муж Иван Лятцкий с детьми боярскими: они близ Константинова стана в трех местах разбили наголову 14 тысяч неприятелей и новую рать, посланную Сигизмундом к Острожскому; пленили воевод, взяли обоз и пушки. Наша главная сила шла прямо на Константина: он не захотел ждать ее, снял осаду, удалился скорыми шагами и не мог спасти тяжелых стенобитных орудий, которые остались трофеями Салтыкова. Россияне загладили стыд Оршинской битвы, возложив на Константина знамение беглеца, по выражению одного летописца.

Узнав о сей победе, великий князь дозволил послам Сигизмундовым торжественно въехать в Москву и принял их с удовольствием. «Король,— сказал он,— предлагает мир и наступает войною. Теперь мы с ним управились: можем выслушать мирные слова его». Переговоры начались весьма неумеренными требованиями с обеих сторон. Мы хотели, чтобы Сигизмунд отдал нам Киев, Витебск, Полоцк и другие области российские вместе с сокровищами и с уделом покойной королевы Елены, казнив всех наглых панов, оскорбителей ее чести; а литовцы хотели иметь не только Смоленск, Вязьму, Дорогобуж, Путивль, всю землю Северскую, но и половину Новагорода, Пскова, Твери. «Вот речи *высокие*,— сказал барон Герберштеин: — надобно искать средины, или я заехал в Москву бесполезно». Паны Щит и Богуш объявили наконец, что Сигизмунд согласится возобновить договор, заключенный между великим князем Иоанном и королем Александром в 1494 году. Посол Максимилианов убеждал Василия уступить хоть один Смоленск, ставя ему в пример умеренность славного царя Пирра, Максимилиана, отдавшего Венециянской республике Верону, и самого великого князя Иоанна, не хотевшего отнять Казани у древних ее царей. Бояре московские, умолчав о Пирре, ответствовали, что император мог быть великодушен против Венеции, но что великодушие не есть закон; что Казань была и есть в нашем подданстве; что великий князь не имеет обычая уступать свои отчины, данные ему Богом и победою. Уверяя в своем беспристрастии, Герберштеин явно держал сторону литовских послов; оправдывал Сигизмунда; говорил, что Василий не должен верить беглецам и пленникам, которые приписывают разбои Магмет-Гирея Сигизмундовым наущениям; что мысль государева наследовать удел Елены противна всем уставам; что оскорбители королевы могут быть наказаны, если мы умерим иные требования, и проч. В сих любопытных прениях видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость литовских послов и спокойная непреклонность Василиева: язык бояр его учтив, благороден и доказывает образованность ума. Спорили много и долго: Смоленск был главным препятствием мира. Пан Щит сказал: «Мы едем: Небо казнит виновника кровопролития». *Не нас*, ответствовали бояре. Государь, отпуская послов, встал с места; велел кланяться Сигизмунду и в знак ласки дал им руку. Все кончилось. Тогда барон Гербер-

штеин вручил великому князю особенную грамоту Максимилианову о Михаиле Глинском: император писал, что Михаил мог быть виновен, но уже довольно наказан за то неволею, что сей муж имеет знаменитые достоинства, воспитан при дворе венском, служил верно ему и курфирсту саксонскому; что Василий сделает Максимилиану великое удовольствие, если отпустит Глинского в Испанию, к его внуку Карлу. Государь не согласился, ответствуя, что сей изменник положил бы свою голову на плахе, если бы не изъявил желания принять нашу Веру; что отец и мать его были греческого Закона; что Михаил, в Италии легкомысленно пристав к римскому, одумался, хочет умереть христианином Восточной церкви и поручен митрополиту для наставления.

Таким образом посольство Максимилианово [1518 г.] не имело никакого успеха; однако ж Герберштеин выехал из Москвы с надеждою, что если не мир, то хотя перемирие остается возможным между воюющими державами. Великий князь послал в Вену дьяка Владимира Племянникова объяснить императору нашу справедливость и требовать его обещанного содействия в войне против Сигизмунда. Сей дьяк не мог нахвалиться учтивостью Максимилиана, который велел ему говорить речь сидя, *в колпаке*; посадил и нашего толмача Истому; при имени великого князя снимал шляпу; угостил их пышно и ездил с ними на охоту; предлагал им лучших соколов в дар и твердил, что не имеет ничего заветного для своего брата, великого князя. Но сия ласка происходила единственно от желания прекратить войну Литовскую: ибо Максимилиан действительно замышлял тогда воздвигнуть всех европейских государей на султана и, видя слабость короля, боялся, чтобы Россия не подавила его. «Целость Литвы,— писал он к великому магистру немецкому,— необходима для блага всей Европы: величие России опасно».— Новые послы Максимилиановы, советник Франциск-да-Колло и Антоний де-Конти, прибыли в Москву с Племянниковым, чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, как они говорили, за христианство; с избытком красноречия представили картину оттоманских завоеваний в трех частях мира, от Воспора Фракийского до песков египетских, Кавказа и Венеции; описали жалостное рабство греческой церкви, матери нашего христианства; унижение святыни, гроба Спасителева, Назарета, Вифлеема и Синая под властью магометан;

изъясняли, что Порта в соседстве с нами чрез Тавриду и может скоро наложить тяжкую свою руку на Россию; изобразили свирепость, хитрость, счастие Селима, упоенного кровию отца и трех братьев, *возжигающего пред собою светильники от тука сердец христианских*[1] и давшего себе имя *Владыки мира*; убеждали Василия, как знаменитейшего царя верных, идти за хоругвию Иисуса; наконец молили его объявить искренно, желает ли или не желает мира с Литвою, чтобы *не плодить речей* бесполезно? Великий князь хотел его, но не хотел возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемирии на пять лет. Он соглашался, но с условием освободить всех пленников: чего не принял Сигизмунд, имея их гораздо более, нежели мы. Наконец Василий, в угодность императору, дал слово не воевать Литвы в течение 1519 года, если король также не будет беспокоить России и если Максимилиан обяжется после того вместе с Россиею наступить войною на Сигизмунда. С сим предложением отправился в Австрию великокняжеский дьяк Борисов. Но Максимилиан скончался. Василий жалел об нем как о своем знаменитом приятеле, а Сигизмунд оплакал его как усердного покровителя в такое время, когда новые враги восстали на Литву и Польшу.

Абдыл-Летиф, названный преемником царя Магмет-Аминя, умер в Москве [19 ноября] к огорчению великого князя: ибо Летиф служил ему орудием политики или залогом в отношении к Тавриде и Казани. Но сие происшествие имело сначала благоприятные для нас следствия. Желая завоевать Астрахань, Магмет-Гирей не менее желал подчинить себе и Казань: содействие России, нужное и для первого, было еще необходимее для успеха в последнем намерении. Итак, услышав о смерти Летифа, зная близость Магмет-Аминевой и назначив Казанский престол брату своему, Саип-Гирею, хан обратился к дружбе великого князя. Хотя многие вельможи и царевичи усильно противились сему расположению; хотя калга, Ахмат-Гирей, наш ревностный приятель был одним из них злодейски убит: но доброжелатели России, в числе коих находился князь Аппак, главный любимец ханский, превозмогли, и Магмет-Гирей известил Василия, что он немедленно пришлет в Москву сего Аппака с клятвенною грамотою; что крымцы уже воюют Литву;

---

[1] Тук — жир.

что мы их усердною помощию истребим всех врагов, если сами окажем услугу хану: возьмем для него Астрахань или Киев. Не упуская времени, государь послал в Тавриду князя Юрья Пронского, а с ним дворянина Илью Челищева, весьма угодного царю. Они встретили Аппака, который действительно привез в Москву шертную грамоту ханскую, написанную слово в слово по данному от нас образцу, в том смысле, чтобы великому князю и Магмет-Гирею соединить оружие против Литвы и наследников Ахматовых. В описании сего посольства заметим некоторые любопытные черты. Аппак явился в чалме и не хотел снимать ее пред Василием. «Что значит такая новость? — спросили наши бояре: — ты князь, однако ж не азейского рода, не *мольнин*[1] и никогда не бывал в Мекке». Аппак изъяснил, что Магмет-Гирей дозволил ему ехать к Магометову гробу и в знак сего украсил его голову знамением правоверия. Посол и чиновники московские преклоняли колена, говоря друг другу именем своих государей. Он *здравствовался* с великим князем и стал на колена, чтобы отдать ханские письма. Союз утвердился присягою. Хартия шертная лежала на столе под крестом: Василий сказал: «Аппак! на сей грамоте клянуся моему брату, Магмет-Гирею, дружить его друзьям, враждовать неприятелям. Тут не упоминается об Астрахани; но даю слово вместе с ним объявить ей войну». Государь поцеловал крест, взяв письменное обязательство с Аппака в верности Магмет-Гирея.

Между тем судьба Казани решилась не так, как думал хан. Магмет-Аминь в ужасных муках закрыл глаза навеки [1519 г.]: исполняя волю его и свой торжественный обет, уланы и вельможи казанские требовали нового царя от руки Василия, давно знавшего мысль хана крымского, но таившего свою. Настало время или угодить Магмет-Гирею, или сделать величайшую досаду. Василий не колебался: как ни желал союза Тавриды, но еще более опасался усилить ее хана, который в надменности властолюбия замышлял, подчинением себе Астрахани и Казани, восстановить царство Батыево, столь ужасное в памяти россиян. Один безумный варвар мог в таком случае ждать их услуг и содействия: не брату, а злодею Магмет-Гирееву Василий готовил престол в Казани и послал туда тверского дворецкого, Михайла Юрьева, объявить жителям, что дает им в цари юного

---

[1] Мольнин — молельщик, набожный, усердный в молитвах.

Шиг-Алея, внука Ахматова, который переехал к Иоанну с отцом своим, Шиг-Авлеаром, из Астрахани и, к неудовольствию Магмет-Гирея, владел у нас городком Мещерским. Вельможи и народ, изъявив благодарность, прислали в Москву знатных людей за Шиг-Алеем. Димитрий Бельский отправился с ними и с новым царем в Казань, возвел его на престол, взял с народа клятву в верности к государю московскому. Все были довольны, и Шиг-Алей, воспитанный в России, искренно преданный великому князю как единственному своему покровителю, не имел иной мысли, кроме той, чтобы служить ему усердно в качестве присяжника.

Сие делалось во время бытности Аппака в Москве, и хотя не помешало заключению союза с Тавридою, однако ж произвело объяснения. Посол с удивлением спросил, для чего Василий, друг его царя, отдал Казань внуку ненавистного Ахмата? «Разве нет у нас царевичей? — сказал он: — разве кровь ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочем, я говорю только от своего имени, угадывая мысли хана». Василий уверял, что он думал возвести брата или сына Магмет-Гиреева на сие царство, но что казанские вельможи непременно требовали Шиг-Алея, и если бы воля их не исполнилась, то они взяли бы себе царя из ногаев или Астрахани, следственно, опасного неприятеля России. Аппак замолчал, и скоро пришла в Москву желанная весть, что хан уже действует как наш ревностный союзник; что сын его, калга Богатырь, совсем нечаянно вступив в Литву с тридцатью тысячами, огнем и мечом опустошил Сигизмундовы владения едва не до самого Кракова, наголову разбил гетмана, Константина Острожского, пленил 60 000 жителей, умертвил еще более и возвратился с торжеством счастливого разбойника, покрытый кровию и пеплом. Доказав таким образом королю, что мнимый союз варваров бывает хуже явной вражды (ибо производит оплошность), Магмет-Гирей готовился доказать сию истину и великому князю; но еще около двух лет представлял лицо нашего друга. Аппак выехал из Москвы весьма довольный милостию государя, и новый посол российский, боярин Федор Клементьев, заступил в Тавриде место князя Пронского. Зная, сколь Магмет-Гирей боится султана, Василий отправил в Царьград дворянина Голохвастова с письмом к Селиму, изъявляя сожаление, что он долго не шлет к нам второго, обещанного им посольства для заключения союза,

который мог бы обуздывать хана, ужасая Литву с Польшею. Голохвастов имел еще тайное поручение видеться в Константинополе с Гемметом-царевичем, сыном убитого в Тавриде калги Ахмата. Носился слух, что султан мыслит дать ему крымское ханство; а как отец его любил Россию, то великий князь надеялся и на дружбу сына. Голохвастов должен был предложить Геммету покровительство Василиево, верное убежище в Москве, удел и жалованье. Геммет, непримиримый враг своего дяди, Магмет-Гирея, мог и в изгнании быть нам полезен, имея связи и друзей в Тавриде: тем более надлежало искать в нем приязни, если милость султанская готовила для него ханство. — Посол наш возвратился благополучно. Геммет не сделался ханом, не приехал и в Россию; но Селим, написав к Василию ласковый ответ, в доказательство истинной к нему дружбы велел своим пашам тревожить королевские владения; подтвердил также условия свободной торговли между обеими державами.

Изумленный нападением Магмет-Гирея, Сигизмунд узнал, что и присяжник его Албрехт, магистр Немецкого ордена, вследствие заключенного им договора с Россиею готовится к войне. Долго сей искренний союз не имел своего действия от двух причин. Во-первых, папа Леон X убеждал магистра не только остаться в мире с королем, но и быть посредником между им и Россиею, предлагая ему главное воеводство в христианском всенародном ополчении, коему надлежало собраться под знаменами Веры, чтобы смирить гордость султана. Сей папа, славный в истории любовию к искусствам и наукам гораздо более, нежели пастырскою ревностию и государственным благоразумием, представлял чрез магистра и великому князю, что Константинополь есть законное наследие российского монарха, сына греческой царевны; что здравая политика велит нам примириться с Литвою, ибо *время воюет* сию державу, и Сигизмунд не имеет наследников; что смерть его разрушит связь между Литвою и Польшею, которые без сомнения изберут тогда разных владетелей и несогласием ослабеют; что все благоприятствует величию России, и мы станем на первой степени держав европейских, если, соединясь с ними против оттоманов, соединимся и Верою; что церковь греческая не имеет главы; что древняя сестра ее, церковь римская, возвысит нашего митрополита в сан патриарха, утвердит грамотою все *добрые* наши обычаи, без малейшей перемены и новостей; что он (папа) же-

лает украсить главу непобедимого царя русского венцом царя христианского без всякого мирского возмездия или прибытка, единственно во славу Божию. Василий, как пишут, негодовал на Леона за то, что он торжественно праздновал в Риме победу Сигизмундову в 1514 году, объявив нас еретиками; однако ж сей благоразумный государь ответствовал магистру, что ему весьма приятно видеть доброе к нам расположение папы и быть с ним в дружественных сношениях по государственным делам Европы; но что касается до Веры, то Россия была, есть и будет греческого исповедания во всей чистоте и неприкосновенности оного. Поверенный Леонов в Кракове и в Кенигсберге монах Николай Шонберг желал ехать и в Москву: великий князь обещал принять его милостиво и дозволил папе иметь через Россию сообщение с царем персидским. *Второю* виною Албрехтовой медлительности был недостаток в деньгах: он требовал ста тысяч гривен серебра от великого князя, чтобы нанять воинов в Германии; но великий князь, опасаясь истощить казну свою бесполезно, ответствовал: «возьми прежде Данциг и вступи в Сигизмундову землю», а магистр говорил: «не могу ничего сделать без денег». По желанию Албрехта Василий написал дружественные грамоты к королю французскому и немецким избирателям или курфирстам, убеждая их вступиться за орден, утесняемый Польшею, и советовал князьям Германии избрать такого императора, который мог бы сильною рукою защитить христианство от неверных и ревностнее Максимилиана покровительствовать славное царство немецкое. Послы магистровы были честимы в Москве, наши в Кенигсберге: Албрехт сам ходил к ним для переговоров, сажал их за обедом на свое место, не хотел слушать поклонов от великого князя, называя себя недостойным такой высокой чести; приказывал к нему *поклоны до земли*; учил немцев языку русскому; говорил с умилением о благодеяниях, ожидаемых им от России для ордена знаменитого, хотя и несчастного в угнетении; объявил государю всех своих тайных союзников, и в числе их короля датского, архиепископа майнцского, кельнского, герцогов саксонского, баварского, брауншвейгского и других; уверял, что папа Леон будет за нас, если Сигизмунд отвергнет мир справедливый; в порыве ревности даже не советовал Василию мириться, чтобы Литва, находясь тогда в обстоятельствах затруднительных, не имела времени отдохнуть. Великий князь не

сомневался в усердии магистра, не сомневался в его силах; наконец послал ему серебра на 14 000 червонцев для содержания тысячи наемных ратников, к удивлению магистра ливонского, Плеттенберга, который смеялся над легковерием Албрехта, говоря: «Я живу в соседстве с россиянами и знаю их обычай: сулят много, а не дают ничего». Узнав же, что серебро привезли из Москвы в Ригу, он вскочил с места, сплеснул руками и сказал: «Чудо! Бог явно помогает великому магистру!» Слыша, что Албрехт действительно вызывает к себе 10 000 ратников из Германии и всеми силами ополчается на короля; сведав, что война уже открылась между ими (в конце 1519 года), великий князь еще отправил знатную сумму денег в Пруссию, желая ордену счастия, славы и победы.

Между тем Россия и сама бодро действовала оружием. Московская дружина, новогородцы и псковитяне осаждали в 1518 году Полоцк; но голод принудил их отступить: немалое число детей боярских, гонимых литовским паном Волынцем, утонуло в Двине. В августе 1519 года воеводы наши, князья Василий Шуйский из Смоленска, Горбатый из Пскова, Курбский из Стародуба ходили до самой Вильны и далее, опустошая, как обыкновенно, всю землю; разбили несколько отрядов и шли прямо на большую литовскую рать, которая стояла в Креве, но удалилась за Лоск, в места тесные и непроходимые. Россияне удовольствовались добычею и пленом, несметным, как говорит летописец. Другие воеводы московские, Василий Годунов, князь Елецкий, Засекин с сильною татарскою конницею приступали к Витебску и Полоцку, выжгли предместия, взяли внешние укрепления, убили множество людей. Третья рать под начальством Феодора царевича, крещенного племянника Алегамова, также громила Литву. Польза сих нападений состояла единственно в разорении неприятельской земли: магистр советовал нам предпринять важнейшее: сперва завоевать Самогитию, открытую, беззащитную и богатую хлебом; а после идти в Мазовию, где он хотел соединиться с российским войском, чтобы ударить на короля в сердце его владений, в самое то время, когда наемные немецкие полки, идущие к Висле, устремятся на него с другой стороны.

Положение Сигизмундово казалось весьма бедственным. Не только война, но и язва опустошала его державу. Лучшее королевское войско состояло из немцев и богемских славян: они,

после неудачного приступа к Опочке [1520 г.], с досадою ушли восвояси и говорили столь обидные для Сигизмунда речи, что единоземцы их уже не хотели служить ему. Лавры славного гетмана, Константина, увяли. Города литовские стояли среди усеянных пеплом степей, где скитались толпами бедные жители деревень, сожженных крымцами или россиянами. Но счастие вторично спасло Сигизмунда. Он не терял бодрости; искал мира, не отказываясь от прежних требований, и заключил в Москве чрез пана Лелюшевича только перемирие на шесть месяцев: действовал в Тавриде убеждениями и подкупом; укреплял границу против нас и всеми силами наступил на магистра, слабейшего, однако ж весьма опасного врага, который имел тайные связи в немецких городах Польши, знал ее способы, важные местные обстоятельства и мог давать гибельные для нее советы великому князю. Албрехт предводительствовал не тысячами, а сотнями, ожидая серебра из Москвы и воинов из Германии; сражаясь мужественно, уступал многочисленности неприятелей и едва защитил Кенигсберг, откуда посол наш должен был для безопасности выехать в Мемель. Наемники ордена, 13 000 немцев, действительно явились на берегах Вислы, осадили Данциг, но рассеялись, не имея съестных запасов, ни вестей от магистра. Воеводы королевские взяли Мариенвердер, Голланд и заставили Албрехта просить мира.

Но главным Сигизмундовым счастием была измена казанская [1521 г.] с ее зловредными для нас последствиями. Если хан крымский, сведав о воцарении Шиг-Алея, не вдруг с огнем и мечом устремился на Россию: то сие происходило от боязни досадить султану, коего отменная благосклонность к великому князю была ему известна. Селим, гроза Азии, Африки и Европы, умер: немедленно отправился в Константинополь посол московский, Третьяк Губин, приветствовать его сына, героя Солимана, на троне оттоманском, и новый султан велел объявить Магмет-Гирею, чтобы он никогда не смел беспокоить России. Тщетно хан старался уничтожить сию дружбу, основанную на взаимных выгодах торговли, и внушал Солиману, что великий князь ссылается с злодеями Порты, дает царю персидскому огнестрельный снаряд и пушечных художников, искореняет веру магометанскую в Казани, разоряет мечети, ставит церкви христианские. Мы имели усердных доброжелателей в пашах азовском и кафинском: утверждаемый ими в приязни к нам,

султан не верил клеветам Магмет-Гирея, который языком разбойника сказал ему наконец: «Чем же буду сыт и одет, если запретишь мне воевать московского князя?» Готовясь покорить Венгрию, Солиман желал, чтобы крымцы опустошали земли ее союзника, Сигизмунда, но хан уже возобновил дружбу с Литвою. Еще называясь *братом* Магмет-Гиреевым, великий князь вдруг услышал о бунте казанцев. Года три Шиг-Алей царствовал спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всем великому князю, оказывая совершенную доверенность к россиянам и холодность к вельможам казанским: следственно, не мог быть любим подданными, которые только боялись, а не любили нас, и с неудовольствием видели в нем слугу московского. Самая наружность Алеева казалась им противною, изображая склонность к низким, чувственным наслаждениям, несогласным с доблестию и мужеством: он имел необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва заметную бороду и лицо женское. Его добродушие называли слабостию: тем более жаловались, когда он, подвигнутый усердием к России, наказывал злых советников, предлагавших ему отступить от великого князя по примеру Магмет-Аминя. Такое общее расположение умов в Казани благоприятствовало проискам Магмет-Гирея, который обещал ее князьям полную независимость, если они возьмут к себе в цари брата его Саипа и соединятся с Тавридою для восстановления древней славы Чингисова потомства. Успех сих тайных сношений открылся весною в 1521 году: Саип-Гирей с полками явился пред стенами казанскими, без сопротивления вступил в город и был признан царем: Алея, воеводу московского Карпова и посла великокняжеского, Василия Юрьева, взяли под стражу, всех наших купцов ограбили, заключили в темницы, однако ж не умертвили ни одного человека: ибо новый царь хотел показать умеренность; объявил себя покровителем сверженного Шиг-Алея, уважая в нем кровь Тохтамышеву; дал ему волю ехать с своею женою в Москву, коней и проводника; освободил и воеводу Карпова. Немедленно оставив Казань, Алей встретился в степях с нашими рыболовами, которые летом обыкновенно жили на берегах Волги, у Девичьих гор, и тогда бежали в Россию, испуганные возмущением казанцев: он вместе с ними питался запасом сушеной рыбы, травою, кореньями; терпел голод и едва мог достигнуть российских пределов, откуда путешествие

его до столицы было уже как бы торжественным: везде чиновники великокняжеские ждали царя-изгнанника с приветствиями и с брашном, а народ с изъявлением усердия и любви. Все думные бояре выехали к нему из Москвы навстречу. Сам государь на лестнице дворца обнялся с ним дружески. Оба плакали. «Хвала Всевышнему! — сказал Василий, — ты жив: сего довольно». Он благодарил Алея Именем отечества за верность; утешал, осыпал дарами; обещал ему и себе управу: но еще не успел предприять мести, когда туча варваров нашла на Россию.

Исхитив Казань из наших рук, Магмет-Гирей не терял времени в бездействии: хотел укрепить ее за своим братом и для того сильным ударом потрясти Василиеву державу; вооружил не только всех крымцев, но поднял и ногаев; соединился с атаманом козаков литовских, Евстафием Дашковичем, и двинулся так скоро к московским пределам, что государь едва успел выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремление. Главным воеводою был юный князь Димитрий Бельский; с ним находился и меньший брат государев, Андрей: они в безрассудной надменности не советовались с мужами опытными, или не слушались их советов; стали не там, где надлежало; перепустили хана через Оку, сразились не вовремя, без устройства, и малодушно бежали. Воеводы князь Владимир Курбский, Шереметев, двое Замятниных, положили свои головы в несчастной битве. Князя Феодора Оболенского-Лопату взяли в плен. Великий князь ужаснулся, и еще гораздо более, сведав, что другой неприятель, Саип-Гирей Казанский, от берегов Волги также идет к нашей столице. Сии два царя соединились под Коломною, опустошая все места, убивая, пленяя людей тысячами, оскверняя святыню храмов, злодействуя, как бывало в старину при Батые или Тохтамыше. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угреше и любимое село Василиево, Остров, а в Воробьеве пили мед из великокняжеских погребов, смотря на Москву. Государь удалился в Волок собирать полки, вверив оборону столицы зятю, царевичу Петру, и боярам. Все трепетало. Хан 29 июля [1521 г.], среди облаков дыма, под заревом пылающих деревень, стоял уже в нескольких верстах от Москвы, куда стекались жители окрестностей с их семействами и драгоценнейшим имением. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дети, старцы, искали спасения в Кремле, теснились в воротах, давили друг друга. Митрополит

Варлаам (преемник Симонов) усердно молился с народом: градоначальники распорядили защиту, всего более надеясь на искусство немецкого пушкаря Никласа. Снаряд огнестрельный мог действительно спасти крепость; но был недостаток в порохе. Открылось и другое бедствие: ужасная теснота в Кремле грозила неминуемою заразою. Предвидя худые следствия, слабые начальники вздумали — так повествует один чужеземный современный историк — обезоружить хана Магмет-Гирея богатыми дарами: отправили к нему посольство и бочки с крепким медом. Опасаясь и нашего войска и неприступных для него московских укреплений, хан согласился не тревожить столицы и мирно идти восвояси, если великий князь, по уставу древних времен, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли сам варвар Магмет-Гирей считал такое обязательство действительным: вероятнее, что он хотел единственно унизить Василия и засвидетельствовать свою победу столь обидным для России договором. Вероятно и то, что бояре московские не дерзнули бы дать сей грамоты без ведома государева: Василий же, как видно, боялся временного стыда менее, нежели бедствия Москвы, и предпочел ее мирное избавление славным опасностям кровопролитной, неверной битвы. Написали хартию, скрепили великокняжескою печатию, вручили хану, который немедленно отступил к Рязани, где стан его имел вид азиатского торжища: разбойники сделались купцами, звали к себе жителей, уверяли их в безопасности, продавали им свою добычу и пленников, из коих многие даже без выкупа уходили в город. Сие было хитростию. Атаман литовский, Евстафий Дашкович, советовал Магмет-Гирею обманом взять крепость: к счастию, в ней бодрствовал окольничий, Хабар Симский, сын Иоаннова воеводы Василия Образца, муж опытный, благоразумный, спаситель Нижнего Новагорода. Хан, желая усыпить его, послал к нему московскую грамоту в удостоверение, что война кончилась и что великий князь признал себя данником Крыма; а между тем неприятельские толпы шли к крепости, будто бы для отыскания своих беглецов. Симский, исполняя устав чести, выдал им всех пленников, укрывавшихся в городе, и заплатил 100 рублей за освобождение князя Феодора Оболенского; но число литовцев и татар непрестанно умножалось под стенами, до самого того времени, как рязанский искусный пушкарь, немец Иордан, одним выстрелом положил их множество на месте:

остальные в ужасе рассеялись. Коварный хан притворился изумленным: жаловался на сие неприятельское действие; требовал головы Иордановой, стращал местью, но спешил удалиться, ибо сведал о впадении астраханцев в его собственные пределы. Торжество Симского было совершенно: он спас не только Рязань, но и честь великокняжескую: постыдная хартия московская осталась в его руках. Ему дали после сан боярина, и — что еще важнее, — внесли описание столь знаменитой услуги в Книги разрядные и в родословные на память векам.

Сие нашествие варваров было самым несчастнейшим случаем Василиева государствования. Предав огню селения от Нижнего Новагорода и Воронежа до берегов Москвы-реки, они пленили несметное число жителей, многих знатных жен и девиц, бросая грудных младенцев на землю; продавали невольников толпами в Кафе, в Астрахани; слабых, престарелых морили голодом: дети крымцев учились над ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнению народа, сверхъестественное спасение: рассказывали о явлениях и чудесах; уставили особенный крестный ход в монастырь Сретения, где мы доныне три раза в год благодарим Небо за избавление сей древней столицы от Тамерланова, Ахматова и Магмет-Гиреева нападения. Великий князь, возвратясь, изъявил признательность немецким чиновникам огнестрельного снаряда, Никласу и Иордану; но велел судить воевод, которые пустили хана в сердце России. Все упрекали Бельского безрассудностию и малодушием; а Бельский слагал вину на брата государева, Андрея, который, первый показав тыл неприятелю, увлек других за собою. Василий, щадя брата, наказал только одного воеводу, князя Ивана Воротынского, мужа весьма опытного в ратном деле и дотоле всегда храброго. Вина его, кажется, состояла в том, что он, будучи оскорблен надменностию Бельского, с тайным удовольствием видел ошибки сего юного полководца, жертвовал самолюбию отечеством и не сделал всего возможного для блага России: преступление важное и тем менее извинительное, чем труднее уличить виновного! Лишенный своего поместья и сана, князь Воротынский долгое время сидел в заключении: был после освобожден, ездил ко двору, но не мог выехать из столицы.

Скоро [1522 г.] пришло в Москву известие о новом грозном для нас замысле хана: он велел объявить на трех торгах, в

Перекопи, в Крыме, в Кафе и в других местах, чтобы его уланы, мурзы, воины не слагали с себя оружия, не расседлывали коней и готовились вторично идти на Россию. Татары не любили воевать в зимнее время, без подножного корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибыл и сам великий князь. Никогда Россия не имела лучшей конницы и столь многочисленной пехоты. Главный стан близ Коломны уподоблялся обширной крепости, под защитою огнестрельного снаряда, которого мы прежде не употребляли в поле. Сказывают, что государь, любуясь прекрасным войском и станом, послал вестника к Магмет-Гирею с такими словами: «Вероломно нарушив мир и союз, ты в виде разбойника, душегуба, зажигальщика напал нечаянно на мою землю. Имеешь ли бодрость воинскую? Иди теперь: предлагаю тебе честную битву в поле». Хан отвествовал, что ему известны пути в Россию и время, удобное для войны; что он не спрашивает у неприятелей, где и когда сражаться. Лето проходило. Магмет-Гирей не являлся. В августе государь возвратился в Москву, где Солиманов посол, князь мангупский, Скиндер, уже несколько месяцев ждал его, приехав из Константинополя вместе с Третьяком-Губиным.

Послу оказали великую честь: государь встал с места, чтобы спросить у него о здравии султана; дал ему руку и велел сесть *подле себя*. Нельзя было писать ласковее, как Солиман писал к Василию, своему *верному приятелю* и *доброму соседу*, уверяя, что желает быть с ним *в крепкой дружбе* и *в братстве*; но Скиндер говорил единственно о делах торговых и, купив несколько драгоценных мехов, уехал.— Не теряя надежды приобрести деятельный союз Оттоманской империи, Василий еще посылал в Константинополь ближнего дворянина, Ивана Морозова, с дружественными грамотами; однако же не велел ему объявлять условий, на коих мы желали заключить письменный договор с Портою: ибо великому князю, по обыкновенной гордости нового российского двора, хотелось, чтобы султан прислал для того собственного вельможу в Москву. Сей опыт был последним с нашей стороны: Солиман довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россия могла искренно содействовать оттоманам в покорении христианских держав и еще менее думая быть орудием нашей особенной политики; стесняя Венгрию, завоевав Родос, готовясь устремиться на Мальту, он требовал от нас мира, товаров и ничего более.

Если бы Сигизмунд в одно время с Магмет-Гиреем и с казанским царем напал на Россию, то великий князь увидел бы себя в крайности и поздно бы узнал, сколь судьба государства бывает непостоянна, вопреки хитрым соображениям ума человеческого. Но, к счастию нашему, король не имел сильного войска, боялся ужасного Солимана, знал вероломство хана крымского и, радуясь претерпенному нами от него бедствию, надеялся только, что оно склонит Василия к миролюбию. Государь в самом деле желал прекратить войну с Литвою для скорейшего обуздания Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмунд хотел договариваться о мире не в Москве, как обыкновенно бывало, а в Вильне или в Кракове: великий князь отвергнул сие предложение, и знатный королевский чиновник, Петр Станиславович, с секретарем Иваном Горностаем приехали в Москву, когда еще воеводы наши стояли у Коломны, готовые идти на татар или на литву. Не могли согласиться в условиях вечного мира: долго спорили о перемирии; наконец заключили его на пять лет от 25 декабря 1522 года. Смоленск остался нашим; границею служили Днепр, Ивака и Меря. Уставили вольность торговли; поручили наместникам украинским решить тяжбы между жителями обоих государств: но пленникам не дали свободы, к прискорбию Василия, который должен был отказаться от сего требования. Окольничий Морозов и дворецкий Бутурлин ездили в Краков с перемирною грамотою. Литовский историк с удивлением говорит о пышности сих вельмож, сказывая, что под ними было пятьсот коней. Два раза Сигизмунд звал их обедать, и два раза они уходили из дворца, чтобы не сидеть за столом вместе с папскими, цесарскими и венгерскими поверенными в делах: ибо сие казалось для них несовместным с честию великокняжеского посольства. Король утвердил грамоту присягою, облегчив судьбу наших пленников.

Так кончилась сия десятилетняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою победою Оршинскою, а для нас полезная важным приобретением Смоленска, для обоих же государств равно опустошительная, если отнесем к ней гибельное нашествие Магмет-Гиреево. Достопамятным следствием ее было уничтожение Немецкого ордена, к прискорбию Василия, который лишился в нем хотя и слабого, но ревностного союзника. Уступив силе, жалуясь на скупость великого князя, может быть

невольную по нашим умеренным доходам, и на худое усердие своего народа, магистр искал мира и пожертвовал ему бытием рыцарства, славного в летописях. Сигизмунд признал Албрехта наследственным владетелем орденских городов, с условием, чтобы они вечно зависели от государей польских, и дал Пруссии герб черного орла с изображением буквы S, начальной Сигизмундова имени. Хотя с переменою обстоятельств сие знаменитое палестинское братство отжило век свой и казалось уже несоответственным новому государственному порядку в Европе: однако ж гибель учреждения, столь памятного своею великодушною целию, законами суровой добродетели и геройством первых основателей, произвела всеобщее сожаление. — Орден Ливонский, быв около трех веков сопряжен с Немецким, остался в печальном уединении, среди грозных опасностей и между двумя сильными державами, Россиею и Польшею, в ненадежной, но в полной свободе, как старец при дверях гроба. Ливонские рыцари давали великому магистру немецкому деньги и людей для войны: за что он торжественно объявил их независимыми навеки. Судьба также готовила им конец; но Плеттенберг еще жил и как бы в награду за свое великодушие долженствовал спокойно умереть главою свободного братства. В 1521 году он возобновил мирный договор с Россиею на десять лет.

Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА 1521—1534 гг.

Присоединение Рязани к Москве. Заключение кн. Шемякина. Хан крымский взял Астрахань. Злодейства в Казани. Бедствие Крыма. Хан Сайдет-Гирей. Походы на Казань. Пострижение великой княгини. Новый брак великого князя. Сношения с Римом, с императором Карлом V. Перемирие с Литвою. Дружество с Густавом Вазою. Посольства Солимановы. Набег крымцев. Рать на Казань. Новый царь в Казани. Заточение Шиг-Алея. Рождение царя Иоанна Васильевича. Посольства астраханские, молдавские, ногайское, индейское. Набег крымцев. Болезнь и кончина великого князя. Ха-

рактер Василиев. Строгость и милость. Дело Максима Грека. Жалобы на великого князя. Образ жизни Василия, охота, двор, обеды, титул. Иноземцы в Москве. Законы. Строения. Церковные деяния. Разные бедствия. Великие современники Василиевы. Раскол Лютеров.

Распространив Литовскою войною пределы государства, Василий в то же время довершил великое дело единовластия внутри оного. Еще Рязань была особенным княжением, хотя треть городов ее, часть умершего князя Федора, принадлежала к московскому и Василий уже именовался рязанским. Еще князья Северский и Стародубский или Черниговский, называясь слугами государя российского, имели права владетелей. Василий, исполнитель Иоанновых намерений, ждал только справедливого повода к необходимому уничтожению сих остатков удельной системы.

Вдова, княгиня Агриппина, несколько лет господствовала в Рязани именем своего малолетнего сына, Иоанна: Василий оставлял в покое слабую жену и младенца, ибо первая во всем повиновалась ему как верховному государю; но сын ее, достигнув юношеского возраста, захотел вдруг свергнуть с себя опеку и матери и великого князя московского: то есть властвовать независимо, как его предки, старейшие в роде Ярослава I*. Пишут, что он торжественно объявил сие Василию, вступил в тесную связь с ханом крымским и мыслил жениться на дочери Магмет-Гиреевой. Государь велел ему быть к себе в Москву: князь Иоанн долго не ехал; наконец, обманутый советом знатнейшего боярина своего, Симеона Крубина, явился пред Василием, который, уличив его в неблагодарности, в измене, в дружбе с злодеями России, отдал под стражу, взял всю Рязань, а вдовствующую княгиню Агриппину сослал в монастырь. Сие случилось в 1517 году. Когда Магмет-Гирей шел к Москве, князь Иоанн, пользуясь общим смятением, бежал оттуда в Литву, где и кончил жизнь в неизвестности. — Таким образом, около четырех столетий быв отдельным, независимым княжением, Рязань вслед за Муромом и за Черниговом присоединилась к северным владениям Мономахова потомства, которые составили российское единодержавие. Она считалась тогда луч-

* Ибо они происходили от Святослава Ярославовича, который был старее Всеволода, Мономахова отца. (VII, 245.)

16 Зак. № 39

шею и богатейшею из всех областей государства Московского, будучи путем нашей важной торговли с Азовом и Кафою, изобилуя медом, птицами, зверями, рыбою, особенно хлебом, так что нивы ее, по выражению писателей XVI века, казались густым лесом. Жители славились воинским духом; их упрекали высокоумием и суровостию. Чтобы мирно господствовать над ними, великий князь многих перевел в другие области.

Князь Василий Шемякин Северский отличался доблестию воинскою, был ужасом Крыма, ненавистником Литвы и верным стражем южной России: за что великий князь оказывал ему милость и дал город Путивль; но опасался и не любил его, во-первых, помня ужасный характер деда Василиева, Димитрия, а во-вторых, зная беспокойный дух внука, смелого, надменного своими достоинствами: для того неусыпно наблюдал за ним и с тайным удовольствием видел непримиримую, взаимную злобу князей северских, Шемякина и Василия Симеоновича Стародубского, женатого на своячине государевой. Последний доносил, что первый ссылается с королем Сигизмундом и мыслит изменить России; а Шемякин требовал суда и писал к великому князю: «Прикажи мне, *холопу* твоему, быть в Москве, да отправдаюсь изустно и да умолкнет навеки клеветник мой. Еще отец его, Симеон, злословил меня: сын хвалится бесстыдством и говорит: *уморю Шемякина, или сам заслужу гнев государев*. Исследуй дело: если я виновен, то голова моя пред Богом и пред тобою». В августе 1517 года он приехал в Москву; на другой день, в праздник Успения, обедал с государем у митрополита, совершенно оправдался и хотел, чтобы ему выдали лживых доносителей. Их было двое: один слуга князя Пронского, другой Стародубского, который будто бы в Новегороде Северском и в Литве узнал о мнимой измене Шемякина. Государь велел выдать первого доносителя: второго же объявил невинным. Шемякин с честию и с новым жалованьем возвратился в область Северскую, где властвовал спокойно еще пять лет, пережив своего злодея, Стародубского. Но в 1523 году возобновились подозрения: письменно обнадеженный государем и митрополитом в личной безопасности, Шемякин вторично явился на суд в столицу, был обласкан, а чрез несколько дней заключен в темницу как уличенный в тайной связи и переписке с Литвою. Сомневались в истине сего обвинения; рассказывали, что один умный шут в Москве ходил тогда из

улицы в улицу с метлою и кричал: *время очистить государство от последнего сора*, то есть избавить оное от последнего князя удельного. Народ смеялся, разгадывая остроумную притчу. Другие осуждали государя и в особенности митрополита, который обманул Шемякина своим ручательством. Незадолго до сего времени Варлаам, благочестивый, твердый и не льстец великому князю ни в каких случаях, противных совести, должен был оставить митрополию: на место его избрали Даниила, игумена Иосифовского[1], молодого, тридцатилетнего человека, свежего, румяного лицом, тучного телом и тонкого умом. Думая о политических выгодах более, нежели о христианских добродетелях, Даниил оправдывал заключение Шемякина и говорил, что Бог избавил великого князя от внутреннего домашнего врага. Не так мыслил игумен Троицкий[2], Порфирий, муж, воспитанный в пустыне и в простых обычаях: он торжественно и смело ходатайствовал за *гонимого* князя, беззаконно отягченного цепями; прогневал государя и, сложив с себя одежду игуменскую, удалился в тесную пустыню на Белоозеро. — Шемякин умер в темнице. От супруги его, привезенной в Москву, отлучили всех боярынь, которые составляли ее пышный двор. — Сим навсегда пресеклись уделы в России, хотя не без насилия, не без лишних жертв и несправедливостей, но без народного кровопролития. В самых благих, общеполезных деяниях государственных видим примесь страстей человеческих, как бы для того, чтобы история не представляла нам идолов, будучи историею людей или несовершенства.

Обратимся к делам внешним. Вместо того, чтобы наказать Магмет-Гирея за опустошение России, великий князь желал как можно скорее с ним примириться. Поход на Тавриду казался опасным и бесполезным: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успех доставил бы нам только скудную добычу: в следующее лето крымцы могли бы снова явиться в наших пределах. Политика великокняжеская ограничивалась Литвою: там видели мы прочные, естественные, языком и верою утверждаемые приобретения, нужные для могущества России; все другое относилось единственно к сей цели.

---

[1] Игумен Иосифовский — настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря.

[2] Игумен Троицкий — настоятель Троицкого монастыря.

Посол Василиев, Наумов, еще оставался в Тавриде и предлагал хану мир; а Магмет-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотел возобновить дружбу с нами и прислал своих послов в Москву: сам же выступил со многочисленным войском к устью Волги.

В Астрахани господствовал тогда Усеин, сын умершего царя Ченибека: он искал покровительства России, но не успел защитить себя от нашествия Магмет-Гирея, который вместе с ногайским князем Мамаем осадил Астрахань, изгнал Усеина и, завоевав сей важный торговый город, исполнил таким образом свое давнишнее властолюбивое намерение совокупить три Батыевы царства — Казань, Астрахань и Тавриду — в единую державу, которая могла бы и далее расшириться на восток покорением ногаев, шибанских, или тюменских, и хивинских моголов, примкнуть от моря Каспийского к Персии, к Сибири и новыми тучами варваров угрожать образованному Западу. Василий предвидел сию опасность: для того, стараясь удержать Казань в зависимости от России, не хотел помогать Магмет-Гирею на Астрахань и, договариваясь с ним о мире, заключил тесный союз с ее царем, коего послы сведали в Москве о бедствии их отечества. Но беспокойство великого князя было непродолжительно: варвар может иметь властолюбие, смелость и счастие; только не умеет пользоваться успехами: легко приобретая, легко и теряет. Магмет-Гиреево величие исчезло как сновидение.

Услышав о завоевании Астрахани, Саип-Гирей, царь казанский, вздумал праздновать оное кровопролитием: уже не боясь России и в безумной гордости считая всякую дальнейшую умеренность малодушием, он велел умертвить всех московских купцов и посла государева, Василия Юрьева. Весть о сем ужасном злодействе достигла Москвы в одно время с другою, весьма для нас благоприятною: о внезапной гибели Магмет-Гирея и бедствиях Тавриды. Между тем как он, торжествуя победу, веселился и пировал в богатой Астрахани, сподвижник его, князь ногайский Мамай, готовил ему сеть по внушениям брата своего Агиша: «Что ты делаешь? — говорил Агиш. — Служишь орудием сильному, властолюбивому соседу, который мыслит поработить всех нас, одного за другим. Опомнись, или будет поздно». Мамай согласился с братом, условился в мерах и начал доказывать хану, что их войско слабеет духом и телом

в городе, что надобно стоять в поле, где татарин дышит свободно и пылает мужеством. Магмет-Гирей, приняв совет, вышел из города; но в стане вел роскошную, беспечную жизнь, не воображая никаких опасностей: воины ходили без оружия. Вдруг Агиш и Мамай с толпами ногайскими окружают царский шатер, в коем Магмет-Гирей спокойно обедал с юным сыном Богатырь-Солтаном: убивают их и многих вельмож; нападают на стан, режут изумленных крымцев, гонят бегущих, топят в Дону. Только двое из сыновей ханских, Казы-Гирей и Бибей, с пятидесятью князьями прибежали в Тавриду: вслед за ними вринулись и ногаи в ее беззащитные улусы, захватили стада, выжгли селения, плавали в крови жен и младенцев, которые укрывались в лесах или в ущелинах гор. Вельможи крымские собрали наконец тысяч двенадцать воинов и сразились с ногаями; но, разбитые наголову, едва спаслися бегством в Перекопь, охраняемую султанскими янычарами. В то же время атаман днепровских козаков, Евстафий Дашкович, быв дотоле союзником крымским, сжег укрепления Очакова и все истребил, что мог, в Тавриде.

Московский боярин Колычов, посланный еще к Магмет-Гирею, находясь в Перекопи, был свидетелем сих происшествий. Когда ногаи и Дашкович удалились, сын ханский, Казы-Гирей, назвал себя царем Тавриды; но должен был уступить престол дяде, Сайдет-Гирею, который, с султанским указом и с янычарами приехав из Константинополя, удавил племянника в Кафе, торжественно воцарился и спешил предложить Василию свою дружбу, хваляся могуществом и величием. «Отец твой,— писал он к государю,— безопасно стоял за хребтом моего отца и его саблею сек головы неприятелям. Да будет любовь и между нами. Имею рать сильную: великий султан мне покровитель, царь астраханский Усеин друг, казанский Саип-Гирей брат, ногаи, черкасы и тюмень подданные, король Сигизмунд холоп, волохи *нутники* мои и стадники[1]. Исполняя волю султанову, хочу жить с тобою в тесном братстве. Не тревожь моего единокровного в Казани. Минувшее забудем. Литве не дадим покоя» и проч. Новый хан требовал от Василия шестидесяти тысяч алтын, уверяя, что истинные братья никогда

---

[1] Нутники — погонщики скота (от «понукать»); стадники — пастухи.

не отказывают друг другу в таких безделицах. Хоть в Москве знали, что Крым находится в самом ужасном опустошении; что Сайдет-Гирей не мог тогда иметь ни двенадцати тысяч исправных воинов: однако ж великий князь старался воспользоваться добрым расположением хана и заключить с ним союз, чтобы по крайней мере не опасаться набегов крымских; только не дал ему денег и в рассуждении царя казанского ответствовал: «Государи воюют, но послов и купцов не убивают; нет и не будет мира с злодеем».

Между тем как шли переговоры с Тавридою об условиях союза, войско наше действовало против Казани. Сам государь ездил в Нижний Новгород, откуда послал царя Шиг-Алея и князя Василия Шуйского с судовою, а князя Бориса Горбатого с конною ратию. Они не только воевали неприятельскую землю, убивая, пленяя людей на берегах Волги, но сделали и нечто важнейшее: основали город при устье Суры, назвав его именем Василия, и, стеснив пределы казанского царства, сею твердынею защитили Россию: вал, острог и деревянные стены были достаточны для приведения варваров в ужас. Алей и Шуйский возвратились осенью. Нетрудно было предвидеть, что россияне возобновят нападение в благоприятнейшее время: Саип-Гирей искал опоры и решился объявить себя подданным великого Солимана с условием, чтобы он спас его от мести Василиевой. Мог ли действительно глава мусульманов не вступиться в таком случае за единоверного? Однако ж сие заступление, весьма легкое и как бы мимоходом, оказалось бесполезным: князь манкупский Скиндер, находясь тогда в Москве единственно по делам купеческим, именем султана объявил нашим боярам, что Казань есть турецкая область; но удовольствовался ответом, что Казань была, есть и будет подвластна российскому государю; что Саип-Гирей мятежник и не имеет права дарить ею султана.

Весною [1524 г.] полки гораздо многочисленнейшие выступили к Казани с решительным намерением завоевать оную. В судовой рати главными начальниками были Шиг-Алей, князья Иван Бельский и Горбатый, Захарьин, Симеон Курбский, Иван Лятцкий; а в конной боярин Хабар Симский. Число воинов, как уверяют, простиралось до 150 тысяч. Слух о сем необыкновенном ополчении столь устрашил Саип-Гирея, что он немедленно бежал в Тавриду, оставив в Казани юного тринадца-

тилетнего племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева, и сказав жителям, что едет искать помощи султановой, которая одна может спасти их. Гнушаясь его малодушием, ненавидя и боясь россиян, они назвали Сафа-Гирея царем, клялись умереть за него и приготовились к обороне, вместе с черемисами и чувашами. 7 июля судовая рать московская явилась пред Гостиным островом, выше Казани; войско расположилось на берегу и 20 дней провело в бездействии, ожидая Хабара Симского с конницею. Неприятель также стоял в поле; тревожил россиян частными, маловажными нападениями; изъявлял смелость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писал к нему, чтобы он мирно удалился в свое отечество и не был виновником кровопролития. Сафа-Гирей ответствовал: «чья победа, того и царство: сразимся». В сие время загорелась казанская деревянная крепость: воеводы московские не двинулись с места, дали жителям спокойно гасить огонь и строить новую стену; 28 июля перенесли стан на луговую сторону Волги, к берегам Казанки, и опять ничего не делали; а неприятель жег нивы в окрестностях и, заняв все дороги, наблюдал, чтобы мы не имели никаких подвозов. Истратив свои запасы, войско уже терпело недостаток — и вдруг разнесся слух, что конница наша совершенно истреблена неприятелем. Ужас объял воевод. Не знали, что предпринять: боялись идти назад и медленно плыть Волгою вверх; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухим путем чрез отдаленную Вятку. Оказалось, что дикие черемисы разбили только один конный отряд московский; что мужественный Хабар в двадцати верстах от Казани, на берегу Свияги, одержал славную победу над ними, чувашами и казанцами, хотевшими не допустить его до соединения с Алеем: множество взял в плен, утопил в реке и с трофеями прибыл в стан главной рати.

Не столь счастлив был князь Иван Палецкий, который из Нижнего Новагорода шел на судах к Казани с хлебом и с тяжелым снарядом огнестрельным. Там, где Волга, усеянная островами, стесняется между ими, черемисы запрудили реку каменьями и деревьями. Сия преграда изумила россиян. Суда, увлекаемые стремлением воды, разбивались одно об другое или об камни, а с высокого берега сыпались на них стрелы и катились бревна, пускаемые черемисами. Погибло несколько тысяч людей, убитых или утопших; и князь Палецкий, оставив

в реке большую часть военных снарядов, с немногими судами достиг нашего стана. Сие бедствие, как думают, произвело известную старинную пословицу: *с одну сторону черемиса, а с другой берегися.* «Волга,— пишет казанский историк,— сделалась тогда для варваров златоструйным Тигром: кроме пушек и ядер, они пудами извлекали из ее глубины серебро и драгоценное оружие москвитян».

Хотя россияне обступили, наконец, крепость и могли бы взять ее, тем вероятнее, что, в самый первый день осады [15 августа], убив лучшего неприятельского пушкаря, видели замешательство казанцев и худое действие их огнестрельного снаряда; хотя немецкие и литовские воины, наемники государевы, требовали приступа: но воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли мир: ибо казанцы, устрашенные победою Симского, выслали к ним дары, обещаясь немедленно отправить посольство к великому князю, умилостивить его, загладить свою вину. Малодушные или, по мнению некоторых, ослепленные золотом начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли из земли Казанской без славы и с болезнию, от коей умерло множество людей, так что едва ли половина рати осталась в живых. Главный воевода, князь Иван Бельский, лишился милости государевой; но митрополит исходатайствовал ему прощение.

Послы казанские действительно приехали к государю; молили его, чтобы он утвердил Сафа-Гирея в достоинстве царя и в таком случае обязывались, как и прежде, усердствовать России. Василий требовал доказательств и залога в верности сего народа, постоянного единственно в обманах и злодействе: впрочем, желал обойтися без дальнейшего кровопролития. Боярин, князь Пенков, был в Казани для переговоров. Между тем государь без оружия нанес ей удар весьма чувствительный, запретив нашим купцам ездить на ее летнюю ярмонку и назначив для их торговли с Азиею место в Нижегородской области, на берегу Волги, где ныне Макарьев: отчего сия славная ярмонка упала: ибо астраханские, персидские, арменские купцы всего более искали там наших мехов, и сами казанцы лишились вещей необходимых, например, соли, которую они получали из России. Но как трудно переменять старые обыкновения в путях купечества, то мы, сделав зло другим, увидели и собственный вред: не скоро можно было приучить людей к новому, дикому, ненаселенному месту, где некогда существовал уеди-

ненный монастырь, заведенный Св. Макарием Унженским и разрушенный татарами при Василии Темном. Цена азиатских ремесленных произведений у нас возвысилась: открылся недостаток в нужном, особенно в соленой рыбе, покупаемой в Казани. Одним словом, досадив казанскому народу, великий князь досадил и своему, который не мог предвидеть, что сие юное торжище будет со временем нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатейшею в свете. Жаловались, что государь ищет себе неприятелей, равно как осуждали его и за основание города в земле Казанской, хотя дальновиднейшие из самых современников знали, что дело идет не об истинном дружестве с нею, но о вернейшем ее, для нас необходимом покорении, и хвалили за то великого князя. — Следствием переговоров между нами и Казанью было пятилетнее мирное бездействие с обеих сторон.

Тогда [1525 г.] великий князь, свободный от дел воинских, занимался важным делом семейственным, тесно связанным с государственною пользою. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следственно и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне: таков устав природы; но братья не столь близки к сердцу, и Василиевы не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старейшему, более опасаясь его как государя, нежели любя как единокровного. Современный летописец повествует, что великий князь, едучи однажды на *позлащенной колеснице*, вне города, увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «Птицы счастливее меня: у них есть дети!» После он также со слезами говорил боярам: «Кто будет моим и русского царства наследником? братья ли, которые не умеют править и своими уделами?» Бояре ответствовали: «Государь! неплодную смоковницу посекают: на ее месте садят иную в вертограде». Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли советовать Василию, чтобы он развелся с Соломониею, обвиняемою в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцом, государь решился на дело жестокое в смысле нравственности: немилосердно отвернуть от своего ложа невинную, добродетельную супругу, которая двадцать лет жила единственно для его счастия; предать ее в жертву горести, стыду, отчаянию; нарушить святый устав любви и благодарности. Если

митрополит Даниил, снисходительный, уклончивый, внимательный к миру более, нежели к духу, согласно с великокняжеским синклитом, признал намерение Василиево законным или еще похвальным: то нашлись и духовные и миряне, которые смело сказали государю, что оно противно совести и церкви. В числе их был пустынный инок Вассиан, сын князя литовского, Ивана Юрьевича Патрикеева, и сам некогда знатнейший боярин, вместе с отцом в 1499 году неволею постриженный в монахи за усердие к юному великому князю, несчастному Димитрию. Сей муж уподоблялся, как пишут, древнему Святому Антонию: его заключили в Волоколамском монастыре, коего иноки любили угождать мирской власти; а престарелого воеводу, князя Симеона Курбского, завоевателя земли Югорской, строгого постника и христианина, удалили от двора: ибо он также ревностно вступался за права Соломонии. Самые простолюдины, — одни по естественной жалости, другие по номоканону, — осуждали Василия. Чтобы обмануть закон и совесть, предложили Соломонии добровольно отказаться от мира: она не хотела. Тогда употребили насилие: вывели ее из дворца, постригли в Рожественском девичьем монастыре, увезли в Суздаль и там, в женской обители, заключили. Уверяют, что несчастная противилась совершению беззаконного обряда и что сановник великокняжеский, Иван Шигона, угрожал ей не только словами, но и побоями, действуя именем государя; что она залилась слезами и, надевая ризу инокини, торжественно сказала: «Бог видит и отмстит моему гонителю». —Не умолчим здесь о предании любопытном, хотя и не достоверном: носился слух, что Соломония, к ужасу и бесполезному раскаянию великого князя, оказалась после беременною, родила сына, дала ему имя Георгия, тайно воспитывала его и не хотела никому показать, говоря: «В свое время он явится в могуществе и славе». Многие считали то за истину, другие за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной добродетельной княгини. Разрешив узы своего брака [1526 г.], Василий по уставу церковному не мог вторично быть супругом: чья жена с согласия мужа постригается, тот должен сам отказаться от света. Но митрополит дал благословение, и государь чрез два месяца женился на княжне Елене, дочери Василия Глинского, к изумлению наших бояр, которые не думали, чтобы род чужеземных изменников удостоился такой чести. Может быть, не одна красота невесты решила

выбор; может быть, Елена, воспитанная в знатном владетельном доме и в обычаях немецких, коими славился ее дядя, Михаил, имела более приятности в уме, нежели тогдашние юные россиянки, научаемые единственно целомудрию и кротким, смиренным добродетелям их пола. Некоторые думали, что великий князь из уважения к достоинствам Михаила Глинского женился на его племяннице, дабы оставить в нем надежного советника и путеводителя своим детям. Сие менее вероятно: ибо Михаил после того еще более года сидел в темнице, освобожденный наконец ревностным ходатайством Елены. — Свадьба была великолепна. Праздновали три дни. Двор блистал необыкновенною пышностию. Любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности.

В течение пяти лет Россия имела единственно мирные сношения с иными державами. Еще при жизни Леона X один генуэзский путешественник, называемый капитаном Павлом, с дружелюбным письмом от сего папы и немецкого магистра Албрехта был в Москве, имея важное намерение проложить купеческую дорогу в Индостан через Россию посредством рек Инда, Окса, или Гигона, моря Каспийского и Волги. Прежде счастливого открытия Васка де-Гамы товары индейские шли в Европу или Персидским заливом, Евфратом, Черным морем, или заливом Аравийским, Нилом и морем Средиземным; но португальцы, в начале XVI века овладев берегами Индии, захватив всю ее торговлю и дав ей удобнейший путь океаном, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло и столь возвысили цену пряных зелий, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбие лиссабонских купцов. Говорили даже, что ароматы индейские в дальнем плавании теряют запах и силу. Движимый ревностию отнять у Португалии исключительное право сей торговли, генуэзский путешественник убедительно представлял нашим боярам, что мы в несколько лет можем обогатиться ею; что казна государева наполнится золотом от купеческих пошлин; что россияне, любя употреблять пряные зелья, будут иметь оные в изобилии и дешево; что ему надобно только узнать течение рек, впадающих в Волгу, и что он просит великого князя отпустить его водою в Астрахань. Но государь, как пишут, не хотел открыть иноземцу путей

нашей торговли с Востоком. Павел возвратился в Италию по смерти Леона X, вручил ответную Василиеву грамоту папе Адриану и в 1525 году вторично приехал в Москву с письмом от нового папы, Климента VII, уже не по торговым делам, но в виде посла, дабы склонить великого князя к войне с турками и к соединению церквей: за что Климент, подобно Леону, предлагал ему достоинство короля. Сей опыт, как и все прежние, не имел успеха: Василий, довольный именем великого князя и царя, не думал о королевском, не хотел искать новых врагов и помнил худые следствия Флорентийского Собора; однако ж принял с уважением и посла и грамоту, честил его два месяца в Москве и вместе с ним отправил в Италию *гонца* своего Димитрия Герасимова, о коем славный историк того века Павел Иовий говорит с похвалою, сказывая, что он учился в Ливонии, знал хорошо язык латинский, был употребляем великим князем в посольствах шведском, датском, прусском, венском; имел многие сведения, здравый ум, кротость и приятность в обхождении. Папа велел отвести ему богато украшенные комнаты в замке Св. Ангела. Отдохнув несколько дней, Димитрий в великолепной русской одежде представился Клименту, поднес дары и письмо государево, наполненное единственно учтивостями. Великий князь изъявлял желание быть в дружбе с папою, утверждать оную взаимными посольствами, видеть торжество христианства и гибель неверных, прибавляя, что он издавна карает их в честь Божию. Ждали, что Димитрий объявит на словах какие-нибудь тайные поручения государевы: он занемог в Риме и долго находился в опасности; наконец выздоровел, осмотрел все достопамятности древней столицы мира, новые здания, церкви; хвалил пышное служение папы, восхищался музыкою, присутствовал в Кардинальном Совете, беседовал с учеными мужами и в особенности с Павлом Иовием; рассказывал им много любопытного о своем отечестве; но, к неудовольствию папы, объявил, что не имеет никаких повелений от Василия для переговоров о делах государственных и церковных. — Димитрий возвратился в Москву (в июле 1526 года) с новым послом Климентовым, Иоанном Франциском, епископом скаренским, коему надлежало доставить мир христианству, то есть Литве. Явился и другой, еще знаменитейший посредник в сем деле.

Кончина Максимилианова прервала сообщение нашего двора с Империею. Хитрый, властолюбивый юноша Карл V, заступив место деда на ее престоле, не имел времени мыслить о Севере, повелевая Испаниею, Австриею, Нидерландами и споря о господстве над всею юго-западною Европою с прямодушным Героем, Франциском I. Долго ждав, чтобы Карл вспомнил о России, великий князь решился сам отправить к нему гонца с приветствием. За сим возобновились торжественные посольства с обеих сторон. Австрийский государственный советник Антоний прибыл в Москву с дружественными грамотами, а князь Иван Ярославский-Засекин ездил с такими же от Василия к императору в Мадрид, в то самое время, когда несчастный Франциск I находился там пленником и когда Европа не без ужаса видела быстрые успехи Карлова властолюбия, угрожавшего ей *всемирною монархиею* или зависимостью всех держав от единой сильнейшей, какой не бывало после Карла Великого в течение семи веков. Только Россия, хотя уже с любопытством наблюдающая государственные движения в Европе, но еще далее враждебной Литвы не зрящая для себя прямых опасностей, оставалась вдали спокойною и даже могла желать, чтобы Карл исполнил намерение деда присоединением Венгрии и Богемии ко владениям австрийского дома (как и случилось): ибо сии две воинственные державы, управляемые Сигизмундовым племянником Людовиком, служили опорою Литве и Польше. Не имея никакого совместничества с императором и справедливо угадывая, что оно есть или будет между им и королем польским, великий князь предложил Карлу склонить Сигизмунда к твердому миру с Россиею, или благоразумными убеждениями, или страхом оружия, по торжественному Максимилианову обещанию. В удовольствие Василия император, отпустив князя Засекина из Мадрида, вместе с ним послал графа Леонарда Нугарольского, а брат его, эрцгерцог австрийский, барона Герберштеина в Польшу, чтобы объясниться с королем в рассуждении мирных условий и ехать в Москву для окончания сего дела. Но Сигизмунд, уже опасаясь замыслов императора на Венгрию, худо верил его доброжелательству и сказал послам, что он не просил их государей быть миротворцами и может сам *унять Россию*, примолвив с досадою: «Какая дружба у князя московского с императором? что они: ближние соседи или родственники?» Однако ж послал к Василию воеводу сво-

его, Петра Кишку, и маршалка Богуша, которые вслед за графом Леонардом и Герберштеином приехали в нашу столицу. Великий князь был в Можайске, увеселяясь звериною ловлею: там и начались переговоры. Король возобновил старые требования на все отнятое у Литвы Иоанном, называя и Новгород и Псков ее достоянием; а мы хотели Киева, Полоцка, Витебска. Посредники, епископ скаренский, Леонард и Герберштеин, советуя обеим сторонам быть умереннее, предложили Василию уступить королю хотя половину Смоленска: бояре объявили сие невозможным; отвергнули и перемирие на двадцать лет, желаемое Сигизмундом; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то из особенного уважения к императору и папе, как изъяснился великий князь, жалуясь на худое расположение короля к истинному миру и нелепость его требований. Споры о наших границах с Литвою остались без исследования, а пленники в заточении. Послам Сигизмундовым была и личная досада: за столом великокняжеским давали им место ниже римского, императорского и самого Фердинандова посла. Утверждая перемирную грамоту, Василий говорил речь о своей приязни к папе, Карлу, эрцгерцогу; о любви к тишине, справедливости, и проч. На стене висел золотой крест: думный боярин, сняв его, обтер белым платом. Дьяк в обеих руках держал хартии договорные. Великий князь встал с места; указывая на грамоту, сказал: «исполню с Божиею помощию»; взглянул с умилением на крест и, тихо читая молитву, приложился к оному. То же сделали и литовские чиновники. В заключение обряда пили вино из большого кубка. Государь снова уверял послов в своем дружестве к Клименту и к Максимилиановым наследникам; обратился к панам литовским, кивнул головою, велел им кланяться Сигизмунду и желал счастливого пути. Они все вместе выехали из Можайска, а за ними наши послы: Трусов и Лодыгин в Рим, Ляпун и Волосатый к императору и к эрцгерцогу, окольничий Лятцкий к Сигизмунду. — Хотя король утвердил договор и клятвенно обязался быть нашим мирным соседом, но взаимные жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василиевой; ибо литовцы и россияне пограничные вели, так сказать, явную всегдашнюю войну между собою, отнимая земли друг у друга. Тщетно судьи с обеих сторон выезжали на рубеж: то литовские не могли дождаться наших, то наши литовских. К неудовольствию Сигиз-

мунда, Василий принял к себе князя Федора Михайловича Мстиславского, выдал за него дочь сестры своей, Анастасию, сносился с господарем молдавским, неприятелем Литвы, и задержал (в 1528 году) бывших у нас королевских послов, сведав, что в Минске остановили молдавского на пути его в Россию. Король не хотел именовать Василия *великим государем*, а мы не хотели называть короля *российским* и *прусским*. По крайней мере пленников наших и литовских, в силу перемирия, продолженного еще на год, выпустили из темниц и не обременяли цепями как злодеев.

Вследствие одной из достопамятнейших государственных перемен в мире, Швеция, после долговременного неустройства, угнетения, безначалия, как бы обновленная в своих жизненных силах, образовалась, восставала тогда под эгидою великого мужа Густава Вазы, который из рудокопни восшел на трон, озарил его славою, утвердил мудростию; возвеличил государство, ободрил народ, был честию века, монархов и людей. Освободив королевство свое от ига датчан, не думая о суетной воинской славе, думая только о мирном благоденствии шведов, Густав искал дружбы Василия и подтвердил заключенное с Россиею перемирие на 60 лет. Советники его, Канут Эриксон и Биорн Классон, приезжали для того в Новгород к наместнику, князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и дворецкому Сабурову, а Эрик Флеминг в Москву. Уже Христиан, ненавистный и шведам и датчанам, скитался изгнанником по Европе: преемник сего Нерона, король Фридерик, менее властолюбивый, признал независимость Швеции, и Василий, слыша о великих делах Густава, тем охотнее согласился жить с ним в мирном соседстве: дозволил шведским купцам иметь свой особенный двор в Новегороде и торговать во всей России; обещал совершенную безопасность финским земледельцам, которые боялись селиться близ нашей границы, и велел, в угодность королю, заточить в Москве славного датского адмирала Норби. Сей воин мужественный, но свирепый, по изгнании Христиана завладел было Готландиею, сделался морским разбойником, не щадил никого, брал все корабли без исключения, и в особенности злодействовал Швеции; наконец, разбитый ее флотом, бежал в Россию, чтобы возбудить нас против Густава. Великий князь объявил Норби мятежником и наказал его, в удостоверение, что хочет мира и тишины на Севере.

Утратив надежду иметь союзника в султане, Василий милостиво угощал его посланника Скиндера, который еще три раза был в Москве, по торговым делам, и там внезапно умер с именем корыстолюбивого и злого клеветника: ибо он, несправедливо жалуясь на скупость и худой прием великого князя, хвалился, что убедит Солимана воевать с нами; но умный султан не мог быть орудием подлого грека и, не думая умножать числа своих неприятелей, оставался другом России, хотя и бесполезным, и в конце 1530 года писал к Василию последнее ласковое письмо с турком Ахматом, коему надлежало купить в Москве несколько кречетов и мехов собольих.

В сие время [1527 г.] одни крымские хищники тревожили Россию, несмотря на усилия великого князя быть в мире с ханом и на союзные грамоты, после многих переговоров утвержденные взаимною клятвою. Сайдет-Гирей, ненавидимый народом и князьями за его любовь к турецким обычаям, лил кровь знатнейших людей и не мог держаться на своем ужасном троне, быв два раза изгнан племянником, сыном Магмет-Гирея, Исламом; примирился с ним, дал ему сан калги, грабил Литву и требовал денег от Василия, который, видя ненадежность ханской власти, сделался тем умереннее в дарах. Послы Сайдет-Гиреевы находились в Москве, когда донесли государю, что царевич Ислам идет на Россию. Войско наше заняло берег Оки, стояло долго, не видало неприятеля и разошлося осенью по городам: вдруг запылали села рязанские: Ислам стремился к Коломне и Москве. Но воеводы, князья Одоевский и Мстиславский, оставались на Угре; не пустили разбойников за Оку и с великим уроном прогнали, в числе многих пленных захватив первого Исламова любимца, Янглыча мурзу. Государь был в Коломне: раздраженный вероломством хана, он велел утопить крымских послов. И с варварами не должно быть варваром. Сам великий князь устыдился такого дела и приказал объявить хану, что послы убиты московскою чернию. Нимало не удивленный их казнью, столь несогласною с народным правом, Сайдет-Гирей винил только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшего напасть на Россию; снова клялся в истинном дружестве к Василию и, нагло ограбив его посла, не мешал крымцам злодействовать в областях Белевских и Тульских. Наконец, сверженный с престола князьями и народом, бежал к султану. Но Россия ничего не выиграла сею переменою: сперва

Ислам, властвовав несколько месяцев в Тавриде, а после Саип, бывший царь казанский, утвержденный султаном в достоинстве хана, угрожали нам войною и пламенем, хотя оба, гонимые Сайдет-Гиреем, прежде искали милости в великом князе, *на-званом отце* Ислама и *брате* Саип-Гирея: они непрестанно хотели богатых даров.

К счастию, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистник России, исполняя желание народа, требовал решительного мира от великого князя, винился перед ним, обещался быть его верным присяжником. Посол московский, Андрей Пильемов, взял с царя, вельмож и граждан клятвенную в том грамоту; а Василий отправил к ним свою с князем Палецким. Но сей знатный чиновник узнал в Нижнем Новегороде, что Сафа-Гирей переменил мысли, умел злобными внушениями возбудить казанцев против России, согласил их предложить ей новые условия мира и даже с грубостию обесчестил посла великокняжеского. Палецкий возвратился в Москву, и государь прибегнул к оружию.

Страшное многочисленностию войско в судах и берегом выступило весною [1530 г.] из Нижнего к Казани под начальством князей Ивана Федоровича Бельского, Михаила Глинского, Горбатого, Кубенского, Оболенских и других. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сделал все, что мог, для сильной обороны: призвал свирепых, диких черемисов и 30 000 ногаев из улусов тестя его Мамая; укрепил предместия острогом с глубокими рвами, от Булака Арским полем до Казанки; примкнув новую стену с двух сторон к городу, осыпал ее землею и каменьем. Конные полки московские, отразив пять или шесть нападений смелого неприятеля, соединились с пехотою, которая вышла из судов на луговой стороне Волги. Начались ежедневные, кровопролитные битвы. Казанцы, ободряемые царем, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днем, не умели быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубоким сном до утра. Молодые воины полку князя Оболенского, смотря издали при ясном свете луны на острог, видели там одну спящую стражу; вздумали отличить себя великим делом: тихо подползли к стене, натерли дерево смолою, серою; зажгли и спешили известить о том наших воевод. В одно время запылал острог, и россияне при звуке труб воинских, с грозным воплем устремились [16 июля] на приступ,

конные и пешие, одетые и полунагие; сквозь дым и пламя ворвались в укрепление; резали, давили изумленных татар; взяли предместие; опустошили все огнем и мечом; кроме сгоревших, убили, как пишут, 60 000 воинов и граждан, а в числе их и славного богатыря казанского, Аталыка, ужасного видом и силою руки, омоченной кровию многих россиян. Сафа-Гирей ушел в городок Арский: за ним гнался князь Иван Телепнев-Оболенский с легким отрядом; а другие воеводы стояли на месте, и так оплошно, что толпы черемисские взяли наш обоз, семьдесят пушек, запас ядер и пороху, убив князя Федора Оболенского-Лопату, Дорогобужского и многих чиновников. Тогда россияне приступили к городу и могли бы овладеть крепостию, где не было ни 12 000 воинов; но Бельский, уже и прежде подозреваемый в тайном лихоимстве, согласился на мир: приняв, как пишут, серебро от жителей, с клятвою, что они немедленно отправят послов к Василию и не будут избирать себе царей без его воли, сей главный воевода отступил, к досаде всех товарищей; хвалился именем великодушного победителя и спешил в Москву, ожидая новых милостей от государя, своего дяди по матери. Один летописец уверяет, что Василий, с лицом грозным встретив племянника, объявил ему смерть и только из уважения к ревностному ходатайству митрополита смягчил сей приговор: окованный цепями, Бельский сидел несколько времени в темнице в наказание за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимого покорения Казани, два раза упущенной им из наших рук. Но сего известия нет в других летописцах, и Бельский чрез три года снова начальствовал в ратях.

Послы казанские, знатные князья Тагай, Тевекел, Ибрагим, приехали и смиренно молили государя, чтобы он простил народ и царя; уверяли, что опыт снял завесу с их глаз и что они видят необходимость повиноваться России. Надлежало верить или воевать: государь хотел отдохновения, ибо не мог бы без чрезвычайного усилия, тяжкого для земли, снарядить новую рать. Согласные на все условия, послы остались в Москве; а великий князь отправил с гонцом клятвенные грамоты к царю и народу казанскому для утверждения, требуя, чтобы все наши пленники были освобождены и все огнестрельные орудия, взятые у нас черемисами, присланы в Россию. Сей гонец не возвратился: Сафа-Гирей, задержав его, писал к государю, что не

может исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники казанские не выедут из Москвы; пока великий князь сам не возвратит ему пленников и пушек, взятых Бельским, и пока, вместо гонца, кто-нибудь из знатнейших вельмож российских не приедет в Казань для размена клятвенных грамот. Бояре наши с укоризною объявили о том послам казанским. Князь Тагай ответствовал: «Слышали и знаем; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится воля Божия и великого князя! Хотим служить ему усердно. Земля наша опустела; мужи знатные погибли или онемели в ужасе. Сафа-Гирей делает, что хочет, со своими крымцами и ногаями; распуская слух, что полки московские идут на Казань, мутит умами, не держит слова и нас вводит в стыд. Не будет так: мы еще живы, имеем друзей и силу. Изгоним Сафа-Гирея! Да изберет государь достойнейшего для нас властителя!» На сие бояре именем великого князя сказали, что для России все одно, кто ни царствует в Казани, Сафа-Гирей или другой, если будет только нам послушен и верен в клятвах. Тагай продолжал: «Напоминаем о невинном Шиг-Алее; он был жертвою злодеев: да возвратится на престол верно служить великому князю и любить народ! Пусть едет с нами в город Василь: оттуда напишем к казанцам, к горным и луговым черемисам, к князьям арским о милости государя и скажем: *царем мы умерли, а великим князем ожили; не хотим того, кто нас не хочет*. Казанские пленники, тоскующие в неволе, имеют отцов, братьев и друзей: все к нам пристанут, и будет мир вечный». Василий советовался с боярами; наконец отпустили послов казанских с Алеем в Нижний Новгород, и князь Тагай сдержал слово: написал к согражданам о гибельном для них упрямстве царя, возмутил народ, свергнул Сафа-Гирея, который в порыве злобы хотел было умертвить всех задержанных в Казани россиян; но граждане и вельможи объявили ему, чтобы он немедленно удалился. Жену его отправили в Мамаевы улусы и побили многих ногаев, вельмож крымских, любимцев Сафа-Гиреевых. В сем благоприятном для нас происшествии немало участвовала казанская царевна Горшадна, сестра Магмет-Аминева. Сеит, уланы, князья, мурзы известили Василия об изгнании Сафа-Гирея и, согласные быть подданными России, молили, чтобы вместо Шиг-Алея, коего мести они страшатся, великий князь пожаловал им в цари меньшого пятнадцатилетнего брата его, Еналея, владев-

шего у нас городком Мещерским. Их желание исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною был отправлен в Казань и возведен на престол окольничим Морозовым, к удовольствию мятежных сановников и легкомысленного народа. Все, от царевны и сеита до последнего гражданина, с видом искреннего усердия присягнули нам в подданстве, славя милость государеву и любезные свойства юного царя, коему чрез несколько лет надлежало быть жертвою их неистовства! Но Василий не дожил до сей новой измены. Прошло три года в мире. В доказательство своего доброго расположения к казанцам великий князь уступил им все бывшие у них в руках московские пищали, чтобы они в случае неприятельского нападения имели способ обороняться, и дозволил Еналею жениться на дочери сильного ногайского мурзы Юсуфа, который мог примирить его с сею беспокойною Ордою. Важнейшие дела казанские, не только политические, но и земские, решились в Москве государевым словом. — Между тем Шиг-Алей, награжденный Коширою и Серпуховом, завидовал брату и, желая преклонить к себе казанцев, тайно сносился с ними, с Астраханью, с ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, некогда верный слуга России, был как преступник заточен с женою на Белоозеро.

В сие время Василий, благоразумием заслуживая счастие в деяниях государственных, сделался и счастливым отцом семейства. Более трех лет Елена, вопреки желанию супруга и народа, не имела детей. Она ездила с великим князем в Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, на Белоозеро; ходила пешком в святые обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородии, и без услышания. Добрые жалели о том: некоторые, осуждая брак Василиев как беззаконный, с тайным удовольствием предсказывали, что Бог никогда не благословит оного плодом вожделенным. Наконец Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый муж*, именем Домитиан, объявил ей, что она будет материю *Тита, широкого ума*, и — в 1530 году, августа 25, в 7 часу ночи — действительно родился сын Иоанн, столь славный добром и злом в нашей истории! Пишут, что в самую ту минуту земля и небо потряслися от неслыханных громовых ударов, которые следовали один за другим с ужасною, непрерывною молниею. Вероятно, что гадатели двора великокняжеского умели растолко-

вать сей случай в пользу новорожденного: не только отец, но и вся Москва, вся Россия, по словам летописца, были в восторге. Чрез десять дней великий князь отвез младенца в Троицкую лавру, где игумен Иоасаф Скрыпицын вместе с благочестивейшими иноками, столетним Кассианом Босым, Иосифова Волоколамского монастыря, и Св. Даниилом Переславским окрестили его. Обливаясь слезами умиления, родитель взял из рук своего дражайшего первенца и положил на раку Св. Сергия, моля Угодника, да будет ему наставником и защитником в опасностях жизни. Василий не знал, как изъявить благодарность Небу: сыпал золото в казны церковные и на бедных; велел отворить все темницы и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом: с князя Федора Мстиславского, женатого на племяннице государевой и ясно уличенного в намерении бежать к польскому королю; с князей Щенятева, суздальского Горбатого, Плещеева, Морозова, Лятцкого, Шигоны и других, подозреваемых в недоброжелательстве к Елене. С утра до вечера дворец наполнялся усердными поздравителями, не только московскими, но и самых отдаленных городов жителями, которые хотели единственно взглянуть на счастливого государя и сказать ему: «Мы счастливы вместе с тобою!» Пустынники, отшельники приходили благословить державного младенца в пеленах и были угощаемы за трапезою великокняжескою. В знак признательности к Угодникам Божиим, защитникам Москвы, святым митрополитам Петру и Алексию, великий князь заказал сделать для их мощей богатые раки: для первого *золотую*, для второго серебряную. Одним словом, никто живее Василия не чувствовал радости быть отцом, тем более, что он — вероятно, тревожимый совестию за развод с несчастною первою супругою — мог видеть в сем благословенном плоде второго брака как бы знак Небесного умилостивления. — Елена чрез год и несколько месяцев родила еще сына Георгия. Тогда государь женил меньшего брата своего, Андрея, на княжне Хованской, Евфросинии. Братья Симеон и Димитрий Иоанновичи скончались безбрачными: первый в 1518, а второй в 1521 году. Василий, кажется, не дозволял им жениться, пока не имел детей, чтобы отнять у них всякую мысль о наследовании престола.

Упомянем о разных посольствах сего времени. Не уверенный ни в союзе Тавриды, ни в мирном расположении Литвы,

великий князь тем благосклоннее ответствовал на дружественные предложения молдавского воеводы, Петра, который (в 1533 году) писал к нему, чтобы он, будучи в перемирии с королем Сигизмундом и в дружбе с султаном, *берег* его от первого или убедил Солимана защитить оружием Молдавию от нападения поляков. Великий князь отправлял не только гонцов, но и важных чиновников к сему воеводе мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды соседу.

Новый царь астраханский, Касым, также предлагал тесный союз великому князю; но едва посол его успел доехать до Москвы, черкесы, взяв Астрахань, убили царя и с богатою добычею удалились в горы. Место Касымово заступил Акубек, но также не надолго: в 1534 году уже другой царь астраханский, Абдыл-Рахман, дал на себя клятвенную грамоту Василию в истинном к нему дружестве. — Послы ногайские тогда же находились в Москве единственно для исходатайствования купцам своим дозволения продавать лошадей в России.

Но любопытнейшим посольством было индейское, от хана Бабура, одного из Тамерлановых потомков, знаменитого основателя империи Великих Моголов, о коем мы упоминали и который, будучи изгнан из Хоросана, бежал в Индостан, где мужеством и счастием утвердил свое господство над прекраснейшими землями в мире. Обитав некогда на берегах Каспийского моря, Бабур имел сведение о России: желал, несмотря на отдаление, быть в дружелюбной связи с ее монархом и писал к нему о том с своим чиновником, Хозею Уссеином, предлагая, чтобы послы и купцы свободно ездили из Индии в Москву, а из Москвы в Индию. Великий князь принял Уссеина милостиво; ответствовал Бабуру, что рад видеть его подданных в России и не мешает своим ездить в Индию, но — как сказано в летописи — *не приказывал к нему о братстве*: ибо не знал, что он, самодержец или только *урядник* Индейского царства?

После войны Казанской Россия наслаждалась спокойствием. Были только слухи о неприятельских замыслах крымцев. Сафа-Гирей, изгнанный из Казани, дышал ненавистию, злобою и всячески убеждал хана, дядю своего, ко впадению в московские пределы. Наконец — когда великий князь по своему обыкновению готовился ехать с двором на любимую охоту в Волок Ламский, чтобы провести там всю осень — узнали в Москве (14 августа), что войско ханское идет к Рязани. Сам царевич

Ислам, тогдашний калга, уведомил о сем великого князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однако ж шел вместе с ним, будто бы склоняя его к миру. Увеличенные рассказы о силе неприятеля испугали двор, так что государь, немедленно послав воевод к берегам Оки и вслед за ними сам 15 августа выехав в Коломну, велел боярам московским изготовиться к осаде, а жителям с их имением перевозиться в Кремль. На пути встретились ему гонцы из Рязани от наместника, князя Андрея Ростовского, с вестию, что Ислам и Сафа-Гирей выжгли посады рязанские, но что город будет крепким щитом Москвы, если разбойники захотят осаждать его. Василий в тот же час отрядил легкую конницу за Оку *добывать языков*. Смелый воевода, князь Димитрий Палецкий, нашел толпы хищников близ Зарайска; разбил их и взял многих пленников. Другой воевода, князь Оболенский-Телепнев-Овчина, с московскими дворянами гнал и потопил стражу неприятельскую в Осетре, но, в горячности наскакав на главную силу царевичей, спасся только необычайным мужеством. Ожидая за ними великого князя со всеми полками, татары ушли в степи. Война кончилась в пять дней; но мы не могли отбить своих пленников, уведенных неприятелем в улусы. Многолюдные села рязанские снова опустели, и хан Саип-Гирей хвалился, что Россия лишилась тогда не менее ста тысяч людей. «Царевичи, — писал он к Василию, — сделали по-своему, а не по-моему; я велел им воевать Литву: они воевали Россию. Но упрекай себя. Князья говорят мне: *что дает нам дружба с Москвою? по соболю в год. А рать? тысячи*. Я не умел ничего ответствовать им. Избирай любое: хочешь ли мира и союза? да будут дары твои по крайней мере в цену трех или четырех сот пленников». Он требовал от великого князя денег, ловчих птиц, *хлебника* и *повара*. Калга Ислам уверял Василия, как *названого* отца, в непременном дружестве; а Сафа-Гирей писал к нему с такими угрозами: «Я был некогда тебе сыном; но ты не захотел моей любви — и сколько бедствий пало на твою голову? Видишь землю свою в пепле и в разорении. Еще снова можешь сделаться нам другом, или не престанем воевать, пока здравствуют дяди мои, царь и калга; где узнаю врага твоего, соединюсь с ним на тебя и довершу месть ужасную. Ведай!» Сии грамоты были отданы чиновникам великокняжеским декабря 1: государь уже находился при последнем издыхании.

Летописцы говорят, что странное небесное знамение еще 24 августа [1533 г.] предвестило смерть Василиеву; что в первом часу дня круг солнца казался вверху будто бы срезанным; что оно мало-помалу темнело среди ясного неба и что многие люди, смотря на то с ужасом, ожидали какой-нибудь великой государственной перемены. Василий имел 54 года от рождения; бодрствовал духом и телом; не чувствовал дотоле никаких припадков старости; не знал болезней; любил всегда деятельность и движение. Радуясь изгнанию неприятеля, он с супругою и детьми праздновал 25 сентября, день Св. Сергия, в Троицкой лавре; поехал на охоту в Волок Ламский и в своем селе Озерецком занемог таким недугом, который сперва нимало не казался опасным. На сгибе левого стегна[1] явилась болячка с булавочную головку, без верха и гноя, но мучительная. Великий князь с нуждою[2] доехал до Волока; однако ж был на пиру у дворецкого, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходил в мыльню и обедал с боярами. Время стояло прекрасное для охоты: государь выехал с собаками; но от сильной боли возвратился с поля в село Колпь и лег в постелю. Немедленно призвали Михаила Глинского и двух немецких медиков, Николая Люева и Феофила. Лекарства употреблялись русские: мука с медом, печеный лук, масть, горшки и семенники. Сделалось воспаление: гной шел целыми тазами из чирья. Боярские дети перенесли государя в Волок Ламский. Он перестал есть; чувствовал тягость в груди и, скрывая опасность не от себя, но единственно от других, послал стряпчего Мансурова с дьяком Путятиным в Москву за духовными грамотами своего отца и деда, не велев им сказывать того ни великой княгине, ни митрополиту, ни боярам. С ним находились в Волоке, кроме брата, Андрея Иоанновича, и Глинского, князья Бельский, Шуйский, Кубенский: никто из них не знал сей печальной тайны, кроме дворецкого Шигоны. Другой брат Василиев, Юрий Иоаннович, спешил к нему из Дмитрова: великий князь отпустил его с утешением, что надеется скоро выздороветь; приказал везти себя в Москву шагом, в санях, на постеле; заехал в Иосифову обитель, лежал в церкви на одре, и когда диакон читал молитву о здравии государя, все упали на колени

[1] Стегно — бедро.

[2] С нуждою — то есть с трудом.

и рыдали: игумен, бояре, народ. Василий желал въехать в Москву скрытно, чтобы иноземные послы, там бывшие, не видали его в слабости, в изнеможении; остановился в Воробьеве, принял митрополита, епископов, бояр, воинских чиновников, и только один показывал твердость: духовные и миряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мост на реке, просекая тонкий лед. Едва сани государевы взъехали, сей мост обломился: лошади упали в воду, но боярские дети, обрезав гужи, удержали сани на руках. Великий князь запретил наказывать строителей. Внесенный в кремлевские *постельные хоромы*, он созвал бояр, князей Ивана и Василия Шуйских, Михайла Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинского, казначея Головина, дворецкого Шигону и велел при них дьякам своим писать новую духовную грамоту, уничтожив прежнюю, сочиненную им во время митрополита Варлаама; объявил трехлетнего сына, Иоанна, наследником государства под опекою матери и бояр до пятнадцати лет его возраста; назначил удел меньшему сыну; устроил державу и церковь; не забыл ничего, как сказано в летописях: но, к сожалению, сия важная хартия утратилась, и мы не знаем ее любопытных подробностей.

Желая утвердить душу свою в сии торжественные минуты, государь тайно причастился. Быв дотоле на одре недвижим, он с легкою помощию боярина Захарьина встал, принял святые дары с верою, любовию и слезами умиления; лег снова и хотел видеть митрополита, братьев, всех бояр, которые, узнав о недуге его, съехались из деревень в столицу; сказал им, что поручает юного Иоанна Богу, Деве Марии, Святым Угодникам и митрополиту; что дает ему государство, наследие великого отца своего; что надеется на совесть и честь братьев, Юрия и Андрея; что они, исполняя крестные обеты, должны служить племяннику усердно в делах земских и ратных, да будет тишина в Московской державе и да высится рука христиан над неверными. Отпустив митрополита и братьев, так говорил боярам: «Ведаете, что державство наше идет от великого князя киевского, Святого Владимира; что мы природные вам государи, а вы наши *извечные* бояре. Служите сыну моему, как мне служили; блюдите *крепко*, да царствует над землею; да будет в ней правда! Не оставьте моих племянников, князей Бельских; не оставьте Михаила Глинского: он мне ближний по великой

княгине. Стойте все заедино как братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте нашему юному государю в правлении и в войнах; а ты, князь Михаил, за моего сына Иоанна и за жену мою Елену должен охотно пролить всю кровь свою и *дать тело свое на раздробление*!»

Василий изнемогал более и более. Выслав всех, кроме Глинского, Захарьина, ближних детей боярских и двух врачей, Люева и Феофила, он требовал, чтобы ему впустили в рану чего-нибудь крепкого: ибо она гнила и смердела. Захарьин утешал его вероятностию скорого выздоровления. Великий князь сказал немцу Люеву: «Друг и брат! ты добровольно пришел ко мне из земли своей и видел, как я любил тебя и жаловал: можешь ли исцелить меня?» Люев ответствовал: «Государь! слышав о твоей милости и ласке к добрым иноземцам, я оставил отца и мать, чтобы служить тебе; благодеяний твоих не могу исчислить; но, государь! не умею воскрешать мертвых: я не Бог!» Тут великий князь обратился к детям боярским и молвил с улыбкою: «Друзья! слышите, что я уже не ваш!» Они горько заплакали; не хотели растрогать его, вышли вон и пали на землю, как мертвые. Он забылся на несколько минут; открыл глаза и громко произнес: «Да исполнится воля Божия! буди имя Господне благословенно отныне и до века».

Сие было 3 декабря [1533 г.]. Игумен Троицкий, Иоасаф, тихо приближился к одру болящего. Василий сказал ему: «Отче! молись за государство, за моего сына и за бедную мать его! У вас я крестил Иоанна, отдал Угоднику Сергию, клал на гроб Святого, поручил вам особенно: молитесь о младенце государе!» Он не велел Иоасафу выезжать из Москвы и, пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвал думных бояр: Шуйских, Воронцова, Тучкова, Глинского, Шигону, Головина и дьяков; беседовал с ними от третьего до седьмого часа о новом правлении, о сношениях бояр с великою княгинею Еленою во всех важных делах, изъявляя удивительную твердость, хладнокровие и заботливость о судьбе оставляемой им державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы он подкрепил свои силы пищею; но Василий не мог есть и сказал: «Смерть предо мною; желаю благословить сына, видеть жену, проститься с нею... Нет! боюсь ее горести; вид мой устрашит младенца». Братья и бояре настояли, чтобы он призвал Елену. Князь Андрей Иоаннович и Михаил Глинский пошли за нею. Государь

возложил на себя крест Св. Петра митрополита и хотел прежде видеть сына. Брат Еленин, князь Иван Глинский, принес его на руках. Держа крест, Василий сказал младенцу: «Буди на тебе милость Божия и на детях твоих! Как Св. Петр благословил сим крестом нашего прародителя, великого князя Иоанна Данииловича, так им благословляю тебя, моего сына». Он просил надзирательницу, боярыню Агриппину, чтобы она неусыпно берегла своего державного питомца и, слыша голос супруги, велел унести Иоанна. Князь Андрей и боярыня Челяднина вели Елену под руки: она страшно вопила и билась об землю в отчаянии. Великий князь утешал ее, говоря: «мне лучше; не чувствую никакой боли» — и с нежностию молил успокоиться. Елена наконец ободрилась и спросила: «Кому же поручаешь бедную супругу и детей?» Василий отвечал: «Иоанн будет государем; а тебе, следуя обыкновению наших отцов, я назначил в духовной своей грамоте особенное достояние». Исполняя желание супруги, он велел принести и меньшего сына, Юрия; также благословил его крестом и сказал, что он не забыт в духовной.— Умилительное прощание с Еленою раздирало сердца жалостию: все плакали и стенали. Она не хотела удалиться: Василий приказал вывести ее и, заплатив последнюю дань миру, государству и чувствительности, уже думал только о Боге.

Еще находясь в Волоке, он говорил духовнику своему, протоиерею Алексию, и любимому старцу Мисаилу: «Не предайте меня земле в белой одежде! Не останусь в мире, если и выздоровлю». Отпустив Елену, государь велел Мисаилу принести монашескую ризу и спросил игумена Кирилловской обители, в которой он издавна желал быть постриженным; но сего игумена не было в Москве. Послали за Иоасафом Троицким, за образами Владимирской богоматери и Св. Николая Гостунского. Духовник Алексий пришел с запасными дарами, чтобы дать их Василию в самую минуту кончины. «Будь передо мною — сказал великий князь — смотри и не пропусти сего мгновения». Подле духовника стоял стряпчий государев, Феодор Кучецкой, бывший свидетелем Иоанновой смерти. Читали канон на исход души. Василий лежал в усыплении; потом, кликнув ближнего боярина, Михайла Воронцова, обнял его с горячностию; сказал брату Юрию: «Помнишь ли преставление нашего родителя? я так же умираю», — и требовал немедленного пострижения,

одобряемого митрополитом и некоторыми боярами; но князь Андрей Иоаннович, Воронцов и Шигона говорили, что Св. Владимир не хотел быть монахом и назван Равноапостольным; что Герой Донской также скончался мирянином, но своими добродетелями без сомнения заслужил Царствие Небесное. Шумели, спорили, а Василий крестился и читал молитвы; уже язык его тупел, взор меркнул, рука упала: он смотрел на образ Богоматери и целовал простыню, с явным нетерпением ожидая священного обряда. Митрополит Даниил взял черную ризу и подал игумену Иоасафу: князь Андрей и Воронцов хотели вырвать ее. Тогда митрополит с гневом произнес ужасные слова: «*Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!* Никто не отнимет у меня души его. Добр сосуд серебряный, но лучше позлащенный!» Василий отходил. Спешили кончить обряд. Митрополит, надев епитрахиль на игумена Иоасафа, сам постриг великого князя, переименованного Варлаамом. Второпях забыли мантию для нового инока: келарь троицкий, Серапион, дал свою. Евангелие и Схима Ангельская лежали на груди умирающего. Несколько минут продолжалось безмолвие: Шигона, стоя подле одра, первый воскликнул: «Государь скончался!» и все зарыдали. – Пишут, что лицо Василиево сделалось вдруг светло, что, вместо бывшего несносного запаха от его раны, комната наполнилась благоуханием. Митрополит омыл тело и вытер хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спал в Москве. С ужасом ждали вести: народ толпился в улицах. Плач и вой раздался от дворца до Красной площади. Напрасно бояре, сами заливаясь слезами, удерживали других от громкого стенания, представляя, что великая княгиня еще не знает о кончине супруга. Митрополит, облачив умершего в полное монашеское одеяние, вывел его братьев в переднюю горницу и взял с них клятву быть верными слугами Иоанна и матери его, не мыслить о великом княжении, не изменять ни делом, ни словом. Обязав такою же присягою и всех вельмож, чиновников, детей боярских, он пошел с знатнейшими людьми к Елене, которая, видя их, упала в обморок и два часа не открывала глаз. Бояре безмолвствовали: говорил один митрополит именем Веры, утешая со слезами.

Между тем ударили в большой колокол: тело положили на одр, принесенный из Чудова монастыря, и растворили двери: народ с воплем устремился лобызать хладные руки мертвого.

Любимые певчие Василиевы хором пели: *Святый Боже!* Их никто не слыхал. Иноки Иосифова и Троицкого монастыря несли тело в церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дети боярские взяли ее на руки. Все бояре окружали гроб: князья Василий Шуйский, Михаил Глинский, Иван Телепнев-Оболенский и Воронцов шли за Еленою, вместе с знатнейшими боярынями. Погребение было великолепно и скорбь неописанная в народе. «Дети хоронили своего отца», по словам летописцев, которые с чувствительностию называют Василия *добрым, ласковым государем*: имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Василий стоит с честию в памятниках нашей истории между двумя великими характерами, Иоаннами III и IV, и не затмевается их сиянием для глаз наблюдателя; уступая им в редких природных дарованиях — первому в обширном, плодотворном уме государственном, второму в силе душевной, в особенной живости разума и воображения, опасной без твердых правил добродетели, — он шел путем, указанным ему мудростию отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближился к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не Гением, но добрым правителем; любил государство более собственного великого имени и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Иоанны III творят, Иоанны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают державы и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны Провидению.

Василий имел наружность благородную, стан величественный, лицо миловидное, взор проницательный, но не строгий; казался и был действительно более мягкосердечен, нежели суров, по тогдашнему времени. Читая письма его к Елене, видим нежность супруга и отца, который, будучи в разлуке с женою и детьми, непрестанно обращается к ним в мыслях, изъясняемых простыми словами, но внушаемыми только чувствительным сердцем. Рожденный в век еще грубый и в самодержавии новом, для коего строгость необходима, Василий по своему характеру искал средины между жестокостию ужасною и слабостию вредною: наказывал вельмож, и самых ближних, но часто и миловал, забывал вины. Умный боярин Беклемишев заслужил

его гнев: удаленный от двора, жаловался на великого князя с нескромною досадою; находил в нем пороки и предсказывал несчастия для государства. Беклемишева судили, уличили в дерзости и казнили смертию на Москве-реке; а дьяку Федору Жареному отрезали язык за лживые слова, оскорбительные для государевой чести. Тогда не отличали слов от дел и думали, что государь, как земной Бог, может наказывать людей и за самые мысли, ему противные! Опасались милосердия в таких случаях, где святая особа венценосца могла унизиться в народном мнении; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. — Кроме двух несчастных жертв политики, юного великого князя Димитрия и Шемякина, сын героя Даниила Холмского, воевода и боярин князь Василий, супруг государевой сестры Феодосии, в 1508 году был сослан на Белоозеро и в темнице умер. Такую же участь имел и знатный дьяк Долматов: назначенный в посольство к императору Максимилиану, он не хотел ехать, отговариваясь своею бедностию: велели опечатать его дом, нашли в оном 3000 рублей денег и наказали Долматова как преступника. Государь простил князей Ивана Воротынского и Шуйских, которые думали уйти в Литву. Иван Юрьевич Шигона, быв несколько лет в опале, сделался после одним из первых любимцев Василиевых, равно как и Георгий Малый Траханиот, грек, выехавший с великою княгинею Софиею: пишут, что он впал в немилость от тайной связи с купцом греческим Марком, осужденным в Москве за какую-то опасную для церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разум Георгия, великий князь возвратил ему свою милость, советовался с ним о важнейших делах и для того приказывал знатным чиновникам возить его нездорового во дворец на тележке. Муж славный в нашей церковной истории, инок Максим Грек, был также в числе знаменитых, винных или невинных страдальцев сего времени. Судьба его достопамятна: расскажем обстоятельства.

Василий, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему родителем, увидел множество греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею и лежавших в пыли, без всякого употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык славянский: не нашли в Москве и писали в Константинополь.

Патриарх, желая угодить великому князю, искал такого *философа* в Болгарии, в Македонии, в Фессалонике; но иго оттоманское задушило все остатки древней учености: тьма и невежество господствовали в областях султанских. Наконец узнали, что в славной обители Благовещения, на горе Афонской, есть два инока, Савва и Максим, богословы искусные в языках греческом и славянском. Первый в изнеможении старости не мог предприять дальнего путешествия в Россию, второй согласился исполнить волю патриарха и великого князя. В самом деле нельзя было найти человека, способнейшего для замышляемого труда. Рожденный в Греции, но воспитанный в образованной Западной Европе, Максим учился в Париже, во Флоренции; много путешествовал, знал разные языки, имел сведения необыкновенные, приобретенные в лучших университетах и беседах с мужами просвещенными. Василий принял его с отменною милостию. Увидев нашу библиотеку, изумленный Максим сказал в восторге: «Государь! вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоземцами от варваров Магометовых». Великий князь слушал его с живейшим удовольствием и поручил ему библиотеку; а ревностный грек, описав все, еще неизвестные славянскому народу книги, по желанию государеву перевел Толковую Псалтирь с помощию трех москвитян, Власия, Димитрия и Михайла Медоварцова. Одобренная митрополитом Варлаамом и всем духовным Собором, сия важная книга, прославив Максима, сделала его любимцем великого князя, так что он не мог с ним расстаться и ежедневно беседовал о предметах Веры. Умный грек не ослепился сею честию: благодаря Василия, убедительно требовал отпуска в тишину своей Афонской обители и говорил: «Там буду славить имя твое, скажу моим единоземцам, что мир еще имеет царя христианского, сильного и великого, который, если угодно Всевышнему, может освободить нас от тиранства неверных». Но Василий ответствовал ему новыми знаками благоволения и держал его девять лет в Москве: время, употребленное Максимом на переводы разных книг, на исправление ошибок в старых переводах и на сочинения душеспасительные, из коих знаем более ста. Имея свободный доступ к великому князю, он ходатайствовал иногда за вельмож, лишаемых государевой милости, и возвращал им

оную, к неудовольствию и зависти многих людей, в особенности духовенства и суетных иноков Иосифова монастыря, любимых великим князем. Смиренный митрополит Варлаам мало думал о земном; но преемник Варлаамов, гордый Даниил, не замедлил объявить себя врагом чужеземца. Говорили: «Кто сей человек, дерзающий искажать древнюю святыню наших церковных книг и снимать опалу с бояр?» Одни доказывали, что он еретик; другие представили его великому князю злоязычником, неблагодарным, втайне осуждающим дела государевы. Сие было во время развода Василиева с несчастною Соломониею: уверяют, что сей благочестивый муж действительно не хвалил оного; по крайней мере находим в Максимовых творениях *Слово к оставляющим жен своих без вины законной*. Любя вступаться за гонимых, он тайно принимал их у себя в келье и слушал иногда речи, оскорбительные для государя и митрополита. Например: несчастный боярин Иван Беклемишев, жалуясь ему на вспыльчивость великого князя, сказал, что прежде достойные церковные пастыри удерживали государей от страстей и несправедливости, но что Москва уже не имеет митрополита; что Даниил носит только имя и личину пастыря, не мысля быть наставником совести, ни покровителем невинных; что Максима никогда не выпустят из России: ибо великий князь и митрополит опасаются его нескромности в чужих землях, где он мог бы огласить их слабости. Наконец умели довести государя до того, что он велел судить Максима: обвинили его и заточили в один из тверских монастырей как уличенного в ложных толкованиях Св. Писания и догматов церковных: что, по мнению некоторых современников, было клеветою, вымышленною чудовским архимандритом Ионою, коломенским епископом Вассианом и митрополитом.

В государственных бумагах сего времени находим, что знатные люди, недовольные Василием, обвиняли его в излишней надежности на самого себя, в неуважении советов, в упрямстве, нетерпении противоречий, несмотря на то, что он решил все дела *именем боярским*. «Иоанн, — говорил они, — не употреблял сего выражения в бумагах, но охотно слушал противоречия и любил смелых; а Василий не чтит старых людей и делает все дела запершися сам-третей, у постели». Жаловались также на любовь его к *новым обычаям*, привезенным в Москву с Софииными греками, которые, по их словам, *замешали* Рус-

скую землю. Но все такие, можно сказать, легкие обвинения, если и справедливые, доказывая, что Василий не был чужд обыкновенных слабостей человеческих, опровергают ли сказание летописцев о природном его добродушии? Снискав общую любовь народа, он, по словам историка Иовия, не имел воинской стражи во дворце: ибо граждане служили ему верными телохранителями.

Великий князь, как говорили тогда, *судил* и *рядил землю*[1] всякое утро до самого обеда, после коего уже не занимался делами; любил сельскую тишину; живал летом в Острове, Воробьеве или в Москве на Воронцове поле до самой осени; часто ездил по другим городам и на псовую охоту, в Можайск и Волок Ламский; но и там не забывал государства: трудился с думными боярами и дьяками; иногда принимал послов иноземных. Барон Герберштеин описывает так охоту великокняжескую: «Мы увидели государя в поле; оставили лошадей своих и приближились к нему. Он сидел на гордом коне, в богатом терлике, в высокой, осыпанной драгоценными каменьями шапке, с златыми перьями, которые развевались ветром; на бедре висели кинжал и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подле него ехали с правой стороны царь казанский, Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой два князя молодые, из коих один держал секиру, другой булаву, или шестопер; вокруг более трехсот всадников». Перед вечером сходили с коней; расставляли шатры на лугу. Государь, переменив одежду, садился в своем шатре на кресла, призывал бояр и весело беседовал с ними о подробностях счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и мед. — Самые древние князья наши, Всеволод I, Мономах и другие любили звериную ловлю; но Василий едва ли не первый завел *псовую* охоту: ибо россияне в старину считали псов животными нечистыми и гнушались ими.

Двор его был великолепен. Василий умножил число сановников оного, прибавив к ним *оружничего, ловчих, крайчего*[2] и *рынд. Крайчий* был то же, что ныне обер-шенк; а *рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые

---

[1] Земля — население, подданные.

[2] Крайчий (кравчий) — распорядитель трапезы (первоначально — тот, кто «кроил», «крушил» пироги за столом).

17 Зак. № 39

по красоте, нежной приятности лица, стройному стану: одетые в белое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили перед великим князем, когда он являлся народу; стояли у трона и казались иноземцам подобием Ангелов Небесных; а в воинских походах хранили доспех государев. — Смиренный в церкви, где — удаляя от себя многочисленных царедворцев, он стоял всегда один у стены, близ дверей, опираясь на свой посох, — Василий любил пышность во всех иных торжественных собраниях, особенно в приеме иноземных послов. Чтобы они видели множество и богатство народа, славу и могущество великого князя, для того в день их представления запирались все лавки, останавливались все работы и дела: граждане в лучшем своем платье спешили к Кремлю и густыми толпами окружали стены его. Из окрестных городов призывали дворян и детей боярских. Войско стояло в ружье. Чиновники за чиновниками, одни других знатнее, выходили навстречу к послам. В приемной палате, наполненной людьми, царствовало глубокое молчание. Государь сидел на троне; близ него, на стене, висел образ; перед ним, с правой стороны, лежал *колпак*, с левой посох. Бояре сидели на скамьях в одежде, усеянной жемчугом, в высоких *горлатных* шапках[1]. Обеды великокняжеские продолжались иногда до самой ночи. В большой комнате накрывались столы в несколько рядов. Подле государя занимали место братья его или митрополит; далее вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. В средине, на высоком столе, сияло множество золотых сосудов, чаш, кубков и проч. Первым блюдом были всегда жареные лебеди. Разносили кубки с мальвазиею и с другими греческими винами. Государь в знак милости сам к некоторым посылал кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другие также вставали, из учтивости к ним: за что надлежало их благодарить особенными поклонами. Для сокращения времени гости могли свободно разговаривать друг с другом. Беседы веселые, благочинные без принуждения, нравились Василию. С иноземцами говаривал он за обедом весьма ласково; называл их монархов великими; желал, чтобы они, утружденные дальним путем, насладились в

---

[1] Горлатный мех — взятый у горла зверя, мягкий, нежный; такой мех ценился особо.

Москве отдохновением и собрали новые силы для пути обратного; предлагал им вопросы, и проч. «Когда мы — пишет Франциск да-Колло, посол Максимилианов — ночью возвращались домой из Кремля, все улицы были освещены так ярко, что ночь казалась днем».— Сверх даров послам ежедневно отпускалось в изобилии все для них нужное; считалось за обиду, если они что-нибудь покупали. Приставы смотрели им в глаза, ответствуя за малейшее неудовольствие сих почетных гостей.

Василий так же, как и родитель его, назывался только великим князем для России, употребляя следующий титул в *сношениях с державами иноземными*: «Великий Государь Василий, Божиею милостию Царь и Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, Московский, Новогородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных». Иоанн на предложение императора дать ему королевское достоинство ответствовал, как мы видели, гордо; а Василий на такое же предложение папы Леона X не ответствовал ни слова, вопреки басням иностранных писателей, которые думали, что наши великие князья издревле домогались королевского титула.

Следуя во всем Иоанну, Василий старался привлекать иноземцев полезных в Россию. Кроме людей, искусных в деле воинском, он первый из великих князей имел немецких лекарей при дворе. Мы упоминали о Люеве и Феофиле: сей последний был любчанин, взятый в плен воеводою Сабуровым в Литве. Магистр прусский ходатайствовал о свободе его; но великий князь сказал, что сей немец лечит одного из наших вельмож и должен прежде возвратить ему здоровье, а после требовать отпуска в свою землю. Волею или неволею Феофил остался в Москве, где находился и третий знаменитый лекарь, родом грек, именем Марко, коего жена и дети жили в Цареграде. Султан писал к великому князю: «Отпусти Марка к его семейству; он заехал в Россию единственно для торговли»; но государь отвечал: «Марко издавна служит мне добровольно и лечит моего новогородского наместника; пришли к нему жену и детей». Иноземцам с умом и с дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее.

Василий издал многие законы для внутреннего благоустройства государственного, которые вместе с Уложением отца его вошли в Судебник царя Иоанна Василиевича. Например, сей великий князь уставил, чтобы владельцы тверские, оболенские, белозерские и рязанские не продавали отчин своих жителям других областей; чтобы наследники людей, отказавших имение монастырям, не выкупали оного, если в завещании не дано им право на сей выкуп, и проч. Жалованная Смоленская грамота велит наместникам отдавать всякое поличное[1] истцам, искоренять ябедников и немедленно освобождать судимого, представляющего надежных порук; дозволяет мещанам без явки рубить лес около города; запрещает боярам кабалить вольных людей и держать корчмы; определяет пошлину судную, мировую, брачную, *стадную, убойную* и показывает нам тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенных доходов, изобретенную в веки невежества. Важное и любопытное судное постановление сделано было Василием в Новегороде: узнав, что наместники и тиуны кривят душою в решении тяжб, он велел избрать там 48 целовальников[2], или присяжных, с тем, чтобы сии люди, достойные общего уважения, по очереди судили все дела с тиунами. Для чего не распространил он столь мудрого и благодетельного учреждения на все государство? Может быть, другие россияне еще не имели довольно гражданского ума и навыка; они молчали, а новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавие не мешало государю дать лучшим гражданам участие в судном праве.— Летописцы хвалят еще Василия за утверждение тишины и безопасности в Новегороде: он учредил там пожарную и ночную стражу; велел, как и в Москве, замыкать ввечеру улицы рогатками и совершенно прекратил воровство. Лишенные способа жить кражею и злодействами, негодники ушли или обратились к трудолюбию, выучились ремеслам и сделались людьми полезными.

При сем великом князе построены четыре важные крепости с каменными стенами: в Нижнем Новегороде, Туле, Коломне и Зарайске; первую строил Петр Фрязин: она еще цела. Коширу и Чернигов укрепили только валом и деревянными баш-

---

[1] Поличное — то есть улика, украденная вещь.

[2] Целовальник — принесший присягу целованием креста.

нями. В Москве фрязин Алевиз обложил кремлевские рвы кирпичом и выкопал несколько прудов в предместиях. В Новегороде, опустошенном пожарами, чиновники великокняжеские размерили улицы, площади, ряды на образец московских. — Из храмов, созданных Василием, доныне существуют в Москве кремлевская церковь Св. Николая Гостунского (на том месте, где была деревянная) и Девичий монастырь, основанный в знак благодарности ко Всевышнему за взятие Смоленска. Государь из собственной казны своей отложил на то 3000 рублей (около шестидесяти тысяч нынешних), кроме дворцовых сел и деревень, данных сему монастырю. Главным строителем церковным был тогда фрязин Алевиз *Новый*. Довершив храм Михаила Архангела, Василий (в 1507 году) перенес туда гробы своих предков и сам назначил себе могилу подле родителя. Собор Успенский был (в 1515 году) украшен живописью, *чудною* и столь искусною, говорят летописцы, что великий князь, святители и бояре, вступив в церковь, сказали: «Мы видим небеса!» Между иконописцами славился россиянин Федор Едикеев, который расписывал церковь Благовещения, соединенную с новым великолепным дворцом, куда Василий перешел в мае 1508 года.

Церковная история Василиева государствования, кроме мнимой ереси Максима Грека в исправлении священных книг, представляет не много достопамятных случаев. Уже давно мощи Алексия митрополита, по сказанию летописцев, исцеляли недужных: но в 1519 году были священным обрядом утверждены во славе чудотворения. Митрополит Варлаам донес государю, что многие слепцы, с усердием лобызая руку Алексия, прозрели. Собралось все духовенство и несметное число людей при колокольном звоне. Объявили чудеса и доказательства оных. Пели молебен над Святым гробом: великий князь, обливаясь слезами умиления, первый поклонился оному и восхвалил милость Неба, которая во дни его царствования открыла *второй источник* благодати и спасения для Москвы. Светло праздновали сей день, и Св. Алексий, в народном мнении, стал наряду с древним московским Угодником Божиим, митрополитом Петром.

Немалым соблазном для духовенства и мирян была тогдашняя ссора архиепископа новогородского, Серапиона, с Св. Иосифом Волоцким за то, что сей последний с монастырем

своим отложился от его ведомства к митрополии. Великий князь в гневе лишил Серапиона епархии, и новогородцы, 17 лет не имев святителя, с радостию встретили наконец знаменитого Макария, бывшего архимандрита Лужковского, согласно с древним обычаем поставленного к ним в архиепископы. Летописец их славит сие время как счастливейшее для его отчизны, где молитвами ревностного пастыря веселилась тишина, сопутствуемая здравием людей, обилием и веселием. Макарий первый учредил *общежительство* в монастырях новогородских и тем умножил везде число иноков, доставив им способ жить беспечно: ибо прежде каждый из них имел свое хозяйство, соединенное с заботами. Строгий в наблюдении благочиния, он вывел игуменов из всех женских монастырей и дал инокиням настоятельниц; отличался также усердием к лепоте церковной: сделал в Софии, на место обветшалых, новые богатые царские двери и великолепный амвон; расписал стены, обновил иконы, между которыми древнейшие были греческие: Спасителя и апостолов, Петра и Павла, *устроенные* (как сказано в летописи) *из золота и серебра*. — В первые годы Макариева архиепископства лапландские поморяне, обитавшие близ устья реки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старейшин к великому князю, моля его дать им учителей христианских; а государь велел Макарию отправить туда софийского иерея с диаконом, которые просветили жителей истиною Евангельскою. Чрез несколько лет еще отдаленнейшие дикари, лапландцы кольские, изъявили Макарию желание креститься и с великим усердием приняли священников. Так россияне, от самых древних времен до новейших, насаждали Веру Спасителеву, не употребляя ни малейшего принуждения. Но сии люди полудикие, уже веруя во Христа, еще держались старых обычаев: в пятине Вотской, в Ижере, около Иванягорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каянии и Лапландии, на пространстве тысячи верст или более, народ еще обожал солнце, луну, звезды, озера, источники, реки, леса, камни, горы; имел жрецов, именуемых арбуями, и, ходя в церкви христианские, не изменял и кумирам. Макарий, с дозволения государева, послал туда умного монаха Илию с наставительною грамотою к жителям, которые, уверяя его в их ревности к христианству, говорили, что они не смеют коснуться своих идолов, хранимых ужасными духами. Илия зажег мнимые леса священные, бросил в воду кумиры, удивил

народ и проповедью слова Божия довершил торжество христианства. Летописец сказывает, что пятилетние младенцы помогали сему добродетельному иноку сокрушать мольбища идолопоклонников. — Заметим, что не только чудь, но и самые россияне в XVI веке еще усердно следовали некоторым языческим обыкновениям. Жители Псковской области 24 июня праздновали день Купала: собирали травы в пустынях и в дубравах с какими-то суеверными обрядами, а ночью веселились, били в бубны, играли на сопелях, на гудках; молодые жены, девицы плясали, обнимались с юношами, забывая стыд и целомудрие: о чем ревностный игумен Елеазаровской обители старец Памфил с укоризною писал к наместнику и сановникам Пскова в 1505 году.

Угнетенное игом неверных и бедностию, духовенство греческое, как и прежде, искало утешения и благодеяний в России. Константинопольский патриарх Феолипт (в 1518 году) присылал к нам янинского митрополита Григория с афонскими иноками, чтобы разжалобить великого князя описанием их печального состояния. Благословляя христианскую добродетель россиян, они выехали из Москвы с богатыми дарами. Будучи в дружбе с султаном, государь и сам посылал милостыню в Грецию с своими чиновниками.

При Василии (в 1509 году) был церковный Собор в литовской России, в Вильне: духовенство наше не имело участия в оном. Киевский митрополит Иосиф с семью епископами уставили там весьма строгие законы для нравственности священников, взяв меры, чтобы мирская власть не вмешивалась в права духовной. Деяния сего достопамятного Собора свидетельствуют, что церковь греческая пользовалась тогда в Литве свободою, независимостью и была верною коренным уставам православия.

В 27 лет Василиева государствования Россия испытала немалые физические бедствия: от 1507 до 1509 года свирепствовала язва с *железою*[1] в Новегороде, и в одну осень схоронено там 15 000 человек; зимою в 1512 году во многих областях люди умирали кашлем; в 1521 и 1532 году было во Пскове ужасное поветрие, от коего все государственные чиновники разбежались и которое миновалось, по известию летописцев, от употребления святой воды, присланной архиепископом Мака-

---

[1] Железа — нарыв, опухоль, бубон.

рием, великим князем и митрополитом. Тогда же и в Новегороде умерло более тысячи жителей *от прыщей*. Были чрезвычайные засухи: пишут, что летом в 1525 году около четырех недель солнце и луна не показывались на небе от густой мглы; что в 1533 году от 29 июня до сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи иссохли, леса горели: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захождения; люди в день не распознавали друг друга в лицо и задыхались от дымного смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить в воздухе. Напротив того летом в 1518 году недель пять шли непрестанно сильные дожди: реки выступили из берегов; поля залились водою; прервалось сообщение между городами и селами. Великий князь торжественными молебствиями старался умилостивить небо: двор и народ постились.— Общий неурожай в 1512 году произвел неслыханную дороговизну: бедные умирали с голоду. В сентябре 1515 года Москва имела недостаток в хлебе: нельзя было купить ни четверти ржи. В 1525 году все съестное продавалось там в десять раз дороже обыкновенного. — Летописцы жалуются на частые пожары (обвиняя в том учреждение пороховых заводов): в Москве, Пскове, особенно в Новегороде, где (в 1508 году) самые каменные палаты распадались от силы огня и сгорело 5314 человек.— Явление трех комет (от 1531 до 1533 года) во всей России приводило народ в ужас.

Описав деяния и случаи сего времени, напомним читателю, что оно, будучи достопамятно для России благоразумием ее правления, славно в летописях Европы, *во-первых*, редким собранием венценосцев, знаменитых делами и характером, *во-вторых*, важным церковным преобразованием. Не многие веки хвалятся такими государями *современными*, каковы были Максимилиан, Карл V, Людовик XII, Франциск I, Селим, Солиман, Генрик VIII, Густав Ваза: можем прибавить к ним и папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Все они, за исключением английского и французских королей, находились в сношениях с Василием, их достойным современником; все имели ум и дарования отличные. Но была ли счастлива Европа? Видим, как обыкновенно, необузданность властолюбия, зависть, козни, битвы и бедствия: ибо не один ум, но и страсти действуют на феатре мира. Ужасаемая могуществом Оттоманской

империи, волнуемая борением Франции с силами Испании и Австрии, Европа в то же время была потрясена церковным мятежом, который скоро сделался государственным. Уже духовная власть, или папская, очерненная многими злоупотреблениями, давно слабела в западных державах, но упорствовала в своих гордых требованиях и не хотела обратиться к истинному духу христианства, вопреки успехам просвещения. Явился бедный инок Мартин Лютер, который, свергнув с себя монашескую одежду и держа в руке Евангелие, смел назвать папу Антихристом: уличал его в обманах, в корыстолюбии, в искажении святыни и, несмотря на церковные клятвы, Соборы и гнев Карла V, основал новую Веру, хотя также на Евангельском учении, но с отвержением многих важных, значительных обрядов, введенных в самом начале христианства и без сомнения полезных: ибо люди имеют не только разум, но и воображение, не менее первого действующее на сердце. Обнажив богослужение, лишив оное торжественности и как бы закрыв для мысли Небо, куда взор и дух молящихся устремляются от велелепия алтарей, от таинственного священнодействия Литургии, сей решительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповедию; оказал еще более ненависти к Риму, нежели усердия к Сиону; ссылаясь единственно на Христа и апостолов, не подражал им в кротости: подвергая догматы церкви суду ума, говорил языком страстей, и, лишив папу духовной власти во многих землях Германии, в трех северных королевствах, в бывших владениях Немецкого ордена и в Ливонии, сам представлял лицо начальника церковного, обязанный своим торжеством не фанатизму народному, а земным расчетам правителей: удерживая имя христиан и святыню Евангелия, новым исповеданием они свергали с себя иго зависимости от гордого, взыскательного, корыстолюбивого Рима; присоединяли дани и пошлины церковные к своим доходам и могли в делах совести уже не бояться духовного запрещения. Многие толкователи всемирных происшествий говорят о лютеранской Вере как о великом благодеянии для человечества: она неоспоримо способствовала успехам просвещения и лучшей нравственности, соединенной с оными; но первым ее следствием были кровопролития и новые секты христианские; отчасти вредные для самых правительств

и спокойствия гражданского. Генрик VIII, написав книгу против Лютера, сам последовал его примеру: оставил римское исповедание и сделался главою англиканского, связав оное крепким узлом с пользою королевской власти и дав себе волю удовлетворять своему гнусному любострастию переменою жен. Одним словом, если враги латинской церкви справедливо винили ее в неверности к истинному христианству, то и ревностные католики по совести могли винить их в лицемерии, в обманах и в беззаконии. Сия важная перемена церковная не укрылась от внимания наших современных богословов: об ней рассуждали в Москве, и Грек Максим написал *Слово о Лютеровой ереси*, где, не хваля мирского властолюбия пап, строго осуждает новости в Законе, внушаемые страстями человеческими.

Глава IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ 1462—1533 гг.

Правление. Войско. Правосудие. Торговля. Деньги. Бережливость государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въезд послов. Иноземцы. Словесность. Известия о Востоке и Севере России.

В сие время отечество наше было *как бы новым светом, открытым* царевною Софиею для знатнейших европейских держав. Вслед за нею послы и путешественники, являясь в Москве, с любопытством наблюдали физические и нравственные свойства земли, обычаи двора и народа; записывали свои примечания и выдавали оные в книгах, так что уже в первой половине XVI века состояние и самая древняя история России были известны в Германии и в Италии. Контарини, Павел Иовий, Франциск да-Колло, в особенности Герберштеин старались дать современникам ясное, удовлетворительное понятие о сей новой державе, которая вдруг обратила на себя внимание их отечества.

Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. «Скажет, и сделано, — говорит барон Герберштеин: — жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан, совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо, как в делах Божества: ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово их: *так угодно Богу и государю; ведает Бог и государь*. Усердие сих людей невероятно. Я видел одного из знатных великокняжеских чиновников, бывшего послом в Испании, седого старца, который, встретив нас при въезде в Москву, скакал верхом, суетился, бегал, как молодой человек; пот градом тек с лица его. Когда я изъявил ему свое удивление, он громко сказал: *ах, господин барон! мы служим государю не по-вашему*! Не знаю, свойство ли народа требовало для России таких самовластителей, или самовластители *дали* народу такое свойство». Без сомнения *дали*, чтобы Россия спаслась и была великою державою. Два государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам *тиранией*: они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление самодержавия, являясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*: никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастие народное.

Сии иноземные наблюдатели сказывают, что великий князь, будучи для подданных образом Божества, превосходя всех иных венценосцев в *нравственном могуществе*, не уступал никому из них и в воинских силах, имея *триста тысяч* боярских детей и *шестьдесят тысяч* сельских ратников, коих содержание ему ничего или мало стоило: ибо всякий боярский сын, наделенный от казны землею, служил без жалованья, кроме самых беднейших из них и кроме литовских или немецких пехотных воинов, числом менее двух тысяч. Конница состав-

ляла главную силу; пехота не могла с успехом действовать в степях против неприятелей конных. Оружием были лук, стрелы, секира, кистень, длинный кинжал, иногда меч, копье. Знатнейшие имели кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными в поле: вылитые италиянскими художниками для защиты и осады городов, они стояли неподвижно в Кремле на лафетах. В битвах мы надеялись более на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти в тыл неприятелю, окружить его, вообще действовать издали, не врукопашь; а когда нападали, то с ужасным стремлением, но непродолжительным. «Они,— пишет Герберштеин,— в быстрых своих нападениях как бы говорят неприятелю: *беги, или мы сами побежим*! И в общежитии и в войне народы удивительно разнствуют между собою. Татарин, сверженный с коня, обагренный кровию, лишенный оружия, еще не сдается в плен: машет руками, толкает ногою, грызет зубами. Турок, видя слабость свою, бросает саблю и молит победителя о милосердии. Гонись за русским: он уже не думает обороняться в бегстве; но никогда не требует пощады. Коли, руби его: молчит и падает».— Щадя людей и худо употребляя снаряд огнестрельный, мы редко брали города приступом, надеясь изнурить жителей долговременною осадою и голодом. Располагались станом обыкновенно вдоль реки, недалеко от леса, в местах паственных. Одни чиновники имели наметы; воины строили себе шалаши из прутьев и крыли их подседельными войлоками в защиту от дождя. Обозов почти не было: возили все нужное на вьючных лошадях. Каждый воин брал с собою в поход несколько фунтов толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кроме воевод, которые иногда давали им вкуснейшие обеды. Полки имели своих музыкантов или трубачей. На великокняжеских знаменах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце.— В каждом полку особенные сановники записывали имена храбрых и малодушных, означая первых для благоволения государева и наград, а других для его немилости или общественного стыда.— Молодые люди обыкновенно готовили себя к воинской службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель; скакали на конях, боролись, и победителям была слава.

Хваля ясность, простоту наших законов и суда, не имевших нужды ни в толкователях, ни в стряпчих — не менее хваля и Василиеву любовь к справедливости — иноземцы замечали, однако ж, что богатый реже бедного оказывался у нас виновным в тяжбах; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою в своих решениях. Однажды донесли Василию, что судья московский, взяв деньги с истца и с ответчика, обвинил того, кто ему дал менее. Великий князь призвал его к себе. Судья не запирался и с видом невинного ответствовал: «Государь! я всегда верю лучше богатому, нежели бедному», разумея, что первому менее нужды в обманах и в чужом. Василий улыбнулся, и корыстолюбец остался по крайней мере без тяжкого наказания. — Не только законодательная, но и судная власть, как в самую глубокую древность, принадлежала единственно государю: все другие судьи были только его временными или чрезвычайными поверенными, от великокняжеских думных советников до тиунов сельских. Государь нередко уничтожал их приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мирская власть наказывала и духовных. Иногда митрополит жаловался на уголовных судей, которые приговаривали священников к кнуту и к виселице; судьи отвечали: «Казним не священников, а негодяев, по древнему уставу наших отцов».— В сочинении Иовия и Герберштеина находим первое известие о жестоких судных пытках, коими заставляли у нас преступников виниться в их злодеяниях: воров били по пятам; разбойникам капали сверху на голову и на все тело самую холодную воду и вбивали деревянные спицы за ногти. Обыкновение ужасное, данное нам татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными мучительными казнями.

Торговля сего времени была в цветущем состоянии. К нам привозили из Европы серебро в слитках, сукна, сученое золото, медь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; из Азии шелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг, драгоценные каменья; от нас вывозили в Немецкую землю меха, кожи, воск; в Литву и в Турцию меха и моржовые клыки; в Татарию седла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, в обмен на лошадей азиатских. Оружие и железо не выпускалось из России. В Москву ездили

польские и литовские купцы; датские, шведские и немецкие торговали в Новегороде; азиатские и турецкие на Мологе, где существовал прежде Холопий городок и где находилась тогда одна церковь. Сия ярмонка еще славилась своею знатною меною. Иноземцы обязывались показывать товары свои в Москве великому князю: он выбирал для себя, что ему нравилось; платил деньги и дозволял продажу остальных. Пряные зелия, шелковые ткани и многие иные вещи были у нас дешевы в сравнении с их ценою в Германии. Лучшие меха шли из земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотых флоринов, за черную лисицу (употребляемую на боярские шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядные платья. Волчьи меха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоил три или четыре, белка две деньги и менее.— С товаров ввозимых и вывозимых брали в казну пошлины, семь денег с рубля, а за воск четыре деньги с пуда сверх цены оного. Россия считалась в Европе землею изобильнейшею диким или бортевым медом.— Монастырь Троицкий в Смоленской области, на берегу Днепра, был главным пристанищем для купцов литовских: они жили там в гостиницах и грузили товары, покупаемые ими в России для отправления в их землю.— Некоторые места особенно славились своими произведениями для внутренней торговли: например, Калуга деревянною, красивою посудою, Муром вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще более Соловки, где находились лучшие соляные варницы. — Многие судоходные реки облегчали перевоз товаров; но Россия еще не имела морей, кроме Северного океана, к коему она примыкала своими полунощными хладными пустынями. Иногда небольшие суда ходили от устья Двины Белым морем мимо Святого Носа, Семи островов и шведской Лапландии в Норвегию и в Данию. Сим путем датский посол возвращался из Москвы в Норвегию с нашим толмачом Истомою. Другой толмач, именем Власий, плыл Сухоною, Югом и Двиною до Белого моря, чтобы ехать оттуда в Копенгаген. Сие плавание считалось весьма опасным и затруднительным: купцы скандинавские не смели вверять оному своих товаров и держались Новагорода.— Любопытно знать, что россияне уже

имели тогда сведение о Китае и думали, что можно Северным океаном достигнуть берегов сей отдаленной империи.

В России ходили серебряные и медные деньги: московские, тверские, псковские, новогородские; серебряных считалось 200 в рубле (который стоил два червонца), а медных *пул*[1] 1200 в гривне. Новогородские деньги имели почти двойную цену: их было только 140 в рубле. На сих монетах изображался великий князь, сидящий в креслах, и другой человек, склоняющий пред ним голову; на псковских — голова в венце; на московских — всадник с мечом: *новые* были ценою в половину менее старых. Золотые деньги ходили только иностранные: венгерские червонцы, римские гульдены и ливонские монеты, коих цена переменялась.— Всякий серебреник бил и выпускал монету: правительство наблюдало, чтобы сии *денежники* не обманывали в весе и чистоте металла. Государь не запрещал вывозить монету из России, однако ж хотел, чтобы мы единственно менялись товарами с иноземцами, а не покупали их на деньги.— Вместо нынешнего *ста*, обыкновенным торговым счетом было *сорок* и *девяносто*; говорили: *сорок*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста*, и проч.

Успехи торговли более и более умножали доходы государевы. Современники славят богатство и бережливость Василия. Главная казна его хранилась на Белеозере и в Вологде, как в безопаснейших и недоступных для неприятеля местах, окруженных лесами и болотами непроходимыми. «Удивительно ли,— пишут иноземцы,— что великий князь богат? Он не дает денег ни войску, ни послам и даже берет у них, что они вывозят драгоценного из чужих земель: так князь ярославский, возвратясь из Испании, отдал в казну все тяжелые золотые цепи, ожерелья, богатые ткани, серебряные сосуды, подаренные ему императором и Фердинандом Австрийским. Сии люди не жалуются, говоря: *великий князь возьмет, великий князь и наградит*». Не тем, без сомнения, Иоанн и Василий богатели, что не давали серебром жалованья войску (ибо поместья стоили серебра), и не тем, что брали иногда у послов вещи, которые

[1] Пул, пула, пуло — мелкая медная монета, полушка.

им отменно нравились; но мудрою бережливостию, точным соображением предприятий с государственными способами, запасом на случай нужды: правило важное для благоденствия держав. Карл V с сокровищами Нового Света часто не имел денег, а великие князья наши могли хвалиться богатством, издерживая менее, нежели получая.

Несмотря на деятельность торговли, Россия казалась путешественникам малонаселенною в сравнении с иными европейскими странами: редкие жительства, степи, дремучие леса, худые, пустынные, уединенные дороги свидетельствовали, что сия держава была еще новою в гражданском образовании. С ужасом говоря о наших распутицах, тленных мостах, опасностях, неудобствах в пути, чужестранцы хвалят исправность и скорость нашей почты: из Новагорода в Москву приезжали они в 72 часа, платя 6 денег за 20 верст. Лошадей было множество на учрежденных ямах: кто требовал десяти или двенадцати, тому приводили сорок или пятьдесят. Усталых кидали на дороге; брали свежих в первом селении или у проезжих.

Чем ближе к столице, тем более селений и людей встречалось глазам путешественника. Все оживлялось: на дороге обозы, вокруг частые поля, луга представляли картину человеческой деятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнине с блестящими куполами своих несметных храмов, с красивыми башнями, с белыми стенами Кремлевскими, с редкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянных зданий, среди зеленых садов и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. В слободах жили кузнецы и другие ремесленники, которые непрестанным употреблением огня могли быть опасны в соседстве: расселенные на большом пространстве, они сеяли хлеб и косили траву пред их домами, на обеих сторонах улицы. Один Кремль считался городом: все иные части Москвы, уже весьма обширной, назывались предместиями, ибо не имели никаких укреплений, кроме рогаток. На крутоберегой Яузе стояло множество мельниц. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ров кремлевский. Некоторые улицы были тесны и грязны; но сады везде чистили воздух, так что в Москве не знали никаких заразительных болезней, кроме

наносных. В 1520 году, как пишут, находилось в ней 41 500 домов, исчисленных по указу великого князя; а сколько жителей, неизвестно: но можно полагать их гораздо за 100 000. В Кремле, в разных улицах, в огромных деревянных домах (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнейшие люди, митрополит, князья, бояре. Гостиный двор (так же, где и ныне, на площади Китая-города), обнесенный каменною стеною, прельщал глаза не красотою лавок, но богатством товаров, азиатских и европейских. Зимою хлеб, мясо, дрова, лес, сено обыкновенно продавались на Москве-реке в лавках или в шалашах.

Наши свойства казались наблюдателям и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишет, что москвитяне толпятся с утра до обеда на площадях, на рынках, а заключают день в питейных домах: глазеют, шумят, а дела не делают. Герберштеин напротив того с удивлением видел их работающих в праздники. В будни запрещалось им пить; одни иноземные воины, служа государю за деньги, имели право быть невоздержными в употреблении хмельного: для чего слобода за Москвою-рекою, где они жили, именовалась *Налейками*, от слова *наливай*. Великий князь Василий, опасаясь действий худого примера, не дозволял своим подданным жить вместе с ними. У всякой рогатки на улицах стоял караул: никто не смел ходить ночью без особенной важной причины и без фонаря. Тишина царствовала в городе. Замечали, что россияне не злы, не сварливы, терпеливы, но склонны (особенно москвитяне) к обманам в торговле. Славили древнюю честность новогородцев и псковитян, которые тогда уже начинали изменяться в характере. Пословица: *товар лицом продать* служила уставом в купечестве. Лихоимство не считалось стыдом: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100 и еще хвалились умеренностию: ибо в древние времена должники платили у нас 40 на 100. — «Рабство, несовместимое с душевным благородством, было (по словам Герберштеина) общим в России: ибо и самые вельможи назывались *холопями* государя»; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность россиян к монарху; а в самом деле народ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крепостные холопи, или дво-

ровые или сельские, потомки людей купленных, военнопленных, законом лишенных вольности. В XI веке они не имели у нас ни гражданских, ни человеческих прав (так и в древнем Риме): господин мог располагать ими как собственностию, как *вещию*; мог своевольно отнимать у них жизнь, никому не ответствуя. Но в сие время — или в XVI веке — уже одна государственная власть смертию казнила холопа, следственно уже *человека*, уже *гражданина, покровительствуемого законом*. Здесь видим успех нравственности и действие лучших гражданских понятий. Вообще судьба сих природных рабов не казалась им тяжкою: ибо многие из них, освобождаемые по духовным завещаниям, немедленно искали себе новых господ и шли к ним в кабалу или в новую крепость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хороший поденщик в Москве выработывал с утра до вечера две деньги, или около двадцати копеек нынешних), но для того, что любили домашнюю легкую службу и беспечность: раб-отец не заботился о многочисленном семействе, не боялся ни старости, ни болезни. Закон молчал о должности господ: общее мнение предписывало им человеколюбие и справедливость; тираном гнушались как бесчестным гражданином; никто из вольных людей не хотел идти к нему в услужение; именем его бранились на площадях. Гораздо несчастнее холопства было состояние земледельцев свободных, которые, нанимая землю в поместьях или в отчинах у дворян, обязывались трудиться для них свыше сил человеческих, не могли ни двух дней в неделе работать на себя, переходили к иным владельцам и обманывались в надежде на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помещики нигде не жалели, не берегли их для будущего. Государь мог бы отвести им степи, но не хотел того, чтобы поместья не опустели, и сей многочисленный род людей, обогащая других, сам только что не умирал с голоду: старец, бездомок от юности, изнурив жизненные силы в рабстве наемника, при дверях гроба не знал, где будет его могила. Бедность рождает презрение: в старину называли у нас земледельцев *смердами*: в XVI веке *крестьянами*, то есть *христианами*, но в худом, варварском смысле: ибо долговременные наши тираны, Батыевы моголы, поносили россиян сим именем.— Вероятно,

что многие земледельцы шли тогда в кабалу к дворянам; по крайней мере знаем, что многие отцы продавали своих детей, не имея способа кормиться. Сын мог быть несколько раз продан отцом; но в четвертый раз отпущенный господином на волю, уже зависел единственно от себя.

Здесь представляется любопытный вопрос: неужели никогда не бывало в России крестьян-*владельцев*? По крайней мере не знаем, когда они были. Видим, что князья, бояре, воины и купцы — то есть *городские жители* — искони владея землями, отдавали их в наем крестьянам свободным. Всякая область принадлежала городу; все ее земли считались как бы законною собственностию его жителей, древних господ России, купивших, вероятно, сие право мечом в такое время, до коего не восходят летописи, ни предания. Но крестьяне, платя дань или оброк владельцам, имели свободу личную и движимую собственность.

Не только бояре знатные, но и самые простые, бедные дворяне казались спесивыми, недоступными. К первым никто не смел въехать на двор: оставляли лошадей у ворот. Благородные стыдились ходить пешком и не имели знакомства с мещанами, опасаясь тем унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, как можно заниматься делами стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужим людям и в церковь ходили редко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для них позволенною: качели. Богатые не пеклися о домашнем хозяйстве, которое лежало единственно на слугах и служанках. Бедные поневоле трудились; но самая беднейшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животного: стояла у ворот с курицею или с уткою и просила мимоходящих, чтобы они закололи сию птицу ей на обед. — Несмотря на строгое заключение жен, бывали, как и везде, примеры неверности, тем естественнее, что взаимная любовь не участвовала в браках и что мужья-дворяне, находясь в государевой службе, редко живали дома. Не жених обыкновенно сватался за невесту, но отец ее выбирал себе зятя и говорил о том с отцом его. Назначали день свадьбы, а будущие супруги еще не знали друг друга в глаза. Когда нетерпеливый жених домогался видеть невесту, то родители ее всегда

отвечали ему: «Спроси у добрых людей, какова она?» Приданое состояло в одежде, в драгоценных украшениях, в слугах, в конях и проч.; а что родственники и приятели дарили невесте, то муж должен был после свадьбы возвращать им или платить деньгами. Герберштеин первый сказал, что жена россиянка не уверена в любви супруга без частых от него побоев: сие вошло в пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для нас древними обычаями славянскими и грубою нравственностию времен Батыева ига.

Спесивые против бедных мещан, дворяне и богатые купцы были гостеприимны и вежливы между собою. Гость, входя в комнату, глазами искал святых образов, шел к ним, крестился и, несколько раз сказав вслух: *Господи помилуй*! — обращался к хозяину с приветствием: *дай Боже тебе здравия*! Они целовались, кланялись друг другу, и чем ниже, тем лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, беседовали, и гость, взяв шапку, шел опять к образам; хозяин провожал его до крыльца, а любимого до самых ворот. Потчевали приятелей медом, пивом, винами иноземными: романеею, мушкателем, канарским, белым рейнским; лучшим считалась мальвазия, употребляемая однако ж более в лекарство и во дворце за великокняжескою трапезою. Ужинов не знали: обеды были изобильные и вкусные для самых иноземцев, которые дивились у нас множеству и дешевизне всякого скота, рыбы, птиц, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла в избытке обыкновенных, дешевых вещей; умели хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродетелию, ибо казалась естественною людям, которые еще не ведали прелестей изнеженного вкуса. Дорогие одежды означали первостепенных государственных сановников: если не закон, то обыкновение воспрещало другим равняться с ними в сих принадлежностях знатности, соединенной всегда с богатством. Сии наряды употреблялись бережно; ветреная мода не изменяла оных, и вельможа оставлял свою праздничную одежду в наследство сыну. Платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроем: верхнее с опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*; другое *охабнями*, с воротником; третье *ферезями*, с пуговицами до подола, с на-

шивками или без нашивок, такое же длинное, с нашивками или только с пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*; у всякого были клинья, а на боках прорехи. Полукафтанье носили с козырем[1]; рубахи с вышитым разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными подковами; шапки высокие, шляпы поярковые[2], черные и белые. Мужчины стригли себе волосы.— Домы не блистали внутренним украшением: самые богатые люди жили в голых стенах. Сени огромные, а двери низкие, и входящий всегда наклонялся, чтобы не удариться головою об верхний косяк.

Опишем некоторые достопамятные обыкновения. Посланник великокняжеский, Димитрий, будучи в Риме и беседуя с Павлом Иовием о нравах своего отечества, сказывал ему, что россияне, искони набожные, любя чтение душеспасительных книг, не терпят проповеди в церквах, дабы слышать в них единственно слово Господне, без примеса мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою; что нигде не имеют такого священного уважения к храмам, как у нас; что муж и жена, вкусив удовольствие законной любви, не дерзают войти в церковь и слушают Обедню, стоя на паперти; что молодые нескромные люди, видя их там, угадывают причину и своими насмешками заставляют женщин краснеться; что мы весьма не любим католиков, а евреями гнушаемся и не дозволяем им въезжать в Россию.— Сие время особенно славилось открытием многих святых целебных мощей; но Иоанн и Василий не всегда верили молве и рассказам народным; а без согласия государева духовенство не умножало числа святых: когда же строгое исследование и достоверные свидетельства убеждали великого князя в истине чудес, то объявляли их всенародно, звонили в колокола, пели молебны, и недужные со всех сторон спешили ко праху новых Угодников, как ныне спешат к новым славным врачам, чтобы найти исцеление.— Тогдашняя христианская набожность произвела один умилительный обычай. Близ Москвы

---

[1] Козырь — высокий стоячий воротник.

[2] Поярковая шляпа — войлочная шляпа, валянная из поярка, шерсти первой стрижки ягнят.

было кладбище, называемое *селом скудельничим*, где люди добролюбивые в Четверток перед Троицыным днем сходились рыть могилы для странников и петь панихиды, в успокоение души тех, коих имена, отечество и Вера были им неизвестны; они не умели назвать их, но думали, что Бог слышит и знает, за кого воссылаются к нему сии чистые, бескорыстные, истинно христианские молитвы. Там погребались тела, находимые в окрестностях города, а может быть, и всех иноземцев.

Иовий пишет, что великие князья, подобно султанам, избирают себе жен за красоту и добродетель, нимало не уважая знатности; что невест привозят из всей России; что искусные, опытные бабки осматривают их тайные прелести; что совершеннейшая или счастливейшая выходит за государя, а другие в тот же день за молодых придворных чиновников. Сие известие может относиться единственно к двум бракам Василия: ибо отец, дед и предки его женились обыкновенно на княжнах владетельных. — Сообщим здесь любопытные подробности из описания Василиевой свадьбы 1526 года.

«Державный жених, нарядясь, сидел в *брусяной столовой избе* с своим поездом; а невеста, Елена Глинская, с женою тысяцкого, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла из дому в *середнюю палату*. Перед нею несли две *брачные* свечи в фонарях, два коровая и серебряные деньги. В сей палате были сделаны два места, одетые бархатом и камками; на них лежали два зголовья и два сóрока[1] черных соболей; а третьим сороком надлежало опахивать жениха и невесту. На столе, покрытом скатертью, стояло блюдо с калачами и солью. Елена села на своем месте; сестра ее, княжна Анастасия, на жениховом; боярыни вокруг стола. Василий прислал туда брата, князя Юрия, который, заняв *большое место*, велел звать жениха. *Государь!* сказали ему: *иди с Богом на дело*. Великий князь вошел с тысяцким и со всеми чиновниками, поклонился иконам, свел княжну Анастасию с своего места и сел на оное. Читали молитву. Жена тысяцкого гребнем чесала голову Василию и Елене. Свечами *богоявленскими* зажгли

---

[1] Камка — шелковая китайская ткань с разводами; сóрок — набор, связка мехов из четырех десятков однородных шкурок.

брачные, обогнутые соболями и вдетые в кольцы. Невесте подали кику и фату. На золотой мисе, в трех углах, лежали хмель, соболи, одноцветные платки бархатные, атласные, камчатные, и пенязи[1], числом по девяти в каждом угле. Жена тысяцкого осыпала хмелем великого князя и Елену, опахиваемых соболями. Дружка государев, благословясь, изрезал перепечу[2] и сыры для всего поезда; а Еленин дружка раздавал ширинки. Поехали в церковь Успения: государь с братьями и вельможами, Елена в одних санях с женою тысяцкого и с двумя *бóльшими* свахами[3]; за нею шли некоторые бояре и чиновники; перед нею несли свечи и короваи. Жених стоял в церкви на правой стороне у столпа, невеста на левой. Они шли к венчанию по камкам и соболям. Знатнейшая боярыня держала скляницу с вином фряжским: митрополит подал ее государю и государыне: первый, выпив вино, растоптал скляницу ногою. Когда священный обряд совершился, новобрачные сели на двух красных зголовьях. Митрополит, князья и бояре поздравляли их; певчие пели многолетие. Возвратились во дворец. Свечи с короваями отнесли в спальню, или в сенник, и поставили в кадь пшеницы. В четырех углах сенника были воткнуты стрелы, лежали калачи с соболями, у кровати два зголовья, две шапки, одеяло кунье, шуба; на лавках стояли оловянники с медом; в головах кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крест Воздвизальный; на стенах также иконы Богоматери со младенцем; над дверью и над всеми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати семи ржаных снопах. Великий князь завтракал с людьми ближними; ездил верхом по монастырям и обедал со всем двором. Князь Юрий Иоаннович сидел опять на *большом месте*, а Василий рядом с Еленою; перед ними поставили жареного петуха: дружка взял его, обвернул верхнею скатертью и отнес в спальню, куда повели и молодых из-за стола. В дверях знатнейший боярин выдавал великую княгиню и говорил речь. Жена тысяцкого, надев две шубы, одну наиз-

---

[1] Пенязи — деньги.

[2] Перепеча — особого рода кулич.

[3] Бóльшие — то есть старшие.

ворот, вторично осыпала новобрачных хмелем; а дружки и свахи кормили их петухом. Во всю ночь конюший государев ездил на жеребце под окнами спальни с обнаженным мечом. На другой день супруги ходили в мыльню и ели кашу на постеле». Легко угадать разум сих обрядов, без сомнения весьма древних, отчасти, может быть, славянских, отчасти скандинавских: некоторые образовали любовь, согласие, чадородие, богатство; другие должны были удалять действие злого волшебства.

Василий, находясь в частых сношениях с государями европейскими, любил хвалиться ласкою, оказываемою их послам в России; но иноземцы жаловались на сей милостивый прием, соединенный с обрядами скучными и тягостными. Приближаясь к границе, посол давал о том знать наместникам ближайших городов. Ему предлагали множество вопросов: «из какой земли, от кого едет? знатный ли человек? какого именно звания? бывал ли прежде в России? говорит ли нашим языком? сколько с ним людей и каких?» О сем немедленно доносили великому князю; а к послу высылали чиновника, который, встретив его, не уступал ему дороги и всегда требовал, чтобы он стоя выслушивал государево приветствие со всем великокняжеским титулом, несколько раз повторяемым. Назначали дорогу и места, где надлежало обедать, ночевать. Ехали тихо, иногда не более пятнадцати или двадцати верст в день: ибо ждали ответа из Москвы. Иногда останавливались в поле, несмотря на зимний мороз; иногда худо ели. За то пристав терпеливо сносил брань иноземцев. Наконец государь высылал дворян своих к послу: тут везли его уже скорее и лучше содержали. Встреча перед Москвою была всегда пышная: являлось вдруг несколько чиновников в богатых одеждах и с отрядом конницы; говорили речи, спрашивали о здоровье, и проч. Двор посольский находился близ Москвы-реки: большое здание со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жил в сем доме. Приставы служили гостям, непрестанно заглядывая в роспись, где было все исчислено, все измерено, что надлежало давать послам немецким, литовским, азиатским: сколько мясных блюд, меду, луку, перцу, масла, даже дров. Между тем придворные чиновники ежедневно спрашивали у них, довольны ли они угоще-

нием? Не скоро назначался день представления: ибо любили долго изготовляться к оному. Послы сидели одни, не могли заводить знакомств и скучали. Великий князь к сему дню, для их торжественного въезда в Кремль, обыкновенно дарил им коней с богатыми седлами.

Кроме зодчих, денежников, литейщиков, находились у нас тогда и другие иноземные художники и ремесленники. Толмач Димитрий Герасимов, будучи в Риме, показывал историку Иовию портрет великого князя Василия, писанный без сомнения не русским живописцем. Герберштеин упоминает о немецком слесаре в Москве, женатом на россиянке. Искусства европейские с удивительною легкостию переселялись к нам: ибо Иоанн и Василий, по внушению истинно великого ума, деятельно старались присвоить оные России, не имея ни предрассудков суеверия, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные воле государей, рано выучились уважать сии плоды гражданского образования, собственность не Вер и не языков, а человечества; мы хвалились исключительным православием и любили святыню древних нравов, но в то же время отдавали справедливость разуму, художеству западных европейцев, которые находили в Москве гостеприимство, мирную жизнь, избыток. Одним словом, Россия и в XVI веке следовала правилу: «хорошее от всякого хорошо» и никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам.

Язык наш, то есть славянский, был в сие время известен от Каменного Пояса до Адриатического моря, Воспора Фракийского и Нила: им говорили при дворе турецкого и египетского султанов, жены их, ренегаты, мамелюки[1]. Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, Историю римских императоров (вероятно, Светонову), Марка Антония и Клеопатры; но Иовий укоряет нас совершенным невежеством в науках: в философии, астрономии, физике, медицине, сказывая, что мы именуем лекарем всякого, кто знает некоторые целебные свойства растений. Успехи словес-

---

[1] Ренегат — вероотступник, в данном случае — христианин, принявший мусульманство; мамелюки — личная гвардия султана, высшая каста в султанате.

ности примечались в чистейшем слоге летописей, пастырских духовных посланий, святых житий и проч. Старец, архиепископ ростовский Вассиан, мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств: славное Послание его к Иоанну уже известно читателю. Житие св. Даниила Переяславского писано не без искусства, умно и приятно. Особенного замечания достойны два Слова: первое о рождении царя Иоанна, второе похвальное Василию; в том и в другом есть прекрасные места; выпишем некоторые:

«Кто поведает силу Господню и все чудеса Его? Во дни наши совершилось дело Небесной любви, коего примеры видели мы в Ветхом и Новом завете: молитва отверзает ложесна неплодные[1]! Господь милостию утешает людей Своих в отчаянии: ибо славный и великий во царях не скудеет в Вере, припадая ко Всевышнему; уже вступает в шестое десятилетие жизни и еще надеется благословить чадо милое, вожделенное не только родителю, но и всей державе христианской: она требует пастыря для дней будущих. Слышит Господь молитву и долго не исполняет, да более и более разгорается усердием сердце державного. О диво! Монарх оставляет престол и величие, идет с жезлом как бедный странник в обители дальние, смиренный видом и душою: се царские стопы его изображаются на песках дикой пустыни! За ним добродетельная, премудрая царица, ему подобная. Оба исполнены смирения и надежды; оба ведают, что *Вера возмогает и надежда не посрамит*. И бысть! лобызаем наследника державы!.. Когда бы Всевышний даровал Василию дщерь, и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь дарует ему сына, да веселится и блаженствует с ним вся Россия!» В похвальном слове Василию так описаны дела и свойства его: «Сей государь *добре правил хоругвями отечества*, твердо укоренного Богом, подобно вековому древу; всегда благословляемый успехом, всегда спасаемый от врагов видимых и невидимых, покорял страны мечом и миром, а в своей наблюдал правду, не усыпая ни умом, ни сердцем; бодр-

---

[1] Ложесна неплодные — бесплодное лоно.

ствовал над душами, питал в них добродетель, гнал злобу, да не погрязнет корабль великой державы его в волнах беззакония! Душа царева светилась яко зерцало, блистая в лучах Божественной премудрости. Мы знаем, что государь естеством телесным равен всем людям; но властию не подобен ли Богу Единому? Неприступен во славе земного царствия: но есть вышнее, Небесное, для коего он должен быть приступен и снисходителен к людям. Телу дано око, а миру царь, да промышляет о благе его. Царь истинный царствует над страстями, в венце святого целомудрия, в порфире[1] закона и правды. Таков был великий князь Василий, правитель *велеумный*, наказатель добродетельный, истинный кормчий, образ благости, столп твердости и терпения; защитник государства, отец вельмож и народа, мудрый *соглагольник* духовенства; высокий житием на престоле, смиренный сердцем яко в пещере, кроток взором, почтен Божиею благостию; всех любил и любим всеми: ближние и дальние припадали к нему, от Синая и Палестины, от Италии и Антиохии, да узрят лицо его, да услышат слово. Кто опишет его достоинства? Как саламандр, по сказанию богослова, среди огня не сгорает; как светлая река, именуемая Кафос, течет сквозь море и не теряет сладости вод своих: так огнь страстей человеческих, так бурное житейское море не повредило душе Василия: она чистою, благою воспарила от земли на небо. Одним словом, сей великий князь в житии богомудром уподоблялся Димитрию Иоанновичу Донскому». Мы предложили здесь читателю не точные *слова*, но *точные мысли авторов*: слова принадлежат веку, а мысли векам.

Судя по слогу, можем отнести к сему времени сочинение двух русских сказок: *о купце киевском* и *Дракуле, мутьянском воеводе*. В первой описывается мучитель, именем *Смиян гордый*, владетель неизвестной приморской страны, гибельной для всех плавателей, который искали там убежища от бурь и не умели отгадать царских загадок: им надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сын путешествующего киевлянина Борзосмысл, юный отрок, вдохновенный небесною мудростию, как

---

[1] Порфира — верхняя торжественная одежда государей, широкий и длинный плащ багряного шелка, подбитый горностаем (с хвостами).

новый Эдип решит все хитрые задачи Смияна, отсекает ему голову в присутствии народа, садится на трон, проповедует веру Христову, пленяет граждан, остается у них царем и женится на Смияновой дочери. Вот содержание. Красот пиитических мало, остроумия также; рассказ довольно складен. — Вторая повесть любопытнее. Дракула, хищник Мутьянской, или Волошской державы (о коем упоминается в византийской истории Дуки около 1430 года), представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства и свирепым кровопийцею. Никто в земле Волошской не дерзает взять чужого, ни обидеть слабого. Испытывая народ, он поставил золотую чару у колодезя, отдаленного от домов: мимоходящие пили воду и не трогали богатого сосуда. Искоренив злодеев, сей воевода казнил и за самые легкие вины. Не только жена вероломная, любострастная, но и ленивая, у которой в доме было не чисто или муж не имел хорошего белья, лишалась жизни. На площади, вместо украшений, висели трупы. Однажды пришли к нему два монаха из Венгрии: Дракула желал знать их мысли о себе. «Ты хочешь быть правосудным,— отвечал старейший из них,— но делаешься тираном, наказывая тех, коих должны наказывать единственно Бог и совесть, а не закон гражданский». Другой хвалил тирана, как исполнителя судов Божественных. Велев умертвить первого монаха, Дракула отпустил его товарища с дарами и наконец увенчал свои подвиги сожжением всех бедных, дряхлых, увечных в земле Волошской, рассуждая: «На что жить людям, живущим в тягость себе и другим?» Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию! — Заметим, что древние русские *писцы* имели более гордости, нежели *писатели*: первые почти всегда означали имя свое в конце переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь таким образом от хвалы и критики: знаем творения, не зная творцов. По крайней мере видим, что предки наши занимались не только историческими или богословскими сочинениями, но и романами; любили произведение остроумия и воображения.

В окончании сей статьи предложим некоторые известия из Герберштеиновой книги о соседственных с Россиею землях; восточных и северных. Ногайские татары, кочуя близ моря Кас-

пийского, разделялись в Василиево время на три улуса, принадлежащие трем князьям-братьям: Шидаку, Кошуму и Шиг-Мамаю; первый жил в городе Сарайчике на Яике; второй повелевал всею землею между Кумою, Яиком и Волгою; третий господствовал над частию Сибири. В двадцати днях пути от Шидаковых владений, к востоку, обитали юргенские, или хивинские, татары, повинуясь Барак-солтану, брату соседственного хана катайского, или киргиз-кайсакского, Бебейда. За Вяткою и Пермию жили в лесах тюменские и шибанские моголы; первых считалось не более десяти тысяч. За Волгою находились еще улусы калмыков: сие имя дано им для того, что они не стригли волос на голове, как другие моголы. Астрахань, знатнейший *базар татарский*, славилась богатством, а Шамаха, уже подвластная тогда Персии, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, в двенадцати милях от Азова, был город *Ахас* (где ныне Старый Черкаск), изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый местоположением, окруженный садами природными, богатый всем, что нужно человеку для самой роскошной жизни. Говорили: «имей только огонь и соль: все прочее найдешь в Ахасе!» — На восточном берегу Черного моря жили авхасы; далее в горах вольные черкесы, не подвластные ни туркам, ни татарам, ужасные разбойники; текущими из гор реками выплывая на лодках в море, они грабили суда купеческие; исповедовали христианскую греческую Веру, употребляли в богослужении язык славянский, впрочем, мало думали о Законе. Близ устья реки Фазиса, или Риона, показывали остров, где будто бы стоял корабль Язонов.

Описывая наружность татар, Герберштеин сказывает, что они были среднего роста, черноволосые, широколицые, с маленькими, впалыми глазами и что знатнейшие носили длинные плетенки, или косы: в сем изображении еще узнаем истинных моголов, нынешних калмыков и киргизов. Сему же писателю обязаны мы изъяснением достоинств и чинов татарских. Солтанами назывались сыновья ханские, уланами главнейшие по хане сановники, беями князья, их дети мурзами, первосвященники (Магометова рода) сеитами.

Север России был еще предметом баснословия для самых москвитян. Уверяли, что там, на берегах океана, в горах, пы-

лает неугасимый огнь чистилища; что в Лукоморье[1] есть люди, которые ежегодно 27 ноября, в день Св. Георгия, умирают, а 25 апреля оживают снова; что они перед смертию сносят товары свои в одно место, где соседи в течение зимы могут брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смея обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, рассчитываются с ними и всегда наказывают бессовестных; что там есть и другие чудесные люди, покрытые звериною шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но безногие; есть рыбы человекообразные, но только немые, и проч. Сии басни питали любопытство грубых умов. Однако ж москвитяне уже знали имена всех главных рек Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекает из озера (Телейского); что за сею рекою и за Иртышом находятся два города, *Серпонов* и *Грустина*, коих жители получают жемчуг и драгоценные каменья от *черных людей*, обитающих близ озера Китая[2]. Мы обязаны были сими сведениями господству великих князей над землею Пермскою и Югорскою. Лапландия также платила нам дань. Дикие жители ее приходили иногда в соседственные российские области, начинали заимствовать некоторые гражданские обыкновения и ласково угощали купцов иноземных, которые привозили к ним вещи, нужные для хозяйства.

Вообще Герберштеиново описание России есть важное творение для нашей истории XVI века, хотя и содержит в себе некоторые ошибки.

Конец VII тома

---

[1] Лукоморье — здесь имеется в виду лукоморье северное — берег Северного Ледовитого океана.

[2] Озеро Китай — вымышленное озеро.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ИОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧ II 1533—1538 гг.

Беспокойство россиян о малолетстве Иоанна. Состав Государственной Думы. Главные вельможи, Глинский и Телепнев. Присяга Иоанну. Заключение князя Юрия Иоанновича. Общий страх. Измена к. Симеона Бельского и Лятцкого. Заключение и смерть Михаила Глинского. Смерть князя Юрия. Бегство, умысел и заключение к. Андрея Иоанновича. Дела внешние. Перемирие с Швециею и с Ливониею. Молдавия. Посланник турецкий. Астрахань. Дела ногайские. Посольство к Карлу V. Присяга казанцев. Гордый ответ Сигизмундов. Нападение крымцев. Война с Литвою. Ислам господствует в Тавриде. Строение крепостей в Литве. Набег крымцев. Литовцы берут Гомель и Стародуб. Мятеж Казани. Шиг-Алей в милости. Война с Казанью. Победа над Литвою. Крепости на Литовской границе. Перемирие с Литвою. Дела крымские. Смерть Ислама. Угрозы Саип-Гирея. Строение Китая-города и новых крепостей. Перемена в цене монеты. Общая нелюбовь к Елене. Кончина правительницы.

Не только искренняя любовь к Василию производила общее сетование о безвременной кончине его; но и страх, что будет с государством? волновал души. Никогда Россия не имела столь малолетнего властителя; никогда — если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственного в руках юной жены и чужеземки, литовского ненавистного рода. На троне не бывает предателей: опасались Елениной неопытности, естественных слабостей, пристрастия к Глинским, коих имя напоминало измену. Хотя лесть придворная славила добродетели великой княгини, ее боголюбие, ми-

18 Зак. № 39

лость, справедливость, мужество сердца, проницание ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря; но благоразумные уже и тогда умели отличать язык двора и лести от языка истины: знали, что добродетель царская, трудная и для мужа с крепкими мышцами, еще гораздо труднее для юной, нежной, чувствительной жены, более подверженной действию слепых, пылких страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: там заседали опытные советники трона; но Совет без государя есть как тело без главы: кому управлять его движением, сравнивать и решить мнения, обуздывать самолюбие лиц пользою общею? Братья государевы и двадцать бояр знаменитых составляли сию верховную Думу: князья Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барбашин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Захарьин, Морозовы; но некоторые из них, будучи областными наместниками, жили в других городах и не присутствовали в оной. Два человека казались важнее всех иных по их особенному влиянию на ум правительницы: старец Михаил Глинский, ее дядя, честолюбивый, смелый, самим Василием назначенный быть ей главным советником, и конюший боярин, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою. Полагали, что сии два вельможи, в согласии между собою, будут законодателями Думы, которая решила дела внешние именем Иоанна, а дела внутренние именем великого князя и его матери.

Первым действием нового правления было торжественное собрание духовенства, вельмож и народа в храме Успенском, где митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому Богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновников во все пределы государства известить граждан о кончине Василия и клятвенным обетом утвердить их в верности к Иоанну.

Едва минула неделя в страхе и надежде, вселяемых в умы государственными переменами, когда столица была поражена несчастною судьбою князя Юрия Иоанновича Дмитровского, старшего дяди государева, или оклеветанного, или действительно уличенного в тайных видах беззаконного властолюбия: ибо сказания летописцев несогласны. Пишут, что князь Андрей Шуйский, сидев прежде в темнице за побег от государя в Дмитров, был милостиво освобожден вдовствующею великою княги-

нею, но вздумал изменить ей, возвести Юрия на престол и в сем намерении открылся князю Борису Горбатому, усердному вельможе, который с гневом изобразил ему всю гнусность такой измены. Шуйский увидел свою неосторожность и, боясь доноса, решился прибегнуть к бесстыдной лжи: объявил Елене, что Юрий тайно подговаривает к себе знатных чиновников, его самого и князя Бориса, готового немедленно уехать в Дмитров. Князь Борис доказал клевету и замысл Шуйского возмутить спокойствие государства: первому изъявили благодарность, а второго посадили в башню. Но бояре, излишне осторожные, представили великой княгине, что если она хочет мирно царствовать с сыном, то должна заключить и Юрия, властолюбивого, приветливого, любимого многими людьми и весьма опасного для государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала им: «Вы видите мою горесть: делайте, что надобно для пользы государства». Между тем некоторые из верных слуг Юриевых, сведав о намерении бояр московских, убеждали князя своего, совершенно невинного и спокойного, удалиться в Дмитров. «Там, — говорили они, — никто не посмеет косо взглянуть на тебя; а здесь не минуешь беды». Юрий с твердостию ответствовал: «Я приехал в Москву закрыть глаза государю брату и клялся в верности к моему племяннику; не преступлю целования крестного и готов умереть в своей правде».

Но другое предание обвиняет Юрия, оправдывая Боярскую Думу. Уверяют, что он действительно чрез дьяка своего, Тишкова, подговаривал князя Андрея Шуйского вступить к нему в службу. «Где же совесть? — сказал Шуйский: — вчера князь ваш целовал крест государю Иоанну, а ныне манит к себе его слуг». Дьяк изъяснял, что сия клятва была невольная и беззаконная; что бояре, взяв ее с Юрия, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягах взаимных. Шуйский известил о том князя Бориса Горбатого, князь Борис Думу, а Дума Елену, которая велела боярам действовать согласно с их обязанностию.

Заметим, что *первое* сказание вероятнее: ибо князь Андрей Шуйский во все правление Елены сидел в темнице. Как бы то ни было, 11 декабря взяли Юрия, вместе со всеми его боярами, под стражу и заключили в той самой палате, где кончил жизнь юный великий князь Димитрий. Предзнаменование бедственное! ему надлежало исполниться.

Такое начало правления свидетельствовало грозную его решительность. Жалели о несчастном Юрии; боялись тиранства: а как Иоанн был единственно именем государь и самая правительница действовала по внушениям Совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному Божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти. Говорили, что бояре хотели погубить Юрия, в надежде своевольствовать, ко вреду отечества; что другие родственники государевы должны ожидать такой же участи — и сии мысли, естественным образом представляясь уму, сильно действовали не только на Юриева меньшого брата Андрея, но и на их племянников, князей Бельских, столь ласково порученных Василием боярам в последние минуты его жизни. Князь Симеон Феодорович Бельский и знатный окольничий Иван Лятцкий, родом из Пруссии, муж опытный в делах воинских, готовили полки в Серпухове на случай войны с Литвою: недовольные правительством, они сказали себе, что Россия не есть их отечество, тайно снеслися с королем Сигизмундом и бежали в Литву. Сия неожидаемая измена удивила двор, и новые жестокости были ее следствием. Князь Иван Бельский, главный из воевод и член Верховного Совета, находился тогда в Коломне, учреждая стан для войска: его и князя Воротынского с юными сыновьями взяли, оковали цепями, заточили как единомышленников Симеоновых и Лятцкого, без улики, по крайней мере без суда торжественного; но старшего из Бельских, князя Димитрия, также думного боярина, оставили в покое как невинного.— Дотоле считали Михаила Глинского душою и вождем Совета: с изумлением узнали, что он не мог ни губить других, ни спасти самого себя. Сей человек имел великодушие и бедственным концом своим оправдал доверенность к нему Василиеву. С прискорбием видя нескромную слабость Елены к князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владея сердцем ее, хотел управлять и Думою и государством, Михаил, как пишут, смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть самодер-

жавную. Его не слушали, возненавидели и погубили. Телепнев предложил: Елена согласилась, и Глинский, обвиняемый в мнимом, нелепом замысле овладеть государством, вместе с ближним боярином и другом Василиевым, Михаилом Семеновичем Воронцовым, без сомнения также добродетельным, был лишен вольности, а скоро и жизни в той самой темнице, где он сидел прежде: муж, знаменитый в Европе умом и пылкими страстями, счастием и бедствием, вельможа и предатель двух государств, помилованный Василием для Елены и замученный Еленою, достойный гибели изменника, достойный и славы великодушного страдальца в одной и той же темнице! Глинского схоронили без всякой чести в церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули из земли и отвезли в монастырь Троицкий, изготовив там пристойнейшую могилу для государева деда; но Воронцов, только удаленный от двора, пережил своих гонителей, Елену и князя Ивана Телепнева: быв наместником новогородским, он умер уже в 1539 году с достоинством[1] думного боярина.

Еще младший дядя государев, князь Андрей Иоаннович, будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, пользовался наружными знаками уважения при дворе и в совете бояр, которые в сношениях с иными державами давали ему имя первого попечителя государственного; но в самом деле он нимало не участвовал в правлении; оплакивал судьбу брата, трепетал за себя и колебался в нерешимости: то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем, следуя внушениям своих любимцев. Через шесть недель по кончине великого князя, находясь еще в Москве, он смиренно бил челом Елене о прибавлении новых областей к его уделу: ему отказали, но, согласно с древним обычаем, дали, в память усопшего, множество драгоценных сосудов, шуб, коней с богатыми седлами. Андрей уехал в Старицу, жалуясь на правительницу. Вестовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему князю, что для него уже готовят темницу; другие доносили Елене, что Андрей злословит ее. Были разные объяснения, для коих боярин, князь Иван Шуйский, ездил в Старицу и сам Андрей в Москву: уверяли друг друга в любви и с обеих сторон

---

[1] ...у м е р... с д о с т о и н с т в о м д у м н о г о б о я р и н а — то есть в сане думного боярина.

не верили словам, хотя митрополит ручался за истину оных. Елена желала знать, кто ссорит ее с деверем? Он не именовал никого, ответствуя: «Мне самому так казалось!» Расстались ласково, но без искреннего примирения.

В сие время — 26 августа 1536 года — князь Юрий Иоаннович умер в темнице *от голода*, как пишут. Андрей был в ужасе. Правительница звала его в Москву на совет о делах внешней политики: он сказался больным и требовал врача. Известный лекарь Феофил не нашел в нем никакой важной болезни. Елену тайно известили, что Андрей не смеет ехать в столицу и думает бежать. Между тем сей несчастный писал к ней: «В болезни и тоске *я отбыл ума и мысли*[1]. Согрей во мне сердце милостию. Неужели велит государь влачить меня отсюда на носилках?» Елена послала крутицкого владыку Досифея вывести его из неосновательного страха или, в случае злого намерения, объявить ему клятву церковную. Тогда же боярин Андреев, отправленный им в Москву, был задержан на пути, и князья Оболенские, Никита Хромый с конюшим Телепневым, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили в Волок, чтобы гнаться за беглецом, если Досифеевы увещания останутся бесполезными. Андрею сказали, что Оболенские идут схватить его; он немедленно выехал из Старицы с женою и с юным сыном; остановился в шестидесяти верстах, думал и решился — быть преступником: собрать войско, овладеть Новымгородом и всею Россиею, буде возможно; послал грамоты к областным детям боярским и писал к ним: «Великий князь младенец; вы служите только боярам. Идите ко мне: я готов вас жаловать». Многие из них действительно явились к нему с усердием; другие представили мятежные грамоты в Государственную Думу. Надлежало взять сильные меры: князь Никита Оболенский спешил защитить Новгород, а князь Иван Телепнев шел с дружиною вслед за Андреем, который, оставив большую дорогу, поворотил влево к Старой Русе. Князь Иван настиг его в Тюхоли: устроил воинов, распустил знамя и хотел начать битву. Андрей также вывел свою дружину, обнажив меч; но колебался и вступил в переговоры, требуя клятвы от Телепнева, что государь и Елена не будут ему мстить. Телепнев дал сию клятву и вместе с ним приехал в Москву, где великая

---

[1] Отбыл ума и мысли — лишился рассудка.

княгиня, по словам летописца, изъявила гнев своему любимцу, который будто бы сам собою, без ведома государева, уверил мятежника в безопасности, и велела Андрея оковать, заключить в тесной палате; к княгине его и сыну приставили стражу; бояр его, советников, верных слуг пытали, несмотря на их знатный княжеский сан: некоторые умерли в муках, иные в темницах; а детей боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили как изменников на дороге новогородской, в большом расстоянии один от другого.— Андрей имел участь брата: умер насильственною смертию чрез шесть месяцев и, подобно ему, был с честию погребен в церкви Архангела Михаила. Он, конечно, заслуживал наказание, ибо действительно замышлял бунт; но казни *тайные* всегда доказывают малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнев Елены на князя Телепнева не мог оправдать вероломства.

Таким образом в четыре года Еленина правления именем юного великого князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери, брата внучатного ввергнули в темницу, обесчестили множество знатных родов торговою казнию Андреевых бояр, между коими находились князья Оболенские, Пронский, Хованский, Палецкий. Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостию; но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной.— Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!

В делах внешней политики правительница и Дума не уклонялись от системы Василиевой: любили мир и не страшились войны.

Известив соседственные державы о восшествии Иоанновом на престол, Елена и бояре утвердили дружественные связи с Швециею, Ливониею, Молдавиею, с князьями ногайскими и с царем астраханским. В 1535 и 1537 году послы Густава Вазы были в Москве с приветствием, отправились в Новгород и заключили там шестидесятилетнее перемирие. Густав обязался не помогать Литве, ни Ливонскому ордену в случае их войны с нами. Условились: 1) выслать послов на Оксу-реку для восстановления древних границ, бывших между Швециею и Рос-

сиею при короле Магнусе; 2) россиянам в Швеции, шведам в России торговать свободно, под охранением законов; 3) возвратить беглецов с обеих сторон. Поверенными Густава были Кнут Андерсон и Биорн Классон, а российскими князь Борис Горбатый и Михайло Семенович Воронцов, думные бояре, наместники новогородские, которые в 1535 году утвердили мир и с Ливониею на семнадцать лет. Уже старец Плеттенберг, знаменитейший из всех магистров ордена, скончался: преемник его, Герман фон Брюггеней, и рижский архиепископ от имени всех *златоносцев* или рыцарей, *немецких бояр* и *ратманов* Ливонии[1] убедительно молили великого князя о дружбе и покровительстве. Уставили, чтобы река Нарова, как и всегда, служила границею между Ливониею и Россиею; чтобы не препятствовать взаимной торговле никакими действиями насилия и даже в случае самой войны не трогать купцов, ни их достояния; чтобы не казнить россиян в Ливонии, ни ливонцев в России без ведома их правительств; чтобы немцы *берегли* церкви и жилища русские в своих городах, и проч. В окончании договора сказано: «А кто преступит клятву[2], на того Бог и клятва, мор, глад, огнь и меч».

Воевода молдавский, Петр Стефанович, также ревностно искал нашего покровительства; хотя уже и платил легкую дань султану, но еще именовался господарем вольным: имел свою особенную политическую систему, воевал и мирился с кем хотел и правил землею как самодержец. Россия единоверная могла вступаться за него в Константинополе, в Тавриде и вместе с ним обуздывать Литву. Именитый боярин молдавский, Сунжар, в 1535 году был в Москве, а наш посол Заболоцкий ездил к Петру с уверением, что великий князь не оставит его ни в каком случае. Россия действительно имела в нем весьма усердного союзника против Сигизмунда, коему он не давал покоя, готовый всегда разорять польские земли; но не могла быть ему щитом от грозного Солимана, который (в 1537 году) огнем и мечом опустошил всю Молдавию, требуя *урочной*[3], знатной дани и совершенного подданства от жителей. Они не смели противиться, однако ж вымолили у султана право избирать

---

[1] Немецкие бояре — магистры ордена; ратманы — чиновники.

[2] Клятва. — Здесь: проклятие.

[3] Урочный — определенный, условленный.

собственных владетелей и еще около ста лет пользовались оным. Турки взяли казну господарскую, множество золота, несколько диадем, богатых икон и крестов Стефана Великого. В Москве жалели о бедствии сей единоверной державы, не думая о способах облегчить ее судьбу. Правительница и бояре не рассудили за благо возобновить сношения с Константинополем, и Солиман (в 1538 году), прислав в Москву грека Андреяна для разных покупок, в ласковом письме к юному Иоанну жаловался на сию холодность, хваляся своею дружбою с его родителем.

К царю астраханскому, Абдыл-Рахману, посылали боярского сына с предложением союза: опасаясь и хана крымского и ногаев, царь с благодарностию принял оное, но чрез несколько месяцев лишился трона: ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдыл-Рахмана и на его место объявили царем какого-то Дервешелея. Имея с Россиею выгодный торг, князья сих многолюдных степных орд, Шийдяк, Мамай, Кошум и другие, хотели быть в мире с нею, но жаловались, что наши козаки мещерские не дают им покоя, тысячами отгоняют лошадей и берут людей в плен; требовали удовлетворения, даров (собольих шуб, сукон, доспехов), уважения и чести: например, чтобы великий князь называл их в письмах *братьями* и *государями*, как ханов, не уступающих в достоинстве крымскому, и посылал к ним не малочиновных людей, а бояр для переговоров; грозили в случае отказа местию, напоминая, что отцы их видали Москву, а дети также могут заглянуть в ее стены; хвалились, что у них 300 тысяч воинов и летают как птицы. Бояре обещали им управу и договаривались с ними о свободной торговле, которая обогащала Россию лошадьми и скотом: например, с ногайскими послами в 1534 году было 5000 купцов и 50 000 лошадей, кроме другого скота. Сверх того сии князья обязывались извещать государя о движениях Крымской Орды и не впускать ее разбойников в наши пределы. Шийдяк считал себя главою всех ногаев и писал к Иоанну, чтобы он давал ему, как хану, *урочные поминки*[1]. Бояре ответствовали: «Государь жалует и ханов и князей, смотря по их *услугам*, а не дает никому *урока*». Мамай, именуясь калгою Шийдяковым, отли-

---

[1] Урочные поминки — установленные дары. (См. у В. Даля: урок — оброк; поминки — почетный принос на поклон.)

чался в грамотах своих красноречием и какою-то философиею. Изъявляя великому князю сожаление о кончине его родителя, он говорил: «Любезный брат! Не ты и не я произвели смерть, но Адам и Ева. Отцы умирают, дети наследуют их достояние. Плачу с тобою; но покоримся необходимости!» Сии ногайские грамоты, писанные высокопарным слогом восточным, показывают некоторое образование ума, замечательное в народе кочующем.

Правительница и бояре хотели возобновить дружественную связь и с императором: в 1538 году послы наши, Юрий Скобельцын и Дмитрий Васильев, ездили к Карлу V и к его брату Фердинанду, королю венгерскому и богемскому. Мы не имеем их наказа и донесений.

Но главным предметом нашей политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Иоанн предлагал союз хану Саип-Гирею, мир Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народ казанский новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависеть от России. Король Сигизмунд ответствовал гордо: «Могу согласиться на мир, если юный великий князь уважит мою старость и пришлет своих послов ко мне или на границу». Надеясь воспользоваться малолетством Иоанновым, король требовал всех городов, отнятых у него Василием: предвидя отказ, вооружался и склонил хана к союзу с Литвою против России. Еще гонец наш не возвратился от Саип-Гирея, когда узнали в Москве о впадении татар азовских и крымских в рязанские области, где, на берегах Прони, воеводы князья Пунков и Гатев побили их наголову. За сей первый воинский успех Иоаннова государствования воеводам торжественно изъявили благоволение великого князя.

Хотя, уверенные в неминуемой войне с королем, правительница и бояре спешили изготовиться к ней: но Сигизмунд предупредил их. С особенною милостию приняв наших изменников, князя Симеона Бельского и Лятцкого, дав им богатые поместья и слушая их рассказы о слабостях Елены, о тиранстве вельмож, о неудовольствии народа, король замыслил вдруг отнять у нас все Иоанновы и Василиевы приобретения в Литве. Киевский воевода, Андрей Немиров, со многочисленною ратию вступив в пределы северские, осадил Стародуб и выжег его предместие; но смелая вылазка россиян под начальством храброго мужа Андрея Левина так испугала литовцев, что они ушли в беспо-

рядке, а наместник стародубский, князь Александр Кашин, прислал в Москву 40 неприятельских пушкарей со всем их снарядом и с знатным чиновником Суходольским, взятым в плен. Чтобы загладить первую неудачу, литовцы сожгли худо укрепленный Радогощ (где сгорел и мужественный воевода московский, Матвей Лыков), пленили многих жителей, обступили Чернигов и несколько часов стреляли в город из больших пушек. Там был воеводою князь Феодор Мезецкий, умный и бодрый. Он не дал неприятелю приближиться к стенам, искусно действуя снарядом огнестрельным; и когда пальба ночью затихла, выслал черниговцев ударить на стан литовский, где сие неожидаемое нападение произвело страшную тревогу: томные, сонные литовцы едва могли обороняться; во тьме убивали друг друга; бежали во все стороны; оставили нам в добычу обоз и пушки. На рассвете уже не было ни одного неприятеля под городом: Сигизмундов воевода с отчаянием и стыдом ушел в Киев. Так король обманулся в своей надежде завоевать Украйну, беззащитную, как ему говорили наши изменники, Бельский и Лятцкий. В то же время другой воевода его, князь Александр Вишневецкий, явился под стенами Смоленска: тамошний наместник, князь Никита Оболенский, не дал ему сжечь посада, отразил и гнал его несколько верст.

Узнав о сих неприятельских действиях, наша Боярская Дума, в присутствии юного великого князя и Елены, требовала благословения от митрополита на войну с Литвою; а митрополит, обратясь к державному младенцу, сказал: «Государь! защити себя и нас. Действуй: мы будем молиться. Гибель зачинающему, а в правде Бог помощник!» Полки в глубокую осень выступили из Москвы с двумя главными воеводами, князьями Михайлом Горбатым и Никитою Оболенским; любимец Елены, Телепнев, желая славы мужества, вел передовой полк. От границ Смоленска запылали села и предместия городов литовских: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встречая неприятеля в поле и не занимаясь осадою крепостей, воеводы московские с огнем и мечом дошли до Молодечны, где присоединился к ним, с новогородцами и псковитянами, наместник князь Борис Горбатый, опустошив все места вокруг Полоцка, Витебска, Бряславля. Несмотря на глубокие снега и жестокие морозы, они пошли к Вильне: там находился сам король, встревоженный близостию врагов; заботился, приказывал и не мог ничего

сделать россиянам, коих было около 150 000. Легкие отряды их жгли и грабили в пятнадцати верстах от Вильны. Но воеводы наши, довольные его ужасом и разорением Литвы — истребив в ней жилища и жителей, скот и хлеб, до пределов Ливонии,— не потеряв ни одного человека в битве, с пленниками и добычею возвратились в Россию, чрез область Псковскую, в начале марта.— Другие воеводы, князья Федор Телепнев и тростенские, ходили из Стародуба к Мозырю, Турову, Могилеву, и с таким же успехом: везде жгли, убивали, пленяли и нигде не сражались. Не личная слабость престарелого Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняет для нас возможность таких истребительных *воинских прогулок*. Не было устроенного, всегдашнего войска; надлежало собирать его долго, и правительство литовское не имело способов нашего — то есть сильного, твердого самодержавия; а Польша, с своими вельможными панами составляя еще особенное королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. К чести россиян летописец сказывает, что они в грабежах своих не касались церквей православных и многих единоверцев великодушно отпускали из плена.

Следствием литовского союза с ханом было то, что царевич Ислам восстал на Саип-Гирея за Россию, как пишут, вспомнив старую с нами дружбу; преклонил к себе вельмож, свергнул хана и начал господствовать под именем царя [1535 г.]; а Саип засел в Киркоре, объявив Ислама мятежником, и надеялся смирить его с помощию султана. Сия перемена казалась для нас счастливою: Ислам, боясь турков, предложил тесный союз великому князю и писал, что 20 000 крымцев уже воюют Литву. Бояре московские, нетерпеливо желая воспользоваться таким добрым расположением нового хана, велели ехать князю Александру Стригину послом в Тавриду: сей чиновник своевольно остался в Новогородке и написал к великому князю, что Ислам обманывает нас: будучи единственно калгою, именуется царем и недавно, в присутствии литовского посла Горностаевича, дал Сигизмунду клятву быть врагом России, исполняя волю Саип-Гирееву. Сие известие было несправедливо: Стригину объявили гнев государев и вместо его отправили князя Мезецкого к Исламу, чтобы как можно скорее утвердить с ним важный для нас союз. Хан не замедлил прислать в Москву и договорную, *шертную* грамоту; но бояре, увидев в ней слова: «кто недруг

великому князю, а мне друг, тот и ему друг», не хотели взять ее. Наконец Ислам согласился исключить сие оскорбительное для нас условие, клялся в любви к *младшему* своему брату Иоанну и хвалился великодушным бескорыстием, уверяя, что он презрел богатые дары Сигизмундовы, 10 000 золотых и 200 поставов сукна; требовал от нас благодарности, пушек, пятидесяти тысяч *денег* и жаловался, что великий князь не исполнил родительского духовного завещания, коим будто бы умирающий Василий в знак дружбы отказал ему (Исламу) половину казны своей. Хан ручался за безопасность наших пределов, известив государя, что Саип-Гиреев вельможа, князь Булгак, вышел из Перекопи с толпами разбойников, но, конечно, не посмеет тревожить России. Хотя Булгак, в противность Исламову уверению, вместе с Дашковичем, атаманом днепровских козаков, нечаянным впадением в Северскую область сделал немало вреда ее жителям; хотя бояре московские именем великого князя жаловались на то Исламу: однако ж соблюдали умеренность в упреках, не грозили ему местию и показывали, что верят его искренней к нам дружбе.

Тогда прибежали из Вильны в Москву люди князя Симеона Бельского и Лятцкого: не хотев служить изменникам, они пограбили казну господ своих и донесли нашим боярам, что Сигизмунд шлет сильную рать к Смоленску. Надлежало предупредить[1] врага. Полки были готовы: князь Василий Шуйский, главный воевода, с Елениным любимцем, Телепневым, который вторично принял начальство над передовым отрядом, спешили встретить неприятеля; нигде не видали его, выжгли предместие Мстиславля, взяли острог, отправили пленников в Москву и шли беспрепятственно далее. Новогородцы и псковитяне должны были с другой стороны также вступить в Литву, основать на берегах Себежского озера крепость и соединиться с Шуйским; но предводители их, князь Борис Горбатый и Михайло Воронцов, только отчасти исполнили данное им повеление: отрядив воеводу Бутурлина с детьми боярскими к Себежу, стали в Опочках, и не хотели соединиться с Шуйским. Бутурлин заложил Иваньгород на Себеже, в земле Литовской как бы в нашей собственной; укрепил его, наполнил всякими запасами,

[1] Предупредить — опередить.

работал около месяца: никто ему не противился; не было слуха о неприятеле.

Однако ж Сигизмунд не тратил времени в бездействии: дав россиянам волю свирепствовать в восточных пределах Литвы, послал 40 000 воинов в наши собственные южные владения и между тем, как Шуйский жег окрестности Кричева, Радомля, Могилева, воеводы литовские, пан Юрий Радзивил, Андрей Немиров, гетман Ян Тарновский, князь Илья Острожский и наш изменник, Симеон Бельский, шли к Стародубу. Сведав о том, московские бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдруг услышали, что 15 000 крымцев стремятся к берегам Оки; что рязанские села в огне и кровь жителей льется рекою; что Ислам обманул нас: прельщенный золотом литовским, услужил королю сим набегом, все еще именуясь Иоанновым союзником и бессовестно уверяя, что не он, а Саип-Гирей воюет Россию. Послов Исламовых взяли в Москве под стражу; немедленно возвратили шедшее к Стародубу войско; собрали в Коломне несколько тысяч людей. Князья Димитрий Бельский и Мстиславский отразили хищников от берегов Оки, гнались за ними, принудили их бежать в степи.

Но литовцы, пользуясь содействием крымцев и беззащитным состоянием Малороссии, приступили к Гомелю: тут начальствовал малодушный князь Оболенский-Щепин: он ушел со всеми людьми воинскими и с огнестрельным снарядом в Москву, где ввергнули его в темницу. Гомель сдался. Литовцы надеялись взять и Стародуб; но там был достойный вождь, князь Федор Телепнев: мужественный отпор ежедневно стоил им крови. Воеводы Сигизмундовы решились продлить осаду, сделали тайный подкоп и взорвали стену: ужасный гром потряс город; домы запылали; неприятель сквозь дым ворвался в улицы. Князь Телепнев с своею дружиною оказал геройство; топтал, гнал литовцев; два раза пробивался до их стана: но, стесненный густыми толпами пехоты и конницы, в изнеможении сил, был взят в полон вместе с князем Ситцким. Знатный муж, князь Петр Ромодановский, пал в битве; Никита Колычев умер от раны чрез два дни. 13 000 граждан обоего пола изгибло от пламени или меча; спаслися немногие и своими рассказами навели ужас на всю землю Северскую. В Почепе, худо укрепленном, начальствовал бодрый москвитянин Федор Сукин: он сжег город, велев жителям удалиться и зарыть, чего они не

могли взять с собою. Литовцы, завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси; а Шуйский, предав огню все места вокруг Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступил к Смоленску.

Число врагов наших еще умножилось новою изменою Казани. Недовольные, как и всегда, господством России над ними; возбуждаемые к бунту Саип-Гиреем; презирая юного царя своего и думая, что Россия с государем-младенцем ослабела и в ее внутренних силах, тамошние вельможи под руководством царевны Горшадны и князя Булата свергнули, умертвили Еналея за городом на берегу Казанки и, снова призвав к себе Сафа-Гирея из Тавриды, чтобы восстановить их свободу и независимость, женили его на Еналеевой супруге, дочери князя ногайского, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемены, бояре послали гонца в Казань с письмами к царевне и к уланам: он еще не возвратился, когда наши служивые городецкие татары привезли весть, что многие из знатных людей казанских тайно виделись с ними на берегу Волги; что они не довольны царевною и князем Булатом, имеют до пятисот единомышленников, хотят остаться верными России и надеются изгнать Сафа-Гирея, ежели великий князь освободит Шиг-Алея и торжественно объявит его их царем. Бояре советовали Елене немедленно послать за Шиг-Алеем, который все еще сидел в заключении на Белеозере: ему объявили государеву милость, велели ехать в Москву и явиться во дворце. Опишем достопамятные подробности сего представления [1536 г.].

Шестилетний великий князь сидел на троне: Алей, обрадованный счастливою переменою судьбы своей, пал ниц и, стоя на коленах, говорил речь о благодеяниях к нему отца Иоаннова, винился в гордости, в лукавстве, в злых умыслах; славил великодушие Иоанна и плакал. На него надели богатую шубу. Он желал представиться и великой княгине. Василий Шуйский и конюший Телепнев встретили Алея у саней. Государь находился у матери, в палате Св. Лазаря. Подле Елены сидели знатные боярыни; далее, с обеих сторон, бояре. Сам Иоанн принял царя в сенях и ввел к государыне. Ударив ей челом в землю, Алей снова клял свою неблагодарность, назывался холопом, завидовал брату Еналею, умершему за великого князя, и желал себе такой же участи, чтобы загладить преступление. Вместо Елены отвечал ему сановник Карпов, гордо

и милостиво. «Царь Шиг-Алей! — сказал он: — Василий Иоаннович возложил на тебя опалу: Иоанн и Елена простили вину твою. Ты удостоился видеть лицо их! Дозволяем тебе забыть минувшее; но помни новый обет верности!» Алея отпустили с честию и с дарами. Жена его, Фатьма-Салтан, встреченная у саней боярынями, а в сенях самою Еленою, обедала у нее в палате. Иоанн приветствовал гостью на языке татарском и сидел за особенным столом с вельможами: царица же с великою княгинею и с боярынями. Служили стольники и чашники. Князь Репнин был кравчим Фатьмы. Елена в конце обеда подала ей чашу и — никогда, по сказанию летописцев, не бывало великолепнейшей трапезы при дворе московском. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что в ее руке держава России.

Между тем война с Казанью началася: ибо заговор некоторых вельмож ее против Сафа-Гирея не имел действия, и сей царь ответствовал грубо на письмо Иоанново. Московские полководцы, князь Гундоров и Замыцкий, должны были идти из Мещеры на Казанскую землю; но, встретив татар близ Волги, ушли назад и даже не известили государя о неприятеле, который, нечаянно вступив в Нижегородскую область, злодействовал в ней свободно. Жители Балахны, имея более храбрости, нежели искусства, вышли в поле и были разбиты. Воеводы нижегородские сошлись с татарами под Лысковом: ни те, ни другие не хотели битвы; пользуясь темнотою ночи, казанцы и россияне бежали в разные стороны. Сие малодушие московских военачальников требовало примера строгости: князя Гундорова и Замыцкого посадили в темницу, а на их место отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконец победу над многочисленными казанскими и черемисскими толпами в Корякове. Пленников отослали в Москву, где их, как вероломных мятежников, всех без исключения осудили на смерть.

Война Литовская продолжалась для нас с успехом, и существование новой Себежской крепости утвердилось знаменитою победою. Сигизмунд не мог равнодушно видеть сию крепость в своих пределах: он велел киевскому наместнику Немирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное из 20 000 литовцев и поляков, обступило город. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стены были невредимы: худые пушкари литовские, вместо неприятелей, били своих;

ядра летели вправо и влево: ни одно не упало в крепость. Россияне же стреляли метко и сделали удачную вылазку. Осаждающие пятились к озеру, коего лед с треском обломился под ними. Тут воеводы себежские, князь Засекин и Тушин, не дали им опомниться: ударили, смяли, топили несчастных литовцев; взяли их знамена, пушки и едва не всех истребили. Немиров на борзом коне ускакал от плена, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и как сетовали в Киеве, в Вильне, в Кракове, так веселились в Москве; показывали народу трофеи — честили, славили мужественных воевод. Елена в память сего блестящего успеха велела соорудить церковь Живоначальной Троицы в Себеже. Мы не давали покоя Литве: возобновив Почеп, Стародуб,— основав на ее земле, в Ржевском уезде, город Заволочье и Велиж в Торопецком, князья Горенский и Барбашев выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество пленников и всякой добычи.

Следуя правилам Иоанна и Василия, Дума Боярская не хотела действовать наступательно против хана. Толпы его разбойников являлись на берегах Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско. Они дерзнули (в апреле 1536 года) приступить к Белеву; но тамошний воевода разбил их наголову. Хотя Ислам, осыпанный королевскими дарами, примирился было с Саип-Гиреем, чтобы вместе тревожить Россию нападениями: однако ж, уступая ему имя царя, не уступал власти; началась новая ссора между ими, и вероломный Ислам отправлял в Москву гонца за гонцом с дружескими письмами, изъявляя ненависть к Саипу и к царю казанскому Сафа-Гирею.

Уже Сигизмунд — видя, что Россия и с государем-младенцем сильнее Литвы,— думал о мире; изъявлял негодование нашим изменникам: держал Лятцкого под стражею и столь немилостиво обходился с князем Симеоном Бельским, что он, пылая ненавистию к России, с досады уехал в Константинополь искать защиты и покровительства султанова. Еще в феврале 1536 года королевский вельможа, пан Юрий Радзивил, писал к любимцу Елены, князю Телепневу (чрез его брата, бывшего литовским пленником), о пользе мира для обеих держав: Телепнев ответствовал, что Иоанн не враг тишины. Но долго спорили о месте переговоров. Сигизмунд, прислав знатного чиновника поздравить Иоанна с восшествием на трон, желал,

чтобы он, будучи юнейшим, из уважения к его летам отправил своих вельмож в Литву для заключения мира; а бояре московские считали то несогласным с нашим государственным достоинством. Сигизмунд должен был уступить, и в начале 1537 года приехал в Москву Ян Глебович, полоцкий воевода, с четырьмястами знатных дворян и слуг. Следуя обыкновению, обе стороны требовали невозможного: литовцы Новагорода и Смоленска, мы Киева и всей Белоруссии; не только спорили, но и бранились; устали и решились заключить единственно перемирие на пять лет с условием, чтобы мы владели новыми крепостями Себежем и Заволочьем, а Литва Гомелем. Следственно, война кончилась уступкою и приобретением с обеих сторон, хотя и неважным. Боярин Морозов и князь Палецкий отвезли перемирную грамоту к Сигизмунду. Они не могли склонить его к освобождению пленных россиян. Дозволив великокняжеским послам свободно ездить чрез Литву к императору и королю венгерскому, Сигизмунд не согласился пропустить молдавского чиновника к нам, сказав, что воевода Петр есть мятежник и злодей Польши. Если политика великих князей не терпела согласия Литвы с ханами крымскими, всячески питая вражду между ими: то и крымцы не любили видеть нас в мире с Литвою, ибо война представляла им удобность к грабежу в наших и королевских областях. Ислам, с неудовольствием сведав о мирных переговорах, уверял Иоанна в своей готовности наступить на короля всеми силами и, в доказательство ревностной к нам дружбы, уведомлял, что князь Симеон Бельский, приехав из Константинополя в Тавриду, хвалится с помощию султана завоевать Россию. «Остерегись,— писал Ислам,— властолюбие и коварство Солимана мне известны: ему хочется поработить и северные земли христианские, твою и литовскую. Он велел пашам и Саип-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы изменник твой, Бельский, шел с ним на Россию. Один я стою в дружбе к тебе и мешаю их замыслу». Бельский действительно искал гибели отечества и, чтобы злодействовать тем безопаснее, хотел усыпить правительницу уверениями в его раскаянии: писал к ней и требовал себе *опасной грамоты*[1], обещаясь немедленно быть в Москве, чтобы загладить вину

[1] Опасная грамота — охранная грамота, данная кому-либо для безопасности.

своего бегства усердною службою. Мог ли такой преступник ждать милосердия от Елены? Сие мнимое раскаяние было новым коварством, и правительство наше не усомнилось также прибегнуть к обману, чтобы наказать злодея. Именем Иоанновым бояре ответствовали ему, что преступление его, извиняемое юностию лет, забывается навеки; что и в древние времена многие знаменитые люди уходили в чужие земли, возвращались и снова пользовались милостию великих князей; что Иоанн с любовию встретит родственника, исправленного летами и опытностью. В то же время послали из Москвы гонца и дары к Исламу с убедительным требованием, чтобы он выдал нам или умертвил сего изменника. Но Ислама не стало: один из князей ногайских, Багый, друг Саип-Гиреев, в нечаянном нападении убил его и, пленив многих крымцев, захватил между ими и Бельского, спасенного судьбою для новых преступлений: ибо Елена и бояре тщетно хотели выкупить его, посылая деньги в ногайские улусы будто бы от матери и братьев Симеоновых: князь Багый, в угодность хану, отослал к нему сего важного пленника как его друга.

Смерть Исламова и восстановленное тем единовластие Саип-Гирея в Тавриде были для нас весьма неприятны. Ислам вероломствовал, но, будучи врагом сверженного им хана и казанского царя, находил собственные выгоды в союзе с Россиею; а Саип-Гирей, покровительствуемый султаном, имел тесную связь с мятежною Казанью и не без досады видел нашу дружбу к Исламу, хотя мы, более уважая последнего как сильнейшего, от времени до времени писали ласковые грамоты и к Саипу. Хан не замедлил оскорбить великого князя: ограбил посла московского в Тавриде; однако ж, как бы удовольствованный сею местию, известил нас о гибели своего злодея и предлагал Иоанну братство, желая даров и *запрещая* ему тревожить Казань. «Я готов жить с тобою в любви,— велел он сказать великому князю,— и прислать в Москву одного из знатнейших вельмож своих, если ты пришлешь ко мне или князя Василия Шуйского, или конюшего Телепнева, примиришься с *моею* Казанью и не будешь требовать дани с ее народа; но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих: мы неприятели; вступим в землю Русскую, и все будет в ней прахом!»

В сие время полки наши готовились идти на Казань. Ее хищники, рассеянные близ Волги верными мещерскими коза-

ками, одержали верх над двумя воеводами московскими, Сабуровым и князем Засекиным-Пестрым, убитым в сражении между Галичем и Костромою; а в генваре 1537 года сам царь казанский нечаянно подступил к Мурому, сжег предместие, не взял города и бежал, увидев вдали наши знамена. Елена и бояре, уже не опасаясь Литвы, хотели сильно действовать против Казани, отвергнуть все мирные предложения Сафа-Гирея; но угрозы хана казались столь важными, что государственный наш совет решился отложить войну, известив Саип-Гирея и казанского царя о согласии великого князя на мир с условием, чтобы Сафа-Гирей остался присяжником России. Бояре ответствовали хану именем Иоанна: «Ты называешь Казань *своею*; но загляни в *старые летописи*: не тому ли всегда принадлежит царство, кто завоевал его? Можно отдать оное другому; но сей будет уже подданным первого, как верховного владыки. Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России. Казань наша, ибо дед мой покорил ее; а вы только обманом и коварством присвоивали себе временное господство над нею. Да будет все по-старому, и мы останемся в братстве с тобою, забывая вины Сафа-Гиреевы. Отправим к тебе знатного посла, но не Шуйского и не Телепнева, которые по моей юности необходимы в Государственной Думе».

Сим заключились дела внешней политики Еленина правления, ознаменованного и некоторыми внутренними полезными учреждениями, в особенности строением новых крепостей, нужных для безопасности России.

Еще великий князь Василий, находя Кремль тесным для многолюдства московского и недостаточным для защиты оного в случае неприятельского нашествия, хотел оградить столицу новою, обширнейшею стеною. Елена исполнила его намерение, и в 1534 году, маия 20, начали копать глубокий ров от Неглинной вокруг посада (где были все купеческие лавки и торги) к Москве-реке через площадь Троицкую (место судных поединков) и Васильевский луг. Работали слуги придворные, митрополитовы, боярские и все жители без исключения, кроме чиновников или знатных граждан, и в июне кончили; а в следующем году, маия 16, после крестного хода и молебна, отпетого митрополитом, Петрок Малой, *новокрещеный* италиянец, заложил около рва каменную стену и четыре башни с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Все-

святскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улице. Сей город был назван по-татарски *Китаем*, или *средним*, как изъясняют.— Кроме двух крепостей на литовской границе, Елена основала 1) в Мещере город Мокшан, на месте, издревле именуемом *Мурунза*; 2) Буй город в Костромском уезде; 3) крепость Балахну у *Соли*, где прежде находился посад; 4) Пронск на старом городище. Владимир, Ярославль, Тверь, пожаром обращенные в пепел, были снова выстроены; Темников перенесен на удобнейшее место; Устюг и Софийскую сторону в Новегороде окружили стенами; Вологду укрепили и распространили. Правительница, зная главную потребность государства столь обширного и столь мало населенного, вызывала жителей из Литвы, давала им земли, преимущества, льготу и не жалела казны для искупления многих россиян, увлекаемых татарами в плен: для чего требовала вспоможения от духовенства и богатых монастырей. Например, архиепископ Макарий (в 1534 году) послал ей с своей епархии 700 рублей, говоря: «душа человеческая дороже золота». Сей умный владыка новогородский, пользуясь уважением двора, ездил в Москву не только молиться с митрополитом о благоденствии России, но и способствовать оному мудрыми советами в Государственной Думе.

К чести Еленина правления летописцы относят еще перемену в цене государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Из фунта серебра делали прежде обыкновенно *пять рублей и две гривны*; но корыстолюбие изобрело обман: стало обрезывать и переливать деньги для подмеси так, что из фунта серебра выходило уже десять рублей. Многие люди богатели сим ремеслом и произвели беспорядок в торговле: цены изменились, возвысились; продавец боялся обмана, весил, испытывал монету или требовал клятвы от купца, что она не поддельная. Елена запретила ход обрезных, нечистых и всех старых денег; указала перелить их и чеканить из фунта *шесть рублей* без всякого примеса; а *поддельщиков* и *обрезчиков* велела казнить (им лили растопленное олово в рот и отсекали руки). Изображение на монетах осталось прежнее: великий князь на коне, но не с мечом в руке, как дотоле, а с *копием*: отчего стали они именоваться *копейками*.

Но Елена ни благоразумием своей внешней политики, ни многими достохвальными делами внутри государства не могла

угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всем явная любовь ее к князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали к ней ненависть и даже презрение, от коего ни власть, ни строгость не спасают венценосца, если святая добродетель отвращает от него лицо свое. Народ безмолвствовал на стогнах: тем более говорили в тесном, для тиранов непроницаемом кругу семейств и дружества о несчастии видеть соблазн на троне. Правительница, желая обмануть людей и совесть, часто ездила с великим князем на богомолье в монастыри; но лицемерие, хитрость слабодушных, заслуживает единственно хвалу лицемерную и бывает пред неумолимым судилищем нравственности новым обвинением. — Ко гласу оскорбляемой добродетели присоединялся и глас зависти: один Телепнев был истинным вельможею в Думе и в государстве; другие, старейшие, назывались только именем бояр: никто не имел заслуг, если не мог угодить любимцу двора. Желали перемены — и великая княгиня, юная летами, цветущая здравием, вдруг скончалась [3 апреля 1538 г.] Современник, барон Герберштеин, в записках своих говорит утвердительно, что Елену отравили ядом. Он видит в сем случае одну *справедливую месть*; но ее нет ни для сына против отца, ни для подданного против государя: а Елена, по малолетству Иоанна, законно властвовала в России. Худых царей наказывает только Бог, совесть, история: их ненавидят в жизни, клянут и по смерти. Сего довольно для блага гражданских обществ, без яда и железа; или мы должны отвергнуть необходимый устав монархии, что особа венценосцев *неприкосновенна*. Тайна злодеяния не уменьшает его. Гнушаясь оным, согласимся, что известие Герберштеина вероятно. Летописцы не говорят ни слова о болезни Елены. Она преставилась во втором часу дня и в тот же день погребена в Вознесенском монастыре. Не сказано даже, чтобы митрополит отпевал ее тело. Бояре и народ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный великий князь плакал и бросился в объятия к Телепневу, который один был в отчаянии, ибо только один мог всего лишиться и не мог уже ничего приобрести кончиною Елены. Народ спрашивал с любопытством: кто будет править государством?

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV 1538—1547 гг.

Падение и смерть к. Телепнева. Господство к. Василия Шуйского. Освобождение к. Ивана Бельского и Андрея Шуйского. Смута боярская. К. Иван Бельский снова заключен. Смерть к. Василия Шуйского. Господство его брата. Свержение митрополита: избрание Иоасафа. Характер к. Ивана Шуйского и грабежи внутри государства. Набеги внешних неприятелей. Посольства в Царьград, в Стокгольм. Договор с Ганзою. Союз с Астраханью. Посольства ногайские. Заговор против Шуйского. Освобождение к. Ивана Бельского и власть его. Прощение к. Владимира Андреевича и его матери. Облегчают судьбу к. Димитрия Углицкого. Прощение к. Симеона Бельского. Впадение царя казанского. Нашествие хана крымского. Великодушие народа и войска. Бегство неприятеля. Смута бояр: падение к. Ивана Бельского. Ссылка митрополита. Новое господство к. Ивана Шуйского. Посвящение Макария. Перемирие с Литвою. Набеги крымцев, ногаев. Дела казанские. Сношения с Астраханью, с Молдавиею. Перемена в правлении. Наглость Шуйских. Худое воспитание Иоанна. Заговор против главных вельмож. Падение Шуйских. Власть Глинских. Жестокость правления. Доброе согласие с Литвою. Рать на Казань. Шиг-Алей царем в Казани и бежит оттуда. Поход к устью Свияги. Путешествия великого князя и неудовольствия народа.

Несколько дней протекло в неизвестности и в тишине для народа, в тайных совещаниях и в кознях для вельмож честолюбивых. Доселе правительница заменяла государя: настало время совершенной аристократии или державства бояр при семилетнем государе. Не многие из них смели желать верховного владычества над Россиею: прочие готовились единственно взять сторону того или другого на выгоднейших для своей личной пользы условиях. Любимец Еленин, князь Иван Телепнев, не дремал в бездействии: будучи другом и братом Иоанновой надзирательницы, боярыни Агриппины Челядниной, он думал овладеть юным монархом, не отходил от него, ласкался к нему

и надеялся на усердие своих бывших друзей; но число их, с переменою обстоятельств, уменьшилось и ревность охладела. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, как мнили — предвещала явление новых, сильнейших властителей: чтобы узнать, кто мог быть ее тайным виновником, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сие справедливое, или, несмотря на вероятность (как часто бывает), ложное подозрение обратилось на старейшего боярина Василия Васильевича Шуйского, потомка князей суздальских, изгнанных еще сыном Донского из их наследственного владения: злобствуя на московских государей, они служили Новугороду, и в последний день его свободы князь Шуйский-Гребенка был там главным воеводою. Видя решительное торжество самодержавия в России, сии изгнанники, один за другим, вступили в службу московскую и были знаменитейшими вельможами. Князь Василий Васильевич, занимав первое место в Совете при отце Иоанновом, занимал оное и при Елене и тем более ненавидел ее временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовал над Думою. Изготовив средства успеха, преклонив к себе многих бояр и чиновников, сей властолюбивый князь жестоким действием самовольства и насилия объявил себя главою правления: в седьмой день по кончине Елениной велел схватить любезнейших юному Иоанну особ: его надзирательницу, боярыню Агриппину, и брата ее, князя Телепнева,— оковать цепями, заключить в темницу, несмотря на слезы, на вопль державного, беззащитного отрока. Не суд и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребием несчастного вельможи, коему за неделю пред тем раболепствовали все князья и бояре. Телепнева уморили голодом, как правительница или сам он уморил Глинского и дядей Иоанновых; но злодейство не оправдывает злодейства, и летописцы осуждают сию личную месть, внушенную завистью к бывшему любимцу Елены, который хотел быть и любимцем сына ее. Телепнев имел ум, деятельность, благородное честолюбие; не боялся оставлять двора для войны и, еще не довольный властию, хотел славы, которую дают дела, а не милость государей. Сестру его, боярыню Агриппину, сослали в Каргополь и постригли в монахини. Дума, государство и сам государь сделались подвластны Василию Шуйскому и брату его, князю Ивану, также знаменитому члену Совета, где только один боярин мог спорить с ними о старейшинстве, князь Ди-

митрий Бельский, родственник Иоаннов: они искали его дружбы. Брат Димитриев, князь Иван Федорович, и Шуйский, Андрей Михайлович, сидели в темнице: их вместе освободили с честию как невинных; первый занял в Думе свое прежнее место; второго пожаловали в бояре. Ослепленный гордостию, князь Василий Шуйский хотел утвердить себя на вышней степени трона свойством с государем и, будучи вдовцом лет пятидесяти или более, женился на юной сестре Иоанновой, Анастасии, дочери Петра, казанского царевича. Но беспрекословное владычество сего вельможи продолжалось только месяцев шесть: князь Иван Бельский, им освобожденный, сделался его неприятелем, будучи в согласии с митрополитом Даниилом, с дворецким Михайлом Тучковым и с иными важными сановниками. Началось тем, что Бельский просил юного Иоанна дать князю Юрию Булгакову-Голицыну боярство, а сыну знаменитого Хабара Симского сан окольничего, не сказав ни слова Шуйским, которые воспылали гневом. Вражда усилилась бранью: с одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусных kознях; с другой о самовластии, о тиранстве. Наконец Шуйские доказали свое могущество: снова заключили князя Ивана Бельского в темницу, советников его разослали по деревням, а главному из них, дьяку Федору Мишурину, измученному воинами, раздетому, обнаженному, отсекли голову на плахе пред городскою тюрьмою. Все сие делалось именем Шуйских и бояр, им преданных, а не именем государя: то есть беззаконно и нагло. Достойно замечания, что старший князь Бельский, Димитрий, опять не имел участия в бедственной судьбе брата, спасаемый, как вероятно, своим осторожным, спокойным характером.

Уже самовластный вельможа, князь Василий, считал себя как бы царем России: вдруг узнали об его болезни и смерти, которая могла быть естественною, но без сомнения служила поводом к разным догадкам и заключениям. Явив суетность властолюбия, она не исправила бояр московских, и брат Василиев, князь Иван Шуйский, став их главою, мыслил единственно о том, чтобы довершить месть над врагами и сделать, чего не успел или не дерзнул исполнить умерший брат его. Ни святость сана, ни хитрость ума не спасли митрополита Даниила: замышляв с князем Иваном Бельским свергнуть Шуйских, он сам был свержен с митрополии указом боярским и

сослан в монастырь Иосифов, где строгою, постною жизнию имел способ загладить грехи своего придворного честолюбия и раболепства. Опасаясь упреков в беззаконии, вельможи взяли с Даниила запись, коею сей бывший архипастырь будто бы добровольно отказался от святительства, чтобы молиться в тишине уединения о государе и государстве. На его место епископы поставили — *судьбами Божественными* и *великокняжеским* (то есть боярским) *изволением*, как сказано в летописи — Иоасафа Скрыпицына, игумена Троицкого [1539 г.].

Среди таких волнений и беспокойств, производимых личным властолюбием бояр, правительство могло ли иметь надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутреннего благоустройства и внешней безопасности? Главный вельможа, князь Иван Шуйский, не оказывал в делах ни ума государственного, ни любви к добру; был единственно грубым самолюбцем; хотел только помощников, но не терпел совместников; повелевал в Думе как деспот, а во дворце как хозяин, и величался до нахальства; например, никогда не стоял пред юным Иоанном, садился у него в спальне, опирался локтем о постелю, клал ноги на кресла государевы; одним словом, изъявлял всю низкую малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйского и в гнусном корыстолюбии; писали, что он расхитил казну и наковал себе из ее золота множество сосудов, велев вырезать на них имена своих предков. По крайней мере его ближние, клевреты, угодники грабили без милосердия во всех областях, где давались им нажиточные места или должности государственные. Так боярин Андрей Михайлович Шуйский и князь Василий Репнин-Оболенский, будучи наместниками во Пскове, *свирепствовали как львы*, по выражению современника: не только угнетали земледельцев, граждан беззаконными налогами, вымышляли преступления, ободряли лживых доносителей, возобновляли дела старые, требовали даров от богатых, безденежной работы от бедных: но и в самых святых обителях искали добычи с лютостию могольских хищников; жители пригородов не смели ездить во Псков как в вертеп разбойников; многие люди бежали в иные страны; торжища и монастыри опустели. — К сему ужасному бедствию неправосудия и насилия присоединялись частые, опустошительные набеги внешних разбойников. Мы были, говорят летописцы, жертвою и посме-

шищем неверных: хан крымский давал нам законы, царь казанский нас обманывал и грабил. Первый, задержав великокняжеского чиновника, посланного к господарю молдавскому, писал к Иоанну: «Я сделал то, что вы несколько раз делали. Отец и мать твоя, не разумея государственных уставов, ловили, злодейски убивали моих послов на пути в Казань: я также имею право мешать твоему сообщению с моим недругом молдавским. Ты хочешь от меня приязни: для чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что у меня более ста тысяч воинов? Если каждый из них пленит хотя одного русского, сколько тебе убытка, а мне прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу свою; все объявляю наперед, ибо сделаю, что говорю. Где желаешь видеться со мною? в Москве, или на берегах Оки? Знай, что буду к тебе не один, но с великим султаном, который покорил вселенную от Востока до Запада. Укажу ему путь к твоей столице. Ты же что мне сделаешь? Злобствуй как хочешь, а в моей земле не будешь». Не только Иоанн III и Василий, но и правительница, от времени до времени удовлетворяя корыстолюбию ханов, изъявляли по крайней мере благородную гордость в переписке с ними и не дозволяли им забываться. Владычество Шуйских ознаменовалось слабостию и робким малодушием в политике московской: бояре даже не смели ответствовать Саип-Гирею на его угрозы; спешили отправить в Тавриду знатного посла и купить вероломный союз варвара обязательством не воевать Казани; а царь казанский, уверяя нас в своем миролюбии, хотел, чтобы мы ежегодно присылали ему дары в знак уважения. Напрасно ждали его уполномоченных в Москву: они не ехали, а казанцы два года непрестанно злодействовали в областях Нижнего, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владимира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми; являлись единственно толпами, жгли, убивали, пленили, так что один из летописцев сравнивает бедствия сего времени с Батыевым нашествием, говоря: «Батый протек молниею Русскую землю: казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь христиан как воду. Беззащитные укрывались в лесах и в пещерах; места бывших селений заросли диким кустарником. Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих

усерязями и монистами[1]; сыпали горящие уголья в сапоги инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных монахинь; кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезывали уши, нос; отсекали руки, ноги и — что всего ужаснее — многих приводили в Веру свою, а сии несчастные сами гнали христиан как лютые враги их. Пишу не по слуху, но виденное мною и чего никогда забыть не могу». Что делали правители государства, бояре? Хвалились своим терпением пред ханом Саип-Гиреем, изъясняясь, что казанцы терзают Россию, а мы, в угодность ему, *не двигаем ни волоса* для защиты своей земли! Бояре хотели единственно мира и не имели его; заключили союз с ханом Саип-Гиреем и видели бесполезность оного. Послы ханские были в Москве, а сын его, Иминь, с шайками своих разбойников грабил в Коширском уезде. Мы удовольствовались извинением, что Иминь не слушается отца и поступает самовольно.

Другие внешние действия России более соответствовали ее государственному достоинству. Чиновник Адашев ездил из Москвы с дружественными письмами к султану и к патриарху, Замыцкий из Новагорода к королю шведскому: в Константинополе и в Стокгольме оказали великую честь нашим посланникам. Бояре подтвердили купеческий договор с Ганзою и возобновили союз с Астраханью, где опять царствовал Абдыл-Рахман. Послы ногайские одни за другими являлись в Москве, предлагая нам свои услуги и требуя единственно свободной торговли как милости. Литва, соблюдая перемирие, не тревожила России: старец Сигизмунд в покое доживал век свой.

В сие время [1540 г.] сделалась перемена в нашей аристократии. Свергнув митрополита Даниила, князь Иван Шуйский считал нового первосвятителя другом своим, но обманулся. Руководствуясь, может быть, любовию к добродетели, усердием к отечеству и видя неспособность Шуйского управлять державою или по иным, менее достохвальным причинам, митрополит Иоасаф осмелился ходатайствовать у юного государя и в Думе за князя Ивана Бельского. Многие бояре пристали к нему: одни говорили только о милосердии, другие о справедливости, и вдруг именем Иоанновым, с торжеством вывели Бельского

[1] Усерязи — серьги; монисты — бусы.

из темницы, посадили в Думу, а Шуйский, изумленный дерзостию митрополита и бояр, не успел отвратить удара: трепетал в злобе, клялся отмстить им за измену и с того дня не хотел участвовать в делах, ни присутствовать в Думе, где сторона Бельских, одержав верх, начала господствовать с умеренностию и благоразумием. Не было ни опал, ни гонения. Правительство стало попечительнее, усерднее к общему благу. Злоупотребления власти уменьшились. Сменили некоторых худых наместников, и псковитяне освободились от насилий князя Андрея Шуйского, отозванного в Москву. Дума сделала для них то же, что Василий сделал для новогородцев: возвратила им судное право. *Целовальники*, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить все уголовные дела независимо от наместников, к великой досаде сих последних, лишенных тем способа беззаконствовать и наживаться. Народ отдохнул во Пскове; славил милость великого князя и добродетель бояр. — Правительство заслужило еще хвалу освобождением двоюродного брата Иоаннова, юного князя Владимира Андреевича, и матери его, заключенных Еленою: они переехали в свой до́м и жили уединенно; а чрез год, в день Рождества Христова, мать и сын были представлены Иоанну. Им возвратили богатые поместья Андреевы и дозволили иметь двор, бояр и слуг княжеских. — Назовем ли милостию скудное, жалостное благодеяние, оказанное тогда же другому родственнику Иоаннову? Внук Василия Темного, сын Андрея Углицкого, именем Димитрий, еще находился в числе живых, забвенный всеми, и сорок девять ужасных лет, от нежной юности до глубокой старости, сидел в темнице, в узах, один с Бо́гом и мирною совестию, не оскорбив никого в жизни, не нарушив никакого устава человеческого, только за вины отца своего, имев несчастие родиться племянником самодержца, коему надлежало истребить в России вредную систему уделов и который любил единовластие более, нежели единокровных. Правители, желая быть милосердными, не решились возвратить Димитрия, как бы из могилы, чуждому для него миру: велели только освободить его от тягости цепей, впустить к нему в темницу более света и воздуха! Ожесточенный бедствием, Димитрий, может быть, в первый раз смягчился тогда душою и пролил слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнее. Он содержался в Вологде: там и кончил жизнь. Брат его, князь

Иван, умер за несколько лет перед тем в монашестве. Оба лежат вместе в вологодской церкви Спаса на Прилуке.

Милуя или облегчая судьбу гонимых, первый вельможа, князь Иван Бельский, хотел и виновного брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродетели. Митрополит Иоасаф взялся быть ходатаем. Извиняли преступника чем только могли: юностию его лет, несносным тиранством и самовластием Еленина любимца. Государь простил: одно действие, коим история упрекает князя Ивана Бельского! Изменник, предатель, наводив врагов на отечество, явился бы снова при дворе и в Думе с почестями, определенными для верных, знаменитых слуг государства! Но Симеон не воспользовался милосердием, противным уставу справедливости и блага гражданских обществ. Гонец московский уже не нашел Бельского в Тавриде: сей изменник был в поле с ханом, замышляя гибель России: ибо Саип-Гирей клялся в дружбе к великому князю единственно для того, чтобы произвести в нас оплошность и нечаянностию впадения открыть себе путь в сердце московских владений. Но Дума, под начальством князя Ивана Бельского, радея о внутреннем благоустройстве, не выпускала из виду и внешней безопасности.

Тайно готовясь к войне, хан приглашал и царя казанского идти на Россию: к счастию нашему, им неудобно было действовать в одно время: первый ждал весны и подножного корма в степях; а второй, не имея сильной рати судовой, боялся летом оставить за спиною Волгу, где, в случае его бегства, россияне могли бы утопить казанцев. Ободряемый нашим долговременным терпением и бездействием, Сафа-Гирей, в декабре 1540 года миновав Нижний Новгород, успел беспрепятственно достигнуть Мурома, но далее не мог ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стенах и в вылазках; князь Димитрий Бельский шел из Владимира, а царь Алей с своими верными татарами из Касимова, истребляя рассеянные толпы неприятелей в Мещерской земле и в селах муромских. Сафа-Гирей бежал назад, и так скоро, что воеводы московские не догнали его. — Сей не весьма удачный поход умножил число недовольных в Казани: тамошние князья и знатнейший из них, Булат, тайно писали в Москву, чтобы государь послал к ним войско; что они готовы убить или выдать нам Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у вельмож и народа, шлет

казну в Тавриду. Бояре велели немедленно соединиться полкам из семнадцати городов в Владимире, под начальством князя Ивана Васильевича Шуйского; ответствовали Булату ласково, обещая ему милость и забвение прошедшего; но ждали дальнейших вестей из Казани, чтобы послать туда войско.

Еще хан Саип-Гирей скрывал свои замыслы: посол Иоаннов, князь Александр Кашин, жил в Тавриде, а ханский, именем Тагалдый, в Москве; но бояре угадывали, что царь казанский действовал по согласию с Крымом, и для того, на всякий случай, собрали войско [1541 г.] в Коломне, где сам юный Иоанн осмотрел его стан. Весною узнали в Москве (чрез пленников, ушедших из Тавриды), что хан двинулся к пределам России со всею Ордою, не оставив дома никого, кроме жен, детей и старцев; что у него дружина султанова с огнестрельным снарядом; что к нему присоединились еще толпы из ногайских улусов, из Астрахани, Кафы, Азова; что князь Симеон Бельский взялся быть его путеводителем. Наместнику путивльскому, Федору Плещееву, велено было удостовериться в истине сего известия: люди, посланные им в степи, видели там следы прошедшего войска, тысяч ста или более. Тогда князь Димитрий Бельский, в сане главного воеводы, прибыл в Коломну и вывел рать в поле. Князь Иван Васильевич Шуйский остался в Владимире с царем Шиг-Алеем; многочисленные дружины шли отовсюду к Серпухову, Калуге, Туле, Рязани. Наши смелые лазутчики встретили хана близ Дона: они смотрели на полки его и не видали им конца в степях открытых. Уже Саип-Гирей был на сей стороне Дона; приступал к Зарайску и не мог взять крепости, отраженный славным мужеством ее воеводы, Назара Глебова.

Между тем как наши полки располагались станом близ Оки, Москва умилялась зрелищем, действительно трогательным: десятилетний государь с братом своим, Юрием, молился Всевышнему в Успенском храме пред Владимирскою иконою Богоматери и гробом Св. Петра митрополита о спасении отечества; плакал и в слух народа говорил: «Боже! Ты защитил моего прадеда в нашествие лютого Темир-Аксака: защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения!» Он повел митрополита в Думу, где сидели бояре, и сказал им: «Враг идет: решите, здесь ли мне быть, или уда-

литься?» Бояре рассуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что великие князья в случае неприятельских нашествий никогда не заключались в Москве. Другие так ответствовали: «Когда Едигей шел к столице, Василий Димитриевич удалился, чтобы собирать войско в областях Российских, но в Москве оставил князя Владимира Андреевича и своих братьев. Ныне государь у нас отрок, а брат его еще малолетнее: детям ли скакать из места в место и составлять полки? Не скорее ли впадут они в руки неверных, которые без сомнения рассеются и по иным областям, ежели достигнут Москвы?» Митрополит соглашался с последними и говорил: «Где искать безопасности великому князю? Новгород и Псков смежны с Литвою и с немцами; Кострома, Ярославль, Галич подвержены набегам казанцев; и на кого оставить Москву, где лежат Святые Угодники? Димитрий Иоаннович оставил ее без воеводы сильного: что же случилось? Господь да сохранит нас от такого бедствия! Нет нужды собирать войско: одно стоит на берегах Оки, другое в Владимире с царем Шиг-Алеем, и защитят Москву. Имеем силу, имеем Бога и Святых, коим отец Иоаннов поручил возлюбленного сына: не унывайте!» Все бояре единодушно сказали: «Государь! останься в Москве!» — и великий князь изустно дал повеление градским прикащикам[1] готовиться к осаде. Ревность, усердие оживляли воинов и народ. Все клялись умереть за Иоанна, стоять твердо за святые церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стен, ворот и башен; везде расставили пушки; укрепили посады надолбами. Никто не мыслил о бегстве, и летописцы удивляются сему общему вдохновению мужества как бы действию сверхъестественному.

То же было и в войске. Полководцы обыкновенно считались тогда в старейшинстве или в знатности родов между собою и не хотели зависеть от младших, ни от равных, вопреки государеву назначению. Василий и отец его умели обуздывать их *местничество*[2], но юность Иоаннова, вселяя бесстрашие и дерзость в главных чиновников, довела сие зло до крайности. Прения и вражда господствовали в станах. Великий князь послал дьяка своего, Ивана Курицына, с письмом к Димитрию Бельскому и к его знаменитым сподвижникам; убеждал их оставить

---

[1] Градский прикащик — смотрел за исправностью городских стен.

[2] Местничество — мстительность, готовность ответить злом на зло.

все личности, все несогласия и свары, — соединиться духом и сердцем за отечество, за веру и государя юного, который уповает единственно на Бога и на их оружие. «Ока да будет неодолимою преградою для хана! — писал Иоанн.— А если не удержит врага, то заградите ему путь к Москве своею грудью. Сразитесь крепко во имя Бога всемогущего! Обещаю любовь и милость не только вам, но и детям вашим. Кто падет в битве, того имя велю вписать в *Книги животные*[1]; того жена и дети будут моими ближними». Воеводы слушали грамоту с умилением. «Так! — говорили они: — забудем вражду и самих себя; вспомним милость великого князя Василия; послужим Иоанну, коего слабая рука еще не владеет оружием; послужим *малому*, да от *великого* честь приимем! Если исполнится наше ревностное желание; если победим, то не в одной Русской, но и в чуждых, отдаленных землях прославимся. Мы не бессмертны: умрем же за отечество! Бог и государь не забудут нас». Сии дотоле сварливые, упрямые воеводы плакали, обнимали друг друга в восторге великодушия; назывались братьями; клялися вместе победить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли из шатра, читали войску письмо Иоанново, говорили речи сильные глубоким, добродетельным чувством. Действие было неописанное. Воины кричали: «Хотим, хотим пить смертную чашу с татарами за государя юного! Когда вы, отцы наши, согласны между собою, идем с радостию на врагов неверных!» И все полки двинулись вперед, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже хан пришел [30 июля 1541 г.] к Оке и стал на высотах. Другой берег ее был занят московскою передовою дружиною под начальством князей Ивана Турунтая-Пронского и Василия Охлябина-Ярославского. Татары — думая, что у нас нет более войска — спустили плоты на реку и хотели переправиться; а турки стреляли из пушек, из пищалей, чтобы отбить россиян, которые, действуя одними стрелами, сперва было дрогнули и замешались... Но приспели князья Пунков-Микулинский и Серебряный-Оболенский с полками: россияне стали твердо. Скоро явились новые, густые толпы их и ряды необозримые: князья Михайло Кубенский, Иван Михайлович Шуй-

---

[1] Книги животные — синодики, поминальные книги для заупокойной молитвы.

19 Зак. № 39

ский и сам Димитрий Бельский водрузили на берегу свои знамена. С правой и левой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная запасная стража. Хан видел, изумлялся и с гневом сказал изменнику нашему, Симеону Бельскому, и вельможам: «Вы обманули меня, уверив, что Россия не в силах бороться в одно время с Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не видывали подобного». Объятый ужасом, он хотел бежать: мурзы удержали его. С обеих сторон летали ядра, пули и стрелы; ввечеру татары отступили к высотам, а россияне, одушевленные мужеством, кричали им: «идите сюда; мы вас ожидаем!»

Наступила ночь: воеводы Иоанновы, по словам летописцев, *пировали духом*, готовясь к решительной битве следующего дня. Не было ни страха, ни сомнения; не хотели отдыха; стук оружия и шум людей не умолкали в стане; приходили новые дружины одна за другою с тяжелым огнестрельным снарядом. Хан непрестанно слышал издали радостные клики в нашем войске; видел при свете огней, как мы ставили пушки на холмах берега — и не дождался утра: терзаемый страхом, злобою, стыдом, ускакал в телеге; за ним побежало и войско, истребив часть обоза, другую же и несколько пушек султановых оставив нам в добычу. Тогда в первый раз мы увидели в руках своих оттоманские трофеи! — С сею счастливою вестию Димитрий Бельский послал в Москву князя Ивана Кашина, а князей Микулинского и Серебряного вслед за ханом. Они пленили отсталых, которые известили их, что Саип-Гирей идет к Пронску. Хвалившись стать на Воробьевых горах и разорить все области московские, он думал уменьшить стыд свой взятием сей маловажной крепости, подобно Тамерлану, не завоевавшему в России ничего, кроме Ельца. Тогда главный наш воевода отрядил вперед новые полки, чтобы скорее выгнать хана из пределов России.

3 августа Саип-Гирей обступил Пронск, где начальствовал Василий Жулебин, у коего было немного людей, но много смелости: он пушками, кольями и каменьями отбил неприятеля. Мурзы хотели говорить с ним: Жулебин явился на стене. «Сдайся, — сказали они, — царь обещает тебе милость, или будет стоять здесь, пока возьмет город». Витязь ответствовал: «Божиею волею ставится град, и никто не возьмет его без воли Божией. Пусть царь стоит: увидит скоро воевод московских».

Саип-Гирей велел готовить туры для нового, сильнейшего приступа; а Жулебин вооружил не только всех граждан, но и самых жен. Груды камней и кольев лежали на стене; котлы кипели с водою; над заряженными пушками горели фитили. Тогда осажденные получили весть, что князья Микулинский и Серебряный уже близко: клики веселья раздались в городе. Хан узнал о том, сжег туры и 6 августа удалился от Пронска, гонимый нашими воеводами до самого Дона; а князь Воротынский разбил царевича Иминя, который было остановился для грабежа в Одоевском уезде.

Вся Россия торжествовала сие счастливое изгнание сильного врага из недр ее; славила государя и полководцев. Юность Иоаннова, умилительная для сердец во дни страха, была особенною прелестию и торжества народного, когда державный отрок в храме Всевышнего благодарил Небо за спасение России; когда именем отечества изъявлял признательность воеводам и когда они, тронутые его милостию, с радостными слезами отвечали ему: «Государь! мы победили твоими Ангельскими молитвами и твоим *счастием*!» Народ всего более верит *счастию*, и младые лета Иоанновы открывали неизмеримое поле для надежды. — Так чувствовали современники, которые видели в Саип-Гирее нового Мамая или Тамерлана и хвалились его бегством как славным для России происшествием. Они не думали о будущем. Что случилось, могло и впредь случиться. Россия, уже действительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапных* нападений: мы хотели, чтобы неприятель давал нам время изготовиться к обороне; выгоняли его, но села наши пустели, и государство лишалось главной своей драгоценности: людей! Только опыты веков приводят истинные меры государственной безопасности в твердую систему.

Князь Иван Бельский, будучи душою правительства, стоял на вышней степени счастия, опираясь на личную милость державного отрока, уже зреющего душою, — на ближнее с ним родство, на успехи оружия, на дела человеколюбия и справедливости. Совесть его была спокойна, народ доволен... и втайне кипела злоба, коварствовала зависть, неусыпная в свете, особенно деятельная при дворе. Здесь история наша представляет опасность великодушия, как бы в оправдание жестоких, мстительных властолюбцев, дающих мир врагам только в могиле. Князь Иван Бельский, освобожденный митрополитом и бояра-

ми, мог бы поменяться темницею с Шуйским; мог бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрел бессильную злобу и сделал еще более: оказал уважение к его ратным способностям и дал ему воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушия, если бы оно имело целию не внутреннее удовольствие сердца, не добродетель, а выгоды страстей. Шуйский, с гневом уступив власть своему неосторожному противнику, думал единственно о мести, и знаменитые бояре, князья Михайло, Иван Кубенские, Димитрий Палецкий, казначей Третьяков, вошли с ним в заговор, чтобы погубить Бельского и митрополита, связанных дружбою и, как вероятно, усердною любовию к отечеству. Не было, кажется, и предлога благовидного: заговорщики хотели просто, низвергнув властелина, занять его место и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили к себе многих дворян, детей боярских, не только в Москве, но и в разных областях, особенно в Новегороде. Шуйский, находясь с полками в Владимире, чтобы идти на Казань, обещаниями и ласками умножил число своих единомышленников в войске; взял с них тайную присягу, дал знать московским клевретам, что время приступить к делу, и послал к ним из Владимира с сыном, князем Петром, триста надежных всадников. Ночью 3 генваря [1542 г.] сделалась ужасная тревога в Кремле: заговорщики схватили князя Ивана Бельского в его доме и посадили в темницу; также верных ему друзей, князя Петра Щенятева и знатного сановника Хабарова: первого извлекли задними дверьми из самой комнаты государевой; окружили митрополитовы келии, бросали каменьями в окна и едва не умертвили Иоасафа, который бежал от них на Троицкое подворье: игумен лавры и князь Димитрий Палецкий только именем Св. Сергия могли удержать неистовых детей боярских, поднявших руку на архипастыря. Митрополит искал безопасности во дворце, в присутствии юного Иоанна; но государь, пробужденный свирепым воплем мятежников, сам трепетал как несчастная жертва. Бояре с шумом вошли за Иоасафом в комнату великого князя; взяли, отправили митрополита в ссылку, в монастырь Кириллов на Белеозере; велели придворным священникам за три часа до света петь заутреню; кричали, господствовали, как бы завоевав престол и церковь; не думали о соблюдении ни малейшей пристойности; действовали в виде бунтовщиков; устрашили столицу. Никто в сию ужасную ночь не смыкал глаз в Москве. На

рассвете прискакал Шуйский из Владимира и сделался вторично главою бояр. Князя Ивана Бельского послали в заточение на Белоозеро, Щенятева в Ярославль, Хабарова в Тверь. Тишина и спокойствие восстановились. Но Шуйский еще не был доволен: опасаясь перемены, добродетели князя Ивана Бельского и общей к нему любви, он велел убить его, по согласию с боярами, без ведома государева. Три злодея умертвили сего несчастного князя в темнице: вельможу благодушного, воина мужественного, христианина просвещенного, как пишут современники. Некогда подозреваемый в тайном лихоимстве, за излишнее миролюбие, оказанное им в двух войнах казанских, он славою последних лет своей жизни оправдался в народном мнении.

Россия уже знала Шуйского и не могла ожидать от его правления ни мудрости, ни чистого усердия к государственному благу; могла единственно надеяться, что власть сего человека, снисканная явным беззаконием, не продолжится. Дума осталась как была: только некоторые члены ее, смотря по их отношениям к главному вельможе, утратили силу свою или приобрели новую. Князь Димитрий Бельский оплакивал брата и сидел на первом месте в Совете, как старший именем боярин. Надлежало избрать митрополита: малолетство Иоанново давало архипастырю церкви еще более важности; он имел свободный доступ к юному государю, мог советовать ему, смело противоречить боярам и действовать на умы граждан христианскими увещаниями. Шуйский и друзья его не хотели вторично ошибиться в сем выборе, медлили около двух месяцев и призвали архиепископа Макария, славного умом, деятельностию, благочестием: любя и мирскую честь, он, может быть, оказал им услуги в Новегороде и склонил жителей оного на их сторону, в надежде заступить место Иоасафа. Чрез семь дней нарекли Макария первосвятителем и возвели на двор митрополичий, а чрез десять дней посвятили. Таким образом князь Иван Шуйский самовластно свергнул двух митрополитов единственно по личной к ним ненависти, без всякого суда и законного предлога. Духовенство молчало и повиновалось.— Все прежние насилия, несправедливости возобновились. Льгота и права, данные областным жителям в благословенное господствование князя Бельского, уничтожились происками наместников. Россия сде-

лалась опять добычею клевретов, ближних и слуг Шуйского. Но Иоанн возрастал!

Важнейшим делом внешней политики сего времени было новое перемирие с Литвою на семь лет, заключенное в Москве королевскими панами, Яном Глебовичем и Никодимом. Хотели и вечного мира с обеих сторон, но не согласились, как и прежде, в условиях. Бояре домогались размена пленных: король требовал за то Чернигова и шести других городов, боясь, кажется, чтобы литовские пленники не возвратились к нему с изменою в сердце и чтобы российские не открыли нам новых способов победы. Наконец положили единственно не воевать друг друга и купцам торговать свободно. Сигизмунд уже слабел: паны договаривались именем его сына и наследника, Августа. В присутствии юного Иоанна читали грамоты: великий князь целовал крест и дал руку послам; а боярин Морозов ездил в Литву для размена грамот. Ему велено было предстательствовать за наших пленников, чтобы их не держали в узах и дозволяли им ходить в церковь: последнее утешение для злосчастных, осужденных умереть в стране неприятельской! — Между тем спорили о землях Себежских и других; хотели и не могли размежеваться. Чиновник Сукин, посыланный для того в Литву, должен был в тайной беседе с ее вельможами сказать им, что Иоанн уже ищет себе невесты и что бояре московские желают знать их мысли о пользе родственного союза между государями обеих держав. В донесении Сукина не находим ответа на сие предложение.

Испытав неудачу, хан Саип-Гирей согласился быть в дружбе с нами, отпустил Иоаннова посла, князя Александра Кашина, в Москву и дал ему новую *шертную грамоту*; но сын ханский, Иминь, и хищные мурзы тревожили набегами Северскую область и Рязань. Воеводы московские встретили их, побили крымцев на славном поле Куликове и гнали до реки Мечи. — Казанцы требовали мира; но князь Булат уж не хотел свергнуть Сафа-Гирея и писал о том к боярину, Димитрию Бельскому, а царевна Горшадна к самому Иоанну. Сия царевна славилась ученостию и волхвованием. Летописцы уверяют, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величие России. Дума боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлил и не заключал оного. — Дружественные сношения продолжались с Астраханью и с Молдавиею. Царевич астра-

ханский, Едигер, приехал служить в Россию. Воевода молдавский, Иван Петрович, внук Стефанов, писал к великому князю, что Солиман, изгнав его, умилостивился и возвратил ему Молдавию, но требует, сверх ежегодной дани, около трехсот тысяч золотых, коих нельзя собрать в земле опустошенной. Господарь молил Иоанна о денежном вспоможении, которое и было послано.

Но смуты и козни придворные занимали Думу более, нежели внутренние и внешние дела государственные. Недолго князь Иван Васильевич Шуйский пользовался властию: болезнь, как надобно думать, заставила его отказаться от двора. Он жил еще года два или три, не участвуя в правлении, но сдав оное своим ближним родственникам, трем Шуйским: князьям Ивану и Андрею Михайловичам и Федору Ивановичу Скопину, которые, не имея ни великодушия, ни ума выспреннего, любили только господствовать и не думали заслуживать любви сограждан, ни признательности юного венценосца истинным усердием к отечеству. Искусство сих олигархов состояло в том, чтобы не терпеть противоречия в Думе и допускать до государя единственно преданных им людей, удаляя всех, кто мог быть для них опасен или смелостию, или разумом, или благородными качествами сердца. Но Иоанн, приходя в смысл, уже чувствовал тягость беззаконной опеки, ненавидел Шуйских, особенно князя Андрея, наглого, свирепого, и склонялся душою к их явным или тайным недоброхотам, в числе коих был советник Думы, Федор Семенович Воронцов. Олигархи желали пристойным образом удалить его и не могли; злобствовали и, видя возрастающую к нему любовь Иоаннову, решились прибегнуть к насилию: во дворце, в торжественном заседании Думы, в присутствии государя и митрополита, Шуйские с своими единомышленниками, князьями Кубенскими, Палецким, Шкурлятевым, Пронскими и Алексеем Басмановым, после шумного прения о мнимых винах сего любимца Иоаннова вскочили как неистовые, извлекли Воронцова силою в другую комнату, мучили, хотели умертвить. Юный государь в ужасе молил митрополита спасти несчастного: первосвятитель и бояре Морозовы говорили именем великого князя, и Шуйские, как бы из милости к нему, дали слово оставить Воронцова живого, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили в темницу. Иоанн вторично отправил к ним митрополита и бояр с убеж-

дением, чтобы они послали Воронцова на службу в Коломну, если нельзя ему быть при дворе и в Москве. Шуйские не согласились: государь должен был утвердить их приговор, и Воронцова с сыном отвезли в Кострому. Изображая тогдашнюю наглость вельмож, летописец сказывает, что один из их клевретов, Фома Головин, в споре с митрополитом, наступив на его мантию, изорвал оную в знак презрения.

Сии крайности беззаконного, грубого самовластия и необузданных страстей в правителях государства ускорили перемену, желаемую народом и неприятелями Шуйских. Иоанну исполнилось тринадцать лет. Рожденный с пылкою душою, редким умом, особенною силою воли, он имел бы все главные качества великого монарха, если бы воспитание образовало или усовершенствовало в нем дары природы; но рано лишенный отца, матери и преданный в волю буйных вельмож, ослепленных безрассудным, личным властолюбием, был на престоле несчастнейшим сиротою державы Российской: ибо не только для себя, но и для миллионов готовил несчастие своими пороками, легко возникающими при самых лучших естественных свойствах, когда еще ум, исправитель страстей, нем в юной душе и если, вместо его, мудрый пестун не изъясняет ей законов нравственности. Один князь Иван Бельский мог быть наставником и примером добродетели для отрока державного; но Шуйские, отняв достойного вельможу у государя и государства, старались привязать к себе Иоанна исполнением всех его детских желаний: непрестанно забавляли, тешили во дворце шумными играми, в поле звериною ловлею; питали в нем наклонность к сластолюбию и даже к жестокости, не предвидя следствий. Например, любя охоту, он любил не только убивать диких животных, но и мучить домашних, бросая их с высокого крыльца на землю; а бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окружив Иоанна толпою молодых людей, смеялись, когда он бесчинно резвился с ними или скакал по улицам, давил жен и старцев, веселился их криком. Тогда бояре хвалили в нем смелость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святых обязанностей венценосца, ибо не исполняли своих; не пеклись о просвещении юного ума, ибо считали его невежество благоприятным для их властолюбия; ожесточали сердце, презирали слезы Иоанна о князе Телепневе, Бельском, Воронцове в надежде загладить свою дерзость угождением его вредным

прихотям, в надежде на ветреность отрока, развлекаемого ежеминутными утехами. Сия безумная система обрушилась над главою ее виновников. Шуйские хотели, чтобы великий князь помнил их угождения и забывал досады: он помнил только досады и забывал угождения, ибо уже знал, что власть принадлежит ему, а не им. Каждый день, приближая его к совершенному возрасту, умножал козни в Кремлевском дворце, затруднения господствующих бояр и число их врагов, между коими сильнейшие были Глинские, государевы дядья, князья Юрий и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый заседал в Думе; второй имел знатный сан конюшего. Они, несмотря на бдительность Шуйских, внушали тринадцатилетнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воро́нцова, что ему время объявить себя действительным самодержцем и свергнуть хищников власти, которые, угнетая народ, тиранят бояр и ругаются над самим государем, угрожая смертию всякому, кого он любит; что ему надобно только вооружиться мужеством и повелеть; что Россия ожидает его слова. Вероятно, что и благоразумный митрополит, недовольный дерзким насилием Шуйских, оставил их сторону и то же советовал Иоанну. Умели скрыть важный замысел: двор казался совершенно спокойным. Государь, следуя обыкновению, ездил осенью молиться в лавру Сергиеву и на охоту в Волок Ламский с знатнейшими сановниками, весело праздновал Рождество в Москве и вдруг, созвав бояр, в первый раз явился повелительным, грозным; объявил с твердостию, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуют, самовольно убивают людей, грабят землю; что многие из них виновны, но что он казнит только виновнейшего: князя Андрея Шуйского, главного советника тиранства. Его взяли и предали в жертву псарям, которые на улице истерзали, умертвили сего знатнейшего вельможу. Шуйские и друзья их безмолвствовали: народ изъявил удовольствие. Огласили злодеяния убитого. Пишут, что он, ненасытимый в корыстолюбии, под видом купли отнимал дворянские земли, угнетая крестьян; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали в России, не боясь ни судей, ни законов. Но сия варварская казнь, хотя и заслуженная недостойным вельможею, была ли достойна истинного правительства и государя? Она явила, что бедствие Шуйских не умудрило их преемников; что не закон и не справедливость, а только одна сторона над другою одержала верх, и насилие

уступило насилию: ибо юный Иоанн без сомнения еще не мог властвовать сам собою: князья Глинские с друзьями повелевали его именем, хотя и сказано в некоторых летописях, что «с того времени бояре начали иметь страх от государя».

Опалы и жестокость нового правления [1544—1546 гг.] действительно устрашили сердца. Сослали Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Фому Головина и многих иных чиновников в отдаленные места: а знатного боярина Ивана Кубенского, сына двоюродной тетки государевой, княжны Углицкой, посадили в темницу: он находился в тесной связи с Шуйскими, но отличался достоинствами, умом, тихим нравом. Его заключили в Переславле вместе с женою, там, где сидел некогда злосчастный князь Андрей Углицкий с детьми своими. Казнь, изобретенная варварством, была участию сановника придворного Афанасия Бутурлина, обвиненного в дерзких словах: ему отрезали язык пред темницею в глазах народа. Чрез пять месяцев освободив Кубенского, государь снова возложил на него опалу, также на князей Петра Шуйского, Горбатого, Димитрия Палецкого и на своего любимца, боярина Федора Воронцова; простил их из уважения к ходатайству митрополита, но не надолго. Разнесся слух, что хан крымский готовится идти к нашим пределам: сын его, Иминь, за несколько месяцев пред тем свободно грабил в уездах Одоевском и Белевском (где наши воеводы только спорили о старейшинстве, не двигаясь с места для отражения неприятеля). Сам Иоанн, уже вступив в лета юноши, предводительствовал многочисленною ратию, ездил водою на богомолье в Угрешский монастырь Св. Николая, прибыл к войску и жил в Коломне около трех месяцев. Хан не явился. Воинский стан сделался двором, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды государь, по своему обыкновению выехав на звериную ловлю, был остановлен пятидесятью новогородскими пищальниками, которые хотели принести ему какие-то жалобы: Иоанн не слушал и велел своим дворянам разогнать их. Новогородцы противились: началась битва; стреляли из ружей, секлись мечами, умертвили с обеих сторон человек десять. Государь возвратился в стан и велел ближнему дьяку, Василию Захарову, узнать, кто подучил новогородцев к дерзости и мятежу? Захаров, может быть, по согласию с Глинскими, донес ему, что бояре князь Иван Кубенский и Воронцовы, Федор и Василий, суть тайные винов-

ники мятежа. Сего было довольно: без всякого дальнейшего исследования гневный Иоанн велел отрубить им головы, объявив, что они заслужили казнь и прежними своими беззакониями во время боярского правления! Летописцы свидетельствуют их невинность, укоряя Федора Воронцова единственно тем, что он желал исключительного первенства между боярами и досадовал, когда государь без его ведома оказывал другим милости. Способствовав падению Шуйских и быв врагом Кубенского, сей несчастный любимец положил голову на одной с ним плахе!.. Так новые вельможи, пестуны или советники Иоанновы, приучали юношу-монарха к ужасному легкомыслию в делах правосудия, к жестокости и тиранству! Подобно Шуйским, они готовили себе гибель; подобно им, не удерживали, но стремили Иоанна на пути к разврату и пеклись не о том, чтобы сделать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее в руках собственных.

В отношении к иным державам мы действовали с успехом и с честию. Король польский сдал правление сыну, Сигизмунду-Августу, который, известив о том великого князя, уверял Россию в своем миролюбии и в твердом намерении исполнять заключенный с нею договор. — Обманы царя и вельмож казанских вывели Иоанна из терпения. Две рати, одна из Москвы, другая из Вятки, в один день и час сошлися под стенами Казани, обратили в пепел окрестности и *кабаки царские*, убили множество людей близ города и на берегах Свияги, взяли знатных пленников и благополучно возвратились. Сие внезапное нашествие россиян заставило думать царя, что казанские вельможи тайно подвели их: он хотел мстить; умертвил некоторых князей, иных выгнал и произвел всеобщее озлобление, коего следствием было то, что казанцы, требуя войска от Иоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея с тридцатью крымскими сановниками. Государь обещал послать войско, но хотел, чтобы они прежде свергнули и заключили царя. Бунт действительно открылся: Сафа-Гирей бежал, и многие из крымцев были истерзаны народом. Сеит, уланы, князья, все чиновники казанские, дав клятву быть верными России, снова приняли к себе царя Шиг-Алея, торжественно возведенного на престол князьями Димитрием Бельским и Палецким; веселились, праздновали и снова изменили. Как бы в предчувствии неминуемого, скорого конца державы их они сами не знали, чего хотели, волнуемые

страстями и в затмении ума; взяли царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именем управлять землею; держали как пленника, не дозволяли ему выезжать из города, ни показываться народу; пировали во дворце и гремели оружием; пили из златых сосудов царских и брали оные себе; верных слуг Алеевых заключили в темницу, даже умертвили некоторых и требовали, чтобы царь в письмах к Иоанну хвалился их усердием! Летописец сказывает, что Шиг-Алей предвидел свою участь и только из повиновения к великому князю согласился ехать в Казань. Он терпел месяц в безмолвии, имея доверенность к одному из знатнейших князей, именем Чуре, преданному России. Сей добрый вельможа не мог усовестить властителей казанских, тщетно грозив им пагубными следствиями безумного непостоянства: раздражив Шиг-Алея и боясь мести Иоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который с толпами ногайскими уже был на Каме. Князь Чура известил Алея о сем заговоре, советовал ему бежать и приготовил суда. Настал какой-то праздник: вельможи и народ пили до ночи, заснули глубоким сном и не видали, как царь вышел из дворца и благополучно уехал Волгою в Россию; а Сафа-Гирей, в третий раз сев на престоле казанском, начал царствовать ужасом: убил князя Чуру и многих знатных людей, окружил себя крымцами, ногаями и, ненавидя своих подданных, хотел только держать их в страхе. Семьдесят шесть князей и мурз, братья Чурины, верные Алею, и самые неистовые злодеи его, обманутые Сафа-Гиреем, искали убежища в Москве. Вслед за ними явились и послы горной черемисы с уверением, что их народ весь готов присоединиться к нашему войску, если оно вступит в казанские пределы. Тогда была зима; отложив полную месть до лета, но желая удостовериться в благоприятном для нас расположении дикарей черемисских, Иоанн отрядил несколько полков к устью Свияги. Князь Александр Горбатый предводительствовал ими и сражался единственно с зимними вьюгами, нигде не находя сопротивления. Ему не велено было осаждать Казани: он удовольствовался добычею и привел с собою в Москву сто воинов черемисских, которые служили нам залогом в верности их народа.

Между тем великий князь ездил по разным областям своей державы, но единственно для того, чтобы видеть славные их монастыри и забавляться звериною ловлею в диких лесах: не

для наблюдений государственных, не для защиты людей от притеснения корыстолюбивых наместников. Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем в Владимире, Можайске, Волоке, Ржеве, Твери, Новегороде, Пскове, где, окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слыхал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность: ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров. — Одним словом, Россия еще не видала отца-монарха на престоле, утешаясь только надеждою, что лета и зрелый ум откроют Иоанну святое искусство царствовать для блага людей.

Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV 1546—1552 гг.

Царское венчание Иоанна. Брак государев. Добродетели Анастасии. Пороки Иоанновы и худое правление. Пожары в Москве. Бунт черни. Чудное исправление Иоанна. Сильвестр и Адашев. Речь государева на лобном месте. Перемена двора и властей. Кротость правления. Судебник. Обуздание местничества. Стоглав. Уставные грамоты. Избрание присяжных. Учреждения церковные. Намерение просветить Россию. Воинские деяния. Поход на Казань. Перемирие с Литвою. Дела крымские. Смерть царя казанского. Поход на Казань. Избрание места для новой крепости. Впадение ногаев. Основание Свияжска. Покорение Горной стороны. Ужас казанцев. Мирные условия с ними. Сююнбека. Новое воцарение Шиг-Алея. Освобождение пленников. Неверность казанцев и жестокость их царя. Переговоры с Алеем. Царь оставляет Казань. Последняя измена казанцев.

Великому князю исполнилось 17 лет от рождения. Он призвал митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит

вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за боярами — даже и за теми, которые находились в опале, — и вместе с ними был у государя. Еще народ ничего не ведал; но бояре, подобно митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться двору: первосвятитель, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал митрополиту: «Уповая на милость Божию и на Святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России по воле Божией и твоему благословению». Митрополит с умилением ответствовал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного». Бояре плакали от радости, как говорит летописец, и с новым восторгом прославили мудрость державного, когда Иоанн объявил им другое намерение: «еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и *венчаться на царство*». Он велел митрополиту и боярам готовиться к сему великому торжеству, как бы утверждающему печатию Веры святой союз между государем и народом. Оно было не новое для московской державы: Иоанн III *венчал* своего внука *на царство*[1]; но советники великого князя — желая или дать более важности сему обряду, или удалить от мыслей горестное воспоминание о судьбе Димитрия Иоанновича — говорили единственно о древнейшем примере Владимира Мономаха, на коего митрополит ефесский возложил венец, златую цепь и бармы Константиновы. Писали и рассказывали, что Мономах, умирая, отдал царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел только хранить ее как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления, доколе Бог не умилостивится над бедною Россиею и не воздвигнет в ней истинного самодержца, достойного украситься знаками могущества. Сие предание вошло в летописи XVI века, когда Россия действительно увидела само-

---

[1] Внук Иоанна III — Димитрий Иоаннович.

держца на троне и Греция, издыхая в бедствии, отказала нам величие своих царей.

Генваря 16 [1547 г.], утром, Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все бояре; а воеводы, князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник государев, благовещенский протоиерей, взяв из рук Иоанновых, на златом блюде, Животворящий Крест, венец и бармы, отнес их (провождаемый конюшим, князем Михайлом Глинским, казначеями и дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и великий князь: перед ним духовник с крестом и святою водою, кропя людей на обеих сторонах; за ним князь Юрий Василиевич, бояре, князья и весь двор. Вступив в церковь, государь приложился к иконам: священные лики[1] возгласили ему многолетие; митрополит благословил его. Служили молебен. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые златыми паволоками; в ногах лежали бархаты и камки: там сели государь и митрополит. Пред амвоном стоял богато украшенный налой с царскою утварию: архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего христианского Давида силою Св. Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных. Обряд заключился возглашением нового многолетия государю. Приняв поздравление от духовенства, вельмож, граждан, Иоанн слушал литургию, возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Василиевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *царское место*; всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России.

Одним словом, сие торжественное венчание было повторением Димитриева, с некоторою переменою в словах молитв и с тою разностию, что Иоанн III сам (а не митрополит) надел венец на главу юного монарха. *Современные* летописцы не упоминают о *скипетре*, ни о *миропомазании*, ни о *причащении*; не сказывают также, чтобы Макарий говорил царю поучение:

---

[1] Священные лики — церковные певчие.

самое умное, красноречивое не могло быть столь действительно и сильно, как искреннее, умилительное воззвание к Богу Вседержителю, дающему и властителей народам и добродетель властителям! С сего времени российские монархи начали уже не только в сношениях с иными державами, но и внутри государства, во всех делах и бумагах, именоваться *царями*, сохраняя и титул *великих князей*, освященный древностию; а книжники[1] московские объявили народу, что сим исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестом царстве*, которое есть Российское. Хотя титло не придает естественного могущества, но действует на воображение людей, и библейское имя царя, напоминая ассирийских, египетских, иудейских, наконец, православных греческих венценосцев, возвысило в глазах россиян достоинство их государей. «Смирились, — говорят летописцы, — враги наши, цари неверные и короли нечестивые: Иоанн стал на первой степени державства между ими!» Достойно примечания, что константинопольский патриарх Иоасаф, в знак своего усердия к венценосцу России, в 1561 году соборною грамотою утвердил его в сане царском, говоря в ней: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того Собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство». Сия грамота подписана тридцатью шестью митрополитами и епископами греческими.

Между тем знатные сановники, окольничие, дьяки объезжали Россию, чтобы видеть всех девиц благородных и представить лучших невест государю: он избрал из них юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной, которой муж, Роман Юрьевич, был окольничим, а свекор боярином Иоанна III. Род их происходил от Андрея Кобылы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже

---

[1] Книжники — толкователи Священного писания.

необходимою принадлежностию счастливой царской невесты. Совершив обряд венчания в храме Богоматери, митрополит сказал новобрачным: «Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! люби и чти супругу; а ты, христолюбивая царица, повинуйся ему. Как святый крест глава церкви, так муж глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле». Юные супруги явились глазам народа: благословения гремели на стогнах Кремля. Двор и Москва праздновали несколько дней. Царь сыпал милости на богатых: царица питала нищих. Воспитанная без отца в тишине уединения, Анастасия увидела себя как бы действием сверхъестественным перенесенную на феатр мирского величия и славы; но не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами и, все относя к Богу, поклонялась ему и в царских чертогах так же усердно, как в смиренном, печальном доме своей вдовы матери. Прервав веселые пиры двора, Иоанн и супруга его ходили пешком зимою в Троицкую Сергиеву лавру и провели там первую неделю Великого Поста, ежедневно моляся над гробом Св. Сергия.

Сия набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным. Он любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устроении царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто уклонялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России. Наместники не знали страха — и горе угнетенным, которые мимо вельмож шли ко трону с жалобами! Так граждане псков-

ские, последние из присоединенных к самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому царю на своего наместника, князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал: закипел гневом; кричал, топал; лил на них горящее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве: он ускакал в столицу, и бедные псковитяне остались живы. — Честные бояре с потупленным взором безмолвствовали во дворце: шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродетельная Анастасия молилась вместе с Россиею, и Бог услышал их. Характеры сильные требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностию устремиться на путь добродетели. Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве!

Сия столица ежегодно возрастала своим пространством и числом жителей. Дворы более и более стеснялись в Кремле, в Китае; новые улицы примыкали к старым в посадах; домы строились лучше для глаз, но не безопаснее прежнего: тленные громады зданий, где-где разделенные садами, ждали только искры огня, чтобы сделаться пеплом. Летописи Москвы часто говорят о пожарах, называя иные *великими*; но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году. 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и Москвы-реки. Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с частию городской стены, пала в реку и запрудила оную кирпичами. 20 апреля обратились в пепел за Яузою все улицы, где жили гончары и кожевники; а 24 июня, около полудня, в страшную бурю начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице, с церкви Воздвижения; огонь лился рекою, и скоро вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад. Вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно

жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма: силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москве-реке: он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь. Из собора вынесли только образ Марии, писанный Св. Петром митрополитом, и *Правила Церковные*, привезенные Киприаном из Константинополя. Славная Владимирская икона Богоматери оставалась на своем месте: к счастию, огонь, разрушив кровлю и паперти, не проник во внутренность церкви. — К вечеру затихла буря, и в три часа ночи угасло пламя; но развалины курились несколько дней, от Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцелели: дерева обратились в уголь, трава в золу. Сгорело 1700 человек, кроме младенцев. Нельзя, по сказанию современников, ни описать, ни вообразить сего бедствия. Люди с опаленными волосами, с черными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имения; не находили и выли как дикие звери. «Счастлив, — говорит летописец, — кто, умиляясь душою, мог плакать и смотреть на небо!» Утешителей не было: царь с вельможами удалился в село Воробьево как бы для того, чтобы не слыхать и не видать народного отчаяния. Он велел немедленно возобновить Кремлевский дворец; богатые также спешили строиться; о бедных не думали... Сим воспользовались неприятели Глинских: духовник Иоаннов, протоиерей Феодор, князь Скопин-Шуйский, боярин Иван Петрович Федоров, князь Юрий Темкин, Нагой и Григорий Юрьевич Захарьин, дядя царицы: они составили заговор; а народ, несчастием расположенный к исступлению злобы и к мятежу, охотно сделался их орудием.

В следующий день государь поехал с боярами навестить митрополита в Новоспасской обители. Там духовник его, Скопин-Шуйский, и знатные их единомышленники объявили Иоанну, что Москва сгорела от волшебства некоторых злодеев. Государь удивился и велел исследовать сие дело боярам, которые, чрез два дни приехав в Кремль, собрали граждан на площади и спрашивали, кто жег столицу? В несколько голосов отвечали им: «Глинские! Глинские! Мать их, княгиня Анна, вынимала

сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, ездя по Москве. Вот от чего мы сгорели!» Сию басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не верили ей, однако ж молчали: ибо Глинские заслужили общую·ненависть. Многие поджигали народ, и самые бояре. Княгиня Анна, бабка государева, с сыном Михайлом находилась тогда во ржевском своем поместье. Другой сын ее, князь Юрий, стоял на кремлевской площади в кругу бояр: изумленный нелепым обвинением и видя ярость черни, он искал безопасности в церкви Успения, куда вломился за ним и народ. Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю государева, извлекли его тело из Кремля и положили на лобном месте; разграбили имение Глинских, умертвили множество их слуг и детей боярских. Никто не унимал беззакония: правительства как бы не было...

В сие ужасное время, когда юный царь трепетал в воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новагорода; приблизился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного; что огнь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и приял оную. Смиренный иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным Ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества, и царь нашел в нем редкое сокровище, друга, не-

обходимо нужного самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояние государства, истинные потребности оного: ибо самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления; а друг его как подданный стоит наряду со всеми, смотрит прямее в сердца и вблизи на предметы. Сильвестр возбудил в царе желание блага: Адашев облегчил царю способы благотворения.— Так повествует умный современник, князь Андрей Курбский, бывший тогда уже знатным сановником двора. По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в правлении, ознаменованная счастливыми для государства успехами и великими намерениями.

Во-первых, обуздали мятежную чернь, которая на третий день по убиении Глинского [1548 г.] явилась шумною толпою в Воробьеве, окружила дворец и кричала, чтобы государь выдал ей свою бабку, княгиню Анну, и сына ее Михайла. Иоанн велел стрелять в бунтовщиков: толпу рассеяли; схватили и казнили некоторых; многие ушли; другие падали на колена и винились. Порядок восстановился. Тогда государь изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба.

Во-вторых, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, князь Скопин-Шуйский с клевретами обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть царем. Хотя Иоанн пощадил их, из уважения ли к своему духовнику и к дяде царицы, или за недостатком ясных улик, или предав одному суду Божию такое дело, которое, несмотря на беззаконие способов, удовлетворяло общей справедливой ненависти к Глинским: но мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием Веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Таин. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя пред лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собралися — и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами,

с дружиною воинскою на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святый владыко! знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!»... Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! молю вашу Веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшего* зла: могу только *впредь* спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия ваш и защитник». В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем судии Небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялися между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока. — В тот же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот, обиженных и сказал ему торжественно: «Алексий! ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клевещет на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия». Народ плакал от умиления вместе с юным своим царем.

Царь говорил и действовал, опираясь на чету избранных, Сильвестра и Адашева, которые приняли в священный союз

свой не только благоразумного митрополита, но и всех мужей добродетельных, опытных, в маститой старости еще усердных к отечеству и прежде отгоняемых от трона, где ветреная юность не терпела их угрюмого вида. Ласкатели и шуты онемели при дворе; в Думе заграждались уста наветникам и кознодеям, а правда могла быть откровенною. Несмотря на доверенность, которую Иоанн имел к Совету, он сам входил и в государственные и в важнейшие судные дела, чтобы исполнить обет, данный им Богу и России. Везде народ благословил усердие правительства к добру общему, везде сменяли недостойных властителей: наказывали презрением или темницею, но без излишней строгости; хотели ознаменовать счастливую государственную перемену не жестокою казнию худых старых чиновников, а лучшим избранием новых, как бы объявляя тем народу, что злоупотребления частной власти бывают обыкновенным неминуемым следствием усыпления или разврата в главном начальстве: где оно терпит грабеж, там грабители почти невинны, пользуясь дозволяемым. Только в одних самодержавных государствах видим сии легкие, быстрые переходы от зла к добру: ибо все зависит от воли самодержца, который, подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримую и влечет ею миллионы ко благу или бедствию.

Вообще мудрая умеренность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти. Весьма немногие из прежних царедворцев — и самые злейшие — были удалены; других обуздали или исправили, как пишут. Духовник Иоаннов, протоиерей Феодор, один из главных виновников бывшего мятежа, терзаемый совестию, заключился в монастыре. В Думу поступили новые бояре: дядя царицы, Захарьин, Хабаров (верный друг несчастного Ивана Бельского), князья Куракин-Булгаков, Данило Пронский и Димитрий Палецкий, коего дочь, княжна Иулиания, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцатилетнего брата государева, князя Юрия Василиевича. Отняв у ненавистного Михайла Глинского знатный сан конюшего, оставили ему боярство, поместья и свободу жить, где хочет; но сей вельможа, устрашенный судьбою брата, вместе с другом своим, князем Турунтаем-Пронским, бежал в Литву. За ними гнался князь Петр Шуйский: видя, что им нельзя уйти, они возвратились в Москву и, взятые под стражу,

клялися, что ехали не в Литву, а на богомолье в Оковец. Несчастных уличили во лжи, но милостиво простили, извинив бегство их страхом. — В самом семействе государском, где прежде обитали холодность, недоверие, зависть, вражда, Россия увидела мир и тишину искренней любви. Узнав счастие добродетели, Иоанн еще более узнал цену супруги добродетельной: утверждаемый прелестною Анастасиею во всех благих мыслях и чувствах, он был и добрым царем и добрым родственником: женив князя Юрия Василиевича, избрал супругу и для князя Владимира Андреевича, девицу Евдокию, из рода Нагих; жил с первым в одном дворце; ласкал, чтил обоих; присоединяя имена их к своему в государственных указах, писал: «Мы уложили с братьями и с боярами».

Желая уподобиться во всем великому Иоанну III — желая, по его собственному слову, быть *царем правды,* — он не только острил меч на врагов иноплеменных, но в цветущей юности лет занялся и тем важным делом государственным, для коего в самые просвещенные времена требуется необыкновенных усилий разума и коим немногие венценосцы приобрели истинную, бессмертную славу: *законодательством.* Окруженный сонмом бояр и других мужей, сведущих в искусстве гражданском, царь предложил им рассмотреть, дополнить Уложение Иоанна III согласно с новыми опытами, с новыми потребностями России в ее гражданской и государственной деятельности. Вышел *Судебник* (в 1550 году), или *вторая Русская Правда,* вторая полная система наших древних законов, достойная подробного изложения в статье особенной, где будем говорить вообще о тогдашнем состоянии России. Здесь скажем единственно, что Иоанн и добрые его советники искали в труде своем не блеска, не суетной славы, а верной, явной пользы, с ревностною любовию к справедливости, к благоустройству; не действовали воображением, умом не обгоняли настоящего порядка вещей, не терялись мыслями в возможностях будущего, но смотрели вокруг себя, исправляли злоупотребления, не изменяя главной, древней основы законодательства; все оставили, как было и чем народ казался довольным: устраняли только причину известных жалоб; хотели лучшего, не думая о совершенстве — и без учености, без феории[1], не зная ничего, кроме России,

---

[1] Феория — теория.

но зная хорошо Россию, написали книгу, которая будет всегда любопытною, доколе стоит наше отечество: ибо она есть верное зерцало нравов и понятий века. — В прибавлениях к Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указ о *местничестве*: государь еще не мог совершенно искоренить сего великого зла, а хотел единственно умерить оное, запретив детям боярским и княжатам считаться родом с воеводами; уставил также, что воевода большого полку должен быть всех знатнее; что начальники передового и сторожевого полку ему одному уступают в старейшинстве и не считаются с воеводами правой и левой руки; что государю принадлежит судить о родах и достоинствах; что кто с кем послан, тот тому и повинуется.

Одобрив Судебник, Иоанн назначил быть в Москве *Собору слуг Божиих*, и в 1551 году, 23 февраля, дворец Кремлевский наполнился знаменитейшими мужами русского царства, духовными и мирскими. Митрополит, девять святителей, все архимандриты, игумены, бояре, сановники первостепенные сидели в молчании, устремив взор на царя-юношу, который с силою ума и красноречия говорил им о возвышении и падении царств от мудрости или буйства властей, от благих или злых обычаев народных; описал все претерпенное *вдовствующею* Россиею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а после развратной; упомянул о слезной кончине дядей своих, о беспорядках вельмож, коих худые примеры испортили в нем сердце; но повторил, что все минувшее предано им забвению. Тут Иоанн изобразил бедствие Москвы, обращенной в пепел, и мятеж народа. «Тогда, — сказал он, — ужаснулась душа моя и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетель. От вас требую ревностного наставления, пастыри христиан, учители царей и вельмож, достойные святители церкви! Не щадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя!» Далее, изъяснив свое благодетельное намерение устроить счастие России всеми данными ему от Бога способами и доказав необходимость исправления законов для внутреннего порядка, царь предложил святителям Судебник на рассмотрение, и грамоты уставные, по коим во всех городах и волостях надлежало избрать старост и целовальников, или присяжных, чтобы они судили дела вместе с наместниками или с их тиунами, как дотоле было в одном

Новегороде и Пскове; а сотские и пятидесятники, также избираемые общею доверенностию, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники царские не могли действовать самовластно и народ не был безгласным. — Собор утвердил все новые, мудрые постановления Иоанновы.

Но сим не кончилось его действие: государь, устроив державу, предложил святителям устроить церковь: исправить не только обряды ее, книги, искажаемые писцами-невеждами, но и самые нравы духовенства в пример мирянам; учением образовать достойных служителей алтаря; уставить правила благочиния, которое должно быть соблюдаемо в храмах Божиих; искоренить соблазн в монастырях, очистить христианство российское от всех остатков древнего язычества, и проч. Сам Иоанн именно означил все более или менее важные предметы для внимания отцов собора, который назвали *Стоглавным* по числу законных статей, им изданных. Одним из полезнейших действий оного было заведение училищ в Москве и в других городах, чтобы иереи и диаконы, известные умом и добрыми свойствами, наставляли там детей в грамоте и страхе Божием: учреждение тем нужнейшее, что многие священники в России едва умели тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную. Желая укоренить в сердцах истинную Веру, отцы Собора взяли меры для обуздания суеверия и пустосвятства: запретили тщеславным строить без всякой нужды новые церкви, а бродягам-тунеядцам келии в лесах и в пустынях; запретили также, исполняя волю государя, епископам и монастырям покупать отчины без ведома и согласия царского: ибо государь благоразумно предвидел, что они могли бы сею куплею присвоить себе наконец большую часть недвижимых имений в России, ко вреду общества и собственной их нравственности. Одним словом, сей достопамятный Собор, по важности его предмета, знаменитее всех иных, бывших в Киеве, Владимире и Москве.

К сим, можно сказать, великим намерениям Иоанна принадлежит и замысл его обогатить Россию плодами искусств чужеземных. Саксонец Шлитт в 1547 году был в Москве, выучился языку нашему, имел доступ к царю и говорил с ним об успехах художеств, наук в Германии, неизвестных россиянам. Иоанн слушал, расспрашивал его с любопытством и предложил ему ехать от нас посланником в Немецкую землю, чтобы

вывезти оттуда в Москву не только ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, но и людей искусных в древних и в новых языках — даже феологов! Шлитт охотно взялся услужить тем государю и России; нашел императора Карла V, в Аугсбурге, на сейме, и вручил ему Иоанновы письма о своем деле. Император хотел знать мнение сейма: долго рассуждали и согласились исполнить желание царя, но с условием, чтобы Шлитт именем Иоанновым обязался клятвенно не выпускать ученых и художников из России в Турцию и вообще не употреблять их способностей ко вреду Немецкой империи. Карл V дал нашему посланнику грамоту с дозволением искать в Германии людей, годных для службы царя; а Шлитт набрал более ста двадцати человек и готовился плыть с ними из Любека в Ливонию. Но все разрушилось от низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского ордена. Они боялись нашего просвещения; думали, что Россия сделается от того еще сильнее, опаснее для соседственных держав; и своими коварными представлениями заставили императора думать так же: вследствие чего сенаторы любекские беззаконно посадили Шлитта в темницу; многочисленные сопутники его рассеялись, и долго Иоанн не знал о несчастной судьбе своего посланника, который, бежав наконец из заключения, уже в 1557 году возвратился в Москву один, без денег, с долгами и с разными легкомысленными предложениями: например, чтобы царь помогал императору людьми и деньгами в войне Турецкой, дал ему аманатов (двадцать пять князей и дворян) в залог верности, обещался соединить церковь нашу с латинскою[1], имел всегдашнего посла при дворе Карловом, основал орден для россиян и чужестранцев, нанял 6000 немецких воинов, учредил почту от Москвы до Аугсбурга, и проч. Хотя благое намерение царя не исполнилось совершенно, от недоброжелательства любчан и правительства ливонского, после им жестоко наказанного; однако ж многие из немецких художников, остановленных в Любеке, вопреки запрещению императора и магистра ливонского, умели тайно проехать в Россию и были ей полезными в важном деле гражданского образования.

Сие истинно царское дело совершалось под звуком оружия и побед, тогда необходимых для благоденствия России. Над-

---

[1] Латинская церковь — то есть католическая.

лежало унять варваров, которые, пользуясь юностию венценосца и смутами бояр, столь долго свирепствовали в наших пределах, так что за 200 верст от Москвы, к югу и северо-востоку, земля была усеяна пеплом и костями россиян. Не оставалось ни селения, ни семейства целого! Чтобы начать с ближайшего, зловреднейшего неприятеля, семнадцатилетний Иоанн, пылая ревностию славы, хотел сам вести рать к Казани и выехал из Москвы в декабре месяце; но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая негу, он готовился терпеть в походе холод и метели, обыкновенные в сие время года: вместо снега шел непрестанно дождь; обозы и пушки тонули в грязи. 2 февраля, когда царь, ночевав в Ельне, в 15 верстах от Нижнего, прибыл на остров Роботку, вся Волга покрылась водою: лед треснул; снаряд огнестрельный провалился, и множество людей погибло. Три дни государь жил на острове и тщетно ждал пути: наконец, как бы устрашенный худым предзнаменованием, возвратился с печалию в Москву [7 марта 1548 г.]; однако ж велел князю Димитрию Бельскому идти с полками к Казани, не для ее завоевания, но чтобы нанести ей чувствительный удар. Царь Шиг-Алей и другие воеводы шли из Мещеры к устью Цивили и соединились там с Бельским: Сафа-Гирей ждал их на Арском поле, где один князь Симеон Микулинский с передовою дружиною разбил его наголову и *втоптал* в город, пленив богатыря Азика и многих знатных людей. Татары отмстили нам разорением галицких сел; но костромской воевода Яковлев истребил всю толпу сих хищников на берегах речки Еговки, на Гусеве поле, убив их предводителя, богатыря Арака.

Недовольный сими легкими действиями нашей силы, Иоанн готовился к предприятию решительному: для того желал мира с Литвою, где ветхий Сигизмунд кончил дни свои, а юный его наследник, Август, занимался более любовными, нежели государственными делами и не имел в течение пяти лет никакого сношения с Москвою. Сигизмунд умер в 1548 году. Уже срок перемирия исходил, а новый король молчал и даже не известил Иоанна о смерти отца. Бояре наши, князь Димитрий Бельский и Морозов, писали о том к литовским вельможам и дали им знать, что мы ждем их послов для мирного дела. В генваре 1549 года воевода витебский, Станислав Кишка, и маршалок Комаевский приехали в Москву; вступили в переговоры о вечном мире; требовали, как обыкновенно, Новагорода, Пскова,

Смоленска, городов северских и в извинение сих нелепых предложений твердили боярам: *«Посол как мех: что в него вложишь, то и несет.* Исполняем данное нам от короля и Думы повеление». Бояре ответствовали: «Итак, будем говорить единственно о перемирии». Заключили его на старых условиях. Но паны литовские не согласились внести нового царского титула в грамоту. С обеих сторон упрямились так, что послы было уехали из Москвы: их воротили — и, соблюдая перемирие, спорили о титуле. Август признавал Иоанна только великим князем, а мы с досады уже не называли Августа королем. Были и другие неудовольствия. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за наших знатных пленников, князей Федора Оболенского и Михайла Голицу, получил отказ и сам отказал королю в его требовании, чтобы евреи литовские могли свободно торговать в России, согласно с прежними договорами. «Нет, — отвечал Иоанн: — сии люди привозили к нам отраву телесную и душевную: продавали у нас смертоносные зелия и злословили Христа Спасителя; не хочу об них слышать». — Но ни Россия, ни Литва не желали войны.

Один хан Саип-Гирей грозил мечом Иоанну и был тем надменнее, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечеством, но скудную войском и беззащитную, несмотря на пышное имя царства, ею носимое. Взяв сей город, хан разорил его до основания, вывел многих жителей в Крым и считал себя законным властелином единоплеменных с ними ногаев. Он сам писал о том к Иоанну; сказывал, что кабардинцы и горные кайтаки платят ему дань; хвалился своим могуществом и говорил: «Ты был молод, а ныне уже в разуме: объяви, чего хочешь? любви или крови? Ежели хочешь любви, то присылай не безделицы, а дары знатные, подобно королю, дающему нам 15 000 золотых ежегодно. Когда же угодно тебе воевать, то я готов идти к Москве, и земля твоя будет под ногами коней моих». Зная, что Саип-Гирей возьмет дары, но не отступится от Казани и что война с нею должна быть и войною с Крымом, государь уже презирал гнев хана и засадил его послов в темницу, сведав, что он берет к себе московских купцов в домашнюю услугу как невольников и что в Тавриде обесчестили нашего гонца. Одним словом, мы чувствовали силу свою и надеялись управиться со всем Батыевым потомством.

В сие время (в марте 1549 года) Казань лишилась царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворце и кончил жизнь внезапно, оставив двулетнего сына именем Утемиш-Гирея, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь князя ногайского Юсуфа, была ему любезнее всех иных жен: вельможи возвели младенца Утемиш-Гирея на престол, но искали лучшего властителя и хотели, чтобы хан крымский дал им своего сына защитить их от россиян; а в Москву прислали гонца с письмом от юного царя, требуя мира. Иоанн ответствовал, что о мире говорят только с послами; спешил воспользоваться мятежным безначалием Казани и велел собираться полкам: большому в Суздале, передовому в Шуе и Муроме, сторожевому в Юрьеве, правому в Костроме, левому в Ярославле. 24 ноября сам государь выехал из Москвы в Владимир, где митрополит, благословив его, убеждал воевод служить великодушно отечеству и царю в духе любви и братства, забыть гордость и местничество, терпимое в мирные дни, а на войне преступное. Начальником в Москве остался князь Владимир Андреевич. Иоанн взял с собою меньшого брата, князя Юрия, царя Шиг-Алея и всех знатных казанских беглецов. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути от несносного холода. Государь все терпел и всех ободрял, забыв негу, роскошь двора и ласки прелестной супруги. В Нижнем Новегороде соединились полки и 14 февраля [1550 г.] стали под Казанью: Иоанн с дворянами на берегу озера Кабана, Шиг-Алей и князь Димитрий Бельский с главною силою на Арском поле, другая часть войска за рекою Казанкою, снаряд огнестрельный на устье Булака и Поганом озере. Изготовили туры и приступили к городу. Дотоле государи наши не бывали под стенами сей мятежной столицы, посылая единственно воевод для наказания вероломных ее жителей: тут юный, бодрый, любимый монарх сам обнажил меч; все видел, распоряжал, своим голосом и мужеством призывал воинов ко славе и победе легкой. Царь Казани был в пеленах, ее знатнейшие вельможи погибли в крамолах или передались к нам, окружали Иоанна и чрез своих тайных друзей склоняли единоземцев покориться его великодушию. 60 000 россиян стремилось к крепости деревянной, сокрушаемой ужасным громом стенобитных орудий. Но последний час для Казани еще не настал; сражались целый день. Россияне убили множество людей в городе, князя крымского, Челбака, и сына одной из жен Сафа-Гиреевых, но не

могли овладеть крепостию. В следующие дни сделалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стреляли, лед на реках взломало, дороги испортились, и войско, не имея подвозов, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и с величайшим трудом идти назад. Отправив вперед большой полк и тяжелый снаряд, государь сам шел за ними с легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напор неприятеля; изъявлял твердость, не унывал и, занимаясь только одною мыслию, низложением сего зловредного, ненавистного для России царства, внимательно наблюдал места; остановился при устье Свияги, увидел высокую гору, называемую Круглою; и, взяв с собою царя Шиг-Алея, князей казанских, бояр, взъехал на ее вершину... Открылся вид неизмеримый во все стороны: к Казани, к Вятке, к Нижнему и к пустыням нынешней Симбирской губернии. Удивленный красотою места, Иоанн сказал: «Здесь будет город христианский; стесним Казань: Бог вдаст ее нам в руки». Все похвалили его счастливую мысль, а Шиг-Алей и вельможи татарские описали ему богатство, плодородие окрестных земель — и государь, в надежде на будущие успехи, возвратился в Москву с лицом веселым.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность царя, упрекали главного воеводу, князя Димитрия Бельского; говорили, что имя Бельских несчастливо в казанских походах; рассказывали, что будто бы казанцы в своих набегах явно щадили поместья сего боярина из благодарности за его малодушие или самую измену. Он в тот же год умер, не быв, конечно, ни предателем, ни искусным полководцем, ни властолюбивым вельможею: иначе Шуйские не дали бы ему спокойно заседать в Думе на первом месте, свергнув и погубив его брата, незабвенного князя Ивана.

Ни государь, ни войско не успели еще отдохнуть, когда пришла в Москву весть о замысле хана Саип-Гирея идти на Россию: немедленно полки двинулись к границам, и сам Иоанн осмотрел их в Коломне, в Рязани; но чрез месяц возвратился в Москву, ибо осень наступала, а неприятеля не было. — Зимою вместо хана явились другие разбойники, ногайские мурзы, в Мещере и близ Старой Рязани. Воеводы Иоанновы били их везде, где находили; гнали до ворот Шацких; взяли много пленников и с ними мурзу Теляка: холод истребил остальных, и едва 50 человек спаслося. За то государь милостиво угостил

воевод в Кремлевской набережной палате и *жаловал* всех детей боярских *великим жалованьем.*

Еще казанцы надеялись обмануть Иоанна и писали к нему [1551 г.] о мире. Ходатаем за них был князь ногайский Юсуф, тесть Сафа-Гирея, властитель, знаменитый умом и силою, так что султан турецкий писал к нему ласковые грамоты, называя его *князем князей.* Юсуф хотел выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шиг-Алея, чтобы согласить волю Иоаннову с желанием народа казанского; представлял суету мира и земного величия, ссылался на Алкоран и на Евангелие, убеждая государя не проливать крови и быть ему истинным другом; винил умершего зятя в неверности, кровопийстве; винил и казанских чиновников в духе мятежном, но стоял за дочь и за внука. Иоанн сказал, что объявит условия мира, если казанцы пришлют в Москву пять или шесть знатнейших вельмож — и, не теряя времени, в самом начале весны — после многих совещаний с думными боярами и с казанскими изгнанниками, после торжественного молебствия в церквах, приняв благословение от митрополита,— отпустил Шиг-Алея с пятьюстами знатных казанцев и с сильным войском к устью Свияги, где надлежало им *во имя Иоанново* поставить город, для коего стены и церкви, срубленные в лесах углицких, были посланы на судах Волгою. Князь Юрий Михайлович Булгаков и Симеон Иванович Микулинский, дворецкий Данило Романович Юрьев (брат царицы), конюший Иван Петрович Федоров, бояре Морозов и Хабаров, князья Палецкий и Нагаев предводительствовали московскою ратию. Из Мещеры вышел князь Хилков, из Нижнего Новагорода князь Петр Серебряный-Оболенский, из Вятки Бахтеяр Зюзин с стрельцами и козаками. Отняли у неприятеля все перевозы на Волге и Каме, все сообщения. Князь Серебряный первый распустил знамя на Круглой горе 16 мая, при закате солнца; отпел там вечернюю молитву и рано, 18 мая, нечаянно ударил на посад казанский: истребив около тысячи сонных людей, более ста князей, мурз, знатных граждан, освободил многих пленников российских, возвратился к устью Свияги и ждал главного войска. Оно прибыло на судах 24 мая и, радостными кликами приветствуя землю, которой надлежало быть *новою Россиею,* с торжеством вышло на берег, где полки князя Серебряного-Оболенского стояли в рядах и показывали братьям свои трофеи. Густой лес осенял гору: оставив мечи,

воины взяли секиры, и в несколько часов ее вершина обнажилась. Назначили, размерили место, обошли вокруг оного с крестами, святили воду, основали стены, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергия и в четыре недели совершили город Свияжск, к изумлению окрестных жителей, которые, видя сию грозную твердыню над главою ветхого Казанского царства, смиренно просили Шиг-Алея взять их под державу Иоаннову. Вся Горная сторона[1], чуваши, мордва, черемисы — идолопоклонники финского племени, некогда завоеванные татарами и не привязанные к ним ни единством Веры, ни единством языка — послали своих знатных людей в Москву, дали клятву в верности к России, получили от царя жалованную грамоту с золотою печатию, были приписаны к новому городу Свияжскому и на три года освобождены от *ясаков*, или дани. Чтобы удостовериться в их искренности, Иоанн велел им воевать Казань; они не смели ослушаться, собралися и, превезенные в российских судах на Луговую сторону, в присутствии наших чиновников имели битву с казанцами среди поля Арского: хотя, рассеянные пушечными выстрелами, бежали в беспорядке, однако ж, не доказав храбрости, доказали по крайней мере свою верность. Их князья, мурзы и сотники в течение сего лета непрестанно ездили в Москву; обедали во дворце и, награждаемые шубами, тканями, доспехами, конями, деньгами, славили милость царя и хвалились новым отечеством. Государь сыпал тогда серебро и золото, не жалея казны для исполнения великих намерений. Довольный успехом воевод, он прислал к Шиг-Алею множество золотых медалей, чтобы раздать оные войску.

Между тем ужас и смятение господствовали в Казани, где не было ни двадцати тысяч воинов. Подданные изменяли ей, князья и мурзы тайно уходили к Шиг-Алею, а россияне опустошали ее ближайшие села и никого не пускали в город: от устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престоле казанском играл невинный, бессловесный младенец; вдовствующая царица, Сююнбека, то плакала над ним, то веселилась с своим любовником, крымским уланом Кощаком, ненавистным народу; граждане укоряли вельмож, вельможи друг друга. Казанские чиновники желали покориться Иоанну; крымские гну-

[1] Горная сторона — возвышенная часть западных земель, прилегающих к Волге.

20 Зак. № 39

шались сим малодушием; ждали войска из Тавриды, из Астрахани, из ногайских улусов — и надменный Кощак, гремя саблею, обещал победу царице: пишут, что он думал жениться на ней, умертвить ее сына и быть царем. Но сделался бунт: крымцы, видя, что народ готов выдать их московским воеводам, бежали, числом более трехсот, князей и сановников. Они не могли спастися, везде находили россиян и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощак и сорок пять знатнейших его единоземцев были взяты в плен и казнены в Москве.

Тогда казанцы, немедленно заключив перемирие с нашими воеводами, отправили послов к Иоанну: молили, чтобы он снова дал им Шиг-Алея в цари; обязывались прислать к нему младенца Утемиш-Гирея, царицу Сююнбеку, жен и детей, оставленных у них крымцами; хотели также освободить всех российских пленников. Иоанн согласился, вспомнив осторожную политику своего деда, которая состояла в том, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять в нем силы, губить его без спеха, но верно; зависеть от случая как можно менее, беречь людей как можно более, и в неудачах войны оправдываться ее необходимостию. Но дед Иоаннов, наблюдая умеренность, наблюдал и другое правило: *удерживать взятое*. Послав Адашева к воеводам, чтобы исполнить условия мира и объявить Шиг-Алея царем казанским, он велел отдать ему единственно Луговую сторону[1], а Горную, завоеванную мечом России, приписать к Свияжску. Сия мысль, разделить владения Казани, огорчила и народ ее и самого Шиг-Алея. «Что ж будет мое царство? — говорил он: — могу ли требовать любви от подданных, уступив России знатную часть земли их?» Воеводы ответствовали, что так угодно Иоанну. Тщетно казанцы думали лукавствовать, отрицались от условий, не хотели выдать ни царицы, ни пленников. Воеводы сказали им решительно: «или они будут в руках наших, или государь в начале осени будет здесь с огнем и мечом для истребления вероломных». Надлежало повиноваться, и казанцы известили Шиг-Алея, что царица с сыном уже едет в Свияжск.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнав, что сию несчастную как пленницу выдают государю московскому. Не укоряя ни вельмож, ни граждан, Сююнбека жа-

---

[1] Луговая сторона — противоположная Горной (см. выше).

ловалась только на судьбу: в отчаянии лобызала гроб Сафа-Гиреев и завидовала его спокойствию. Народ печально безмолвствовал: вельможи утешали ее и говорили, что Иоанн милостив; что многие цари мусульманские служат ему; что он изберет ей достойного между ими супруга и даст владение. Весь город шел за нею до реки Казанки, где стояла богато украшенная ладия. Сююнбека тихо ехала в колеснице; пестуны несли ее сына. Бледная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя в ладию, с умилением поклонилась народу, который пал ниц, горько плакал, желал счастия бывшей своей царице. Князь Оболенский встретил ее на берегу Волги, приветствовал именем государя и повез на судах в Москву с Утемиш-Гиреем и с семействами знатных крымцев.

Так исполнилось первое условие мира: воеводы требовали еще свободы наших пленников и присяги всех казанцев в верности к России; назначили день и стали у Казани, от Волги до Царева луга. Алей послал своих вельмож в город, чтобы очистить дворец, и ночевал в шатре. В следующее утро все сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для них клятвенную грамоту; благодарили Иоанна за данного им царя, но долго не хотели уступить Горной стороны. «И вы думаете, — сказали бояре, — что Иоанн подобно вам легкомыслен? Взгляните на устье Свияги: там город христианский! Жители окрестных земель торжественно поддалися нам и воевали Казань, могут ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится». Наконец *шертные* грамоты были утверждены печатию царскою и подписью всех знатных людей. Народ присягал три дни, толпа за толпою. Шиг-Алей въехал в столицу. Бояре, князь Юрий Булгаков и Хабаров посадили его на трон — и двор царский наполнился российскими пленниками, из коих многие лет двадцать страдали в неволе. Алей объявил им свободу: они едва верили своему счастию; обливались слезами, воздевали руки к небу, славили Бога. «Иоанн царствует в России! — говорили им бояре: — идите в отечество и впредь уже не бойтесь плена!» В Свияжске наделили их всем нужным, одеждою, съестными припасами и послали Волгою вверх числом 60 000, кроме жителей вятских и пермских, отправленных иным путем. «Никогда,— пишут современники, — Россия не видала приятнейшего зрелища: то был новый исход Израиля!» Освобождение столь многих людей, основание

Свияжска, взятие знатной части казанских владений и воцарение Алея не стоили Иоанну ни одного человека: россияне везде гнали, били неприятелей в маловажных встречах, на берегах Камы, Волги и только их кровию обагрялись.— Князь Булгаков поехал к государю с счастливою вестию. Боярин Данило Романович и князь Хилков также возвратились. Хабаров с пятьюстами московских стрельцов остался у Шиг-Алея, а князь Симеон Микулинский, муж известный умом и храбростию, в Свияжске.

Еще Казань тишиною и верностию к России могла бы продлить бытие свое в виде особенного мусульманского царства: но Рок стремил ее к падению. Напрасно Иоанн изъявлял милость и ласку к ее царю и вельможам: дарил первого богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и царицу его, одну из бывших жен Сафа-Гиреевых: дарил и всех знатных казанцев, предостерегал их от гибельных следствий новой измены. Шиг-Алей непрестанно докучал ему о Горной стороне, желая, чтобы он возвратил хотя половину или часть ее, и, недовольный решительными отказами, равнодушно видел, что казанцы укрывают еще многих пленников российских, сажают в ямы, заключают в цепи; не хотел никого наказывать за то и говорил нашим сановникам: «боюсь мятежа!» Но сведав, что некоторые вельможи, по старому обычаю, втайне крамольствуют, пересылаются с ногаями, замышляют убить его и всех россиян, Алей не усомнился прибегнуть к жестоким мерам: дал пир во дворце и велел резать гостей, уличенных или только подозреваемых в измене: одних умертвили в его столовой комнате, других на дворе царском, всего семьдесят человек, самых знатнейших; палачами служили собственные Алеевы князья и стрельцы московские. Два дни лилась кровь: народ оцепенел: виновные и невинные разбежались от страха.

Сие ужасное происшествие открыло Иоанну необходимость искать новых способов для усмирения Казани. Он послал туда [1552 г.] Адашева, который объявил Алею, что государь не может долее терпеть злодейств казанских; что время успокоить сие несчастное царство и Россию; что московские полки вступят в его столицу, защитят царя и народ, утвердят их и нашу безопасность. «Вижу сам, — ответствовал Алей с горестию, — что мне нельзя здесь царствовать: князья и народ ненавидят меня; но кто виною? Пусть Иоанн отдаст нам Горную сторону:

тогда поручусь за верность Казани; иначе добровольно схожу со трона и еду к государю, не имея другого убежища в свете. Но я мусульманин и не введу сюда христиан; впрочем, могу оказать вам услугу, если государь удостоверит меня в своей милости: до отъезда моего из Казани погублю остальных злых вельмож, испорчу весь снаряд огнестрельный и приготовлю легкую для вас победу». С сим ответом Адашев возвратился в Москву, где находились послы казанские, Муралей князь, Костров, Алимердин, личные неприятели Шиг-Алея. Угадывая мысль государеву, они — или с общего согласия единоземцев своих, или сами собою — донесли Иоанну, что их царь есть кровожадный убийца и наглый грабитель; что Казань желает единственно избавиться от тирана и готова *повиноваться наместнику московскому*. «Если не исполнишь воли народа,— сказали послы,— то откроется бунт, неминуемо и скоро. Удали бедствие; удали ненавистного злодея. Пусть россияне займут нашу столицу: мы выедем в предместия или в села; хотим во всем зависеть от воли твоей; будем тебе усердными слугами; а если обманем, то наши головы да падут в Москве!» Не теряя времени, Иоанн снова послал Адашева в Казань, *чтобы свести царя с престола в угодность народу*; обещал Алею милость и жалованье, требуя, чтобы он без сопротивления впустил наше войско в город. Тут Алей вторично изъявил благородную твердость. «Не жалею о престоле,— говорил он Адашеву: — я не мог или не умел быть на нем счастлив. Самая жизнь моя здесь в опасности. Повинуюсь государю: да не требует только, чтобы я изменил правоверию. Возьмите Казань, но без меня; возьмите силою или договором, но не из рук моих». Ни ласкою, ни угрозами Адашев не мог склонить его к тому, чтобы он сдал царство наместнику государеву. Тайно заколотив несколько пушек и пищали с порохом отправив в Свияжск, Алей выехал ловить рыбу на озеро со многими уланами и князьями; велел московским стрельцам окружить их и сказал сим изумленным чиновникам: «Вы думали убить меня, обносили в Москве, не хотели иметь царем и требовали наместников от Иоанна: станем же вместе пред его судилищем!» Алей приехал с ними в Свияжск.

Тогда князь Симеон Микулинский, назначенный управлять Казанью, дал знать ее жителям, что воля их исполнилась; что Алей сведен с царства и что они должны присягнуть государю московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Ми-

кулинский отпустил к ним двух свияжских князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными России, могли бы успокоить народ своим ручательством в Иоанновой милости. Сии князья поехали туда с нашими чиновниками. Тишина царствовала в Казани. Вельможи, граждане и самые сельские жители дали клятву в верности; очистили дворы для наместника и войска; прислали в Свияжск жену Шиг-Алееву; звали князя Микулинского: встретили его на берегу Волги и били ему челом как усердные *холопи* государевы. Он шел с полками. Воеводы уже отправили легкий обоз в Казань и готовились с торжеством вступить в ее стены. Без важных усилий, без кровопролития Иоанн приобретал знаменитое царство: брался, так сказать, рукою за венец оного... Вдруг все переменилось.

Трое из вельмож казанских, отпущенные князем Микулинским в город к их семействам, возмутили народ ложною вестию, что россияне идут к ним с намерением истребить всех жителей. Распространился ужас, сделалось общее смятение; затворили крепость; начали вооружаться. Многие князья старались разуверить народ, представляя, что бояре Иоанновы торжественно клялись не трогать ни одного человека ни в городе, ни в селах: обещались властвовать по законам, без насилия; оставить все, как было. Их не слушали и кричали, что клятва бояр есть обман; что сам Алей за тайну сказывал то своим ближним людям. Узнав о сем волнении, князь Микулинский, Оболенский, Адашев оставили войско на Булаке и с малочисленною дружиною подъехали к городу: *ворота царские* были заперты, а стены покрыты людьми вооруженными. Вышли некоторые чиновники, извиняли народ, обещались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никак не хотели впустить россиян, захватили наш обоз, многих детей боярских и приказывали грубые речи к московским воеводам, которые узнали, что князь Чапкун, посланный ими в лице усердного слуги государева из Свияжска в Казань для успокоения жителей, обманул нас и сделался там главою мятежников. Воеводы ночевали в предместии. Видя, что все убеждения бесплодны, они могли бы обратить его в пепел и осадить город, но ждали государева указа; мирно отступили к Свияжску, заключили всех бывших с ними казанских сановников в темницу и немедленно отправили в Москву боярина Шереметева с донесением о сей новой измене. Она была последнею.

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV 1552 г.

Приготовления к походу Казанскому. Отношения России к западным державам. Освобождение старца, к. Булгакова. Строение новых крепостей. Начало донских козаков. Новый хан в Тавриде. Дела астраханские. Болезнь в Свияжске. Едигер-царь в Казани. Послание митрополита к свияжскому войску. Совет о Казани. Выезд государев. Нашествие хана крымского. Приступ к Туле. Бегство хана. Наши трофеи. Ропот в войске. Поход. Осада. Первая битва. Буря. Ставят туры. Сильная вылазка. Действие бойниц. Наездник князь Япанча. Утомление воинов. Разделение полков. Истребление Япанчина войска. Ожесточение казанцев. Взорвание тайника. Уныние казанцев. Деятельность Иоаннова. Взятие острога и города Арского. Нападения луговой черемисы. Мнимые чародейства. Построение высокой башни. Предложение казанцам. Кровопролитное дело. Взорвание тарас. Занятие Арской башни. Последнее предложение казанцам. Устроение войска для приступа. Взорвание подкопов и приступ. Геройство с обеих сторон. Корыстолюбие многих воинов. Великодушие Иоанна и бояр. Доблесть к. Курбского. Взятие Казани. Водружение креста у ворот царских. Въезд государев в Казань. Освобождение российских пленников. Речь Иоанна к войску. Пир в стане. Подданство Арской области и луговой черемисы. Торжественное вступление в Казань. Зрелище Казани. Учреждение правительства. Совет вельмож. Возвратный путь государя в Москву. Рождение царевича. Встреча Иоанну. Речь государева к духовенству. Ответ митрополитов. Пир во дворце и дары Иоанновы.

24 марта узнал государь о происшествиях казанских: велел Шиг-Алею ехать в Касимов, а шурину своему, Данилу Романовичу, идти с пехотною дружиною в Свияжск, объявив в торжественном заседании Думы, что настало время сразить главу Казани. «Бог видит мое сердце,— говорил он: — хочу не земной славы, а покоя христиан. Могу ли некогда без робости

сказать Всевышнему: *се я и люди, Тобою мне данные*, если не спасу их от свирепости вечных врагов России, с коими не может быть ни мира, ни отдохновения?» Бояре хвалили решительность Иоаннову, но советовали ему остаться в Москве и послать воевод на Казань: «ибо Россия имеет не одного врага: если крымцы, ногаи в отсутствие государя нападут на ее пределы, кто защитит оные?» Иоанн ответствовал, что возьмет меры для безопасности государства и *пойдет на свое дело*. Велели собираться войску из дальних мест в Коломне и Кошире, из ближайших в Муроме. Князья Александр Борисович Горбатый и Петр Иванович Шуйский должны были вести московские полки в Нижний Новгород, Михайло Глинский расположиться станом на берегах Камы с детьми боярскими, стрельцами, козаками, устюжанами и вятчанами, а свияжские воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волге и ждать Иоанна.

Готовясь к знаменитому подвигу, юный царь мог быть уверен в миролюбии западных держав соседственных. Швеция и Ливония не требовали ничего, кроме свободной у нас торговли. С королем польским мы спорили о титуле и землях себежских; грубили словами друг другу, но с обеих сторон удалялись от войны. Август оказал даже ласку Иоанну и, не хотев прежде за деньги освободить князя Михайла Булгакова-Голицу, освободил его даром; прислал в Москву вместе с другим сановником, князем Селеховским, и писал к царю: «Думая, что мы обязаны уважать верность не только в своих, но и в чужих слугах, умирающих за государя, даю свободу великому воеводе отца твоего. Все иные знатные пленники московские, взятые нами в славной Оршинской битве, уже во гробе». Царь изъявил Августу искреннюю благодарность и с живейшею любовию принял старца Булгакова, 38 лет страдавшего в неволе; выслал ему богатую шубу, украсил его грудь золотою медалью, обнялся с ним как с другом. Изнуренный долговременным несчастием, утомленный дальним путем, старец не мог обедать с государем: плакал и благословлял милостивого державного сына Василиева.

Не опасаясь ничего со стороны образованных держав европейских, Иоанн тем более занимался безопасностию наших юго-восточных пределов. Две вновь построенные крепости — Михайлов на Проне, Шатск на Цне — служили оградою для Рязани и Мещеры. Но важнейшим страшилищем для варваров

и защитою для России, между Азовским и Каспийским морем, сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами; людей неутомимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои — говорим о славных донских козаках, выступивших тогда на феатр истории. Нет сомнения, что они же назывались прежде *азовскими*, которые в течение XV века ужасали всех путешественников в пустынях харьковских, воронежских, в окрестностях Дона; грабили московских купцов на дороге в Азов, в Кафу; хватали людей, посылаемых нашими воеводами в степи для разведывания о ногаях или крымцах и беспокоили набегами украйну[1]. Происхождение их не весьма благородно: они считались российскими беглецами; искали дикой вольности и добычи в опустевших улусах орды Батыевой, в местах ненаселенных, но плодоносных, где Волга сближается с Доном и где издавна был торговый путь из Азии в Северную Европу; утвердились в нынешней своей области; взяли город Ахас, назвали *его*, думаю, *Черкасским*, или Козачьим (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себе жен, как вероятно, из земли Черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто азиатское в наружности. Отец Иоаннов жаловался на них султану как государю Азовской земли; но козаки гнушались зависимостию от магометанского царства, признали над собою верховную власть России — и в 1549 году вождь их Сарыазман, именуясь подданным Иоанна, строил крепости на Дону: они завладели сею рекою до самого устья, требовали дани с Азова, воевали ногаев, Астрахань, Тавриду; не щадили и турков; обязывались служить вдали бдительною стражею для России, своего древнего отечества, и, водрузив знамение креста на пределах Оттоманской империи, поставили грань Иоанновой державы в виду у султана, который доселе мало занимался нами, но тут открыл глаза, увидел опасность и хотел быть деятельным покровителем северных владений магометанских. В Тавриде господствовал новый хан Девлет-Гирей, племянник умершего или сверженного Саипа: он взялся спасти Казань.

---

[1] Украйна — то есть южная окраина Московского великого княжества.

Послы Солимановы убеждали князей ногайских, Юсуфа и других, соединиться под хоругвию Магомета, чтобы обуздать наше властолюбие. «Отдаление, — писал к ним султан, — мешает мне помогать Азову и Казани. Заключите тесный союз с ханом крымским. Я велел ему отпустить всех астраханских жителей в их отечество, мною восстановляемое. Немедленно пришлю туда и царя; дам главу и Казани из рода Гиреев; а до того времени будьте ее защитниками». Но сии князья, находя выгоды в торговле с Россиею, не хотели войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азии, возникала на развалинах: в ней властвовал Ямгурчей: он вызвался быть усердным слугою Иоанновым, и чиновник московский поехал к нему для договора. Царевич астраханский, Кайбула, сын Аккубеков, женился в России на племяннице Шиг-Алея, дочери Еналеевой, получив город Юрьев во владение. — Опасаясь единственно хана крымского, Иоанн ждал вестей об его движениях и, собирая войско, готовился иметь дело с двумя неприятелями: с Казанью и Тавридою.

Между тем мятежники казанские, послав искать себе царя в ногайских улусах, взволновали Горную сторону; к несчастию, открылась весною ужасная болезнь в Свияжске, цинга, от коей множество людей умирало. Воеводы были в унынии и в бездействии, а казанцы тем деятельнее: отчасти силою, отчасти убеждениями они заставили всех своих бывших подданных отложиться[1] от России. Государь велел князьям Горбатому и Шуйскому спешить туда с полками из Нижнего Новагорода; но печальные вести, одна за другою, приходили в Москву: болезнь усиливалась в Свияжске; горные жители, действуя как неприятели, отгоняли наши табуны; казанцы побеждали россиян в легких сшибках, умертвив всех детей боярских и козаков, захваченных ими в плен. Воеводы знали, что астраханский царевич Едигер Магмед едет из ногайских улусов с 500 воинов: стерегли и не умели схватить его на пути; он приехал в Казань и сел на ее престоле, дав клятву быть неумолимым врагом России.

В то же время Иоанн, к прискорбию своему, узнал, что не одна телесная, но и душевная зараза господствует в Сви-

---

[1] Отложиться — отказаться от повиновения, объявить себя независимым.

яжске, наполненном людьми военными, которые думали, что они вне России, следственно и вне закона, и среди ужасов смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастию. Исполняя волю Иоаннову, митрополит послал туда умного архангельского протоиерея Тимофея с святою водою, с наставлением словесным и письменным к начальникам и ко всем воинам. «Милостию Божиею, мудростию нашего царя и вашим мужеством, — писал он, — твердыня христианская поставлена в земле враждебной. Господь дал нам и Казань без кровопролития. Мы благоденствуем и славимся. Литва, Германия ищут нашего дружества. Чем же можем изъявить признательность Всевышнему? исполнением его заповедей. А вы исполняете ли их? Молва народная тревожит сердце государево и мое. Уверяют, что некоторые из вас, забыв страх Божий, утопают в грехах Содома и Гоморра; что многие благообразные девы и жены, освобожденные пленницы казанские, оскверняются развратом между вами; что вы, угождая им, *кладете бритву на брады свои* и в постыдной неге стыдитесь быть мужами. Верю сему, ибо Господь казнит вас не только болезнию, но и срамом. Где ваша слава? Быв ужасом врагов, ныне служите для них посмешищем. Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце; крепкие слабеют от пороков. Злодейство восстало; измена явилась, и вы уклоняете щит пред ними! Бог, Иоанн и церковь призывают вас к раскаянию. Исправьтесь, или увидите гнев царя, услышите клятву церковную»[1].

Государь то присутствовал в Думе, то смотрел полки и снаряд огнестрельный, изъявляя нетерпение выступить в поле. Боярин князь Иван Федорович Мстиславский и князь Михайло Иванович Воротынский, названный тогда, в знак особенной к нему милости Иоанновой, *слугою государевым*, пошли с главною ратию в Коломну. Передовую дружину вели князья Иван Пронский-Турунтай и Дмитрий Хилков, правую руку — боярин князь Петр Щенятев и князь Андрей Михайлович Курбский, левую — князь Дмитрий Микулинский и Плещеев, стражу — князь Василий Оболенский-Серебряный и Симеон Шереметев, а собственную царскую дружину — князь Владимир Воротынский и боярин Иван Шереметев. Уже полки стояли от Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками

---

[1] Клятва церковная — отлучение от церкви.

к Нижнему Новугороду: но в царском совете было еще несогласие: многие думали, что лучше идти на Казань зимою, нежели летом; так в особенности мыслил Шиг-Алей: Иоанн призвал его из Касимова в Москву, осыпал милостями, дал ему несколько сел в Мещере и дозволил жениться на вдове Сафа-Гиреевой, царице Сююнбеке. Будучи не способен к ратному делу, ни духом слабым, ни телом чрезмерно тучным, Алей славился умом основательным. «Казань, — говорил он, — заграждена лесами, озерами и болотами: зима будет вам мостом». Иоанн не хотел ждать и, сказав: «войско готово, запасы отправлены и с Божиею помощию найдем путь к доброй цели», решился ехать немедленно в стан коломенский.

16 июня государь простился с супругою. Она была беременна: плакала, упала к нему в объятия. Он казался твердым; утешал ее; говорил, что исполняет долг царя и не боится смерти за отечество; поручил Анастасию Богу, а ей всех бедных и несчастных; сказал: «милуй и благотвори без меня; даю тебе волю царскую; отворяй темницы; снимай опалу с самых виновных по твоему усмотрению, и Всевышний наградит меня за мужество, тебя за благость». Анастасия стала на колена и вслух молилась о здравии, о победе, о славе супруга; укрепилась душою и в последнем нежном целовании явила пример необыкновенного в юной жене великодушия. Государь пошел в церковь Успения: долго молился; просил митрополита и епископов быть ревностными ходатаями за Россию пред Богом, утешителями Анастасии и советниками брата его, Юрия, который оставался главою Москвы. Святители, бояре, народ, проливая слезы, обнимали государя. Вышедши из церкви, он сел на коня и с дружиною царскою поехал в Коломенское, где обедал с боярами и воеводами; был весел, ласков; хотел ночевать в любимом селе своем Острове, и на сем пути встретил гонца, с вестию из Путивля, что крымцы густыми толпами идут от Малого Дона Северского к нашей украйне. Не знали, кто предводительствует ими: хан или сын его. Государь не оказал ни малейшего беспокойства; ободрял всех бывших с ним чиновников и говорил им: «Мы не трогали хана; но если он вздумал поглотить христианство, то станем за отечество: у нас есть Бог!» Иоанн спешил в Коломну, взяв с собою князя Владимира Андреевича, коего он хотел было отпустить назад в Москву из Острова.

В Коломне ожидали государя новые вести; крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать большому полку у Колычева, передовому у Мстиславля, а левой руке близ Голутвина; советовался с Шиг-Алеем: отправил его в Касимов; вместе с князем Владимиром Андреевичем осмотрел войско на берегах Оки; говорил речи сановникам и рядовым; восхищал их своею милостию, одушевлял бодростию и везде слышал восклицания: «мы готовы умереть за Веру и за тебя, царя добродетельного!» Избрав место для битвы, он возвратился в Коломну и написал в Москву к царице и к митрополиту, что ждет хана без ужаса, надеясь на благость Всевышнего, на их молитву и на мужество войска; что храмы в Москве должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 июня получили в Коломне известие, что крымцы явились близ Тулы. Воеводы, князья Щенятев, Курбский, Турунтай, Хилков, Воротынский, спешили к сему городу; но узнали, что неприятель был там в малых силах, ограбил несколько деревень и скрылся. 23 июня, когда Иоанн сидел за обедом, прискакал гонец от князя Григория Темкина, наместника тульского, писавшего к царю: «Хан здесь — осаждает город — имеет много пушек и янычар султанских». Иоанн в ту же минуту велел царской дружине выступить из Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушал молебен в церкви Успения, принял благословение от епископа Феодосия и выехал на коне в поле, где войско в необозримых рядах блистало, гремело оружием — двинулось вперед с радостным кликом и *шло на битву, как на потеху*[1]. Летописцы не сказывают числа, говоря только, что вся Россия казалась там ополченною, хотя в Свияжске, в Муроме находилось еще другое, сильное войско, а коломенское состояло единственно из дворян, *жильцов** или отборных детей боярских, из новогородцев и прочих северных жителей. Ввечеру уже многие полки были за Окою, и сам Иоанн приближался к Кошире. Тут новый гонец от князя Темкина донес ему, что Тула спасена. 22 июня, в первом часу дня, хан приступил к городу, стреляя из пушек огненными ядрами: домы загорелись, и янычары кинулись на стены. Тула

---

[1] Потеха — публичное увеселение: охота, кулачный бой и т. п.

* Имя происходит от того, что они *жили* в столице, при государе, будучи первостепенными воинами. (VIII, 272.)

для защиты своей не имела воинов, отправив их всех на службу государеву; но имела бодрого начальника и великодушных граждан: одни тушили огонь, другие бились мужественно, и янычары не могли взять крепости. Хан отложил приступ до следующего утра, а ночью удалился, сведав, что сильные полки идут от Коширы. Граждане тульские стояли на стенах всю ночь: при свете зари увидели бегство татар; увидели с другой стороны пыль столбом и, воскликнув: «Государь, государь спешит к нам!» — устремились вслед за неприятелем; взяли его снаряд огнестрельный; убили многих людей и шурина ханского, князя Камбирдея; самые жены и дети помогали им. Тогда пришли воеводы, князья Щенятев, Курбский, и стали на том месте, где были шатры ханские. — Обрадованный сим успехом, Иоанн дал отдохнуть войску и ночевал под Коширою.

На другой день он получил еще приятнейшую весть: Щенятев и Курбский, имея только 15 000 воинов, разбили 30 000 или более неприятелей, которые злодействовали в окрестностях Тулы, не знали о бегстве хана, шли к нему и встретили россиян. В сей жестокой битве князь Андрей Курбский, вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему иссекли голову и плеча. Воеводы гнали татар и, на берегах речки Шевороны одержав новую победу над ними, освободили множество россиян. Хан оставил нам в добычу обоз и целые табуны вельблюдов; а пленники объявили, что он шел на Москву, считая государя под Казанью: узнав же о сильном Иоанновом ополчении, хотел по крайней мере взять Тулу, чтобы с меньшим стыдом бежать восвояси. — Легкие отряды наши топтали крымцев до самых степей.

Иоанн возвратился в Коломну, известил царицу, брата, митрополита о славном изгнании врага и послал в Москву трофеи: пушки неприятельские, вельблюдов, пленников, чтобы обрадовать столицу свидетельством нашей победы; а сам распорядил поход к Казани двумя путями, объявив, что дружина царская, левая рука и запасный полк должны идти с ним на Владимир и Муром, главные же воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтись с государем в поле за Алатырем. — В войске сделался ропот: новогородцы, дети боярские, жаловались, что царь не дает им отдохновения; что они уже несколько месяцев на службе и в трудах; что им невозможно вынести дальнего похода, для коего не имеют ни сил, ни денег. Иоанн весьма

огорчился; но, скрыв досаду, велел переписать воинов усердных, желающих служить отечеству, и тех, которые по лености или неспособности отказываются от славы участвовать в великом подвиге. «Первые, — говорил он, — будут мне любезны как дети; хочу знать их нужды и все разделю с ними. Другие же могут остаться: мне не надобно малодушных!» Сии слова произвели удивительное действие. Все сказали в один голос: «Идем, куда угодно государю, а после он увидит нашу службу и не оставит бедных». Самые беспоместные дети боярские молчали о своих недостатках, в надежде на будущую милость государеву.

3 июля тронулось все войско. Иоанн с отменным усердием молился пред иконою Богоматери, которая была с Димитрием Донским в Мамаевой битве и стояла в коломенском храме Успения. На пути он с умилением лобызал гроб древнего Героя России Александра Невского и благословил память святых муромских угодников, князя Петра и княгини Февронии. В Владимире донесли ему из Свияжска, что болезнь там прекратилась; что войско одушевлено ревностию; что князья Микулинский, Серебряный и боярин Данило Романович ходили на мятежников Горной стороны, смирили многих и новою клятвою обязали быть верными подданными России. В Муроме уведомили государя из Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидение; что духовенство и народ непрестанно молят Всевышнего о здравии царя и воинства. Митрополит писал к Иоанну с ласкою друга и с ревностию церковного учителя. «Будь чист и целомудрен душою, — говорил он: — смиряйся в славе и бодрствуй в печали. Добродетели царя спасительны для царства». И государь и воеводы читали сию грамоту с любовию. «Благодарим тебя, — ответствовал Иоанн митрополиту, — за пастырское учение, вписанное у меня в сердце. Помогай нам всегда наставлением и молитвою. Идем далее. Да сподобит нас Господь возвратиться с миром для христиан!» Он не терял ни часа в бездействии: пеший и на коне смотрел полки, людей, оружие; велел расписать детей боярских на сотни и выбрать начальника для каждой из воинов знатнейших родом; отпустил Шиг-Алея в судах к Казани с князем Петром Булгаковым и стрельцами; послал дружину яртоульную* наво-

---

* *Яртоулом* или *яртоульным полком* назывался *легкий передний отряд передового полку.* (VIII, 281.)

дить мосты, и 20 июля, вслед за войском переехав Оку, ночевал в Саканском лесу, на реке Велетеме, в 30 верстах от Мурома. Второй стан был на Шилекше, третий под Саканским городищем. Князья касимовские и темниковский присоединились к войску с своими дружинами, татарами и мордвою. Августа 1 государь святил воду на реке Мяне. В следующий день войско переправилось за Алатырь и 4 августа с радостию увидело на берегах Суры полки князей Мстиславского, Щенятева, Курбского, Хилкова. Обе многочисленные рати шли дремучими лесами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имели запасов с собою, — пишут очевидцы: — везде природа до наступления поста готовила для нас изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю пред нами».

Тут, у Борончеева городища, ждали царя послы свияжские и черемисские с донесением, что весь правый берег Волги ему повинуется в тишине и мире. Мятежники раскаялись, и царь в знак милости обедал с их старейшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска в местах тесных; навели мосты на реках; хотели усердно служить нам мечом под Казанью. — 6 августа Иоанн на речке Кивате слушал Литургию и причастился Святых Таин. 11 августа воеводы свияжские встретили государя с конницею и пехотою; они шли тремя полками: в первом князь Александр Горбатый и вельможа Данило Романович; во втором князья Симеон Микулинский и Петр Серебряный-Оболенский с детьми боярскими; в третьем козаки и горные жители, черемисы с чувашами. Царь приветствовал и воевод и воинов, числом более двадцати тысяч; звал их к руке; говорил с ними; хвалил за устройство и мужество; угостил всех на лугу Бейском: сановники, рядовые обедали под наметами шатров. Время и места были прекрасные; с одной стороны являлись глазам зеленые равнины, холмы, рощи, леса темные; с другой — величественная Волга с дикими утесами, с картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изредка показывались селения чувашские в крутизнах и в ущельях. Жители давали нам хлеб и мед: сам государь в постное время не имел иной вкуснейшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселие господствовали в стане.

Августа 13 открылся Свияжск: с любопытством и с живейшим удовольствием царь увидел сей юный, его велением созданный град, знамение победы и торжества христиан в пределах зловерия. Духовенство с крестами, князь Петр Шуйский и боярин Заболоцкий с воинскою дружиною приняли Иоанна в вратах крепости. Он пошел в Соборную церковь: там диаконы пели ему многолетие, а бояре поздравляли его как завоевателя и просветителя земли Свияжской. Осмотрев крепость, богатые запасы ее, красивые улицы, домы, государь изъявил благодарность князю Симеону Микулинскому и другим начальникам; любовался живописными видами и говорил вельможам, что нет в России иного, столь счастливого местоположения. Для него изготовили дом. «Мы в походе», — сказал Иоанн, сел на коня, выехал из города и стал в шатрах на лугу Свияги.

Войско, утружденное путем, надеялось отдохнуть среди изобилия и приятностей сего нового места, куда съехалось множество купцов из Москвы, Ярославля, Нижнего со всякими товарами; суда за судами входили в пристань; берег обратился в гостиный двор: на песке, в шалашах раскладывались драгоценности европейской и азиатской торговли. Люди знатные и богатые нашли там свои запасы, доставленные Волгою. Все были *как дома*: могли вкусно есть и пить, угощать друзей и роскошествовать... Но Иоанн, призвав Шиг-Алея, князя Владимира Андреевича и всех думных советников, положил с ними немедленно идти к Казани. Алей, будучи родственником ее нового царя, Едигера, взялся написать к нему убедительную грамоту, чтобы он не безумствовал в надменности, не считал себя равносильным великому монарху христианскому, смирился и приехал в стан к Иоанну без всякой боязни. Написали и к вельможам казанским, что государь желает не гибели их, а раскаяния; что если они выдадут ему виновников мятежа, то все иные могут быть спокойны под его счастливою державою. Сии грамоты были посланы с татарином 15 августа: а в следующий день войско уже начало перевозиться за Волгу.

Приступая к описанию достопамятной осады казанской, заметим, что она, вместе с Мамаевою битвою, до самых наших времен живет в памяти народа как славнейший подвиг древности, известный всем россиянам, и в чертогах и в хижинах. Два обстоятельства дали ей сию чрезвычайную знаменитость: она была *первым* нашим правильным опытом в искусстве брать

укрепленные места, и защитники ее показали мужество удивительное, редкое, отчаяние истинно великодушное, так что победу купили мы весьма дорогою ценою. Быв готовы мирно поддаться Иоанну, чтобы избавиться от лютости Шиг-Алеевой, они в течение пяти месяцев имели время размыслить о следствиях. Казань с наместником Иоанновым уже существовала бы единственно как город московский. Ее вельможи и духовенство предвидели конечное падение их власти и Веры; народ ужаснулся рабства. В душах вспыхнула благородная любовь к государственной независимости, к обычаям, к законам отцов: усиленная воспоминаниями древности — раздраженная ненавистию к христианам, прежним данникам, тогдашним угнетателям Батыева потомства — она преодолела естественную склонность людей к мирным наслаждениям жизни; произвела восторг, жажду мести и крови, рвение к опасностям и к великим делам. В движении, в пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости; а как в самой отчаянной решительности надежда еще таится в сердце, то они исчисляли все безуспешные приступы наши к их столице и говорили друг другу: «не в первый раз увидим москвитян под стенами; не в первый раз побегут назад восвояси, и будем смеяться над ними!» Таково было расположение царя и народа в Казани; но Иоанн предлагал милость, чтобы *исполнить меру долготерпения*, согласно с политикою его отца и деда.

19 августа государь с 150 000 воинов был уже на Луговой стороне Волги. Шиг-Алей отправился на судах занять Гостиный остров, а боярин Михайло Яковлевич Морозов вез снаряд огнестрельный, рубленые башни и *тарасы*[1], чтобы действовать с них против крепости. Несколько дней шли дожди; реки выливались из берегов; низкие луга обратились в болота: казанцы испортили все мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 августа на берегу Казанки Иоанн получил ответную грамоту от Едигера. Царь и вельможи казанские не оставили слова на мир; поносили государя, Россию, христианство; именовали Алея предателем и злодеем, писали: «все готово: ждем вас на пир!» — В сей день войско увидело пред собою Казань и стало в шести верстах от нее на гладких, веселых лугах, которые *подобно зеленому сукну* расстилались между Волгою и горою,

---

[1] Тараса — подкатный сруб для нападения на город.

где стояла крепость с каменными мечетями и дворцом, с высокими башнями и дубовыми широкими стенами (набитыми внутри илом и хрящом). Два дня выгружали пушки и снаряды из судов. Тут явился из Казани беглец мурза Камай и донес государю, что он ехал к нам с 200 товарищей, но что их задержали в городе; что царь Едигер, Кульшериф-молна, или глава духовенства, князья Изенеш Ногайский, Чапкун, Аталык, Ислам, Аликей Нарыков, Кебек Тюменский и Дербыш умели одушевить народ злобою на христиан; что никто не мыслит о мире; что крепость наполнена запасами хлебными и ратными; что в ней 30 000 воинов и 2700 ногаев; что князь Япанча со многочисленным отрядом конницы послан в Арскую засеку вооружить, собрать там сельских жителей и непрестанными нападениями тревожить стан россиян. Иоанн принял Камая милостиво; советовался с боярами; велел для укрепления изготовить на каждого воина бревно, на десять воинов тур; большому и передовому полку занять поле Арское, правой руке берег Казанки, сторожевому устье Булака, левой руке стать выше его, Алею за Булаков у кладбища, а царской дружине, предводимой им и князем Владимиром Андреевичем, на Царевом лугу; строго запретил чиновникам вступать в битву самовольно, без государева слова, — и 23 августа, в час рассвета, войско двинулось. Впереди шли князья Юрий Шемякин-Пронский и Федор Троекуров с козаками пешими и стрельцами; за воеводами атаманы, — головы стрелецкие, сотники, всякий по чину и в своем месте, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освещая Казань в глазах Иоанна: он дал знак, и полки стали; ударили в бубны, заиграли на трубах, — распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Иисус, а вверху водружен был Животворящий Крест, бывший на Дону с великим князем Димитрием Иоанновичем. Царь и все воеводы сошли с коней, отпели молебен под сению знамен, и государь произнес речь к войску: ободрял его к великим подвигам; славил героев, которые падут за Веру; именем России клялся, что вдовы и сироты их будут призрены, успокоены отечеством; наконец сам обрекал себя на смерть, если то нужно для победы и торжества христиан. Князь Владимир Андреевич и бояре ответствовали ему со слезами: «Дерзай, царю! Мы все единою душою за Бога и за тебя». Духовник Иоаннов, протоиерей Андрей, благословил его и войско, которое изъявляло живейшее

усердие. Царь сел на аргамака[1], богато украшенного, взглянул на Спасителев образ святой хоругви, ознаменовал себя крестом и, громко сказав: «о Твоем имени движемся!», повел рать прямо к городу. Там все казалось тихо и пусто; не видно было ни движения, ни людей на стенах, и многие из наших радовались, думая, что царь казанский с войском от страха бежал в леса; но опытные воеводы говорили друг другу: «будем тем осторожнее!»

Россияне обступали Казань. 7000 стрельцов и пеших козаков по наведенному мосту перешли тинный Булак, текущий к городу из озера Кабана и, видя пред собою — не более как в двухстах саженях — царские палаты, мечети каменные, лезли на высоту, чтобы пройти мимо крепости к Арскому полю... Вдруг раздался шум и крик: заскрипели, отворились ворота, и 15 000 татар, конных и пеших, устремились из города на стрельцов: расстроили, сломили их. Юные князья Шемякин и Троекуров удержали бегущих: они сомкнулись. Подоспело несколько детей боярских. Началась жестокая сеча. Россияне, не имея конницы, стояли грудью; победили и гнали неприятеля до самых стен, несмотря на сильную пальбу из города; взяли пленников и медленно отступили в виду всех наших полков, которые, спокойно идучи к назначенным для них местам, любовались издали сим первым славным делом. Приказ государев в точности исполнился: никто без его слова не кидался в битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящим образом.

Полки окружили Казань. Расставили шатры и три церкви полотняные: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергия. Ввечеру государь, собрав воевод, изустно дал им все нужные повеления. Ночь была спокойна. На другой день сделалась необыкновенно сильная буря: сорвала царский и многие шатры; потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско в ужас. Думали, что всему конец; что осады не будет; что мы, не имея хлеба, должны удалиться с стыдом. Не так думал Иоанн: послал в Свияжск, в Москву за съестными припасами, за теплою одеждою для воинов, за серебром и готовился зимовать под Казанью.

25 августа легкая дружина князей Шемякина и Троекурова двинулась с Арского поля к реке Казанке выше города, чтобы

---

[1] Аргамак — рослая и дорогая азиатская лошадь для верховой езды.

отрезать его от луговой черемисы, соединиться с правою рукою и стать ближе к стене. Татары сделали вылазку. Мужественный витязь князь Шемякин был ранен; но князь Дмитрий Хилков, глава всех передовых отрядов, помог ему с детьми боярскими втоптать неприятеля в крепость. — Ночью сторожевой полк и левая рука без боя и сопротивления расставили туры и пушки. Стрельцы окопались рвом; а козаки под самою городскою стеною засели в каменной, так называемой Даировой бане. — В сии два дня Иоанн не сходил с коня, ездил вокруг города и наблюдал места, удобнейшие для приступа.

26 августа большой полк выступил перед вечером из стана: князь Михайло Воротынский шел с пехотою и катил туры; князь Иван Мстиславский вел конницу, чтобы помогать ему в случае нападения. Государь дал им отборных детей боярских из собственной дружины. Казанцы ударили на них с воплем; а с башен и стен посыпались ядра и пули. В дыму, в огне непоколебимые россияне отражали конницу, пехоту сильным действием своих бойниц*, ружейною стрельбою, копьями и мечами; хладнокровно шли вперед, втеснили татар в город и наполнили его мосты неприятельскими телами. Пищальники, козаки стали на валу, стреляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры в пятидесяти саженях от рва, между Арским полем и Булаком. Тогда он велел отступить им к турам и закопаться под оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самого утра выходили и резались с нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глаз. Иоанн молился в церкви и ежечасно посылал своих знатнейших сановников ободрять бьющихся. Наконец неприятель утомился; восходящее солнце осветило решительную победу россиян, и государь велел петь в стане благодарные молебны. Казанцы лишились в сем деле многих храбрых людей, смелого князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и других. В числе убитых москвитян находился добрый витязь Леонтий Шушерин.

27 августа боярин Михайло Яковлевич Морозов, прикатив к турам стенобитный снаряд, открыл сильную пальбу со всех наших бойниц; а пищальники стреляли в город из окопов. —

---

* Слово *бойницы* употребил я в смысле *батарей*, как оно употреблялось иногда в старинных книгах... (VIII, 302.)

Казанцы скрывались за стенами; но, желая добыть языка, напали на людей, рассеянных в поле, близ того места, где стоял князь Мстиславский с частию большого полка. Сей воевода успел защитить своих, обратил неприятеля в бегство, пленил знатного улана, именем Карамыша, и представил государю, оказав личное мужество и в двух местах быв уязвлен стрелою. Пленник сказывал, что казанцы, готовые умереть, не хотят слышать о мирных переговорах.

В следующий день россияне ждали новой вылазки: неприятель явился с другой стороны; вышел густыми толпами из леса на Арское поле, схватил стражу передового полка и кинулся на его стан. Воевода, князь Хилков, с великим усилием оборонялся, но имел нужду в немедленной помощи. Князья Иван Пронский, Мстиславский, Юрий Оболенский один за другим спешили удержать стремление неприятеля. Сам Иоанн, отрядив к ним часть царской дружины, сел на коня. Многие из наших чиновников падали мертвые или раненые. Но число россиян умножалось ежеминутно: они прогнали татар в лес и сведали от пленников, что сии толпы приходили с князем Япанчею из укрепления, сделанного казанцами на пути в город Арск; что им велено не давать нам покоя и делать всевозможный вред частыми *наездами*.

29 августа воеводы правой руки, князья Щенятев и Курбский, подвинулись к городу и начали укреплять туры вдоль реки Казанки под защитою стрельцов; а дружина князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, где снова показался неприятель из леса и где Мстиславский, Хилков, Оболенский стояли в рядах, ожидая татар, между тем как иные воеводы, князь Дмитрий Палецкий, Алексей Адашев и головы царской дружины ставили туры с поля Арского до Казанки. С обеих сторон стреляли из пушек, ружей и луков: вылазки не было. Неприятель не отходил от леса, видя россиян готовых к битве; и ввечеру донесли Иоанну, что весь город окружен нашими укреплениями, в сухих местах турами, а в грязных тыном; что нет пути ни в Казань, ни из Казани. С сего времени боярин Морозов, везде расставив снаряд огнестрельный, неутомимо громил стены изо стапятидесяти тяжелых орудий.

Но войско наше в течение недели утомилось до крайности: всегда стояло в ружье, не имело времени отдыхать и за недостатком в съестных припасах питалось только сухим хлебом.

Кормовщики наши не смели удаляться от стана: князь Япанча стерег и хватал их во всех направлениях. Казанцы сносились с ним посредством знаков: выставляя хоругвь на высокой башне, махали ею и давали разуметь, что ему должно ударить на осаждающих. Сей опасный наездник держал россиян в непрестанном страхе. Иоанн собрал Думу; положил разделить войско на две части: одной быть в укреплениях и хранить особу царя; другой, под начальством мужественного, опытного князя Александра Горбатого-Шуйского, сильно действовать против Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лес, успокоить стан наш. Имея 30 000 конных и 15 000 пеших воинов, князь Александр расположился за горами, чтобы утаить свои движения от неприятеля, и послал отряды к Арскому лесу. Япанча увидел их, и толпы его высыпали на поле. Россияне, как бы устрашенные, дали тыл. Татары гнали их, втиснули в обоз, начали *водить круги* перед нашими укреплениями и пускали стрелы дождем; а другие толпы, конные и пешие, шли медленно в боевом порядке, прямо на стан главного войска московского. Тогда князь Юрий Шемякин с готовым полком своим из засады устремился на татар: они изумились; но, будучи уже недалеко от леса, должны были принять битву. Скоро явился и сам князь Александр с конными многочисленными дружинами; а пехота наша с правой и левой стороны заходила в тыл неприятелю. Татары искали спасения в бегстве: их давили, секли, кололи на пространстве десяти или более верст, до реки Килари, где князь Александр остановил своего утомленного коня и трубным звуком созвал рассеянных победителей. На возвратном пути, в лесу, они убили еще множество неприятелей, которые прятались в чаще и в густоте ветвей; взяли и несколько сот пленников; одним словом, истребили Япанчу. Государь обнял вождей, покрытых бранною пылью, орошенных потом и кровию; хвалил их ум, доблесть с живейшим восторгом; изъявил благодарность и рядовым воинам. Он велел привязать всех пленников к кольям перед нашими укреплениями, чтобы они умолили казанцев сдаться. В то же время сановники государевы подъехали к стенам и говорили татарам: «Иоанн обещает им жизнь и свободу, а вам прощение и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушав их слова, пустили множество стрел в своих несчастных пленных сограждан и кричали: «лучше вам умереть от нашей чистой, нежели от злой

христианской руки!» Сие остервенение удивило россиян и государя.

Желая употребить все средства, чтобы взять Казань с меньшим кровопролитием, он велел служащему в его войске искусному немецкому размыслу (то есть инженеру) делать подкоп от реки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай известил государя, что осажденные берут воду из ключа близ реки Казанки и ходят туда подземельным путем от ворот Муралеевых. Воеводы наши хотели открыть сей тайник, но не могли, и государь велел подкопать его от каменной Дауровой бани, занятой нашими козаками. Для сего размысл отрядил учеников своих, которые под надзором князя Василья Серебряного и любимца Иоаннова, Алексея Адашева, рылись в земле десять дней; услышали над собою голоса людей, ходящих тайником за водою; вкатили в подкоп 11 бочек пороха и дали знать государю. 5 сентября, рано, Иоанн выехал к укреплениям. Вдруг в его глазах с громом, с треском взорвало землю, тайник, часть городской стены, множество людей; бревна, камни, взлетев на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли от ужаса, не понимая, что сделалось. В сию минуту россияне, схватив знамена, устремились к обрушенной стене; ворвались было и в самый город, но не могли в нем удержаться. Казанцы опомнились, вытеснили наших — и государь не велел возобновлять усилий для приступа. Мы взяли немалое число пленных; убили еще гораздо более и ждали следствий.

Несмотря на решительность казанцев, после сего бедственного для них случая обнаружилось уныние в городе; некоторые из жителей думали, что все погибло и что они уже не имеют средств защиты. Но смелейшие ободрили их: рыли и нашли ключ, малый, смрадный, коим надлежало довольствоваться всему городу; терпели жажду, пухли от худой воды, молчали и сражались.

Иоанн оказывал удивительную деятельность; не знали, когда он имел отдохновение: всегда, рано или поздно, молился в церкви или ездил вокруг укреплений; останавливался, говорил с воинами, утверждал их в терпении. Если казанцы тревожили нас всегдашнею стрельбою, то и мы не давали им покоя: днем и ночью гремели пушки российские, заряжаемые ядрами и камнями. Арские ворота были до основания сбиты: осажденные заградились в сем месте тарасами.

6 сентября Иоанн поручил князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острог[1], сделанный казанцами за Арским полем, в пятнадцати верстах от города, на крутой высоте, между двумя болотами: там соединились остатки разбитого Япанчина войска. Князь Симеон Микулинский шел впереди; с ними были бояре Данило Романович и Захария Яковлев, князья Булгаков и Палецкий, головы царской дружины, дети боярские, стрельцы, атаманы с козаками, мордва темниковская и горные черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрепленный засеками, острог казался неприступным. Воины сошли с коней и вслед за смелыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу леса, под градом пускаемых на них стрел, без остановки влезли на высоту с двух сторон, отбили ворота, взяли укрепление и 200 пленников. Тела неприятелей лежали кучами. Воеводы нашли там знатную добычу, ночевали и пошли далее, к Арскому городу, местами приятными, удивительно плодоносными, где казанские вельможи имели свои домы сельские, красивые и богатые. Россияне плавали в изобилии; брали, что хотели: хлеб, мед, скот; жгли селения, убивали жителей, пленяли только жен и детей. Граждане арские ушли в дальнейшие леса; но в домах и в лавках оставалось еще немало драгоценностей, особенно всяких мехов, куниц, белок. Освободив многих христиан-соотечественников, бывших там в неволе, князь Александр чрез десять дней возвратился с победою, с избытком и с дешевизною съестных припасов, так что с сего времени платили в стане 10 денег за корову, а 20 за вола. Царь и войско были в радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лес Арский уже не метал стрел в россиян: зато луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили стан от Галицкой дороги. Стоящие тут воеводы правой руки ходили за ними и побили их наголову; но опасаясь новых нападений, всегдашнею бдительною осторожностию утомляли свой полк, который сверх того, занимая низкие равнины вдоль Казанки, более всех терпел от пальбы с крепости, от ненастья, от сильных дождей, весьма обыкновенных в сие время года, но суеверием приписываемых чаро-

---

[1] Острог — частокол из бревен, которым ограждалось небольшое войско.

действу. Очевидец, князь Андрей Курбский, равно мужественный и благоразумный, платя дань веку, пишет за истину, что казанские волшебники ежедневно, при восходе солнца, являлись на стенах крепости, вопили страшным голосом, кривлялись, махали одеждами на стан российский, производили ветр и облака, из коих дождь лился реками; сухие места сделались болотом, шатры всплывали и люди мокли с утра до вечера. По совету бояр государь велел привезти из Москвы царский Животворящий Крест, святить им воду, кропить ею вокруг стана — и сила волшебства, как уверяют, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнее действовать на внутренность города, россияне построили тайно, верстах в двух за станом, башню, вышиною в шесть сажен; ночью придвинули ее к стенам, к самым Царским воротам; поставили на ней десять больших орудий, пятьдесят средних и дружину искусных стрелков; ждали утра и возвестили оное залпом с раската. Стрелки стояли выше стены и метили в людей на улицах, в домах: казанцы укрывались в ямах; копали себе землянки под тарасами; подобно змеям, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять больших орудий, сбитых нашею пальбою, но без умолку стреляли из ружей, из пищалей *затинных*[1], и мы теряли ежедневно немало добрых воинов. — Тщетно Иоанн возобновлял мирные предложения, приказывая к осажденным, что если они не хотят сдаться, то пусть идут куда им угодно с своим царем беззаконным, со всем имением, с женами и детьми; что мы требуем только города, основанного на земле Болгарской, в древнем достоянии России*. Казанцы *не слушали ни краем уха*, по выражению летописца.

Между тем храбрый князь Михайло Воротынский подвигал туры ближе и ближе к Арской башне; наконец один ров, шириною в три сажени, а глубиною в семь, отделял их от стены: стрельцы, козаки, головы с людьми боярскими стояли за оными, бились до изнурения сил и сменялись. Иногда же, несмотря на близость расстояния, бой пресекался от усталости: те и другие воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды сим

---

[1] Пищаль затинная — легкое огневое орудие, которое устанавливалось за крепостной стеной (тыном).

* Болгарская земля никогда не принадлежала России. (VIII, 319.)

временем: видя, что многие из наших сели обедать и что у пушек осталось мало людей, они, числом до десяти тысяч, тихо вылезли из своих нор под начальством вельмож, главных царских советников, именуемых карачами, устремились к турам, смяли россиян и схватили их пушки. Тут князь Воротынский сам, а за ним и все знатнейшие чиновники кинулись в сечу. «Не выдадим отцов!» — кричали россияне и бились мужественно. Воеводы Петр Морозов, князь Юрий Кашин пали в толпе, опасно уязвленные: их отнесли в стан. Князь Михайло Воротынский, раненный в лицо, не оставлял битвы: крепкий доспех его был иссечен саблями. Многие головы стрелецкие лежали мертвые у пушек, и казанцы еще не уступали нам взятых ими трофеев. Но явились муромцы, дети боярские, *стародавние племенем и доблестию*: ударили, сломили неприятеля, втиснули в ров. Победа решилась. Казанцы давили друг друга, теснясь в воротах и вползая в свои норы. Сие дело было одним из кровопролитнейших. В то же время неприятель нападал и на туры передового полка, однако ж не весьма усильно. Государь видел собственными глазами оба дела: изъявив особенную милость князю Михайлу Воротынскому и витязям муромским, он навестил раненых воевод, благодаря их за усердную службу.

Уже около пяти недель россияне стояли под Казанью, убив в вылазках и в городе не менее десяти тысяч неприятелей, кроме жен и детей. Наступающая осень ужасала их более, нежели труды и битвы осады; все хотели скорого конца. Чтобы облегчить приступ и нанести осажденным чувствительнейший вред, Иоанн велел близ Арских ворот подкопать тарасы и землянки, где укрывались жители от нашей стрельбы: 30 сентября они взлетели на воздух. Сие страшное действие пороха, хотя уже и не новое для казанцев, произвело оцепенение и тишину в городе на несколько минут; а россияне, не теряя времени, подкатили туры к воротам Арским, Аталыковым, Тюменским. Думая, что настал час решительный, казанцы высыпали из города и схватились с теми полками, коим велено было прикрывать туры. Битва закипела. Иоанн спешил ободрить своих — и как скоро они увидели его, то, единогласно воскликнув: «Царь с нами!» — бросились к стенам; гнали, теснили неприятеля на мостах, в воротах. Сеча была ужасна. Гром пушек, треск оружия, крик воинов раздавался в облаках густого дыма,

который носился над всем городом. Несмотря на мужественное, отчаянное сопротивление, многие россияне были уже на стене, в башне от Арского поля, резались в улицах с татарами. Князь Михайло Воротынский уведомил о том государя и требовал, чтобы он велел всем полкам идти на приступ. Успех действительно казался вероятным; но Иоанн хотел верного: большая часть войска находилась еще в стане и не могла вдруг ополчиться: излишняя торопь произвела бы беспорядок и, может быть, неудачу, которая имела бы весьма худые для нас следствия. Государь не уважил ревности войска: приказал ему отступить. Они повиновались неохотно: чиновники с трудом вывели его из крепости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитие сего жаркого дня не осталось бесплодным, то князь Воротынский занял Арскую башню нашими стрелками: они укрепились турами и рядом твердых щитов; сказали воеводам: «здесь будем ждать вас» — и сдержали слово: казанцы не могли отнять у них сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стены обгорела; действие нашего снаряда огнестрельного также во многих местах разрушило оную. Казанцы поставили там высокие срубы, осыпав их землею.

Наконец, 1 октября, Иоанн объявил войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть к приступу (ибо подкопы были уже готовы) и велел воинам *очистить душу* накануне дня рокового. В тот самый час, когда одни из них смиренно исповедывали грехи свои пред Богом и достойные с умилением вкушали тело Христово, другие, под громом бойниц, метали в ров землю и лес, чтобы проложить путь к стенам. Еще государь хотел испытать силу увещания: мурза Камай и седые старейшины Горной стороны, держа в руке знамение мира, приближались к крепости, усыпанной людьми, и сказали им, что Иоанн в последний раз предлагает милосердие городу, уже стесненному, до половины разрушенному; требует единственно выдачи главных изменников и прощает народ. Казанцы ответствовали в один голос: «Не хотим прощения! В башне Русь, на стене Русь: не боимся; поставим иную башню, иную стену; все умрем или отсидимся!» Тогда государь начал устраивать войско *к великому делу*.

Чтобы заслонить тыл от луговой черемисы, от татар, бродящих по лесам, от ногайских улусов и чтобы отрезать казанцам все пути для бегства, он приказал князю Мстиславскому

с частию большого полка, а Шиг-Алею с касимовцами и жителями Горной стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, князю Юрию Оболенскому и Григорию Мещерскому с дворянами царской дружины Ногайскую, князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отряд дворян, примыкая к нему, должен был стоять вверх по Казанке, на Старом Городище. Отпустив сих воевод, Иоанн распорядил приступ: велел быть впереди атаманам с козаками, головам с стрельцами и дворовым людям, разделенным на сотни, под начальством отборных детей боярских; за ними идти полкам воеводским: князю Михайлу Воротынскому с окольничим Алексеем Басмановым ударить на крепость в пролом от Булака и Поганого озера; князьям Хилкову в Кабацкие ворота, Троекурову в Збойливые, Андрею Курбскому в Ельбугины, Семену Шереметеву в Муралеевы, Дмитрию Плещееву в Тюменские. Каждому из них помогал особенный воевода: первому сам государь; другим же князья Иван Пронский-Турунтай, Шемякин, Щенятев, Василий Серебряный-Оболенский и Дмитрий Микулинский. Приказав им изготовиться к двум часам следующего утра и ждать взорвания подкопов, Иоанн ввечеру уединился с духовным отцом своим, провел несколько времени в его душеспасительной беседе и надел доспех. Тогда князь Воротынский прислал ему сказать, что инженер кончил дело и 48 бочек зелия уже в подкопе; что казанцы заметили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велел выступать полкам, слушал заутреню в церкви, отпустил дружину царскую, молился из глубины сердца... В сию важную ночь, предтечу решительного дня, ни россияне, ни казанцы не думали об успокоении. Из города видели необыкновенные движения в нашем стане. С обеих сторон ревностно готовились к ужасному бою.

Заря осветила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стенах: россияне пред ними, под защитою укреплений, под сению знамен, в тишине, неподвижно; звучали только бубны и трубы, неприятельские и наши; ни стрелы не летали, ни пушки не гремели. Наблюдали друг друга; все было в ожидании. Стан опустел: в его безмолвии слышалось пение иереев, которые служили обедню. Государь оставался в церкви с немногими из ближних людей. Уже восходило солнце. Диакон читал Евангелие и едва произнес слова: *да будет едино стадо и един*

пастырь![1] грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышел на паперть: увидел страшное действие подкопа и густую тьму над всею Казанью: глыбы земли, обломки башен, стены домов, люди неслися вверх в облаках дыма и пали на город. Священное служение прервалося в церкви. Иоанн спокойно возвратился и хотел дослушать Литургию. Когда диакон пред дверями царскими громогласно молился, да утвердит Всевышний державу Иоанна, да повергнет всякого врага и супостата к ногам его, раздался новый удар: взорвало другой подкоп, еще сильнее первого,— и тогда, воскликнув: *с нами Бог*! полки российские быстро двинулись к крепости, а казанцы твердые, непоколебимые в час гибели и разрушения вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали наших, не стреляя ни из луков, ни из пищалей; меряли глазами расстояние и вдруг дали ужасный залп: пули, каменья, стрелы омрачили воздух... Но россияне, ободряемые примером начальников, достигли стены. Казанцы давили их бревнами, обливали кипящим варом; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стенах и помостах, презирая сильный огонь наших бойниц и стрелков. Тут малейшее замедление могло быть гибелью для россиян. Число их уменьшилось; многие пали мертвые или раненые, или от страха. Но смелые, геройским забвением смерти, ободрили и спасли боязливых: одни кинулись в пролом; иные взбирались на стены по лестницам, по бревнам; несли друг друга на головах, на плечах; бились с неприятелем в отверстиях... И в ту минуту, как Иоанн, отслушав всю Литургию, причастясь Святых Таин, взяв благословение от своего отца духовного, на бранном коне выехал в поле, знамена христианские уже развевались на крепости! Войско запасное одним кликом приветствовало государя и победу.

Но еще сия победа не была решена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные сверху стен и башен, стояли твердым оплотом в улицах, секлись саблями, схватывались за руки с россиянами, резались ножами в ужасной свалке. Дрались на заборах, на кровлях домов; везде попирали ногами головы и тела. Князь Михайло Воротынский первый известил Иоанна, что мы уже в городе, но что битва еще кипит и нужна помощь. Государь отрядил к нему часть своего полку; велел

[1] Евангелие от Иоанна, 10:16.

идти и другим воеводам. Наши одолевали во всех местах и теснили татар к укрепленному двору царскому. Сам Едигер с знатнейшими вельможами медленно отступал от проломов, остановился среди города, у Тезицкого или Купеческого рва, бился упорно и вдруг заметил, что толпы наши редеют: ибо россияне, овладев половиною города, славного богатствами азиатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сечу, начали разбивать домы, лавки — и самые чиновники, коим приказал государь идти с обнаженными мечами за воинами, чтобы никого из них не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тут ожили и малодушные трусы, лежавшие на поле как бы мертвые или раненые; а из обозов прибежали слуги, кашевары, даже купцы: все алкали добычи, хватали серебро, меха, ткани; относили в стан и снова возвращались в город, не думая помогать своим в битве. Казанцы воспользовались утомлением наших воинов, верных чести и доблести: ударили сильно и потеснили их, к ужасу грабителей, которые все немедленно обратились в бегство, метались через стену и вопили: *секут! секут!* Государь увидел сие общее смятение; изменился в лице и думал, что казанцы выгнали все наше войско из города. «С ним были, — пишет Курбский, — великие *синклиты*, мужи века отцов наших, поседевшие в добродетелях и в ратном искусстве». Они дали совет государю, и государь явил великодушие: взял святую хоругвь и стал пред Царскими воротами, чтобы удержать бегущих. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла с коней и ринулась в город; а с нею и вельможные старцы, рядом с их юными сыновьями. Сие свежее, бодрое войско, в светлых доспехах, в блестящих шлемах, как буря нагрянуло на татар: они не могли долго противиться, крепко сомкнулись и в порядке отступали до высоких каменных мечетей, где все их духовные, абизы, сеиты, молны (муллы)[1] и первосвященник Кульшериф встретили россиян не с дарами, не с молением, но с оружием: в остервенении злобы устремились на верную смерть и все до единого пали под нашими мечами. Едигер с остальными казанцами засел в укрепленном дворе царском и сражался около часа. Россияне отбили ворота... Тут юные жены и дочери казанцев в богатых

---

[1] Мусульманские священнослужители: абизы — имамы, сеиты — сеиды, молны — муллы.

цветных одеждах стояли вместе на одной стороне под защитою своих прелестей; а в другой стороне отцы, братья и мужья, окружив царя, еще бились усильно: наконец вышли, числом 10 000, в задние ворота, к нижней части города. Князь Андрей Курбский с двумястами воинов пресек им дорогу; удерживал их в тесных улицах, на крутизнах; затруднял каждый шаг; давал время нашим разить тыл неприятеля и стал в Збойловых воротах, где присоединилось к нему еще несколько сот россиян. Гонимые, теснимые казанцы по трупам своих лезли к стене, взвели Едигера на башню и кричали, что хотят вступить в переговоры. Ближайший к ним воевода, князь Дмитрий Палецкий, остановил сечу. «Слушайте, — сказали казанцы, — доколе у нас было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаем вам и царя, живого, неуязвленного: ведите его к Иоанну, а мы идем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Вместе с Едигером они выдали Палецкому главного престарелого вельможу, или карача, именем Заниеша и двух *мамичей*[1], или совоспитанников царских; начали снова стрелять, прыгали со стены вниз и хотели идти к стану нашей правой руки; но, встреченные сильною пальбою из укреплений, обратились влево: кинули тяжелое оружие, разулись и перешли мелкую там реку Казанку в виду нашего войска, бывшего в крепости, на стенах и дворе царском, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбские, Андрей и Роман, с малочисленною дружиною успели сесть на коней, обскакали неприятеля, ударили на густую толпу его, врезались в ее средину, топтали, кололи. Но татар было еще 5000, и самых храбрейших: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули наших героев, повергнули их уязвленных, дымящихся кровью, замертво на землю, — шли беспрепятственно далее гладким лугом до вязкого болота, где конница уже не могла гнаться за ними, и спешили к густому темному лесу: остаток малый, но своим великодушным остервенением еще опасный для россиян! Государь послал князя Симеона Микулинского, Михайла Васильевича Глинского и Шереметева с конною дружиною за Казанку в объезд, чтобы отрезать бегущих татар от леса: воеводы настигли и побили их. Никто не сдался живой; спаслись немногие, и то раненые.

---

[1] Мамич — сын кормилицы, мамки.

Город был взят и пылал в разных местах; сеча престала, но кровь лилася; раздраженные воины резали всех, кого находили в мечетях, в домах, в ямах; брали в плен жен и детей или чиновников. Двор царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми; от крепости до Казанки, далее на лугах и в лесу еще лежали тела и носились по реке. Пальба умолкла; в дыму города раздавались только удары мечей, стон убиваемых, клик победителей. Тогда главный военачальник, князь Михайло Воротынский, прислал сказать государю: «Радуйся, благочестивый самодержец! Твоим мужеством и счастием победа совершилась: Казань наша, царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны: что прикажешь?» *Славить Всевышнего*, ответствовал Иоанн, воздел руки на небо, велел петь молебен под святою хоругвию и, собственною рукою на сем месте водрузив Животворящий Крест, назначил быть там первой церкви христианской. Князь Палецкий представил ему Едигера: без всякого гнева и с видом кротости Иоанн сказал: «Несчастный! разве ты не знал могущества России и лукавства казанцев?» Едигер, ободренный тихостию государя, преклонил колена, изъявлял раскаяние, требовал милости. Иоанн простил его и с любовию обнял брата, князя Владимира Андреевича, Шиг-Алея, вельмож; ответствовал на их усердные поздравления ласково и смиренно; всю славу отдавал Богу, им и воинству; послал бояр и ближних людей во все дружины *с хвалою и с милостивым словом*; велел очистить в городе одну улицу от ворот Муравлеевых ко двору царскому и въехал в Казань: пред ним воеводы, дворяне и духовник его с крестом; за ним князь Владимир Андреевич и Шиг-Алей. У ворот стояло множество освобожденных россиян, бывших пленниками в Казани: увидев государя, они пали на землю и с радостными слезами взывали: «Избавитель! Ты вывел нас из ада! Для нас, бедных, сирых, не щадил головы своей!» Государь приказал отвести их в стан и питать от стола царского; ехал сквозь ряды складенных тел и плакал; видя трупы казанцев, говорил: «это не христиане, но подобные нам люди»; видя мертвых россиян, молился за них Всевышнему, как за жертву общего спасения. При вступлении во дворец бояре, чиновники, воины снова поздравляли Иоанна. Они с умилением говорили друг другу: «Где царствовало зловерие, упиваясь кровию христиан, там видим Крест Животворящий и

21 Зак. № 39

государя нашего во славе!» Все единогласно, единодушно, в умилении сердец принесли благодарность Небу. Иоанн велел тушить огонь в городе и всю добычу, все богатства казанские, всех пленников, кроме одного Едигера, отдал воинству; взял только утварь царскую, венец, жезл, знамя державное и пушки, сказав: «Моя корысть есть спокойствие и честь России!» Он возвратился в стан; хотел видеть войско и вышел к полкам с лицом светлым. Они еще дымились кровию неверных и своею; многие витязи, по словам летописца, *сияли ранами драгоценнейшими алмазов*[1]. Иоанн стал пред войском и громко произнес речь, исполненную любви и милости. «Воины мужественные! — говорил он. — Бояре, воеводы, чиновники! в сей знаменитый день *страдая* за имя Божие, за веру, отечество и царя, вы приобрели славу неслыханную в наше время. Никто не оказывал такой храбрости; никто не одерживал такой победы! Вы новые македоняне[2], достойные потомки витязей, которые с великим князем Димитрием сокрушили Мамая! Чем могу воздать вам?.. Любезнейшие сыны России там, на поле чести лежащие! вы уже сияете в венцах Небесных вместе с первыми мучениками христианства. Се дело Божие, наше есть славить вас во веки веков, вписать имена ваши на хартии Священной[3] для поминовения в соборной Апостольской церкви. А вы, своею кровию обагренные, но еще живые для нашей любви и признательности! все храбрые, коих вижу пред собою! внимайте и верьте моему обету любить и жаловать вас до конца дней моих... Теперь успокойтесь, победители!» Войско ответствовало радостными кликами. Иоанн посетил, утешил раненых; немедленно отправил шурина своего, Данила Романовича, в Москву с счастливою вестию к супруге, к митрополиту, к князю Юрию; сел обедать с боярами и дал пир воинам. Сей великолепный праздник отечества украшался воспоминанием минувших зол, чувством настоящей славы и надеждою будущего благоденствия.

В тот же день Иоанн послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя жителям мир и безопасность. «Иди-

---

[1] ...Драгоценнейшими алмазов — более драгоценными, чем алмазы.

[2] Македоняне — воины Александра Македонского.

[3] Хартия Священная — книга животная: см. примеч. к с. 577.

те к нам, — писал он, — без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским». Устрашенные бедствием их столицы, они рассеялись по лесам: успокоенные милостивым словом Иоанновым, возвратились в домы. Сперва жители арские, а после вся луговая черемиса прислали старейших в стан к государю и дали клятву верности.

3 октября погребали мертвых и совершенно очистили город. На другой день Иоанн с духовенством, синклитом и воинством торжественно вступил в Казань; избрал место, заложил кафедральную церковь Благовещения, обошел город со крестами и посвятил его *Богу истинному*. Иереи кропили улицы, стены святою водою, моля Вседержителя, да благословит сию новую твердыню православия, да цветет в ней здравие и доблесть, да будет вовеки неприступною для врагов, вовеки неотъемлемою собственностию и честию России!.. Осмотрев всю Казань; назначив, где быть храмам, и приказав немедленно возобновить разрушенные укрепления, стены, башни, государь с вельможами поехал во дворец, на коем развевалось знамя христианское.

Так пало к ногам Иоанновым одно из знаменитых царств, основанных Чингисовыми моголами в пределах нынешней России. Возникнув на развалинах Болгарии и поглотив ее бедные остатки, Казань имела и хищный, воинственный дух моголов, и торговый, заимствованный ею от древних жителей сей страны, где издавна съезжались купцы арменские, хивинские, персидские (и где он доныне сохранился: доныне казанские татары, потомки Золотой Орды и болгаров, имеют купеческие связи с Востоком). Около 115 лет казанцы нам и мы им неутомимо враждовали, от первого их царя Махмета, у коего прадед Иоаннов был пленником, до Едигера, взятого в плен Иоанном, которого дед уже именовался государем *болгарским*, уже считал Казань нашею областию, но при конце жизни своей видел ее страшный бунт и не мог отмстить за кровь россиян, там пролиянную. Новые мирные договоры служили поводом к новым изменам, и всяка была ужасом для восточной России, где, на всей длинной черте от Нижнего Новагорода до Перми, люди вечно береглися как на отводной страже[1]. Самая месть стоила

[1] Отводная стража — пограничная застава.

нам дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истреблением войска и коней от болезней, от трудностей пути в местах диких, населенных народами свирепыми. Одним словом, вопрос: надлежало ли покорить Казань? соединялся с другим: надлежало ли безопасностию и спокойствием утвердить бытие России? Чувство государственного блага, усиленное ревностию Веры, производило в победителях общий, живейший восторг, и летописцы говорят о сем завоевании с жаром стихотворцев, призывая современников и потомство к *великому зрелищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осеняемой хоругвями, украшаемой церквами православия, оживленной (после ужасов кровопролития, после безмолвия смерти) присутствием многочисленного радостного войска, среди свежих трофеев, но уже в глубокой мирной тишине ликующего на стогнах, площадях, в садах, и юного царя, сидящего на славнозавоеванном престоле, в блестящем кругу вельмож и полководцев, у коих была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества*! — Летописцы сказывают, что небо благоприятствовало торжеству победы; что время стояло ясное, теплое, и россияне, осаждав Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в нее как бы весною.

6 октября духовник государев с иереями свияжскими освятил храм Благовещения. В следующие дни Иоанн занимался учреждением правительства в городе и в областях; объявил князя Александра Горбатого-Шуйского казанским наместником, а князя Василия Серебряного его товарищем; дал им письменное наставление, 1500 детей боярских, 3000 стрельцов со многими козаками, и 11 октября изготовился к отъезду, хотя благоразумные вельможи советовали ему остаться там до весны со всем войском, чтобы довершить покорение земли, где обитало пять народов: мордва, чуваши, вотяки (в Арской области), черемисы и башкирцы (вверх по Каме). Еще многие из их улусов не признавали нашей власти; к ним ушли некоторые из злейших казанцев, и легко было предузнать опасные того следствия. В стане и в Свияжске находилось довольно запасов для прокормления войска. Но Иоанн, нетерпеливо желая видеть супругу и явить себя Москве во славе, отвергнул совет мудрейших, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями царицы и другими сановниками, которые также хотели скорее

отдохнуть на лаврах. Отпев молебен в церкви Благовещения и поручив хранение новой страны своей Иисусу, Деве Марии, российским Угодникам Божиим, царь выехал из Казани, ночевал на берегу Волги, против Гостиного острова, и 12 октября с князем Владимиром Андреевичем, с боярами и с пехотными дружинами отплыл в ладиях к Свияжску. Князь Михайло Воротынский повел конницу берегом к Василю городу, путем уже безопасным, хотя и трудным.

Пробыв только один день в Свияжске и назначив князя Петра Шуйского правителем сей области, Иоанн 14 октября под Вязовыми горами сел на суда. В Нижнем, на берегу Волги, встретили его все граждане со крестами и, преклонив колена, обливались слезами благодарности за вечное избавление их от ужасных набегов казанских; славили победителя, громогласно, с душевным восхищением, так, что сей *благодарный плач*, заглушая пение священников, принудил их умолкнуть. Тут же послы от царицы, князя Юрия, митрополита *здравствовали государю на Богом данной ему отчине, царстве Казанском*. Собрав в Нижнем все воинство; снова изъявив признательность своим усердным сподвижникам; сказав, что расстается с ними до первого случая обнажить со славою меч за отечество, он уволил их в домы; сам поехал сухим путем через Балахну в Владимир и в Судогде встретил боярина Василия Юрьевича Траханиота, который скакал к нему от Анастасии с вестию о рождении сына, царевича Димитрия. Государь в радости спрыгнул с коня, обнял, целовал Траханиота; благодарил Небо, плакал и, не зная, как наградить счастливого вестника, отдал ему с плеча одежду царскую и коня из-под себя. Иоанн имел уже двух дочерей, Анну и Марию, из коих первая скончалась одиннадцати месяцев: рождение наследника было тайным желанием его сердца. Он послал шурина, Никиту Романовича, к Анастасии с нежными приветствиями; останавливался в Владимире, в Суздале единственно для того, чтобы молиться в храмах, изъявлять чувствительность к любви жителей, отовсюду стекавшихся видеть лицо его, светлое радостию; заехал в славную Троицкую обитель Св. Сергия, знаменовался у гроба его, вкусил хлеба с иноками и 28 октября ночевал в селе Тайнинском, где ждали его брат, князь Юрий, и некоторые бояре с поздравлением; а на другой день, рано, приближаясь к любезной

ему столице, увидел на берегу Яузы бесчисленное множество народа, так что на пространстве шести верст, от реки до посада, оставался только самый тесный путь для государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами московских граждан, ехал Иоанн, кланяясь на обе стороны; а народ, целуя ноги, руки его, восклицал непрестанно: «многая лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан!» Там, где жители московские приняли некогда Владимирский образ Богоматери, несущий спасение граду в нашествие Тамерлана — где ныне монастырь Сретенский, — там митрополит, епископы, духовенство с сею иконою, старцы бояре, князь Михайло Иванович Булгаков, Иван Григорьевич Морозов, слуги отца и деда его, со всеми чиноначальниками стояли под церковными хоругвями. Иоанн сошел с коня, приложился к образу и, благословенный святителями, сказал: «Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за царя и царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествия варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темницы, возвратить отечеству и церкви. Дед мой, отец, и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово Евангельское: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть*! вы, достойные святители церкви, молились — и Бог услышал вас и помог нам — и хан, гонимый единственно гневом Небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и милостию Божиею, мужеством князя Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства, сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные *без вести*[1], царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ее месте водружен Святый крест; области Арская и Луговая платят дань

[1] Изгибнуть... без вести — погибнуть навсегда.

России; воеводы московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам Великих Угодников, к вашей Святыне, в свою любезную отчизну — и за сие Небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему, и всему Освященному Собору, мы с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся». Тут государь, князь Владимир и вся дружина воинская поклонились до земли. Иоанн продолжал: «Молю вас и ныне, да ревностным ходатайством у престола Божия и мудрыми своими наставлениями способствуете мне утвердить закон, правду, благие нравы внутри государства; да цветет отечество под сению мира в добродетели; да цветет в нем христианство; да познают Бога истинного неверные, новые подданные России, и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков. Аминь!»

Митрополит ответствовал: «Царю благочестивый! мы, твои богомольцы, удивленные избытком Небесный к нам милости, что речем пред Господом? разве токмо воскликнем: *дивен Бог творяй чудеса!..* Какая победа! какая слава для тебя и для всех твоих светлых сподвижников! Что мы были? и что ныне? Вероломные, лютые казанцы ужасали Россию, жадно пили кровь христиан, увлекали их в неволю, оскверняли, разоряли святые церкви. Терзаемый бедствием отечества, ты, царь великодушный, возложив *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнес обет спасти нас; ополчился с верою; шел на труды и на смерть; *страдал до крови*; предал свою душу и тело за Церковь, за отечество — и благодать Небесная воссияла на тебе, якоже на древних царях, угодных Господу: на Константине Великом, Св. Владимире, Димитрии Донском, Александре Невском. Ты сравнялся с ними — и кто превзошел тебя? Сей царствующий град Казанский, где гнездился змий как в глубокой норе своей, уязвляя, поядая нас, — сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знамениями истинной Веры освятил скверну Магометову — навеки, навеки успокоил Россию! Се дело Божие, но чрез тебя совершенное! Ибо ты помнил слово Евангельское: *рабе благий! в мале был еси верен: над многими тя поставлю*! Веселися, о царь любезный Богу и отечеству! Да-

ровав победу, Всевышний даровал тебе и вожделенного, первородного сына! Живи и здравствуй с добродетельною царицею Анастасиею, с юным царевичем Димитрием, с своими братьями, боярами и со всем православным воинством в богоспасаемом царствующем граде Москве и на всех своих царствах, в сей год и в предыдущие многие, многие лета. А мы тебе, государю благочестивому, за твои труды и подвиги великие со всеми святителями, со всеми православными христианами кланяемся». Митрополит, духовенство, сановники и народ пали ниц пред Иоанном; слезы текли из глаз; благословения раздавались долго и непрерывно.

Тут государь снял с себя воинскую одежду, возложил на плеча порфиру, на выю и на перси[1] Крест Животворящий, на главу венец Мономахов, и пошел за Святыми иконами в Кремль; слушал молебен в храме Успения; с любовию и благодарностию поклонился мощам российских угодников Божиих, гробам своих предков; обходил все храмы знаменитые и спешил наконец во дворец. Царица еще не могла встретить его: лежала на постеле; но, увидев супруга, забыла слабость и болезнь: в восторге упала к ногам державного героя, который, обнимая Анастасию и сына, вкусил тогда всю полноту счастия, данного в удел человечеству.

Москва и Россия были в неописанном волнении радости. Везде в отверстых храмах благодарили Небо и царя; отовсюду спешили усердные подданные видеть лицо Иоанна; говорили единственно о великом деле его, о преодоленных трудностях похода, усилиях, хитростях осады; о злобном ожесточении казанцев, о блистательном мужестве россиян, и возвышались сердцем, повторяя: «Мы завоевали царство! что скажут в свете?»*

Несколько дней посвятив счастию семейственному, Иоанн, ноября 8, дал торжественный обед в Большой Грановитой палате митрополиту, епископам, архимандритам, игуменам, князьям Юрию Василиевичу и Владимиру Андреевичу, всем боярам, всем воеводам, которые мужествовали под Казанью. «Никог-

[1] Выя — шея; перси — грудь.

* В «Казанской истории»: «Бысть же радость великая о таковой победе не токмо во едином Русском царстве, но и во всех дальних странах; во иноверных же странах бысть плач и уныние и страх». (VIII, 363.)

да, — говорят летописцы, — не видали мы такого великолепия, празднества, веселья во дворце московском, ни такой щедрости». Иоанн дарил всех, от митрополита до простого воина, ознаменованного или славною раною, или замеченного в списке храбрых; князя Владимира Андреевича жаловал шубами, златыми фряжскими кубками и ковшами; бояр, воевод, дворян, детей боярских и всех воинов по достоянию — одеждами с своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспехами или деньгами; три дни пировал с своими знаменитейшими подданными и три дни сыпал дары, коих по счету, сделанному в казначействе, вышло на сорок восемь тысяч рублей (около миллиона нынешних), кроме богатых отчин и поместьев, розданных тогда воинским и придворным чиновникам.

Чтобы ознаменовать взятие Казани достойным памятником для будущих столетий, государь заложил великолепный храм Покрова Богоматери у ворот Флоровских, или Спасских, о девяти куполах: он есть доныне лучшее произведение так называемой готической архитектуры в нашей древней столице[1].

Сей монарх, озаренный славою, до восторга любимый отечеством, завоеватель враждебного царства, умиритель своего, великодушный во всех чувствах, во всех намерениях, мудрый правитель, законодатель, имел только 22 года от рождения: явление редкое в истории государств! Казалось, что Бог хотел в Иоанне удивить Россию и человечество примером какого-то совершенства, величости и счастия на троне... Но здесь восходит первое облако над лучезарною главою юного венценосца.

Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV 1552—1560 гг.

Крещение царевича Димитрия и двух царей казанских. Язва. Мятежи в земле Казанской. Болезнь царя. Путешествие Иоанново в Кириллов монастырь. Смерть царевича. Важная беседа Иоаннова

[1] Речь идет о соборе Василия Блаженного.

с бывшим епископом Вассианом. Рождение царевича Иоанна. Бегство князя Ростовского. Ересь. Усмирение мятежей в Казанской земле. Учреждение епархии казанской. Покорение царства Астраханского. Посольства хивинское, бухарское, шавкалское, тюменское, грузинское. Подданство черкесов. Дружба с ногаями. Дань сибирская. Прибытие английских кораблей в Россию. Посол в Англию. Дела крымские. Письмо Солиманово. Впадение крымцев. Война Шведская. Сношения с Литвою. Нападение дьяка Ржевского на Ислам-Кирмень. Князь Вишневецкий вступает в службу к царю и берет Хортицу. Завоевание Темрюка и Тамана. Мор в ногайских и крымских улусах. Усердие Вишневецкого. Предложение союза Литве. Дела ливонские. Важный замысел, приписываемый Иоанну. Состояние Ливонии. Новое могущество России. Лучшее образование войска. Начало войны Ливонской. Взятие Нарвы. Завоевание Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушие дерптского бургомистра. Бегство магистра. Новый глава ордена. Взятие Дерпта и многих других городов. Кетлер берет Ринген. Россияне опустошают Ливонию и Курляндию. За Ливонию ходатайствуют короли польский, шведский, датский. Иоанн дает перемирие Ливонии. Нашествие крымцев. Впадение россиян в Тавриду. Союз Ливонии с Августом. Магистр нарушает перемирие. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонец от императора. Новое разорение Ливонии. Взятие Мариенбурга. Победы к. Курбского. Кончина царицы Анастасии.

Как скоро Анастасия могла вставать с постели, государь отправился с нею и с сыном в обитель Троицы, где архиепископ ростовский, Никандр, крестил Димитрия у мощей Св. Сергия. — Насыщенный мирскою славою, Иоанн заключил торжество государственное христианским: два царя казанские, Утемиш-Гирей и Едигер, приняли Веру Спасителя. Первого, еще младенца, крестил митрополит в Чудове монастыре и нарек Александром: государь взял его к себе во дворец и велел учить грамоте, Закону и добродетели[1]. Едигер сам изъявил ревностное желание озариться светом истины и на вопросы митрополита:

[1] Закон — закон Божий; добродетель — десять заповедей.

«не нужда ли, не страх ли, не мирская ли польза внушает ему сию мысль?» ответствовал решительно: «Нет! люблю Иисуса и ненавижу Магомета!» Священный обряд совершился на берегу Москвы-реки в присутствии государя, бояр и народа. Митрополит был восприемником от купели. Едигер, названный Симеоном, удержал имя царя; жил в Кремле, в особенном большом доме; имел боярина, чиновников, множество слуг и женился на дочери знатного сановника, Андрея Кутузова, Марии; пользовался всегда милостию государя и доказывал искреннюю любовь к России, забыв, как смутную мечту, и прежнее свое царство и прежнюю Веру.

После многих неописанно сладостных чувств душа Иоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертоносная язва, которая под именем *железы* столь часто опустошала Россию в течение двух последних веков, снова открылась во Пскове, где с октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25 000 тел в скудельницах, кроме множества схороненных тайно в лесу и в оврагах. Узнав о сем, новогородцы немедленно выгнали псковских купцов, объявив, что если кто-нибудь из них приедет к ним, то будет сожжен с своим имением. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва в октябре же месяце начала свирепствовать и там и во всех окрестностях. Полмиллиона людей было ее жертвою; в числе их и архиепископ Серапион, который не берег себя, утешая несчастных. На его опасное место митрополит поставил монаха Пимена Черного из Андреяновской пустыни; вместе с государем торжественно молился, святил воду — и Пимен, 6 декабря с умилением отслужив первую Обедню в Софийском храме, как бы притупил жало язвы: она сделалась менее смертоносною, по крайней мере в Новегороде.

Весьма оскорбился государь и печальными вестями казанскими, увидев, что он еще не все совершил для успокоения России. Луговые и горные жители убивали московских купцов и людей боярских на Волге: злодеев нашли и казнили 74 человека; но скоро вспыхнул бунт: вотяки и луговая черемиса не хотели платить дани, вооружились, умертвили наших чиновников, стали на высокой горе у засеки; разбили стрельцов и козаков, посланных усмирить их: 800 россиян легло на месте. В семидесяти верстах от Казани, на реке Меше, мятежники ос-

новали земляную крепость и непрестанно беспокоили Горную сторону набегами. Воевода Борис Салтыков, зимою выступив против них из Свияжска с отрядом пехоты и конницы, тонул в глубоких снегах: неприятель, катаясь на лыжах, окружил его со всех сторон; в долговременной, беспорядочной битве россияне падали от усталости и потеряли до пятисот человек. Сам воевода был взят в плен и зарезан варварами; немногие возвратились в Свияжск, и бунтовщики, гордяся двумя победами, думали, что господство россиян уже кончилось в стране их.

Иоанн вспомнил тогда мудрый совет опытных вельмож не оставлять Казани до совершенного покорения всех ее диких народов. Уныние при дворе было столь велико, что некоторые члены царской Думы предлагали навсегда покинуть сию бедственную для нас землю и вывести войско оттуда. Но государь изъявил справедливое презрение к их малодушию; хотел исправить свою ошибку и вдруг занемог сильною горячкою, так что двор, Москва, Россия в одно время сведали о болезни его и безнадежности к выздоровлению. Все ужаснулись, от вельможи до земледельца; мысленно искали вины своей пред Богом и говорили: «Грехи наши должны быть безмерны, когда Небо отнимает у России такого самодержца!» Народ толпился в Кремле; смотрели друг другу в глаза и боялись спрашивать; везде бледные, слезами орошенные лица — а во дворце отчаяние, смятение неописанное, тайный шепот между боярами, которые думали, что в сем бедственном случае им должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу государства. Представилось зрелище разительное. Иоанн был в памяти. Дьяк царский, Михайлов, приступив к одру, с твердостию сказал болящему, что ему время совершить духовную. Несмотря на цветущую юность, в полноте жизни и здравия, Иоанн часто говаривал о том с людьми ближними: не устрашился и спокойно велел писать завещание, объявив сына, младенца Димитрия, своим преемником, единственным государем России. Бумагу написали; хотели утвердить ее присягою всех знатнейших сановников и собрали их в царской столовой комнате. Тут начался спор, шум, мятеж: одни требовали, другие не давали присяги, и в числе последних князь Владимир Андреевич, который с гневом сказал вельможе Воротынскому,

укоряющему его в ослушании: «Смеешь ли браниться со мною?» — *«Смею и драться,* — ответствовал Воротынский, — *по долгу усердного слуги моих и твоих государей, Иоанна и Димитрия; не я, но они повелевают тебе исполнить обязанность верного россиянина»*. Иоанн позвал ослушных бояр и спросил у них: «Кого же думаете избрать в цари, отказываясь целовать крест на имя моего сына? Разве забыли вы данную вами клятву служить единственно мне и детям моим?.. Не имею сил говорить много, — промолвил он слабым голосом: — Димитрий и в пеленах есть для вас самодержец законный, но если не имеете совести, то будете ответствовать Богу». На сие боярин князь Иван Михайлович Шуйский сказал ему, что они не целовали креста, ибо не видали государя пред собою; а Федор Адашев, отец любимца Иоаннова, саном окольничий, изъяснился откровеннее такими словами: «Тебе, государю, и сыну твоему мы усердствуем повиноваться, но не Захарьиным-Юрьевым, которые без сомнения буду властвовать в России именем младенца бессловесного. Вот что страшит нас! А мы, до твоего возраста, уже испили всю чашу бедствий от боярского правления». Иоанн безмолвствовал в измнеможении. Самодержец чувствовал себя простым, слабым смертным у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долг покоить умирающего; шумели, кричали над самым одром безгласно лежащего Иоанна — и разошлися.

Чего же хотели сии дерзкие сановники, может быть, действительно одушевленные любовию к общему благу, действительно устрашенные мыслию о гибельных для отечества смутах боярских, которые снова могли водвориться в правительствующей Думе, к ужасу России, в малолетство Димитрия? Они хотели возложить венец на главу брата Иоаннова — не Юрия: ибо сей несчастный князь, обиженный природою, не имел ни рассудка, ни памяти, — но Владимира Андреевича, одаренного многими блестящими свойствами: умом любопытным, острым, деятельным, мужеством и твердостию. Предполагая самое чистое, благороднейшее побуждение в сердцах бояр, летописец справедливо осуждает их замысел самовольно испровергнуть наследственный устав государства, со времен Димитрия Донского утверждаемый торжественною присягою, основанный на общем благе, плод долговременных, старых опытов и причину

нового могущества России. Все человеческие законы имеют свои опасности, неудобства, иногда вредные следствия; но бывают душою порядка, священны для благоразумных, нравственных людей и служат оплотом, твердынею держав. Предвидение ослушных бояр могло и не исполниться: но если бы малолетство царя и произвело временные бедствия для России, то лучше было сносить оные, нежели нарушением главного устава государственного ввергнуть отечество в бездну всегдашнего мятежа неизвестностию наследственного права, столь важного в монархиях.

К счастию, другие бояре остались верными совести и Закону. В тот же вечер князья Иван Феодорович Мстиславский, Владимир Иванович Воротынский, Димитрий Палецкий, Иван Васильевич Шереметев, Михайло Яковлевич Морозов, Захарьины-Юрьевы, дьяк Михайлов присягнули царевичу; также и юный друг государев, Алексей Адашев. Между тем донесли Иоанну, что князья Петр Щенятев, Иван Пронский, Симеон Ростовский, Дмитрий Немой-Оболенский во дворце и на площади славят князя Владимира Андреевича, говоря: «лучше служить старому, нежели малому и раболепствовать Захарьиным». Истощая последние силы свои, государь хотел видеть князя Владимира и так называемою *целовальною записью*[1] обязать его в верности: сей князь торжественно отрекся от присяги. С удивительною кротостию Иоанн сказал ему: «Вижу твое намерение: бойся Всевышнего!», а боярам, давшим клятву: «Я слабею; оставьте меня и действуйте по долгу чести и совести». Они с новою ревностию начали убеждать всех думных советников исполнить волю государеву. Им ответствовали: «Знаем, чего вы желаете: быть господами; но мы не сделаем по-вашему». Называли друг друга изменниками, властолюбцами; злоба кипела в сердцах, и каждое слово с обеих сторон было угрозою.

В часы сего ужасного смятения князь Владимир Андреевич и мать его, Евфросиния, собирали у себя в доме детей боярских и раздавали им деньги. Народ изъявлял негодование. Благоразумные вельможи говорили князю Владимиру, что он безрассудно ругается над общею скорбию, как бы празднуя болезнь

---

[1] Ц е л о в а л ь н а я з а п и с ь — письменная присяга с целованием креста.

царя; что не время жаловать людей, когда отечество в слезах и в страхе. Князь и мать его отвечали словами колкими, с досадою; а бояре, окружающие государя, уже не хотели пускать к нему сего, явно злонамеренного брата. Тут выступил на позорище[1] чрезвычайный муж Сильвестр, доселе главный советник Иоаннов, ко благу России, но к тайному неудовольствию многих, которые видели, что простой иерей управляет и церковию и Думою: ибо (по словам летописца) ему недоставало только седалища царского и святительского: он указывал и вельможам и митрополиту, и судиям и воеводам; мыслил, а царь делал. Сия власть, не будучи беззаконием и происходя единственно от справедливой доверенности государевой к мудрому советнику, могла однако ж изменить чистоту его первых намерений и побуждений; могла родить в нем любовь к господству и желание утвердить оное навсегда: искушение опасное для добродетели! Всеми уважаемый, не всеми любимый, Сильвестр терял с Иоанном политическое бытие свое и, соглашая личное властолюбие с пользою государственною, *может быть*, тайно доброхотствовал стороне князя Владимира Андреевича, связанного с ним дружбою. По крайней мере, видя остервенение ближних Иоанновых против сего князя, он вступился за него и говорил с жаром: «Кто дерзает удалять брата от брата и злословить невинного, желающего лить слезы над болящим?» Захарьины и другие ответствовали, что они исполняют присягу, служат Иоанну, Димитрию и не терпят изменников. Сильвестр оскорбился и навлек на себя подозрение.

В следующий день государь вторично созвал вельмож и сказал им: «В последний раз требую от вас присяги. Целуйте крест пред моими ближними боярами, князьями Мстиславским и Воротынским: я не в силах быть того свидетелем. А вы, уже давшие клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будет; не допустите вероломных извести царевича: спасите его; бегите с ним в чужую землю, куда Бог укажет вам путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вам мятежных бояр: они не пощадят вас; вы будете *первыми мертвецами*. Итак, явите мужество: умрите велико-

[1] Выступить на позорище — совершить неблаговидный поступок.

душно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поругание изменникам!» Сии слова произвели сильное действие в сердце бояр; они содрогнулись и, безмолвствуя, вышли в переднюю комнату, где дьяк Иван Михайлов держал крест, а князь Владимир Воротынский стоял подле него. Все присягали в тишине и с видом умиления, моля Всевышнего, да спасет Иоанна или да будет сын его подобен ему для счастия России! Один князь Иван Пронский-Турунтай, взглянув на Воротынского, сказал ему: «Отец твой и ты сам был первым изменником по кончине великого князя Василия; а теперь приводишь нас к Святому кресту!» Воротынский отвечал ему спокойно: «Да, я изменник, а требую от тебя клятвы быть верным государю нашему и сыну его; ты праведен, а не хочешь дать ее!» Турунтай замешался и присягнул.

Но сей священный обряд не всех утвердил в верности. Князь Димитрий Палецкий, сват государев, тесть Юрия, тогда же послал зятя своего, Василья Бороздина, к князю Владимиру Андреевичу и к матери его сказать им, что если они дадут Юрию удел, назначенный ему в духовном завещании великого князя Василия, то он (Палецкий) готов, вместе с другими, помогать им и возвести их на престол! Еще двое из вельмож оставались в подозрении: князь Дмитрий Курлятев, друг Алексея Адашева, и казначей Никита Фуников; они не были во дворце за болезнию, но, по уверению доносителей, имели тайное сношение с князем Владимиром Андреевичем. Курлятев на третий день, когда уже все затихло, велел нести себя во дворец и присягнул Димитрию: Фуников также, но последний. Сам князь Владимир Андреевич обязался клятвенною грамотою *не думать о царстве* и в случае Иоанновой кончины повиноваться Димитрию как своему законному государю; а мать Владимирова долго не хотела приложить княжеской печати к сей грамоте; наконец исполнила решительное требование бояр, сказав: «Что значит присяга *невольная*?»

Сии два дни смятения и тревоги довели слабость болящего до крайней степени; он казался в усыплении, которое могло быть преддверием смерти. Но действия природы неизъяснимы: чрезвычайное напряжение сил иногда губит, иногда спасает в жестоком недуге. В каком волнении была душа Иоаннова? Жизнь мила в юности: его жизнь украшалась еще славою и

всеми лестными надеждами венценосной добродетели. В кипении сил и чувствительности касаться гроба, падать с престола в могилу, видеть страшное изменение в лицах: в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах — непослушание, строптивость; государю самовластному уже зависеть от тех, коих судьба зависела прежде от его слова; смиренно молить их, да спасут, хотя в изгнании, жизнь и честь его семейства! Иоанн перенес ужас таких минут; огнь души усилил деятельность природы, и болящий выздоровел, к радости всех и к беспокойству некоторых. Хотя князь Владимир Андреевич и единомышленники его исполнили наконец волю Иоаннову и присягнули Димитрию; но мог ли самодержец забыть мятеж их и муку души своей, ими растерзанной в минуты его борения с ужасами смерти?..

Что ж сделал Иоанн? Встал с одра исполненный милости ко всем боярам, благоволения и доверенности к прежним друзьям и советникам; дал сан боярский отцу Адашева, который смелее других опровергал царское завещание; честил, ласкал князя Владимира Андреевича; одним словом, не хотел помнить, что случилось в болезнь его, и казался только признательным к Богу за свое чудесное исцеление!

Такова была наружность; но в сердце осталась рана опасная. Иоанну внушали, что не только Сильвестр, но и юный Адашев тайно держал сторону князя Владимира. Не сомневаясь в их усердии ко благу России, он начал сомневаться в их личной привязанности к нему; *уважая* того и другого, простыл к ним в *любви*; обязанный им главными успехами своего царствования, страшился быть неблагодарным и соблюдал единственно пристойность; шесть лет усердно служив добродетели и вкусив всю ее сладость, не хотел изменить ей, не мстил никому явно, но с усилием, которое могло ослабеть в продолжение времени. Всего хуже было то, что супруга Иоаннова, дотоле согласно с Адашевым и Сильвестром питав в нем любовь к святой нравственности, отделилась от них тайною неприязнью, думая, что они имели намерение пожертвовать ею, сыном ее и братьями выгодам своего особенного честолюбия. Анастасия способствовала, как вероятно, остуде Иоаннова сердца к друзьям. С сего времени он неприятным образом почувствовал свою от них зависимость и находил иногда удовольствие не согла-

22 Зак. № 39

шаться с ними, делать по-своему: в чем, как пишут, еще более утвердило царя следующее происшествие.

Исполняя обет, данный им в болезни, Иоанн объявил намерение ехать в монастырь Св. Кирилла Белозерского вместе с царицею и сыном. Сие отдаленное путешествие казалось некоторым из его ближних советников неблагоразумным: представляли ему, что он еще не совсем укрепился в силах; что дорога может быть вредна и для младенца Димитрия; что важные дела, в особенности бунты казанские, требуют его присутствия в столице. Государь не слушал сих представлений и поехал сперва в обитель Св. Сергия. Там, в старости, тишине и молитве жил славный Максим Грек, сосланный в Тверь великим князем Василием, но освобожденный Иоанном как невинный страдалец. Царь посетил келию сего добродетельного мужа, который, беседуя с ним, начал говорить об его путешествии. «Государь! — сказал Максим, вероятно, по внушению Иоанновых советников,— пристойно ли тебе скитаться по дальним монастырям с юною супругою и с младенцем? Обеты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к Небесной благости, то благотвори на престоле. Завоевание Казанского царства, счастливое для России, было гибелию для многих христиан; вдовы, сироты, матери избиенных льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело царское!» Иоанн не хотел отменить своего намерения. Тогда Максим, как уверяют, велел сказать ему чрез Алексея Адашева и князя Курбского, что царевич Димитрий будет жертвою его упрямства. Иоанн не испугался пророчества: поехал в Дмитров, в Песношский Николаевский монастырь, оттуда на судах реками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною в обитель Св. Кирилла и возвратился чрез Ярославль и Ростов в Москву без сына: предсказание Максимово сбылося: Димитрий скончался [июнь 1553 г.] в дороге.— Но важнейшим обстоятельством сего так называемого *Кирилловского езда* было Иоанново свидание в монастыре Песношском, на берегу Яхромы, с бывшим коломенским епископом Вассианом, который пользовался некогда особенною милостию великого князя Василия, но в боярское правление лишился епархии за свое лукавство и жестокосердие. Маститая старость не смягчила в нем

души: склоняясь к могиле, он еще питал мирские страсти в груди, злобу, ненависть к боярам. Иоанн желал лично узнать человека, заслужившего доверенность его родителя; говорил с ним о временах Василия и требовал у него совета, как лучше править государством. Вассиан ответствовал ему на ухо: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться — повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож. Советник мудрейший государя неминуемо овладеет им». Сии ядовитые слова проникли во глубину Иоаннова сердца. Схватив и поцеловав Вассианову руку, он с живостию сказал: *сам отец мой не дал бы мне лучшего совета*!.. «Нет, государь! — могли бы мы возразить ему: — нет! Совет, тебе данный, внушен духом лжи, а не истины. Царь должен не властвовать только, но властвовать благодетельно: его мудрость как человеческая, имеет нужду в пособии других умов, и тем превосходнее в глазах народа, чем мудрее советники, им выбираемые. Монарх, опасаясь *умных*, впадет в руки *хитрых*, которые в угодность ему притворятся даже глупцами; не пленяя в нем разума, пленят страсть и поведут его к своей цели. Цари должны опасатья не мудрых, а коварных или бессмысленных советников». С такими или подобными рассуждениями описывает князь Курбский злую беседу старца Вассиана, которая, по его уверению, растлила душу юного монарха.

Но еще долгое время он не переменялся *явно*: чтил мужей добролюбивых, с уважением слушал наставления Сильвестровы, ласкал Адашева и дал ему сан окольничего, употребляя его, вместе с дьяком Михайловым, в важнейших делах внешней политики. Чрез девять месяцев, утешенный рождением второго сына [24 марта 1554 г.], Иоанн, государь в новом, тогда написанном завещании показал величайшую доверенность к брату, князю Владимиру Андреевичу: объявил его, в случае своей смерти, не только опекуном юного царя, не только государственным правителем, но и наследником трона, если царевич Иоанн скончается в малолетстве; а князь Владимир дал клятву быть верным совести и долгу, не щадить ни самой матери, княгини Ефросинии, если бы она замыслила какое зло против Анастасии или сына ее; не знать ни мести, ни прист-

растия в делах государственных, не вершить оных без ведома царицы, митрополита, думных советников и не держать у себя в московском доме более ста воинов. — В самых справедливых наказаниях государь, как и прежде, следовал движениям милосердия; например: князь Симеон Ростовский, знатный вельможа, оказав себя в болезнь государя противником его воли, не мог быть спокоен духом; не верил наружной тихости Иоанновой, мучился страхом, вздумал бежать в Литву с братьями и племянниками; сносился с королем Августом, с литовскими думными панами, открывал им государственные тайны, давал вредные для нас советы, чернил царя и Россию. Он послал к королю своего ближнего, князя Никиту Лобанова-Ростовского: его остановили в Торопце, допросили, узнали измену; и князь Симеон, взятый под стражу, сам во всем признался, извиняясь скудостию и малоумием. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь: но государь, вняв молению духовенства, смягчил решение суда: князя Симеона *выставили на позор* и заточили на Белоозеро. — В деле иного рода оказалось также милосердие Иоанново. Донесли государю, что возникает опасная ересь в Москве; что некто Матвей Башкин проповедует учение совсем не христианское, отвергает таинства нашей Веры, Божественность Христа, деяния Соборов и святость Угодников Божиих. Его взяли в допрос: он заперся, называя себя истинным христианином; но, посаженный в темницу, начал тосковать, открыл ересь свою ревностным инокам Иосифовского монастыря, Герасиму и Филофею; сам описал ее, наименовал единомышленников, Ивана и Григорья Борисовых, монаха Белобаева и других; сказал, что развратителями его были католики, аптекарь Матвей Литвин и Андрей Хотеев; что какие-то заволжские старцы в искренней беседе с ним объявили ему такое же мнение о Христе и Святых; что будто бы рязанский епископ Кассиан благоприятствовал их заблуждению, и проч. Царь и митрополит, Собором уличив еретиков, не хотели употребить жестокой казни: осудили их единственно на заточение, да не сеют соблазна между людьми; а епископа Кассиана, разбитого параличом, отставили.

Доказав, что болезнь и горестные ее следствия не ожесточили его сердца — что он умеет быть выше обыкновенных страстей человеческих и забывать личные, самые чувствитель-

ные оскорбления — Иоанн с прежнею ревностию занялся делами государственными, из коих главным было тогда усмирение завоеванного им царства. Он послал Данила Адашева, брата Алексеева, с детьми боярскими и с вятчанами на Каму; а знаменитых доблестию воевод, князя Симеона Микулинского, Ивана Шереметева и князя Андрея Михайловича Курбского в Казань со многими полками. Они выступили зимою, в самые жестокие морозы; воевали целый месяц в окрестностях Камы и Меши; разорили там новую крепость, сделанную мятежниками; ходили за Ашит, Уржум, до самых вятских и башкирских пределов; сражались ежедневно в диких лесах, в снежных пустынях; убили 10 000 неприятелей и двух злейших врагов России, князя Янчуру измаильтянина и богатыря черемисского Алеку; взяли в плен 6000 татар, а жен и детей 15 000. Князья Иван Мстиславский и Михайло Васильевич Глинский воевали луговую черемису, захватили 1600 именитых людей, князей, мурз, чиновников татарских и всех умертвили. Воеводы и сановники, действуя ревностно, неутомимо, получили от государя *золотые медали*, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вместо нынешних крестов орденских. — Еще бунт не угасал: еще беглецы казанские укрывались в ближних и дальних местах, везде волнуя народ; грабили, убивали наших купцов и рыболовов на Волге; строили крепости; хотели восстановить свое царство. Один из луговых сотников, мамич Бердей, призвав какого-то ногайского князя, дал ему имя царя, но сам умертвил его как неспособного и малодушного: отрубив ему голову, взоткнул ее на высокое дерево и сказал: «Мы взяли тебя на царство для войны и победы; а ты с своею дружиною умел только объедать нас! Теперь да царствует голова твоя на высоком престоле!» Сего опасного мятежника горные жители заманили в сети: дружелюбно звали к себе на пир, схватили и отослали в Москву: за что государь облегчил их в налогах. Несколько раз земля Арская присягала и снова изменяла: Луговая же долее всех упорствовала в мятеже. Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали. Без пощады губя вероломных, Иоанн награждал верных: многие казанцы добровольно крестились, другие, не оставляя закона отцов своих, вместе с первыми служили России. Им давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконец усилия бун-

товщиков ослабели; вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены, другие (Чебоксары, Лаишев) вновь построены нами и заняты стрельцами. Вотяки, черемисы, самые отдаленные башкирцы приносили дань, требуя милосердия. Весною в 1557 году Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами, послал стряпчего, Семена Ярцова, с объявлением, что ужасы ратные миновались и что народы ее могут благоденствовать в тишине как верные подданные белого царя. Он милостиво принял в Москве их старейшин и дал им жалованные грамоты.

С того времени Казань сделалась мирною собственностию России, сохраняя имя царства в титуле наших монархов. Иоанн в 1553 году Собором духовенства уставил ее для новых христиан особенную епархию; дал ей архиепископа, уступающего в старейшинстве одному новогородскому владыке; подчинил его духовному ведомству Свияжск, Васильгород и Вятку; определил в жалованье на церковные расходы десятину из доходов казанских. Первым святителем был там Гурий, игумен Селижарова монастыря. С какою ревностию сей добродетельный муж, причисленный нашею церковию к лику Угодников Божиих, насаждал в своей пастве Веру Спасителеву средствами истинно христианскими, учением любви и кротости, с таким усердием наместник государев, князь Петр Иванович Шуйский, образовал сей новый край в гражданском порядке, изглаждая следы опустошений, водворяя спокойствие, оживляя торговлю и земледелие. Села царские и княжеские были отданы архиепископу, монастырям и детям боярским.

Совершилось и другое, менее трудное, но также славное завоевание. Издревле, еще до начала державы Российской, при устье Волги существовал город козарский, знаменитый торговлею, Атель, или Балангиар; в XIII веке он принадлежал аланам, именуемый Сумеркентом, а в наших летописях сделался известен под именем *Асторокани*, будучи владением Золотой Орды, и со времени ее падения столицею особенных ханов, единоплеменных с ногайскими князьями. Теснимые черкесами, крымцами, сии ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и последний из них, Ямгурчей, хотел даже, как мы видели, быть данником Иоанновым, но, обольщенный покровительством султана, обманул государя: пристал к Девлет-

Гирею и к Юсуфу, ногайскому князю, отцу Сююнбекину, который возненавидел Россию за плен его дочери и внука, сверженного нами с престола казанского. Посла московского обесчестили в Астрахани и держали в неволе: государь воспользовался сим случаем, чтобы, по мнению тогдашних *книжников*, возвратить России ее древнее достояние, где будто бы княжил некогда сын св. Владимира, Мстислав: ибо они считали *Астрахань* древним *Тмутороканем*, основываясь на сходстве имен. Мурзы ногайские, Исмаил и другие, неприятели Юсуфовы, утверждали Иоанна в сем намерении: молили его, чтобы он дал Астрахань изгнаннику Дербышу, их родственнику, бывшему там царем прежде Ямгурчея, и хотели помогать нам всеми силами. Государь, призвав Дербыша из ногайских улусов, весною в 1554 году послал с ним на судах войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло из царских дворян, жильцов, лучших детей боярских, стрельцов, козаков, вятчан. Предводителями были князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин и постельничий Игнатий Вешняков, муж отлично храбрый. 29 июня, достигнув Переволоки, Шемякин отрядил вперед князя Александра Вяземского, который близ Черного острова встретил и побил несколько сот астраханцев, высланных разведать о нашей силе. Узнали от пленников, что Ямгурчей стоит пять верст ниже города, а татары засели на островах, в своих улусах. Россияне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, где 200 лет государи наши унижались пред ханами Золотой Орды; но там были уже одни развалины! Видеть, во время славы, памятники минувшего стыда легче, нежели во время уничижения видеть памятники минувшей славы!.. В сей некогда ужасной стране, *полной мечей и копий*, обитала тогда безоружная, мирная робость: все бежало — и граждане и царь. Шемякин 2 июля вступил в безлюдную Астрахань; а князь Вяземский нашел в Ямгурчеевом стане немало кинутых пушек и пищалей. Гнались за бегущими во все стороны, до Белого озера и Тюмени: одних убивали, других вели в город, чтобы дать подданных Дербышу, объявленному царем в пустынной столице. Ямгурчей с двадцатью воинами ускакал в Азов. Настигли только жен и дочерей его; также многих знатных чиновников, которые все хотели служить Дербышу и зависеть от России, требуя единственно жизни и свободы личной. Их представили новому царю: он

велел им жить в городе, распустив народ по улусам. Князей и мурз собралося пятьсот, а простых людей десять тысяч. Они вместе с Дербышем клялися в том, чтобы повиноваться Иоанну как верховному своему властителю, присылать ему 40 тысяч алтын и 3 тысячи рыб как ежегодную дань, а в случае Дербышевой смерти нигде не искать себе царя, но ждать, кого Иоанн или наследники его пожалуют им в правители. В клятвенной грамоте, скрепленной печатями, сказано было, что россияне могут свободно ловить рыбу от Казани до моря, вместе с астраханцами, *безданно* и *безъявочно*[1]. — Учредив порядок в земле, оставив у Дербыша козаков (с дворянином Тургеневым) для его безопасности и для присмотра за ним, князь Шемякин и Вешняков возвратились в Москву с пятью взятыми в плен царицами и с великим числом освобожденных россиян, бывших невольниками в астраханских улусах.

Весть о сем счастливом успехе государь получил 29 августа, в день своего рождения, празднуя его в селе Коломенском с митрополитом и со всем двором: изъявил живейшую радость; уставил церковное молебствие; милостиво наградил воевод; встретил пленных цариц с великою честию и в удовольствие Дербышу отпустил назад в Астрахань, кроме младшей из них, которая на пути родила сына и вместе с ним крестилась в Москве: сына назвали *царевичем Петром*, а мать Иулианиею, и государь женил на ней своего именитого дворянина, Захарию Плещеева. — Недолго Астрахань была еще особенным царством: скоро вероломство Дербыша доказало необходимость учредить в ней российское правительство: ибо нет надежной средины между независимостию и совершенным подданством державы. Мужеством наших козаков отразив изгнанника Ямгурчея, хотевшего завоевать Астрахань с помощию крымцев и сыновей ногайского князя Юсуфа, Дербыш замыслил измену: несмотря на то, что государь снисходительно уступил его народу всю дань первого года, он тайно сносился с ханом Девлет-Гиреем, взяв к себе царевича крымского Казбулата в должность калги. Голова стрелецкий, Иван Черемисинов, с новою воинскою дружиною был послан обличить и наказать изменника. Дербыш

---

[1] Безданно и безъявочно — то есть не платя дани (подати) и явки (пошлины).

снял с себя личину, вывел всех жителей из города, соединился с толпами ногайскими, крымскими и дерзко начал войну, ободренный малочисленностью россиян. Но у нас был искренний, ревностный друг: князь ногайский Исмаил, своим ходатайством доставив престол сему неблагодарному, помог Черемисинову — и Дербыш, разбитый наголову (в 1557 году), по следам Ямгурчея бежал в Азов. Тогда все жители, удостоверенные в безопасности, возвратились в город и в окрестные улусы, дали присягу России и не думали уже изменять, довольные своим жребием под властию великой державы, которой сила могла быть им защитою от Тавриды и ногаев. Черемисинов утвердил за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложил всех данию легкою, наблюдал справедливость, приобрел общую любовь и доверенность; одним словом, устроил все наилучшим образом для пользы жителей и России.

С того времени государь в подписи своих грамот начал означать лета казанского и астраханского завоеваний, коих эпоха есть без сомнения самая блестящая в нашей истории средних веков. Громкое имя *покорителя царств* дало Иоанну, в глазах россиян-современников, беспримерное величие и возвысило их государственное достоинство, пленяя честолюбие, питая гордость народную, удивительную для иноземцев, которые не понимали ее причины, ибо видели только гражданские недостатки наши в сравнении с другими европейскими народами и не сравнивали России Василия Темного с Россиею Иоанна IV: первый имел только 1500 воинов для ее защиты, а второй взял чуждое царство отрядом легкого войска, не трогая своих главных полков. Между сими происшествиями минуло едва столетие, и народ мог естественно возгордиться столь быстрыми шагами к величию. Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственных успехов древней России, если не вникнем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на месте предков и не будем смотреть их глазами на вещи и деяния, без обманчивого соображения с новейшими временами, когда все изменилось, умножились средства, прозябли семена и насаждения[1]. Великие усилия рождают великое: а в

---

[1] Прозябли семена и насаждения — проросли семена и взошло посаженное.

творениях государственных начало едва ли не труднее совершения.

Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ее торговля и политическое влияние распространились. Звук оружия изгнал чужеземных купцов из Астрахани: спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика со всякими товарами, весьма охотно платя в государеву казну уставленную пошлину. *Цари* хивинский и бухарский прислали своих знатных людей в Москву с дарами, желая благоволения Иоаннова и свободной торговли в России. Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотели быть в нашем подданстве. Князья черкесские, присягнув государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать султанские владения и Тавриду. Иоанн ответствовал, что султан в мире с Россиею, но что мы всеми силами будем оборонять их от хана Девлет-Гирея. Вера Спасителева, насажденная между Черным и Каспийским морем в самые древние времена империи Византийской, еще не совсем угасла в сих странах; оставались ее темные предания и некоторые обряды: известность и могущество России оживили там память христианства и любовь к оному. Князья крестили детей своих в Москве, отдавали их на воспитание царю,— некоторые сами крестились. Сын князя Сибока, Кудадек-Александр, и Темрюков, Салтанук-Михаил, учились грамоте во дворце Кремлевском вместе с Сююнбекиным сыном.— Признательный к усердию союзных с нами ногаев, государь позволил им кочевать в зимнее время близ самой Астрахани: они мирно и спокойно в ней торговали. Князь Исмаил, убив своего брата, Юсуфа, писал к Иоанну из городка Сарайчика: «Врага твоего уже нет на свете; племянники и дети мои единодушно *дали мне поводы узд своих*: я властвую надо всеми улусами». Он советовал россиянам основать крепость на Переволоке, а другую на Иргизе (в нынешней Саратовской губернии), где скитались некоторые беглые ногайские мурзы, не хотевшие ему повиноваться и быть нам друзьями. Утверждая приязнь дарами и ласками, государь однако ж не дозволял Исмаилу в шертных грамотах называться ни *отцом* его, ни *братом*, считая то унизительным для российского монарха.

Слух о наших завоеваниях проник и в отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынешней Тобольской губернии, было давно известно в Москве от наших югорских и пермских данников. Там господствовали князья могольские, потомки Батыева брата Сибана, или Шибана. Вероятно, что они и прежде имели сношения с Россиею и даже признали себя в некоторой зависимости от сильного его царя: Иоанн уже в 1554 году именовался в грамотах властителем Сибири; но летописи молчат о том до 1555 года: в сие время князь сибирский Едигер прислал двух чиновников в Москву поздравить государя со взятием Казани и Астрахани. Дело шло не об одной учтивости: Едигер вызвался платить дань России с условием, чтобы мы утвердили спокойствие и безопасность его земли. Государь уверил послов в своей милости, взял с них клятву в верности и дал им *жалованную грамоту*. Они сказали, что в Сибири 30 700 жителей: Едигер хотел с каждого человека давать нам ежегодно по соболю и белке. Сын боярский, Дмитрий Куров, поехал в Сибирь, чтобы обязать присягою князя и народ; возвратился в конце 1556 года с новым послом Едигеровым и, вместо обещанных *тридцати тысяч*, привез только 700 соболей. Едигер писал, что земля его, разоренная шибанским царевичем, не может дать более; но Куров говорил противное, и царь велел заключить посла сибирского. Наконец, в 1558 году, Едигер доставил в Москву дань полную, с уверением, что будет впредь исправным плательщиком. — Таким образом Россия открыла себе путь к неизмеримым приобретениям на севере Азии, неизвестном дотоле ни историкам, ни географам образованной Европы.

Сие достопамятное время Иоаннова царствования прославилось еще тесным союзом России с одною из знаменитейших держав европейских, которая была вне ее политического горизонта, едва знала об ней по слуху и вдруг, нечаянно, нашла доступ к самым отдаленным, всех менее известным странам государства Иоаннова, чтобы с великою выгодою для себя дать нам новые средства обогащения, новые способы гражданского образования. Еще Англия не была тогда первостепенною морскою державою, но уже стремилась к сей цели, соревнуя Испании, Португалии, Венеции и Генуе; хотела проложить путь в Китай, в Индию Ледовитым морем, и весною в 1553 году,

в царствование юного Эдуарда VI, послала три корабля в океан Северный. Начальниками их были Гуг Виллоби и капитан Ченселер. Разлученные бурею, сии корабли уже не могли соединиться: два из них погибли у берегов российской Лапландии в пристани Арцине, где Гуг Виллоби замерз со всеми людьми своими: зимою в 1554 году рыбаки лапландские нашли его мертвого, сидящего в шалаше за своим журналом. Но капитан Ченселер благополучно доплыл до Белого моря; 24 августа 1553 года вошел в Двинский залив и пристал к берегу, где был тогда монастырь Св. Николая и где после основан город Архангельск. Англичане увидели людей, изумленных явлением большого корабля; сведали от них, что сей берег есть российский; сказали, что имеют от короля английского письмо к царю и желают завести с нами торговлю. Дав им съестные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца к Иоанну, который тотчас понял важность сего случая, благоприятного для успехов нашей торговли, — велел Ченселеру быть в Москву и доставил ему все возможные удобности в пути. Представленные государю, англичане с удивлением увидели, по их словам, *беспримерное* велелепие его двора: ряды красивых чиновников, круг сановитых бояр в златых одеждах, блестящий трон и на нем юного самодержца в блистательной короне, окруженного величием и безмолвием. Ченселер подал следующую грамоту Эдуардову, писанную на разных языках *ко всем северным и восточным государям*:

«Эдуард VI вам, цари, князья, властители, судии земли, во всех странах под солнцем, желает мира, спокойствия, чести, вам и странам вашим! Господь всемогущий даровал человеку сердце дружелюбное, да благотворит ближним и в особенности странникам, которые, приезжая к нам из мест отдаленных, ясно доказывают тем превосходную любовь свою к братскому общежитию. Так думали отцы наши, всегда гостеприимные, всегда ласковые к иноземцам, требующим покровительства. Все люди имеют право на гостеприимство, но еще более купцы, презирая опасности и труды, оставляя за собою моря и пустыни, для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальние и взаимно обогатиться их произведениями: ибо Господь вселенной рассеял дары его благости, чтобы народы имели нужду друг в друге и чтобы взаимными услугами

утверждалась приязнь между людьми. С сим намерением некоторые из наших подданных предприяли дальнее путешествие морем и требовали от нас согласия. Исполняя их желание, мы позволили мужу достойному, Гугу Виллоби, и товарищам его, нашим верным слугам, ехать в страны, доныне неизвестные, и меняться с ними избытком: брать, чего не имеем, и давать, чем изобилуем, для обоюдной пользы и дружества. Итак, молим вас, цари, князья, властители, чтобы вы свободно пропустили сих людей чрез свои земли: ибо они не коснутся ничего без вашего дозволения. Не забудьте человечества. Великодушно помогите им в нужде и приимите от них, чем могут вознаградить вас. Поступите с ними, как хотите, чтобы мы поступили с вашими слугами, если они когда-нибудь к нам заедут. А мы клянемся Богом, Господом всего сущего на небесах, на земле и в море, клянемся жизнию и благом нашего царства, что всякого из ваших подданных встретим как единоплеменника и друга, из благодарности за любовь, которую окажете нашим. За сим молим Бога Вседержителя, да сподобит вас земного долголетия и мира вечного. Дано в Лондоне, нашей столице, в лето от сотворения мира 5517, царствования нашего в 7».

Англичане, принятые милостиво, обедали у государя в Золотой палате и с новым изумлением видели пышность царскую. Гости, числом более ста, ели и пили из золотых сосудов; одежда ста пятидесяти слуг также сияла золотом.— После сего Ченселер имел переговоры с боярами и был весьма доволен оными. Его немедленно отпустили назад (в феврале 1554 года) с ответом Иоанновым. Царь писал к Эдуарду, что он, искренне желая быть с ним в дружбе, согласно с учением Веры христианской, с правилами истинной науки государственной и с лучшим его разумением, готов сделать все ему угодное; что, приняв ласково Ченселера, так же примет и Гуга Виллоби, если сей последний будет у нас; что дружба, защи́та, свобода и безопасность ожидают английских послов и купцов в России.— Эдуарда не стало: Мария царствовала в Англии,— и Ченселер, вручив ей Иоаннову грамоту с немецким переводом, произвел своими вестями живейшую радость в Лондоне. Все говорили о России как о *вновь открытой земле*; хотели знать ее любопытную историю, географию, и немедленно составилось

общество купцов для торговли с нею. В 1555 году Ченселер вторично отправился к нам на двух кораблях с поверенными сего общества, Греем и Киллингвортом, чтобы заключить торжественный договор с царем, коему Мария и супруг ее, Филипп, письменно изъявили благодарность в самых сильных выражениях. Иоанн с новою милостию принял Ченселера и его товарищей в Москве; обедая с ними, обыкновенно сажал их перед собою; говорил ласково и называл королеву Марию любезнейшею сестрою. Учредили особенный совет для рассмотрения прав и вольностей, коих требовали англичане: в нем присутствовали и купцы московские. Положили, что главная мена товаров будет в Колмогорах, осенью и зимою; что цены остаются произвольными, но что всякие обманы в купле судятся как уголовное преступление. Иоанн дал наконец торговую жалованную грамоту англичанам, уставив в ней, что они могут свободно купечествовать во всех городах России, без всякого стеснения и не платя никакой пошлины — везде жить, иметь домы, лавки — нанимать слуг, работников и брать с них присягу в верности; что за всякую вину ответствует только виновный, а не общество; что государь, как законный судия, имеет право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имения; что они изберут старейшину для разбора ссор и тяжб между ими; что наместники государевы обязаны деятельно помогать ему в случае нужды для усмирения ослушных и давать орудия казни; что нельзя взять англичанина под стражу, если старейшина объявит себя его порукою; что правительство немедленно удовлетворяет их жалобам на россиян и строго казнит обидчиков.— Главными из товаров, привезенных англичанами в Россию, были сукна и сахар. Купцы наши предлагали им 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунт сахару; но сия цена казалась для них низкою.

С того времени пристань Св. Николая — где кроме бедного уединенного монастыря было пять или шесть домиков — оживилась и сделалась важным торговым местом. Англичане построили там особенный красивый дом, а в Колмогорах несколько обширных дворов для складки товаров. Им дали землю, огороды, луга.— Между тем, надеясь открыть путь чрез Ледовитое море в Китай, капитан их, Стефан Борро, от устья

Двины доходил до Новой Земли и Вайгача, но, устрашенный бурями и ледяными громадами, в исходе августа месяца возвратился в Колмогоры.

В 1556 году Ченселер отплыл в Англию с четырьмя богато нагруженными кораблями и с посланником государевым, Иосифом Непеею, вологжанином. Счастие, дотоле всегда благоприятное сему искусному мореплавателю, изменило ему: буря рассеяла его корабли; только один из них вошел в пристань Лондонскую. Сам Ченселер утонул близ шотландских берегов; спасли только посланника Иоаннова, который, лишась всего, был осыпан в Лондоне дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто сорок купцов со множеством слуг, все на прекрасных лошадях, в богатой одежде, выехали к нему навстречу. Он сел на коня, великолепно украшенного, и, окруженный старейшинами купечества, въехал в город. Любопытные жители лондонские теснились в улицах, приветствуя посланника громкими восклицаниями. Ему отвели один из лучших домов, где богатство уборов отвечало роскоши ежедневного угощения; угадывали, предупреждали всякое желание гостя; то звали его на пиры, то водили обозревать все достопамятности Лондона, дворцы, храм Св. Павла, Вестминстер, крепость, ратушу. Принятый Мариею, с отменным благоволением, Непея в торжественный день Ордена Подвязки сидел в церкви на возвышенном месте близ королевы. Нигде не оказывалось такой чести русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Иоаннова лица умел заслужить весьма лестный отзыв английских министров: они донесли королеве, что его ум в делах равняется с его благородною важностию в поступках. Вместе с грамотою царскою вручив Марии и Филиппу несколько соболей, Непея сказал, что богатейшие дары Иоанновы во время Ченселерова кораблекрушения были расхищены шотландцами. Королева послала к царю самые лучшие произведения английских суконных фабрик, блестящий доспех, льва и львицу; а старейшины Российского торгового общества, в последний раз великолепно угостив Непею в зале лондонских суконников, объявили, что не двор, не казна, но их общество взяло на себя все издержки, коих требовало его пребывание в Англии, и что они сделали то с живейшим удовольствием, в знак своей добросердечной, ревностной, *нежной* дружбы к нему и к России.

Он получил от них в дар золотую цепь во сто фунтов стерлингов и пять драгоценных сосудов; возвратился на английском корабле в сентябре 1557 года и привез в Москву ремесленников, рудокопов и медиков, в числе коих был искусный доктор Стендиш. Так Россия пользовалась всяким случаем заимствовать от иноземцев нужнейшее для ее гражданского образования.

С удовольствием читая ласковые письма Марии и Филиппа, которые именовали его в оных *великим императором*; слыша от Непеи, сколько чести и приязни оказали ему в Лондоне и двор и народ, Иоанн обходился с англичанами как с любезнейшими гостями России, велел отвести им домы во всех торговых городах, в Вологде, в Москве и лично приветствовал их столь милостиво, что они не могли без чувства живейшей благодарности писать о том к своим лондонским знакомцам. Главный начальник английских кораблей, прибывших в 1557 году к устью Двины, Антоний Дженкисон, ездил из Москвы в Астрахань, чтобы завести торговлю с Персиею: изъявляя совершенную доверенность к видам лондонского купечества, государь обещал доставить оному все способы для сего дальнего перевоза товаров.— Одним словом, связь наша с Британиею, основываясь на взаимных выгодах без всякого опасного совместничества в политике, имела какой-то особенный характер искренности и дружелюбия, служила доказательством мудрости царя и придала новый блеск ее царствованию.— Открытием англичан немедленно воспользовались и другие купцы европейские: из Голландии, из Брабанта начали приходить корабли к северным берегам России и торговать с нею в Корельском устье: что продолжалось от 1555 до 1557 года.

Сии достопамятные происшествия были не единственным предметом Иоанновой деятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персии, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россия воевала и с ханом Девлет-Гиреем, и с Швециею, и с Ливониею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное падение Казанского царства приводило в ужас Тавриду: Девлет-Гирей, кипя злобою, хотел бы поглотить Россию; но чувствовал нашу силу, ждал времени, манил Иоанна мирными обещаниями и грозил нападением. В 1553 году царь

стоял с полками в Коломне, ожидая хана; но хан прислал в Москву грамоту шертную: соглашаясь быть нам другом, он требовал богатых даров и называл Иоанна только великим князем. Государь писал ему в ответ, что мы не *покупаем дружбы*, и скромно известил его о взятии Астрахани. Тогда некоторые из думных советников предлагали государю довершить великое дело славы, безопасности, благоденствия нашего завоеванием последнего царства Батыева[1]; и если бы он исполнил их совет, то предупредил бы двумя веками знаменитое дело Екатерины Второй: ибо вероятно, что Крым не мог бы противиться усилиям России, которая уже стояла пятою на двух, лежащих пред нею царствах, и смотрела на третий как на лестную добычу: двести тысяч победителей готовы были ударить на гнездо хищников, способных более к разбоям, нежели к войне оборонительной. Есть время для завоеваний: оно проходит и долго не возвращается. Но сия мысль казалась еще дерзкою: путь к Крыму еще не был знаком войску; степи, даль, трудность продовольствия устрашали. Сверх того Иоанн опасался раздражить султана, верховного властителя Тавриды, с коим мы находились в дружественных сношениях: возбуждая против нас князей ногайских, он таил свою неприязнь и в знак уважения писал *золотыми буквами* к Иоанну, именовал его *царем счастливым* и *правителем мудрым*; напоминал ему о *старой любви* и присылал в Москву купцов за товарами. Еще и другая мысль склоняла государя щадить Тавриду: он надеялся, подобно своему деду, употреблять ее ханов в орудие нашей политики, чтобы вредить или угрожать Литве. Уже опыты доказывали ненадежность сего орудия; но мы хотели новых опытов, чтобы удостовериться в необходимости истребления варваров, и оставили в их руке огнь и меч на Россию!

Видя ложь, обманы Девлет-Гирея и сведав, что он идет воевать землю пятигорских черкесов, наших друзей, государь (в июне 1555 года) послал воеводу Ивана Шереметева из Белева Муравскою дорогою с тринадцатью тысячами детей боярских, стрельцов и козаков в Мамаевы луга, к Перекопи, чтобы отогнать стада ханские. Но Девлет-Гирей от Изюмского кургана

---

[1] Речь идет о Крымском ханстве.

своротил влево и вдруг устремился к пределам России, имея тысяч шестьдесят войска. Шереметев, находясь близ Святых гор и Донца, открыл сие движение неприятеля, уведомил государя и пошел вслед за ханом к Туле. Сам Иоанн немедленно выступил из Москвы с князем Владимиром Андреевичем, царем казанским Симеоном, со всеми воеводами и детьми боярскими; уже не хотел, как бывало в старину, ждать крымцев на Оке, но спешил встретить их далее в поле. Девлет-Гирей был между двумя войсками и не знал того. Нескромность дьяков государевых спасла его от гибели: они писали из Москвы к наместникам украинским, что хан в сетях; что спереди царь, сзади Шереметев в одно время стиснут, истребят неприятеля. Наместники разгласили счастливую весть, которая дошла и до хана чрез жителей, захваченных крымцами. В ужасе он решился бежать. Между тем мужественный, деятельный Шереметев взял обоз Девлет-Гиреев, 60 000 коней, 200 аргамаков, 180 вельблюдов; отправил сию добычу во Мценск, в Рязань; остался только с семью тысячами воинов; во 150 верстах от Тулы, на Судбищах, встретил всю неприятельскую силу и не уклонился от битвы: сломил передовой полк, отнял знамя ширинских князей и ночевал на месте сражения. К хану привели двух пленников: их пытали; один молчал, а другой не вынес мук и сказал ему о малом числе россиян. Опасаясь нашего главного войска, но стыдясь уступить победу горсти отважных витязей, Девлет-Гирей утром возобновил нападение всеми полками. Бились часов восемь, и россияне несколько раз видели тыл неприятеля; одни янычары султановы стояли крепко, берегли хана и снаряд огнестрельный. К несчастию, герой Шереметев был ранен: другие воеводы не имели его духа; усилия наши ослабели, а неприятель удвоил свои. Россияне смешались; искали спасения в бегстве. Тут мужественные чиновники, Алексей Басманов и Стефан Сидоров, ударили в бубны, затрубили в трубы, остановили бегущих и засели с двумя тысячами в буераке: хан трижды приступал, не мог одолеть их и, боясь терять время, на закате солнца ушел в степи.

Государь приближался к Туле, когда донесли ему, что Шереметев разбит и что хан будто бы идет к Москве с несметною силою. Люди боязливые советовали царю идти назад за Оку, а смелые — вперед: он послушался смелых и вступил в Тулу,

куда прибыли Шереметев, Басманов, Сидоров с остатком своих воинов. Узнав, что хан спешит к пределам Тавриды и что нельзя догнать его, Иоанн возвратился в Москву. Он милостиво наградил всех усердных сподвижников Шереметева, не победителей, но ознаменованных славою отчаянной битвы. Многие из них умерли от ран, и в том числе храбрый воевода Сидоров, уязвленный пулею и копьем: отслужив царю, он скинул с себя обагренный кровию доспех и скончался в мантии схимника.

В сие время Иоанн должен был обратить внимание на Швецию. Густав Ваза, с беспокойством видя возрастающее могущество России, старался тайно вредить ей: сносился с королем польским, с Ливониею, с герцогом прусским, с Даниею, чтоб общим усилием северных держав противиться опасному Иоаннову властолюбию; и, встревоженный нашею выгодною торговлею с англичанами, убеждал королеву Марию запретить оную как несогласную с благосостоянием Швеции и дающую новые средства избытка, новую силу естественным врагам ее. Несмотря на то, ни Густав, ни царь не хотел кровопролития: первый чувствовал слабость свою, а последний не имел никаких видов на завоевания в Швеции. Но споры о неясных границах произвели войну. Ссылаясь на старый договор короля Магнуса с новогородцами, россияне считали реки Саю и Сестрь пределом обеих держав: шведы выходили за сей рубеж; ловили рыбу, косили сено, пахали землю в наших владениях; именовали Сестреею совсем иную реку и не слушали никаких возражений. Россияне жгли их нивы, а шведы жгли наши села, умертвив несколько боярских детей и посадив одного из них на кол; отняли у нас также несколько погостов в Лапландии и хотели разорить там уединенный монастырь Св. Николая на Печенге, против *Варгава*. Новогородский наместник, князь Димитрий Палецкий, отправил к королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его задержали в Стокгольме как лазутчика по ложному донесению выборгского начальника, и Густав не дал ответа князю Палецкому, желая объясниться письменно с самим царем. Жители Новогородской области вооруженною рукою заняли некоторые спорные места: шведы побили их наголову. Еще с обеих сторон предлагали дружелюбно исследовать взаимные неудовольствия; назначили время и место для съезда

поверенных: шведские не явились. Государь велел князю Ногтеву и воеводам новогородским защитить границу; а Густав, опасаясь нападения, сам прибыл в Финляндию единственно для обороны. Но адмирал его, Иоанн Багге, пылая ревностию отличить себя подвигом славы, убеждал короля предупредить нас; ответствовал ему за успех; донес, что слух носится о внезапной кончине царя; что Россия в смятении; что он надеется собрать двадцать тысяч воинов и проникнуть с ними в средину ее владений. Старец Густав, им обольщенный, согласился действовать наступательно; а Багге немедленно осадил Нотебург, или Орешек, с конницею, пехотою, со многими вооруженными судами: громил стены из пушек и жег наши селения. Россияне взяли меры: крепость оборонялась сильно; с одной стороны князь Ногтев, с другой дворецкий Симеон Шереметев теснили неприятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиков, брали суда. Настала осень, и Багге, потеряв немало людей в течение месяца, возвратился в Финляндию, хвалясь единственно тем, что россияне не могли преградить ему пути и что он везде мужественно отражал их.

Зимою собралося многочисленное войско в Новегороде; а царь оказывал еще миролюбие: воеводы московские писали к королю, что он, бессовестно нарушив перемирие, будет виновником ужасного кровопролития, если в течение двух недель сам не выедет к ним на границу или не пришлет вельмож для рассмотрения обоюдных неудовольствий и для казни обидчиков. Вместо Густава ответствовали выборгские чиновники, что адмирал Багге начал войну без королевского повеления; что шведы, доказав россиянам свое мужество, готовы возобновить старую дружбу с ними. Но сей ответ казался неудовлетворительным: воеводы, князья Петр Щенятев и Димитрий Палецкий, с астраханским царевичем Кайбулою вступили в Финляндию: взяли в оставленном шведами городке Кивене семь пушек, сожгли его и за пять верст от Выборга встретили неприятеля, который, смяв их передовые отряды, расположился на горе. Место давало ему выгоду: Иоанновы искусные воеводы обошли его, напали с тылу, — решили победу и пленили знатнейших сановников королевских. Шведы заключились в Выборге: три дни стреляв по городу, россияне не могли сбить крепких стен; опустошили верега Воксы, разорили Нейшлот и вывели мно-

жество пленников. Летописец говорит, что они продавали человека за гривну, а девку за пять алтын. — Иоанн был доволен воеводами; послал в дар ногайскому князю Исмаилу несколько шведских доспехов и писал к нему: «Вот новые трофеи России! Король *немецкий сгрубил* нам: мы побили его людей, взяли города, истребили селения. Так казним врагов: будь нам другом!»

Густав, от самой юности пример благоразумия между венценосцами, ибо умел быть героем без воинского славолюбия, и великодушно избавив отечество от иноземного тирана, хотел всегда мира, тишины, благоденствия. — Густав на старости мог винить себя в ошибке легкомыслия: видел, что Швеция без союзников не в силах бороться с Россиею, и прислал [1557 г.] сановника Канута в Москву. Он писал к Иоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшего новогородского наместника, князя Палецкого (тогда смененного), и доказывая, что не шведы, а россияне начали войну. Канут представил дары Густавовы: десять *шведских лисиц*, и хотя был посланником недруга, однако ж имел честь обедать с государем, ибо сей недруг уже просил мира. Ответствуя Густаву, царь не соглашался с ним в причинах войны, но соглашался в желании прекратить ее. «Твои люди, — писал он, — делали ужасные неистовства в Корельской земле нашей: не только жгли, убивали, но и ругались над церквами, снимали кресты, колокола, иконы. Жители новогородские требовали от меня *больших полков*, московских, татарских, черемисских и других; воеводы мои пылали нетерпением идти к Абову, к Стокгольму: мы удержали их, ибо не любим кровопролития. Все зло произошло оттого, что ты по своей гордости не хотел сноситься с новогородскими наместниками, знаменитыми боярами великого царства. Если не знаешь, каков Новгород, то спроси у своих купцов: они скажут тебе, что его пригороды более твоего Стокгольма. Оставь надменность, и будем друзьями». Густав оставил ее: послы его, советник государственный Стен Эриксон, архиепископ упсальский Лаврентий, епископ абовский Михаил Агрикола и королевский печатник Олоф Ларсон в феврале 1557 года приехали в Москву на 150 подводах, жили на дворе литовском как бы в заключении, не могли никого видеть, кроме царских чиновников, поднесли Иоанну серебряный кубок с ча-

сами, обедали у него в Грановитой палате и должны были принять все условия, им объявленные. О рубеже не спорили: возобновили старый; но послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всех пленников шведских и чтобы король имел дело единственно с царем. Бояре отвечали: «1) Вы, как виновные, обязаны без выкупа отпустить россиян, купцов и других, вами захваченных; а мы, как правые, дозволяем вам выкупить шведских пленников, у кого их найдете, если они не приняли нашей веры. 2) Не бесчестие, а честь королю иметь дело с новогородскими наместниками. Знаете ли, кто они? Дети или внучата государей литовских, казанских или российских. Нынешний наместник, князь Глинский, есть племянник Михаила Львовича Глинского, столь знаменитого и славного в землях Немецких. Скажем вам также *не в укор*, но единственно *в рассуд*[1]: кто государь ваш? Венценосец, правда; но давно ли еще торговал волами? И в самом великом монархе смирение лучше надменности». Послы уступили: за то бояре, желая изъявить снисхождение, согласились не именовать короля в договоре клятвопреступником! Написали в Москве перемирную грамоту на сорок лет и велели новогородским наместникам скрепить ее своими печатями. Между тем послам оказывалась честь, какой ни отец, ни дед Иоаннов никогда не оказывал шведским: их встречали и провожали во дворце знатные сановники; угощали на золоте, пышно и великолепно. Вместо дара государь прислал к ним двадцать освобожденных финляндских пленников. Историк Швеции рассказывает, что Иоанн желал слышать богословское прение архиепископа упсальского с нашим митрополитом: выбрали для того греческий язык; но переводчик, не разумея смысла важнейших слов, толковал оные столь нелепо, что государь велел прекратить сей разговор, в знак благоволения надев золотую цепь на грудь архиепископа.

В сей кратковременной Шведской войне король Август и магистр ливонский естественно доброжелательствовали Густаву; обещались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовал за него в Москве, убеждая Иоанна не теснить Швеции, которая могла бы вместе с

---

[1] В рассуд — по здравом рассуждении.

Польшею действовать против неверных. «Я не тесню никого,— писал государь в ответ Августу,— имею царство обширное, которое от времен Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоевания не льстят меня, но стою за честь». Возобновив перемирие с Литвою до 1562 года, Иоанн соглашался заключить и вечный мир с нею, если Август признает его царем; но король упрямился, ответствуя, что не любит новостей; что сей титул принадлежит одному немецкому императору и султану. Бояре наши явили его послам грамоты папы Климента, императора Максимилиана, султановы, государей испанского, шведского, датского, которые именовали еще деда, отца Иоаннова царем; явили и новейшую грамоту королевы английской: ничто не убедило Августа. Казалось, что он страшился титула более, нежели силы государя российского. Иоанн торжественно уведомил его о завоевании Астрахани: король изъявил ему благодарность и писал, что радуется его победам над неверными! Такое уверение было одною учтивостию; но разбои хана Девлет-Гирея, не щадившего и Литвы, могли бы склонить сии два государства к искреннему союзу, если бы не встретились новые, важные противности в их выгодах.

Последнее впадение в наши пределы дорого стоило хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска в битве с Шереметевым. Несмотря на то, что он хвалился победою и снова ополчался. Козаки под начальством дьяка Ржевского стерегли его между Днепром и Доном: они известили государя (в мае 1556 года), что хан расположился станом у Конских Вод и метит на Тулу или Козельск. В несколько дней собралося войско: царь осмотрел его в Серпухове и хотел встретить неприятеля за Тулою; но узнал, что вся опасность миновалась. Смелый дьяк Ржевский, приманив к себе триста малороссийских литовских козаков с атаманами Млынским и Есковичем, ударил на Ислам-Кирмень, на Очаков; шесть дней бился с ханским калгою, умертвил множество крымцев и турков, отогнал их табуны, вышел с добычею и принудил Девлет-Гирея спешить назад для защиты Крыма, где, сверх того, свирепствовали смертоносные болезни. В сие же время, к удовольствию государя, предложил ему свои услуги один из знатнейших князей литовских, потомков Св. Владимира: Димитрий Вишневецкий, муж ума пылкого, отважный, искусный в ратном деле.

Быв любимым вождем днепровских козаков и начальником Канева, он скучал мирною системою Августа; хотел подвигов, опасностей и, прельщенный славою наших завоеваний, воскипел ревностию мужествовать под знаменами своего древнего отечества, коему Провидение явно указывало путь к необыкновенному величию. Вишневецкий стыдился предстать Иоанну в виде беглеца: вышел из Литвы со многими усердными козаками, занял остров Хортицу близ Днепровского устья, против Конских Вод; сделал крепость и писал к государю, что не требует у него войска: требует единственно чести именоваться россиянином и запрет хана в Тавриде, как в вертепе. Обнадеженный Иоанном в милости, сей удалец сжег Ислам-Кирмень, вывез оттуда пушки в свою Хортицкую крепость и славно отразил все нападения хана, который 24 дни без успеха приступал к его острову. С другой стороны черкесские князья именем России овладели двумя городками азовскими, Темрюком и Таманом, где было наше древнее Тмутороканское княжение. Девлет-Гирей трепетал; думал, что Ржевский, Вишневецкий и князья черкесские составляют только передовой отряд нашего главного войска; ждал самого Иоанна, просил у него мира и в отчаянии писал к султану, что все погибло, если он не спасет Крыма. Никогда — говорит современный историк — не бывало для России удобнейшего случая истребить остатки моголов, явно караемых тогда гневом Божиим. Улусы ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокую зиму 1557 года; скот и люди гибли в степях от несносного холода. Некоторые мурзы искали убежища в Тавриде и нашли в ней язву с голодом, произведенным чрезвычайною засухою. Едва ли 10 000 исправных конных воинов оставалось у хана; еще менее в Ногаях. К сим бедствиям присоединялось междоусобие. В Ногайской Орде улусы восставали на улусы. В Тавриде вельможи хотели убить Девлет-Гирея, чтобы объявить царем Тохтамыша, жившего у них астраханского царевича, брата Шиг-Алеева. Заговор открылся: Тохтамыш бежал в Россию и мог основательно известить государя о слабости Крыма.

Но мы — по мнению историка, знаменитого Курбского — не следовали указанию перста Божия и дали оправиться неверным. Вишневецкий не удержался на Хортице, когда явились [1558 г.] многочисленные дружины турецкие и волошские, при-

сланные к Девлет-Гирею султаном: истощив силы и запасы, оставил свою крепость, удалился к пределам литовским и, заняв Черкасы, Канев, где жители любили его, написал к Иоанну, что, будучи снова готов идти на хана, может оказать России еще важнейшую услугу покорением ее скипетру всех южных областей Днепровских. Предложение было лестно; но государь не хотел нарушить утвержденного с Литвою перемирия: велел возвратить Черкасы и Канев Августу, призвал Вишневецкого в Москву и дал ему в поместье город Белев со многими богатыми волостями, чтобы иметь в нем страшилище как для хана, так и для короля польского. — Между тем Девлет-Гирей отдохнул. Хотя он все еще изъявлял желание быть в мире с Россиею; хотя с честию отпустил нашего посла Загряжского, держав его у себя пять лет как пленника; доставил и союзную грамоту Иоаннову, обязываясь, в знак искренней к нам дружбы, воевать Литву: однако ж предлагал условия гордые и требовал *дани*, какую присылал к нему Сигизмунд и Август. «Для тебя,— говорил Девлет-Гирей, — разрываю союз с Литвою: следственно, ты должен вознаградить меня». Сыновья его действительно грабили тогда в Волынии и в Подолии, к изумлению Августа, считавшего себя их другом. Они искали легкой добычи и находили ее в сих плодоносных областях, где королевские паны гордо хвалились мужеством на пирах и малодушно бегали от разбойников, не умея оберегать земли. Узнав о том, государь созвал бояр: все думали, что требование вероломного Девлет-Гирея не достойно внимания; что надобно воспользоваться сим случаем и предложил Августу союз против хана. Снова послали князя Вишневецкого на Днепр; дали ему 5000 жильцов, детей боярских, стрельцов и козаков; велели им соединиться с князьями черкесскими и вместе воевать Тавриду; а к королю написал Иоанн, что он берет живейшее участие в бедствии, претерпенном Литвою от гибельного набега крымцев; что время им обоим вразумиться в истинную пользу их держав и общими силами сокрушить злодеев, живущих обманами и грабежом; что Россия готова помогать ему в том усердно всеми данными ей от Бога средствами. Сие предложение столь радостно удивило короля, вельмож, народ, связанный с нами узами единокровия и Веры, что посланника московского носили на руках в Литве, как вестника тишины и благоденствия для ее граждан,

которые всегда ужасались войны с Россиею. Честили его при дворе, в знатных домах; славили ум, великодушие Иоанна. Август в знак искренней любви освободил несколько старых пленников московских и прислал своего конюшего виленского, Яна Волчкова, изъявить живейшую благодарность государю, обещаясь немедленно выслать и знатнейших вельмож в Москву для заключения мира вечного и союза. С обеих сторон говорили с жаром о христианском братстве; воспоминали судьбу Греции, жертвы бывшего между европейскими державами несогласия; хотели вместе унять хана и противиться туркам. — Сие обоюдное доброе расположение исчезло как мечта: дела снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Виною тому была Ливония. С 1503 года мы не имели с нею ни войны, ни твердого мира; возобновляли только перемирие и довольствовались единственно купеческими связями. С ревностию предприяв возвеличить Россию не только победами, но и внутренним гражданским образованием, дающим новые силы государству, Иоанн с досадою видел недоброжелательство Ливонского ордена, который заграждал путь в Москву не только людям искусным в художествах и в ратном деле, но вообще и всем иноземцам. «Уже Россия так опасна, — писали чиновники орденские к императору[1], — что все христианские соседственные государи уклоняют главу пред ее венценосцем, юным, деятельным, властолюбивым, и молят его о мире. Благоразумно ли будет умножать силы природного врага нашего сообщением ему искусств и снарядов воинских? Если откроем свободный путь в Москву для ремесленников и художников, то под сим именем устремится туда множество людей, принадлежащих к злым сектам анабаптистов, сакраментистов и других, гонимых в Немецкой земле: они будут самыми ревностными слугами царя. Нет сомнения, что он замышляет овладеть Ливониею и Балтийским морем, дабы тем удобнее покорить все окрестные земли: Литву, Польшу, Пруссию, Швецию». По крайней мере Иоанн не хотел терпеть, чтобы ливонцы препятствовали ему в исполнении благодетельных для России

[1] Имеется в виду император Священной Римской империи Карл V.

намерений, и готовил месть. В 1554 году послы магистра Генрика фон-Галена, архиепископа рижского и епископа дерптского молили его возобновить перемирие еще на 15 лет. Он соглашался, с условием, чтобы область Юрьевская, или Дерптская, платила ему ежегодно искони уставленную дань. Немцы изъявили удивление: им показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную в 1503 году, где именно упоминалось о сей дани, забытой в течение пятидесяти лет. Их возражений не слушали. Именем государевым Адашев сказал: «или так, или нет вам перемирия!» Они уступили, и Дерпт обязался грамотою, за ручательством магистра, не только впредь давать нам ежегодно по немецкой марке с каждого человека в его области, но и за минувшие 50 лет представить в три года всю недоимку. Магистр клялся не быть в союзе с королем польским и восстановить наши древние церкви, вместе с католическими опустошенные фанатиками нового лютеранского исповедания в Дерпте, Ревеле и Риге: за что еще отец Иоаннов грозил местию ливонцам, сказав: «я не папа и не император, которые не умеют защитить своих храмов». Торговлю объявили свободною, по воле Иоанна, которому жаловалась Ганза, что правительство рижское, ревельское, дерптское запрещает ее купцам ввозить к нам металлы, оружие, доспехи и хочет, чтобы немцы покупали наше сало и воск в Ливонии. Только в одном устоял магистр: он не дал слова пропускать иноземцев в Россию: обстоятельство важное, которое делало мир весьма ненадежным.

С сею грамотою, написанною в Москве и скрепленною печатями ливонских послов, отправился в Дерпт Иоаннов чиновник, келарь Терпигорев, чтобы, согласно с обычаем, епископ и старейшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но епископ, бургомистр и советники их ужаснулись быть данниками России; угощая Терпигорева, тайно рассуждали между собою; винили послов ливонских в легкомыслии, в преступлении* данной им власти, и не знали, что делать. Минуло несколько дней: чиновник московский требовал присяги, не хотел ждать и грозился уехать. Тогда епископский канцлер, тонкий политик, предложил совету обмануть Иоанна. «Царь силен оружием, а не хитр умом, — сказал он. — Чтобы не раздражить

---

* В преступлении — в превышении.

его, утвердим договор, но объявим, что не можем вступить ни в какое обязательство без согласия императора римского, нашего законного покровителя; отнесемся к нему, будем ждать, медлить — а там что Бог даст!» Сие мнение одержало верх: присягнули и возвратили грамоту послу Иоаннову, с оговоркою, что она не имеет полной силы без утверждения императорского. «Царю моему нет дела до императора! — сказал посол: — дайте мне только бумагу, дадите и серебро». Велев дьяку завернуть грамоту в шелковую ткань, он примолвил с усмешкою: «береги: это важная вещь!» — Терпигорев донес государю, что обряд исполнен, но что немцы замышляют обман.

Иоанн молчал: но с сего времени уже писался в грамотах *Государем Ливонской земли*. В феврале 1557 года снова явились в Москве послы магистровы и дерптского епископа. Узнав, что они приехали не с деньгами, а с пустыми словами, и желают доказывать боярам несправедливость нашего требования, царь велел им ехать назад с ответом: «Вы свободно и клятвенно обязались платить нам дань; дело решено. Если не хотите исполнить обета, то мы найдем способ взять свое». Он запретил купцам новогородским и псковским ездить в Ливонию, объявив, что немцы могут торговать у нас спокойно; послал окольничего, князя Шастунова, заложить город с пристанью в самом устье Наровы, желая иметь морем верное, безопасное сообщение с Германиею, и начал готовиться к войне, которая, по всем вероятностям, обещала нам дешевые успехи и легкое завоевание. Ливония и в лучшее, славнейшее для ордена время, при само́м великом муже Плеттенберге видела невозможность счастливо воевать с Россиею: орден, лишенный опоры Немецкого, сделался еще слабее, и пятидесятилетний мир, обогатив землю, умножив приятности жизни, роскошь, негу, совершенно отучил рыцарей от суровой воинской деятельности: они в великолепных замках своих жили единственно для чувственных наслаждений и низких страстей (как уверяют современные летописцы): пили, веселились, забыв древнее происхождение их братства, вину[1] и цель оного; гнушались не пороками, а скудостию; бесстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились

[1] Вина — долг, обязанность.

только уступать друг другу в пышности, не иметь драгоценных одежд, множества слуг, богато убранных коней и прекрасных любовниц. Тунеядство, пиры, охота были главным делом знатных людей в сем, по выражению историка, *земном раю*; а как жили орденские, духовные сановники, так и дворяне светские, и купцы, и мещане в своем избытке; одни земледельцы трудились в поте лица, обременяемые налогами алчного корыстолюбия, но отличались не лучшими нравами, а грубейшими пороками в бессмыслии невежества и в гибельной заразе пьянства. Многосложное, разделенное правительство было слабо до крайности: пять епископов, магистр, орденский маршал, восемь командоров и восемь *фохтов* владели землею; каждый имел свои города, волости, уставы и права; каждый думал о частных выгодах, мало заботясь о пользе общей. Введение лютеранского исповедания, принятого городами, светским дворянством, даже многими рыцарями, еще более замешало[1] Ливонию: волнуемый усердием к новой вере, народ мятежничал, опустошал латинские церкви, монастыри; властители, отчасти за веру, отчасти за корысть, восставали друг на друга. Так преемник магистра фон-Галена, Фирстенберг, свергнул и заключил архиепископа рижского, маркграфа Вильгельма (после освобожденного угрозами короля Августа). Для хранения самóй внутренней тишины, нанимая воинов в Германии, миролюбивый орден не думал о способах противиться сильному врагу внешнему; не имея собственной рати, не имел и денег: магистры, сановники богатели, а казна скудела, изводимая для их удовольствий и пышности; они считали достояние орденское своим, а свое не орденским. Одним словом, избыток земли, слабость правления и нега граждан манили завоевателя.

Россия же была могущественнее прежнего. Кроме славы громких завоеваний, мы приобрели новые вещественные силы: усмиренные народы казанские давали нам ратников; князья черкесские приезжали служить царю со многолюдными конными дружинами. Но всего важнее было тогда новое, лучшее образование нашего войска, почти удвоившее силу оного. Сие знаменитое дело Иоаннова царствования совершилось в 1556 го-

---

[1] Замешать — то есть смутить, сбить с толку.

ду, когда еще лилася кровь на берегах Волги, когда мы воевали с Швециею и ждали впадения крымцев: учреждение равно достопамятное в воинском и гражданском законодательстве России. От времен Иоанна III чиновники великокняжеские и дети боярские награждались землями, но не все: другим давали судное право в городах и волостях, чтобы они, в звании наместников, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многие честно исполняли свой долг; многие думали единственно о корысти: теснили и грабили жителей. Непрестанные жалобы доходили до государя: сменяя чиновников, их судили, и следствием было то, что самые невинные[1] разорялись от тяжб и ябеды. Чтобы искоренить зло, Иоанн *отменил судные платежи*, указав безденежно решить тяжбы избираемым старостам и сотским, а вместо сей пошлины наложил общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую в казну царскими дьяками; чиновников же и боярских детей всех без исключения уравнял или денежным жалованьем или поместьями, сообразно с их достоинством и заслугами; отнял у некоторых *лишнюю* землю и дал неимущим, уставив службу не только с поместьев, но и с вотчин боярских, так что владелец ста четвертей *угожей* земли должен был идти в поход на коне и в доспехе, или вместо себя выслать человека, или внести уложенную за то цену в казну. Желая приохотить людей к службе, Иоанн назначил всем денежное жалованье во время похода и двойное боярским детям, которые выставляли лишних ратников сверх определенного законом числа. Таким образом, измерив земли, узнали нашу силу воинскую; доставив ратным людям способ жить без нужды в мирное время и содержать себя в походах, могли требовать от них лучшей исправности и строже наказывать ленивых, избегавших службы. С сего времени, как говорят летописцы, число воинов наших несравненно умножилось. Имев под Казанью 150 000, Иоанн чрез несколько лет мог выводить в поле уже до *трехсот тысяч* всадников и пеших. Последние, именуемые *стрельцами* и вооруженные пищалями, избирались из волостных сельских людей, составляли *бессменную рать*,

---

[1] Самые невинные — то есть как раз невинные.

жили обыкновенно в городах и были преимущественно употребляемы для осады крепостей: учреждение, приписываемое Иоанну, по крайней мере им усовершенное. Хотя оно еще не могло вдруг изменить нашего древнего, азиатского образа войны, но уже сближало его с европейским; давало более твердости, более устройства ополчениям.— Прибавим к сему неутомимость россиян, их физическую окреплость в трудах, навык сносить недостаток, холод в зимних походах,— вообще опытность ратную; прибавим наконец необъятную нравственную силу государства самодержавного, движимого единою мыслию, единым словом венценосца юного, бодрого, который, по сказанию наших и чужеземных современников, *жил только для подвигов войны и веры*. Чего могли ожидать ливонцы, имея дело с таким неприятелем? погибели.

Всякое борение слабого с сильным, возбуждая в сердцах естественную жалость, склоняет нас искать справедливости на стороне первого: но и российские и ливонские историки винят орден в том, что он своим явным недоброжелательством, коварством, обманами раздражил Иоанна, действуя по извинительному чувству нелюбви к соседу опасному, но действуя неблагоразумно. Истинная политика велит быть другом, ежели нет сил быть врагом; прямодушие может иногда усовестить и властолюбца, отнимая у него предлог законной мести: ибо нелегко наглым образом топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая политика должна закрываться ее личиною. Иоанн, начиная войну Ливонскую, мог тайно действовать по властолюбию, рождаемому или питаемому блестящими успехами; однако ж мог искренно уверять себя и других в своей справедливости, обязанный сею выгодою худому расчету ливонских властителей, которые, зная физическую силу россиян, надеялись их проводить хитростию, посольствами, учтивыми словами, льстивыми обещаниями, и навлекли на себя ужасное двадцатипятилетнее бедствие, в коем, среди развалин и могил, пал ветхий Орден как утлое дерево.

Сведав о нашем вооружении, магистр Фирстенберг и дерптский епископ требовали от царя *опасной грамоты* для проезда в Москву их новых послов. Иоанн дал грамоту; но гонцы немецкие видели у нас везде страшные приготовления к войне: обозы с ратными запасами шли к пределам Ливонии; везде

наводили мосты, учреждали станы, ямы, гостиницы по дороге — и в исходе осени 1557 года уже сорок тысяч воинов стояло на границе под начальством Шиг-Алея, бояр Глинских, Данила Романовича, Ивана Шереметева, князей Серебряных, Андрея Курбского и других знатных сановников. Кроме россиян, в сем войске были татары, черемисы, мордва, пятигорские черкесы. Ждали только слова государева, а государь ждал послов ливонских: они приехали с богатыми дарами и с красноречием: Иоанн не хотел ни того, ни другого. Алексей Адашев и дьяк Иван Михайлов, указывая им на договорную хартию, требовали дани. Согласились наконец, чтобы Дерпт вместо поголовной ежегодно присылал нам тысячу венгерских золотых, а Ливония заплатила 45 000 ефимков за воинские издержки. Написали договор; оставалось исполнить его: но послы объявили, что с ними нет денег. Тогда государь, как пишут, пригласил их обедать во дворце и велел подать им только *пустые* блюда: они встали из-за стола голодные и поехали назад ни с чем, а за ними войско наше среди холодной, снежной зимы, 22 генваря с огнем и мечом вступило в Ливонию. Несмотря на то, что угрозы Иоанновы были ясны и приготовления к войне давно известны, ливонские властители изумились, пируя в сие время на пышной свадьбе какого-то знатного ревельского чиновника. Россияне делали, что хотели в земле[1], оставляя немцев сидеть покойно в городах укрепленных. Князья Барбашин, Репнин, Данило Федорович Адашев громили Южную Ливонию на пространстве двухсот верст; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Мариенбурга, Курслава, Ульцена и соединились под Дерптом с главными воеводами, которые взяли Алтентурн и также на пути своем все обратили в пепел. Немцы осмелились сделать вылазку из Дерпта, конные и пешие, в числе пятисот: их побили наголову. Простояв три дня в виду сей важной крепости, воеводы пошли к Финскому заливу,— другие к реке Аа; еще разбили немцев вблизи Везенберга; сожгли предместие Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля; были только в пятидесяти верстах от Риги, в тридцати от Ревеля, и в конце февраля возвратились к Иванюгороду с толпами пленников, с обозами

---

[1] В земле — в стране.

богатой добычи, умертвив множество людей. Немецкие историки говорят с ужасом о свирепости россиян, жалуясь в особенности на шайки так называемых *охотников*, новогородских и псковских, которые, видя Ливонию беззащитною, везде опустошали ее селения, жестокостию превосходя самых татар и черкесов, бывших в сем войске. Россияне, посланные не для завоевания, а единственно для разорения земли, думали, что они исполняют долг свой, делая ей как можно более зла; и главный полководец, князь Михайло Глинский, столько любил корысть, что грабил даже в области Псковской, надеясь на родственную милость государеву, но ошибся: изъявив благоволение всем другим воеводам, Иоанн в справедливом гневе велел доправить[1] с него все, беззаконно взятое им в походе.

Совершив *казнь*, воеводы московские написали к магистру, что немцы должны единственно винить самих себя, дерзнув играть святостию договоров; что если они хотят *исправиться*, то могут еще умилостивить Иоанна смирением; что царь Шиг-Алей и бояре готовы за них ходатайствовать, из жалости к бедной земле, дымящейся кровию. Ливония действительно была в жалостном состоянии: несчастные земледельцы, избежавшие меча и плена, не могли поместиться в городах, умирали от изнурения сил и холода среди лесов, на кладбищах; везде вопль народный требовал защиты или мира от правителей, которые, на сейме в Вендене долго рассуждав о лучших мерах для их спасения, то гордо хваляся славою, мужеством предков, то с ужасом воображая могущество царя, решились вновь отправить посольство в Москву. Шиг-Алей — коего одни из ливонских историков именуют свирепым кровопийцею, а другие весьма умным скромным человеком,— взялся склонять Иоанна к миру, действуя, конечно, по данному ему от государя наказу. Но судьба хотела, чтобы орден был жертвою неразумия своих чиновников и чтобы сильный Иоанн, терзая слабую Ливонию, казался правым.

Ожидая магистровых послов, государь велел прекратить все воинские действия до 24 апреля. Настал Великий Пост: благочестивые россияне спокойно говели и молились в Иванего-

---

[1] Доправить (от править) — добрать, стребовать.

роде, отделяемом рекою от Нарвы, где немцы, новые лютеране, презирая уставы древней Веры, не считали за грех пировать в сие время, и вдруг, разгоряченные вином, начали стрелять в Иваньгород. Тамошние воеводы, князь Куракин и Бутурлин, известили о том государя, который велел им обороняться и послал князя Темкина, стоявшего в Изборске, воевать ближайшие пределы Ливонии, чтобы наказать немцев за их вероломство. Темкин выжег села в окрестностях Валка; разбил отряд неприятельский, взял четыре пушки и возвратился. Еще главная рать московская не трогалась; но из Нарвы беспрестанно летали ядра в Иваньгород и били жетелей; а немцы нарвские, как бы в насмешку, приказывали к Иоанновым воеводам: «не мы, но фохт орденский стреляет; не можем унять его». Тогда воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненные* и каменные осыпали Нарву в течение недели; люди гибли; домы пылали, разрушались — и немцы, в ужасе забыв гордость, требовали пощады. Бургомистры, ратманы выехали к воеводам; объявили, что ни в чем не противятся Иоанновой воле; умолили их прекратить стрельбу; дали заложников и послали в Москву депутатов, Иоакима Крумгаузена и Арнта фон-Дедена. Когда сии депутаты явились в Кремлевском дворце, окольничий Адашев и дьяк Михайлов вышли к ним от государя и спросили, чего хотят они? *«Быть, как мы были,* — ответствовал умный Крумгаузен: — *не переменять наших законов; остаться городом ливонским; удовлетворить всем иным требованиям царя милостивого».* — «Нет! — сказал Адашев, — мы не смеем донести ему о таких условиях. Вы дерзко нарушили перемирие, стреляли в россиян и, видя гибель над собою, объявили, что готовы исполнить волю царя; а царю угодно, чтобы вы немедленно прислали в Москву своего орденского властителя (фохта Шнелленберга) и сдали нам город: за что Иоанн милостиво обещает не выводить вас из домов; не касаться ни лиц, ни собственности, ни древних ваших обычаев; блюсти общее благоденствие и свободу торговли; одним словом, владеть Нарвою, как владели ею сановники орденские. Так, и не иначе!» Депутаты, заплакав, присягнули России за себя и за всех сограждан; были представлены государю и получили от него жалованную грамоту. Велев уведомить о том нарвское правительство, Иоанн

писал к воеводам, чтобы они берегли сей город, как российский, от магистра.

Но все переменилось в Нарве: ее легкомысленные граждане, узнав, что магистр шлет к ним 1000 воинов с командором ревельским, ободрились, забыли страх и послали сказать нашему главному воеводе, что депутаты их не имели власти предать отечество царю московскому; а командор, думая воспользоваться нечаянностию, хотел схватить российскую стражу за рекою Наровою: ударил — и бежал от первых выстрелов. Весть о новом вероломстве немцев дошла до Москвы почти в одно время с другою, радостною, совершенно неожидаемою: с вестию, что Нарва уже взята россиянами!

Сие происшествие ославилось чудом. Рассказывают, что пьяные нарвские немцы, увидев икону Богоматери в одном доме, где живали купцы псковские, бросили ее в огонь, от коего вдруг сделался пожар (11 мая) с ужасною бурею. Россияне из-за реки увидели общее смятение в городе и, не слушаясь воевод своих, устремились туда: кто плыл в лодке, кто на бревне или доске; выскочили на берег и дружно приступили к Нарве. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями и сами повели к ним остальное войско. В несколько минут все решилось: головы стрелецкие с боярином Алексеем Басмановым и Данилом Адашевым (окольничим, мужественным братом любимца государева) вломились в Русские ворота, а Иван Бутурлин в Колыванские; в огне и в дыму резали устрашенных немцев, вогнали их в крепкий замок, называемый Вышегородом, и не дали им там опомниться: громя его из всех пушек, своих и взятых в Нарве, разбивали стены, готовили лестницы. Между тем два командора, феллинский и ревельский, Кетлер и Зегегафен, с сильною дружиною, пехотою, конницею и с огнестрельным снарядом стояли в трех милях от города, видели пожар, слышали пальбу и не двигались с места, рассуждая, что крепость, имеющая каменные стены и железные ворота, должна без их помощи отразить неприятеля. Но к вечеру замок сдался, с условием, чтобы победители выпустили фохта Шнелленберга, немецких воинов и жителей, которые захотят удалиться. Вышли знатнейшие только с женами и детьми, оставив нам в добычу все свое имение; другие отпустили семейства, а сами, вместе с народом, присягнули царю в верности. Россияне взяли 230 пу-

шек и великое богатство; но, гася пожар, усердно и бескорыстно спасали достояние тех жителей, которые сделались нашими подданными.— Сие важное завоевание, дав России знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Иоанна, что он с великою пышностию торжествовал его в Москве и во всем государстве; наградил воевод и воинов; милостиво подтвердил жалованную грамоту, данную Крумгаузену и фон-Дедену, несмотря на перемену обстоятельств; освободил всех нарвских пленников; указал отдать собственность всякому, кто из вышедших жителей Нарвы захочет возвратиться. Архиепископ новогородский должен был немедленно отправить туда архимандрита юрьевского и софийского протоиерея, чтобы освятить место во имя Спасителя, крестным ходом и молебнами *очистить от Веры латинской и Лютеровой*, соорудить церковь в замке, другую в городе и поставить в ней ту икону Богоматери, от коей загорелась Нарва и которую нашли целою в пепле.

В сие время приехали, наконец, послы ливонские в Москву, брат магистра Фирстенберга, Феодор, и другие чиновники, не с данию, но с молением, чтобы государь уступил ее земле разоренной. «Вся страна Дерптская,— говорили они боярам,— стенает в бедствии и долго не увидит дней счастливых. С кого требовать дани? вы уже взяли ее своим оружием,— взяли в десять раз более. Впредь можем исправиться, и тогда заплатим по договору». Государь ответствовал чрез Адашева: «После всего, что случилось, могу ли еще слушать вас? Кто верит вероломным? Мне остается только искать управы мечом. Я завоевал Нарву и буду пользоваться своим счастием. Однако ж, не любя кровопролития, еще предлагаю средство унять его: пусть магистр, архиепископ рижский, епископ дерптский лично ударят мне челом, заплатят дань *со всей Ливонии* и впредь повинуются мне, как цари казанские, астраханские и другие знаменитые владетели: или я силою возьму Ливонию». Послы ужаснулись и, сказав: «видим, что нам здесь не будет дела», просили отпуска, который и дали им немедленно. Хотя магистр и епископ дерптский, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить нам 60 000 ефимков; хотя, не без усилия, собрали и деньги: но время прошло: государь требовал уже не дани юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и россияне, снова вступив в Ливонию, не довольствовались

ее разорением; они хотели городов и постоянного владычества над нею.

25 мая князь Федор Троекуров и Данило Адашев осадили Нейшлос, а 6 июня взяли на договор. Тамошний фохт вышел из крепости с немногими людьми и с пустыми руками, отдав все оружие и достояние победителям. Жители города и всего уезда (в длину на 60, а в ширину на 40 и 50 верст) латыши и самые немцы признали себя подданными России, так что берега озера Чудского и река Нарова, от ее верховья до моря заключались в наших владениях. Государь, послав к воеводам золотые медали, велел исправить там укрепления и соорудить церковь во имя Св. Иллариона: ибо в день его памяти сдался Нейшлос. Жители уезда и городка Адежского добровольно присягнули Иоанну, вместе с некоторыми соседственными везенбергскими волостями, и выдали россиянам все казенное имение, пушки, запасы.

Главная сила, под начальством многих знатных воевод, князей Петра Шуйского, Василия Серебряного, Андрея Курбского шла к Дерпту. Прежде надлежало взять Нейгауз, город весьма крепкий, где не было ни двухсот воинов, но был витязь орденский, Укскиль фон-Паденорм, который, вооружив и граждан и земледельцев, около месяца мужественно противился многочисленному войску. С сим Героем немцы, по выражению нашего летописца, *сидели насмерть*: бились отчаянно, неутомимо и заслужили удивление московских полководцев. Сбив стены, башни, россияне вошли в город: Укскиль отступил в замок с горстию людей и хотел умереть в последней его развалине; но сподвижники объявили, что не имеют более сил — и воеводы, из уважения к храбрости, дозволили им выйти *с честию*. Сей пример доказывал, что Ливония, ограждаемая многими крепостями и богатая снарядом огнестрельным, могла бы весьма затруднить успехи Иоаннова оружия, если бы другие защитники ее, хотя и малочисленные, имели дух Укскилев, а граждане добродетель Тилеву, одного из бургомистров дерптских, который, в тогдашнем собрании земских чинов сильно и трогательно изобразив бедствие отечества, сказал: «Настало время жертв или погибели: лишимся всего, да спасем честь и свободу нашу; принесем в казну свое золото и серебро; не оставим у себя ничего драгоценного, ни сосуда, ни украшения; дадим прави-

тельству способ нанять войско, купить дружбу и защиту держав соседственных!» Но убеждения и слезы великодушного мужа не произвели никакого действия: его слушали и молчали!

Во время осады Нейгауза магистр Фирстенберг, командоры и сам епископ дерптский с 8000 воинов неподвижно стояли в тридцати верстах оттуда, за Двиною и вязкими болотами, в месте неприступном, и не сделали ничего для спасения крепости; узнав же, что она сдалася, зажгли стан свой и городок Киремпе, где находилось множество всяких припасов; спешили удалиться, бежали день и ночь, магистр к Валку, а епископ к Дерпту, гонимые нашими воеводами, которые за 30 верст от Дерпта настигли и разбили епископа, взяли его чиновников в плен, весь обоз и снаряды. Магистр, избрав крепкое место близ Валка, остановился: воеводы велели передовой дружине вступить с ним в битву, а сами начали обходить его и принудили бежать далее к Вендену, так скоро и в такой жар, что люди и лошади издыхали от усталости. Россияне истребили весь задний отряд Фирстенбергов, едва не схватив знаменитейшего из командоров, Готгарда Кетлера, под коим в сем деле упала лошадь. Обоз магистров был нашею добычею, и воеводы, известив государя, что неприятеля уже нет в поле, обратились к Дерпту.

В сих для ордена ужасных обстоятельствах старец Фирстенберг сложил с себя достоинство магистра, и юный Кетлер, повинуясь чинам, принял его со слезами. Славясь отличным умом и твердостию характера, он вселял надежду в других, но сам имел весьма слабую, и только из великодушия согласился быть последним магистром издыхающего ордена! Чтобы употребить все возможные средства спасения, Кетлер ревностно старался воспламенить хладные сердца любовию к отечеству, заклинал сановников действовать единодушно, не жалеть ни достояния, ни жизни для блага общего; собирал деньги и людей; требовал защиты от императора, короля датского, шведского, польского; писал и к царю, моля его о мире: но не видал желаемого успеха. Раздор, взаимные подозрения ливонских властителей мешали всем добрым намерениям магистра. Хотели спасения, но без жертв, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для оного, — и Кетлер мог единственно займом наполнить пустую казну ордена для

необходимых, воинских издержек. Помощи внешней не было. Император Карл V, обнимавший взором своим всю Европу, уже оставил тогда короны и престолы; как второй Диоклетиан удалился от мира, столь долго волнуемого его властолюбием, и хотел в пустыне удивить людей особенным родом славы, редкой, но не менее суетной: славы казаться выше земного величия. Новый император Фердинанд ссорился с папою, мирил Германию, опасался турков и только жалел о бедной Ливонии; другие государи довольствовались обещанием склонить Иоанна к миролюбию; а царь ответствовал Кетлеру: «жду тебя в Москве и, смотря по твоему челобитью, изъявлю милость». Сия *милость* казалась магистру последним из возможных бедствий для державного ливонского рыцарства: он лучше хотел погибнуть с честию, нежели с унижением бесполезным.

Воеводы Иоанновы не теряли времени: взяв Киремпе, Курслав и крепкий замок Вербек на Эмбахе, всеми силами приступили к Дерпту, славному богатством жителей и многими общественными, благодетельными заведениями. Кроме вооруженных граждан, готовых стоять за честь и вольность, две тысячи наемных немцев были защитниками сего важного, искусно укрепленного места, под главным начальством епископа, Германа Вейланда, который хвалился более воинскою доблестию, нежели смиренною набожностию христианского пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокие и достойные *мужей рыцарских*, как пишет воевода Курбский, очевидец и правдивый судия дел ратных. Но превосходная сила одолевала: вылазки дорого стоили осажденным, и россияне, пользуясь густым туманом, заперли город со всех сторон турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стены пальбою, предлагая жителям самые выгодные условия, если они сдадутся. Епископ не хотел сперва слышать о переговорах: но магистрат донес ему, что город не в силах обороняться долго; что многие из воинов и граждан пали в вылазках, или больны, или от усталости едва действуют оружием; что пушки неприятельские, вредя стенам, бьют людей и в улицах. Послали тайных вестников к магистру: они возвратились благополучно. Магистр писал, что орден нанимает воинов и молится о спасении Дерпта!

Главный воевода Иоаннов, князь Петр Иванович Шуйский, был, по сказанию современного ливонского историка, муж до-

бролюбивый, честный, благородный душою. Совершив подкопы и прикатив туры к самым стенам, он велел объявить с барабанным боем, что дает жителям два дня на размышление, а в третий возьмет Дерпт приступом; что Иоанн торжественно обещает им милость, свободу Веры, целость их древних прав и законов; что всякий может безопасно выехать из города и безопасно возвратиться. Тогда магистрат и граждане единодушно сказали епископу: «Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у нас *блюдо на столе и ложка в руках*, если упорство наше будет достохвальным мужеством, а не бессмысленною дерзостию; но благоразумно ли отвергать великодушные предложения царя, когда в самом деле не имеем сил ему противиться?» То же говорили и воины немецкие, требуя отпуска и свидетельства в оказанной ими верности; то же и священники римской Веры, опасаясь упрямством раздражить неприятеля. Епископ согласился. Написали следующие условия: «1) государь дает епископу монастырь Фалькенау с принадлежащими к оному волостями, дом и сад в Дерпте; 2) под его ведомством будут духовенство и церкви латинские с их достоянием; 3) дворяне, желающие быть подданными России, спокойно владеют своими замками и землями; 4) немецкие ратники выйдут из города с оружием и с пожитками; 5) в течение двенадцати дней всякий дерптский житель волен ехать куда хочет; 6) исповедание аугсбургское остается главным и без всяких перемен; 7) магистрат *немецкий* всем управляет, как было, не лишаясь ни прав, ни доходов своих; 8) купцы свободно и без пошлин торгуют с Германиею и с Россиею; 9) не выводить никого из Дерптской в Московские области; 10) кто захочет переселиться в другую землю, может взять или продать имение; 11) граждане свободны от ратного постоя; 12) все преступления, самые государственные, даже оскорбление царского величества, судятся чиновниками магистрата; 13) новые граждане присягают царю и магистрату». Благоразумный Шуйский, уполномоченный Иоанном, не отвергнул ни одной статьи, руководствуясь не только человеколюбием, но и политикою: надлежало милостию, снисхождением, духом умеренности ослабить ненависть ливонцев к России и тем облегчить для нас завоевание земли их.

Когда уже все условия были одобрены победителем и когда надлежало только скрепить оные печатями, старец Антон Тиле,

добродетельный бургомистр дерптский, еще выступил из безмолвного круга унылых сановников: «Светлейший князь и государь! — сказал он епископу: — если кто-нибудь думает, что Дерпт можно спасти оружием и битвою, да явится! Иду с ним, и мы вместе положим свои головы за отечество!» Сия речь, вид, голос старца произвели сильное впечатление. Епископ ответствовал: «Муж достойный! никто из нас не заслуживает имени малодушного: уступаем необходимости». — 18 июля Дерпт сдался. Желая сделать все возможное в пользу несчастных, князь Шуйский поставил стражу у ворот и не велел пускать россиян в город, чтобы жители спокойно укладывались и выезжали; оберегал их в пути; давал им проводников до мест безопасных. Епископа отпустили в Фалькенау с двумястами отборных московских всадников.

Когда все затихло в городе, депутаты магистрата вручили Шуйскому ключи от крепости. Он сел на коня и торжественно вступил в город. Впереди ехал младший воевода, держа в руке знамя мира; за ним Шуйский, окруженный депутатами и каноками. На улицах в два ряда стояли государевы дети боярские. Уже народ не страшился победителей и с любопытством смотрел на их мирное, стройное шествие; самые жены не прятались. Магистрат поднес Шуйскому золотую чашу. Сей умный князь, изъявив благодарность, сказал, что «его жилище и слух будут отверсты для всякого; что он пришел казнить злодеев и благотворить добрым» — ласково звал к себе обедать дерптских чиновников и старейшин, дал им в замке великолепный пир и своим приветливым обхождением заслужил любовь общую. — Россияне взяли в Дерпте 552 пушки, также немало богатства казенного и частного, оставленного теми жителями, которые выехали в Ригу, в Ревель, в Феллин. Государь утвердил договор, заключенный воеводами; но велел епископу Герману и знатнейшим дерптским сановникам быть в Москву. Сей бывший державный епископ, проклинаемый в отечестве за мнимую измену, уже не выехал из России и кончил дни свои в горести, слыша, что друзей и слуг его, обвиняемых в тайном согласии с неприятелем, пытают, казнят в Ливонии: чем орденские властители хотели закрыть свою слабость, уверяя народ, что одна измена причиною наших выгод.

Но сия жестокость не затруднила успехов для могущества, соединенного с благоразумием. Пример Дерпта доказывал, что Иоанн умеет щадить побежденных: Шуйский писал оттуда ко всем градоначальникам ливонским, требовал подданства, обещал, грозил — и крепости Везенберг, Пиркель, Лаис, Оберпален, Ринген, или *Тушин*, Ацель сдалися нашим воеводам, которые везде мирно выпускали орденских властителей, довольствовались присягою жителей и не касались их собственности; но все предавали огню и мечу в областях непокорных: в Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посад Виттенштейна, где начальствовал юный мужественный рыцарь, Каспар фон-Ольденбок; разбили немцев в поле, близ Вендена и Шваненбурга; пленили двух знатных чиновников; взяли всего *двадцать* городов и, в каждом оставив нужные запасы, охранное войско, в конце сентября приехали к государю. Он был в Троицкой лавре: встретил их с милостию и веселием; обнимал, славил за ревностную службу; вместе с ними молился, благодарил Бога и поехал в Александровскую слободу, где из собственных рук жаловал им шубы, кубки, доспехи; велел выбирать любых из коней царских и сверх того дал богатые поместья, а детям боярским земли и маетности в завоеванной Ливонии, чтобы они тем усерднее берегли оную.

Новые начальники, присланные туда из Москвы, князья Дмитрий Курлятев и Михайло Репнин, были менее счастливы: хотя завоевали еще городок Кавелехт, сожгли Верполь и побили немцев в самом предместии Ревеля; но магистр и воевода архиепископа рижского, Фелькерзам, собрав более десяти тысяч ратников, осадили Ринген в виду наших полков и взяли сию крепость, несмотря на мужество ее защитника, головы стрелецкого, Русина-Игнатьева, который с двумя или тремястами воинов держался в ней около пяти недель, отразил два приступа и не имел уже наконец ни фунта пороху. Воеводы Иоанновы оправдывались крепостию немецкого стана, утомлением своей рати и хвалились победою, одержанною ими над братом магистровым, Иоанном Кетлером, коего они пленили вместе с двумястами шестидесятью немцами между Ринrеном и Дерптом; но магистр сам напал на них, стоптал дружину князя Репнина и мог бы отнять у них Дерпт, где оставалось мало ратников, а жители знатнейшие тайно звали к себе.

К счастию нашему, упрежденные немцы хотели отдохновения. Число их уменьшилось до шести тысяч. Зная, что полководцы московские ждут вспоможения и любят воевать зимою, магистр в исходе октября ушел назад, бесчеловечно умертвив всех россиян, взятых им в Рингене; а мы снова заняли сей город.— В то же время неприятель от Лужи, Резицы и Валка тревожил набегами Псковскую область: сжег предместие Красного, монастырь Св. Николая близ Себежа и множество сел.

Недовольный Курлятевым и Репниным, государь в декабре месяце [1558 г.] послал в Ливоню мужественных воевод, князей Симеона Микулинского, Василия и Петра Серебряных, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, царевича Тохтамыша, князей черкесских и войско сильное, чтобы идти прямо к Риге, опустошить землю, истреблять неприятеля в поле. Готовые начать кровопролитие, они писали к магистру, что от него зависит война и мир; что Иоанн еще может простить, если немцы изъявят покорность. Ответа не было. 17 генваря россияне вступили в Ливонию: от городка Красного, захватив пространство ста верст или более, шли на Мариенбург, и близ Тирсина встретили немцев, коими предводительствовал Филькерзам. Тут был один князь Василий Серебряный с своею дружиною. Неприятель оказал мужество: знатнейшие витязи ордена и чиновники архиепископа рижского стояли в рядах. Храбрый Фелькерзам и четыреста немцев пали в битве. Канцлер архиепископов и тридцать лучших дворян находились в числе пленников; остальные рассеялись, и князь Серебряный открыл безопасный путь войску до самого моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою больших крепостей, Вендена, Риги, воеводы подступали единственно к маленьким городкам. Немцы уходили из них. Один Шмильтен не сдавался: козаки наши разбили ломами каменную стену его и долго резались в улицах с отчаянным неприятелем. Россияне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять с собою; истребили таким образом одиннадцать городов; три дни стояли под Ригою, сожгли множество кораблей в устье Двины, опустошили ее берега, приморскую землю, Курляндию до Пруссии и Литвы; обогатились добычею и с несметным числом пленников вышли 17 февраля к Опочке, известив Иоанна, что рать его цела, а Ливония в пепле!

Наконец явились ходатаи за сию несчастную землю. Мы оставили короля Августа, готового к твердому миру и союзу с Россиею против хана: для чего в марте 1559 года прибыли в Москву послы литовские. Начали говорить о мире: Иоанн хотел, чтобы обе державы владели бесспорно, чем владеют; но Август в первом слове требовал Смоленска! Сего мало: он предписывал нам не воевать Ливонии, будто бы отданной ему императором и германскими чинами! Иоанн велел послам ехать назад, сказав: «Вижу, что король переменил свои мысли: да будет, как ему угодно! Ливонцы суть древние данники России, а не ваши: я наказываю их за неверность, обманы, *торговые вины*[1] и разорение церквей». Послы уехали. Государь не согласился заключить и нового перемирия с Литвою; обещался только не нарушать старого (до 1562 года), если король будет давать лучшую управу россиянам, обижаемым его подданными.— Одним словом, ясно было, что война Ливонская произведет Литовскую. Август думал не о том, чтобы великодушно спасти ветхий, слабый орден, но чтобы не отдать его богатых владений Иоанну, а взять себе, если можно. Желание весьма естественное в тогдашних обстоятельствах ордена Литвы и России — весьма согласное с благоразумием политики, которая осудила бы беспечность сего монарха, если бы он не употребил всех способов исторгнуть Ливонию из рук царя. Надлежало только иметь решительность и твердость: чего недоставало Августу. Он шел на войну и хотел удалить ее; смело воображал оную впереди, ужасаясь мысли обнажить меч немедленно.

Гораздо более равнодушия, гораздо менее ревности оказывал другой заступник ордена: старец Густав Ваза. Тщетно хотев противиться властолюбию России соединенными силами держав северных – видев, что Август и магистр не думали помогать ему в войне с Иоанном, ограничиваясь единственно пустыми уверениями в доброжелательстве — Густав писал к царю: «Не указываю тебе в делах твоих; не требую, но только в угодность императору Фердинанду молю тебя, как великодушного соседа, даровать мир Ливонии, из жалости к человечеству и для общей пользы христианства. Я сам не могу хвалиться искренним дру-

---

[1] Торговые вины — торговые обязательства, долги.

жеством и честностию ливонцев: знаю их по опыту! Если хочешь, то напишу к ним, что они должны пасть к ногам твоим с раскаянием и смирением. Уймешь ли кровопролитие или нет, во всяком случае буду свято хранить заключенный договор с Россиею и чтить высоко твою дружбу». Иоанн благодарил Густава за доброе расположение; изъяснял причину войны и сказал: «если не имеешь особенного желания вступаться в дела Ливонии, то нет тебе нужды писать к магистру: я сам найду способ образумить его».

Третьим ходатаем был король датский, Фридерик II. Эстония, как известно, принадлежала некогда его предкам. Теснимая Иоанном и видя, что орден не может спасти ее, сия земля искала защиты отца Фридерикова, Христиана III: Ревель, вся Гаррия и Вирландия[1] изъявили ему желание быть снова у него в подданстве. Но Христиан, уже старый и близкий к концу, отвечал равнодушно: «Мне трудно править и своими землями: благоразумно ли искать еще новых и за них сражаться?» Однако ж дал Эстонии несколько тысяч гульденов, несколько пушек и назначил посольство в Москву; между тем умер. Имея более властолюбия и деятельности, сын его желал возвратить Дании сию немаловажную область: писал к магистру, к епископу ревельскому, к дворянству эстонскому; обещал им не только ходатайство, но и войско в случае нужды; дал послам своим наставление и велел им спешить в Москву. Уже более сорока лет мы не имели никакого сношения с сим королевством: Фридерик I и Христиан III считали бесполезным союз России, столь уважаемый Христианом II, другом Василия Иоанновича. Самые торговые связи прервалися между Копенгагеном и Новымгородом. Уведомив Иоанна как *доброго, любезного соседа* о своем восшествии на престол, изъявив ревностное желание быть ему другом и восстановить торговлю с нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами минувших времен*, Фридерик убедительно просил, чтобы он не тревожил Эстонии, издревле области датской, *только на время порученной магистру*, и чтобы, благосклонно уважив бескорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровал мир и самому ордену.

---

[1] Гаррия и Вирландия — северная Эстония.

Адашев именем царя сказал послам: «Мы со вниманием слушали ваши речи; читали грамоты, писанные государями российскими к датским и датскими к российским; видели их любовь взаимную; видели, что подданные обеих держав свободно и выгодно торговали друг с другом. Если король желает возобновить сию счастливую дружбу, то и мы искренно расположены к оной. Но удивляемся, что он находит датские владения в той земле, которая уже шестьсот лет принадлежит России. Великий князь Георгий Владимирович, именуемый Ярославом, завоевал Ливонию, основал город Юрьев, построил там церкви греческие, обложил всю землю данию — и с того времени она не бывала достоянием иных государей. Знаю, что ее жители без ведома России взяли было к себе двух королевичей датских; но предки мои казнили их за сию вину огнем и мечом, а королевичей выслали; казнили и вторично, сведав, что ливонцы тайно признали над собою мнимую власть римского цесаря. Если Фридерик не знает сего, то мы велим явить вам древние договоры ордена с наместниками новогородскими: читайте и разумейте истину сказанного нами!.. Было время, когда мы, сиротствуя во младенчестве, не могли защитить прав своих: враги ликовали, теснили, губили Россию. Тогда и магистр и епископы ливонские не захотели платить нам дани: брали ее с земледельцев, с городов, но для себя...» Описав вины их, государь продолжал: «Итак, да не вступается Фридерик в Эстонию. Его земля Дания и Норвегия, а других не ведаем. Когда же хочет добра Ливонии, да советует ее магистру и епископам лично явиться в Москве пред нами: тогда, из особенного уважения к королю, дадим им мир, согласный с честию и пользою России. Назначаем срок: шесть месяцев Ливония может быть спокойна!» Послам вручили *опасную грамоту* на имя властителей ливонских, в коей было сказано, что царь жалует перемирие ордену от мая до ноября 1559 года и чтоб магистр или сам ударил ему челом в Москве, *или* вместо себя, прислал *знатнейших людей* для вечного мирного постановления. Сим отдохновением Ливония обязана была в самом деле не ходатайству короля Фридерика, но услугам другого, не исканного ею благоприятеля: хана Девлет-Гирея. Иоанн долженствовал унять крымцев, и чтобы не разделять сил, дал на время покой

ордену в удостоверении, что Россия всегда может управиться с сим слабым неприятелем.

Князь Дмитрий Вишневецкий, в 1558 году посланный воевать Тавриду, доходил до устья Днепра, не встретив ни одного татарина в поле: Девлет-Гирей со всеми улусами сидел внутри полуострова, ожидая россиян. Вишневецкий возвратился в Москву, оставив на Днепре мужественного дьяка Ржевского с козаками. Между тем хан, желая узнать, что делается в земле Казанской, посылал к берегам Волги легкие отряды, истребляемые горными жителями и козаками. Долго не смел он предпринять ничего важного, но, услышав о войне Ливонской и поверив ложной версии, что все наши силы заняты ею — что Россия беззащитна и сам Иоанн борется с неприятелем страшным на отдаленных берегах моря Балтийского — Девлет-Гирей ободрился, приманил к себе многих ногаев и, собрав, как пишут, до ста тысяч всадников, зимою (в декабре 1558 года) велел сыну своему, Магмет-Гирею, идти к Рязани, улану Магмету — к Туле, ногаям и князьям Ширинским — к Кошире. Сие войско уже достигло реки Мечи: тут пленники сказали царевичу, что Иоанн в Москве и что в Ливонии только малая часть нашей рати. Он изумился; спросил: где смелый князь Вишневецкий? где храбрый Иван Шереметев? и сведав, что первый в Белеве, а последний в Рязани и что князь Михайло Воротынский стоит в Туле с полками сильными, Магмет-Гирей не дерзнул идти далее: гонимый одним страхом, бежал назад и поморил не только лошадей, но и всадников. Князь Воротынский шел за ним до Оскола по трупам и не мог его настигнуть; а донские козаки, пользуясь отсутствием крымского войска, близ Перекопи разбили улусы ногаев, ушедших от своего князя, Ислама, к Девлет-Гирею, и взяли 15 000 коней.

Чтобы хан не имел времени образумиться, Иоанн приказал князю Вишневецкому с пятью тысячами легких воинов идти на Дон, построить суда, плыть к Азову и с сей стороны тревожить нападениями Тавриду. Тогда же известный мужеством окольничий Данило Адашев выступил из Москвы к Днепру с дружиною детей боярских, с козаками и стрельцами для нанесения чувствительнейшего удара неприятелю, смотря по обстоятельствам. Успехи Вишневецкого были маловажны: он истребил несколько сот крымцев, хотевших снова пробраться к Ка-

зани; но юный, достойный брат любимца государева, Данило Адашев, искусством и смелостию заслужил удивление современников. С осмью тысячами воинов он сел близ Кременчуга на ладии, им самим построенные в сих, тогда ненаселенных местах, спустился к устью Днепра, взял два корабля на море и пристал к Тавриде. Сделалась неописанная тревога во всех улусах; кричали: «Русские! Русские! и царь с ними!», уходили в горы, прятались в дебрях. Хан трепетал в ужасе, звал воинов, видел только беглецов — и более двух недель Адашев на свободе громил западную часть полуострова, жег юрты, хватал стада и людей, освобождая российских и литовских невольников. Наполнив ладии добычею, он с торжеством возвратился к Очакову. В числе пленников, взятых на кораблях и в улусах, находились турки: Адашев послал их к пашам очаковским, велел им сказать, что царь воевал землю своего злодея, Девлет-Гирея, а не султана, коему всегда хочет быть другом. Паши сами выехали к нему с дарами, славя его мужество и добрую приязнь Иоаннову к Солиману. Между тем хан опомнился: узнал о малых силах неприятеля и гнался берегом за Адашевым, который медленно плыл вверх Днепра, стрелял в татар, миновал пороги и стал у Монастырского острова, готовый к битве; но Девлет-Гирей, опасаясь нового стыда, с малодушною злобою обратился назад.

Весть о сем счастливом подвиге младого витязя, привезенная в Москву князем Федором Хворостининым, его сподвижником, не только государю, но и всему народу сделала величайшее удовольствие. Митрополит служил благодарственный молебен. Читали торжественно донесение Адашева; радовались, что он проложил нам путь в недра сего *темного* царства, где дотоле *сабля русская еще не обагрялась кровию неверных*; воспоминали, что там цвело некогда христианство и Св. Владимир узнал Бога истинного; думали, что Иоанну остается пожелать, и крест снова воссияет на берегах Салгира. Уже государь хотел переменить нашу древнюю, робкую систему войны против сих неутомимых разбойников и действовать наступательно: послав золотые медали Адашеву и его товарищам, велел им быть к себе для совета; но война Ливонская опять запылала сильнее прежнего и спасла Тавриду. Иоанн оставил только ногаям и.козакам тревожить хана и писал к нему в ответ на его

новые мирные предложения: «Видишь, что война с Россиею уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь в твою землю и степями и морем. Не говори *безлепицы*[1] и докажи опытом свое искреннее миролюбие: тогда будем друзьями».— Кроме ногаев, послушных князю Исламу, верному союзнику России, и донских козаков, царь имел на юге усердных слуг в князьях черкесских: они требовали от нас полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковных пастырей, чтобы просветить всю их землю учением Евангельским. То и другое желание было немедленно исполнено: государь послал к ним бодрого Вишневецкого и многих священников, которые, в дебрях и на скатах гор Кавказских основав церкви, обновили там древнее христианство.

Дав как бы из милости перемирие ордену, государь не думал, чтобы ливонцы нарушили оное: вывел большую часть войска из Эстонии и ждал вестей от магистра. Но Кетлер молчал; уверенный, что надобно или победить россиян, или принадлежать россиянам, он решился ехать не в Москву, а в Краков, чтобы склонить Августа к деятельному, ревностному участию в сей войне, на каких бы то ни было условиях и даже с опасностию для самой независимости ордена: ибо ливонцы в крайности хотели лучше зависеть от Польши, нежели от России, издревле им ненавистной. Еще достоинство орденского магистра не упало в общем мнении: юный Кетлер, одаренный приятною наружностию, умом, красноречием, благородными душевными свойствами, предстал Августу в смиренном величии, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразил бедствие Ливонии, опасности самой Польши, страшные замыслы Иоанновы; доказывал необходимость войны для короля и вероятность победы, не уменьшая многочисленности россиян, но говоря с презрением о нашем искусстве ратном. Август желал знать мнение сейма: вельможи польские, тронутые красноречием магистра, хотели немедленно обнажить меч; а литовские, лучше зная силу России, советовали употребить прежде все иные способы для защиты ордена: убедительное ходатайство, настоятельные требования, угрозы, подкрепляемые вооружени-

[1] Безлепица — нелепость.

ем. Наконец подписали договор. Магистр и рижский архиепископ отдали королю *в залог* крепости Мариенгаузен, Лубан, Ашерат, Дюннебург, Розитен, Луцен с условием заплатить ему семьсот тысяч гульденов по окончании войны; а король обязался стоять всеми силами за Ливонию, восстановить целость ее владений и братски разделить с орденом будущие завоевания в России.

С сею хартиею Кетлер возвратился в Ливонию как с трофеем: ободрил чиновников и граждан; ручался за верность короля и за успех; требовал только усердия и великодушия от истинных сынов отечества. Надежда блеснула в сердцах. Уверяли себя в могуществе Литвы; воспоминали славную для нее битву Днепровскую; искали между известными воеводами Августовыми новых Константинов Острожских. «Мы должны указать им путь к победе,— говорил Кетлер: — кто требует содействия, должен действовать; первые обнажив меч, увлечем друзей за собою в поле». Герцог мекленбургский, Христоф, коадъютор рижского архиепископа, привел из Германии новую дружину наемников. Сейм имперский обещал Кетлеру сто тысяч золотых. Герцог прусский, ревельский магистрат и некоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денег: так, один рижский лавочник дал ему тридцать тысяч марок под расписку. Богатейшие выходцы дерптские хотели бежать в Германию с своим имением: у них взяли серебро и золото в казну орденскую. Сим способом магистр удвоил число воинов и, зная, что россиян мало в Ливонии, выступил из Вендена за месяц до назначенного в перемирной грамоте срока, осенью, в ужасную грязь; нечаянно явился близ Дерпта и наголову разбил неосторожного воеводу Захарию Плещеева, положив на месте более тысячи россиян. Сие нападение справедливо казалось Иоанну новым вероломством: он поручил месть своим знаменитейшим воеводам, князьям Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василию Серебряному, которые с лучшими детьми боярскими, московскими и новогородскими, спешили спасти завоеванную нами часть Ливонии. Худые дороги препятствовали скорому походу, и неприятель мог бы иметь важные успехи в земле, где все жители были на его стороне, готовые свергнуть иго россиян; но ум и мужество двух наших сановников обратили в ничто победу магистрову.

Кетлер немедленно приступил к Дерпту. Тамошний воевода, боярин князь Андрей Кавтырев-Ростовский, успел взять меры: заключил опасных граждан в ратуше; встретил немцев сильною пальбою и сделал удачную вылазку. Магистр десять дней стоял в версте от города, стреляя из пушек без всякого вреда для осажденных. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропот в его стане. Наемные германские воины не любили трудов. Кетлер должен был решиться на долговременную зимнюю осаду или на приступ: то и другое казалось ему неблагоразумием. Крепкие стены охранялись многими бойницами, сильною дружиною и воеводою искусным; граждане не могли иметь сношения с осаждающими и способствовать им в успехе; а число россиян в поле ежедневно умножалось: они заходили в тыл к немцам, показывая намерение окружить их. Принужденный удалиться от Дерпта, магистр хотел, по крайней мере взять Лаис, где находилось четыреста воинов с неустрашимым головою стрелецким, Кошкаровым. Немцы поставили туры, разбили стену и не могли вломиться в крепость: россияне изумили их своим отчаянным сопротивлением, так что Кетлер, два дня приступав с жаром, ушел назад к Вендену как побежденный, и знатным уроном в людях, а еще более унынием воинов надолго лишил себя способа предприять что-нибудь важное. Сия удивительная защита Лаиса есть одно из самых блестящих деяний воинской истории древних и новых времен, если не число действующих, а доблесть их определяет цену подвигов. Князь Андрей Ростовский прислал самого Кошкарова с донесением о бегстве немцев. Государь изъявил живейшую благодарность тому и другому за спасение вверенных им городов, нашей чести и славы ратной.

Вероятно, что магистр, с таким усилием и спехом возобновив кровопролитие, ждал от Августа, по уговору с ним, какого-нибудь движения против России: король действительно готовил войско, но только готовил, и прислал в Москву секретаря своего, Володковича, с грамотою, в коей решительно требовал, чтобы Иоанн вывел войско из Ливонии и возвратил все взятые им города: «иначе (писал он) я должен буду оружием защитить мою собственность: ибо магистр торжественно назвал себя присяжником Великого герцогства Литовского. Мнимые права России на Ливонию суть новый вымысел: ни отец, ни дед твой,

ни ты сам доныне не объявлял их». Володкович словесно убеждал бояр московских способствовать миру, открывая им тайну, что польские вельможи готовы свергнуть короля, если он не вступится за Ливонию. Иоанн, велев показать ему договорную магистрову грамоту о дерптской дани, сказал: «вот наше право!» и, по совету бояр, отвечал Августу: «Не только Богу и всем государям, но и *самому народу* известно, кому принадлежит Ливония. Она, с ведома и согласия нашего, избирая себе немецких магистров и *мужей духовных*, всегда платила дань России. Твои требования смешны и непристойны. Знаю, что магистр ездил в Литву и беззаконно отдал тебе некоторые крепости: если хочешь мира, то выведи оттуда всех своих начальников и не вступайся за изменников, коих судьба должна зависеть от нашего милосердия. Вспомни, что честь обязывает государей и делать и говорить правду. Искренно хотев быть в союзе с тобою против неверных, не отказываюсь и теперь заключить его. *Жду* от тебя послов и благоразумнейших предложений». Иоанн *ждал* войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же приехал в Москву гонец из Вены от цесаря Фердинанда, который, не имев дотоле сношения с Россиею, писал к Иоанну, что желает его дружбы и просит не воевать Ливонии, имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но государь сухо ответствовал Фердинанду, что «если он, подобно Максимилиану и Карлу V, действительно хочет дружества России, то должен объясниться с ним чрез послов, людей именитых: ибо с гонцами не рассуждают о делах важных» — и не сказал более ни слова, хотя император, как законный покровитель ордена, справедливее Литвы и Дании мог за него вступиться.

Между тем Ливония пылала. Россияне вслед за бегущим Кетлером устремились из Дерпта с огнем и мечом казнить вероломство; подступили к Тарвасту, где находился старый магистр Фирстенберг, стоптали его в сделанной им вылазке, сожгли предместие и побили немцев у Феллина; а главные воеводы московские, князья Мстиславский, Шуйский, Серебряный, разгромили всю землю от Псковского озера до Рижского залива, в уездах Венденском, Вольмарском, где еще многие места оставались целы до сего нового и для бедных жителей нечаянного впадения. Напрасно искав магистра и битвы в поле,

воеводы пришли к *Алысту*, или Мариенбургу. Сей городок был тогда одним из прекраснейших в Ливонии; стоял на острове среди большого озера и казался недоступным в летнее время: зима проложила к нему путь, и россияне, докатив тяжелый снаряд огнестрельный (коим управлял боярин Михайло Морозов, славный казанскою осадою), в несколько часов разбили до основания стену. Немцы благоразумно сдалися; но глава их, командор Зибург, умер за то в Кирхгольмской темнице: ибо магистр хотел, чтобы орденские сановники защищали крепости подобно Укскилю и Кошкарову. Воеводы, исправив стены, оставили в Мариенбурге сильную дружину, возвратились во Псков и получили от государя золотые медали. — Весною россияне опять ходили из Дерпта в Эстонию; выманили немцев из Верпеля и засадою истребили всех до одного человека; а так называемые *сторонщики* псковские, или вольница, уже не находя ничего в ливонских селах, искали земледельцев и толпами гнали их для продажи в Россию.

Но Иоанн, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотел как можно скорее управиться с орденом и еще в конце зимы послал новую рать к Дерпту с князем Андреем Курбским. Желая изъявить ему особенную доверенность, он призвал его к себе в спальню; исчислил все знаменитые дела сего храброго мужа и сказал: «Мне должно или самому ехать в Ливонию, или вместо себя послать воеводу опытного, бодрого, смелого с благоразумием: избираю тебя, моего *любимого*! Иди и побеждай!» Иоанн умел пленять своих ревностных слуг: Курбский в восторге целовал руку державного. Юный государь обещал неизменную милость, юный боярин — усердие до конца жизни: оба не сдержали слова, к несчастию своему и России!.. Помощником Курбского был славный Данило Адашев. Они в исходе мая выступили из Дерпта к *Белому Камню*, или Виттенштейну; взяли крепкий замок епископа ревельского, Фегефеер; опустошили богатейшую область Коскильскую, где находилось множество прекрасных усадеб рыцарских, схватили отряд немецкий под самым Виттенштейном и, сведав от пленников, что бывший магистр Фирстенберг с девятью полками, конными и пехотными, стоит в осьми милях от города, за вязкими болотами, решились идти на него с пятью тысячами легких, отборных воинов, послав в Дерпт обозы с добычею. Целый день

россияне вязли в болотах, и если бы Фирстенберг ударил в сие время, то с меньшим числом истребил бы их совершенно; но он ждал неприятеля на гладком широком поле, в десяти верстах оттуда. Солнце садилось. Россияне дали отдохнуть коням; шли тихо в лунную, самую яснейшую ночь, какая бывает летом только в местах приморских; увидели немцев, готовых к бою, и сразились в самую полночь. Около двух часов продолжалась сильная пальба; наши имели ту выгоду, что стояли лицом к огням неприятельским и лучше могли целить. Курбский оставил назади запасное войско, оно приспело: россияне устремились вперед, сломили, гнали немцев верст шесть, до глубокой реки, где мост обрушился под бегущими. Фирстенберг спасся с немногими: одни утонули, другие пали от меча или сдалися. Курбский на восходе солнца возвратился к магистрову стану; взял весь его обоз и привел в Дерпт сто семьдесят чиновных пленников.— Сей воевода в два месяца одержал еще шесть или семь побед; важнейшею была Феллинская. Фирстенберг охранял сию крепость: видя несколько сот татарских всадников перед стенами, он выехал с дружиною, попался в засаду и едва ускакал на борзом коне, оставив многих рыцарей на месте битвы.

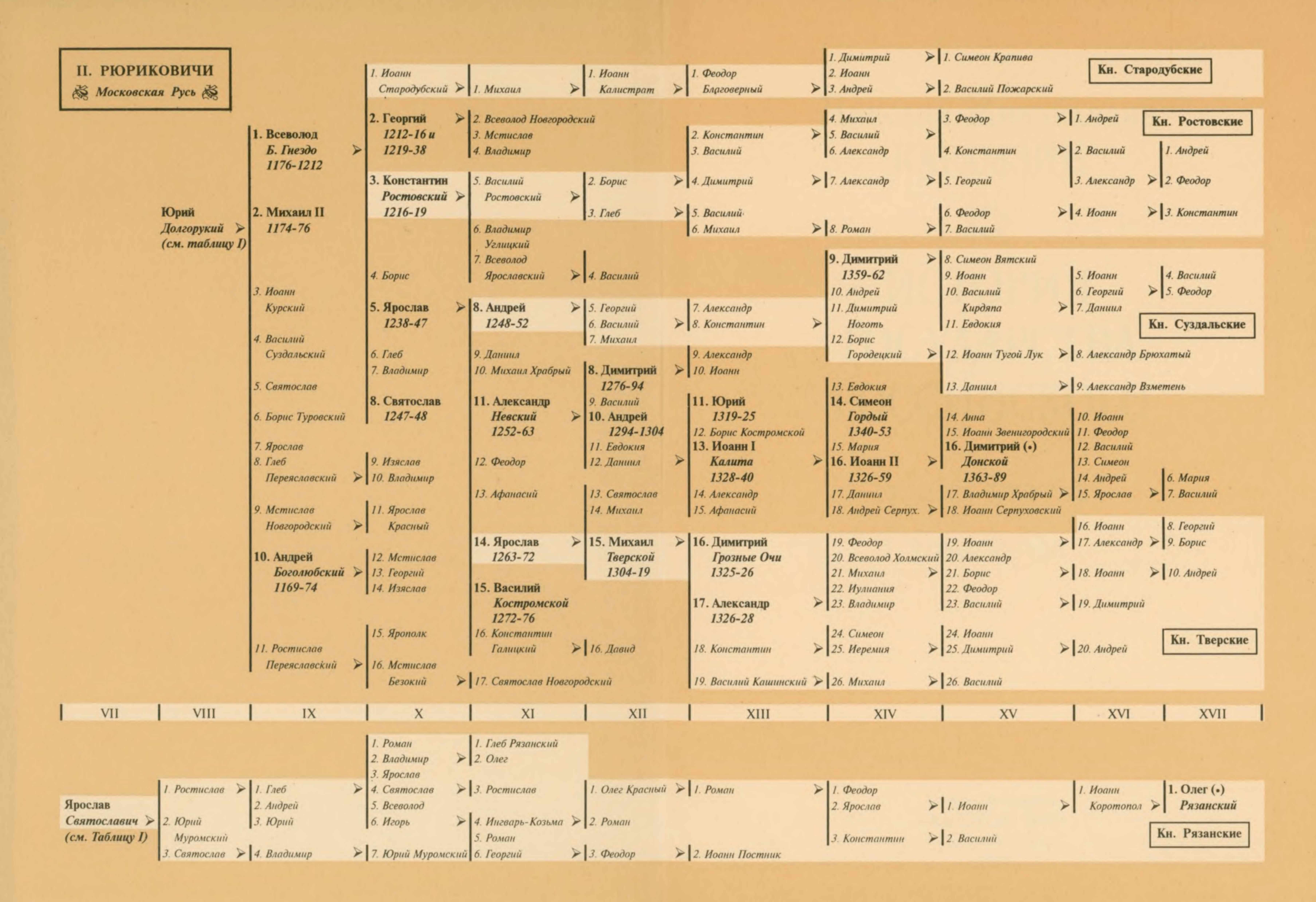
Но в то время, как сильная рука Иоаннова давила слабую Ливонию, небо готовило ужасную перемену в судьбе его и России.

Тринадцать лет он наслаждался полным счастием семейственным, основанным на любви к супруге нежной и добродетельной. Анастасия еще родила сына, Феодора, и дочь Евдокию; цвела юностию и здравием: но в июле 1560 года занемогла тяжкою болезнию, умноженною испугом. В сухое время, при сильном ветре, загорелся Арбат; тучи дыма с пылающими головнями неслися к Кремлю. Государь вывез больную Анастасию в село Коломенское; сам тушил огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоял против ветра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостию возбудил такое рвение в знатных чиновниках, что дворяне и бояре кидались в пламя, ломали здания, носили воду, лазили по кровлям. Сей пожар несколько раз возобновлялся и стоил битвы: многие люди лишились жизни или остались изувеченными. Царице от страха и беспокойства сделалось хуже. Искусство медиков не имело успеха, и, к отчаянию суп-

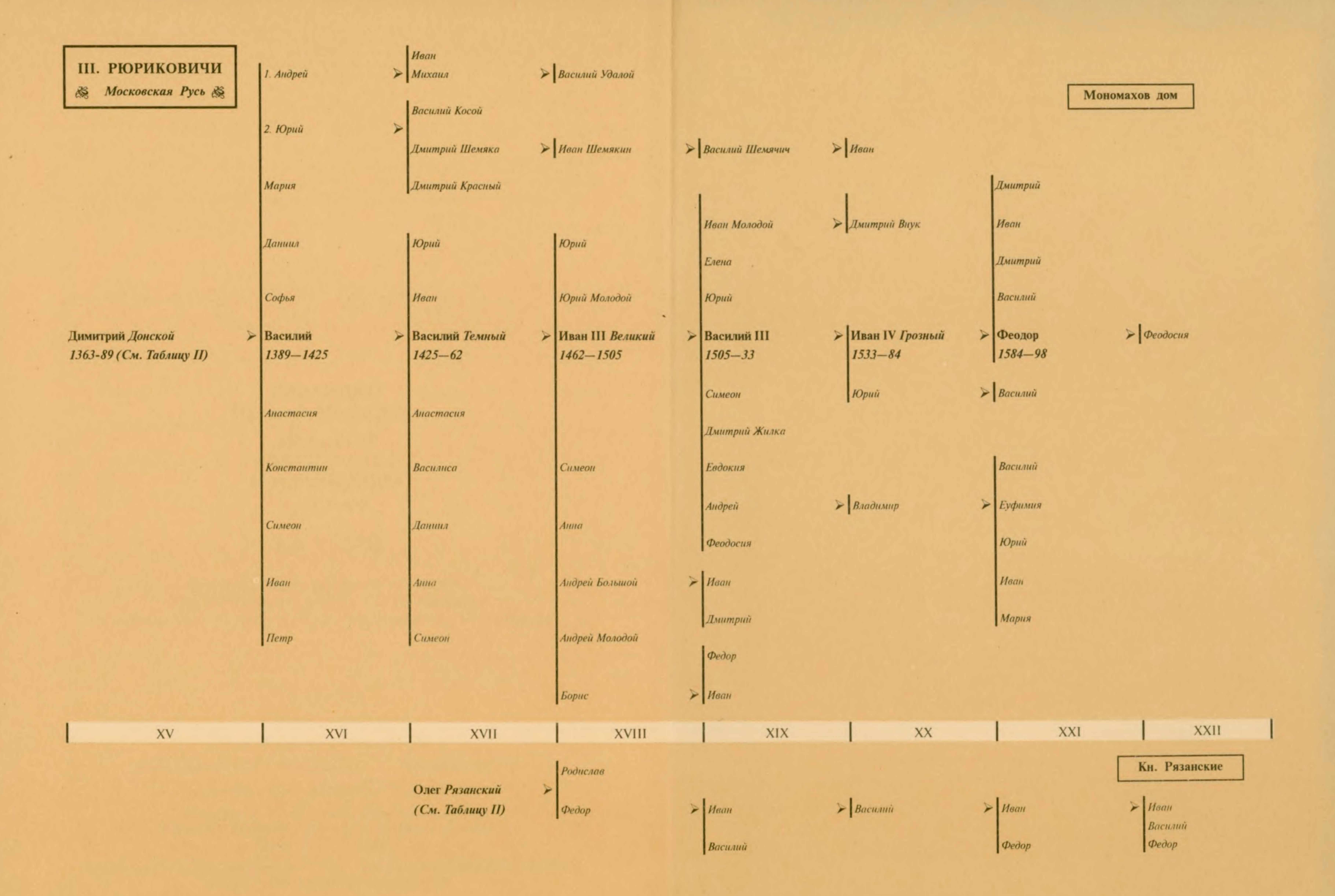
руга, Анастасия 7 августа, в пятом часу дня, преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умилительнее и сильнее. Не двор один, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнейшую царицу. Когда несли тело в Девичий Вознесенский монастырь, народ не давал пути ни духовенству, ни вельможам, теснясь на улицах ко гробу. Все плакали, и всех неутешнее бедные, нищие, называя Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады в сей день печали. Иоанн шел за гробом: братья, князья Юрий, Владимир Андреевич и юный царь казанский, Александр, вели его под руки. Он стенал и рвался: один митрополит, сам обливаясь слезами, дерзал напоминать ему о твердости христианина... Но еще не знали, что Анастасия унесла с собою в могилу!

Здесь конец счастливых дней Иоанна и России: ибо он лишился не только супруги, но и добродетели, как увидим в следующей главе.

Конец VIII тома

II. РЮРИКОВИЧИ
Московская Русь
Юрий Долгорукий (см. таблицу I)
1. Всеволод Б. Гнездо 1176-1212
2. Михаил II 1174-76
3. Иоанн Курский
4. Василий Суздальский
5. Святослав
6. Борис Туровский
7. Ярослав
8. Глеб Переяславский
9. Мстислав Новгородский
10. Андрей Боголюбский 1169-74
11. Ростислав Переяславский
1. Иоанн Стародубский
2. Георгий 1212-16 и 1219-38
3. Константин Ростовский 1216-19
4. Борис
5. Ярослав 1238-47
6. Глеб
7. Владимир
8. Святослав 1247-48
9. Изяслав
10. Владимир
11. Ярослав Красный
12. Мстислав
13. Георгий
14. Изяслав
15. Ярополк
16. Мстислав Безокий
1. Михаил
2. Всеволод Новгородский
3. Мстислав
4. Владимир
5. Василий Ростовский
6. Владимир Углицкий
7. Всеволод Ярославский
8. Андрей 1248-52
9. Даниил
10. Михаил Храбрый
11. Александр Невский 1252-63
12. Феодор
13. Афанасий
14. Ярослав 1263-72
15. Василий Костромской 1272-76
16. Константин Галицкий
17. Святослав Новгородский
1. Иоанн Калистрат
2. Борис
3. Глеб
4. Василий
5. Георгий
6. Василий
7. Михаил
8. Димитрий 1276-94
9. Василий
10. Андрей 1294-1304
11. Евдокия
12. Даниил
13. Святослав
14. Михаил
15. Михаил Тверской 1304-19
16. Давид
1. Феодор Благоверный
2. Константин
3. Василий
4. Димитрий
5. Василий
6. Михаил
7. Александр
8. Константин
9. Александр
10. Иоанн
11. Юрий 1319-25
12. Борис Костромской
13. Иоанн I Калита 1328-40
14. Александр
15. Афанасий
16. Димитрий Грозные Очи 1325-26
17. Александр 1326-28
18. Константин
19. Василий Кашинский
1. Димитрий
2. Иоанн
3. Андрей
4. Михаил
5. Василий
6. Александр
7. Александр
8. Роман
9. Димитрий 1359-62
10. Андрей
11. Димитрий Ноготь
12. Борис Городецкий
13. Евдокия
14. Симеон Гордый 1340-53
15. Мария
16. Иоанн II 1326-59
17. Даниил
18. Андрей Серпух.
19. Феодор
20. Всеволод Холмский
21. Михаил
22. Иулиания
23. Владимир
24. Симеон
25. Иеремия
26. Михаил
1. Симеон Крапива
2. Василий Пожарский
3. Феодор
4. Константин
5. Георгий
6. Феодор
7. Василий
8. Симеон Вятский
9. Иоанн
10. Василий Кирдяпа
11. Евдокия
12. Иоанн Тугой Лук
13. Даниил
14. Анна
15. Иоанн Звенигородский
16. Димитрий (•) Донской 1363-89
17. Владимир Храбрый
18. Иоанн Серпуховский
19. Иоанн
20. Александр
21. Борис
22. Феодор
23. Василий
24. Иоанн
25. Димитрий
26. Василий
1. Андрей
2. Василий
3. Александр
4. Иоанн
5. Иоанн
6. Георгий
7. Даниил
8. Александр Брюхатый
9. Александр Взметень
10. Иоанн
11. Феодор
12. Василий
13. Симеон
14. Андрей
15. Ярослав
16. Иоанн
17. Александр
18. Иоанн
19. Димитрий
20. Андрей
1. Андрей
2. Феодор
3. Константин
4. Василий
5. Феодор
6. Мария
7. Василий
8. Георгий
9. Борис
10. Андрей
Кн. Стародубские
Кн. Ростовские
Кн. Суздальские
Кн. Тверские
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
Ярослав Святославич (см. Таблицу I)
1. Ростислав
2. Юрий Муромский
3. Святослав
1. Глеб
2. Андрей
3. Юрий
4. Владимир
1. Роман
2. Владимир
3. Ярослав
4. Святослав
5. Всеволод
6. Игорь
7. Юрий Муромский
1. Глеб Рязанский
2. Олег
3. Ростислав
4. Ингварь-Козьма
5. Роман
6. Георгий
1. Олег Красный
2. Роман
3. Феодор
1. Роман
2. Иоанн Постник
1. Феодор
2. Ярослав
3. Константин
1. Иоанн
2. Василий
1. Иоанн Коротопол
1. Олег (•) Рязанский
Кн. Рязанские

III. РЮРИКОВИЧИ
Московская Русь
Мономахов дом
Димитрий Донской
1363-89 (См. Таблицу II)
1. Андрей
2. Юрий
Мария
Даниил
Софья
Василий
1389—1425
Анастасия
Константин
Симеон
Иван
Петр
Иван
Михаил
Василий Удалой
Василий Косой
Дмитрий Шемяка
Иван Шемякин
Василий Шемячич
Иван
Дмитрий Красный
Юрий
Иван
Василий Темный
1425—62
Анастасия
Василиса
Даниил
Анна
Симеон
Юрий
Юрий Молодой
Иван III Великий
1462—1505
Симеон
Анна
Андрей Большой
Андрей Молодой
Борис
Иван Молодой
Дмитрий Внук
Елена
Юрий
Василий III
1505—33
Симеон
Дмитрий Жилка
Евдокия
Андрей
Феодосия
Иван
Дмитрий
Федор
Иван
Иван IV Грозный
1533—84
Юрий
Владимир
Дмитрий
Иван
Дмитрий
Василий
Феодор
1584—98
Феодосия
Василий
Василий
Еуфимия
Юрий
Иван
Мария
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
XXII
Кн. Рязанские
Олег Рязанский
(См. Таблицу II)
Родислав
Федор
Иван
Василий
Василий
Иван
Федор
Иван
Василий
Федор

РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ РЮРИКОВИЧЕЙ [1]

II. МОСКОВСКАЯ РУСЬ

9.1. Всеволод (Большое Гнездо), в. кн. Владимирский, † 1212. 9.2. Михаил, кн. Владимирский, † 1176. 9.3. Иоанн, кн. Курский, † 1147. 9.4. Василий, кн. Суздальский, 1162. 9.5. Святослав, † 1174. 9.6. Борис, кн. Белгородский, Туровский, † 1159. 9.7. Ярослав, † 1166. 9.8. Глеб, кн. Переяславский, † 1171. 9.9. Мстислав, кн. Новгородский, 1162. 9.10. Андрей (Боголюбский), кн. Владимирский, † 1174. 9.11. Ростислав, кн. Переяславский, † 1151.

10.1. Иоанн, кн. Стародубский, † 1239. 10.2. Георгий, кн. Суздальский, † 1238. 10.3. Константин (Ростовский), кн. Владимирский и Суздальский, † 1218. 10.4. Борис, † 1188. 10.5. Ярослав, кн. Владимирский, † 1247. 10.6. Глеб, † 1189. 10.7. Владимир, † 1228. 10.8. Святослав, † 1259. 10.9. Изяслав, † 1183. 10.10. Владимир, † 1187. 10.11. Ярослав (Красный), кн. Волоколамский, † 1199. 10.12. Мстислав, † 1173. 10.13. Георгий, жена — грузинская царица Тамарь, начало XIII века. 10.14. Изяслав, † 1165. 10.15. Ярополк, † 1196. 10.16. Мстислав (Безокий), кн. Новгородский, † 1178.

11.1. Михаил, 1281. 11.2. Всеволод, кн. Новгородский, † 1238. 11.3. Мстислав, † 1238. 11.4. Владимир, † 1238. 11.5. Василий, кн. Ростовский, † 1238. 11.6. Владимир, кн. Углицкий, † 1249. 11.7. Всеволод, кн. Ярославский, † 1238. 11.8. Андрей, † 1264. 11.9. Даниил, † 1256. 11.10. Михаил Храбрый, † 1248. 11.11. Александр (Невский), † 1263, кн. Новгородский, Дмитровский, Переяславский, в. кн. Киевский, в. кн. Владимирский; жена 1 — Александра, дочь Брячислава, кн. Полоцкого, 2 — Василиса. 11.12. Феодор, † 1233. 11.13. Афанасий. 11.14. Ярослав, † 1272. 11.15. Василий Костромской, † 1276. 11.16. Константин, кн. Галицкий, † 1255. 11.17. Святослав, кн. Новгородский, † 1176.

12.1. Иоанн Калистрат, † 1315. 12.2. Борис, † 1277. 12.3. Глеб, † 1278. 12.4. Василий, †1249. 12.5. Георгий, 1269. 12.6. Василий, † 1309. 12.7. Михаил, 1305. 12.8. Димитрий, кн. Переяславский, в. кн. Владимирский, † 1294. 12.9. Василий (после 1239—1271). 12.10. Андрей, 1304, кн. Городецкий, Костромской, в. кн. Владимирский. 12.11. Евдокия. 12.12. Даниил (1265—1303), в. кн. Московский, кн. Переяславский. 12.13. Святослав, 1292. 12.14. Михаил, † 1272. 12.15. Михаил Тверской, † 1319. 12.16. Давид, † 1280.

13.1. Феодор Благоверный, 1330. 13.2. Константин, † 1307. 13.3. Василий, 1268. 13.4. Димитрий, † 1294. 13.5. Василий, † 1263. 13.6. Михаил, 1281. 13.7. Александр, † 1333. 13.8. Константин, †1355. 13.9. Александр, † 1292. 13.10. Иоанн, † 1302. 13.11. Юрий, кн. Переяславский, Московский, в. кн. Владимирский, † 1325. 13.12. Борис, кн. Костромской, † 1320. 13.13. Иоанн I Калита (1304—1340), кн. Московский, в. кн. Владимирский и Московский; жена 1 — Елена, † 1331, 2 — Ульяна. 13.14. Александр, † 1308. 13.15. Афанасий, † 1322. 13.16. Димитрий Грозные Очи, † 1326. 13.17. Александр, † 1339. 13.18. Константин, † 1346. 13.19. Василий, кн. Кашинский, † 1368.

14.1. Димитрий, † 1355. 14.2. Иоанн, 1356. 14.3. Андрей, 1380. 14.4. Михаил, 1286. 14.5. Василий, 1316. 14.6. Александр, 1294. 14.7. Александр, 1286. 14.8. Роман, 1339. 14.9. Димитрий, † 1383. 14.10. Андрей, † 1365. 14.11. Димитрий Ноготь, 1375. 14.12. Борис Городецкий, † 1394. 14.13. Евдокия, † 1342. 14.14. Симеон Гордый (1318—1353), в. кн. Владимирский и Московский. 14.15. Мария, † 1365. 14.16. Иоанн II (1326—1359), в. кн. Владимирский и Московский; жена 1 — Феодосия, д. Димитрия, кн. Брянского, † 1342, 2 — Александра, † 1362. 14.17. Даниил (р. 1320). 14.18. Андрей (1327—1353), кн. Серпуховской. 14.19. Феодор, † 1339. 14.20. Всеволод, кн. Холмский, † 1365. 14.21. Михаил, † 1399. 14.22. Иулиания, замужем за Ольгердом Литовским. 14.23. Владимир, † 1365. 14.24. Симеон, † 1365. 14.25. Иеремия, † 1373. 14.26. Михаил, † 1345.

15.1. Симеон Крапива, † 1368. 15.2. Василий Пожарский. 15.3. Феодор, † 1331. 15.4. Константин, † 1365. 15.5. Георгий, † 1320. 15.6. Феодор, † 1380. 15.7. Василий. 15.8. Симеон, кн. Вятский, † 1402. 15.9. Иоанн, 1377. 15.10. Василий Кирдяпа, † 1403. 15.11. Евдокия. 15.12. Иоанн Тугой Лук, 1418. 15.13. Даниил, 1418. 15.14. Анна. 15.15. Иоанн (после 1350—1364) кн. Звенигородский. 15.16. Димитрий Донской (1350—1389), кн. Московский, в. кн. Владимирский и Московский; жена — Евдокия, дочь Дмитрия Константиновича, в. кн. Суздальского. 15.17. Владимир Храбрый (1353—1410), кн. Серпуховской. 15.18. Иоанн, кн. Серпуховский, † 1358. 15.19. Иоанн, † 1426. 15.20. Александр, 1386. 15.21. Борис, † 1395. 15.22. Феодор, 1406. 15.23. Василий, 1426. 15.24. Иоанн, 1406. 15.25. Димитрий, † 1406. 15.26. Василий, кн. Кашинский, † 1382.

16.1. Андрей, 1380. 16.2. Василий, 1380. 16.3. Александр, 1380. 16.4. Иоанн, † 1380. 16.5. Иоанн, † 1417. 16.6. Георгий. 16.7. Даниил, † 1412. 16.8. Александр Брюхатый, † 1418; жена — Василиса, дочь Василия Димитриевича,

---

[1] Продолжение. Начало см. кн. 1-я.

внучка Димитрия Донского. 16.9. Александр Взметень, 1418. 16.10. Иоанн, 1410. 16.11. Феодор, 1390. 16.12. Василий, † 1427. 16.13. Симеон, † 1426. 16.14. Андрей, † 1426. 16.15. Ярослав, † 1426. 16.16. Иоанн, 1406. 16.17. Александр, † 1426. 16.18. Иоанн, 1408. 16.19. Димитрий, 1400. 16.20. Андрей, 1418.

17.1. Андрей, 1417. 17.2. Феодор, 1418. 17.3. Константин, 1393. 17.4. Василий, 1446. 17.5. Феодор, 1472. 17.6. Мария. 17.7. Василий, †1483. 17.8. Георгий, † 1426. 17.9. Борис, † 1461. 17.10. Андрей, 1437.

РЯЗАНСКИЕ КНЯЗЬЯ

8.1. Ростислав, 1153. 8.2. Юрий, кн. Муромский, † 1174. 8.3. Святослав, † 1145. 9.1. Глеб, † 1177. 9.2. Андрей, 1147. 9.3. Юрий. 9.4. Владимир, † 1161. 10.1. Роман, 1207. 10.2. Владимир, 1195. 10.3. Ярослав, 1198. 10.4. Святослав, 1207. 10.5. Всеволод, † 1206. 10.6. Игорь, † 1195. 10.7. Юрий, кн. Муромский, † 1175. 11.1. Глеб, кн. Рязанский, † 1219. 11.2. Олег, 1207. 11.3. Ростислав, † 1217. 11.4. Ингварь-Косьма, 1219. 11.5. Роман, † 1217. 11.6. Георгий, † 1237. 12.1 Олег Красный, † 1250. 12.2. Роман, † 1237. 12.3. Феодор, † 1237. 13.1. Роман, 1270. 13.2. Иоанн Постник, † 1237. 14.1. Феодор, † 1293. 14.2. Ярослав. 14.3. Константин, † 1307. 15.1. Иоанн, † 1327. 15.2. Василий, † 1308. 16 1. Иоанн Коротопол, † 1343. 17.1. Олег Рязанский, † 1402.

III. МОСКОВСКАЯ РУСЬ. РОД ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

16.1. Андрей, 1382 – 1432, кн. Можайский, Верейский, Белозерский; жена — Аграфена, дочь Александра Патрикеевича, кн. Стародубского. 16.2. Юрий, 1374 – 1434, кн. Галицкий, Звенигородский, Дмитровский, в. кн. Московский; жена — Анастасия, † 1422, дочь Юрия Святославича, кн. Смоленского. 16.3. Мария, † 1399. 16.4. Даниил (1377 – 1389). 16.5. Софья. 16.6. Василий I (1371 – 1425), в. кн. Владимирский и Московский; жена — Софья, † 1453, дочь Витовта, в кн. Литовского. 16.7. Анастасия. 16.8. Константин (1389 – 1433), кн. Угличский. 16.9. Симеон, † 1379. 16.10. Иоанн (1380 – 1389). 16.11. Петр (1385 – 1428), кн. Дмитровский, Угличский.

17.1. Иоанн (1430 – 1471). 17.2. Михаил (1432 – 1486), кн. Верейский. 17.3. Василий Косой (1433 – 1448), в. кн. Московский, кн. Галицкий. 17.4. Димитрий Шемяка (1433 – 1453), кн. Галицкий, в. кн. Московский; жена — Софья, дочь кн. Димитрия Заозерского. 17.5 Димитрий Красный (1433 – 1441), кн. Галицкий. 17.6. Юрий (1395 – 1400). 17.7. Иоанн (род. 1396). 17.8. Василий II Темный (1415 – 1462), вел. кн. Московский, кн. Коломенский; жена — Мария Ярославна 17.9. Анастасия, † 1470. 17.10. Василиса. 17.11. Даниил (1401 – 1402). 17.12. Анна, † 1414. 17.13. Симеон, 1405.

18.1. Василий Удалой (1468 – 1501). 18.2. Иоанн Шемякин (1446 – 1471). 18.3. Юрий Большой (1437 – 1441). 18.4. Юрий Молодой (1441 – 1472), кн. Дмитровский, Можайский, Серпуховский. 18.5. Иоанн III Великий (1440 – 1505), в. кн. Московский; жена 1 — Мария (1442 – 1467), дочь Бориса Александровича, в. кн. Тверского; 2 — Софья (1448 – 1503), дочь Фомы Палеолога. 18.6. Симеон (1447 – 1449). 18.7. Анна (1451 – 1501). 18.8. Андрей Большой. 18.9. Андрей Молодой (1446 – 1494), кн. Угличский, Звенигородский, Можайский. 18.10. Борис (1449 – 1494), кн. Волоцкий и Рузский.

19.1. Василий Шемячич, † 1529. 19.2. Иоанн Молодой (1458 – 1490), в. кн. Тверской. 19.3. Елена (1476 – 1513). 19.4. Юрий (1480 – 1536), кн. Дмитровский. 19.5. Василий III (1479 – 1533), в. кн. Московский; жена 1 — Соломония, дочь Георгия Сабурова, разведены 1526; 2 — Елена, † 1538, дочь кн. Василия Глинского. 19.6. Симеон (1487 – 1517), кн. Калужский. 19.7. Димитрий Жилка (1481 – 1521), кн. Угличский. 19.8. Евдокия (1492 – 1513). 19.9. Андрей (1490 – 1536), кн. Старицкий. 19.10. Феодосия (1485 – 1505). 19.11. Иоанн, † 1522. 19.12. Димитрий, 1540. 19.13. Феодор (1476 – 1513), кн. Волоцкий. 19.14. Иоанн (1490 – 1503), кн. Рузский.

20.1. Иоанн, † 1561. 20.2. Димитрий Внук (1483 – 1509), в. кн. Владимирский. 20.3. Иоанн IV Грозный (1530 – 1584), в. кн. Московский, царь с 1547; жена 1 — Анастасия, дочь Романа Юрьевича Захарьина, одного из предков дома Романовых, † 1560; 2 — Мария, дочь Темрюка, кн. Кабардинского, † 1569; 3 — Марфа, дочь Василия Собакина, † 1571; 4 — Анна, дочь Алексея Колтовского, разведены 1575; 5 — Анна Васильчикова, разведены 1576; 6 — Мария, дочь Федора Нагого † 1612. 20.4. — Юрий (1533 – 1563), кн. Угличский; 20.5. — Владимир (1533 – 1569), кн. Старицкий; жена 1 — Евдокия, дочь Александра Нагого, † 1554, 2 — Евдокия, дочь кн. Романа Одоевского, † 1569.

21.1. Анна. 21.2. Мария. 21.3. Димитрий (1552 – 1553). 21.4. Иоанн (1554 – 1582). 21.5. Св. Димитрий (1582 – 1591). 21.6. Василий (2 марта — 6 мая 1563). 21.7. Феодор (1557 – 1598), жена — Ирина, дочь Федора Годунова, сестра Бориса Годунова. 21.8. Василий. 21.9. Василий (1552 – 1573). 21.10. Еуфимия (1553 – 1571). 21.11. Юрий (1563 – 1569). 21.12. Иоанн (6 января 1569 – 1569). 21.13. Мария (1560 – 1597). 21.14. Евдокия (1561 – 1570).

22.1. Федосия (1592 – 1594).

РЯЗАНСКИЕ КНЯЗЬЯ

18.1. Родислав, † 1406. 18.2. Феодор, 1409. 19.1. Иоанн, † 1456. 19.2. Василий, † 1407. 20.1. Василий, † 1483. 21.1. Иоанн, † 1500. 21.2. Феодор, † 1502. 22.1. Иоанн, 1521. 22.2. Василий. 22.3. Феодор.

СЛОВАРЬ

устаревших слов и значений

Алкоран — Коран.

Аманат — таль, заложник.

Арматы — пушки.

Басма — чеканка (с портретом).

Белец — готовящийся в постриг монах; быть бельцом — то есть быть новичком.

Берковец — десять пудов.

Бирюч — глашатай, герольд.

Болван — изваяние.

Боярские дети (отроки, пасынки) — то же, что гридни (см. *Гридник*).

Братняя система — система наследования княжеской власти не к сыну, а к брату, старшему в роду.

Брашно — яство, кушанье.

Векша — белка, беличий мех (эквивалент денег); позднее — мелкая монета из кожи.

Вено — приданое (к венцу); выкуп за невесту.

Вежа — шатер, палатка; грань, рубеж.

Великодушный — великий душой, геройский, мужественный.

Вина — долг, обязательство.

Вира — окуп, денежная пеня за убийство; цена крови.

Внука — внук или внучка.

Впадение — нападение.

Вратарь — привратник.

Горлатный мех — взятый у горла зверя (ценился особо).

Городские люди — ремесленники.

Гость — купец.

Греческая Вера — православие.

Гривна — женское украшение (медальон), которое носили на шее на цепи; серебряная монета.

Гридник, гридин — телохранитель князя, дружинник.

Дебрь — низина, овраг.

Дискос — предмет церковной утвари: блюдо.

Доблий — доблестный.

Железа — нарыв, опухоль, бубон.

Жильцы — уездные дворяне на службе у князя.

Житый, житочный — богатый, зажиточный, среднее сословие (между боярами и черным людом).

Зобница — мерная корзина.

Золотарь — золотых дел мастер, ювелир.

Знамение — печать, знак, примета.

Извет — донос.

Истома — изнурение.

Казнь — наказание.

Кади — мусульманский судья.

Камка́ — шелковая китайская ткань с разводами.

Капь — пуд.

Клятва — проклятье.

Клеврет — единомышленник.

Книжник — предсказатель, мудрец.

Ков, ковы — заговор, интриги.

Кознодей — строящий козни.

Козырь — высокий стоячий воротник.

Корысть — добыча.

Крестная грамота — договор, скрепленный целованием креста.

Крилошане — низшие церковнослужители (от крылос — искаж. клирос, место для церковного хора).

Куна — куница, куний мех (эквивалент денег); позднее — кожаные деньги.

Латинская Вера — католичество.

Ложница — спальня.

Луда — расшитая золотом верхняя одежда.

Лютый зверь — рысь.

Мамич — молочный брат.

Маршалок — старший боярин.

Моровая язва — чума.

Моровое поветрие — оспа.

Мусикийский — музыкальный.

Мусия — мозаика.

Мыт, мыто — кровавый понос, дизентерия.

Мягкая рухлядь — мех, пушнина.

Народное право — международное право.

Немцы — иноземцы (западные).

Низ, низовские земли — новгородское наименование владимирских, суздальских, московских земель.

Ногата — монета, четверть куны.

Номоканон — Кормчая книга: сборник церковных правил, законов светской власти и др. по управлению церковью.

Нунций — папский посол.

Обослаться — обменяться посланиями.
Обратить тыл — показать спину, бежать.
Окольничий — приближенный (тот, кто около).
Окуп — выкуп.
Опасная грамота — охранная грамота.
Оратай — пахарь; орать — пахать.
Острог — частокол, укрепление; временная ограда из бревен стоймя для защиты войска на стоянке.
Отложиться — отделиться.
Охабень — длинная верхняя одежда с 4-угольным откидным воротом.

Паки — опять, снова.
Панагия — нагрудный знак епископа.
Пард — барс.
Пастырский — пастуший.
Пасынок — см. *Боярские дети*.
Пенязи — деньги.
Перепеча — особый вид кулича.
Печатник — хранитель печати, канцлер.
Погост — село.
Поличное — улика, вещь, которая уличает.
По́рок — стенобитное орудие, таран.
Посадник — начальник посада (по́селенья вокруг крепости); воевода (выборный).
Потир — церковная утварь: чаша.
Поярковый — свалянный из поряка, шерсти первой стрижки овцы.
Предместник — предшественник.
Предупредить — опередить.
Презрительный — презренный.
Приказать — оставить кому-либо, передать, отдать.
Приличиться -- быть уличенным.
Пул, пула, пуло — мелкая медная монета, полушка.

Разметная грамота — объявление войны.
Рать -- войско; битва.
Резань — самая мелкая монета.
Ристание — битва, сражение.
Рост — проценты, нарастающие на долг.
Руга — годичное содержание попу и причту от прихода.
Рыбьи зубы — моржовый клык (в старину высоко ценился).
Рында — телохранитель, оруженосец.

Саженый — саженный, до пят (о кафтанах, шубе)
Сайгат — трофеи.
Сам-трет, сам-третий — втроем.
Село скудельничье — кладбище.
Складная грамота — снимающая мирные обязательства.
Славный — известный, знаменитый.

Снаряд — вооружение, оружие; обоз (войсковой).

Соблазн — волнение, смущение.

Совместник — соперник, противник.

Сорок — набор мехов, связка из 4-х десятков однородных шкурок.

Сочиво — кушанье, заправленное соком из конопляных, маковых семян и т. п.

Сретенье — встреча.

Станица — стая.

Стегно — бедро.

Стерво́ — падаль, мертвечина.

Стогны — площади, улицы.

Стяжания — владения.

Суконники — торговцы сукном.

Таль — см. *Аманат*.

Тараса — подкатной сруб для осады; наружное укрепление городской стены в виде сруба, часто крытого дранкой (драницей).

Тарханная грамота — охранная грамота, освобождающая от податей (тархан — вотчинник, свободный от налогов).

Тать — вор (татьба — воровство).

Терлик — длинный кафтан с короткими рукавами и перехватом.

Тесница — доска (в старину доски тесали, не пилили).

Темник — начальник большого войска (тьмы).

Тиун — управитель, назначенный князем, боярином; приказчик.

Томный — утомленный.

Тук — жир.

Тур — плетеная большая корзина без дна, засыпанная землей, для защиты нападающих на крепость; тур на колесах — осадная башня.

Тысяцкий, тысячский — выборный (в Новгороде) или назначаемый князем военачальник, возглавлял народное ополчение.

Украйна — окраина (напр., московская украйна — южный рубеж московских земель).

Упраздниться — освободиться.

Фелон, фелонь — верхняя одежда, риза священнослужителя.

Ферезь, ферязь — верхняя одежда без перехвата и воротника.

Фрязин, фряг, фряз — итальянец.

Харатья, хартия — старинная рукопись на пергаменте (пергамене).

Хоругвь — знамя, стяг.

Целовальник — присяжный чиновник, приносивший присягу целованием креста.

Чашник — придворная должность (прислужник за столом).

Чело — вышитая кичка (женский головной убор).

Чермный — рыжий.

Чернorизец — монах.

Черная дань — подушное (дань с черного люда).

Черная смерть — чума.

Честить — почитать, чествовать.

Язва, моровая язва — черная смерть, чума.

Ярославов двор — резиденция Ярослава Мудрого в Новгороде (XI в.), занимала обширное пространство, включала дворец, церкви, вечевую башню; во время независимости Новгорода была центром народовластия.

Ясак — подать, дань.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

в 12 томах

Том V—VIII

Ответственный редактор *М. С. Зимина*
Художественный редактор *Ю. П. Амбросов*
Ответственные за выпуск: *Н. А. Мяготина, Н. В. Гаджиева*

ЛР № 064423 от 29 января 1996 г.

ООО «Золотой век», Санкт-Петербург, ул. Железноводская, 56.

Оригинал-макет изготовлен в ТО-Дизайн.

Подписано в печать 25.10.97. Формат 70×100[1]/16.
Гарнитура Кудряшов. Объем 45 п. л. Печать офсетная.
Тираж 15 000. Зак. № 39.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.